

Библиотека
**ОФИЦЕРСКОГО
СОБРАНИЯ**

АФГАНИСТАН (1979-1989)

Владимир КОШЕЛЕВ
ШТУРМ ДВОРЦА АМИНА:
ВЕРСИЯ ВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА

*Светлой памяти
Героя Советского Союза
генерал-майора спецназа ГРУ Генштаба
Колесника Василия Васильевича
п о с в я щ а е т с я*

*Эй, солдат, никто ничего ни о ком не знает, никто.
А обманщики всегда выходят сухими из воды.
С негодями ничего не случается.
Неужели вы этого до сих пор не знаете?..*

*«Время жить и время умирать»,
Э.М. Ремарк.*

Библиотека
«ОФИЦЕРСКОГО СОБРАНИЯ»

Владимир КОШЕЛЕВ

ШТУРМ ДВОРЦА АМИНА:

ВЕРСИЯ ВОЕННОГО
РАЗВЕДЧИКА

г. Люберцы
РОО «Союз писателей Подмосковья»
2007

ISBN 978-5-903185-11-5

*Автор выражает искреннюю признательность за помощь в
издании этой книги Н.М. Шубе, Г.М. Шорохову,
А.М. Ковалёву и Г.Н. Иванову,
особая благодарность – Юрию Николаевичу Стрельцову*

Рецензент - доктор исторических наук А.В. Окоороков.

К76 Кошелев В.М.

Штурм дворца Амина: версия военного разведчика.
(Серия «Библиотека «ОФИЦЕРСКОГО СОБРАНИЯ») /
Предисловие Н.М. Шубы – г. Люберцы. Московской области.,
РОО «Союз писателей Подмосковья», 2007. – 536 с.: ил. – 16.

ISBN 978-5-903185-11-5

В представляемой читательскому вниманию книге члена Союза писателей России и Национального союза писателей Украины, ветерана спецназа военной разведки и афганского похода советской армии Владимира Кошелева даётся анализ событий государственного переворота, произошедшего в Кабуле 27 декабря 1979 года. Основное внимание сосредоточено вокруг центрального пункта этого драматического действия – штурма советским спецназом ГРУ Генштаба и КГБ СССР дворца афганского диктатора Х. Амина. В основу данного исследования положены не только официальные документы того периода, но и воспоминания непосредственных участников этих событий, малоизвестные самодельные песенно-поэтические тексты офицеров спецназа. Многие выводы, наблюдения и оценки, сделанные автором, заставляют по-новому взглянуть на ряд фактических обстоятельств, связанных с принятием решения о вводе советских войск в Афганистан и практическим ходом осуществления этой акции.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-903185-11-5

© Владимир Кошелев

© РОО «Союз писателей Подмосковья»

© Вячеслав Кулик, художественное оформление

Слово к читателям

В последнее время вышло много изданий, претендующих на всестороннее освещение событий войны Советского Союза в Афганистане 1979-1989 годов. При этом значительная часть из них несёт явный отпечаток политических пристрастий авторов и, очевидно, по этой причине не может дать полной и объективной картины событий, связанных с принятием руководством КПСС и СССР решения о вводе войск в ДРА и свержении кровавой диктатуры Хафизуллы Амина. Всё это в полной мере касается освещения в современной литературе и периодике последующих действий спецназа военной разведки и госбезопасности, войсковых формирований и военных советников СССР, а также некоторых представителей афганской оппозиции по проведению 27 декабря 1979 года государственного переворота в Кабуле. Разумеется, прямое отношение это имеет и к кульминационному событию той широкомасштабной драмы, - штурму Тадж-Бека или дворца Х. Амина, как в дальнейшем его стало принято называть.

Как известно, эти события долгое время оставались тайной для подавляющего числа наших сограждан, таковыми они были и для большинства участников афганского похода советской армии. На день сегодняшний сказано на эту тему достаточно много. Но, как вполне справедливо заметил автор представляемой ныне читательскому вниманию книги, это не только не внесло ясность, но и породило ещё большую разноголосицу мнений. Мнений весьма противоречивых, порой

взаимоисключающих друг друга, когда освещение событий, связанных со штурмом спецназом ГРУ Генштаба и КГБ СССР дворца Тадж-Бек, превратилось в своеобразное состязание по сочинению всевозможных мифов и легенд.

Ветераны боевых действий в Афганистане по праву гордятся своей военной молодостью - они достойно исполнили свой воинский долг, явили высочайшие примеры взаимовыручки и самопожертвования, мужества и героизма. Вместе с тем солдаты - не политики, а исполнители воли руководства страны, принимающего то или иное правильное или не совсем правильное решение. Но зачастую получается так, что именно солдатам приходится нести на своих плечах тяжёлый груз ответственности и принимать несправедливые упреки за просчёты и ошибки лидеров своих стран. Так было, такое порой случается и сегодня, но так не должно быть.

В этой связи следует подчеркнуть, что и сам В.М. Кошелев, являющийся ветераном спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР и боевых действий в Афганистане, вовсе не претендует на «истину в конечной инстанции». Представляя различные факты, сопоставляя и анализируя их, сомневаясь и ставя вопросы, автор откровенно делится с читателем своими мыслями и как бы заочно ведёт с ним своеобразный доверительный разговор. Очевидно, именно в этом и состоит наибольшая ценность книги Владимира Кошелева.

Книга «Штурм дворца Х. Амина: версия военного разведчика» предназначена для широкого круга читателей.

Заместитель председателя
Всероссийской общественной
организации ветеранов
«БОЕВОЕ БРАТСТВО»,
Главный федеральный инспектор
в Московской области

Н.М. Шуба

Часть первая.
Подготовка и проведение операции
«Шторм-333» в Кабуле 27 декабря 1979
года: военно-историческое исследование

Президентский состав по Л. Брестин
 Президентский состав: Суворов-мл. А. Тихонов, Виталик А. Лавин, Л. А. Ковалев, Д. Ф., Устинов Д. Ф., Андреев Ю. В., Громыко А. А., Широкоев Н. А., Кошарев Б. А.

Соб. секретарь
 ОСОБЫЙ ПЛАНК

К положению в. А.

Вопросы и мероприятия, связанные с деятельностью м. м. Андреева Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А. в этих мероприятиях, осуществляемых в целях коррективы характера.

Вопрос, требующий решения ЦК, осуществляется в соответствии с Политбюро

Осуществление всех этих мероприятий в соответствии с м. м. Андреева Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А.

2. Поручить Г. Андрееву Ю. В., Устинову Д. Ф., Громыко А. А. инкорпорировать Политбюро ЦК о ходе выполнения, начисления мероприятий м. м. Андреева Ю. В., Устинова Д. Ф., Громыко А. А. секретарь ЦК Л. Брестин

«Кем были мы в стране далёкой?..»

(Вместо пролога)

Во второй половине декабря 1984 года в штабе войск Одесского военного округа автор этих строк получил заграничный паспорт и предписание убыть в распоряжение командующего ТуркВО. Сдача должности, прощание с родными и близкими, офицерская застольная с друзьями по 357-му танковому полку 28-й гвардейской мотострелковой дивизии, дислоцировавшемуся в то время в военном городке Гвардейское под Одессой, заняли времени немного. Солдатские сборы недолги.

Из всей той дорожной кутерьмы особо запомнилось, как перед самым отъездом ко мне домой заглянул один из бывших подчинённых. Это был рядовой Лазарь Трифон, убеждённый баптист, наотрез отказавшийся принимать присягу и брать в руки оружие. До прихода во взвод обеспечения нашего батальона парня шесть раз переводили по разным частям и донимали изрядно. Но у нас он как-то прижился. Тем более что со стороны комбата Владимира Курушина и моей, как его заместителя по политической части, он всегда пользовался особой заботой и даже покровительством.

– Товарищ капитан, – обратился солдат, – вы завтра уезжаете в Афганистан. Вот вам подарок от наших ребят и от меня тоже...

«От меня тоже» была небольшая Библия, в то время фактически запрещённая в Советском Союзе.

– Храни вас Бог!.. – сказал Лазарь и перекрестил своего бывшего комиссара.

А потом был самолёт Аэрофлота, следовавший по маршруту «Одесса-Ташкент», и перелёт на Ан-12 военно-транспортной авиации из столицы советского Узбекистана в Кабул. Через час или два по прибытии в Демократическую Республику Афганистан я представлялся кадровикам на втором этаже дворца Тадж-Бек. Тогда там находился штаб 40-й общевойсковой армии. Через каких-то полчаса в нагрудном

кармане моей форменной рубашки уже лежало предписание, обязывавшее убыть для дальнейшего прохождения службы в район славного города Герата в 101-й мотострелковый полк 5-й гвардейской мотострелковой дивизии.

Выйдя от кадровиков, в коридоре Тадж-Бека я буквально столкнулся с одним из недавних сослуживцев по Одессе. Он прибыл в Афганистан где-то на полгода раньше меня, но в штабе армии уже держался за старожила. После обычных в таких случаях расспросов мой собеседник сказал:

– А ты знаешь, что здесь, в здании дворца, творилось ровно пять лет назад?

И, увидев отразившееся на моём лице недоумение, продолжил:

– Тогда, ещё до ввода наших войск в ДРА, тут находилась резиденция Амина. Охраняли его наши бойцы из так называемого «мусульманского» батальона. А потом комитетчики получили приказ ночью штурмом взять Тадж-Бек и грохнуть супостата, о чём наши «мусульмане» ничего не знали. Вот это была резня! А когда разобрались, кто кого штурмует, уже поздно было: столько своих положили...

Почти ровно через год после того памятного разговора я вновь был в штабе 40-й, куда прибыл по приказу члена Военного Совета армии генерал-майора Щербакова. Целью этой поездки являлось собеседование в связи с моим назначением на должность заместителя командира 411-го отдельного отряда специального назначения военной разведки. Эта воинская часть в отличие от других аналогичных структур спецназа не вводилась в Афганистан из Союза, а формировалась непосредственно в ДРА. В силу определённых причин в её составе оказалось довольно много латышей, эстонцев и литовцев.

После соблюдения всех формальностей генерал Щербаков, бывший человеком интеллигентным, тактичным и, если так можно выразиться, политработником с большой буквы, обращаясь ко мне, неожиданно сказал:

– Интересное дело: получается так, что первый прибывший в Афганистан батальон спецназа был «мусульманским», а последний станет «прибалтийским». А ведь шесть лет назад

он, тот первый отряд, штурмовал дворец, в котором мы сейчас находимся. И, если бы не наши «мусульмане», кто знает, чем бы всё обернулось тогда, в декабре 1979 года. Правда, была потом перестрелка с десантниками, да не это главное...

Прошло время. СССР вывел свои войска из Афганистана. А в последующем не стало и самого Советского Союза, а также Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи и социалистического лагеря. По большому счёту, канула в Лету холодная война, хотя её отдельные рецидивы, прежде всего со стороны «победителей», порой проявляются и сегодня.

На постсоветском пространстве начали развиваться новые государства, руководство которых стало декларировать приверженность принципам демократии. Североатлантический блок НАТО подошёл вплотную к границам России. В Афганистан и Ирак вошли войска США и их союзников.

В августе 1991 года и в октябре 1993-го автору этой книги самому пришлось побывать в эпицентрах государственных переворотов в Москве. Довелось мне по делам статской службы находиться и в Таджикистане, где с начала 1990-х годов произошло несколько кровавых междоусобиц...

Тогда, летом 1993 года, по коридорам Дома правительства в Душанбе меня и генерал-майора Л.П. Петухова сопровождал командир российской 201-й гвардейской мотострелковой дивизии. Когда после приёма у премьер-министра Таджикистана мы вышли из дворца, Леонид Павлович, бывший в ту пору первым заместителем председателя комитета по делам воинов-интернационалистов при совете глав правительств СНГ, заметил:

– Красивое здание. Архитектура современная, но ощущения – будто побывал во дворце Амина в Кабуле.

Комдив, кстати, тоже бывший «афганец», в ответ утвердительно кивнул и сказал:

– Да, что-то неуловимое здесь присутствует. Правда, уж не помню, сколько раз мне со своими бойцами приходилось этот Дом захватывать, а сколько защищать...

Каждый раз случалось так, что вновь и вновь обстоятельства возвращали меня к тем далёким кабульским событиям декабря 1979 года, когда была открыта первая кровавая страница афганского похода советской армии. Здесь имелась такая разноголосица мнений, которая совершенно не вязалась с моими личными представлениями по данному вопросу.

Одна из этих точек зрения была высказана в книге «Уйти и не вернуться» Чингиза Абдуллаева, где штурм дворца афганского диктатора Хафизуллы Амина излагался следующим образом...

«...В ночь на 25 декабря при полном согласии афганского правительства Амина началась переброска советских войск в Афганистан. Десантные группы прибывали вместе с тяжёлой техникой. Разгрузка в аэропорту шла спокойно.

26 декабря вечером в Кабул прилетела «Альфа», готовая взять штурмом президентский дворец.

Продолжала прибывать бронетехника.

Утром 27 декабря вечером (так в тексте. – Примеч. В.К.) из Балашихинского центра подготовки разведчиков прилетела специальная группа сотрудников 8-го отдела и Управления «Т» под руководством полковника Бояринова.

Почти одновременно на дорогу Кабул-Чирикар был выброшен десант особой группы КГБ СССР «Октава», подчинявшийся лично председателю КГБ.

На государственной границе были сосредоточены ударные дивизии 40-й армии, готовые перейти реку Пяндж.

Талыбов получил задание на сигнал «Ч».

В три часа дня группа Бояринова начала переодеваться в афганскую форму.

В шесть вечера в Кабул с севера вошли сотрудники группы «Октава», продвигавшиеся к президентскому дворцу.

В семь часов вечера группа «Альфа» в аэропорту Кабула начала разгрузку. Бронетехника с шумом стала разворачиваться в сторону города.

В восемь часов вечера из Москвы вылетел самолёт с Бабраком Кармалем на борту. По конфиденциальной договорённости его должен был встречать в Кабуле бывший член его фракции, один из заместителей министра иностранных дел Афганистана Ш.М. Дост, уже давший согласие на сотрудничество с Б. Кармалем.

В девять вечера колонна грузовиков, танков, БМП вышла из аэропорта. Впереди на трёх БМП с афганскими опознавательными знаками ехала группа полковника Бояринова.

В девять вечера Талыбов подал плов-сабси, умело приготовленный с мясом и зеленью и обильно политый ядом.

В девять тридцать колонну останавливают афганские патрули. Они требуют разрешения на проезд такого количества бронетехники в центр города.

В девять тридцать Хафизулла Амин, лишь начав ужин, чувствует себя очень плохо. Срочно вызван врач из советского посольства, местным эскулапам диктатор давно не доверяет.

В девять сорок к КПП, ведущему в центр города, подтягиваются две полицейские машины и несколько солдат афганской армии, патрулирующих дорогу.

В девять сорок пять по приказу Бояринова группа открывает огонь на поражение. Сняв шлагбаум, уничтожив афганские посты, группа открывает дорогу колонне десантников и группе «Альфа».

В десять часов вечера прибывший врач из советского посольства делает промывание, укол, пытается спасти Амина.

В десять часов группа «Октава» находится уже в парке дворцового ансамбля.

В десять часов, почти не встречая сопротивления, советские войска вступают в город.

В десять тридцать Амин приходит в себя и засыпает в комнате. Советский врач остаётся рядом с ним.

...В десять группа Бояринова появляется у дворца Х. Амина. По приказу полковника начинается методичная «смена караула», убираются дежурные у ворот посты.

В одинадцать часов ворота вздрогнули от сильного взрыва. Группа Бояринова пошла на штурм здания. Группа «Альфа» блокирует дворец, не выпуская никого.

Непонимающие, в чём дело, охранники Амина гибнут под пулями офицеров Бояринова.

Амин, услышавший выстрелы, бросается бежать из своей спальни.

Ворвавшиеся в покои люди Бояринова убивают двух адъютантов, помощника, любовницу, советского врача и сотрудника посольства СССР. Группа «Альфа» идёт на штурм всего дворцового комплекса. Все афганцы внутри здания подлежат уничтожению.

Группа «Октава» уже в советской военной форме проходит через кухню во дворец.

Группа Бояринова никак не может найти Х. Амина, несмотря на отчаянные поиски. В это время афганский диктатор успевает сбежать вниз вместе с ещё одним адъютантом.

С верхнего, последнего этажа (так в тексте. – Примеч. В.К.) есть специальный ход — узкая лестница — в гараж.

Группа «Альфа» уже заканчивает боевые действия. Почти все оборонявшиеся погибли. Пленных не берут.

Появившиеся внизу, у входа в гараж, Амин и его адъютант замечены группой «Октава». По приказу командира группы полковника Гогоберидзе майор Козлов убивает Х. Амина и его адъютанта.

Следом появляются офицеры группы Бояринова, одетые в афганскую одежду. Их преследуют сотрудники «Альфы».

Самолёт с Бабраком Кармалем садится на полчаса в Ташкент и, заправившись, почти сразу взлетает, взяв курс на Кабул.

Оказавшись между двумя группами — «Альфой» и «Октавой» — сотрудники Бояринова перебиты все до одного.

Убит и сам полковник Бояринов. По категорическому приказу Андропова пленных не берут.

Передаётся обращение Бабрака Кармая о переходе всей власти в стране в руки нового революционного командования. По досадной случайности ещё не взято кабульское радио,

продолжающее работать в прежнем режиме. Весь мир слышит слова нового афганского лидера передаваемые... из Советского Союза.

В пять часов утра группа «Октава» покидает Кабул. Группа «Альфа» методично осматривает комнаты дворца, ожидая приезда Бабрака Кармаля.

В семь часов утра советские дивизии переходят реку Пяндж.

В девять часов утра Бабрак Кармаль уже по кабульскому радио обращается ко всему народу, передавая сообщение о новой власти в стране, о его просьбе к СССР ввести войска, о «справедливой казни агента американского империализма Хафизуллы Амина, казнённого по решению революционного трибунала».¹

Одним из побудительных мотивом ознакомить читателя с почти полной версией кабульских событий 27 декабря 1979 года в изложении Ч. Абдуллаева были напечатанные в его книге «угрозы» ничего подобного без согласования с ним не предпринимать. Однако попытаемся заверить автора, что сделано это только для того, чтобы опровергнуть в дальнейшем нашем повествовании подавляющее большинство упомянутых им «жареных фактов».

От комментариев, касающихся тех или иных конкретно названных автором имён действующих лиц, на данном этапе воздержимся. Ведь, с одной стороны, книга Ч. Абдуллаева – это как бы художественное произведение. А с другой стороны, её автор претендует на достоверность описываемых событий и действующих лиц. Но границы реальности и вымысла, на первый взгляд, здесь трудно ощутимы.

И это очень ловкая позиция: если Ч. Абдуллаева берут за руку при подтасовке фактов, он заявляет, что книга его «аз есмь» произведение художественное, – роман, понимаешь ли... И наоборот. Однако подобным манипулированием себе

---

¹ Абдуллаев Чингиз. Уйти и не вернуться. Моё прекрасное алиби. Романы. – Ростов-на-Дону: Издательство «Проф-Пресс», 1996. С. 55-56.

не позволяют заниматься другие, более добросовестные и ответственные писатели, взявшие на себя труд описать данные события в художественной прозе. Например, тот же Николай Иванов.

И всё-таки насколько художественный вымысел допустим, когда речь идёт о конкретных людях, о сотнях тысяч наших соотечественников, которые прошли через Афганистан? Ведь то, что произошло 27 декабря 1979 года во время штурма дворца Х. Амина, по большому счёту, имеет прямое отношение ко всем советским участникам боевых действий на территории ДРА (РА). И это вовсе не преувеличение, потому что знание правды о тех событиях в значительной мере позволяет ответить на вопрос, заданный моим другом поэтом-«афганцем» Игорем Морозовым: «Кем были мы в стране далёкой?..»

Раздел I: Основные источники информации

Я – солдат

Я – солдат. Сапоги и портянки,
Бляха медная, кожи шлея
И шинель, где обычно с изнанки
Цифра хлоркою... – это не я.

Я – солдат, я – страна, я – держава,
И меня родила в муках мать.
Я – позор, я – проклятье, я – слава.
Только, кто я, не мне выбирать.

Я – солдат. На меня не пеняйте:
В доме вашем довольно зеркал.
Эй, вы, люди, войной не играйте:
Я от этой работы устал.

Я – солдат, я – мгновенье, я – вечность,
Жизнь моя – это тонкая нить.
Уходя навсегда в бесконечность,
Я, надеюсь, смогу вас простить.

Я – солдат. Я – поверенный Смерти,
Для неё же – трава на покос.
А грехи мои... Вы их не мерьте:
Всё мне спишут Аллах и Христос.

Я – солдат. Я забыт сам собою.
Я – никто от макушки до пят:
Знайте, будет команда мне «К бою!» –
Это вами я снова распят.

*ДРА (411-й ооСнН) –
Одесса (411-й ОБГ),
1986–1987 годы*

25 декабря 1979 года официально был начат ввод частей и соединений экспедиционного контингента советских войск в Демократическую Республику Афганистан. Мировой и собственной общественности эта акция была представлена как проявление заботы Советского Союза о защите независимости и территориальной целостности соседствующего с ним дружественного государства. Осуществлявшийся ввод войск СССР на территорию ДРА проходил в основном мирно и даже с многочисленными проявлениями приязни со стороны афганского населения к советским воинам: народ устал от смут, междоусобиц, нескончаемой смены правительств и обильного потока будораживших общество непродуманных реформ и кровавых репрессий.

1. Несколько слов о том, как начиналась эта книга

Реальные, точнее плановые боевые действия советской армии в ходе афганской кампании начались с проведения боевой спецоперации 27 декабря 1979 года, в ходе которой был захвачен президентский дворец Тадж-Бек и ликвидирован узурпировавший в ДРА власть кровавый диктатор Хафизулла Амин. К решению этой задачи привлекались 154-й отдельный отряд специального назначения, более известный как «мусульманский» батальон Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых Сил СССР, внештатные отряды спецназа КГБ СССР «Гром» и «Зенит», ряд подразделений из состава воздушно-десантных войск, а также советские военные советники и специалисты. Определённое участие в этом приняли силы народно-демократической афганской оппозиции под руководством видного функционера и фракционера от НДПА Бабрака Кармаля, доставленного к тому времени советской стороной в ДРА из эмиграции.

Ещё недавно все события, прямо или косвенно связанные со штурмом дворца Х. Амина и осуществлением этого государственного переворота в Кабуле, были тайной «за семью печатями». Таковыми они являлись и для подавляющего большинства советских участников боевых действий на территории Афганистана. Поэтому изначально самой системой «развитого социализма» и её цензурой, как неотъемлемой составляющей того времени, была подготовлена благодатная почва для всякого рода досужих домыслов, слухов и предположений по этому поводу.

В свою очередь вакуум объективной официальной информации в тот период моментально заполнялся радиоголосами «из-за бугра», пропагандистскими материалами афганской оппозиции, а в последующем – всякого рода журналистской и околотературной стряпнёй.

На сегодняшний день о начале ввода экспедиционного или «ограниченного», как его стали называть впоследствии, контингента советских войск в Афганистан, о том, как осуществлялся государственный переворот в ДРА, написано не так уж и мало. По большому счёту немало сказано и об одном из ключевых событий, произошедших в афганской столице 27 декабря 1979 года, – штурме дворца Х. Амина. Высказаны разные суждения и разные точки зрения, в зависимости от должностного положения, ведомственной принадлежности, степени и меры участия рассказчика в событиях. Однако всё это внесло не столько ясность, сколько ещё большую путаницу в осмысление данной проблемы. Собственно говоря, именно поэтому и возникла необходимость разобраться в том, почему и как происходила эта боевая операция.

При этом автор данной книги вовсе не претендует на то, что высказанная им позиция является абсолютно верной. Более того, у него есть искренняя убеждённость в том, что представляемое ныне на суд читателей военно-историческое исследование в последующем будет в значительной мере расширено, уточнено и конкретизировано, потому что и сегодня в данном вопросе имеются значительные «белые пятна», противоречивые свидетельства участников событий и взаимоисключающие друг друга суждения военных специалистов, историков, журналистов, писателей и политиков...

Примерно такими словами начиналась вышедшая в конце октября 2003 года моя книга «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ»¹, которую открывал военно-исторический очерк под названием «154-й отряд спецназа ГРУ 27 декабря 1979 года». При её двухтысячном тираже, триста экземпляров которого были вручены делегатам пятого съезда Украинского союза ветеранов Афганистана, данное издание довольно быстро стало библиографической редкостью. К сожалению, только несколько десятков книг стало предметом читательского внимания в России.

За минувшее с момента публикации время прошли читательские конференции (в Одессе, Харькове, Москве), состоялись встречи с людьми, имевшими непосредственное отношение к описанным в книге событиям. Среди них, в первую очередь, хотелось бы назвать москвича полковника Олега Ульяновича Швеца, который в декабре 1979 года являлся одним из руководителей операции по штурму Тадж-Бека, бывшего главного военного советника СССР в Афганистане генерал-лейтенанта Льва Николаевича Горелова, ныне проживающего в Одессе, а также харьковчанина подполковника госбезопасности, участника штурма дворца Х. Амина Владимира Алексеевича Поддубного, который, к глубокому сожалению, трагически погиб два года назад.

Благодаря их личным воспоминаниям, предметным замечаниям и ценным советам, во-первых, было приятно подтвердить правильность сделанных в «Мусульманском» батальоне спецназа ГРУ» основных выводов, которые далеко не всегда совпадают с устоявшимися сегодня представлениями об организации и проведении государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года. А во-вторых, это в определённой мере позволило значительно расширить и углубить новое повествование, представляемое ныне вниманию уважаемого читателя.

Особо хотелось бы сказать несколько слов о бывшем начальнике политотдела – заместителе командира 15-й отдельной бригады специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР, полковнике запаса Олеге Владимировиче Кривопалове.

---

1 Кошелев В.М. «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ»: Исторические очерки, стихи. Харьков: Майдан, 2003.

Полагаю, что личные встречи с ним в Днепропетровске и Харькове, а также переписка позволили в новом исследовании конкретизировать ряд позиций по истории формирования и боевой деятельности 154-го отдельного отряда спецназа военной разведки и, разумеется, его участия в кабульских событиях декабря 1979 года.

Думается, что благодаря усилиям таких подвижников, как О.В. Кривопалов, сегодня уже немало сделано для того, чтобы память о советских разведчиках-спецназовцах не была предана забвению и ошельмована разного рода борзописцами, именующими себя *доками* «в области специальных операций».

Время неумолимо движется вперёд, и, как всегда, не щадит самых лучших из нас. К глубокому сожалению, не дошёл до адресата экземпляр «Мусульманского» батальона...», подписанный автором этих строк руководителю операции «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек Герою Советского Союза генерал-майору В.В. Колеснику. 30 октября 2002 года этого мужественного и достойного человека не стало...

Моё личное знакомство с Василием Васильевичем Колесником состоялось в 2000 году, в канун подготовки к празднованию 50-летия со дня формирования первых частей спецназа ГРУ Генерального штаба ВС СССР. За те несколько относительно коротких встреч у меня сложилось определённое представление об этом замечательном офицере, которого вполне справедливо при жизни считали легендой спецназа военной разведки. При этом главным определяющим фактором было не столько то, что моим визави был заслуженный боевой генерал, отмеченный высшей наградой Отечества, сколько то, что это был старший суворовец, мудрый наставник и скромный собеседник.

Разумеется, говорили мы и о кабульских событиях 27 декабря 1979 года. О чём Василий Васильевич обычно рассуждал довольно сдержанно и, как мне тогда казалось, не очень охотно. И здесь, пожалуй, стоит напомнить читателю, что даже в 2000 году в военно-профессиональной среде армейских спецназовцев не было принято вдаваться в излишние подробности канувших в Лету боевых операций.

Для примера могу вспомнить, как сам, решившись в книге стихов¹, увидевшей свет в 1999 году с предисловием Героя Советского Союза генерал-полковника Б.В. Громова, указать наименование части спецназа, где в своё время проходил службу, то вполне серьёзно ожидал неприятностей. Но всё обошлось, хотя речь в данном случае идёт всего-то о двух небольших подписях к публиковавшимся фотографиям афганского периода.

Должно быть, в данном случае автоматом срабатывал внутренний цензор – выработанная годами службы в разведке привычка лишнего не говорить, о том-то, том-то и том-то... забыть. Впрочем, в нашем случае руководитель «Шторма» имел дело не просто с представителем литературного цеха, а с бывшим заместителем командира аналогичного «мусульманскому» батальона спецназа ГРУ Генштаба. Точнее, 411-го отдельного отряда специального назначения.

В начале наших встреч Василий Васильевич адресовал меня к опубликованным ранее, в том числе и его материалам. В свою очередь мне приходилось выстраивать систему контраргументов, мотивирующих профессиональную неудовлетворённость этими статьями и книгами, высказывать сомнения, ставить проблемные вопросы, не соглашаться с воззрениями некоторых весьма авторитетных авторов. В общем-то, такая позиция вполне импонировала моему собеседнику, к тому же и разговаривали мы с ним на общем «спецназовском» языке.

В последующем я уехал на Украину. Где со временем был принят в Национальный союз писателей, издал помимо «Мусульманского» батальона...» книги стихов «Молитва офицера спецназа», «Гусар, певец спецназа», «Наше дело – война и разведка», «Казарменный юмор от офицера спецназа». Это стало возможным в силу активной поддержки моих творческих планов со стороны друзей, сослуживцев по спецназу военной разведки и Афганистану, а также при деятельном участии в этих проектах коллег по писательскому цеху из Национального союза писателей Украины.

---

¹ Кошелев В.М. Без права на победу/ Предисловие Б.В. Громова. – М.: Московская городская организация Союза писателей России, 1999.

Передавая в последующем для Василия Васильевича в Москву «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ», мне хотелось его приятно удивить. Конечно, при этом было вполне понятное желание узнать его авторитетное мнение по поводу книги, а также получить советы и замечания, возможно, слова одобрения и поддержки. Но, увы, судьбе было угодно распорядиться иначе...

В 2004 году увидела свет книга В.В. Воронова «ОСНАЗ – войска особого назначения»¹, на страницах которой были напечатаны воспоминания генерал-майора В.В. Колесника «Операция по захвату дворца казалась немыслимой». Рядом с ними приводились воззрения по данному вопросу некоторых офицеров спецназа бывшего КГБ СССР, ставившие под сомнение (порой существенное) достоверность позиции, высказанной Василием Васильевичем.

В довершение всего под названием мемуаров офицера, возглавлявшего «Шторм-333» в Кабуле, автор указанной книги не постыдился поместить следующее весьма сомнительное примечание: *«Версия военного разведчика» (курсив – В.К.)*. Мол, это лишь некое весьма сомнительное предположение, пусть и имеющее право на существование, но не более того.

Признаюсь честно, столь пренебрежительное и бестактное, если не сказать более, отношение к мнению руководителя спецназа ГРУ, да и других войсковых офицеров, участников кабульских событий 27 декабря 1979 года, со стороны отдельных авторов, а порой и коллег-чекистов не может не задевать за живое. Тем более что по этому поводу сам Василий Васильевич, по известным причинам, уже ничего не может ни возразить, ни ответить господину В.В. Воронову.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что данный автор далеко не первый, кто начал с пеной у рта доказывать главенство и исключительность одних участников «Шторма» перед другими. И надо признать, что широкая отечественная и зарубежная публика этому поверила. Другое дело – люди военные. Ведь многие «аргументы» писателей подобного рода просто-напросто не воспринимаются ими «на веру», вызывают вполне закономерные иронию,

---

¹ В.В. Воронов. «ОСНАЗ – войска особого назначения». М.: Яуза, Эксмо, 2004.

недоумение, а порой и чувство досады. Пожалуй, именно из этого проистекает и название представляемой сегодня читательскому вниманию книги – «Штурм дворца Х. Амина: версия военного разведчика».

В 2007 году исполнилось пятьдесят семь лет со времени создания спецназа военной разведки СССР, который за этот относительно небольшой отрезок времени сумел сказать своё весомое слово в общих славных делах наших вооружённых сил. Его создание, становление и наиболее яркие страницы истории связаны с именами таких замечательных людей нашего времени, как Герой Советского Союза генерал-майор Василий Васильевич Колесник. Именно поэтому книга, которую вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках, посвящена светлой памяти этого мужественного и отважного человека, достойного сына и искреннего патриота нашего Отечества.

2. Об этом писали в... художественно-документальной прозе

С чего начать эту главу?.. Очевидно, для читателя будет интересно и познавательно сделать хотя бы небольшой экскурс в то, что, кем и когда сообщалось о событиях, связанных с началом ввода советских войск в Афганистан, штурмом дворца Тадж-Бек и государственным переворотом в ДРА, осуществлёнными в декабре 1979 года. При этом стоит сразу заметить, что речь идёт только об основных публикациях по данному вопросу. Ведь в действительности библиография, которая могла бы быть представлена читателю, весьма и весьма обширна. Однако в рамках нашего исследования дать её полный обзор и тем более развёрнутый анализ вряд ли возможно.

Вместе с тем, несмотря на значительный объём подобного рода отечественных и зарубежных сообщений, сегодня нельзя согласиться с таким широко бытующим мнением, что все точки над «i» здесь давно расставлены. В этой связи уже давно и чётко прослеживается любопытная закономерность, что с появлением большего объёма публикаций на тему штурма дворца Х. Амина появляется ещё большее число вопросов по этому поводу.

Предваряя данный раздел книги, следует подчеркнуть и следующие весьма существенные обстоятельства. Прежде всего то, что никто вовсе не собирается превращать данный библиографический экскурс в некую работу над ошибками других авторов: у нас задача другая. А состоит она в том, чтобы показать основной массив различных точек зрения на интересные нас события. Чтобы читатель смог представить себе хотя бы общую картину всевозможных толкований данного драматического действия двадцатисемилетней давности.

При этом предметом нашего внимания являются не только истоки, мотивы, причины, действующие лица, ход государственного переворота в Кабуле и его центрального события – штурма дворца Х. Амина. Нас интересуют и последующие их оценки, а также различные заслуживающие читательского внимания версии и суждения, высказанные в этой связи теми или иными авторами.

Все публикации, в которых так или иначе упоминалось о событиях, ставших предметом данного исследования, можно условно разделить на несколько групп. О чём идёт речь?..

Во-первых, о преданных гласности официальных материалах этого времени (протоколы, переписка, приказы, распоряжения и т.д.), являющихся для нас ценнейшими источниками информации. Во-вторых, о литературе, посвящённой истории, географии, экономике, культуре, политике, дипломатии, религиозной жизни Афганистана. В-третьих, о военно-исторической, художественной, публицистической литературе, освещающей события афганского похода советской армии, а также историю разведки, спецназа, спецслужб. В-четвёртых, о публикациях (периодика, монографии, мемуары и т.д.), косвенно и (или) непосредственно связанных с освещением событий государственного переворота в Кабуле и штурмом дворца Х. Амина. В-пятых, о воспоминаниях непосредственных участников кабульских событий 27 декабря 1979 года.

В основном именно по этим признакам и были сгруппированы сведения об основных источниках интересующей нас информации в заключительном разделе данной книги («Краткая библиография»). Кроме этого в основу классификации данного массива публикаций можно было бы положить время

и место их написания, авторство и многое, многое другое. Конечно, здесь мы говорим об известных условностях. Однако именно они, эти условности, в дальнейшем значительно помогут нам более чётко разобраться в существе стоящих и разрешаемых по ходу нашего повествования вопросов. Почему мы должны уделить этому столь пристальное внимание?

Потому что именно открытые источники информации о данных событиях положены нами в основу изучения всего произошедшего в Кабуле 27 декабря 1979 года (более подробно об этом несколько далее). При этом у читателя в дальнейшем будет возможность убедиться, что отсутствие ряда архивных материалов, связанных с вопросами принятия решений о вводе советских войск в Афганистан, свержении режима Хафизуллы Амина, участия в этом спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР, вовсе не помешает нам составить довольно-таки чёткую картину тех драматических событий.

Поэтому, уважаемый читатель, давайте вместе попробуем внимательно ознакомиться с различными материалами, найти и сопоставить обнаруженные в них факты, подвергнуть их сомнению, опровергнуть и проанализировать различные точки зрения. Вновь сомневаться и вновь анализировать, чтобы в конечном итоге приблизиться к познанию истины.

При этом пусть читателя несколько не удивляет то обстоятельство, что сделанные нами выводы и обобщения в значительной мере не будут совпадать с теми шаблонами, которые и ныне господствуют в средствах массовой информации, литературе и общественном мнении при освещении кабульских событий 27 декабря 1979 года. Но прежде – несколько слов об этих шаблонах...

В 1982 году тиражом в 2 190 000 экземпляров вышел роман А.А. Проханова «Дерево в центре Кабула». Своё творение автор пытался представить как некую документальную «хронику революционных событий», произошедших в Афганистане. «Не мудрствуя лукаво, – писал он в предисловии к одному из последующих изданий, – мне было важно зафиксировать... хронику: зрелища, голоса, ситуации, выхваченные мной из пекла борьбы. Всё так и было. Лишь некоторые острые кромки событий оплавлены воображением и вымыслом, чтобы легче их было вставить в оправу жанра».

В дальнейшем это произведение Александра Проханова неоднократно переиздавалось немислимыми по нынешним меркам тиражами. Так, в 1984 году издательством «Молодая гвардия» была выпущена в свет книга «В островах охотник», где прохановское «Дерево в центре Кабула» было растиражировано в очередной раз.

Однако в контексте нашего повествования данный роман А.А. Проханова интересен совсем не его «хроникальной документальностью», как это декларировал автор. Он интересен прежде всего тем обстоятельством, что Александр Андреевич, начавший у нас первым писать беллетристику на сюжеты афганского противостояния и пытавшийся при этом представить себя в качестве очевидца описываемых им событий, задал весьма своеобразный тон многим и многим своим последователям.

В этой связи ещё в 1990 году Дмитрий Ольшанский вполне справедливо подметил: «Долгое время для массового читателя «афганская тема» в литературе ассоциировалась прежде всего с именем А. Проханова. Не в Москве и отнюдь не литературными критиками он был назван «соловьём генштаба». Впервые это прозвище я услышал от офицеров в провинции Пактия, что на границе с Пакистаном. Те, кто знаком с произведениями А. Проханова, наверное, согласятся, что они тенденциозны, прямолинейны, одноплановы»¹.

Всё это, конечно, так. Однако сразу оговоримся, что обсуждать художественные достоинства или недостатки этого и других² романов Александра Проханова мы не будем. Вместе с тем, укажем второе обстоятельство, определившее наш особый интерес к данному произведению. Дело в том, что данная книга представляет ценность как весьма характерная иллюстрация навязанного нашим согражданам взгляда на события, произошедшие в Афганистане 27 декабря 1979 года и последовавшей за ними (точнее сказать,

---

1 Ольшанский Д. «Афганский синдром». – «Литературное обозрение», 1990, № 3. С. 14.

2 Проханов А.А. Дерево в центре Кабула. Роман – «Роман-газета», 1982, № 15; Проханов А.А. Рисунки баталиста: Роман. – Доп. переизд. – М.: Молодая гвардия, 1989.; Проханов А.А. Дворец: Роман. – СПб.: Амфора, 2002 и т.д.

активизировавшейся) гражданской войны. Войны, в которой, к сожалению, принял участие и экспедиционный контингент войск СССР.

Сегодня, в начале нового века и тысячелетия, для многих молодых людей уже довольно сложно представить ту политическую обстановку, которая окружала ввод советских войск в Афганистан. Разумеется, как об этом заявлялось с официальных трибун, «для поддержки народно-демократической революции, произошедшей в этой стране, и защиты её народа от агрессивных посягательств мирового империализма».

Впрочем, именно в этом нам и поможет разобраться А.А. Проханов, по существу, добровольно взваливший на себя труд изложить в своём романе «Дерево в центре Кабула» официальную версию советского руководства относительно трагических событий 27 декабря 1979 года. Чтобы более чётко усвоить это, приведём довольно значительный отрывок из этого «художественно-документального» произведения. Опуская некоторые подробности, здесь мы читаем:

«...Пресс-конференция проходила в МИДе, в гобеленовом зале. Генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного Совета, премьер-министр ДРА Бабрак Кармаль делал заявление для прессы... Заявление было важным. Его ждали и враги и друзья. Готовились мгновенно огласить его миру по своим телетайпам.

Речь Бабрака Кармаля была об афганской революции, вступившей в новый период. О великом, ожидаемом веками справедливом разделе земли. О поднявшихся с колен бедняках, идущих с наделами пашни в новую жизнь, в новую справедливую родину. О разуме, мудрости, доброте, которых достоин народ, тяготеющий к плугу, тяготеющий к знаниям, к братству. Всё это достижимо и близко и было б ещё достижимей, если бы силы, враждебные народу и родине, не ударили в спину. Таков был предатель Амин, окровавивший партию и народ. Таково американское ЦРУ, натравляющее врагов на отчизну.

— Мы хотим одного — мира, — мембранно звучал голос премьера. — Его хочет рабочий, крестьянин. Хочет мулла и торговец. Хочет всякий честный афганец, желающий возрождения родины.

...Бабрак Кармаль разъяснял содержание нового этапа афганской революции — исправление допущенных ошибок, сплочение народа вокруг партии, возрождение экономики и культуры.

— Мы хотим, — говорил премьер, — чтобы гордый, свободолюбивый, многострадальный афганский народ жил в условиях мира и процветания. Чтобы из винтовок больше не вылетело ни единой пули, направленной в человека!

Волков оглядывал зал. Поклонился и чуть улыбнулся двум знакомым афганцам из агентства Бахтар. Поймал на себе осторожный, деликатный взгляд оператора телехроники, отзываясь на него дружелюбным кивком. «Кабул нью таймс» была представлена незнакомым темноусым афганцем, угрюмо погружённым в блокнот. Белокурый поляк, только что прилетевший из Дели, выражал озабоченность и нервозность, видимо, связанную с недостатком информации. Корреспондент ТАСС холодно прогулялся по Волкову взглядом, и тот ответил ему вежливым, допустимым среди соотечественников отчуждением. Были шведы и западный немец, знакомые по прежним пресс-конференциям, но не было англичан и американцев, выдворенных неделю назад из Афганистана за резко враждебные публикации.

И опять оглянулось на Волкова тонко улыбнувшееся, источавшее дружелюбие лицо, на которое он мгновенно откликнулся напряжением вражды, мучительным, похожим на любопытство влечением: француз из «Монд» Андре Виньяр — тот, с кем давно за глаза сражались на страницах газет и вот наконец повидались — не в Анголе, в саваннах Лубанго, где были одновременно, но по разные стороны, и не раньше, на советско-китайской границе, среди автоматного треска, опять же по разные стороны, не в Лаосе, где шла по воде китайская пехота и плюхали минные взрывы, а в Кабуле, на расстоянии улыбки, на расстоянии молниеносного, неприязню наполненного взгляда. Случайная, ожидаемая обоими встреча. Их знакомство длилось давно...

Началась процедура вопросов.

— Господин премьер-министр, — поднялся толстенький рыжеватый швед с колечками бакенбардов на румяных щеках. — В афганской печати постоянно упоминается о том, что свергнутый премьер-министр Хафизулла Амин был агентом Центрального разведывательного управления США. Не могли бы вы... подробнее осветить эти связи? В чём они выражались конкретно?

— Связи Амина с ЦРУ, — Бабрак Кармаль мгновенно помедлил, строя в уме ответ, придавая ему оптимальную форму, — эти связи были установлены задолго до Апрельской революции, — Волков следил за движением его губ, интонациями, стремился почувствовать большее, чем было заключено в скупую холодную лексику. — Они установлены со времени пребывания Амина в Америке, где он был руководителем землячества афганских студентов. План внедрения Амина в партийное руководство был тщательно разработанным, долговременным, рассчитанным в конечном счёте на подрыв революции, физическое истребление лучших партийных кадров, на сползание в контрреволюцию и компромисс с контрреволюционными проамериканскими силами. Мы располагаем неопровержимыми данными о существовании такого плана и намерены обратиться в посольство США с требованием выдать касающиеся его дополнительные документы. Сведения эти будут в своё время обнаружены.

...Поднялся тощий датчанин в чёрных тяжёлых очках, столь тяжёлых, что датчанин, казалось, ломался в поясе надвое.

— Господин премьер-министр, датские социал-демократы внимательно следят за деятельностью Народно-демократической партии Афганистана. Мы с сочувствием отнеслись к судьбе ваших сторонников, столь жестоко пострадавших от репрессий в период Амина. В этой связи позвольте спросить: не означает ли ваш приход начало сведения счётов, своего рода реванш? Не отразится ли это на внутренней ситуации в партии?

И последовал неторопливый, отшлифованный ответ:

— Я хочу быть правильно понятым. Есть единая Народно-демократическая партия Афганистана. Устранение предателя Амина не было проявлением внутрипартийной борьбы. Это было восстание всей партии против палача и предателя. Теперь, когда Амин уничтожен, вся партия консолидированно устремляется на выполнение колоссальных задач, провозглашённых Апрельской революцией.

Волков был рад исходу быстротечной политической схватки с датчанином. Ум его напряжённо работал, и не только ум, но и живое чувство, эмоции. Революция, о которой говорил Кармаль, была и его революцией, он сам не стрелял, не погибал от ударов в спину, не умирал на допросе от пыток, не делил землю, не учил стариков грамоте, но он был на стороне революции.

— Господин премьер-министр, — любезно, с лёгким небрежным жестом, свидетельствующим о внутренней свободе, но и с тонкой почтительностью, блестя над блокнотом золочёной ручкой, поднялся Андре Виньяр. — Существуют противоречивые версии, касающиеся свержения Хафизуллы Амина. В целях выяснения истины не могли бы вы, господин премьер, сообщить «Монд» истинную версию происшедших событий?

Волков знал — за этим изящным вопросом мгновенно вставали авианосцы в Персидском заливе, крылатые ракеты в Европе, гегемонистские устремления Китая. Мир был театром борьбы, состоявшей из бесчисленных схваток, и одна из них, без пуль и бомбёжек, совершалась на пресс-конференции.

— Не знаю, о каких противоречивых версиях идёт в данном случае речь, — холодно ответил премьер. — Ход событий неоднократно освещался в нашей печати и официальных правительственных заявлениях. *Сразу же после узурпации власти Амином в борьбу с ним включились здоровые силы в партии. Антиаминовское подполье охватывало широкие слои населения, партии, армии и завершилось народным восстанием...* (Курсив. — В.К).

— Товарищ премьер-министр, мы знаем, что второй этап Апрельской революции провозгласил обширную программу экономических и социальных мер, направленных на повышение благосостояния народа. Что, по вашему, самое неотложное в этом ряду?

...Бабрак Кармаль заговорил о близкой посевной, о необходимости засеять все без исключения земли, в том числе и пустующие, брошенные феодалами. Не поддаваясь на шантаж и угрозы врага, желающего удушить республику голодом. Пахать, сеять...»¹

Здесь позволим себе ещё раз сослаться на мнение Дмитрия Ольшанского, вполне справедливо утверждавшего, что «политработники частей ограниченного контингента наших войск, комплектуя библиотечки для солдат, всеми правдами и неправдами старались уклониться от навязывавшейся «сверху» так называемой «афганской литературы»².

1 Проханов А.А. Дерево в центре Кабула. Роман. — «Роман газета», 1982, № 15. С. 3-5.

2 Речь идёт, в частности, о романе А.А. Проханова «Дерево в центре Кабула».

Уж слишком очевидно было, насколько это «не про то...»¹. Действительно, слишком «не про то» был роман А.А. Проханова, вышедший многомиллионными тиражами. Но у издателей был свой резон: эта «художественно-документальная» проза длительное время служила подтверждением официальной версии советского руководства относительно осуществлённого 27 декабря 1979 года в Афганистане государственного переворота. Этой партийно-государственной версии верило большинство советских людей. Верило в силу, как минимум, трёх весомых обстоятельств.

Во-первых, отсутствия информации иного рода. Во-вторых, в силу того, что ко времени начала афганской кампании в СССР действительно выросла «новая историческая общность людей», воспитанная на жёстких идеологических стереотипах периода холодной войны и стратегического противоборства двух мировых систем. В-третьих, потому что в то время инакомыслие воспринималось властями, как приверженность «чуждой буржуазной идеологии», как «тлетворное влияние Запада», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В последующем многие из этих власть имущих, «перестроившись» в новых политических реалиях, «пламенно воспылав» к идеям противоположного рода, стали заявлять простым солдатам и офицерам той «неправильной» войны: «Мы вас туда не посылали!» Эта хрестоматийная фраза-лозунг отечественной бюрократии стала со временем притчей «во языцех». Что же касается ранее упомянутого нами автора «Дерева в центре Кабула», то он ещё раз сумел доказать свою особую чуткость к быстро меняющейся политической конъюнктуре. В данном случае речь идёт о вышедшем в 2002 году новом романе А.А. Проханова «Дворец». На его страницах любезный Александр Андреевич с точностью до наоборот описал интересующие нас события. Если это не отречение от своего «Дерева...», от своего прошлого, то что же это такое?

Тут, как говорится, трудно что-то добавить или убавить.

---

1 Ольшанский Д. Указ. соч. С. 14.

3. Некоторые другие версии штурма дворца Х. Амина

В изданной Министерством обороны СССР в 1991 году книге «Война в Афганистане»¹ имеется следующее суждение коллектива военных учёных: «Вокруг штурма дворца имеется много неясного и непонятного. Трудно дать ответы на многие вопросы. Вероятно, непосредственные участники этих событий не могут пока что-либо сказать...»² В подтверждение данного утверждения здесь приводятся слова офицера спецназа А.А. Петунина, вспоминавшего: «От несчастного лейтенанта с полным параличом рук и ног, после того, как ему на пятый день ещё неизвестной никому войны осколком перебило позвоночник у самой шеи, особист требовал клятвенное заверение, что он никогда никому ни о чём не расскажет. Попытался даже взять расписку. Только вот нечем было лейтенанту расписаться...»³

Заметим, что данное замечание весьма чётко характеризует обстановку «совершенной секретности», существовавшую тогда вокруг ввода советских войск в Афганистан, а также всего начального периода их пребывания в ДРА. Всё это ещё в большей мере нужно отнести к вопросам штурма дворца Тажд-Бек советским спецназом и физической ликвидации генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА «товарища» Хафизуллы Амина, узурпировавшего власть в стране и пришедшего к ней путём убийства своего соратника по партии Нур Мохаммада Тараки.

Здесь же обратим внимание читателя на то обстоятельство, что подготовил книгу «Война в Афганистане» к изданию не простой коллектив авторов, а группа официальных военных историков, кадровых офицеров, обременённых учёными степенями и званиями. Однако, как следует из приведённого ранее текста, эти старшие офицеры Министерства

1 Указ. соч. М.: «Воениздат», 1991.

2 «Война в Афганистане». – М., 1991. С. 228.

3 Там же. – С. 228.

обороны СССР даже в 1991 году не имели, и это очевидно, доступа к закрытой информации, связанной со штурмом дворца Х. Амина. Конечно, данный недостаток вполне можно было бы компенсировать привлечением хотя бы свидетелей очевидцев и участников данных событий. Но, увы, авторы этого не делают. Почему?.. Думается, что причины подобной позиции и без особых пояснений понятны.

Среди прочих публикаций, представляющих для нас интерес, следует выделить книгу журналистов Давида Гая и Владимира Снегирёва «Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны». Как и предыдущее издание, она вышла в свет в 1991 году, а подготовило её к печати совместное советско-финское предприятие «ИКПА»¹. Относительно кабульских событий 27 декабря 1979 года авторы пишут: «Да, повторяем, самые большие трудности ждали нас именно при расследовании фактов штурма дворца, гибели Амина и его близких. В конце концов нам удалось лишь приоткрыть тайну, воспользовавшись скуными западными публикациями, а также рассказами непосредственных участников тех событий. Правда, в рассказах этих немало недомолвок. Но тут уж ничего не поделаешь... Только время способно стать тем ключом, который откроет дверь к истине...»² С последним утверждением Д. Гая и В. Снегирёва трудно не согласиться. Однако совершенно не так дело обстоит с освещением этими авторами хода самих интересующих нас событий.

Конечно, здесь можно сослаться на совершенную неизученность вопроса, его сверхсекретность. И это было бы вполне справедливо. Но главная проблема, которая обнаруживается по ходу чтения «Вторжения...», состоит даже не в тех фактических ошибках и неточностях, если не сказать, фантазиях Д. Гая и В. Снегирёва, а избранном ими обличительно-пафосном тоне изложения. И если, рассуждая о прохановском «Дереве в центре Кабула», мы приходили к выводу о недопустимости перегибов в одну сторону, то в случае с «Вторжением...» должны заметить и о неуместности перекосов противоположного свойства. Впрочем, в ходе дальнейшего повествования этой книге будет уделено предметное внимание.

1 Указ. соч. – М.: СП «ИКПА», 1991.

2 Там же. С. 60.

Подтверждая процитированное ранее мнение Д. Гая и В. Снегирёва относительно изученности предмета нашего исследования, военный журналист М.Е. Болтунов в книге «Альфа» – секретный отряд КГБ»¹ вполне справедливо заметил: «Сколько написано о войне в Афганистане! Сколько ещё напишут. Да, из всей долгой, девятилетней драматической бойни самым загадочным до сих пор остаётся её начало – штурм аминовского дворца. Чего только не нагородили о штурме, какие дикие выдумки и небылицы не публиковались на страницах журналов и газет, а истина так и оставалась за семью печатями»².

Однако, претендуя на объективность и всесторонность, уважаемый автор (это без иронии) сумел рассказать о данной боевой операции, исключительно руководствуясь точкой зрения бывших сотрудников КГБ из спецформирований «Гром» и «Зенит». Очевидно поэтому книга М.Е. Болтунова даёт весьма и весьма одностороннее освещение боевой операции, получившей в декабре 1979 года условное наименование «Шторм» или «Шторм-333». К сожалению, сам автор, человек военный по определению, на страницах этого издания не захотел или не сумел разобраться в существе данных событий именно с военно-профессиональной точки зрения. И, к глубокой досаде, многих внимательных исследователей, после прочтения указанной книги появилось больше не ответов, а сомнений и вопросов.

Очевидно, М.Е. Болтунов хотел не столько проанализировать высказывания офицеров госбезопасности из числа участников штурма дворца Х. Амина и выстроить на их основе объективную картину трагических событий 27 декабря 1979 года, сколько поразить читателя обилием фактов, претендующих на сенсацию. Досадно, что Михаил Ефимович при написании этого произведения предпочёл остаться только журналистом.

В этой связи хотелось бы обратить внимание читателя на то обстоятельство, что книга М.Е. Болтунова ««Альфа» – секретный отряд КГБ», вышедшая довольно значительным тиражом вскоре после распада СССР, в значительной мере сыграла ту же (не лучшую) роль, что и в своё время роман

1 М.: Кедр, 1992.

2 Болтунов М. Указ соч. – С. 60.

А.А. Проханова «Дерево в центре Кабула». Ведь случилось так, что высказанные в этом издании суждения со временем стали главенствовать в общественном мнении при освещении афганских событий декабря 1979 года.

В последующем эта книга неоднократно переиздавалась, выходя в свет под прежним или другим названием¹. Однако, к сожалению, никаких существенных исправлений и дополнений, с точки зрения появившихся информационных возможностей и имевшей место критики, в ней не оказалось.

В 1995 году «Литературная газета» поместила отрывок из мемуаров О. Гриневского. Эта статья имела заголовок «Как мы «брали» Афганистан» и якобы была написана на основе достоверных воспоминаний бывшего советского советника при главе ДРА В.С. Сафрончука. Здесь в частности можно было прочитать следующее: «Роковое решение было принято Политбюро 12 декабря 1979 года в строгой тайне – никаких протоколов не велось... Пятнадцать дней спустя спецотряд КГБ численностью примерно в тысячу человек штурмом взял дворец президента Амина, а советские войска вошли в Афганистан. Накануне штурма личный врач Амина, майор медслужбы Советской Армии, дал своему пациенту лошадиную дозу снотворного... Десантники начали штурм дворца и рванулись наверх. С вертолётa на крышу была выброшена вторая группа, которая пробивалась вниз. Охраняли Амина советские солдаты-узбеки, одетые в афганскую форму, которые не знали, кто штурмует дворец, и потому стойко защищали афганского президента.

Стрельба приближалась. Но Амин лежал спокойно и спал. Врач-майор спрятался в шкафу здесь же, в комнате, а посольский врач с медсестрой выбежали в коридор и укрылись в какой-то нише. Мимо них с топотом пробежали солдаты в камуфляже и ворвались в кабинет Амина. С ходу дали очередь из автоматов крест-накрест по шкафам, и оттуда вывалилось прошитое пулями окровавленное тело военврача.

Неожиданно Амин, который до того, казалось, спокойно спал, схватил автомат и стал стрелять. Хотя приказ был брать живым, десантники дали очередь по постели, и президент затих навсегда.

1 Например, см.: Болтунов М.Е. «Альфа» не хотела убивать. – СПб.: «Шанс», 1995.

Эту грустную историю поведал нам в МИДе Василий Степанович Сафрончук – советник афганского президента по внешнеполитическим вопросам, тоже находившийся в день штурма во дворце...»¹

Вот такая, весьма любопытная и вместе с тем далекая от истины, версия событий, происшедших в Кабуле 27 декабря 1979 года. Правды в ней весьма и весьма мало, за исключением даты самого переворота. А что касается даже времени ввода контингента советских войск в Афганистан, так он официально был начат не в день штурма дворца Тадж-Бек, как пишет об этом «мемуарист», а за двое суток ранее этой даты. Но, очевидно, такие «несущественные» детали вряд ли интересовали господина О. Гриневского.

Здесь хочется обратить внимание читателя на то, что подобные рассказы в авторитетной газете публикует не частное лицо, а посол Российской Федерации в Королевстве Швеция, то есть человек, облаченный государственной властью и полномочиями осуществлять представительство интересов определённой страны на территории иного государства. Таким образом, точка зрения дипломата О. Гриневского должна представляться чуть ли не официальным взглядом российского руководства на данные события. Во всяком случае, таковой она была воспринята за рубежом, ведь Министерством иностранных дел России пасквиль господина Гриневского никогда не опровергался.

В 1999 году один из руководителей операции «Шторм-333» генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов, рассуждая об этой статье, заметил, что «рассказчик» (В.С. Сафрончук. – *Примеч. В.К.*), на которого ссылается автор мемуаров, в день штурма во дворце Тадж-Бек не находился. Опровергает Юрий Иванович и такие «конкретные» детали штурма, как «вертолёт на крыше», многое другое². Вместе с тем приходится констатировать, что взгляды, подобные утверждениям О. Гриневского, и сегодня имеют место быть в широкой разноголосице суждений политиков, журналистов и обывателей. Поэтому можно легко понять желание автора настоящей книги разобраться в существе происходивших тогда событий.

1 «Литературная газета». – 1995, 2 августа.

2 Дроздов Ю.И. «Шторм-333». – М.: Вымпел, 1999, № 3. С. 69.

Событий, которые в последующем в той или иной мере отразились на судьбах миллионов и миллионов людей.

Увы, но слухи, домыслы, кривотолки и другие невероятные бредни вокруг событий, связанных со штурмом бойцами советского спецназа дворца Такдж-Бек и ликвидацией Хафизуллы Амина в 1979 году, до сегодняшнего дня имеют место в сообщениях различных средств массовой информации, прочно утвердились они и в общественном мнении. Примеров тому немало. И, если несколько ранее нами приводились точки зрения, высказанные на этот счёт людьми, состоящими, так сказать, «на службе государевой», то теперь сошлёмся на издание человека гражданского. Речь идёт о господине А.Р. Штильмарке, редактирующем небезызвестное издание «Чёрная сотня», заявляемое как «православная патриотическая газета». В редакционной статье, датируемой 1999 годом, здесь так описывались интересующие нас события:

«25 декабря 1979 года советские войска вошли в Афганистан. Четыре моторизованные дивизии пересекли границу. В 15.00 по московскому времени на аэродромы в Кабуле и в Баграме стали приземляться военно-транспортные самолёты, доставившие четыре тысячи военнослужащих. В столицу Афганистана прибыла 105-я воздушно-десантная дивизия, считавшаяся лучшим подразделением Советской Армии. Вместе с десантниками в Кабул прибыл отряд спецназа ГРУ под командованием полковника Бояринова. Именно этот отряд захватил правительственные здания, убив при этом президента Хафизуллу Амина. При выполнении этой операции погиб и полковник Бояринов. Так началась война в Афганистане...»¹

Что тут сказать?... Пожалуй, только то, что автор указанной выше статьи весьма и весьма далёк от знания военной терминологии, от того, кто и каким образом проводил данную операцию. Что указанные им «точные» наименования, обозначения и число войсковых соединений, задействованных в ходе ввода «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан, на самом деле не соответствуют действительности. Что полковник Бояринов в спецназе ГРУ никогда не служил и, исходя из этого, разумеется, его формированиями никогда не командовал. Комментировать подобное трудно.

1 «Чёрная сотня». – М.: № 3-4 за 1999 год.

В 2000 году в издательстве «Концерн «Литературная Россия» вышла книга Вячеслава Огрызко «Песни афганского похода: Историко-литературное исследование». В ней автор в частности утверждает следующее: «Да, не всё в тот вечер (27 декабря 1979 года. – *Примеч. В.К.*) у наших военных получилось так, как задумывалось. Особенно много неувязок возникло при штурме Дворца Амина. Так, был момент, когда офицеры госбезопасности из группы «Зенит» чуть не вступили в рукопашную схватку с «мусульманским батальоном» спецназа из ГРУ (Главного разведывательного управления советского Генштаба). Спецназовцы, как и многие чекисты, были переодеты в форму военнослужащих афганской армии, поэтому они поначалу друг друга приняли за врагов. Хорошо, что кто-то во время боя истощно заматерился по-русски, и всё встало на свои места. А иначе, сколько по дурости голов мы бы сложили...»¹

И тут же В.В. Огрызко добавляет: «Вообще в этой истории со штурмом Дворца Амина до сих пор много неясного»². Относительно последнего утверждения автора в той или иной мере можно согласиться. Согласиться в том плане, что ко времени издания книги Вячеслава Вячеславовича ни в широком общественном мнении, ни у специалистов, занимающихся афганской проблематикой, не было ясной картины тех событий.

Можно согласиться и с тем, что дурости у нас в стране и в армии вполне хватает. Да только, как можно будет увидеть из дальнейшего повествования, не было той ситуации (в частности чуть ли не состоявшейся «рукопашной схватки» между спецназовцами ГРУ ГШ и КГБ СССР), о чём столь ярко и эмоционально высказался уважаемый автор. Дело в том, что операция по штурму дворца Тадж-Бек проводилась из единого центра, под единоличным командованием старшего офицера ГРУ Генштаба полковника В.В. Колесника, заместителем у которого был генерал-майор КГБ СССР Ю.И. Дроздов, обеспечивавший взаимодействие «мусульманского» батальона со структурами госбезопасности и общее руководство спецформированиями «Гром» и «Зенит».

1 Огрызко В.В. Песни афганского похода: Историко-литературное исследование. – М.: Концерн «Литературная Россия», 1999. С. 5.

2 Там же.

При этом все подразделения, участвовавшие в этой боевой (специальной) операции, имели свои чётко определённые командованием конкретные задачи, которые ими и выполнялись неукоснительно. Взаимодействие между штурмующими и обеспечивавшими штурм подразделениями также следует полагать вполне достойным, несмотря на имевшиеся потери от собственного огня, что следует полагать вполне допустимым (естественным) в условиях ночного боя.

Спецназовцы ГРУ Генштаба и бойцы спецподразделений КГБ были действительно переодеты в форму афганской армии. В ходе штурма они действительно имели отличительную белую повязку на рукаве (по ряду других источников, повязки крепились «на каждый рукав». – *Примеч. В.К.*). Конечно, в наступившей темноте вне здания Тадж-Бека это не так уж и помогало. Но ведь во время штурма дворца Х. Амина электрическое освещение, как это ни покажется странным, в основных его помещениях не выключалось (!). Что же касается мата, то его действительно было много. Правда (и это очевидно), в ситуации экстремальной, когда счёт идёт на доли секунд и измеряется человеческими жизнями, бывает не до – «Будьте любезны!..» И советские «мусульмане» также неплохо владели этой ненормативной составляющей «великого и могучего...»

Конечно, в ходе штурма было огромное количество не штатных ситуаций, были и пострадавшие от огня своих товарищей. Но об этом следует говорить только, как о – ещё раз простите за цинизм – вполне допустимых и естественных случаях. Впрочем, не было того междоусобного истребления спецназовцами друг друга, о котором до сих пор взахлёб пишут отдельные авторы, пытаясь возвести сие в ранг массовой «братоубийственной бойни».

В своей статье «Наваждение Тадж-Бека», опубликованной в первом номере российского журнала «Спецназ» за 2000 год, начальник кафедры Общевоинской академии Вооружённых сил РФ А.П. Береговой сообщает о трёх спецназовцах-«мусульманах», погибших от огня подоспевших ко дворцу парашютистов-десантников. В этой связи есть и некоторые другие, не слишком отличные от данного суждения, сведения. Но это могло произойти уже утром после штурма Тадж-Бека, да и действующие лица, как мог заметить внимательный читатель, в этом случайном боевом столкновении были несколько другие.

И ещё немного о книге В.В. Огрызко. Не смотря на то что ряд имеющихся здесь рассуждений военно-профессионального характера, исходящих от автора, вызывает определённые сомнения, сама книга Вячеслава Вячеславовича для нас, несомненно, представляет большой интерес. Речь идёт о том, что автору книги «Песни афганского похода: Историко-литературное исследование» удалось обратиться к истокам появления «афганской» самодеятельной песни, показать её неразрывную связь с боевой действительностью тех лет, проследить судьбы отдельных авторов-исполнителей, сделать любопытные выводы.

Например, трудно не согласиться с В.В. Огрызко, когда он говорит о том, что афганская кампания советской армии породила уникальную песенную культуру, что к ней необходимо относиться бережно, как к своеобразному музыкально-поэтическому срезу минувшей эпохи. Однако почему только как к музыкально-поэтическому срезу? Это есть и конкретный исторический пласт, содержащий порой такие фактические подробности, которые в сопоставлении с другими источниками позволяют нам приблизиться к истине. Но об этом подробнее несколько далее.

В 2001 году издательским центром «Экспринт» была выпущена в свет книга В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков»¹. Здесь довольно объективно, хотя и несколько схематично, излагаются события, ставшие предметом нашего изучения². К сожалению, освещению штурма бойцами спецназа ГРУ и КГБ аминовского дворца в указанном издании места уделено не так много, как того бы хотелось. Очевидно, авторы не ставили перед собой цель более подробно остановиться на освещении этой темы. О чём, в частности, говорит само название упомянутой нами книги. Тем не менее в дальнейшем повествовании мы ещё не раз будем возвращаться к этому изданию.

---

1 Серия «Военный музей». Руководитель проекта А.В. Егоров. – М., 2001.

2 Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Афганистан: война разведчиков. – М.: Экспринт, 2001. С. 3-5.

4. «Неофициальные» лица из КГБ и ГРУ

В 1997 году московское издательство «АВ-ПРЕСС» издало альбом «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР». Эта книга была посвящена пятнадцатой годовщине со дня основания данного спецформирования госбезопасности и содержала ряд воспоминаний бывших «зенитовцев» из числа участников штурма дворца Тадж-Бек.

В последующем подавляющее большинство этих свидетельств было (порой слово в слово) перепечатано в первом номере альманаха «Русские коммандос» за 1999 год, а также в ряде других книг, журналов, альбомов и газет. Об этих изданиях можно сказать, как и о книге М.Е. Болтунова, что видение операции по штурму дворца Х. Амина в них представлено только глазами бывших сотрудников комитета госбезопасности. О 154-м отдельном отряде спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР, то есть о «мусульманском» батальоне, здесь упоминается лишь как о «десантниках, собранных по национальному признаку из среднеазиатских республик Советского Союза» или «десантниках – выходцах из Средней Азии». Или так: «Батальон, который якобы предназначался для охраны резиденции Амина». И всё...

Об участии в проведении операции «Шторм-333» парашютно-десантной роты воздушно-десантных войск под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина здесь не говорится практически ничего. Вниманием обойдены личный состав вводимых на территорию ДРА советских сухопутных войск, в том числе 103-й (Витебской) гвардейской воздушно-десантной дивизии, 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, действия советских военных советников, а также многих других руководителей и рядовых участников тех событий. Но ведь без видения общей картины происходившего в конце декабря 1979 года в Афганистане просто-напросто невозможно правильно представить себе и то частное, хотя и немаловажное, о чём мы пытаемся вести речь.

Объясняется это, на наш взгляд, тем, что ко времени издания книги М.Е. Болтунова и указанных ранее комитетских

изданий произошли известные события августа 1991 года и последовавший за ними период «демократизации», приведший в конечном итоге к распаду СССР и развалу КГБ. В одночасье одна из сильнейших в мире спецслужб была фактически уничтожена пришедшими к власти в России антигосударственными силами и растащена по национальным квартирам «удельными князьями» Содружества независимых государств.

Многие офицеры госбезопасности остались после всевозможных «чисток», «сокращений» и в результате иной непредсказуемой кадровой политики не у дел. Вполне резонно многие из них посчитали себя свободными от обязательств по неразглашению сверхсекретных тайн бывшей супердержавы.

При этом нам хотелось бы верить, что дело состояло во все не в чьём-либо желании отхватить «более жирный кусок» славы (между прочим, весьма сомнительной даже по тем временам), а в большей мере в отсутствии всесторонних и объективных сообщений по этому поводу из официальных источников. К этому следует добавить и захватывающую игру воображения некоторых представителей пишущей братии.

В свою очередь ГРУ Генштаба вышло из всех перипетий, последовавших за распадом Союза, со значительно меньшими потерями, чем чекистское ведомство. Поэтому офицеры военной разведки и её спецназа предпочитали молчать о своём участии в проведении этого государственного переворота. А вышедшие в запас и отставку комитетчики действовали, как говорится, «по умолчанию», стараясь не задеть неосторожным словом своих коллег из ГРУ, рассказывали о с в о ё м участии в этой операции.

Не хотелось бы в этой связи говорить о каком-либо «перетягивании одеяла» на себя. Тем более что в тот период тема Афганистана в российском обществе стала не особенно популярной, что в той или иной степени коснулось и самих участников тех событий. Хотя, конечно, «жареные» факты интересовали определённую часть наших отечественных и зарубежных издателей и читателей. На этом можно было подзаработать или хотя бы «сделать имя».

Так, очевидно, и родились мифы о том, что штурм резиденции генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА «товарища»

Хафизуллы Амина в Кабуле 27 декабря был проведён силами всего лишь сорока бойцов спецгрупп КГБ «Гром» и «Зенит». Что в ходе проведения этой операции «мусульманский» батальон спецназа ГРУ вступил в схватку с комитетчиками, и якобы по этой причине были огромнейшие человеческие потери.

В 1995 году была издана книга А.А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана», где в разделе «Штурм дворца Тадж-Бек» автором была дана довольно достоверная и объективная картина драматических кабульских событий декабря 1979 года¹. В этой связи подчеркнём, что при освещении операции «Штурм» автор использовал объёмный, ранее не публиковавшийся документальный материал. Возможно, он так и не сумел выйти на уровень его всестороннего и полного анализа, но это и не удивительно, если учитывать задействованный им массив информации. Первопроходцам всегда труднее. В этой книге содержатся свидетельства не только сотрудников внешней разведки и спецназа КГБ СССР, но и воспоминания в ту бытность полковника ГРУ Генштаба ВС СССР В.В. Колесника, непосредственного и главного руководителя операции «Штурм-333». Также здесь приводятся мнения других очевидцев и участников интересующих нас событий (офицеров 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ, советских военных советников, военных врачей и т.д.).

В 2004 году вышло в свет второе издание книги А.А. Ляховского, которое было значительно дополнено и переработано². Здесь автор уточнил и расширил свои прежние публикации по проблемам афганского похода советской армии, что также относится и к вопросам осуществления государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года, подготовки и проведения операции «Штурм-333». Впрочем, их этого вовсе не следует, что все точки над «i» были расставлены, ведь на длинном пути исследования мы только подошли к этапу некоторых обобщений и не более того.

К двадцатой годовщине событий, связанных с осуществлением государственного переворота в ДРА, был выпущен в свет третий номер (11) альманаха «Вымпел» (1999 г.).

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 144-151.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004.

Редакционной коллегией альманаха были представлены воспоминания бывшего начальника Управления «С» (нелегальная разведка) ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова и одного из непосредственных участников штурма дворца Х. Амина из состава спецподразделения «Зенит» офицера госбезопасности Валерия Николаевича Курилова.

В отношении мемуаров генерал-майора КГБ Ю.И. Дроздова можно сказать следующее. Во-первых, автор приводит значительные выдержки из ранее упоминавшейся книги А.А. Ляховского. Во-вторых, здесь напечатаны как ранее опубликованные, так и неопубликованные воспоминания ряда участников штурма дворца Тадж-Бек (командиров боевых групп и подгрупп «Зенита»). В-третьих, в мемуарах сообщается о событиях на некоторых других военных (военно-политических) объектах Кабула, ставших предметом действий советского спецназа 27 декабря 1979 года. В-четвёртых, сам мемуарист приводит ряд личных воспоминаний интересующего нас периода и даёт свои оценки по ходу проведения этой боевой (специальной) операции, приведшей к смене государственной власти в Афганистане. К нашему огорчению, этих личных воспоминаний и личных оценок в публикации Ю.И. Дроздова «Штурм-333» не так уж и много.

Данный номер альманаха «Вымпел» за 1999 год его редакционная предваряла следующим замечанием: «Об операции «Штурм-333» уже написано много и разного и у нас, и за рубежом. Не было только обстоятельных воспоминаний рядового участника этих событий, непосредственного исполнителя замысла политического и военного руководства, простого разведчика-диверсанта, влюблённого в свою профессию, верного присяге и боевому товариществу, обременённого служебными, семейными житейскими трудностями тех лет». Если это замечание относится к воспоминаниям В.Н. Курилова, а из текста «колонки редактора» это довольно трудно понять, тогда с данным утверждением вполне можно согласиться.

И, хотя жанр публикации Валерия Николаевича не совсем определён, думается, что его документальная повесть или мемуары, как мы позволим себе их в дальнейшем именовать, вполне удалась. И ценность этих воспоминаний В.Н. Курилова

состоит не только и не столько в том, что он сообщает читателю ряд новых подробностей по интересующей нас теме. С нашей точки зрения, автору удалось, нисколько не приукрашая действительность, передать внутреннюю атмосферу происходившего, показать дух времени и образ мышления рядового участника штурма дворца Х. Амина.

Санкт-Петербургское издательство «Славия» в 2005 году выпустило в свет книгу бывшего командира группы специального назначения «А», Героя Советского Союза генерал-майора Г.Н. Зайцева «Альфа» – моя судьба»¹. Об этой книге коротко можно сказать, что она представляет собой, по большому счёту, самое объективное видение вопросов организации и проведения операции «Шторм» из всех чекистских публикаций. В ней использован значительный новый фактический материал, имеющий отношение прежде всего к деятельности спецназа госбезопасности, но подан он взвешенно и без предвзятости по отношению к коллегам из спецназа ГРУ ГШ. В этой связи несомненно, что автору данной книги удалось стать выше ведомственных амбиций, показать довольно-таки объективную картину происшедших событий.

В 1999 году белорусский журнал «Армия» опубликовал воспоминания о событиях штурма дворца Тадж-Бек бывшего командира роты «мусульманского» батальона ГРУ В.С. Шарипова, записанные журналистом П. Лёгким². Далее последовала статья А. Лебедева «Мусульманин» с орденом Ленина», вышедшая в российском журнале «Братишка», которая фактически представляет собой литературную запись воспоминаний бывшего командира группы 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ Р.Т. Турсункулова³.

Несомненно, ценность этих материалов состоит в том, что здесь (едва ли не впервые. – *Примеч. В. К.*) было отражено видение событий, произошедших во время кабульского «Штурма», глазами офицеров спецназа из состава «мусульманского» батальона, тех, кто непосредственно возглавлял штурмовые группы советских армейских разведчиков-диверсантов. Ведь В. Шарипов, Р. Турсункулов, а также

1 Зайцев Г.Н. «Альфа» – моя судьба». – СПб.: АО «Славия», 2005.

2 «Армия». – 1999, № 6. С. 48-53.

3 «Братишка». – 1999, № 9. С. 26-29.

подчинённые им офицеры, сержанты и солдаты из состава 154-го отряда спецназ ГРУ действовали в том декабрьском бою совместно с комитетчиками как на подступах, так и непосредственно в самом здании дворца Тадж-Бек. Эти статьи были перепечатаны в 2002 году московским издательством «Русская панорама» в книге под авторством «Козлов С. и др.»¹.

В 2000 году был выпущен альбом «Спецназ», посвящённый 50-летию со дня создания спецназа военной разведки. Альбом сразу разошёлся, так сказать, в «семейном» спецназовском кругу. К сожалению, он не получил официального издательского статуса, не стал предметом внимания широкой читательской аудитории, не поступил в центральные библиотеки страны. Вместе с тем, несмотря на некоторые досадные неточности, этот альбом стал определённым откровением в плане документальных свидетельств деятельности отечественного армейского и флотского спецназа.

В контексте нашего повествования особый интерес приобретают опубликованные на его страницах воспоминания «Штурм» в Кабуле» бывшего руководителя штурма Тадж-Бека генерал-майора ГРУ Генштаба В.В. Колесника. Впрочем, эта статья Василия Васильевича с некоторыми дополнениями и уточнениями (порой существенными) была перепечатана в 4, 5 номерах российского журнала «Братишка» за 2000 год, а также (под другим названием) в книге «Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны»². Выход первого тиража данной книги относится к 2000 году. К настоящему времени издательством «Русская панорама» в серии книг «Очерки новейшей истории» выпущен в свет третий тираж данного сборника статей, правда, небольшой – всего две тысячи экземпляров. Во всяком случае, так указано в выходных данных этого издания.

---

1 См.: Лебедев А. «Мусульманин» с орденом Ленина. – В книге: «Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ – 2. Война не окончена, история продолжается». – М.: «Русская панорама», 2002. С. 107-111; Шарипов В. С., Лёгкий П. Операция «Штурм». – Там же. С. 112-131.

2 См.: Колесник В. В. Как был взят дворец Амина. – В книге: «Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 3-е изд.» – М., SPSL «Русская панорама», 2002. С. 100-115.

Предваряя рассказ Василия Васильевича Колесника о штурме дворца Тадж-Бек, С.В. Козлов пишет: «О том, что дворец штурмовали «Альфа» и «Вымпел», имевшие тогда названия «Гром» и «Зенит» соответственно, в настоящее время знает каждый школьник. Об остальных участниках говорят, что «ещё был какой-то мусульманский батальон, который им вроде бы помогал, да десантура какая-то. Или нет, десантура прибыла потом...» Неудивительно, что это так. Об участии группы «А» и группы «В» в операции, носившей кодовое название «Шторм-333», написаны книги. Главное разведывательное управление Генерального Штаба всегда отличала незаурядная скромность. Именно вследствие её главные исполнители этого одноактного спектакля... до недавнего времени оставались в тени»¹. Должно быть, с основным тезисом данных рассуждений С.В. Козлова (не касаясь стилистики и тона) можно было бы вполне согласиться. Однако сделаем некоторые уточнения...

Во-первых, в осуществлении штурма принимала участие не «Альфа», как таковая, а внештатное подразделение «Гром», сформированное в основном из офицеров Группы специального назначения КГБ СССР «А» (обиходное наименование «Альфа» появилось только в 1991 году. – *Примеч. В.К.*). При этом в составе группы (подгруппы) «Гром», штурмовавшей дворец Тадж-Бек, были и офицеры из других структурных подразделений КГБ СССР (например, А.А. Якушев). А часть других «громовцев» была сориентирована на обеспечение безопасности вождей афганской оппозиции и другие объекты воздействия. Поэтому говорить о полном соответствии группы специального назначения КГБ СССР «А» («Альфы») штурмовой группе или подгруппе «Гром» не совсем правомерно. Более подробно на этом мы остановимся в нашем дальнейшем повествовании.

Во-вторых, в штурме дворца Х. Амина принимала участие не группа «Вымпел» или «В», как её именует Сергей Викторович, а офицеры внеструктурного подразделения госбезопасности «Зенит». Группа специального назначения Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР «Вымпел» была создана, хотя и с учётом опыта и привлечением бойцов бывшего внештатного «Зенита», только в 1981

¹ Там же. – С. 100.

году. Это формирование («Зенит») в основном состояло из офицеров госбезопасности, приписанных в качестве спецрезервистов к скардованной отдельной бригаде особого назначения, которую курировал специальный (восьмой) отдел управления «С» (агентурной разведки) ПГУ (внешней разведки) КГБ СССР. Поэтому утверждать, что группа специального назначения КГБ СССР «Вымпел» – это и есть «Зенит», совершенно не правильно.

В-третьих, «незаурядную скромность» Главного разведывательного управления Генерального штаба легко понять, если ещё раз вспомнить, как после событий августа 1991 года Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР был разделён (читай: развален. – *Примеч. В.К.*) на различные мелкие «силовые» структуры, структурки и структурочки. Как сообщалось об этом несколько ранее, в то время сотрудники госбезопасности, настоящие профессионалы своего дела, увольнялись со службы в массовом порядке. При этом кто-то из них открыто заявлял о личном несогласии с новыми властями, проводимой ими «реорганизацией» органов и подавал в отставку. Кто-то уходил по «сокращению штатов», «состоянию здоровья», «выслуге лет» и т.д. А кого-то убирали из органов в «добровольно принудительном» порядке.

Поэтому у многих отставных и запасных генералов и офицеров КГБ появилось достаточно свободы, если не вольности, и времени для написания мемуаров, дачи интервью падким на сенсации журналистам. А то, что при этом комитетчики не всегда проявляли объективность и корректность в отношении своих коллег из военного министерства, так это довольно легко объясняется, и об этом мы также уже рассуждали. Здесь ещё раз подчеркнём, что верить в некие недостойные мотивы подобного поведения не хотелось бы. Вместе с тем, несмотря на все «передряги», «перестройки», «реформирования», «сокращения» и прочее, прочее, прочее, Главное разведывательное управление Генерального штаба не понесло столь ощутимых кадровых и иных потерь в сравнении с тем же комитетом госбезопасности. Очевидно поэтому ГРУ ГШ и сегодня проявляет, как подметил С.В. Козлов, «незаурядную скромность».

В отношении тиражей указанных выше изданий можно сказать следующее. Книга М.Е. Болтунова «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ» была опубликована 100-тысячным тиражом, номер первый альманаха «Русские командос» за 1999 год издан в количестве 20 тысяч экземпляров, таким же тиражом издаётся и журнал «Братишка». Количество экземпляров указанного ранее альбома «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР» в выходных данных этого издания указано не было, тем не менее он поступил для реализации в свободную розничную торговлю.

Что же касается издания «ГРУшного» альбома «Спецназ» 2000 года, то он составил всего одну тысячу экземпляров, в открытую продажу не поступал. К тому же, как это отмечалось ранее, обязательные экземпляры (в силу известных обстоятельств) этого памятного издания в библиотеки страны не поступали. В свою очередь указанные ранее две книги воспоминаний офицеров спецназа ГРУ Генштаба, то есть «С. Козлова и др.», были изданы, судя по выходным данным, общим тиражом, не превысившим 10 тысяч экземпляров.

Думается, что в этой связи вполне уместно ещё раз вернуться к вопросу о времени начала публикаций воспоминаний участников осуществления государственного переворота в ДРА 27 декабря 1979 года. И здесь выявляется следующая тенденция: время начала выхода изданий комитетских с воспоминаниями (мемуары, записки, интервью и т.д.) участников и очевидцев штурма дворца Х. Амина прямо соотносится с событиями, последовавшими после распада Советского Союза и развала КГБ СССР, то есть после августа 1991 года. В отношении аналогичных «гэрэушных» материалов можно сказать, что первые из них в печати появились только в 1999 году или немного ранее этого срока. Во всяком случае, такое положение дел сложилось на информационном пространстве России.

Однако заметим, что в общественном мнении «вес» высказанных точек зрения на ту или иную проблему нередко зависит далеко не от объективности и всесторонности рассмотрения того или иного конкретного факта или события. Здесь вступают в силу факторы иного порядка, а именно: финансовые, организационные или иные возможности

различных ведомств, изданий, ветеранских объединений и других структур. Зависит он, разумеется, и от того, кто, когда и каким образом первым заявил дискуссионную, по сути, тему.

К сожалению, именно так, на наш взгляд, получилось и с освещением в отечественной беллетристике и периодике событий, связанных со штурмом дворца Тадж-Бек. Успешно совместными усилиями исполнив стоявшую в декабре 1979 года единую задачу по проведению операции «Шторм-333», некоторые представители бывшего КГБ СССР не пожелали быть до конца объективными, а порой и честными в отношении своих коллег из спецназа ГРУ, воздушно-десантных войск, представителей аппарата военных советников. Впрочем, сказанное ранее относится в первую очередь не столько к непосредственным участникам тех событий, сколько к ряду недобросовестных борзописцев, «подсевших» на актуальную тему.

5. Что пишут о «Штурме» в ближнем зарубежье

По большому счёту, нечто подобное с освещением событий, связанных со штурмом дворца Х. Амина, происходило и происходит вне пределов Российской Федерации. Это можно сказать о Белоруссии, Казахстане. Можно сказать и об Украине, где этой теме уделено значительное внимание. Итак, несколько слов о публикациях на Украине...

В канун десятой годовщины вывода советских войск из ДРА, в 1999 году, издательством «Збруч» (Киев-Тернополь) была выпущена в свет книга генерал-майора медицинской службы В.В. Пасько под названием «Ночь забытых песен». Автор, сам являющийся участником боевых действий в Афганистане, на страницах этого издания высказал ряд, несомненно, заслуживающих внимания мыслей о дне минувшем и сегодняшнем. И сделал он это через призму «афганской» самодельной песни, положив тексты многих написанных «за речкой» авторских произведений в основу своего повествования.

Как пишет В.В. Пасько от имени военврача-«афганца» Шеремета: «Эти песни – ведь это правдивая частица Той жизни. Потому что те, кто их сочинял, делал это по горячим следам для живых участников и свидетелей. Не рассчитывая на долгую жизнь своих творений и широкую известность. И они, эти одновременно и первые слушатели, и ценители, и действующие лица откровенного вранья бы не допустили. Воспринимать эти песни на слух постороннему человеку порой трудно. Потому что они как бы вырваны из контекста, из Той жизни. Полностью понять и прочувствовать их может только тот, кто был там. Но ведь эти песни – они и есть Правда. Так, может быть, их просто записать со старой плёнки на бумагу и прокомментировать? Не мудрствуя лукаво и ничего не выдумывая, «чтобы красивше было»? А там пусть кто хочет – читает, кто хочет – нет. Всё равно это частица твоей жизни и твоего времени, нравится это кому-то или нет, интересно или нет. Причём – правдивая частица. Потому что эта Правда – не только твоя, а многих людей, написавших эти песни. Ты – лишь комментатор. По возможности правдивый и беспристрастный. А из таких многих индивидуальных Правд и слагается, в конце концов, Истина. Которая своим светом озаряет дорогу Идущим с мечом и показывает им, что перед ними – такие же Люди, с которыми для начала надо попытаться разговаривать не Мечом, а – Словом. И желательно – Мудрым».¹

Возможно, эти рассуждения Владимира Васильевича кому-то покажутся банальными. И такой элемент действительно присутствует в некоторых высказываниях бывшего начальника медицинской службы 108-й мотострелковой дивизии 40-й общевойсковой армии. Но его попытка сделать собственные комментарии к самодеятельным песням советских солдат и офицеров, сочинённым и звучавшим в период афганской войны, заслуживает определённого внимания. Правда, при этом сам автор полагает «афганский» фольклор самым непосредственным и чуть ли не самым достоверным источником информации о событиях, происходивших на территории ДРА (РА) в 1979–1989 годах.

¹ Пасько В.В. Ночь забытых песен. – Киев-Тернополь: «Збруч», 1999. С. 210.

Очевидно, такая позиция весьма и весьма уязвима. Потому что рассматривать то или иное событие периода боевых действий в Афганистане, в том числе и штурм дворца Тадж-Бек, только через призму песенной поэзии и (или) своих личных воспоминаний (знаний) – это совершенно не правильно. Скорее всего, именно поэтому раздел «Начиналось это в своё время лихо и довольно весело...» указанной ранее книги В.В. Пасько содержит много фактических ошибок и досадных неточностей. А относится данный раздел как раз к событиям периода ввода советских войск в Афганистан, а также осуществления государственного переворота в Кабуле.

В этой связи приведём только один пример, когда автор «мусульманский батальон» спецназа ГРУ Генштаба совершенно неправильно именуется отрядом «Гром», состоявшим в ведении КГБ СССР. При этом В.В. Пасько называет начальником медицинской службы этого формирования капитана медслужбы Сергея Ортынова¹. Исходя из других источников, которые представляются более достоверными, начальником медицинской службы 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ ГШ был капитан медицинской службы Ибрагимов². В подтверждение последнего тезиса, пожалуй, стоит напомнить обиходное название этой воинской части спецназа ГРУ ГШ – «мусульманский» батальон. А оно было дано не случайно, а в силу того обстоятельства, что служили в ней в подавляющем большинстве военнослужащие – выходцы из мусульманских среднеазиатских республик бывшего Советского Союза.

Несомненно, со многими положениями и выводами «индивидуальной правды» Владимира Васильевича можно согласиться. Однако при этом необходимо внести ряд фактических поправок и уточнений. Только так можно более достоверно, если хотите, комплексно представить картину кабульских событий 27 декабря 1979 года.

К сожалению, в отдельных «афганских комментариях» автора книги «Ночь забытых песен» явно прослеживается желание «военного доктора» В.В. Пасько стать как бы над ситуацией. Мол, «они калечат, а мы лечим». Но так не бывает, потому

---

1 Пасько В.В. Указ. соч. С. 25.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С.151.

что все мы, военные люди, были солдатами одной армии, детьми своего времени и своей, хоть теперь уже бывшей, но некогда единой и, без тени сомнения, великой Родины. Да и плыли мы тогда по бурным волнам событий в одной лодке под названием «Ограниченный контингент советских войск в Афганистане». Впрочем, это тема для отдельного разговора...

Во всяком случае, несомненным является то, что самодеятельная песенная поэзия советских солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров периода афганской войны 1979–1989 годов является важным источником информации. Тем источником, который трудно переоценить, если взять во внимание многие до сих пор не преданные гласности обстоятельства совершенно секретной операции советских спецслужб по проведению государственного переворота в ДРА 27 декабря 1979 года.

А вот ещё одно украинское издание 1999 года, на страницах которого можно обнаружить уже другую версию штурма дворца Тадж-Бек. Речь идёт о книге военного журналиста Анатолия Гончара¹. Почти не меняя авторской стилистики и орфографии, приведём некоторые откровения из этого произведения:

«К глубокому сожалению, ошибаются и правители. В их числе – Хафизулла Амин, и в этом его трагедия. Если бы он знал. Если бы... Уж слишком он потерял бдительность, нюх правителя, что могут накрыть наши кагебисты, накрыть сходу, и его постигнет та же участь, что и Тараки.

Наши «альфовцы», десантники это сделали, правда, не совсем тихо, что с них возьмёшь, мужики-славяне от плуга и станка, а не зелёные береты, профессионалы высшего класса. И пусть он, Амин, не обижается, что в ночь с 25 на 26 декабря спецребята помешали повеселиться в ресторане, раскинушемся в горах, примерно в двух-полтора километрах от президентского дворца.

Конечно, тёмная декабрьская ночь была на руку Амину, но не спасла. Спецназовцы штурмовали дворец, в котором находился Амин, по всем правилам современного боя, напористо, как приказали в Центре.

---

¹ Гончар А.Г. «Повірка, або «Афганці» Вінниці». Художньо-документальне видання. – В.: РВВ ВАТ «Віноблдрукарня», 2000.

Генералы из Генштаба и гебешники славно задумали операцию по ликвидации, а вернее, физическому уничтожению Амина и установлению власти Бабрака Кармаля, личности ранее малоизвестной в нашей стране и в Афганистане, и, поговаривают, нашей советской марионетки. Операция прошла великолепно и гладко, даже лучше чем по Юлиану Семёнову, большому любителю описания подобных свержений монархов и установления новой, конечно же, прогрессивной власти. Десятки убитых и раненых с обеих сторон — мелочи не в счёт..

Да, Амин пал, уже нет в живых, но его не взяли, как Чапаева в подштанниках. Он, прошёл слух среди нашего брата, дрался как солдат, опытный, смекалистый солдат, защищал не только себя, но и жену, детей, понимал, что попался в ловушку и из неё вряд ли ему удастся выбраться живым.

За ним, как за матёрым волком на охоте, гонялись вооружённые люди, не жалея себя во имя богатого трофея, шли по пятам, куда он не старался скрыться, устремлялись по пятам, стреляли не жалея патронов, и он не в силах был спрятаться от них ни в одной самой потайной комнате огромного дворца, вроде они, ушлые преследователи, бывали здесь множество раз...»¹

Обратим внимание, что эти слова принадлежат подполковнику в отставке А.Г. Гончару, проходившему в ДРА службу в должностях командира агитационно-пропагандистского отряда и редактора газеты 108-й мотострелковой дивизии. При этом в Кабуле Анатолий Григорьевич оказался почти сразу после ввода советских войск. Очевидно, поэтому многие его воспоминания подобного рода содержат ссылку на личные, скажем так, «неформальные» контакты с офицерами советского Генштаба и комитетчиками.

Должно быть, читатель обратил внимание на некоторые из употребляемых автором цитируемого издания слова и меткие... выражения («Её Величество Москва», «спецребята», «гебешники», «кагебисты» и т.д.). Это определённая лакмусовая бумажка для понимания внутреннего настроения бывшего воина-интернационалиста, автора книг «Чёрный тюльпан», «Мы прошли Афган» и, конечно, «Повірка, або «Афганці» Вінниці». Впрочем, никто его осуждать не собирается: коли считает возможным для себя расставлять подобные акценты, пусть не стесняется...

---

1 Гончар А.Г. Указ. соч. С. 324-325.

Однако сама версия событий декабрьского (1979 г.) государственного переворота в Афганистане, предложенная военным журналистом А.Г. Гончаром, по большому счёту, не выдерживает критики. В качестве действующих лиц этой драмы он указывает только десантников и «альфовцев», забывая при этом сказать о других «гебешниках» («зенитовцах»), о «мусульманском» батальоне тоже ничего не сообщает. Вспоминает о кабульском ресторане, расположенном недалеко от Тадж-Бека, но даже сам день «Д»¹ указывает неправильно, потому что переносит его на двое суток назад (в ночь с 25-го на 26 декабря). Всё это как-то странно для человека, профессионально занимающегося разработкой афганской тематики. Действительно, у Юлиана Семёнова это бы лучше получилось...

С июля 2001 года начала издаваться всеукраинская военно-патриотическая газета «Спецназ». Её учредителем и издателем выступил региональный центр информации и безопасности (г. Одесса). На страницах этой газеты нередко встречаются упоминания об этой боевой (специальной) операции в Кабуле. Так, например, в статье «Специалисты» Владимира Волосюка содержится следующий опус: «Наиболее известной операцией, в которой участвовала «Альфа» является штурм дворца Амина. В книге «Шторм-333», посвящённой офицерам, прапорщикам, сержантам и рядовым – солдатам спецназа КГБ СССР и ГРУ ГШ Советской армии, авторы – Ю. Дроздов и В. Курилов подробно описывают не имеющую в мире аналогов операцию. «Гром», «Альфа» и «Зенит» благодаря высокой выучке и личному мужеству смогли изменить ход абсурдного плана, придуманного высокими «чинами-теоретиками», и под руководством Ю.И. Дроздова совершить невозможное»².

Как мы видим, в данном случае журналист и юрист В. Волосюк об участии в штурме дворца Тадж-Бек спецназа ГРУ фактически не говорит, неверно указывает он и общего

1 «День «Д» (воен. терминология) – условное обозначение дня начала войны (боевой операции). Относительного этого дня производится расчёт действий привлекаемых к ней сил и средств по времени, а также планирование и подготовка войны (боевой операции). Дни, предшествующие войне, обозначаются: «Д – 2», «Д – 1» и т.д.; а с началом операции – «Д1», «Д2» и т.д. Календарное значение «Д» является совершенно секретной информацией.

2 См.: Указанная выше газета. – №1 (1) от 13 июля 2001 г. С. 3.

руководителя операции «Шторм-333». Спецгруппы КГБ СССР «Гром», «Альфа» и «Зенит» автором статьи собраны, так сказать, в «одну кучу» (мы уже писали об этом, однако полагаем не лишним ещё раз заострить внимание читателей на этом обстоятельстве).

Ему не ведомо и то, что такой структуры, как «ГРУ ГШ Советской армии» никогда не существовало, а в действительности было «ГРУ Генштаба Вооружённых Сил СССР». Впрочем, справедливости ради, необходимо отметить, что данная неточность допущена и в самой книге Ю.И. Дроздова и В.Н. Курилова, на которую ссылается автор. Тем не менее перечисленные нами неточности, несоответствия и ошибки являются далеко не единичными в тексте статьи Владимира Волосюка.

Несколько далее в этом же номере газеты «Спецназ» помещена статья Г.С. Лобачёва «Отряд «Каскад»: 20 лет спустя или воспоминания полковника запаса СБУ», где утверждается следующее: «На штурм дворца пошли спецподразделения – группы «Альфа» и «Зенит» (КГБ СССР, командир Яков Семёнов), а также группа «Гром» (ГРУ МО СССР, командир Михаил Романов) – всего 40 человек. Вышеуказанный «мусульманский батальон» блокировал подходы к дворцу на случай задействования верных Амину воинских подразделений»¹.

А в следующем номере газеты «Спецназ» Геннадий Сергеевич предоставляет читателю такую информацию: «Я лично знаком со многими участниками штурма и из их рассказов, пройдя позже по полной программе специальную подготовку, достаточно чётко могу представить картину происходившего. Некоторых из участников я не смогу назвать, поскольку, не зная, где они сегодня и чем занимаются (это, в основном, теперь россияне), не хочу нанести им вред...»

Несколько далее по тексту Г.С. Лобачёв со ссылкой на Героя Советского Союза Виктора Карпухина утверждает: «Во время штурма дворца вся охрана Амина (по мнению очевидцев и участников тех событий, 200 человек личной гвардии и около 800 человек внешней охраны), он сам и большинство его окружения погибли в бою. Результат операции

---

1 Там же. С. 7.

свидетельствует об отличной подготовленности спецгрупп и тщательности её планирования. Из состава спецгрупп двое погибли (в том числе полковник Г. Бояринов, которому многие обязаны жизнью), более половины получили ранения. Власть была передана новому лидеру Афганистана, ожидавшему на аэродроме в Баграме, – Бабраку Кармалю, срочно доставленному до этого спецрейсом из Праги, куда он в своё время был отправлен Амином в «почётную ссылку» в качестве посла ДРА в Чехословакии. Так закончился переворот»¹.

В связи с приведёнными нами отрывками из статей Г.С. Лобачёва заметим, что многие утверждения уважаемого Геннадия Сергеевича, к сожалению, не соответствуют действительности. В частности роль «мусульманского батальона» спецназа ГРУ в этих мемуарах сводится только к «блокированию подходов к дворцу на случай задействования (так в тексте. – *Примеч В.К.*) верных Амину воинских подразделений». Но они, как известно, к дворцу Тадж-Бек так и не подошли. О том же, что активными действиями 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ с приданной парашютно-десантной ротой ВДВ и взводом ПТУРС были нейтрализованы находившиеся в непосредственной близости с дворцом другие афганские части и подразделения, непосредственно входившие в систему охраны и обороны этого здания, не говорится вообще ничего.

С другой стороны, внештатное подразделение госбезопасности «Гром», сформированное в основном из бойцов группы специального назначения КГБ СССР «А», Г.С. Лобачёв совершенно неправоммерно относит к «ГРУ МО СССР». Кстати сказать, такой структуры, как «ГРУ МО СССР», тоже никогда не существовало. Своего коллегу Михаила Романова автор статьи полагает армейцем, что не соответствует действительности. Ведь на самом деле майор М.М. Романов был офицером КГБ из состава группы специального назначения «А».

В той же газете «Спецназ», как мы отмечали несколько ранее, в одном случае Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооружённых Сил СССР называется «ГРУ ГШ и ВМФ» (В. Волосюк). В другом – «ГРУ Генштаба

¹ Газета «Спецназ». – 2001, № 2, 1 августа. С. 4.

Советской армии» (В. Волосюк). В третьем – «ГРУ МО СССР» (Г.С. Лобачёв). Однако подобного рода структур военно-административного управления в Советском Союзе (во всяком случае, в описываемое время. – *Примеч. В.К.*) не существовало. В свою очередь такие понятия, как «Советская армия», «МО СССР», «Вооружённые Силы СССР», являются далеко не тождественными.

По этому поводу только заметим, что в состав вооружённых сил того периода входили не только собственно армия, но и военно-морской флот, внутренние войска Министерства внутренних дел, пограничные войска Комитета госбезопасности и ряд других воинских формирований бывшего Советского Союза. А на этот счёт надобно иметь чёткие представления, взявшись писать на заданную тему. Во всяком случае, подобного рода «ошибки» и «неточности» для специализированного издания являются недопустимыми и непростительными.

В 2002 году киевским издательством РИА «Марко Пак» была выпущена в свет книга заместителя председателя государственного комитета Украины по делам ветеранов В.И. Аблазова «Афганистан: Четвёртая война»¹. В ней автором описан и анализируется ряд событий, непосредственно предшествовавших вводу частей и подразделений советской армии в ДРА. Определённое внимание Виктор Иванович уделил и событиям 27 декабря 1979 года, участником которых он был сам как военный советник при командовании училища ВВС и ПВО афганской армии. Собственно говоря, именно этим книга В.И. Аблазова для нас интересна. С нашей точки зрения, приведённые здесь рабочие записи бывшего советского офицера, датированные июнем–декабрём 1979 года, представляют собой весьма ценный первоисточник для изучения интересующего нас периода новейшей отечественной истории.

Вместе с тем описание автором событий, в которых он непосредственного участия в то время не принимал, что связано, в частности, со штурмом спецназом ГРУ и КГБ дворца Тадж-Бек, содержит в себе ряд существенных

---

¹ См.: Аблазов В.И. Афганистан: Четвёртая война. – Киев, РИА «Марко Пак», 2002.

неточностей. При этом в самой книге приводится весьма солидная библиографическая справка. Впрочем, автор и не ставил перед собой цель досконально разобраться в том, какими силами и каким образом происходили эти ключевые события декабрьского государственного переворота в Афганистане. Тем не менее к содержанию этой книги по ходу нашего повествования мы будем обращаться не раз.

Здесь же заметим, что, когда выходят публикации с отдельными вполне простительными недоработками, это, как говорится, полбеда. Однако совершенно другое дело, когда солидные издательства выпускают в свет «произведения» типа появившейся в начале 2003 года на книжных прилавках Украины книги Г.П. Коржа «Афганское досье: Война СССР в Афганистане»¹. Ведь это творение весьма предприимчивого «украинского дипломата и журналиста» с предисловием министра обороны Украины генерала армии В. Шкидченко было заявлено чуть ли не как история участия Советского Союза в афганских событиях 1970-1980 годов.

Однако при ближайшем рассмотрении этой книги выясняется, что подобного рода амбиции, как и само авторство Г.П. Коржа, заявленные в данном издании, не имеют под собой реальной почвы. Ведь многое, Г.П. Коржу не принадлежащее, в том числе и воспоминания В.И. Аблазова, было здесь недостойным способом присвоено названным господином. Впрочем, по этому поводу можно было бы употребить более точное правовое или даже не правовое выражение. Досадно и то обстоятельство, что указанное нами, с позволения сказать, «военно-историческое произведение» было выпущено в свет авторитетным харьковским издательством «Фолио».

Разумеется, перечень изданий и публикаций на тему ввода советских войск в Афганистан, совершения государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года, вышедших на Украине, вовсе не ограничивается перечисленными ранее статьями и книгами. Ко многим из них мы ещё обратимся в ходе нашего дальнейшего повествования.

---

¹ Корж Г.П. Афганское досье: Война СССР в Афганистане. – Харьков: Фолио, 2002.

6. Несколько слов о западных публикациях

Изучению вопросов участия советских воинских формирований, спецназа ГРУ и КГБ, спецслужб в афганских событиях 1970–1980-х годов на Западе уделяется значительное внимание. Особенно интерес к данной проблематике возрос в канун и после ввода в эту страну войск США и их сателлитов. Чтобы лучше понять, под каким углом, как идут изучение и осмысление этого советского опыта, обратимся к подготовленной к печати московским издательско-торговым домом «Гранд» и вышедшей в свет в 2001 году книге британского специалиста в области проведения специальных операций Стива Крофорда «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран»¹.

Чем для нас, поставивших перед собой цель разобраться в существе государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года, интересно это издание? Прежде всего тем, что здесь отображена наиболее распространённая точка зрения западных специалистов (военных и политиков) на интересующие нас события. Эту точку зрения для краткости можно было бы легко уложить в формулы названий двух глав (статей) одиннадцатого раздела указанной книги, а именно – «Политические убийства, совершённые российским спецназом» и «Политическое убийство в Кабуле».

Однако, несмотря на столь конкретные и уничижительные заголовки, на две трети содержание этих статей посвящено не российскому, а американскому «законодательному» обоснованию допустимости и возможности осуществления силами спецназа Соединённых Штатов политических убийств. Кроме этого здесь приводится конкретный «опыт» осуществления подобного рода деятельности военнослужащими смешанной десантно-диверсионной группы ВМС США во Вьетнаме и Камбодже в рамках проекта «Феникс».

---

¹ Крофорд Стив. «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран»/Перевод с английского М. Веселковой. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

Эти обстоятельства, с одной стороны, весьма чётко показывают определённую политическую ангажированность данного издания. А с другой стороны, дают возможность наглядно убедиться, что идеологические стереотипы времён холодной войны до сих пор весьма прочно уживаются в сознании граждан стран так называемого «свободного мира». Что взгляды подобного рода и сегодня пытаются внедрить в сознание западного обывателя. Который, очевидно, и ныне должен быть готов во всеоружии защищать «идеалы демократии» где-нибудь в районе Кандагара, Басры, Тегерана, Самары, Архангельска или Краснодара...

В этой связи попытаемся лишь высказать недоумение по поводу того, что в российском издании книги «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран» переводчики (издатели, редакторы) Стива Крофорда даже не посчитали возможным дать собственные комментарии к ней. А ведь при чтении этого фолианта возникает масса вопросов. Ну, взять хотя бы тот факт, что специальные формирования КГБ СССР, задействованные в проведении государственного переворота в Кабуле, с упорством, достойным лучшего применения, именуется автором не советским спецназом, а спецназом *российским* (*Курсив. — В.К.*). А ведь это, мягко говоря, далеко не равнозначные понятия, о чём господин Ст. Крофорд как бы разума не имеет.

Тем не менее из данного источника можно почерпнуть весьма любопытную информацию. Скажем о том, что законодатели палаты представителей конгресса США допускают подобного рода деятельность для собственных войск специального назначения.

По этому поводу в книге «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран» мы читаем следующее: «Политические убийства и похищение людей являются вполне законной сферой деятельности подразделений спецназначения; выполнение таких операций обусловлено политико-социальными соображениями. Официальные действия, направленные на захват

и уничтожение главарей сил, нарушающих общественный порядок, и международных террористов, законны и призваны защищать интересы граждан. Между этими задачами есть нечто общее. Для выполнения обеих необходимо иметь навыки маскировки, уметь отслеживать цели, готовность уничтожить человека без каких-либо колебаний. Гораздо проще ликвидировать деятеля местного уровня, чем очень известного и видного человека, имеющего мощную охрану. Устранение последнего может неблагоприятно сказаться на боеспособности противника в период войны»¹.

И хотя к сказанному трудно что-либо добавить, всё-таки позволим себе подчеркнуть, что в данном случае речь идёт об инструкции для войск специального назначения США, разработанной и утверждённой при деятельном участии американских законодателей. Таким образом, перед нами своеобразная индульгенция для американского спецназа на тот случай, когда, говоря словами известного персонажа из чеховского «Человека в футляре», «как бы чего не вышло...» Впрочем, автор стыдливо именуется этот документ «полуофициальным». В связи с чем позволим заметить, что «полуофициальных» (!) инструкций по боевому применению спецназа не бывает. Потому как, либо они есть, либо их нет. И третьего не дано.

После цитирования выдержки из инструкции американского конгресса для войск специального назначения США Стив Крофорд неожиданно заявляет следующее: «Российский спецназ (Так в тексте. – *Примеч. В.К.*) относится к числу немногих подразделений войск спецназначения, в обязанность которых входит совершение политических убийств как в военное, так и в мирное время. Во время холодной войны бойцов спецназа готовили к заброске на Запад с целью ведения разведки и осуществления диверсионных операций. Последнее предусматривало убийство военных и политических деятелей»².

---

1 Крофорд Ст. Указ. соч. – С. 222.

2 Там же.

Однако фактов применения ни советского, ни российского спецназа в мирное время автор не приводит. Не пишет он и о том, входят ли в число этих «немногих войск спецназначения», имеющих целью осуществление политических убийств «как в мирное, так и в военное время», например, спецназ британский или американский. Хотя, судя по «полуофициальной» инструкции, и так понятно, что входят.

Далее в книге «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран» следует «документальное обоснование» подобного утверждения посредством ссылки на... «Советскую военную энциклопедию» без указания выходных данных издания и соответствующей страницы. Здесь господином Ст. Крофордом как бы «воспроизводится» следующее утверждение: «Ведение разведывательной деятельности осуществляется с целью получения информации о военном, экономическом и политическом потенциале, а также боевом духе вероятного и реального противников. Основные задачи разведывательной деятельности спецназа: получение сведений о крупных военных и экономических объектах противника либо их уничтожение или же вывод из строя; организация диверсионных актов; выполнение карательных операций против повстанцев, осуществление пропагандистской деятельности, формирование подразделений пятой колонны...»¹

Подобным «документальным» образом Стив Крофорд пытается доказать своим читателям, что названный им не совсем ясный советский источник говорит о задачах современного российского спецназа. Или, иными словами, что в военно-популярной литературе канувшего в Лету государства, то есть Советского Союза, содержится перечень задач спецназа одной из пятнадцати держав, образовавшихся на постсоветском пространстве, то есть Российской Федерации. Но ведь речь идёт не только о разных государствах, но и о разных геополитических устремлениях, разных военно-политических ситуациях и военных доктринах, разных

---

1 Там же.

вооружённых силах, разных формированиях специального назначения. Эти обстоятельства как будто не известны автору книги «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран». Досадно как-то становится за господина Стива Крофорда.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что в свою очередь советские военно-энциклопедические и энциклопедические издания занимались не меньшим мошенничеством, чем вышеупомянутый автор. Дело в том, что все толкования в них терминов типа «Войска специального назначения», «Диверсия», «Разведывательно-диверсионная группа (отряд)», «Террор», «Террористический акт» и так далее обязательно сопровождались пометкой – «иностран.», то есть нечто вроде грифа – «К СССР не относится».

Этим подразумевалось, что данные войска, группы, отряды и тому подобные формирования имеются только в «вооружённых силах ряда капиталистических государств». Что они «широко используется империалистами США и других стран в борьбе с революционными, демократическими и национально-освободительными движениями». Что это «один из способов подрывных действий капиталистических разведок и спецслужб на территориях других стран, прежде всего стран социалистического содружества, в мирное время. По советскому законодательству – особо опасное государственное преступление» и так далее.

Адресуем читателя в этой связи хотя бы к «Военному энциклопедическому словарю», подготовленному к изданию в 1984 году институтом военной истории Министерства обороны СССР¹ и «Советскому энциклопедическому словарю»².

Зачем мы столь подробно остановились на этих вопросах? Прежде всего для того, чтобы более наглядно продемонстрировать читателю методику подтасовок некоторых «специалистов» при выстраивании системы доказательств в

1 Указ. соч. – С. 154, 233, 736.

2 СЭС/Научно-редакционный совет: А.М. Прохоров – председатель. – М.: «Советская энциклопедия», 1984. – С. 394, 1335.

ходе обосновании той или иной ложной позиции. Однако на сам вопрос о том, входят ли задачи по осуществлению политических убийств в перечень боевых задач подразделений специального назначения тех или иных государств, мы должны ответить утвердительно.

При этом из общего списка диверсионно-разведывательных подразделений различных стран мира не стоит исключать какое-либо формирование только на том основании, что это не записано в официальной или «полуофициальной» инструкции по его боевому применению. Мотивируем это тем, что, если даже задача по физическому устранению военных и политических лидеров государства агрессора или государства, объявленного таковым, не прописана документально в мирное время, она в любом случае неизбежно возникнет перед бойцами диверсионно-разведывательного спецназа в военное время или в особый период. Просто-напросто тогда будет не до сантиментов и не до двойных стандартов. Ведь к тому времени уже некогда будет заниматься «сохранением лица», «общечеловеческими ценностями» и соблюдением разного рода приличий.

Не так ли поступали во время недавних событий на Балканах страны коллективного агрессора, то есть НАТО, в отношении сербских политических и военных руководителей, которые объявлялись «вне закона», за поимку которых назначалась крупная денежная мзда? Что же касается юридической составляющей данного вопроса, то мы на примере гагского судилища над бывшим президентом Югославии Слободаном Милошевичем прекрасно видели, как с больной головы ответственность переносится на... другую голову, пусть даже и не совсем здоровую.

В качестве одного из «классических примеров стратегического убийства по политическим мотивам» (в данном случае «речь идёт о полном отрицании права противника на руководство страной») Стив Крофорд приводит операцию «российского» спецназа по уничтожению афганского президента Хафизуллы Амина. При этом автор характеризует штурм

дворца Тадж-Бек, как физическое устранение руководства целой страны, осуществлённое с «крайней жестокостью»¹.

Со слов господина Крофорда всё выглядело примерно так: пришли плохие парни и уничтожили хороших парней. При этом сам автор постоянно умудряется подменять понятия, где-то изрядно переборщить, о чём-то «скромно» умолчать. С одной стороны, это как-то объясняется необходимостью постоянного подогрева читателя существованием жестокого и коварного врага в лице современной России. Однако, с другой стороны, подобные вердикты Стива Крофорда и ему подобных зарубежных специалистов в области специальных операций представляют собой слишком упрощённое видение событий, произошедших в Кабуле 27 декабря 1979 года.

Хочется обратить внимание читателя и на то, что, описывая аналогичные операции, например, американского спецназа, сам автор книги «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран» всячески старается найти оправдательные формулировки, стремится сгладить собственный обличительный тон оговорками типа: «Возможно, этот поступок покажется жестоким (речь идёт об убийстве американскими спецназовцами пяти мирных вьетнамцев. – *примеч. В.К.*), но...» Или: «...Это ведь была просто работа под названием «терроризм»². И так далее.

Здесь так и хочется вспомнить аргументацию американцев, обосновывающую применение США ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки – старались избежать огромных жертв в результате затягивания войны с Японией и в случае высадки на её территорию союзных сухопутных сил.

Нет, мы вовсе не собираемся заниматься детальным разбором подобных утверждений: у нас в рамках данного исследования задача другая. Но давайте только зададим себе вопросы... Быть может, «точечное» применение диверсионно-разведывательного, антитеррористического спецназа

---

1 Крофорд Ст. Указ. соч. – С.223.

2 Крофорд Ст. Указ. соч. – С. 225-226.

в отдельных военно-политических ситуациях тоже позволяет избежать массовых потерь гражданского населения и личного состава противоборствующих сторон? Возможно, порой физическое устранение руководства целой страны, осуществлённое с «крайней жестокостью», бывает более гуманным актом, чем развязывание полномасштабного военного конфликта?..

Кстати сказать, исходя из примерно таких соображений, российский император Павел I в своё время предлагал вообще заменить войны «дуэлями королей». «Зачем, – полагал он, – втягивать целые армии и народы в кровопролитные, опустошительные военные противостояния? Захотел глава одного государства что-либо поиметь от другой державы, нет проблем – вызывай своего коллегу-венценосца на поединок и бейся с ним не на живот, а на смерть...»

Согласитесь, какое красивое, хотя и утопическое предложение по разрешению многих проблем человечества. Увы, никто из «помазанников божьих» не захотел внять Павлу...

Но, возвращаясь к теме нашего повествования, заметим, что если во главу угла ставить вопрос минимизации человеческих жертв, то пусть уж лучше будет кровавый государственный переворот, чем полномасштабная (по всем правилам военной науки) война. А в идеале, конечно, пусть воплотится в жизнь романтический утопизм императора Павла I...

В теоретическом плане Стив Крофорд, к сожалению, даже не пытается взглянуть на проблему участия формирований спецназа в подготовке и проведении государственных переворотов. Он ограничивается только примерами «стратегических убийств по политическим мотивам», как одной из форм карательных операций. Однако, говоря о кабульских событиях 27 декабря 1979 года, мы должны иметь в виду, что в данном случае речь идёт не столько об осуществлении акта политической мести, сколько об организации, планировании и проведении одним государством (СССР) военно-политического переворота в другом государстве (ДРА). Переворота,

которому впоследствии тщетно пытались придать видимость внутреннего, хотя участие в нём собственно афганских оппозиционных сил было незначительным. Однако оно, вне всяких сомнений, было.

Впрочем, данный пример (кабульский) в прошедшем столетии был далеко не единичным, хотя и весьма показательным. Ведь одной из его главных отличительных черт было то, что советские специальные формирования решали задачу не столько тактическую или оперативную (в военном понимании этих терминов. – *Примеч. В.К.*), сколько стратегическую. В результате её реализации были достигнуты известные военные и политические цели, определённые руководством Советского Союза и афганской оппозицией просоветской ориентации. Так что низводить кабульские события 27 декабря 1979 года до уровня карательной операции, как это пытается сделать Стив Крофорд, по крайней мере, несерьёзно.

В отношении самих этих событий автор книги «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран» имеет весьма поверхностное представление. Операцию советского спецназа, а он пишет только о спецподразделениях КГБ, даже не упоминая о существовании «мусульманского» батальона спецназа ГРУ, Стив Крофорд пытается разложить как бы на два этапа. Первый, по его утверждению, состоял в том, когда силами опять же «российского», а не советского спецназа был захвачен аэропорт Кабула и подступы к нему. Чего, как известно, в действительности не было. Ведь советские воздушно-десантные войска ещё за два дня до штурма Тадж-Бека на глазах многочисленных пассажиров (в том числе и иностранных) столичного аэропорта в плановом порядке производили выгрузку личного состава и боевой техники. И никакого открытого противостояния между советскими и афганскими военнослужащими в те дни не было.

Что же касается второго этапа (по Стиву Крофорду), то, как он пишет: «Спецназовцы получили приказ атаковать дворец, причём руководители подчеркнули, что «операция строго

секретна, и ни один человек не должен выйти из здания»¹. Правда, сначала спецназовцы столкнулись с сильным сопротивлением охраны дворца, но в конечном итоге они одержали верх. И Амин, равно как и вся его охрана, были убиты. Во время операции русские (так в тексте книги. – *Примеч. и курсив В.К.*) потеряли двоих, один из них – подполковник КГБ Бояринов. По словам одного из участников этой операции, «военнослужащие российского (так в тексте книги. – *Примеч. и курсив В.К.*) спецназа использовали оружие с глушителями и физически устраняли противника, как профессиональные убийцы»².

В связи с изложенным здесь текстом вновь возникает масса вопросов. Например, зачем было нужно применять оружие с глушителями, если с самого начала, как это утверждает Стив Крофорд, «спецназовцы столкнулись с сильным сопротивлением охраны дворца»? Почему остались в живых многие бойцы охраны дворца, находившиеся в нём во время штурма видные государственно-общественные деятели ДРА, родственники Х. Амина (например, Ф.М. Факир, дочь Х. Амина, другие), если, как сообщает об этом автор книги, советским руководством отдавался приказ всех находившихся во дворце афганцев уничтожить?

Выходит, советские спецназовцы не выполнили приказа своего руководства? Существует ли в действительности аноним из числа участников штурма дворца Х. Амина, на слова которого ссылается Стив Крофорд, если этот «достоверный» информатор путает спецназ российский со спецназом советским и массу других фактических обстоятельств?..

Вряд ли стоит дожидаться ответов на эти вопросы. Ведь, пожалуй, и без того ясно, что автор книги явно в угоду своим идеологическим пристрастиям передёргивает факты, подменяет понятия, да и просто-напросто мало знает о реальных

1 Крофорд Ст. Указ. соч. – С. 223-224.

2 Там же.

событиях, связанных со штурмом дворца Тадж-Бек. Тем не менее (и здесь не грех повториться), точка зрения, изложенная господином Стивом Кроффордом в книге «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран», является весьма характерной для западного общественного мнения (политиков, военных, обывателей).

Собственно говоря, именно поэтому мы и уделили ей столь значительное внимание. При этом вряд ли стоит скрывать досаду, что подобные злые нелепости многотысячно тиражируются российскими издательствами, в погоне за прибылью забывшими об объективности и достоверности, не говоря уже о рамках элементарного приличия и чувстве собственного достоинства.

Заметим, что голливудский «зелёный берет» Джон Рэмбо, выполнявший во Вьетнаме аналогичные задачи, что и советский спецназовец в Афганистане, не только давно оправдан американским кинозрителем и обывателем, но и стал в его восприятии национальным героем современной Америки. В свою очередь наш киногерой командир подразделения советского спецназа майор Бандура (кинофильм «Афганский излом» с итальянским актёром Микеле Плачидо в главной роли) стал лишь жертвой несправедливой войны, добровольно подставившим себя под «праведную» душманскую пулю.

Но, идя таким путём, Россия больше никогда не получит новых Матросовых и Космодемьянских, если потребность в них (не дай Бог!) возникнет. Ведь некоторые историки уже постарались довести до сведения общественности, что на самом деле Александр Матросов не закрывал амбразуру вражеского дота, а лишь бросился на вентиляционное отверстие фашистского бункера. В свою очередь и Зоя Космодемьянская, мол, напрасно молчала на допросе, ведь её бывший товарищ по разведгруппе к тому времени уже всё добровольно поведал оккупантам и даже начал с ними сотрудничество в качестве «двойного» агента.

С точки зрения этих исследователей, получается, что напрасно были потрачены жизни этих молодых патриотов.

Да и вообще, стоит ли делать что-то жертвенное во имя Отечества?.. Но, когда нет национальных героев, нет и нации. В свою очередь держава, позволяющая подобные вольности в адрес своих защитников, явно рискует перестать быть таковой. И Российская Федерация, её Вооружённые силы в первое десятилетие своего существования уже в полной мере ощутили на себе плоды подобной политики.

Поэтому следует ли забывать о здоровой национально-патриотической позиции, которая вполне может претендовать и на объективность? Ведь вряд ли наши пристрастия стоит низводить до уровня ангажированности и предвзятости, которые мы обнаруживаем у того же господина Стива Крофорда.

Кроме подробно рассмотренной книги «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран» на Западе было достаточно много других изданий и публикаций. Среди них, пожалуй, особо часто цитируемой является книга Марка Урбана. К некоторым из этих источников мы будем обращаться в ходе нашего дальнейшего повествования.

7. Некоторые другие источники информации

Хотелось бы искренне заверить читателя, что у автора этих строк вовсе не было и нет желания запутать кого-либо в той разногласице мнений, которая существует в связи с освещением событий государственного переворота в ДРА 27 декабря 1979 года и его центральным пунктом – штурмом дворца Х. Амина. Но согласитесь, что, анализируя содержание различных книг, статей отечественных и зарубежных авторов по интересующей нас теме, порой создаётся впечатление, как будто речь в них идёт о совершенно независимых друг от друга, одновременных событиях. Ведь перед нами

предстают не только различные (нередко взаимоисключающие) оценки этого драматического действия, но и разные герои, разные коллективы действующих лиц, разные имена, даты, цифры...

И ещё несколько слов о других источниках данного исследования. В дальнейшем повествовании мы не раз будем обращаться к некоторым официальным материалам, опубликованным ранее в открытой и «для служебного пользования» печати. Среди изданий, где они были воспроизведены (преданы гласности) впервые, можно назвать «Специальный бюллетень» института востоковедения АН СССР (М.: «Наука», 1986. ДСП. №5), «Коммунист Вооружённых Сил» (М., 1990. № 19; 1991. № 12), «Военно-исторический журнал» (М., 1991. № 7), а также ряд книг¹.

Кроме того, вниманию читателя будут предоставлены некоторые ранее не публиковавшиеся в России материалы. В этой связи подчеркнём, что для нас важно не столько то, чтобы напечатать (процитировать) тот или иной официальный документ или иное свидетельство, относящиеся к событиям государственного переворота в ДРА, сколько дать им соответствующее толкование. При этом обратить внимание на истинную подоплёку их появления, на те детали, которые прежде оставались вне поля зрения исследователей афганской проблематики.

Книга, которую вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках, по большому счёту, была написана в 2004 году. С тех пор вышло несколько объёмных публикаций на данную тему, однако, как показало время, это несколько не убавило ценности сделанных ранее выводов и, тем более,

---

1 А.А. Ляховский, В.М. Забродин. Тайны афганской войны. – М.: Планета, 1991.; А.А. Ляховский. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995./Приложения; А.А. Ляховский. Трагедия и доблесть Афгана/2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004.; В.Н. Пластун, В.В. Андрианов. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М.: «Русский библиографический институт и агентство «Сократ», 1998.; В.И. Аблазов. Афганистан. Четвёртая война. – Киев: РИА «Марко Пак», 2002., другие издания.

не опровергло их. Не вдаваясь особо в причины задержки этой публикации, автору всё-таки хотелось бы высказать огорчение в связи с тем обстоятельством, что данное издание не стало предметом читательского внимания в канун широко отмечавшегося в 2005 году 55-летия специальной разведки ГРУ Генштаба ВС СССР.

Увы, но у некоторых руководителей общественности от спецназа военной разведки, к сожалению, не нашлось времени для того, чтобы должным образом ознакомиться с содержанием данной книги. Ну, да что уж теперь об этом?..

Таким образом, подводя некоторые промежуточные итоги ранее сказанного, можно сделать следующие выводы:

Во-первых, на сегодняшний день имеется значительный объём публикаций, посвящённых началу ввода экспедиционного контингента советских войск в Афганистан, государственному перевороту в ДРА и штурму дворца Х. Амина.

Во-вторых, в книгах, газетных и журнальных статьях, описывающих кабульские события 27 декабря 1979 года, высказаны различные, порой взаимоисключающие точки зрения и суждения, которые нередко находятся в прямой зависимости от ряда субъективных факторов (должностного положения, ведомственной принадлежности, степени участия рассказчика в данных событиях, а также заказчика, издателя и т.д.).

В-третьих, перечисленные ранее обстоятельства внесли не столько ясность, сколько ещё большую путаницу в осмысление данной проблемы. Поэтому и сегодня многие вопросы, связанные с подготовкой и осуществлением этого государственного переворота в ДРА, мерой и степенью участия в нём советского спецназа ГРУ и КГБ, войсковых формирований, военных советников и специалистов, остаются открытыми.

Ответить хотя бы на часть из них мы и попытаемся в ходе нашего дальнейшего исследования. Поэтому данную публикацию следует рассматривать, как желание автора

представить на суд читателей различные мнения, принадлежащие как офицерам спецгрупп КГБ СССР, так и спецназа ГРУ Генштаба. Как руководителям, хорошо знавшим общий замысел операции, так и рядовым бойцам, непосредственно осуществлявшим реализацию этих замыслов на практике. Разумеется, представить и свои суждения на этот счёт. При этом, насколько возможно, будем стараться исключить ведомственные, корпоративные интересы и амбиции.

Раздел II: Из истории спецназа ГРУ и КГБ

Спецназ-рулетка

Наше дело — война и разведка,
Но не просто разведка — спецназ.
Это русская наша рулетка:
Мы поставим, и ставят на нас.

Пусть играют спецназом опасно:
Жизнь и Смерть, а других ставок нет.
Но к чему опасаться напрасно? —
Всё равно не дожить до ста лет.

Кто-то ход задаёт барабану —
И патрон револьверный идёт
По Чечне, Приднестровью, Афгану,
По Балканам и дальше вперёд.

Остановка. Курок. Вроде — мимо...
Ну да ладно, — мы снова начнём.
Неизбежности, неоспоримо,
Не минуем и этим живём.

Остановка. Курок... Наконец-то
День за три отменили нам счёт...
А штабной генерал — вот стервец-то —
Ордена нам посмертно зажмёт.

Нас уложат в сырые постели,
Трижды стрельнут и спишут на раз.
Только завтра на свежие цели
Снова выпишут русский спецназ.

*Московия,
февраль 2001 года*

Для того чтобы более чётко уяснить смысл событий, происходивших в Кабуле 27 декабря 1979 года в ходе проведения операции «Шторм-333», очевидно, необходимо иметь определённые представления и по следующему кругу вопросов: что такое советский спецназ? Чем он был призван заниматься, каковы его цели и задачи, организация, органы управления? Чем отличается спецназ диверсионно-разведывательный от спецназа антитеррористического? Кем и когда были созданы эти формирования специального назначения? Были ли исторические предшественники у советского спецназа? Что общего и в чём состоят отличия в деятельности спецназа ГРУ Генштаба Вооружённых Сил и КГБ СССР?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, давайте уделим внимание истории создания и последующего развития советского спецназа. Однако сразу оговоримся, что в рамках нашего повествования будет дан только общий план формирования и становления частей и соединений спецназа военной разведки и специальных формирований комитета государственной безопасности Советского Союза. При этом постараемся уделить определённое внимание вопросам боевого предназначения советского спецназа, рассказу о его органах управления, системе подготовки кадров, а также о тех людях, которые составляли и составляют его гордость.

И речь в этом разделе пойдёт о диверсионно-разведывательном спецназе ГРУ Генштаба ВС СССР, его смежниках из Первого главного управления (внешняя разведка) комитета госбезопасности и антитеррористическом спецназе, первоначально создававшемся в рамках Седьмого Управления КГБ СССР.

1. Что такое диверсионно-разведывательный спецназ?

Разведка – понятие широкое и многогранное. Она, если пользоваться официальным понятийным аппаратом, представляет собой совокупность различных мероприятий, имеющих основной целью сбор и анализ данных о действительном или вероятном противнике, его политическом, экономическом и военном потенциале. Кроме агентурной и войсковой разведки также различают космическую, авиационную, электронную, и другие её виды. Вместе с тем разведка – это не только добывание информации и аналитика, это и активные действия ряда её структурных подразделений, имеющих задачей нанесение поражения противнику в его собственном тылу. Поэтому как бы особой её составляющей частью является деятельность созданных в различных странах мира формирований разведки специального назначения или специальной разведки, или спецназа. Так что же такое спецназ?..

Очевидно, на этот вопрос автор этих строк уверенно и просто ответил, если бы он был задан более двадцати лет назад, в бытность службы заместителем командира отдельного отряда специального назначения, находившегося в оперативном подчинении ГРУ Генштаба ВС СССР. Однако сегодня, когда только самое захудалое министерство или ведомство на просторах бывшего Советского Союза, да ещё при очень ленивом и до неприличия неамбициозном начальнике не имеет собственного «спецназа», на этот вопрос ответить становится трудно.

Что касается России, то здесь свой «спецназ» есть в министерствах по чрезвычайным ситуациям и юстиции, у милиционеров, таможенников, налоговиков, в судебных учреждениях и даже... на железнодорожном транспорте (?!). Ныне создание собственного «спецназа» стало последним криком моды. Однако вызвано это вовсе не практической целесообразностью, а соображениями политики, престижа и, если хотите, новым имиджем власти и одновременно её последней болезнью. Между тем обладание собственным спецназом – дело всегда и везде весьма дорогое и хлопотное.

Но, включив сегодня телевизор или радио, развернув газету или журнал, с удивлением обнаруживаем, что демонстрации политически озабоченных наших сограждан разгоняет при помощи резиновых дубинок, водомётов и слезоточивого газа какой-то милицейский «спецназ». Неповиновение исполнению судебных решений жёстко пресекается судебским «спецназом». Бунтующих эков приводит в чувство «спецназ» доблестного главного управления по исполнению наказаний Минюста и т.д., и т.п.

Да что там говорить, если вслед за государственными структурами разного рода коммерческие фирмы стали обзаводиться собственным «спецназом». Правда, при ближайшем рассмотрении подобные формирования, как правило, оказываются всего лишь легализованными криминальными сообществами.

При этом пишут у нас о спецназе очень много. Порой даже создаётся впечатление, что в природе уже не существует раскрученного издательства, нет новомодного писателя, которые не брались бы за эту тему. Тем не менее правды в бесчисленных фолиантах мало. И здесь трудно сказать, хорошо ли это или плохо, когда не пишут правду о настоящем спецназе. Ведь, принимаясь за эту довольно-таки щепетильную тему, автор всегда должен помнить, что эта правда в любой момент может стать миной замедленного действия. Что ни в коем случае книга о настоящем спецназе не должна стать учебником для начинающего... террориста или пособием по распространению «передового опыта» террористов со стажем.

Так всё-таки, где и что сегодня можно узнать о настоящем спецназе? Чтобы ответить на этот вопрос, откроем «Военный энциклопедический словарь», подготовленный к изданию Институтом военной истории Министерства обороны СССР (1984 г.). Здесь на странице 154 можно прочитать следующее: «Войска специального назначения – особые части и подразделения в вооружённых силах ряда капиталистических государств, предназначенные для ведения разведывательно-диверсионных и террористических действий, организации повстанческой деятельности, пропаганды и подрывных действий на иностранных территориях или в тылу противника, ведения психологической войны. Используются

и в мирное время, особенно в период обострения международной обстановки».

Теперь уточним приведённое ранее определение и на странице 233 прочитаем: «Разведывательно-диверсионная группа (отряд) – специально подготовленное подразделение, предназначенное для разведки и диверсий в тылу противника. Оснащается минами, зарядами взрывчатых веществ, различными воспламенителями-автоматами, термитными смесями, напалмом, радиоактивными веществами и другим. Переброска (засылка) в тыл противника осуществляется скрытым переходом фронта, выброской с самолёта (вертолёта), высадкой на побережье с подводных лодок, катеров и других средств...»

Если уважаемый читатель предположит, что автор этих строк задумал задним числом заняться опровержением и разоблачением приведённых ранее суждений, то он глубоко ошибётся. Ведь ВЭС даёт нам вполне пригодные и довольно чёткие даже для дня сегодняшнего представления о том, что такое настоящий спецназ, каковы его цели, состав, способы действий, чем по сути своей он призван заниматься.

Правда, ВЭС как бы упустил из виду вопрос о том, что существовал и наш отечественный, советский настоящий спецназ. Но ведь авторы-составители военного энциклопедического словаря, по большому счёту, всё-таки не соврали, а лишь... умолчали. Впрочем, об этом несколько ранее нам уже приходилось рассуждать, когда рассматривали позицию британского специалиста в области проведения специальных операций господина Стива Крофорда, изложенную в его книге под названием «Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран».

Таким образом, думается, что мы более-менее подробно разобрались с вопросом, что такое настоящий спецназ. А кто же такой боец спецназа? Из всего ранее сказанного выходит, что настоящий спецназовец – это разведчик специального назначения или, если всё называть своими именами, диверсант-разведчик.

Пожалуй, здесь же следует подчеркнуть, что и слова в этом последнем из перечисленных понятий расставлены не случайно, а в соответствии с порядком боевого

предназначения спецназа. Если точнее, то речь в данном случае идёт о первенстве в реализации диверсионных задач над разведывательными целями, определёнными для формирования специального назначения.

Конечно, слово «диверсант» как в прошлое время, так и порой сегодня, несёт за собой некий негативный шлейф. Но ведь и с понятием «разведчик» время от времени происходят подобные метаморфозы. Так, в отношении представителя этой профессии из недружественной державы более применимым в обиходе является хлёсткое слово «шпион», имеющее ярко выраженную отрицательную окраску.

Что ж, и герой в понимании одной воюющей стороны очень легко может превратиться в мерзавца в сознании другой, ей противоборствующей стороны.

История спецназа – это история вооружённых сил, ибо потребность в разведывательных и диверсионных (специальных) действиях существовала и существует с момента зарождения любой армии. Об этом никогда громко не говорилось и говорить не будет, ведь на то она и разведка, чтобы всё видеть и слышать, оставаясь при этом невидимой и неслышимой. И так будет всегда, пока существуют государства и есть потребность в защите их интересов вооружённым путём. На наш век этой потребности хватит с избытком.

История отечественного спецназа насыщена яркими событиями, богата громкими именами и блестящими победами. Всегда, когда на нашу землю ступал очередной завоеватель, находились мужественные и самоотверженные люди, выполнявшие с риском для жизни сложные и ответственные задачи во вражеском тылу. Делали они эту работу не только по приказу, но и по велению сердца, исходя из глубинного нравственного чувства патриотизма и ответственности за судьбу своей Родины.

В разные периоды истории это были отряды казаков и лёгкой кавалерии, партизанские и другие повстанческие формирования, пластуны и войсковые разведчики, парашютисты-десантники и люди мирных профессий, взявшие в руки оружие, когда того потребовало военное лихолетье. Но сейчас назовём только одного из них – человек удивительной судьбы, легенда спецназа военной разведки Илья Григорьевич Старинов...

Информация к размышлению

Из личного дела
полковника Старинова Ильи Григорьевича
(1900–2000 гг.)

Родился 2 августа 1900 года. Участник гражданской и Великой Отечественной войн, а также гражданской войны в Испании и советско-финской кампании. Окончил в 1921 году Воронежскую школу военно-железнодорожных техников, а в последующем железнодорожный факультет Военно-транспортной академии РККА. Был начальником подрывной команды, заместителем командира и командиром роты железнодорожного полка, в 1923-1924 году неоднократно привлекался к проведению экспертиз при расследовании диверсий на железных дорогах.

С 1929 года занимался подготовкой диверсантов-подпольщиков, а с января 1930 года — подготовкой партизан по линии первого управления Главного штаба РККА. В дальнейшем был переведён в разведывательное управление Главного штаба РККА, работал в отделе М. Сахновской и преподавал в «партизанской» школе К. Сверчевского, где готовил группы диверсантов-разведчиков из числа иностранных граждан (поляков, китайцев), демонстрировал спецтехнику руководителям компартий зарубежных стран. В это же время участвовал в разработке новых видов минно-взрывных средств, а также в подготовке их к закладке на длительное хранение и создании тайных складов для партизанских баз.

В 1936 году был направлен в Испанию советником и инструктором диверсионно-разведывательной группы Доминго Унгрии, ставшей к 1937 году 14-м партизанским корпусом республиканских войск. По возвращении в СССР назначен начальником Центрального научно-испытательного железнодорожного полигона. В качестве начальника группы по разминированию железных дорог участвовал в советско-финской войне 1940 года. Был тяжело ранен. В годы Отечественной войны возглавлял оперативно-учебный центр Западного фронта (с июля 1941 г.), командовал 51-й отдельной инженерной бригадой специального назначения (с июня 1942 г.), был помощником начальника Центрального штаба партизанского движения по диверсиям.

В мае 1943 года его переводят в Украинский штаб партизанского движения, в мае 1944 года – в Польский штаб партизанского движения. В августе 1944 года он становится начальником штаба военной миссии при главкоме Народно-освободительной армии Югославии. В годы войны неоднократно забрасывался в тыл противника, стал организатором ряда известных диверсионных акций, в том числе подрыва 256 больших и средних мостов.

Одним из первых в мире применил на практике управляемую по радио мину. После окончания Великой Отечественной войны в качестве заместителя начальника управления восстановительных работ по войскам занимался ремонтом железных дорог.

В 1956 году в звании полковника ушёл в отставку из рядов Вооружённых Сил СССР. В последующем работал старшим научным сотрудником отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1958–1962 гг.). С 1966-го по 1973 год преподавал в учебных заведениях КГБ СССР. В 1984 году ему было присвоено учёное звание профессора по специальным дисциплинам.

Илья Григорьевич Старинов был награждён двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, пятью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, орденом Дружбы народов, многими другими наградами СССР, России и ряда иностранных государств. Несколько раз представлялся к присвоению звания Героя Советского Союза и генеральского звания.

Являлся разработчиком ряда минно-подрывных устройств, в том числе ПМС («поездной мины Старинова») и АС («автомобильная – Старинова»), автором более ста военно-научных работ, а также книг «Записки диверсанта», «Партизанская война» (издана для служебного пользования. – *Примеч. В.К.*) и других изданий. В своих монографиях и статьях И.Г. Старинов рассмотрел возможный «локальный» характер третьей мировой войны, что в свете современной борьбы с терроризмом приобретает особое значение и актуальность.

Героическое прошлое вооружённой борьбы народа и регулярных войск в тылу противника явилось закономерным следствием последующего создания армейского и флотского спецназа. 24 октября 1950 года военный министр СССР

маршал Советского Союза А.М. Василевский и начальник Генерального штаба ВС СССР генерал армии С.М. Штеменко подписали директиву № ОРГ/2/395/832 о формировании в вооружённых силах частей военной разведки специального назначения. Поэтому не случайно именно эта дата считается днём создания советского спецназа или, точнее, антиядерного диверсионно-разведывательного спецназа в системе Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых Сил СССР.

В советское время, например, на территории Украины, были созданы четыре боевых соединения (бригады) специального назначения, которые непосредственно находились в составе войск Киевского, Одесского и Прикарпатского военных округов, а также сил Черноморского флота. При этом в оперативном порядке они подчинялись ГРУ Генштаба ВС СССР. В одной из этих бригад, дислоцировавшейся ранее недалеко от города Старый Крым Крымской области (10-я отдельная бригада специального назначения ОдВО), проходил службу и автор этих строк...

Тогда мы серьёзно и основательно готовились к нанесению мощных диверсионных ударов по близлежащим странам, входящим в блок НАТО и имевшим на своих территориях ядерное оружие. Таковыми в тот период были Турция, Греция и Италия, которые в свою очередь также припасали для нас немало неприятных сюрпризов из того же разряда. Сегодня об этом вспоминается без особого энтузиазма, ведь за прошедшее время многое изменилось: ушло в небытие противостояние «двух мировых систем», не стало того государства, которому мы служили верой и правдой, да и бывшие враги по большому счёту перестали быть таковыми. Но, как говорится, из песни слов не выкинешь – что было, то было.

Очевидно, и сегодня не всё следует рассказывать о том, чем нам в то время приходилось заниматься. Во всяком случае, мой внутренний цензор постоянно напоминает об этом. Но если особо не вдаваться в подробности, то можно вспомнить хотя бы о том, что группы спецназа планировалось доставлять к намеченным командованием целям парашютно-десантным способом, пешим порядком через сухопутную границу сопредельных государств и посредством подводных лодок Черноморского флота.

Для отработки последнего способа проникновения диверсионно-разведывательных групп из отряда спецназа, где я был заместителем командира, две разведывательные роты специального назначения из четырёх, а также радисты из отрядной роты спецрадиосвязи ежегодно убывали под Очаков в 17-ю отдельную бригаду спецназа ЧФ. Здесь отрабатывались навыки лёгководолазной подготовки, в том числе выхода из торпедных аппаратов подводных лодок.

В этой связи вспоминаю, как поначалу меня привели почти в шоковое состояние слова инструктирующего старшего офицера ГРУ Генштаба: «Ваши разведгруппы СпН (специального назначения. – *Примеч. В.К.*) первой очереди должны находиться на намеченных объектах... за две недели до начала войны». Понятное дело, что, когда начнётся война, мог знать только тот, кто, собственно говоря, и собирался её развязать. А это никак не вязалось с теми прописными истинами, которые нам настойчиво внушали в высших военных училищах и с партийно-государственных трибун.

Да, в спецназе приходилось многое переосмысливать, а порой и заново производить переоценку ценностей. И это – несмотря на то, что до прихода в 10-ю отдельную бригаду спецназа ГРУ ГШ за моими плечами уже было ни много, ни мало, а более двух лет, проведённых на войне, в том числе и в составе частей специальной разведки. Впрочем, ещё там, в Афганистане, мне с горечью пришлось ощутить и осознать, что война – это вовсе не рыцарский турнир, где состязаются благородные рыцари и джентльмены. Война (простите за банальность) – это смерть, кровь, невероятные мучения и жестокость...

А жестокость всегда порождает жестокость. Однажды явившись на свет, она вовсе не исчерпывает себя в акте разовой мести, а превращается в хроническую, причём весьма и весьма заразную болезнь, которая приобретает самые дикие формы, самую извращённую патологию. Во время войны она – жестокость – активно прогрессирует в людских душах и сердцах, пожирая совесть, сострадание, милосердие, подобно тому, как алкоголь пожирает печень у пьяницы. Конечно, это всё, как говорится, лирика. Лирика о суровой прозе войны.

Вместе с тем спецназ – это и огромная школа товарищества и взаимовыручки, где порой приходится сталкиваться с решением весьма и весьма сложных в нравственном отношении вопросов. А ответы на них каждый разведчик находит для себя сам. И здесь думается, почему бы не задать самому читателю хотя бы несколько элементарных вопросов, которые всегда могут возникнуть в реальной боевой практике диверсионно-разведывательного спецназа?

Ситуация первая: разведгруппа спецназа (далее «РГСПН». – *Примеч. В.К.*) № 1 имеет задачу: сохраняя строжайший режим секретности, выйти на вражескую базу ядерных ракет средней дальности и уничтожить их. Во время дневного привала на РГСПН, действующую в глубоком тылу противника, случайно вышел несовершеннолетний ребёнок. Каковы должны быть действия командира разведгруппы в данном случае? И как бы поступили вы?..

Ситуация вторая: разведгруппа спецназа № 2, имея задачу, аналогичную задаче, поставленной РГСПН № 1, была обнаружена противником, вступила в бой, в результате которого понесла потери. При этом был тяжело ранен заместитель командира группы, являющийся носителем особо важных секретных сведений. Какое решение в отношении судьбы своего заместителя должен принять командир РГСПН № 2? И как в этой ситуации поступили бы вы?..

Ситуация третья: разведгруппа спецназа № 3, имея задачу обнаружить местонахождение и ликвидировать штаб вражеской дивизии ядерных ракет средней дальности, захватила в плен офицера противника, давшего ценные разведывательные сведения. Спецназовцы сообщили о полученных данных в разведцентр и получили подтверждение по организации налёта на штаб соединения противника. Какое решение в отношении захваченного военнопленного должен принять командир РГСПН № 3? И как в этой ситуации поступили бы вы?..

Согласитесь, что это далеко не простые вопросы, и здесь есть над чем подумать, хотя бы для того, чтобы оценить личную готовность или неготовность к принятию подобного рода решений. Впрочем, конечно, не дай Бог стоять перед таким выбором в реальной боевой обстановке. Но, увы, жизнь есть жизнь. Точнее, таковыми являются Жизнь и Смерть в диверсионно-разведывательном спецназе. Или, как об этом

поётся в одной из «афганских» песен: «У разведчика судьба порой коротка, как рукопашный бой...»

А написано здесь об этом столь подробно только для того, чтобы читателю стала понятней специфика работы настоящего спецназа.

2. Несколько слов из предыстории спецназа ГРУ

В настоящее время многие историки и военные специалисты пытаются представить свой взгляд на историю появления и развития отечественного спецназа. Высказываются различные точки зрения, мнения авторов по тем или иным аспектам данной проблемы не всегда совпадают друг с другом. Идёт в основном нормальный дискуссионный процесс. Тем не менее очень не хотелось, чтобы верх в нём взяли чьи-либо нездоровые амбиции, а не научно обоснованные выкладки профессионалов.

Среди совокупности стоящих здесь вопросов определённое место занимает проблема периодизации истории спецназа. В этой связи приведём лишь точку зрения кандидата военных наук полковника В.В. Квачкова, автора исторического очерка в альбоме «50 лет соединениям и частям специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации».

По мнению Владимира Васильевича, периодизацию истории отечественного спецназа можно представить следующим образом: «1. Появление и развитие специальных действий в России с начала XVIII века до 1917 года; 2. Развитие содержания и форм специальных действий в тылу противника различных воинских формирований с 1918 года по 1949 год; 3. Развитие форм боевого применения сил и средств специального назначения с 1950 года по настоящее время»¹.

Точка зрения В.В. Квачкова, что история отечественного спецназа начинается не со времени создания первых частей военной разведки специального назначения в 1950 году,

---

¹ Указанный альбом «Спецназ», как отмечалось ранее, был подготовлен к выпуску в Москве и отпечатан в небольшом количестве экземпляров на правах рукописи в 2000 году.

а значительно раньше, представляется вполне правильной. Хотя некоторые авторы пытаются категорично настаивать на иной позиции, полагая, что спецназ в нашей стране начал своё существование только с момента подписания ранее указанной нами директивы военного министра и начальника Генштаба ВС СССР.

Сторонникам последней из названных точек зрения хотелось бы напомнить следующее: во-первых, в 1950 году был создан антиядерный советский спецназ. Во-вторых, по указанному боевому предназначению советский спецназ в реальной боевой практике никогда не применялся. В-третьих, антиядерный спецназ не появился на пустом месте, а имел своих исторических предшественников как в советское время (1917–1950 гг.), так и ранее этого периода. Открещиваться от чего не этично, да и просто не разумно.

Вместе с тем стоит ли ограничивать историю отечественного спецназа XVIII веком? Ведь действительно, с одной стороны, получается, что история регулярной российской армии ведёт отсчёт со времени преобразований Петра I или несколько ранее того, то есть с рубежа XVII-XVIII веков. Однако, с другой стороны, было бы совершенно не правильно утверждать, что с этого времени началась и история отечественных вооружённых сил как таковых.

Очевидно в этой связи и то обстоятельство, что процесс образования любого государства порождает необходимость защиты его интересов вооружённым путём. Появилось государство – появилась армия (дружина князя, наёмное войско феодала и т.д.). Пожалуй, нечто подобное можно было бы сказать и о спецназе. Ведь, говоря о его истории, мы должны иметь в виду не только создание и деятельность неких особых воинских формирований, имеющих целью осуществления ряда специальных мероприятий в тылу противника. Мы должны иметь в виду также историю развития самих этих форм и способов диверсионно-разведывательной деятельности, направленных на нанесение поражения противнику в ходе вооружённого противостояния.

Пожалуй, не грех будет повториться и ещё раз подчеркнуть следующее существенное обстоятельство. История развития специальных (диверсионно-разведывательных) форм

и способов вооружённой борьбы в тылу противника, а также идущая вслед за ней история создания и применения различных воинских формирований спецназа не могут быть отделены от общей истории русской государственности и российских вооружённых сил. Данное положение необходимо иметь в виду и рассуждая о советском периоде истории спецназа, истории применения различных форм и методов диверсионно-разведывательной работы в тылу противника в это время.

Поэтому давайте ещё раз зададим вопрос: «Когда началась история советского спецназа: с приказа о формировании отдельных рот специального назначения в 1950 году или со времени проведения большевиками государственного переворота в Петрограде 25 октября (по старому стилю – *Примеч. В.К.*) 1917 года?»¹.

Очевидно, ответ находится где-то между строк поставленного нами вопроса: пусть у В.И. Ленина (Ульянова) и Л.Д. Троцкого (Бронштейна) в подчинении не было вооружённых формирований, именуемых спецназом, но, несомненно, действовали они с применением тех методов, которые сегодня вполне можно назвать специальными.

К слову сказать, возможно, именно поэтому данные события произошли «малой кровью», ведь по сообщениям столичной прессы того времени число жертв «героического штурма» Зимнего дворца и всех других сопутствующих ему «захватов» (почта, телеграф, мосты и т.д.) не превышало пяти-шести человек. И на самом деле события захвата большевиками власти в Петрограде развивались совсем не по тому сценарию, который лёг в основу псевдоисторического фильма «Ленин в октябре»².

Конечно, то, что последовало в России после прихода к власти господ-товарищей ульяновых-бронштейнов, это уже другой вопрос, к теме настоящего повествования отношения

---

1 Нам вовсе не хотелось бы заниматься политической или терминологической казуистикой, потому что эта книга не политологический трактат. И те, кому режут слух слова «государственный переворот», пусть именуют это событие «Великой Октябрьской социалистической революцией». По нашему мнению, от этого суть не изменится

2 Подробнее см.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1919 года в Петрограде: Перевод с англ./ Под общей редакцией и с послесловием Г.З. Иоффе. – М.: Прогресс, 1989.

не имеющих. Однако заговорили мы о российских событиях октября 1917 года не случайно. Дело в том, что впереди у нас рассказ о другой «революции», другом «государственном перевороте», где активнейшее участие как раз и приняли те советские вооружённые формирования, которые к тому времени (декабрь 1979 года) как раз именовались советским спецназом. Правда, действовали они за пределами границ СССР, то есть в Афганистане, но во многом по той же схеме, которая была разработана и осуществлена на практике руководителями поистине Великого Октября в Петрограде. Или, говоря иными словами, провели боевую (специальную) операцию по штурму президентского дворца Тадж-Бек и уничтожению афганского диктатора Х. Амина, в результате чего в ДРА был осуществлён государственный переворот. Таким образом, позволим себе утверждать, что история советского спецназа началась со времени создания советского государства.

В дело создания, развития и боевого применения воинских формирований, выполнявших диверсионно-разведывательные (специальные) задачи в тылу противника, вложили свой вклад многие видные деятели советского государства. В их ряду следует назвать имена народного комиссара по военным и морским делам СССР М.В. Фрунзе, командармов первого ранга И.П. Уборевича и И.Э. Якира, комкора В.М. Примакова, маршалов Советского Союза М.Н. Тухачевского, В.К. Блюхера, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, М.В. Захарова, адмиралов флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова и И.С. Исакова, генералов армии С.М. Штеменко и П.И. Ивашутина, других видных военачальников.

Интересно заметить, что к началу Великой Отечественной войны Советский Союз подошёл к ведению партизанской и разведывательно-диверсионной работы во вражеском тылу вовсе не спонтанно, а с учётом всего военно-исторического опыта, накопленного нашей страной с момента зарождения русской государственности.

Однако не подлежит сомнению и тот факт, что советскими партизанскими формированиями и подпольщиками-диверсантами было бы сделано значительно больше, если бы верховным командованием СССР не была взята на вооружение ошибочная (с точки зрения имевшихся возможностей)

стратегия «бить врага только в наступлении». Если бы воспитанные до войны кадры для ведения специальной (диверсионно-разведывательной) работы в тылу противника не были подвергнуты репрессиям.

Дело в том, что подготовка партизанских кадров в Советском Союзе осуществлялась постоянно и целенаправленно, она имела непрерывный характер со времени окончания гражданской войны. Эта работа проводилась по линиям двух ведомств – разведывательного управления Главного штаба РККА (ГРУ Генштаба) и ОГПУ при СНК СССР (ГУГБ НКВД СССР). Для чего были созданы три партизанских школы, из них две подчинялись РУ (ГРУ) и одна – ОГПУ (ГУГБ). Военные разведчики в Куперске готовили законспирированные разведывательно-диверсионные группы из числа перебежчиков с территории Западных Украины и Белоруссии. Они же обучали руководство партизанских отрядов в Грушках Киевской области (эта школа непосредственно подчинялась командующему Киевским военным округом). В свою очередь чекисты готовили диверсантов-подпольщиков, их спецшкола находилась на Холодной горе в Харькове.

Одновременно в каждой спецшколе могли находиться по 10-12 курсантов. Срок подготовки партизан и диверсантов-подпольщиков составлял около шести месяцев напряжённой боевой учёбы. Выпускники школы после завершения военно-профессиональной подготовки были законспирированы в общей среде советских граждан, вели, так сказать, обычную жизнь простых тружеников, не забывая при этом своего специального (партизанского, подпольного, то есть диверсионно-разведывательного) предназначения в особый период и на случай войны.

Вместе с этим на Западной Украине и в Молдавии скрытно создавались партизанские базы с большими запасами вооружения (в основном, иностранных образцов) и минно-подрывных средств. На побережье Дуная складирование партизанских запасов происходило в специально изготовленных для этого подводных резервуарах и в непортящейся упаковке.

Выдающийся советский специалист в области ведения партизанской, разведывательно-диверсионной войны Илья Григорьевич Старинов в этой связи вспоминал: «В 1932 году

наша оборона на Западных границах зиждилась на использовании формирований партизан. Войска противника, перейдя государственную границу и углубившись на нашу территорию... должны были напороться на укрепрайоны и увязнуть в позиционной войне. В это время на оккупированной территории партизаны начинают организованное сопротивление и перерезают противнику коммуникации.

Через некоторое время... войска неприятеля вынуждены будут отступать. Партизаны начинают отходить вместе с противником, оставаясь в его тылу и продолжая диверсии. Могут даже перейти государственную границу. Это была очень хорошо продуманная система не только на случай оккупации части нашей территории. Базы закладывались и вне СССР. Очень важно было, что готовились маневренные партизанские формирования, способные действовать как на своей, так и на чужой территории»¹.

Кстати сказать, именно с именем И.Г. Старинова связано проведение одной из самых уникальных диверсионных операций периода Великой Отечественной войны. Речь идёт об упомянутых ранее радиоуправляемых минах. Залладка таких взрывных устройств во временно оставленном советскими войсками городе Харькове производилась заблаговременно, а приведение их в действие осуществлялось из-за линии фронта (г. Воронеж).

Результатом диверсии, произведённой в частности в особняке по улице Дзержинского (дом 17) стало уничтожение начальствующего состава 68-й немецкой пехотной дивизии, командир которой генерал-лейтенант Георг фон Браун одновременно возглавлял и весь вражеский гарнизон Харькова.

Однако вернёмся к директиве военного министра СССР маршала Советского Союза А.М. Василевского и начальника Генерального штаба Вооружённых Сил СССР генерала армии С.М. Штеменко № ОРГ/2/395832 от 24 октября 1950 года. По сути она являла собой решение о формировании в общевойсковых и механизированных армиях, воздушно-десантной армии, а также в ряде военных округов, не имевших в своём составе войсковых объединений, отдельных рот специального назначения.

---

1 Старинов И.Г. Записки диверсанта. – М.: «Вымпел», 1999. С. 37.

Именно с этого времени и был начат отсчёт деятельности армейского и флотского спецназа, как диверсионно-разведывательного инструмента противодействия ядерным силам вероятного противника. Для того чтобы более ясно представить себе, почему высшими военными руководителями Советского Союза было принято данное решение, пожалуй, стоит немного вспомнить о том, в какой обстановке и в каких условиях жило тогда мировое сообщество.

В конце Второй мировой войны человечество узнало о ядерном оружии, впервые созданном и впервые применённом Соединёнными Штатами Америки во время бомбардировок Японии. После окончания войны «горячей», после победы над общим врагом между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции быстрыми темпами стала набирать обороты война «холодная». Со стороны противостоящих сторон наращивалась гонка вооружений, постоянно осуществлялись демонстрация «мускулов» и «бряцание оружием».

Происходившие в этот период многочисленные локальные войны и военные конфликты (Корея, Вьетнам, Карибский кризис и т.д.) постоянно грозили перерасти из региональных противоборств в мировую катастрофу. В 1950–1960-е годы на вооружение армий США, Великобритании, Франции и ФРГ, а также некоторых других стран НАТО поступили тактические и оперативно-тактические ракетные комплексы с ядерными и химическими боеголовками. Оружие массового поражения развивалось по линии постоянного повышения его мощности, совершенствования различных способов его доставки на территорию противника и боевого применения.

В этот период на Западе появилась ядерная артиллерия, существенно расширился диапазон применения самолётов-носителей ядерного оружия, возникла целая система снабжения войск и сил флотов ядерными боеприпасами. Просторы мирового океана стали бороздить надводные корабли с ядерным вооружением, появились и подводные термоядерные флоты.

Советский Союз срочно принимал аналогичные меры, наращивая усилия по обеспечению своей национальной безопасности и безопасности своих союзников. Одной из таких мер стало создание частей и подразделений военной

разведки специального назначения, которые были призваны стать мобильным и эффективным диверсионно-разведывательным средством уничтожения (выведения из строя) ядерного оружия противника в его глубоком тылу.

Первоочередной целью армейского и флотского спецназа стало нанесение поражения прежде всего маневренным (подвижным) системам ядерного потенциала противника. Одновременно перед ним выдвигались задачи по дезорганизации управления войсками врага, нарушения работы его тыла посредством организации и проведения диверсионных операций на железнодорожных, воздушных, морских, других коммуникациях, разрушения (повреждения) средств и линий связи. При этом на общем фоне целей советского спецназа приоритет отдавался проведению диверсионных операций, а не выполнению разведывательных задач.

Таким образом, в числе главных объектов нанесения поражения формированиями советского войскового спецназа стало оружие массового поражения и носители этого оружия. Своевременное обнаружение и уничтожение (выведение из строя) таких объектов ставилось в то время во главу угла деятельности командиров всех степеней, а также подчинённых им разведывательных и диверсионно-разведывательных органов.

Впрочем, в действительности были у военного спецназа и другие, весьма специфические, задачи. Например, проведение террористических актов в отношении видных государственных и военных деятелей государств-агрессоров. Однако постановка, а также реализация подобного рода задач могли осуществляться только в особый период и в ходе ведения войны.

Тем не менее и этим не исчерпывался весь перечень специальных (диверсионно-разведывательных) задач для советских частей и подразделений спецназа военной разведки. Однако, очевидно, не пришло ещё время обо всём этом рассказать.

Непосредственно у истоков создания советского армейского и флотского спецназа стояли генерал-полковник Х.Д. Мамсуров, вице-адмирал Ф.И. Крылов, генерал-майоры Н.К. Патрахальцев, И.Н. Банов, П.А. Голицын, контр-адмирал Л.К. Бекренёв, капитан первого ранга Д.У. Шашенков, многие другие офицеры и генералы, посвятившие себя делу создания и развития военной разведки специального назначения, связавшие свою жизнь со службой в её рядах.

3. Отдельные роты, отряды, бригады спецназа ГРУ

В 1951 году было создано 46 отдельных рот специального назначения (далее или «орСпН». – *Примеч. В.К.*) численностью порядка 120 человек каждая. Тогда же на уровне обихода появилось и такое их обозначение – «роты глубинной разведки». ОрСпН стали первыми штатными диверсионно-разведывательными формированиями в советской армии. Создавались они на наиболее важных оперативных направлениях. Находясь в прямом подчинении у командующих армиями, отдельные роты специального назначения были оперативного подчинения Главному разведывательному управлению Генерального штаба Вооружённых Сил СССР. Здесь же, в ГРУ ГШ, со временем был создан соответствующий военно-административный орган управления формированиями советского спецназа, о чём более подробно речь пойдёт далее.

Организационно отдельные роты специального назначения состояли из управления и боевых подразделений: три разведывательных взвода спецназа (первый взвод – учебный) и взвод специальной радиосвязи. Непосредственно в составе орСпН создавались временные диверсионно-разведывательные органы – разведывательные группы специального назначения и разведывательные отряды специального назначения (далее «РГСпН» и «РОСпН». – *Примеч. В.К.*). Основу РГСпН составляли штатные отделения разведывательных взводов, которым давались радисты из взвода специальной радиосвязи (один-два на группу). В свою очередь РОСпН создавались на основе штатных разведывательных взводов с выделением в их состав двух-четырёх радистов.

На вооружении личного состава отдельных рот специального назначения имелось стрелковое оружие (автоматы, снайперские винтовки, пистолеты, гранатомёты), минно-взрывные заграждения и средства минирования (противотанковые и противопехотные мины), стандартные взрывные вещества со взрывателями различного назначения, ручные гранаты, принадлежности для минирования и разминирования различных объектов и участков территории, холодное оружие (десантные ножи и ножи разведчиков).

Для успешного проведения боевых операций в тылу противника радиотелеграфисты орСпН обеспечивались коротковолновыми радиостанциями «Бетта», которые поддерживали довольно устойчивую связь с радиостанцией большой мощности, находившейся непосредственно в пункте дислокации отдельной роты специального назначения. Для обеспечения заброски разведывательных групп и отрядов специального назначения в глубокий тыл противника воздушно-десантным способом орСпН обеспечивались средствами десантирования личного состава (парашюты ПД-47), грузовыми парашютно-десантными мягкими мешками, десантными рюкзаками, а также контейнерами для десантирования радиостанций и резервного питания к ним, снаряжения и обмундирования для разведчиков (десантников).

При этом с самого начала создания подразделений военной разведки специального назначения особое внимание уделялось подбору для прохождения службы в них самых надёжных, физически выносливых и сильных военнослужащих, способных уверенно овладеть профессиональными навыками разведчиков и самостоятельно действовать в глубоком тылу противника.

В 1953 году было начато создание семи отдельных морских разведывательных дивизионов, преобразованных со временем в морские разведывательные пункты специального назначения. Вместе с тем 1953 год стал для Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР годом их значительного сокращения, что существенным образом коснулось и подразделений спецназа военной разведки. Так в частности 35 орСпН в этот период была расформирована, и остались в боевом строю только 11 отдельных рот специального назначения.

Тем не менее последующее развитие армейского и флотского спецназа в системе Вооружённых Сил СССР пошло по пути укрупнения его формирований. Это было связано в первую очередь с необходимостью повышения боевых возможностей войсковых формирований оперативно-стратегического и оперативного звеньев по обнаружению и уничтожению (повреждению) средств ядерного нападения вероятного противника. В 1957 году были созданы отдельные батальоны (отряды) спецназа, а в 1962 году было принято решение о формировании отдельных бригад специального назначения (далее «обрСпН». – *Примеч. В.К.*).

Пришедшие на смену ротам отдельные батальоны («отряды» или «орСпН». – *Примеч. В.К.*) специального назначения первоначально создавались в порядке эксперимента. Но они уже могли действовать на более значительной глубине в тылу и тыловой зоне противника и не в армейских, а во фронтовых операциях. При этом отдельные батальоны (отряды) СпН представляли собой более серьёзную силу, способную подготовить и забросить для выполнения боевых разведывательно-диверсионных задач в тылу противника 20 разведывательных групп специального назначения, а не 8 разведгрупп, как это в то время определялось для орСпН.

Основой для развёртывания отдельных батальонов (отрядов), как правило, становились ранее сформированные отдельные роты спецназа, большинство из которых к тому времени уже стали полноценными диверсионно-разведывательными подразделениями.

Так, в сентябре 1957 года была начата передислокация на территорию Польской Народной Республики 92-й отдельной роты специального назначения 25-й армии Дальневосточного военного округа. Эта орСпН под командованием капитана В.Е. Бреславского стала основой для развёртывания 27-го отдельного батальона (отряда) спецназа Северной группы советских войск, при формировании которого офицеры, сержанты и солдаты, прошедшие спецназовскую школу, составили костяк вновь создаваемых подразделений специальной разведки и связи.

К слову, среди них был и командир учебного взвода СпН лейтенант Василий Васильевич Колесник – будущий начальник направления специальной разведки ГРУ Генштаба ВС СССР Герой Советского Союза генерал-майор и руководитель операции «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек в Кабуле. Ведь именно в 92-й орСпН он начинал свою офицерскую службу и службу в спецназе военной разведки.

Организационно 27-й отдельный батальон специального назначения СГВ, как и другие его собратья, состоял из трёх разведывательных рот спецназа по восемьдесят одному человеку в каждой; роты связи, развёрнутой на базе группы связи 92-й орСпН, а также отдельных взводов (учебного, хозяйственного и автомобильного). Кроме этого здесь была создана собственная парашютно-десантная служба, а в

разведывательные роты введены должности офицеров-переводчиков. Численность батальона была более трёхсот человек.

По первоначальному штатно-должностному расписанию командир батальона СпН имел категорию «полковника», а его заместители – «подполковников». Однако через незначительный промежуток времени данные должностные ранги были понижены («порезаны») на одну ступень. Тем не менее «потолочные» звания, предусмотренные по должностям командиров рот и групп в ротах специального назначения, остались прежними, то есть на один ранг выше, чем в обычных общевойсковых подразделениях (звания «майор» – для командиров рот и «капитан» – для командиров групп СпН. – *Примеч В.К.*). Таким образом, с одной стороны, для молодых офицеров поднимался престиж службы в спецназе, а, со стороны другой, в значительной степени сокращалась возможная текучка кадров.

В начальный период формирования отдельных бригад спецназа их было создано восемь, а в последующем они появились во всех военных округах, за исключением внутренних, где создавались отдельные батальоны (отряды) СпН. В соответствии с требованиями директивы Генерального штаба ВС СССР укомплектование частей специального назначения офицерским составом проводилось с соблюдением принципов индивидуального отбора и добровольности. При этом весь личный состав частей и соединений спецназа по состоянию здоровья должен был отвечать требованиям годности для прохождения службы в воздушно-десантных войсках.

В указанное время соединения специальной разведки были небольшими по численности, так как их развёртывание до полных штатов предполагалось проводить лишь в военное время. Разумеется, боевая готовность и боевая подготовка, как её важнейшая составляющая, обрСпН сокращённого состава оставляла желать лучшего. Это было связано и с тем обстоятельством, что личному составу бригад приходилось заниматься не только овладением специальной тактикой, минно-подрывным делом, огневой, парашютной подготовками, но и нести своими силами караульную и гарнизонную службу, выполнять хозяйственные и другие работы.

С образованием отдельных отрядов (батальонов) и бригад спецназа военной разведки расширился круг поставленных перед ними задач. В их число вошли в частности проведение диверсионных операций по уничтожению (выводу из строя) важных объектов в тылу и тыловой зоне противника, а также содействие организации и развитию партизанского движения.

20 июня 1961 года Центральный комитет КПСС принял постановление «О подготовке кадров и разработке спецтехники для организации и оснащения партизанских отрядов». В развитие этого постановления Генеральным штабом ВС СССР 5 февраля 1962 года издаётся директива, в которой предусматривались меры по подбору и подготовке кадров для развёртывания партизанского движения в военное время.

Здесь в частности командующим войсками военных округов предлагалось провести сборы и организовать курсы для обучения руководящих работников в целях подготовки к действиям в особый период. Военнообязанных, прошедших такое обучение, в военных комиссариатах приписывали по новым военно-учётным специальностям.

В августе 1965 года начальником Генерального штаба Вооружённых Сил СССР было утверждено и введено в действие в качестве руководящего документа специальное «Наставление по организации и тактике партизан». В соответствии с этим руководством управление партизанским движением в тылу противника возлагалось на партийные органы. Само же указанное ранее наставление предназначалось для генералов и офицеров военной разведки, в том числе и спецназа, «непосредственно связанных с боевой подготовкой личного состава по тактике партизанских действий».

К январю 1964 года группировка сил военной разведки специального назначения Советского Союза включала в себя 12 отдельных рот, 5 отдельных батальонов (отрядов) и 10 отдельных бригад спецназа сокращённого состава (во всех приграничных военных округах, а также Московском и Киевском ВО), развёртывание которых предполагалось в особый период и (или) в военное время. К концу 1964 года состоялась незначительная реорганизация данной группировки.

Тогда в составе сил советского спецназа без изменений осталось количество входящих в него соединений, то есть отдельных (скадрованных. – *Примеч. В.К.*) бригад специального назначения. Осталось два отдельных батальона (отряда) спецназа в Группе советских войск в Германии и Северной группе войск, то есть в Польше. Число отдельных рот специального назначения сократилось до шести, а дислоцировались они в Северо-Кавказском, Приволжском, Уральском, Сибирском и Забайкальском военных округах, а также в Южной группе войск, то есть в Венгрии.

В последующем в составе группировки частей и соединений военной разведки специального назначения Вооружённых Сил СССР было уже 14 отдельных бригад, отдельный учебный полк (г. Печёры) и ряд отдельных рот СпН, а также формирования морского спецназа (17-я отдельная бригада специального назначения Черноморского флота, другие формирования).

4. Органы управления, подготовка кадров спецназа ГРУ ГШ

Для обеспечения оперативного руководства частями и подразделениями спецназа во втором отделе Второго Главного управления (ГРУ. – *Примеч. В.К.*) Генерального штаба Вооружённых Сил СССР было развёрнуто направление специальной разведки. В начальный период оно именовалось направлением по руководству отдельными ротами специального назначения. Вслед за созданием направления специальной разведки в ГРУ ГШ соответствующие органы войскового управления были сформированы в разведывательных управлениях военных округов, групп войск и на флотах Советского Союза.

В разное время направлением специальной разведки ГРУ Генштаба ВС СССР руководили генерал-майоры И.Н. Банов, Н.К. Патрахальцев, А.Ф. Кочергин, Т.А. Исаченко, В.В. Колесник, полковники П.И. Степанов и Н.Н. Лавренов, ряд других офицеров. Случайных людей в среду руководителей направления спецназа Главного разведывательного управления Генштаба не попадало. Для того чтобы иметь

хотя бы поверхностное представление о том, кто же были эти руководители советского армейского и флотского спецназа, давайте вчитаемся в скупые строчки военных биографий только некоторых из них...

Степанов Павел Ильич (родился в 1910 г.), полковник. В РККА с 1927 года. В 1931 году окончил Ленинградскую артиллерийскую школу, в 1937 году – Артиллерийскую академию РККА. В 1939 году был назначен для прохождения службы в отдел военно-технической разведки Разведывательного управления Главного штаба РККА, до этого служил в системе военного представительства на предприятиях военно-промышленного комплекса. Во время Великой Отечественной войны выполнял специальные задания в составе разведывательных отделов Отдельной Приморской и 51-й армий, а также оперативной группы ГРУ Генерального штаба на Западном фронте. С июля 1942 года до окончания войны был начальником разведки штаба 8-й армии. После окончания Отечественной войны проходил службу на различных должностях в ГРУ ГШ, находился в специальной зарубежной командировке. В 1950-1951 и 1952-1953 годах возглавлял направление по руководству отдельными ротами специального назначения ГРУ Генерального штаба ВС СССР. После сокращения Вооружённых Сил СССР в 1953 году был уволен из кадров и состоял в запасе.

Банов Иван Николаевич (1916–1982 гг.), генерал-майор, Герой Советского Союза. В РККА с 1935 года. Проходил службу в войсках Белорусского военного округа на должностях командира взвода и помощника начальника разведывательного отделения дивизии. С началом Великой Отечественной войны назначен командиром диверсионного десантного отряда разведывательного отдела штаба Брянского фронта. В дальнейшем на оккупированной территории Белоруссии выполнял разведывательно-диверсионные задания в качестве заместителя командира и командира 1-й отдельной бригады специального назначения, а также начальника оперативного разведывательного центра. В 1949 году окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В последующем был назначен на должность заместителя начальника направления по руководству отдельными ротами специального назначе-

ния ГРУ ГШ, а в 1951-1952 году занимал должность начальника этого направления. В 1953–1957 годы являлся начальником направления по руководству отдельными ротами спецназа ГРУ Генерального штаба. В дальнейшем находился в специальной заграничной командировке, по возвращении из которой был переведён на преподавательскую работу и возглавил факультет военной академии.

Патрахальцев Николай Кириллович (1908-1998 гг.), генерал-майор. В РККА с 1932 года. Участник гражданской войны в Испании в 1937-1938 годах. С 1938-го по 1940 год являлся заместителем начальника специального (диверсионного) отдела «А» Разведывательного управления РККА. В 1939-1940 году в составе оперативной группы Разведывательного управления РККА участвовал в советско-финской войне. В 1940-1941 годах находился в специальной командировке в Румынии. С января 1942-го по июнь 1943 года возглавлял диверсионный отдел Главного разведывательного управления Генерального штаба. В последующем находился в специальной командировке в Югославии. После завершения учёбы на Высших академических курсах вновь был направлен в зарубежную специальную командировку. В 1949-1950 годах руководил подготовкой специалистов для диверсионных партизанских формирований. С 1952 года находился на преподавательской работе. В январе 1958 года был назначен начальником агентурно-диверсионного направления ГРУ ГШ, которое впоследствии было преобразовано в направление специальной разведки. С 1968 года вновь на преподавательской работе.

Голицын Павел Агафонович (родился в 1922 г.), генерал-майор. В РККА с 1940 года. Великую Отечественную войну начал командиром мотоциклетного взвода. Оказавшись в окружении, стал одним из организаторов партизанского отряда. До 1944 года воевал в составе партизанской бригады «Чекист», где являлся командиром разведывательного взвода, а в последующем – начальником разведки этого соединения. В 1944 году направлен для учёбы на высшие разведывательные курсы. В 1945 году получает назначение в Приморскую группу войск и принимает участие в войне с милитаристской Японией. С 1947-го по 1951 год

являлся слушателем разведывательного факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе. В 1951–1955 годах проходил службу офицером направления по руководству отдельными ротами специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, в 1955–1962 годах – старшим офицером по руководству отдельными ротами спецназа разведывательного управления штаба Группы советских войск в Германии, а также начальником разведки 20-й армии. В 1962–1970 годах был заместителем начальника и начальником направления специальной разведки ГРУ ГШ. После этого возглавлял разведывательное управление Прибалтийского военного округа, находился в специальных зарубежных командировках в качестве военного специалиста, военного советника и начальника советской военной миссии.

Кочергин Александр Фёдорович (родился в 1923 г.), генерал-майор. В РККА с 1941 года. После окончания Томского артиллерийского училища принимал участие в боевых действиях в ходе Великой Отечественной войны в артиллерийских частях. В 1949–1952 годах был слушателем разведывательного факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе. Дальнейшую службу проходил в Уральском военном округе. После окончания в 1958 году Военной академии Советской Армии (в обиходе «Военно-дипломатической академии» или «Академии СА». – *Примеч. В.К.*) был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы в разведывательное управление Закавказского военного округа, в последующем – в Главное разведывательное управление Генштаба ВС СССР. Находился в специальных зарубежных командировках. В 1970–1972 годах возглавлял направление специальной разведки ГРУ ГШ. В дальнейшем перешёл на преподавательскую работу, был начальником кафедры военной академии.

Исаченко Тимофей Алексеевич (1920–1998 гг.), генерал-майор. В РККА с 1939 года. В 1941 году окончил пехотное училище в городе Вышний Волочок Калининской области. Принимал участие в боевых действиях в ходе Великой Отечественной войны, занимая должности командира взвода разведывательной роты, командира отдельной моторазведывательной роты 326-й стрелковой дивизии 10-й армии

Северо-Западного фронта, а также помощника начальника разведки 164-й стрелковой дивизии 49-й армии. В 1946 году окончил Высшую специальную школу Генерального штаба, в 1947 году – Высшие академические курсы ГШ. Дальнейшую воинскую службу проходил в войсках Одесского военного округа в должностях начальника разведки дивизии, старшего офицера разведывательного отдела армии, старшего офицера и начальника первого отдела разведывательного управления округа. В последующем являлся начальником разведки Северной группы войск (Польша) и Южной группы войск (Венгрия). В 1972–1977 годах был начальником направления специальной разведки Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооружённых Сил СССР.

Лавренев Николай Николаевич (1928–1997 гг.), полковник. В Вооружённых Силах СССР с 1948 года. После окончания пехотного училища воинскую службу проходил в частях военной разведки специального назначения. В 1963 году окончил специальные курсы Военной академии СА и был назначен старшим офицером отдела специальной разведки разведывательного управления штаба Прибалтийского военного округа. После окончания в 1971 году разведывательного факультета Военной академии имени М.В. Фрунзе направлен для прохождения дальнейшей службы на должность начальника отдела специальной разведки разведывательного управления штаба Прибалтийского военного округа. В 1972–1975 годах находился в заграничной специальной командировке. В 1975 году был назначен заместителем начальника направления специальной разведки Главного разведывательного управления Вооружённых Сил СССР, в 1977-м – начальником этого направления ГРУ ГШ. В должности начальника направления специальной разведки проходил службу до 1982 года...

Во второй половине 1960-х годов Генеральным штабом было организовано и проведено первое масштабное учение частей и подразделений спецназа военной разведки. Проходило оно на базе 2-й отдельной бригады специального назначения (г. Псков) Ленинградского военного округа. Тогда в «тыл» условного противника были заброшены 42 РГСпН, в том числе две забрасывались подводным способом. Практически все

разведгруппы СпН справились с поставленными задачами, что продемонстрировало не только возросшую боевую выучку разведчиков-спецназовцев, но и подтвердило реальные возможности боевого применения спецназа во фронтовой операции.

В 1969 году на базе 16-й отдельной бригады специального назначения (посёлок Чучково Рязанской области) Московского военного округа Главным разведывательным управлением Генерального штаба ВС СССР было организовано и проведено оперативно-стратегическое опытное учение. Проходило оно под непосредственным руководством и контролем со стороны начальника ГРУ Генштаба генерал-полковника П.И. Ивашутина. Здесь присутствовал руководящий состав направления специальной разведки, а также командование частей и соединений спецназа.

Как в последующем об этом вспоминал полковник В.Е. Бреславский, бывший в ту бытность заместителем командира 16-й бригады спецназа, на учениях отработывались, изучались и проверялись следующие вопросы: «1. Оптимальный штатный и численный состав РГСпН (РОСпН); 2. Экипировка, снаряжение, материально-технические средства для личного состава, действующего в тылу противника; 3. Доподготовка: механизм её проведения с соблюдением конспирации для каждого задействованного разведывательного органа; 4. Количество и содержание одновременно поставленных спецназовцам боевых задач; 5. Оптимальные сроки выполнения боевых задач и порядок доклада по средствам связи вышестоящему начальнику; 6. Возможности и порядок использования различных летательных аппаратов для переброски временных разведорганов в тыл противника; 7. Оптимальные сроки действия РГСпН (РОСпН) в тылу противника; 8. Порядок эвакуации личного состава из тыла противника»¹.

В ходе проводившегося учения с аэродрома Дягилево была задействована военно-транспортная авиация, осуществившая переброску личного состава РГСпН (РОСпН) и грузов для них в «тыл» условного противника. Учения проходили в условиях, приближённых к боевой обстановке, при этом для реального

¹ Бреславский В.Е. У истоков армейского спецназа. – В журнале «Спецназ» за 2000 г., № 4-6. С. 17-18.

противодействия действующим разведгруппам и разведотрядам привлекался личный состав соединений специального назначения Прибалтийского, Ленинградского, Белорусского, Прикарпатского, Киевского и Одесского военных округов.

Результатом этих оперативно-стратегических учений стали практическая проверка и подтверждение следующих важных выводов:

1. Оптимальный боевой состав РГСпН должен включать не менее штатного отделения или штатного взвода с включением одного (или двух) радиотелеграфиста, инструктора по минно-подрывному делу и одного-двух переводчиков.

2. Боевые задачи целесообразно ставить всему личному составу РГСпН. Как правило, одну-две. Первую разрабатывать с личным составом более детально, а вторую, если она ставится, – в общих чертах.

3. В период доподготовки всю имеющуюся информацию, необходимую для действий, в том числе основные ориентиры, пункты сбора и базирования, порядок сбора и выхода из них, следует наносить на топографическую карту крупного масштаба соответствующими знаками и постоянно пользоваться этой картой. После окончания доподготовки эту карту необходимо сдать и вместо неё получить аналогичную, но без каких-либо знаков и пометок и использовать её в тылу врага»¹.

Таким образом, в ходе подготовки и проведения оперативно-стратегических и командно-штабных учений отрабатывались различные вопросы боевого применения советских частей и соединений военной разведки специального назначения. При организации такого рода мероприятий их руководители старались не упустить из вида вопросы тактико-специальной подготовки командиров различного уровня, а также личного состава подразделений спецназа. Тогда это было общим правилом.

Напомним, что «низшим» звеном войскового объединения, которым могли быть использованы силы спецназа (то есть применения орСпН. – *Примеч. В.К.*) в тот период являлась общевойсковая или танковая армия, а также воздушно-десантная армия в период существования таковой.

---

1 Там же. С. 18-19.

Соответственно и компетенцией применения отдельной бригады спецназа обладали только командующие военных округов, в которые сходили эти формирования военной разведки, а в военное время – командующие фронтов.

Однако вопросы использования частей и соединений спецназа по их прямому боевому предназначению, к сожалению, не всегда отрабатывались правильно и брались во внимание в учебно-боевой практике тех лет. Впрочем, здесь многое зависело от уровня компетенции и диапазона оперативно-стратегического мышления того или иного конкретно-военачальника.

Так, например, командующий войсками Белорусского военного округа Герой Советского Союза генерал армии Иван Моисеевич Третьяк в ходе проводимых фронтовых и оперативно-стратегических учений постоянно «применял» силы и средства 2-й отдельной бригады спецназа, находившейся в его подчинении. Оказывал он этому соединению СпН постоянное внимание при создании и совершенствовании его материально-технической базы, уделял должное внимание решению социально-бытовых проблем военнослужащих и членов их семей.

Это можно было бы сказать и о главнокомандующем Группой советских войск в Германии Герое Советского Союза маршале Советского Союза Петре Кирилловиче Кошевом. Но, к сожалению, в данном случае мы говорим в большей мере о приятных исключениях, а не о правиле.

На первом этапе существования частей и соединений спецназа военной разведки офицерские кадры в них поступали в основном из состава воздушно-десантных войск, формирований войсковой разведки общевойсковых и танковых соединений, инженерно-сапёрных частей и подразделений связи.

Однако со временем возникла настоятельная потребность в подготовке собственных офицерских кадров для спецназа. От них требовались хорошие знания специфики деятельности военной разведки специального назначения (цели, задачи, тактика), умелое освоение тактико-специальной подготовки, уверенное владение спецтехникой и оборудованием специально назначения, твёрдые навыки руководства разведывательными органами спецназа

в условиях выполнения самостоятельных задач в тылу вероятного противника, хорошее знание иностранных языков и многое, многое другое. Поэтому дальнейшее развитие армейского и флотского спецназа не могло проходить без создания чёткой системы подготовки (переподготовки) собственных офицерских кадров младшего и старшего звеньев.

Для успешного решения этих задач со временем на высших академических курсах офицеров разведки было создано специальное отделение. В 1978 году на разведывательном факультете Военной академии имени М.В. Фрунзе образуется учебная группа («четвёртая учебная группа». – *Примеч. В.К.*) для подготовки старших офицеров военной разведки специального назначения. Одним из инициаторов данного нововведения стал полковник В.Е. Бреславский, бывший в ту пору заместителем начальника факультета разведки этой академии. Первым командиром данной учебной группы стал майор Рогов. Первый выпуск «группы спецназа» разведывательного факультета военной академии имени М.В. Фрунзе состоялся в 1981 году.

В 1968 году по инициативе и при методическом руководстве Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР в Рязанском высшем воздушно-десантном командном училище была образована девятая рота курсантов-спецназовцев, по существу, ставшая факультетом специальной разведки. Непосредственно курировал формирование этого подразделения старший офицер направления специальной разведки ГРУ ГШ полковник И.Н. Щёлоков. Первым командиром курсантской роты спецназа стал капитан Резников. Так началась профессиональная подготовка младших офицерских кадров спецназа военной разведки в системе высших военно-учебных заведений Советского Союза.

Каждый учебный взвод в составе девятой роты Рязанского ВВДКУ, которая насчитывала в своих рядах порядка 140 курсантов фактически являлся курсом и состоял из четырёх отделений. В свою очередь каждое из этих отделений одновременно представляло собой языковую группу по подготовке военных переводчиков со знанием английского, немецкого, французского или китайского языков (с 1980 года была добавлена группа для изучения фарси, являющегося одним из основных языков Афганистана. – *Примеч. В.К.*).

Программа подготовки будущих офицеров спецназа ГРУ, получавших при выпуске диплом референта-переводчика одного из иностранных языков, существенно отличалась от программы подготовки будущих офицеров ВДВ («инженеров по эксплуатации автотракторной техники». – *Примеч. В.К.*). Для курсантов-спецназовцев в отличие от десантников основной упор делался на всестороннем освоении тактико-специальной и языковой подготовок, а также углубленном изучении минно-подрывного дела, техники и оборудования специального назначения.

Разумеется, при этом всем курсантам высшего воздушно-десантного училища в Рязани стремились дать хорошие навыки по огневой и парашютно-десантной подготовкам, много внимания уделяли здесь физической закалке будущих офицеров.

Нередко для замещения офицерских должностей младшего звена в частях и соединениях спецназа в этот период направлялись и выпускники учебного подразделения курсантов, готовившего кадры войсковой разведки в системе Киевского высшего общевоинского командного училища, а также выпускников других высших военно-учебных заведений (в частности Бакинского и Орджоникидзинского ВОКУ). При этом старались строго придерживаться принципа добровольности и индивидуального отбора.

Начиная с 1994 года младшие офицерские кадры спецназа военной разведки Вооружённых Сил РФ готовятся в Новосибирском военном институте, созданном на базе бывшего высшего военно-политического общевоинского училища. Срок обучения в институте курсантов батальона специального назначения составляет пять лет. По окончании обучения выпускникам-спецназовцам присваивается воинское звание «лейтенант» и выдаётся диплом государственного образца о высшем образовании с присвоением квалификации «лингвист, переводчик».

Впрочем, упомянули здесь мы о Новосибирском военном институте и по той причине, что в советский период здесь готовились кадры ротных политработников для частей спецназа военной разведки.

Кроме этого в армейском и флотском спецназе стремились уделять должное внимание воспитанию и обучению

младших командиров, а также специалистов подразделений специальной разведки. Для этого на начальном этапе деятельности отдельных рот специального назначения в их структуре было предусмотрено создание собственных учебных взводов, где готовились кадры младших командиров и специалистов. Проводилась и другая работа в этом направлении уже после создания отдельных батальонов (отрядов) и бригад спецназа.

Однако более успешно решать эти вопросы стало возможно после того, как был сформирован отдельный учебный полк военной разведки специального назначения. Пунктом постоянной дислокации этого учебного полка спецназа стал город Печёры. После начала афганской кампании аналогичная учебно-боевая структура была сформирована и в Туркестанском военном округе (г. Чирчик).

Непосредственно в частях и соединениях специального назначения периодически организовывались и проводились учебные сборы с офицерами, прапорщиками, сержантами и солдатами, состоящими в запасе и приписанными к спецназу по боевому предназначению. Командиры отдельных бригад, отрядов и рот сами занимались подбором и обучением приписного состава своих частей. При этом в запас армейского спецназа, как правило, зачислялись военнообязанные, ранее отслужившие срочную службу в формированиях военной разведки специального назначения.

Впрочем, за запасниками спецназа ГРУ Генштаба «охотились» и их коллеги из профильных структур КГБ СССР, стараясь внести их в число своих спецрезервистов. В этой связи приведём только один пример, когда старший сержант запаса М.В. Исаев, отслуживший срочную службу в составе 3-й гвардейской обрСпН (командир учебной роты – старший лейтенант Ю.Т. Старов) спецназа ГРУ ГШ, впоследствии был зачислен в число резервистов госбезопасности. Во время афганских событий М.В. Исаев как военнообязанный запаса был призван на учебные сборы... в отряд особого назначения КГБ СССР «Каскад», где достойно на практике применял знания и навыки, полученные во время службы в армейском спецназе. В канун 15-й годовщины со дня вывода советских войск из Афганистана президентом Украины он был награждён орденом «За мужество» третьей степени.

К счастью, в последующем армейский и флотский спецназ никогда не применялся в соответствии с его первоначальным назначением, то есть как ударное оперативное и стратегическое средство противодействия ядерным силам противника. Ядерное оружие в силу известных причин стало лишь гипотетическим средством вооружённой борьбы, орудием сдерживания и устрашения. Однако выполнение специальной разведкой данного рода задач с повестки дня не будет снято до тех пор, пока ядерное оружие остаётся в арсеналах некоторых государств и в планах разного рода международных террористов, пока есть угроза его применения.

5. Диверсионный спецназ Комитета госбезопасности

История спецназа Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР состоит из двух составляющих. Во-первых, речь идёт о родственном армейскому спецназу по задачам, формам и способам специальных действий диверсионно-разведывательном спецназе. В последующем он был официально оформлен и представлен штатной Группой специального назначения КГБ «Вымпел», ставшей самостоятельной (отдельной) войсковой частью. И, во-вторых, мы говорим о Группе специального назначения КГБ «А», имевшей в качестве основной цели деятельности осуществление антитеррористических мероприятий, пресечение особо тяжких преступлений, связанных с захватом самолётов, других транспортных средств и заложников, а также убийствами и разбоем.

Группа специального назначения «Вымпел» была создана под видом «отдельного учебного центра КГБ СССР» (ОУЦ) совместным решением Политбюро ЦК КПСС и Совета министров СССР 19 августа 1981 года для проведения специальных (диверсионно-разведывательных) операций за пределами СССР в особый период и военное время. Её первым командиром стал один из участников штурма дворца Х. Амина в декабре 1979 года Герой Советского Союза капитан первого ранга Эвальд Козлов. Однако истоки

создания группы «Вымпел» уходят своим корнями несколько дальше, в историческое прошлое самого ведомства, в системе которого она была создана. Именно этому историческому прошлому в нашем повествовании мы бы хотели уделить несколько слов.

После окончания Второй мировой войны были упразднены части и подразделения особого назначения, состоявшие ранее в подчинении Четвёртого (партизанского) управления НКВД (МГБ) СССР. В годы Великой Отечественной войны этим управлением руководил генерал-лейтенант П.А. Судоплатов. Данные формирования своей основной целью имели осуществление диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника. В ходе войны они также проводили операции по дезорганизации и дезориентации врага, а также весьма успешные радиоигры.

Одно из наиболее известных оперативно-разведывательных дел подобного рода имело кодовое название «Березина» и представляло собой ряд многоходовых мероприятий советских разведки и контрразведки по дезинформированию немецко-фашистского командования. В конечном итоге противника удалось убедить якобы в существовании на советской территории группировки немецких войск под командованием подполковника Шернхорна.

Гитлеровцы сбрасывали в помощь этой группировке своих агентов, доставляли боеприпасы, минно-взрывное оборудование, продовольствие, обмундирование, документы. Всё это попадало по назначению... к чекистам. За «успешную боевую работу во вражеском тылу» фюрер даже наградил «железным крестом» и отметил полковничьим званием Шернхорна, который в действительности не был вымышленным персонажем. Ко времени начала «игры» он уже находился в плену и дал согласие на работу по заданиям советского командования.

Другим реальным героем серии радиоигр «Монастырь» и «Березина», проведённых чекистами совместно с офицерами Разведупра РККА (ГРУ ГШ), был легендарный советский разведчик Вильям Фишер (Рудольф Абель), на долю которого выпала организация радиотехнического обеспечения

в ходе проведения данной операции. Именно Р. Абель, бывший после окончания Второй мировой войны советским резидентом в США, станет прототипом главного героя культового кинофильма «Мёртвый сезон».

Очевидно, вы, уважаемый читатель, спросите, зачем здесь мы об этом упоминаем? А дело в том, что в последующем при освобождении Рудольфа Абеля из американской тюрьмы будет задействован один из важных персонажей нашего последующего повествования. Речь идёт о заместителе руководителя операции по штурму дворца Тадж-Бек в Кабуле генерал-майоре госбезопасности Ю.И. Дроздове, который во время описываемых несколько ранее событий действовал под легендой двоюродного брата Р. Абеля. Впрочем, далее Юрию Ивановичу мы ещё не один раз уделим внимание.

Непосредственно начиналось Четвёртое (партизанское) управление НКВД с «особой группы». Её начальником, согласно приказу по наркомату внутренних дел СССР от 5 июля 1941 года, был назначен комиссар госбезопасности П.А. Судоплатов. В октябре 1941 года «особая группа» была преобразована во «второй отдел» НКВД СССР. Её костяк составили кадровые сотрудники, имевшие опыт агентурной работы за границей, прошедшие «обкатку» в ходе ряда локальных войн и вооружённых конфликтов, предшествовавших нападению фашистской Германии на Советский Союз.

Вместе с этим в «особую группу» были направлены лучшие специалисты по минно-подрывному делу из народных комиссариатов обороны, угольной промышленности и геологии. Со временем здесь были собраны и подготовлены лучшие кадры диверсантов-разведчиков. Сегодня не лишним будет вспомнить имена, хотя бы некоторых из разведчиков «особой группы». А говорим мы о людях, вошедших в легенду советской разведки – Павле Журавлёве, Зое Рыбкиной-Воскресенской, Петре Гудимовиче, Михаиле Маклярском, Петре Зубове, Николае Киселёве, Георгии Кулагине, Михаиле Петрове, Владимире Молодцове.

Информация к размышлению

Из личного дела

руководителя диверсионно-разведывательных структур
НКВД (НКГБ, МГБ, МВД) СССР генерал-лейтенанта
Судоплатова Павла Анатольевича (1907-1996 гг.)

Родился в Мелитополе в семье мельника. Украинец. В 1914–1919 годах учился в городской школе. С июня 1919 года в РККА. Был воспитанником полка, участвовал в боях с войсками украинских националистов под Киевом. Находился в плену, бежал, оказался в занятой белогвардейцами Одессе, беспризорничал. В начале 1920 года вновь вступил в РККА. В качестве красноармейца роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии участвовал в боях на Украине и Польском фронте. С 1921 года в органах госбезопасности (особый отдел 44-й дивизии, Волынский губотдел ГПУ в Житомире), с 1922 года в погранвойсках ОГПУ. В 1923–1925 годах на комсомольской работе. С 1925 года вновь поступил на работу в ГПУ (Мелитополь, Харьков), одновременно заочно учился на рабфаке. В 1928 году вступил в ВКП (б). С 1932 года в центральном аппарате ОГПУ. В 1933 году переходит в иностранный отдел (ИНО) ОГПУ.

В 1935 году П.А. Судоплатов (псевдоним «Андрей») был внедрён в руководство организации украинских националистов (ОУН) в Берлине, проходил учёбу в специальной партийной школе НСДАП в Лейпциге. Вошёл в ближайшее окружение лидера ОУН, бывшего полковника австро-венгерской армии Е. Коновальца, которого сопровождал в инспекционных поездках в Париж и Вену. По личному поручению И.В. Сталина 23 августа 1938 года в Роттердаме «Андрей» ликвидировал руководителя ОУН Евгения Коновальца. За проведение этой акции П.А. Судоплатов был награждён орденом Красного Знамени. Продвигаясь по служебной лестнице в органах госбезопасности, в 1939 году П.А. Судоплатов был назначен заместителем начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Тогда же вновь по личному распоряжению И.В. Сталина он руководил подготовкой и проведением операции «Утка», результатом которой стала физическая ликвидация 20 августа 1940 года в Мексике

Л.Д. Троцкого (Бронштейна), за что П.А. Судоплатов был отмечен орденом Красной Звезды.

С началом Великой Отечественной войны П.А. Судоплатов возглавил Особую группу при НКВД СССР, с октября 1941 года — 2-й отдел НКВД СССР. Одновременно с этим до июля 1942 года являлся заместителем начальника 1-го (разведывательного) управления НКВД СССР. С января 1942 года — начальник 4-го (партизанского) управления НКВД СССР, созданного на базе расформированного 2-го отдела. Руководил разведывательно-диверсионными и партизанскими операциями, проведением террористических актов в отношении высших сановников гитлеровской Германии, координировал работу агентурной сети, участвовал в обобщении материалов по атомной проблематике.

В послевоенное время возглавлял различные диверсионно-разведывательные структуры НКВД, НКГБ, МГБ, МВД СССР. Принимал участие в проведении акций физического устранения ряда «врагов народа», в том числе лидеров националистов и религиозных деятелей на Западной Украине. После смерти Л.П. Берия П.А. Судоплатова арестовывают. До 1958 года он находился под следствием и был осуждён (статья 17 — 58 п. 16 УК РСФСР) на 15 лет тюремного заключения. В 1968 году вышел на свободу, занимался литературной деятельностью.

18 октября 1991 года был реабилитирован. Умер 24 сентября 1996 года. Похоронен на Донском кладбище в Москве. Генерал-лейтенант (1945 г.). Награждён орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями, знаком «Заслуженный работник НКВД».

С начала Великой Отечественной войны подготовка диверсантов-разведчиков и специальных диверсионно-разведывательных групп (отрядов), направляемых для действий в тылу противника по линии НКВД СССР, стала осуществляться в подмосковном учебном центре. Данный центр (район Балашихи) был создан на основании приказа по народному комиссариату внутренних дел от 27 июня 1941 года. В октябре того же года учебный центр был реорганизован в отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (далее «ОМСБОН». — *Примеч. В.К.*) НКВД СССР.

Комплектование ОМСБОН личным составом проходило из числа сотрудников аппарата НКВД-НКГБ, курсантов Высшей школы НКВД, добровольцев из состава спортивных обществ ЦДКА и «Динамо», мобилизованных по призыву ЦК ВЛКСМ комсомольцев. Кроме этого в состав бригады влилось порядка двух тысяч находившихся на территории Советского Союза политических эмигрантов. Это были немцы, австрийцы, испанцы, американцы, поляки, чехи, болгары, румыны.

Первым командиром ОМСБОН был назначен полковник В.Ф. Орлов, который ранее возглавлял Себежское военное училище войск НКВД. С 1942 года основной задачей бригады стала подготовка диверсионно-разведывательных групп и отрядов, которые после заброски в тыл противника, как правило, становились организационным ядром для создания партизанских формирований.

В ходе Великой Отечественной войны на базе ОМСБОН было сформировано 212 таких отрядов и групп общей численностью свыше 7300 человек. Состав диверсионно-разведывательных групп зависел от стоявших перед ними задач, то есть от того, что ставилось во главу угла их деятельности – разведка или диверсия. Во время битвы под Москвой обычно они укомплектовывались следующим образом – командир, радист, подрывник, помощник подрывника, снайпер и два автоматчика.

За время войны в отдельной мотострелковой бригаде особого назначения НКВД СССР прошли подготовку по различным военным специальностям (подрывники, инструкторы-подрывники, парашютисты, радисты, снайперы, санинструкторы и т.д.) свыше 11 тысяч командиров и бойцов. За это же время 135 оперативных групп ОМСБОН передали советскому командованию 4418 разведывательных донесений. Бойцами бригады осуществлено 1415 крушений воинских эшелонов противника, совершено около 400 иных диверсий. Ими же было уничтожено 145 танков и другой бронетехники, 51 самолёт, 335 мостов, 1232 локомотива, 13 181 вагон, выведено из строя 148 километров железнодорожных путей.

В начале 1943 года отдельная мотострелковая бригада особого назначения была реорганизована в отряд особого назначения при НКВД – НКГБ СССР (ОСНАЗ) с исключительной ориентацией на диверсионно-разведывательную

деятельность. В конце 1945 года этот отряд особого назначения был расформирован, а некоторые его функции и, частично, личный состав переданы частям НКВД, проводившим известные спецоперации в Прибалтике и на Западной Украине.

В ходе ряда послевоенных реорганизаций в составе Первого Главного управления (внешней разведки) КГБ СССР был создан специальный отдел, который фактически стал преемником Четвёртого (партизанского) управления НКВД – НКГБ СССР, а также созданного вместо него после войны «Бюро № 1» (по разведывательно-диверсионной работе) НКВД (МГБ) СССР. В 1954 году эти функции возлагались на 13-й отдел, в 1966 году – на отдел «В» при ПГУ, а в 1976 году – на 8-й отдел Управления «С» ПГУ КГБ СССР.

Данный орган управления в системе государственной безопасности в мирное время был призван заниматься подготовкой для развёртывания на его базе (в особый период и в случае войны) Управления диверсионной разведки (УДР). Проводилась им не только соответствующая мобилизационная работа, но и необходимые агентурно-оперативные мероприятия. В частности мероприятия по созданию разногабаритных специальных тайников (закладок) для хранения специального оборудования, соответствующих техники и вооружения, средств жизнеобеспечения (продовольствия, снаряжения и т.д.), предназначенных для диверсионно-разведывательных групп. Подобного рода закладки осуществлялись на различных территориях, в том числе и на территории СССР.

При этом спецотделу оперативно подчинялась создаваемая в особый период и (или) в военное время отдельная бригада особого назначения (далее ОБОН. – *Примеч. В.К.*) в составе шести полков и одного оперативного батальона. В мирное время это соединение было скадровано, и составлявшие его части числились только на бумаге. По штатам военного времени отдельная бригада должна была насчитывать в своём составе 4500 человек из состава специального резерва внешней разведки. ОБОН по существу стала преемницей отдельной мотострелковой бригады особого назначения, созданной в годы Великой Отечественной войны и подчинявшейся в то время «партизанскому» управлению НКВД СССР.

Формированием отдельных частей бригады были призваны заниматься территориальные управления КГБ СССР по Московской и Ленинградской областям, Краснодарскому и Хабаровскому краям, а также Украине, Казахстану и Узбекистану. При этом спецотдел или, как он ещё назывался, восьмой отдел Управления «С» ПГУ КГБ СССР, курируя указанные выше органы формирования, занимался подбором (в части его касающейся) и подготовкой специального резерва внешней разведки, организовывал обучение, курсы, сборы, проводил учения личного состава.

Спецрезервисты из числа штатных оперативных работников Комитета госбезопасности периодически проходили подготовку и переподготовку на курсах усовершенствования офицерского состава (далее КУОС. – *Примеч. В.К.*), после чего вновь убывали к местам своей постоянной службы. Они-то и составляли командную основу (командиры и заместители командиров диверсионно-разведывательных групп. – *Примеч. В.К.*) кадрированной бригады *ОСНАЗ (курсив. – В.К.)* КГБ СССР. Здесь же проходил учебные сборы и приписной состав частей этого соединения госбезопасности. Приписники, то есть гражданские (военнообязанные) лица, приписанные к бригаде по организационно-мобилизационным планам, состояли в запасе и должны были призываться на воинскую службу в особый период и военное время.

Чему учили спецрезервистов (разведчиков специального назначения) КГБ СССР? Для того чтобы это можно было себе чётко представить, приведём здесь только перечень основных направлений их подготовки:

- агентурная разведка, визуальное наблюдение, наружное наблюдение, оперативная установка, легендирование, документирование, нелегальные каналы переброски;

- оперативное и физическое проникновение на объекты с особым положением, особенности физической и технической защиты этих объектов и способы их преодоления;

- минирование и организация диверсий, обезвреживание взрывных устройств иностранного производства, а также самодельных зарядов;

- владение отечественным и иностранным стрелковым оружием и специальным вооружением;

- рукопашный бой;
- управление различными видами транспорта, в том числе в экстремальных условиях;
- подбор и оборудование крупногабаритных тайников в городских и полевых условиях, оперативная топография;
- средства специальной радиосвязи, шифровальная работа и техника;
- полевое базирование, методы выживания в экстремальных условиях;
- преодоление естественных и искусственных преград;
- морально-волевая и психологическая подготовка к действиям в экстремальных условиях;
- подбор площадок десантирования для вертолётов и самолётов малой авиации;
- силы, средства, методы и тактика действий спецслужб и полиции в особый период;
- технические средства и способы обеспечения безопасности на территории боевых действий;
- методы деятельности сил специальных операций, террористических и экстремистских группировок, антитеррористический курс¹.

Решение о создании в составе Высшей школы КГБ СССР курсов усовершенствования офицерского состава было принято руководством Комитета государственной безопасности в 1969 году. Эти курсы находились в оперативном подчинении ПГУ КГБ при Совете министров СССР. Своей главной задачей они имели подготовку (переподготовку) специалистов в области диверсионно-разведывательной работы.

Эта деятельность выпускников КУОС, как отмечалось ранее, предполагалась в особый период или военное время. Кроме этого на этих курсах осуществлялась научно-исследовательская деятельность в областях военной истории, теории и практики применения сил и средств диверсионно-разведывательной борьбы в глубоком тылу вероятного противника.

---

¹ Подробнее см.: «Русские коммандос». – 2001, № 3. С. 8.

Информация к размышлению

Из личного дела

руководителя КУОС при Высшей школы КГБ СССР
полковника государственной безопасности
Бояринова Григория Ивановича

Родился 15 ноября 1922 года в селе Сукомля Смоленской области. Русский. В РККА с 1940 года. Участник Великой Отечественной войны. Воевал в составе Северо-Западного, Ленинградского и Второго Прибалтийского фронтов. В 1941 году окончил Свердловское пехотное училище с присвоением воинского звания «младший лейтенант». Командовал миномётным взводом, был отмечен медалью «За отвагу». С февраля 1942 года направлен в состав пограничного полка НКВД СССР. В дальнейшем руководил школой снайперов, занимался подготовкой диверсионно-разведывательных групп для их заброски в тыл противника. Неоднократно выполнял специальные задания командования в качестве руководителя подразделений специального назначения. За уничтожение во вражеском тылу штаба итальянской дивизии награждён орденом Красного Знамени (1942 г.).

Войну окончил в должности начальника штаба пограничной комендатуры, последующую службу проходил в кадрах пограничных войск (106-й погранотряд Северо-Западного пограничного округа). В 1948 году капитан Г.И. Бояринов направлен на учёбу в Военный институт МГБ СССР, который окончил с отличием и был зачислен на преподавательскую работу. В 1959 году он оканчивает адъюнктуру Военной академии имени М.В. Фрунзе и становится кандидатом военных наук. Тема его «закрытой» диссертации посвящается тактике партизанских действий в годы Великой Отечественной войны.

В дальнейшем преподаёт в высшей Краснознамённой школе КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского, становится начальником кафедры специальных учебных дисциплин и курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС). В Демократической Республике Афганистан с 1979 года. Погиб при выполнении специального задания командования 27 декабря 1979 года. За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского

долга, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года полковнику Бояринову Григорию Ивановичу присвоено (посмертно) звание Героя Советского Союза. Золотая звезда Героя Советского Союза № 11431 и орден Ленина переданы на вечное хранение его семье. Похоронен на Кузьминском кладбище Москвы.

Как отмечалось ранее, располагались КУОС на закрытом объекте в Подмоскowie. Здесь в «старом городке» (г. Балашиха) кадры диверсантов-разведчиков готовились ещё для участия в гражданской войне в Испании (группы П.А. Судоплатова и И.Г. Старинова), других горячих точках прошлого века, а также для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками в период Отечественной войны. Одним из курсантов балашихинской школы того времени или «школы особого назначения», как она тогда называлась, был легендарный советский разведчик-диверсант Николай Иванович Кузнецов, удостоенный впоследствии звания Героя Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны он, будучи заброшенным во вражеский тыл в районе города Ровно, сумел уничтожить обер-фюрера СС верховного судью Украины Функа, советника рейхсминистерства финансов Геля, заместителя рейхскомиссара Украины генерала Кнута, вице-губернатора Галиции Бауэра, гитлеровского палача Виннера, захватил в плен командира карательной экспедиции генерал-майора фон Эльгена...

В 1990-х годах были опубликованы мемуары генерал-лейтенанта бывшего НКВД (НКГБ, МГБ, МВД) СССР П.А. Судоплатова¹. Думается, что в контексте нашего повествования читателю будет интересно ознакомиться со следующими суждениями их автора: «Стремясь привлечь внимание к нашим ходатайствам о реабилитации (в то время П.А. Судоплатов находился в заключении во Владимирской тюрьме. – *Примеч. В.К.*), мы с Эйтингоном написали Хрущёву письмо, в котором были оперативные предложения по противодействию только что организованному президентом Кеннеди диверсионным соединениям особого назначения – «зелёным беретам». Наше письмо получило одобрительную оценку Шелепина, секретаря ЦК КПСС, курировавшего вопросы госбезопасности и деятельность

¹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930 – 1950 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

разведки. С письмом ознакомился генерал Фадейкин, мой преемник на посту начальника службы диверсионных операций за границей в 1-м главном управлении КГБ. Он прислал майора Васильева во Владимир обсудить с нами организационные детали, и тот привёз нам в подарок два килограмма сахара. Вот так наша инициатива привела к рождению в КГБ спецназа. Был создан учебно-диверсионный центр, подчинённый 1-му главному управлению. Позднее его сотрудники в составе группы «Альфа» (точнее «Зенит». – *Примеч. В.К.*) штурмовали в 1979 году дворец Амина в Кабуле»¹.

Конечно, сомнительно то, что исключительно личная инициатива П.А. Судоплатова и Н.И. Эйтингона «привела к рождению в КГБ спецназа»: для этого были другие, более серьёзные причины, которые имели под собой, прежде всего, объективные основания. Но в принципе из процитированных утверждений П.А. Судоплатова можно сделать следующие, вполне логичные выводы: во-первых, о преемственности КУОС при Высшей Краснознамённой школе КГБ СССР от «школы особого назначения» НКВД (НКГБ) СССР. Во-вторых, о преемственности спецназа КГБ СССР от «особых формирований» НКВД (НКГБ) СССР. В-третьих, о том, что мероприятия Советского Союза по созданию подразделений диверсионно-разведывательного спецназа в системе госбезопасности были проведены в ответ на создание и, точнее сказать, расширение сил специального назначения США и в частности «зелёных беретов».

Информация к размышлению

Из личного дела

заместителя руководителя диверсионно-разведывательных структур НКВД (НКГБ, МГБ, МВД) СССР
генерал-майора Эйтингона Наума Исааковича
(1899–1981 гг.)

Родился в городе Шклове Могилёвской губернии в семье конторщика бумажной фабрики. Еврей. Окончил семь классов Могилёвского коммерческого училища и восточный факультет Военной академии РККА (1925 г.). Трудовую деятельность начал

¹ Судоплатов П.А. Указ. соч. – С. 641, 642

мелким конторским служащим, рабочим, кладовщиком. В мае 1917 года примкнул к левым эсерам, однако в августе того же года вышел из их рядов. С 1918 года сотрудник Могилёвского губпродкома. Участвовал в продразвёрстках и подавлении «кулацкого саботажа». В 1919 году в составе коммунистического отряда принимал участие в защите Гомеля. В октябре 1919 года был принят в РКП (б).

Весной 1920 года направлен на работу в органы ВЧК, где уже в 1921 году занимал должность заместителя председателя Гомельской губернской ЧК. Руководил захватом известного авантюриста Опперпута, ликвидацией савинковской организации и бандформирований Булак-Булаховича. Был тяжело ранен. В 1922 году назначен членом коллегии Башкирского губотдела ГПУ.

В 1925 году зачислен в ИНО ОГПУ и направлен резидентом внешней разведки в Шанхай. В 1928 году совместно с резидентом Разведупра РККА Х. Салнынем организовал устранение китайского диктатора маршала Чжан Цзолиня. С 1929 года легальный советский резидент в Стамбуле (атташе консульства СССР). В 1930 году назначен заместителем начальника «особой группы» при председателе ОГПУ (группа «Яши», Я.И. Серебрянского. — *Примеч. В.К.*). Выезжал за рубеж, в том числе США, где занимался созданием нелегальной агентурной сети. С 1931 года начальник 8-го отделения ИНО ОГПУ, в дальнейшем командирован в Западную Европу. С 1933 года начальник 1-го отделения (нелегальная разведка) ИНО, вновь вграничной командировке.

В 1936 году направлен в Испанию в качестве заместителя резидента и советника по безопасности при республиканском правительстве. Занимался подготовкой сил госбезопасности, руководил партизанскими операциями в тылу франкистов, участвовал в ликвидации лидеров испанской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ). По личному указанию И.В. Сталина осенью 1941 года участвовал в подготовке неудачного покушения на германского посла в Турции Франца фон Папена. В 1942 году назначен заместителем начальника 4-го Управления НКВД (НКГБ) СССР. В послевоенный период занимался разработкой агентурных комбинаций по ликвидации польских и литовских националистов, координировал разведывательную работу по созданию

атомного оружия, участвовал в подавлении сепаратистского движения мусульман-уйгуров в Восточном Туркестане.

Занимал должности заместителя начальника отдела «ДР» (диверсии) и Бюро №1 МГБ СССР по диверсионной работе за границей. Арестовывался в 1951 году «по делу о сионистском заговоре» и в 1953 году «по делу Л.П. Берии». В 1957 году осуждён на двенадцать лет. В 1964 году вышел на свободу. Скончался в Москве (1981 г.). Посмертно реабилитирован (1992 г.). Генерал-майор (1945 г.). Награждён орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова II степени, орденом Александра Невского, медалями.

Программа подготовки слушателей КУОС была рассчитана на семь месяцев. Жесткий учебный план был нацелен на формирование у курсантов морально-психологической устойчивости при действиях в экстремальных условиях, их способности выживать и выполнять стоящие боевые (специальные) задачи в разных климатических условиях при любом рельефе местности. Ведь спецподразделения КГБ СССР готовились «осуществлять оперативно-боевые операции в любой точке земного шара». При этом среди профессоров и преподавателей курсов усовершенствования офицерского состава в Балашихе были не столько теоретики диверсионно-разведывательного дела, сколько практики. Имена многих из них стали легендами спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР.

Ещё до ввода контингента советского войск в Афганистан спецрезервисты ОБОН принимали участие в осуществлении ряда оперативно-боевых мероприятий. В частности, в проведении специальной работы во время подготовки к вводу войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословацкую Социалистическую республику. Тогда, в период с мая по август 1968 года, деятельность спецгрупп КГБ СССР координировал заместитель начальника восьмого отдела Управления «С» ПГУ КГБ СССР полковник А.И. Потапов.

Думается, что многое о целях и задачах, а также о роде и географии деятельности выпускников и сотрудников КУОС,

а также спецрезервистов ОБОН расскажет читателю неза-
тейливый текст песни «Бой затих у взорванного моста» само-
деятельного комитетского поэта из Балашихи (далее в тексте
курсив. — В.К.):

Бой затих у взорванного моста,
Гэ-Сэ-эН растаяла во мгле.
Зампотех¹, не терпящий удобства,
Умирает на сырой земле.

Жаркая, нерусская погода
Застывает на его губах,
Звёзды неродного небосвода
Угасают в голубых глазах.

Умирает он, не веря в сказки,
Сжав в руках разбитый пулемёт.
И к нему в набедренной повязке
Вражеский наёмник подойдёт.

Подойдёт, посмотрит, удивится,
Вскинет пистолет, прищунив глаз.
Скажет: «Много съел я бледнолицых,
Русских буду кушать в первый раз».

А в России зацвела гречиха,
Там не бродит дикий папуас.
Есть в России *город Балашиха*,
Есть там ресторанчик «Бычий глаз».

По субботам и по воскресеньям
Люди в ресторан идут гурьбой,
Среди них идут, держа равнение,
Парни с удивительной судьбой.

---

1 В другом варианте этой песни, который нам представляется исходным, говорится не о «зампотехе», а о «запе по «Д», то есть заместителе командира группы специального назначения (ГСН) по диверсиям (диверсионной работе).

Узнают их по короткой стрижке,
По беретам типа «балахон».
Их в округе местные мальчишки
Называют «*дяденька-шпион*».

Если где-то гром далёкий грянет,
В неизвестность улетят они.
Пусть им вечным памятником станет
Проходная возле «*ДОРНИИ*».

Согласитесь, уважаемый читатель, о многом можно узнать из текста этой куосовской песни...

6. Группа специального назначения «А» КГБ СССР

Группа специального назначения КГБ СССР «А» или «Альфа», как её стали называть после событий августа 1991 года, была создана по решению высшего советского руководства в 1974 году. Главным предназначением группы «А» было противодействие терроризму и организованной преступности в их экстремальных проявлениях. Инициатором создания этого спецподразделения госбезопасности был Ю.В. Андропов, занимавший к тому времени должность председателя КГБ СССР восемь лет. За эти годы Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР из «опального» ведомства превратился в мощнейшую государственно-политическую структуру Советского Союза. В этой связи достаточно сказать, что Центральный комитет КПСС рассматривал КГБ как свой важный орган в общей системе партийной (государственной) власти.

При этом Комитет госбезопасности не был чисто «ведомством политического сыска», осуществлявшим только надзор за благонадёжностью советских граждан и карающим диссидентов. В состав КГБ входили значительные войсковые формирования и в частности пограничные войска со своей авиацией, военно-морскими структурами и прочим «хозяйством». Служба в органах и войсковых формированиях (например, в частях правительственной связи, отдельном

кремлёвском полку) Комитета госбезопасности для поколения молодых людей Советского Союза того времени была заманчивой и престижной. Сюда подбирали лучших из лучших.

Увязывать это только с повышенными должностными окладами, а также рядом значительных льгот и преимуществ, установленных руководством партии и государства для комитетчиков, было бы не совсем правильно. Многие воспринимали эту службу как романтическую, где можно было полностью реализовать свои знания и умения на благо Отечества. Возможно, нынешней молодёжи, выбравшей, как говорят, «Pepsi», это трудно представить, но тогда время было такое.

К числу таких романтиков, несомненно, принадлежали и первые тридцать сотрудников группы специального назначения «А» КГБ СССР, которые были зачислены в её состав в 1974 году. При подборе бойцов группы особое внимание уделялось индивидуальной физической подготовке кандидатов. Поэтому не случайно, что практически все оперативные сотрудники группы «А» оказались перворазрядниками, кандидатами в мастера и мастерами спорта, так сказать, по «профильным» спортивным дисциплинам (бокс, борьба, стрельба и т.д.). Были среди них призёры чемпионатов и чемпионы Советского Союза, участники и призёры Олимпийских игр. При этом подбор оперативников для группы «А» старались осуществлять в соответствии с требованиями определенного интеллектуального уровня и морально-психологического состояния кандидатов на зачисление.

На протяжении многих лет непосредственное руководство по созданию, комплектованию и подготовке антитеррористической группы Комитета госбезопасности было возложено на начальника Седьмого Управления КГБ СССР генерал-лейтенанта Алексея Дмитриевича Бесчастного, назначенного на эту должность в октябре 1974 года, и его первого заместителя генерал-майора Михаила Георгиевича Колобашкина. А изначально к этой работе были подключены генерал-майор М.М. Милютин, полковник Н.Г. Дёмин, подполковник М.А. Варников и майор Р.П. Ивон.

Первым командиром группы «А» стал Герой Советского Союза майор-пограничник Виталий Дмитриевич Бубенин, удостоенный высшей государственной награды

СССР за мужество и героизм, проявленные во время советско-китайского пограничного конфликта на острове Даманском. Его заместителем был назначен упоминавшийся ранее майор Роберт Петрович Ивон. В составе первого набора группы «А» были офицеры госбезопасности А.И. Алуценко, А.С. Афанасьев, В.М. Багров, А.И. Баев, Н.В. Берлёв, В.Н. Ванькин, В.С. Виноградов, С.А. Голов, М.В. Головатов, В.П. Емышев, Г.Е. Зудин, Ю.А. Изотов, В.С. Кисленков, С.Г. Коломеец, П.Ю. Климов, С.И. Коптев, Г.А. Кузнецов, Д.А. Леденёв, А.М. Лопанов, А.М. Молоков, В.С. Мочалкин, В.М. Панкин, А.Н. Савельев, А.И. Симонов, В.И. Филимонов, В.М. Федосеев, А.А. Цымбалюк и Е.Н. Чудеснов.

При формировании и в ходе подготовки группы «А» к выполнению возложенных на неё задач руководство и специалисты КГБ стремились в полной мере учесть зарубежный опыт. Как образец такого опыта рассматривалась в частности деятельность западногерманского элитного подразделения по борьбе с терроризмом «ГСГ-9» и аналогичной американской группы «Дельта» под командованием полковника Чарльза Беквита. Для того чтобы изучить иностранные источники, добыть соответствующие вооружение и оборудование, использовались различные возможности внешней разведки, в том числе и агентурные.

Личный состав Группы специального назначения «А» со временем удалось обеспечить специальными средствами защиты, а также оружием и экипировкой для ведения боя в особых условиях. Кроме отечественных спецсредств закупились иностранные образцы вооружения и индивидуальной безопасности, в том числе защитные шлемы западногерманского производства, импортные бронежилеты и другое оборудование.

Всё это в последующем было успешно опробовано в боевой обстановке во время штурма дворца Тадж-Бек. В этой связи мы только упомянем, что во время проведения этой операции несколько бойцов из состава внештатного спецотряда КГБ «Гром», составленного в основном из бойцов Группы специального назначения «А», получили прямые пулевые, а также осколочные попадания в защитные шлемы, которыми они были экипированы, и остались при этом в живых.

Таким образом, суммируя итоги сказанного в этом разделе, сделаем некоторые выводы:

Во-первых, советский спецназ интересующего нас периода состоял из частей и соединений специального назначения военной разведки, находившихся в оперативном подчинении ГРУ Генерального штаба ВС СССР (диверсионно-разведывательный спецназ), и спецформирований Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. В свою очередь спецназ КГБ состоял из диверсионно-разведывательных структур (осназ) Управления «С» (агентурная разведка) Первого главного управления (внешняя разведка) и антитеррористической Группы специального назначения «А», более известно (с 1991 г.) под названием «Альфа», которая организационно в тот период входила в состав Седьмого управления этого ведомства.

Во-вторых, появление спецназа ГРУ ГШ в 1950 году было обусловлено необходимостью создания в системе ВС СССР мобильного и эффективного диверсионно-разведывательного средства уничтожения (выведения из строя) ядерного оружия противника в его глубоком тылу, нанесения поражения прежде всего маневренным системам ядерного потенциала противника. Одновременно перед спецназом ГРУ выдвигались задачи по дезорганизации управления войсками врага, нарушения работы его тыла посредством организации и проведения диверсионных операций на железнодорожных, воздушных, морских, других коммуникациях, разрушения (повреждения) средств и линий связи. При этом приоритет отдавался проведению диверсионных операций, а не выполнению разведывательных задач.

В-третьих, создание диверсионно-разведывательного (разведывательно-диверсионного) спецназа КГБ СССР было обусловлено появлением, развитием и укрупнением аналогичных структур в системе национальной безопасности США (в частности «зелёных беретов» и группы «Дельта») и их союзников (САС, ГСГ-9 и т.п.). Данные формирования спецназа, точнее сказать, «осназа» КГБ СССР в отличие от их «смежников» из ГРУГШ были в большей мере сориентированы на решение задач политического и военно-стратегического

порядка, так как даже организационно они находились в ведении внешнеполитической разведки КГБ СССР.

В-четвёртых, боевое применение диверсионно-разведывательного спецназа ГРУ Генштаба, состоявшего в мирное время из воинских частей и соединений сокращённого состава, и КГБ СССР, представленного в исследуемый период скадрованной отдельной бригадой особого назначения, предусматривалась только в военное время или особый период.

В-пятых, штатная Группа специального назначения «А» КГБ СССР состояла из кадровых сотрудников госбезопасности и была создана для осуществления антитеррористических мероприятий, противодействия проявлениям экстремизма и особо опасных преступлений (угон самолётов, захват заложников, убийства и т.д.).

Раздел III: Афганистан не задолго до...

Афган во мне

И проступившей на погонах солью,
И криком, искривившим рот..
Афган во мне живёт вчерашней болью
И болью нынешней живёт.

Моё сомненье он и отречение,
Тревожный невозможный сон,
Пророчество, прозрение, очищение,
Последний крик, предсмертный стон.

Афган во мне – бой с рассечённой бровью,
Без права на победу бой.
Он для меня распятою любовью,
Грехом, забвеньем, слепотой.

Афган во мне четвёртым измереньем
Поступков, жизнью, бытия.
Афган во мне наивным поколеньем –
Мой прокурор и мой судья.

Он для меня – прицелов перекрестье,
В чужой стране чужой раздор.
Афган во мне – беда, а не бесчестье,
Не слава мне, не мой позор.

И, на кладбищенской уснув постели,
Мне быть под этим же крестом:
Афган во мне, в душе моей и теле, –
Осколком, горечью, стихом.

*Одесса – Феодосия–Москва,
1988–1990 годы*

История советско-афганских межгосударственных отношений восходит к 1919 году. Тогда к власти в Афганистане пришёл Аманулла-хан, который сменил на престоле своего отца Хабиббулу-хана, убитого под Джелалабадом. Первым серьёзным шагом молодого монарха стало провозглашение 28 февраля 1919 года во время его коронации независимости Афганистана. Советская Россия стала первым государством, признавшим самостоятельность своего южного соседа (27 марта 1919 года) и установившим дипломатические отношения с Афганистаном. Вслед за этим молодой советской республикой, которая сама испытывала серьёзные трудности, правительству Амануллы-хана была оказана безвозмездная помощь в виде передачи миллиона рублей золотом, пяти тысяч винтовок и нескольких самолётов.

Так начиналась история советско-афганских отношений, которой предшествовали разведывательные миссии и военно-дипломатические контакты агентов российской империи с лидерами этого многострадального края, входившего в ту пору в зону активного влияния британской империи.

1. В начале советско-афганских отношений

Великобритания, которая неоднократно пыталась завладеть Афганистаном с целью присоединения его к своей колониальной Индии, в ответ на провозглашение независимости начала сосредотачивать крупные войсковые формирования на границе сопредельного государства. Май 1919 года стал временем начала третьей англо-афганской войны (первая и вторая войны проходили в 1838–1842 и 1879–1880 гг. соответственно. – *Примеч. В.К.*).

Несмотря на значительный численный перевес в военной силе, авиационные бомбёжки Кабула и Джелалабада, а также определённые успехи на первом этапе кампании, Англия была вынуждена пойти на заключение перемирия с правительством Амануллы-хана. Оно было подписано 3 июня 1919 года. Причиной этого стало как объединение афганских племён

вокруг идеи государственной независимости и своего молодого монарха, так и внутренние проблемы самой Великобритании (рост национально-освободительного движения в Индии, падение авторитета британской империи и другое). 8 августа 1919 года по Равалпиндскому мирному договору Англия признала независимость Афганистана.

Следствием добрососедского развития советско-афганских отношений стало подписание 28 ноября 1921 года договора о дружбе между советской Россией и Афганистаном.

Информация к размышлению

Из книги «Авганистан»¹

генерал-лейтенанта Андрея Евгеньевича Снесарева
(1865–1937 гг.)

«...Что же касается военной стороны дела, то беспутье страны делает её почти недоступной, во многих местах непроходимой, лишает возможности для наступающего держать связь между отдельными отрядами и вообще делает страну весьма пригодной для пассивного сопротивления. Гордый и свободолюбивый характер народа и огромная горная площадь вполне гармонируют с этим бездорожьем, делая страну очень трудной для завоевания, а особенно — для удержания во власти.

...Эту точку зрения — рассмотрение путей в Афганистане только как сети направленной на Индию, и я считаю единственно разумной и справедливой, потому что трудно себе представить, что когда-либо имело смысл предпринимать военную кампанию в Средней Азии только во имя одного Афганистана.

Афганистан — страна небогатая. Завоевание его вызовет... ненависть гордого и свободолюбивого народа, удержать страну во власти трудно, почему и думать о том, что в будущем может назреть война только из-за Афганистана, нет смысла.

...Таким образом, северный фас горного массива, открытый в сторону России, обеспечен до некоторой степени сначала Аму-Дарьёй, затем линией степных городов и группой старых фортов в предгорьях и, наконец, тем, что, может быть,

---

¹ Так в тексте А.Е. Снесарева, далее в соответствии с современной орфографией.

имеется на самих перевалах. Если к этим трём линиям обороны успеют подойти англичане с их техникой и деньгами, то наше продвижение к Гиндукушу встретит огромные препятствия. Это нужно учитывать определённым образом.

...Афганская армия заключает в себе мало элементов, которые могут заменить нашу европейскую дисциплину. Прежде всего Афганская армия – это дружная семья магометан, которая готова, как один, постоять за знамя пророка, и это знамя будет поднято при всякой войне. Затем, афганцы проникнуты фанатической любовью к своей родине и к свободе, и это основная черта народа прочно объединит их в минуты войны. Наконец, и железная дисциплина будет не забыта, когда настанет война.

...Огульно думать, что афганцы, здорово живёшь, бросятся к нам в объятия или сделают такой же бросок на британскую грудь, неправильно и неосторожно. Политические расчёты могут повести (всегда временно) Афганистан на ту или на другую сторону, но чувства останутся одинаково враждебными ко всякому Европейскому государству. Чёрная ли собака, говорил Абдурахман, рыжая ли собака, всё равно собака; эмир разумел русских и англичан»¹.

В связи с приведёнными выдержками из книги генерала Андрея Евгеньевича Снесарева обратим ваше внимание на то обстоятельство, что вышла она в свет в 1921 году, то есть в год подписания советско-афганского договора о дружбе. А выпустило её тиражом в три тысячи экземпляров Московское государственное издательство. В свою очередь сама книга «Афганистан» представляет собой сборник лекций А.Е. Снесарева, прочитанных им примерно в это же время старшему и высшему командному составу РККА. Поэтому у нас есть определённые основания полагать, что взгляды, изложенные в данной книге историком, учёным-востоковедом и русским генералом А.Е. Снесаревым, если не представляли собой официальную точку зрения советского руководства того времени на Афганистан, то, по крайней мере, ей не противоречили.

1 Книга А.Е. Снесарева «Афганистан» цитируется по альманаху «Истоки» – Выпуск 1 (23). – М.: РИФ «РОЙ», 1994. С. 173-174.

Информация к размышлению

Из личного дела

генерал-лейтенанта русской императорской армии,
Героя Труда Советского Союза
Снесарева Андрея Евгеньевича

Родился в 1865 году в семье православного священника. В 1888 году окончил математический факультет Московского императорского университета, а в 1890 году – Московское пехотное училище. Проходил службу в Туркестане, где занимался вопросами изучения и военно-географического описания Средней Азии. Изучил и свободно владел четырнадцатью языками. Предпринял путешествия разведывательного характера по Афганистану, Индии, Кашгарию и Тибету. В 1899 году окончил Академию Генерального штаба. В последующем преподавал военную географию в военно-учебных заведениях. Был избран действительным членом Русского географического общества, являлся членом Общества ревнителей военных знаний и председателем среднеазиатского отделения Общества востоковедения.

С 1910 года – начальник штаба казачьей дивизии. В Первую мировую войну командовал полком, бригадой, дивизией, а в последующем (1917 г.) стал выборным командиром 9-го армейского корпуса. В 1917 году ему было присвоено воинское звание «генерал-лейтенант». С мая 1918 года он в РККА, где был назначен военным руководителем (командующим) Северо-Кавказского военного округа. В июне 1918 года А.Е. Снесарев успешно руководил обороной Царицына, однако был незаконно отстранён от командования и арестован по приказу политического представителя ЦК ВКП (б) И.В. Сталина.

В последующем этот несправедливый приказ был отменён инспекцией РВСР, прибывшей из Москвы и расследовавшей данное дело. Несколько позднее А.Е. Снесарев командовал Белорусско-Литовской армией, был начальником Академии Генштаба (1919–1920 гг.), ректором и профессором Института Востоковедения (1921–1930 гг.), профессором Военно-авиационной академии (с 1924 г.) и Военно-политической академии (с 1926 г.). В 1929 году он был удостоен звания Героя Труда. В 1930 году был арестован и осуждён по ложному обвинению. До 1934 года находился в заключении и ссылке. Умер А.Е. Снесарев в Москве 4 декабря 1937 года. Посмертная реабилитация состоялась в 1958 году.

Афганскому эмиру, или, иными словами, королю Аманулле-хану история отвела десять лет пребывания на троне. Придерживаясь реформаторских взглядов, молодой правитель постоянно забежал вперёд, хотел одним рывком вывести свою страну из темноты феодально-племенных отношений, отсталости и нищеты. Идя путём буржуазно-демократических реформ, Аманулла-хан стремился укрепить централизованное афганское государство, развивать национальную экономику и народное просвещение, способствовал эмансипации женщин и ограничению влияния духовенства.

В годы его правления была принята первая конституция Афганистана, введён трёхцветный национальный флаг (чёрно-красно-зелёный. – *Примеч. В.К.*). Афганская молодёжь получила возможность обучаться в Европе и Турции для того, чтобы в дальнейшем использовать приобретённые знания на благо своей родины. В этот период динамично развивались и советско-афганские межгосударственные отношения. Закономерным этапом этого стало подписание 31 августа 1926 года договора «О нейтралитете и взаимном ненападении» между СССР и Афганистаном.

Однако реформы, проводимые Амануллоу-ханом, устраивали далеко не всех в патриархальном афганском обществе. Постепенно в стране нарастали антиправительственные настроения. Свою существенную роль в этом сыграли «оскорблённое» мусульманское духовенство и происки англичан, которые всегда умели «уходя оставаться» и никогда никому ничего не прощали.

В конечном итоге этим силам удалось воспользоваться длительным отсутствием в стране монарха, совершавшего с декабря 1927 года по июнь 1928 года свою заграничную поездку, и поднять антиправительственное восстание. Это заставило 14 января 1929 года короля-реформатора отречься от престола в пользу своего младшего брата принца Инаятуллы-хана, пробывшего афганским эмиром всего трое суток. После захвата восставшими под руководством Бачаи Сакао или Бача Саккау (в дословном переводе «сын водоноса». – *Примеч. В.К.*) Кабула Инаятулла-хан, забрав казну и семью, бежал в Пешавар.

В последующем он при помощи англичан перебрался в Кандагар к своему старшему брату. После чего было аннулировано отречение от монаршего престола Амануллы-хана, который вновь попытался вернуть себе верховную власть в Афганистане.

2. Первый советский «спецназ» в Афганистане

В те годы в советской Средней Азии проходила ожесточённая и бескомпромиссная борьба новой власти с местным басмачеством. Очевидно, что в подобных условиях высшее руководство СССР было в особой мере заинтересовано в сохранении и упрочении добрых отношений с правительством соседнего Афганистана. Обеспокоенность советского правительства в то время провоцировала и активная экспансионистская политика Великобритании в этом регионе, которая к тому же стремилась поддержать остатки белогвардейского движения и местное басмачество, точнее сказать, использовать их в своих целях.

В этой связи монархическое правление проверенного временем афганского эмира Амануллы-хана вполне устраивало коммунистических вождей Советского Союза. Должно быть, в Кремле чётко осознавали, что афганская междоусобица 1928-1929 года в значительной мере была организована теми внутренними и внешними силами, которые в случае прихода к власти в стране вряд ли займут просоветские или хотя бы нейтральные позиции в отношении СССР. И тогда советское руководство принимает решение...

Здесь мы несколько отступим от нашего повествования и осмелимся предположить, что при аналогичных внешнеполитических обстоятельствах подобное решение, вполне возможно, приняло бы и царское правительство российской империи, неоднократно посылавшее прежде в Среднюю Азию свои экспедиционные корпуса под командованием «белого» генерала М.Д. Скобелева и других военачальников. Скорее всего, в данном случае

не остались бы в стороне и власти США, которые на протяжении всей своей истории «усмиряли» не только североамериканских индейцев, но и своих соседей (Мексику, Панаму, Кубу, Никарагуа), вмешивавшиеся во внутренние дела государств, находящихся на значительном удалении от собственных берегов (Корея, Вьетнам, Ирак и т.д.). Да и правительства большинства других, так называемых, цивилизованных стран, так кичащихся многолетней историей развития в них демократических свобод.

О чём всё-таки идёт речь? А говорим мы о том, что, решив поддержать дружественный режим короля Амануллы-хана, советское руководство отправило на территорию Афганистана специальный вооружённый отряд. Эта советская воинская часть фактически являлась разведывательно-диверсионным формированием, предназначенным для выполнения соответствующего рода боевых (специальных) задач на территории сопредельного государства.

В своих рядах она насчитывало порядка тысячи бойцов, переодетых в афганскую военную форму. На вооружении отряда имелось 4 горных орудия, 12 станковых и 12 ручных пулемётов, а также мощная для того времени радиостанция, обеспечивающая устойчивую связь командования этого воинского формирования с его руководством на территории Советского Союза.

Формально возглавлял эту секретную миссию прибывший накануне из Москвы афганский генерал Гулам Набихан Чархи, который являлся послом Афганистана в СССР и представлял, таким образом, интересы законного правительства Амануллы-хана. В качестве начальника штаба отряда выступал афганский офицер Гулам Хайдар, вместе с ним находились ещё несколько афганских кадровых военных. Однако реально командовал действиями этого воинского формирования бывший военный атташе Советского Союза в Афганистане В.М. Примаков, выступавший в данном случае под видом турецкого офицера Рагиб-бея.

Информация к размышлению

Из личного дела

комкора Примакова Виталия Марковича
(1897—1937 гг.)

Член РСДРП с 1914 года. Участник Великой Октябрьской социалистической революции (государственного переворота) 1917 года в Петрограде. Советский военачальник. В годы гражданской войны был атаманом Червонного казачества Украины, последовательно занимая должности командиров бригады, дивизии и конного корпуса. С 1927 года по 1929 годы — военный атташе Советского Союза в Афганистане. В 1929 году возглавил миссию советского отряда специального назначения по реставрации режима короля Амануллы-хана в Афганистане.

Один из приверженцев и разработчиков советской теории партизанской войны. Оставил военно-теоретические труды по Афганистану и практике диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника. Автор книги «Афганистан в огне» (М.-Л., 1929 г.). Воинское звание — комкор (1935 г.). По ложному обвинению репрессирован и расстрелян в 1937 году. Посмертно реабилитирован.

Были соблюдены и другие условия конспирации (у красноармейцев и командиров отсутствовали личные документы, а штабная документация не указывала на принадлежность данной части к РККА). При этом В.М. Примаков и его товарищи по данному предприятию, очевидно, осознавали, что в случае провала их миссии официальные советские власти от них просто-напросто откажутся. Должны они были понимать и то, что их действия и действия самого Примакова в данном случае будут представлены в качестве проявления «личной авантюры бонапартистского толка». Во всяком случае, именно так они были расценены во время тайного следствия и незаконного судилища, организованных органами НКВД против комкора В.М. Примакова в 1937 году. Но всё это будет потом...

Разумеется, силами одного лишь небольшого советского отряда подавить антиправительственное восстание и захватить афганскую столицу, тем более удерживать её, было немыслимо. Но в случае успеха данной акции «дружественному» монархическому режиму Амануллы-хана в будущем можно было бы диктовать определённые условия. Впрочем, не исключено, что кому-то в Кремле тогда виделась возможность поднять таким образом «народное восстание» в Афганистане против местных феодалов и других «угнетателей трудового народа». Во всяком случае, других разумных причин для объяснения подобного шага советского руководства найти сложно. При этом понятно, что Советский Союз исходил в данном случае прежде всего из своих собственных государственных и политических (геополитических) интересов.

Прелюдией при определении целей данной экспедиции и решении вопроса о формировании отряда под командованием В.М. Примакова была встреча в Москве, состоявшаяся в марте 1929 года. На ней присутствовали советские представители во главе с генеральным секретарём ЦК ВКП (б) Иосифом Сталиным с одной стороны и министр иностранных дел Афганистана Гулам Садик-хан, прибывший вместе с генералом Гуламом Наби-ханом Чархи с другой стороны. Подробности этого раунда не известны, однако очевидно, что в ходе его обсуждалась политическая ситуация в Афганистане и меры советского правительства по оказанию военной помощи «дружественному» монархическому режиму короля Амануллы-Хана. С правовой точки зрения, данная миссия была обоснована статьями советско-афганских договоров «О дружбе» (1921 г.) и «О нейтралитете и взаимном ненападении» (1926 г.), хотя официально не афишировалась в силу вполне понятных причин.

При оценке обстановки и принятии решения советским руководством были приняты во внимание доводы афганской стороны о том, что после пересечения границы Афганистана к советскому отряду примкнул многочисленный сторонник из лагеря сторонников короля Амануллы-хана, чего на самом деле не произошло. Однако здесь обратим особое внимание на то обстоятельство, что в силу указанных ранее аргументов афганской делегации советский отряд «специального назначения» должен был стать как бы

организационным ядром в борьбе с афганскими мятежниками. Иными словами, он должен был взять на себя исполнение конкретной задачи «специального назначения», а именно – задачи организации повстанческого движения на территории сопредельного государства.

В этой связи вполне резонно можно предположить, что во время указанного контакта в Кремле между советской и афганской сторонами последняя аргументировала необходимость военного участия СССР в этом конфликте вмешательством Великобритании во внутренние афганские дела. Во всяком случае, В.М. Примаков в последующем утверждал, что руководитель афганских мятежников Бача Саккау был агентом английского «супершпиона» полковника Лоуренса. Так ли это было на самом деле или нет, до сих пор является вопросом дискуссионным. Хотя понятно, что для советской стороны подобная точка зрения на афганские события 1929 года в силу идеологических соображений была наиболее предпочтительной и выгодной.

Первой акцией советского отряда «специального назначения» под руководством В.М. Примакова стало проникновение 15 апреля 1929 года на сопредельную территорию через Амударью в районе Термеза. Кстати сказать, переправа красноармейцев через полноводную для того времени года реку была осуществлена практически в том же месте, где и в декабре 1979 года был установлен понтонный мост, обеспечивавший ввод «ограниченного контингента советских войск» в Афганистан. Впрочем, это, как мог заметить внимательный читатель, далеко не первое совпадение и далеко не первая параллель между этими историческими событиями.

Далее последовало нападение на афганскую пограничную заставу Патта-Гисар (или «Пата Кисар». – *Примеч. В.К.*). Захватив укрепления, оборонявшиеся пятьюдесятью сорбозами, то есть афганскими солдатами, красноармейцы во встречном бою разгромили и пытавшийся прийти на выручку пограничникам вооружённый афганский отряд из близлежащего военного гарнизона Сия-Гарта (или «Сиях-Герда». – *Примеч. В.К.*). Далее последовал стремительный марш на провинциальный центр Мазари-Шариф, который с ходу и был успешно захвачен советским «разведывательно-диверсионным формированием». На очереди стоял... Кабул.

Однако уже дошедшие до Айбака красноармейцы Примакова были неожиданно для них остановлены приказом из Москвы, повелевавшим им немедленно вернуться на территорию СССР. Очевидно, основанием для такого распоряжения стало поступившее в Кремль по дипломатическим и разведывательным каналам сообщение о том, что верные Аманнуле-хану войска разбиты под Кабулом. Что сам вновь потерявший монаршую власть эмир вместе со своей семьёй и семьёй брата Инаятуллы-хана покинул теперь уже навсегда территорию Афганистана¹.

По некоторым сведениям, в ходе этого боевого (специального) рейда по афганской территории «разведывательно-диверсионный» отряд под командованием В.М. Примакова потерял убитыми и ранеными порядка 120 красноармейцев и командиров. В свою очередь тогдашние потери афганской стороны были оценены в восемь тысяч человек, хотя эти цифры представляются нам завышенными.

Реализовать основную цель, то есть способствовать восстановлению в Кабуле власти «дружественного» монархического режима, не удалось. Вместе с тем тогдашнему советскому руководству хватило разума, чтобы не расширять своё вмешательство во внутренние афганские дела. Очевидно, для этого были и определённые идеологические мотивы, ведь Советский Союз во главе со своими коммунистическими лидерами не был заинтересован в широкой огласке своей поддержки монархического режима в Афганистане. Хотя всё-таки при посылке красноармейского вооружённого отряда «специального назначения» в сопредельную страну лидеры СССР руководствовались прежде всего не столько идеологическими мотивами, сколько государственными интересами своей собственной державы.

В общих чертах таковой была история первого вооружённого проникновения советских войск или, иными словами, первого отряда советского «спецназа» на территорию соседнего государства и первая попытка вмешательства СССР во внутреннюю афганскую междоусобицу. При этом

¹ Бывший афганский король Аманулла-хан ещё тридцать лет проживёт в эмиграции в Италии и скончается 25 апреля 1960 года в Цюрихе. Его младший брат принц Иманулла-хан закончит свой жизненный путь в Тегеране в 1946 году.

не будем забывать, что в тот период вооружённых вояжей на землю Советского Союза с территории Афганистана, осуществлявшихся разного рода белогвардейско-басмаческими формированиями, было значительно больше. Что происходило даже во время нахождения у власти «дружественного» короля Амануллы-хана, который имел весьма ограниченные возможности для полного и окончательного решения данной проблемы. Но, во всяком случае, хотя бы имел желание для снятия этого вопроса с повестки дня советско-афганских межгосударственных отношений.

3. Последующее развитие советско-афганских отношений

«Сын водоноса» (Бача Саккау), захвативший власть в Кабуле и провозгласивший себя эмиром Афганистана под именем Хабибуллы-хана, продержался на троне около полугода. Тогда же в Кандагаре объявился другой «афганский эмир» Али Ахмад-хан, который был в последующем схвачен и доставлен в цепях в столицу. Здесь, в Кабуле, один самозванец казнил другого самозванца. Афганская междоусобица продолжалась. В силу национальных особенностей Афганистана у «сына водоноса» Хабибуллы-хана, происходившего из таджикского меньшинства, было мало перспектив для того, чтобы прочно удержаться на престоле. Очередное вооружённое восстание подняли воинственные пуштунские племена во главе с бывшим военным министром генералом Надир-ханом. Они сумели захватить Кабул. Бача Саккау был обезглавлен.

Вновь коронованный эмир Афганистана (октябрь 1929 г.), каковым стал, разумеется, Надир-хан (с этого времени именуемый Надир Шахом. – *Примеч. В.К.*), ни с кем не пожелал делить завоёванную власть и попытался «закрутить гайки». Он стремился «в зародыше задушить» нововведения, привнесённые во внутреннюю жизнь просвещённым монархом Амануллоу-ханом. По стране прокатилась волна кровавых репрессий. Одной из первых её жертв стал сподвижник Амануллы-хана, бывший посол Афганистана в Советском Союзе генерал Мохаммад Вали-хан, осуждённый по надуманному обвинению и зверски казнённый в феврале 1930 года.

Ответом на неоправданно жёсткие полицейские меры, предпринимаемые королевским режимом, в частности на разгон политической организации «Джаван афган» («Афганская молодёжь») стал рост терроризма внутри страны. Жертвой этого террора стал и сам король Надир Шах, убитый 8 ноября 1933 года. Верховная власть в стране перешла к его девятнадцатилетнему сыну Захир Шаху, продолжившему династический пуштунский род клана мухаммадзай племени дуррани.

Информация к размышлению

Из биографии

последнего короля Афганистана
Захир Шаха

Родился 15 октября 1914 года в Кабуле. Учился в кабульских лицеях «Хабибия» (1920–1923 гг.) и «Истикляль» (1923–1924 гг.), а также во Франции (1924–1930 гг.). После возвращения в Афганистан окончил военное училище в Кабуле (1931 г.). Через год был назначен заместителем министра национальной обороны, а ещё через год – министром просвещения Афганистана. Вступил на престол в ноябре 1933 года. После чего без изменений остались не только основные направления внешней и внутренней политики Афганистана, но и состав правительства страны, возглавлявшегося его дядей Мохаммадом Хашим-ханом.

На протяжении последующих почти двадцати лет реальная власть в стране принадлежала трём дядям Захир Шаха. Это было связано с тем, что в силу местных традиций король считался слишком молодым для того, чтобы править. Захир Шах проявил себя как реалистичный и достаточно мудрый политик. Однако был отстранён от власти в 1973 году во время своего пребывания на отдыхе в Италии. Относительно бескровный государственный переворот в Афганистане был организован его двоюродным братом и зятем, принцем Мохаммадом Даудом.

После получения известия о свержении с трона Захир Шах отправил поздравления афганскому народу и пожелал ему дальнейшего процветания. В ответ на широкий жест бывшего монарха руководство вновь провозглашённой Республики Афганистан позволило своему низложенному королю забрать все

«накопленные» и принадлежавшие его семье драгоценности и сбережения, которые были доставлены в Италию советским самолётом ИЛ-18, обслуживавшим по договору аренды афганских правителей.

Здесь, на берегах Адриатического и Средиземного морей Захир Шах провёл долгую и безбедную жизнь. Несмотря на самоустранение от политики, на Захир Шаха в это время неоднократно оказывали давление и совершали покушения, которые так и не достигли своей конечной цели.

Тем не менее после проведения Соединёнными Штатами первого этапа «антитеррористической» операции в Афганистане и свержения правительства талибов бывший король вернулся на родину. Однако разумно воздержался от разного рода сомнительных предложений по восстановлению в Афганистане монархического правления.

По причине не прекращавшихся с территории Афганистана басмаческих налётов на города и кишлаки советских среднеазиатских республик отношения между СССР и его южным соседом в тридцатые годы были далеки от радужных. Ко всему прочему в это время афганское руководство подпало под влияние фашистской Германии, снабжавшей национальную армию боевой техникой, направлявшей сюда своих многочисленных военных и гражданских советников и специалистов.

Германия настойчиво пыталась втянуть Афганистан в союз против Великобритании и Советского Союза. Несмотря на это, афганскому правительству хватило государственной мудрости и воли, чтобы заявить о нейтралитете и противостоять втягиванию страны во Вторую мировую войну.

Когда осенью 1941 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль предложил советскому правительству в ответ на усиление прогерманских настроений в Афганистане и Иране ввести в эти страны свои войска, Советский Союз подошёл к этому вопросу довольно взвешено. В октябре 1941 года СССР выступил с меморандумом, в котором призвал Кабул строго придерживаться политики нейтралитета и положений советско-афганских межгосударственных договоров двадцатых и тридцатых годов. Этот меморандум впоследствии был поддержан Лондоном и Вашингтоном.

В то время правительства Великобритании и США согласились совместно с Советским Союзом следовать осторожной и согласованной союзнической позиции в отношении Афганистана. Как известно, в отношении Ирана тогда было принято иное решение, и в августе-сентябре 1941 года войска Советского Союза на основании положений советско-иранского договора 1921 года вошли на его территорию. Одновременно в Иран по предложению советской стороны были введены английские армейские части, как войска союзника СССР по антигитлеровской коалиции.

После окончания Второй мировой войны и недолгого периода единения держав с разными общественно-государственными устройствами настало время холодной войны. Постепенно США и их партнёры стали осуществлять на практике планы создания военного окружения против СССР. Одной из составных частей этой политики была реализация операции «Гиндукуш» (1948 г.), предусматривавшей оказание Афганистану финансово-технической помощи в обмен на проамериканскую (точнее, антисоветскую. – *Примеч. В.К.*) позицию.

В соответствии с этим планом Соединённые Штаты предусматривали определённые шаги по дестабилизации внутренней политической обстановки в самом Афганистане в случае попытки его сближения с Советским Союзом. Когда же в 1950 году американцы стали навязывать жёсткие политические условия в обмен на поставку вооружений афганской армии, правительство короля Захир Шаха постепенно стало переориентироваться в сторону своего северного соседа.

В начале 1950-х годов в Афганистане произошла некоторая либерализация общественной жизни: был несколько демократизирован закон о печати, появились новые относительно независимые от правящего режима периодические издания. Оживилась политическая жизнь, возникли новые общественные организации и партийные структуры. Тогда на общественно-политической арене страны появились «Виш Зильмиян»¹ (или «Викхе-Залмайян». – *Примеч. В.К.*), «Клуби-мелли» («Национальный клуб», возглавляемый принцем М. Даудом. – *Примеч. В.К.*), «Ватан» и другие структурные

1 «Пробудившаяся молодёжь», ставшая преемницей «Афганской молодёжи», запрещённой Надир Шахом в начале тридцатых годов.

общественно-политические образования. Однако все эти организации, а также оппозиционные газеты и журналы легально просуществовали недолго (до 1952 г.).

В этот период Соединённые Штаты начинают активизировать свою политику в центрально-азиатском регионе. В 1953 году они активно способствовали восстановлению на троне в Иране короля (шаха) Мохаммада Пехлеви. В 1954 году США заключили с Пакистаном соглашение о сотрудничестве, которое в следующем году было официально оформлено двусторонним межгосударственным договором.

1955-й стал годом настойчивых попыток вашингтонской администрации включения Афганистана в Багдадский пакт (вместе с Ираном, Ираком, Пакистаном, Турцией, Великобританией и США). Эти попытки закончились для американской стороны провалом. В ответ США прекратили оказывать Афганистану военную и экономическую помощь.

В этих условиях правительство короля Захир Шаха вновь обратило внимание на своего северного соседа, предприняв соответствующие шаги к возрождению и активизации советско-афганских экономических и военных отношений. В 1955 году состоялся официальный государственный визит в Афганистан советской делегации во главе с премьер-министром СССР Н.С. Хрущёвым. В ходе этой встречи на высшем уровне удалось достичь соглашения о предоставлении Советским Союзом кредита афганской стороне в размере 100 миллионов долларов на весьма льготных условиях.

С 1956 года между СССР и Афганистаном начинается тесное военно-техническое сотрудничество. С этого времени Советский Союз стал осуществлять поставки своему южному соседу военной техники и оборудования, а также направлять своих военных специалистов. Так постепенно Афганистан оказался в зоне советского влияния.

В 1960-е годы СССР становится для Афганистана самым крупным поставщиком финансовой и технической помощи. В Советском Союзе в это время начали обучаться многие афганские военные и гражданские специалисты. Политике развития всесторонних отношений с северным соседом активно способствовал премьер-министр (с 1953 г.) Мохаммад Дауд, принц и двоюродный брат короля Захир Шаха. В этот период отношения между Советским Союзом и Афганистаном

приобретают понастоящему дружественный характер. Что ещё раз было подчёркнуто на высшем уровне во время визита в Афганистан председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева в 1964 году.

Разумеется, Советский Союз в условиях тогдашнего противостояния «двух мировых систем» (или двух мировых сверхдержав), гонки вооружений и холодной войны был заинтересован в развитии добрососедских отношений со своим южным соседом. При этом высшие советские руководители, несомненно, хорошо помнили о размещении незадолго до этого рядом с границами СССР в Турции американского ядерного оружия. Об ответном шаге Советского Союза, выразившемся в размещении своих ракет на Кубе. А также о разразившемся впоследствии Карибском кризисе, когда мир реально стоял на грани превращения холодной войны в термоядерную.

Да, были у СССР в тот период свои интересы в Афганистане. И они имели под собой вполне объективные основания, что сегодня было бы абсурдно отрицать. Другое дело США, до государственной границы которых от Афганистана пролегали тысячи километров. Тем не менее, начиная с 1960-х годов, Соединённые Штаты постепенно стремились вовлечь эту далёкую, слабо развитую экономически страну в орбиту своих «национальных» интересов, что привело к неизбежному соперничеству между СССР и США в центрально-азиатском регионе.

4. НДПА: внутрипартийные склоки, контакты с КПСС

В 1960-х годах общественно-политическая жизнь в Афганистане заметно оживилась. Здесь значительную роль начала играть местная интеллигенция. Вновь стали создаваться политические объединения, некоторые из них получили возможность легализовать свою деятельность. Среди последних были исламистские политические организации, а также маоистская «Шоале Джавид» и ультранационалистическая «Афган Меллат».

В 1963 году был образован Объединённый национальный фронт Афганистана (ОНФА), в него вошли литератор Н.М. Тараки, государственные чиновники Б. Кармаль и Ш.М. Дост, офицер полиции М.А. Хайбар, профессиональный военный М.Т. Бадахши и другие. Изначально ОНФА создавался как ядро будущей политической партии, которая в последующем на своём учредительном съезде приняла название Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

Этот съезд проходил конспиративно 1 января 1965 года на окраине Кабула, в доме, принадлежащем Н.М. Тараки. Съезд утвердил программу и устав НДПА, а также избрал её руководящие органы.

Генеральным секретарём ЦК партии стал тогда Н.М. Тараки, его же ближайшими сподвижниками и членами центрального комитета были провозглашены С.М. Кештманд, С.М. Зерай, Г.Д. Пандшери, М.Т. Бадахши, Ш. Шахпур и Б. Кармаль, ставший одновременно одним из трёх секретарей ЦК НДПА. Четверо человек (Ш. Вали, К. Мисак, М. Задрани, А.В. Сафи) были избраны кандидатами в члены центрального комитета партии. Что касается принятой на съезде программы НДПА, то здесь в качестве главной цели её деятельности определялось «построение социалистического общества на основе творческого применения общих революционных закономерностей марксизма-ленинизма в национальных условиях афганского общества...»

Таким образом, в Афганистане была образована новая партия левого (точнее, «левацкого». – *Примеч. В.К.*) типа, провозглашённая «авангардом трудящихся классов и высшей формой политической организации рабочего класса». Разумеется, её создание и последующая деятельность проходили под заметным влиянием и непосредственным «патронажем» со стороны ЦК КПСС.

Своеобразным связующим звеном между центральными руководящими органами КПСС и НДПА выступала тогда резидентура Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в Афганистане. В этой связи со стороны ЦК Коммунистической партии Советского Союза ей нередко напрямую давались соответствующие указания и «деликатные» поручения. Например, тайно передать некую денежную сумму для поддержки организационно-партийной деятельности активистов народно-демократической партии.

Осенью 1965 года НДПА приняла участие в выборах депутатов нижней палаты афганского парламента. Четыре её представителя (Б. Кармаль, Н.А. Нур, А. Ратебзад и Файзилюль-Хак) стали делегатами этого выборного органа государственной власти. В конце 1965 года генеральный секретарь ЦК НДПА Н.М. Тараки осуществил неофициальную поездку в Советский Союз.

Здесь состоялся ряд встреч лидера «братской» Народно-демократической партии Афганистана с видными партийными функционерами из ЦК КПСС Р.А. Ульяновским и Н.Н. Симоненко. В ходе этих консультаций советские товарищи рекомендовали Н.М. Тараки сосредоточиться на решении организационно-партийных вопросов, воздержаться от «левацкого радикализма», не ставить перед собой немедленную задачу по свержению королевского режима. Ведь с этим режимом у СССР были весьма хорошие отношения.

Информация к размышлению

Из биографии

генерального секретаря НДПА, председателя
Революционного совета и премьер-министра ДРА
Нур Моххамата Тараки

Н.М. Тараки родился в 1917 году в местечке Мукур (провинция Газни) в простой афганской семье (отец был скотоводом). По национальности пуштун (племя гильзай, клан тарак, ветвь буран). Окончил в Мукуре шесть классов, а затем переехал в Кандагар, где начал трудовую деятельность в качестве рабочего на фабрике. Через два года был направлен в Индию на работу от кандагарской торговой фирмы. С юношеских лет стал проявлять интерес к изучению политических вопросов. В 1953–1965 годах активно занимался общественно-политической деятельностью, написал несколько литературных произведений («Скитания Банга», «Белый», «Одинокий») и сделал ряд публицистических выступлений в периодической печати. Выступил одним из создателей общественно-литературного течения, а, по существу, политической организации «Пробудившаяся молодёжь», которая выступала с 1947 года за демократизацию общественной жизни в Афганистане.

1 января 1965 года в кабульском доме Н.М. Тараки нелегально состоялся первый (учредительный) съезд Народно-демократической партии Афганистана. Съезд утвердил программу и устав, содержащие элементы «марксизма-ленинизма», а также избрал руководящие органы партии. Н.М. Тараки стал генеральным секретарём ЦК НДПА. Со временем (1966 г.) два крыла НДПА, имевшие названия «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»), вышли за рамки внутривнутрипартийной дискуссии и из фракций фактически превратились в самостоятельные партии.

Из них первую возглавлял Н.М. Тараки, а вторую — Б. Кармаль. После объединения НДПА в июне 1977 года его полномочия генерального секретаря объединённой партии были подтверждены. После Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года стал председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА. Убит после сентябрьского 1979 года военного переворота, организованного его заместителем Хафизуллой Амином. Характеризовался как мягкий, идеалистически настроенный и не имевший жёсткой государственной воли человек.

Очевидно, уже тогда, воспитывая и поощряя внутреннюю афганскую оппозицию в лице руководства народно-демократической партии, руководство КПСС проявляло определённые осторожность и сдержанность в оценке перспектив её деятельности. Ко всему прочему отношения между Афганистаном и Советским Союзом в ту пору были вполне удовлетворительными, несмотря на то что власть в Кабуле осуществлял монархический режим Захир Шаха, а в Москве — коммунистическая партия во главе с генеральным секретарём ЦК КПСС Леонидом Ильичём Брежневым.

Следует подчеркнуть, что почти сразу после образования НДПА в ней началась борьба за лидерство между Н.М. Тараки и Б. Кармалем. В её основе лежали прежде всего личные амбиции этих партийных функционеров. Впрочем, были и некоторые тактические разногласия, проявившиеся в том, что Б. Кармаль и его сторонники настаивали на активизации легальных форм борьбы за власть, парламентской деятельности, на просветительской работе с населением. Настаивали они и на расширении социальной базы для приёма в партию, которая, по их мнению, должна была включать и представительство от зажиточных слоёв общества.

В свою очередь Н.М. Тараки и его сподвижники склонялись к полному переходу на нелегальную (революционную) работу, провозглашению НДПА коммунистической партией, созданию при необходимости ЦК партии в эмиграции. При этом Н.М. Тараки настаивал на строгом соблюдении классового подхода к членству в НДПА, полагая недопустимым принятие в её состав представителей имущественных классов и королевской семьи. Понятно, что закономерным следствием такой обстановки, когда ни одна из сторон не желает прислушаться к противоположному мнению, должен был стать раскол НДПА. Осенью 1966 года это и произошло.

Тогда Б. Кармаль со своими сторонниками (члены ЦК НДПА Д. Панджшери, Ш. Шахпур, С. Кештманд, кандидаты в члены ЦК А.Х. Шарай, С. Лаек, Б. Шафи, А.В. Сафи, Н.А. Нур) вышли из ЦК партии, сформировали новую фракцию, получившую название «Парчам» («Знамя») или «НДПА – авангард всех трудящихся».

В свою очередь Н.М. Тараки и сотоварищи стали именовать себя «НДПА – авангард рабочего класса» или «Хальк» («Народ»). Хотя как сподвижники Б. Карамалы, так и Н.М. Тараки на словах признавали цели, задачи, провозглашённые учредительным съездом НДПА, а также её программу и устав, на деле это были фактически две различные партии. У них имелись собственные руководящие органы, своя символика, свои печати и иные атрибуты «самостийности». Они независимо друг от друга осуществляли приём новых членов своих партийных организаций и другие решения.

В этой обстановке ЦК КПСС неоднократно и настойчиво принимал шаги для прекращения междоусобицы в «братской» партии, однако значительное время эти усилия давали мало положительных результатов. В ходе этой работы ЦК КПСС постоянно ориентировал «Парчам» Б. Кармалы и «Хальк» Н.М. Тараки на поддержку республиканского режима, то есть на содействие М. Дауду. В свою очередь последнему, которого даже во внутренних документах КПСС того времени именовали «выдающимся государственным деятелем» Афганистана, настойчиво рекомендовали воздержаться от каких-либо репрессивных шагов в отношении «левых сил», то есть «парчамистов» и «халькистов».

Информация к размышлению

СЕКРЕТНО

Оперативная информация ЦК КПСС

«О некоторых мерах по оказанию помощи прогрессивным политическим организациям Афганистана в преодолении разногласий между ними».

Прогрессивные афганские политические организации «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ»), образовавшиеся в 1967 году в результате раскола Народно-демократической партии Афганистана, непрерывно ведут борьбу за право «предоставлять компартию в стране». После провозглашения Афганистана республикой в июле 1973 года к этому добавилось соперничество в деле продвижения своих людей на важные государственные посты, причём обе стороны не брезговали никакими средствами. Одновременно они развернули активную политическую работу в армии, что вызвало беспокойство главы государства и премьер-министра Мохаммала Дауда, который считает армию своей основной опорой.

Опасаясь, что эти организации в определённых условиях смогут играть значительную роль в политической жизни страны, М. Дауд в начале 1974 года начал проводить линию на ограничение их влияния и дал указания органам безопасности установить контроль за деятельностью этих организаций и задокументировать их возможные связи с советскими представителями.

В соответствии с решениями ЦК КПСС руководителям «Парчам» Бабраку Кармалю и «Хальк» Нуру Тараки, которые поддерживают неофициальные контакты с ЦК КПСС через представителя Комитета госбезопасности при Совете министров СССР в Кабуле, неоднократно высказывались рекомендации о необходимости прекращения междоусобной борьбы и сосредоточении их усилий на поддержке республиканского режима. Эти рекомендации оказали своё положительное воздействие. Б. Кармаль и Н. Тараки на состоявшейся недавно встрече договорились о прекращении взаимной борьбы и о более активной поддержке республиканского правительства.

Принимая во внимание нездоровую обстановку, существующую в рядах афганских прогрессивных сил, а также характер отношений между «Парчам» и «Хальк» и руководством республики Афганистан, представляется осуществить следующее:

1. Продолжать оказывать Б. Кармалю и Н. Тараки практическую помощь в деле прекращения междоусобной борьбы между «Парчам» и «Хальк» и объединения их в революционно-демократическую партию, способную сплотить все прогрессивные, демократические и патриотические силы страны в борьбе за жизненные интересы рабочего класса и крестьянства, всех трудящихся слоёв афганского общества.

2. Прогрессивная народно-демократическая партия Афганистана, название которой будет определено её руководством, должна иметь свою программу, показывающую основные направления дальнейшего движения Республики Афганистан по пути экономического и социального прогресса, повышения материального благосостояния и культурного уровня населения. Программа должна быть составлена с таким расчётом, чтобы её могли принять не только левые и демократические силы, но и все другие слои афганского общества, стоящие на позициях поддержки республиканского режима.

3. Разработку программы революционно-демократической партии мог бы осуществить совместно с Б. Кармалем, руководителем «Хальк» Н. Тараки, составитель программы Народно-демократической партии Афганистана, принятой в 1965 году, но не отвечающей требованиям настоящего времени. После её утверждения соответствующим партийным органом она должна быть по возможности широко обнародована.

4. Представляется назревшей необходимостью периодических конфиденциальных встреч представителей Международного отдела ЦК КПСС с Б. Кармалем и Н. Тараки для бесед по перечисленным выше вопросам, а также по проблемам стратегии и тактики партии в современных условиях в Афганистане.

В целях обеспечения сохранения в тайне таких встреч проводить их целесообразно при содействии братских партий в третьих странах, находящихся в дружеских отношениях с Афганистаном (Индия, Ирак, Сирия и др.), куда легче всего оформить выезд афганским гражданам.

С МИД СССР и КГБ при СМ СССР согласовано.

Проект постановления ЦК прилагается.

Международный отдел ЦК КПСС

1974 год

(Без подписи)

Проводя подобную линию, ЦК КПСС, очевидно, полагал уровень развития отношений между Советским Союзом и Афганистаном во время правления М. Дауда вполне приемлемым для СССР. В свою очередь иметь дело с «прогрессивными левыми силами» «Хальк» и «Парчам» в лице Н.М. Таракки и Б. Кармаля, постоянно враждующих между собой, было занятием хлопотным и малопродуктивным. Тем не менее контактировать с управляемой афганской оппозицией, как бы на всякий случай, было нужно.

Это, по крайней мере, являлось весомым аргументом в плане осуществления политического давления на М. Дауда. В случае же, когда б руководство Афганистана заняло недружественную или враждебную позицию в отношении своего северного соседа, тогда можно было бы подумать и о превращении «карманной» оппозиции в ядро будущей социальной революции или военного переворота. Любопытно, что, проводя эту работу, ЦК КПСС пользовался совершенно секретными источниками ГРУ Генерального штаба, КГБ и МИД СССР, а также давал прямые указания и поручения Комитету государственной безопасности при Совете министров СССР и министерству иностранных дел Советского Союза, то есть государственным органам власти.

Информация к размышлению

СЕКРЕТНО

Оперативная информация ЦК КПСС

«Об обращении к главе Республики Афганистан М. Дауду и руководителям прогрессивных политических организаций «Парчам» и «Хальк»

«Поступающая из Афганистана информация свидетельствует о том, что руководство республики в последнее время стало осуществлять мероприятия, направленные на подавление прогрессивных сил страны, активизировавших свою деятельность после государственного переворота в июле 1973 года (шифротелеграммы, спец. КГБ из Кабула № 124 от 28.02.74 г. и № 135 от 4.03.74 г.; спец. ГРУ из Кабула № 74 от 7.03.74 г.).

Первый удар нанесён по военной авиации, оснащённой советской техникой, где влияние этих сил было особенно велико. На заседании ЦК республики, проходившем под председательством М. Дауда, 26 февраля с.г. принято решение о смещении с должностей главнокомандующего ВВС и ПВО Афганистана полковника Кадыра и начальника штаба ВВС и ПВО подполковника Акбара, активных участников переворота, получивших военное образование в Советском Союзе.

Имеются сведения о том, что в скором времени будут сняты со своих постов министр по делам границ Пача Голь, министр связи Хамид и министр внутренних дел Ф. Мухаммед. Все эти министры являются членами прогрессивных политических организаций «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ») и друзьями нашей страны.

Для того чтобы не допустить проникновения передовых идей в армейскую среду, командир Центрального корпуса по распоряжению руководства республики запретил офицерам поддерживать связи с «гражданскими министрами», под которыми подразумеваются прогрессивно настроенные члены правительства. За поведением офицеров во внеслужебное время установлено негласное наблюдение, в частности за их контактами с советскими военными специалистами.

В Кабуле упорно циркулируют слухи о возвращении на государственную службу и в армию чиновников и офицеров, известных своими промонархическими настроениями, которые были уволены после переворота. Новым начальником штаба ВВС и ПВО назначен реакционно настроенный кадровый офицер, получивший образование в США.

По мнению афганских осведомлённых лиц, М. Дауд в настоящее время ожидает реакции Советского Союза на его акцию против прогрессивных элементов, дружественно настроенных к нам. Наше молчание по этому поводу может быть неправильно истолковано им и может поощрить его действовать более решительно.

В связи с этим предоставляется целесообразным, чтобы:

а) МИД СССР направил от имени т. Л.И. Брежнева обращение к М. Дауду с предостережением против принятия репрессивных мер в отношении прогрессивных сил, являющихся надёжной опорой республиканского режима;

б) Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР через имеющиеся в Кабуле возможности, по мере надобности, доводит до сведения М. Дауда мысль о том, что, подавляя левые силы, он ослабляет республиканский режим и укрепляет своих противников, не отказавшихся от планов реставрации монархии;

в.) Международный отдел ЦК КПСС обратился к руководителям прогрессивных политических организаций «Парчам» (Б. Кармалю) и «Хальк» (Н. Тараки) с призывом мобилизовать все свои силы на поддержку республиканского режима, проявлять выдержку и не допускать действий, могущих вызвать репрессивные меры властей.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Март 1974 года»

Следует отметить, что, пытаясь прекратить вражду между Н.М. Тараки и Б. Кармалем, между «халькистами» и «парчамистами», в руководстве ЦК КПСС к ним относились не равнозначно. В начале 1970-х годов больше внимание и поддержку получал Н.М. Тараки, в котором партийные функционеры из однопартийной страны Советов видели больше классового родства. В начале 1970-х годов в Советском Союзе даже издаётся книга Н.М. Тараки «Новая жизнь», тираж которой в дальнейшем был переправлен в Афганистан. К «братской» народно-демократической партии был представлен советский наставник Н.А. Дворенков, официально занимавший пост заместителя директора института востоковедения академии наук СССР.

По мнению хорошо знавших Николая Александровича людей, он в значительной степени поддерживал заблуждения и иллюзии Н.М. Тараки относительно возможностей «пролетарской революции» в Афганистане, делая при этом далеко не верные прогнозы дальнейшего развития событий в этой стране¹.

К тому времени численность «Хальк» Н.М. Тараки по некоторым данным (их в ЦК КПСС считали завышенными) составляла около 25 тысяч человек. Районные организации «халькистов» имели на территории страны довольно разветвлённую сеть. Через некоторое время после разрыва отношений между «Хальк» и «Парчам» часть сторонников Б. Кармаля (Д. Панджшери, Ш. Шахпур и А.Х. Шараи) возвратились к Н.М. Тараки и даже были восстановлены в центральном комитете.

---

¹ Подробнее см. в книге: Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М.: Издатель: «Русский библиографический институт» и агентство «Сократ», 1998. С.28.

В свою очередь «Парчам» Б. Кармалы в тот период насчитывала порядка 4 тысяч членов. В основном это были представители интеллигенции и студенчества, а также чиновники и военнослужащие. В чём на самом деле состояли различия между «Парчам» и «Хальк»? Пожалуй, они прослеживались не столько в классовом плане, сколько состояли в презрении столичных жителей («парчамистов») к провинциалам («халькистам»). В свою очередь не меньшим неуважением «халькисты» отвечали «парчамистам», объявляя себя истинными революционерами, а своих оппонентов – «ревизионистами», «представителями интересов буржуазии».

Однако при всём этом в конфликте между фракциями НДПА (партиями) «Хальк» и «Парчам», пожалуй, в большей мере проявляли себя явления этнического характера, особенности афганского национального менталитета, принадлежности и верности тому или иному племени, клану, сообществу, лидеру. Поэтому предпринимавшиеся попытки к объединению «халькистов» и «парчамистов» длительное время проваливались, как только на повестке дня вставали вопросы о кандидатуре генерального секретаря и персональном составе центрального комитета НДПА.

Зачастую получалось так, что сами Н.М. Тараки и Б. Кармаль, а также их сторонники большую часть своих сил, энергии, воли отдавали борьбе между собой, чем реализации тех целей и задач, для достижения которых, собственно говоря, и была создана НДПА. Нередко их политические митинги и демонстрации превращались в место для выяснения личных отношений или, говоря другими словами, в заурядные драки и потасовки, которые усмиряла и (или) разгоняла полиция. Причём происходило это как в бытность монархического режима Захир Шаха, так и при республиканском правительстве М. Дауда.

Однако давайте вернёмся к событиям более ранним. Ведь, разбираясь в партийных противоречиях НДПА, «Хальк» (Н.М. Тараки) и «Парчам» (Б. Кармаль) мы несколько упустили из вида те события, которые происходили на общегосударственном уровне. Впрочем, это было сделано умышленно, потому что без ясного понимания данного круга вопросов трудно разобраться в дальнейших перипетиях постоянно будораживших Афганистан революционных и прочих смут.

5. Афганистан после свержения монархии

Государственный переворот в Кабуле 17 июля 1973 года был осуществлён принцем Мохаммадом Даудом «малой кровью». По официальным данным в те дни погибли восемь человек, из которых четверо были военнослужащими, а четверо – полицейскими. Тогда М. Дауд, находившийся к тому времени уже десять лет в отставке, в которую он ушёл с должности премьер-министра Афганистана, сумел привлечь на свою сторону не только остававшихся ему лично преданных высших офицеров армии, но и ведущих деятелей «Парчам».

Успешному осуществлению переворота, несомненно, способствовало отсутствие в стране короля Захир Шаха, который в это время находился за границей, а также взвешенная и разумная позиция свергнутого эмира, отказавшегося от планов вооружённой реставрации монархии и возвращения себе трона. Впрочем, в этой связи имеет место версия о том, что июльский военный переворот 1973 года, организованный и возглавленный М. Даудом, был им на самом деле «согласован» с королём Захир Шахом, для властвования которого в Афганистане ко времени начала этих событий сложились крайне неблагоприятные условия.

Информация к размышлению

Из биографии

Президента Республики Афганистан
Мохаммада Дауда

М. Дауд родился в 1909 году в Кабуле. Принц, двоюродный брат короля Захир Шаха. Среднее образование получил во Франции. Состоял на действительной военной службе в афганской армии. В 1932 году командовал дивизией, в 1938 году назначен командующим центральными силами (Кабульский военный округ). Воинское звание – генерал-лейтенант. В 1946 году вошёл в кабинет правительства Шах Махмуда в качестве министра национальной обороны Афганистана.

В 1948 году был назначен послом Афганистана во Франции. По возвращении на родину в 1950 году развернул активную деятельность, направленную на отстранение от власти Шах Махмуда. С 1953 года девять с половиной лет был премьер-министром страны, оказывал решающее влияние на короля Захир Шаха в определении внутренней и внешней политики афганского государства. Способствовал развитию национальной экономики.

В годы его руководства правительством в Афганистане при помощи СССР, США, ФРГ был построен ряд важнейших промышленных объектов, началось сооружение гидроэлектростанций и современной инфраструктуры. М. Дауд неоднократно посещал СССР. За линию по «огосударствованию» экономики Афганистана, развитию всесторонних отношений с Советским Союзом был объявлен западной прессой «красным принцем».

Испытывая в частности из-за этого постоянное давление на себя, в том числе и со стороны короля Захир Шаха, был вынужден в марте 1963 года подать в отставку. Проявил себя самостоятельным политиком, дистанцировался от шахского режима. В этот период М. Дауд выступал за отделение правительства от династии и ограничение прерогатив короля, то есть по существу за введение в Афганистане режима конституционной монархии, а не за её упразднение. По своим личным качествам характеризовался как волевой, решительный и властный человек, не чуждый государственным интересам своей страны.

17 июля 1973 года при поддержке верных ему высших офицеров афганской армии, а также «парчамистов» осуществил захват власти в Кабуле. В связи с тем, что сам М. Дауд являлся родственником Захир Шаха, бескровный государственный переворот в большинстве слоёв афганского общества был воспринят, как вполне приемлемый и как «внутреннее дело королевской семьи».

В последующем М. Дауд упразднил монархию и объявил себя президентом республики. Продолжил политику укрепления дружбы и развития добрососедских отношений с Советским Союзом, однако при этом умело играл на противоречиях между СССР и США. В результате военного переворота 27 апреля 1978 года (Саурской революции) был убит.

Как ранее отмечалось, к лету 1973 года для правления короля Захир Шаха создались весьма неблагоприятные условия, недовольство проводимой им в Афганистане

политикой стало приобретать массовый характер. В то же время Мохаммад Дауд сохранял высокий авторитет как в целом в стране, так и в особой степени в армии. Достаточно сказать, что в некоторых воинских частях, несмотря на отставку М. Дауда с должности премьер-министра в 1963 году, по-прежнему вывешивались его портреты.

Многие старшие и высшие офицеры вооружённых сил, служебное продвижение которых было предпринято по инициативе Мохаммада Дауда в бытность его министром национальной обороны и премьер-министром страны, преданно ориентировались на своего покровителя и составили костяк будущего государственного переворота. При этом привлечение к заговору «парчамистов» и ряда молодых офицеров левой ориентации также оказалось не лишним.

Однако первая попытка свержения короля Захир Шаха, предпринятая в марте 1973 года, оказалась неудачной. Силами государственной безопасности и полиции было раскрыто существование в армии антимонархической оппозиции. Жизнь участников неудавшегося выступления против королевского режима оказалась под угрозой. Это заставило организаторов заговора принять строжайшие меры для сохранения своих планов в строжайшей тайне и вместе с тем активизировать подготовку к осуществлению государственного переворота.

После отъезда Захир Шаха из страны на лечение летом этого же года для М. Дауда была снята с повестки дня весьма деликатная тема – решение в случае вооружённого выступления дальнейшей судьбы монарха и его семьи, к которой он имел прямое отношение. В свою очередь проводившиеся тогда полевые выходы армейских частей для участия в тактических учениях и боевых стрельбах существенно облегчили заговорщикам осуществление передвижения верных им войск в соответствии с имевшимися планами военного переворота.

В ночь с 16-го на 17 июля 1973 года сторонники Мохаммада Дауда захватили королевский дворец и взяли под стражу остававшихся в стране членов семьи эмира. Одновременно с этим участниками заговора были предприняты меры по аресту видных государственных и военных деятелей, предотвращению связи между членами правительства, верховным командованием и воинскими частями, захвату важнейших

государственно-административных учреждений (почты, телеграфа, телефона, государственного банка и т.д.) и коммуникаций (аэродрома, дорог в столицу и т.д.).

Тогда же были блокированы штаб и отдельные части, входящие в состав центрального корпуса афганской армии, которые предназначались для подавления антиправительственных сил. Как это ранее уже отмечалось, несмотря на отдельные попытки противодействия восставшим со стороны командиров, верных королевскому режиму войсковых формирований, данный государственный переворот был осуществлён «малой кровью» или «почти бескровно», как об этом говорили впоследствии его организаторы.

Утром 17 июля 1973 года Мохаммад Дауд выступил по национальному радио. Он объявил об упразднении в Афганистане монархического правления и провозгласил создание республики. Желая отблагодарить активных участников переворота и вместе с тем упрочить свои личные позиции в армии, М. Дауд присвоил наиболее активным офицерам-заговорщикам, за исключением генералов, воинские звания на две ступени выше имевшихся у них.

Одновременно им была заметно сокращена выслуга лет, требуемая для присвоения очередного офицерского звания. Всем отличившимся сержантам армии были присвоены звания младших лейтенантов. Последовали и соответствующие кадровые перестановки среди командиров войсковых частей и соединений, а также в центральном аппарате министерства национальной обороны и других ведомств.

Так впервые в новейшей истории Афганистана армия заявила о себе, как о влиятельнейшей силе в разрешении внутривнутриполитических проблем. Однако было неправильным полагать, что государственный переворот 17 июля 1973 года был делом лишь небольшой группы амбициозных заговорщиков. Свержение монархического режима в Кабуле явилось закономерным результатом общественно-политического развития Афганистана, объективным следствием того неблагоприятного социально-экономического положения, в котором пребывала страна ко времени начала этих событий.

После переворота высшим органом власти Афганистана был провозглашён Центральный комитет республики (далее «ЦКР». – *Примеч. В.К.*). В него вошли одиннадцать человек,

из которых девять были кадровыми военными, в том числе трое – представителями молодого офицерства (капитаны Мохаммад Файз, Пача Гуль и Абдул Хамил). При этом в составе ЦКР четыре его члена состояли в НДПА, из них трое были «парчамистами», а один – «халькистом». Впрочем, эти партийные функционеры в отличие от военных членов кабинета М. Дауда занимали в новом афганском правительстве должности в основном номинального порядка.

Со временем Мохаммад Дауд упразднит Центральный комитет республики, а бывшие активные участники переворота 1973 года будут отправлены им подальше от беспокойной столицы, в провинциальные органы власти и в посольства за рубежом. Так, в Индонезию уедет бывший министр внутренних дел в первом послемонархическом правительстве Мохаммад Файз, а в Болгарию (потом в Ливию. – *Примеч. В.К.*) – бывший министр по делам племён и границ Пача Гуль. Постепенно в Афганистане фактически будет установлен режим личной диктатуры М. Дауда. А принятая в 1977 году новая Конституция лишь «де юре» закрепит сложившиеся к тому времени в стране политические реалии диктаторской формы правления.

Став главой государства, Мохаммад Дауд во внешней политике умело балансировал между интересами Запада и Востока. Как вполне справедливо отозвался о нём один из высокопоставленных сотрудников ЦРУ: «Дауд был наиболее счастлив, когда мог зажечь свою американскую сигарету советскими спичками». США взамен на финансово-техническую и военную помощь требовали от него покончить с левыми силами в Афганистане.

В свою очередь СССР, чьё традиционно весомое влияние на политику своего южного соседа постепенно стало ослабевать, начал выказывать своё негативное отношение по поводу расширяющихся контактов нового руководства с Соединёнными Штатами, Ираном, Пакистаном, Египтом, Саудовской Аравией и рядом других стран. Тем не менее Советский Союз продолжал оказывать Афганистану значительную экономическую и военно-техническую помощь, содействовал подготовке кадров квалифицированных специалистов в различных областях, посылал в эту страну своих гражданских и военных советников и специалистов.

По ходу времени М. Дауд освободился и от приведших его к власти других попутчиков, каковыми полагал «парчамистов». Потому что на самом деле он никогда не собирался брать курс на построение «социалистического общества» в Афганистане и проведение «широких социальных реформ» за счёт местных феодалов и буржуазии. В его планы не входило и полное подчинение своей политики интересам Советского Союза, а также «мирового коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения». При этом Мохаммад Дауд, несомненно, был государственным, который стремился во главу угла проводимой им политики ставить национальные интересы своей собственной страны.

Что же касается программных народно-демократических, если не социалистических, заявлений, сделанных им после военного переворота, так они остались лишь декларациями и не более того. Но, отстранив от власти «парчамистов» и других временных союзников, не удовлетворив амбиции многих приведших его к вершинам власти офицеров, М. Дауд нажил себе немало опасных врагов. В итоге получилось так, что первый президент республиканского Афганистана в значительной мере сам создал свою внутреннюю оппозицию, что в последующем привело его к печальному концу.

Первый крупный заговор против правления Мохаммада Дауда был раскрыт уже через полтора месяца после его прихода к власти в Кабуле. Составили это неудавшееся предприятие бывшие королевские фавориты, утратившие после событий 17 июля 1973 года своё прежнее положение и влияние в стране. Декабрь того же года также был омрачён для М. Дауда новым антиправительственным выступлением. Тогда в число заговорщиков вошли уже новые действующие лица – сторонники экстремистской религиозно-политической группировки «Братья мусульмане». В июле 1975 года и декабре 1976 года были подавлены новые заговоры и выступления против режима правления Мохаммада Дауда. Организаторами и вдохновителями этих акций выступили видные мусульманские деятели Б. Раббани и Г. Хекматиар, проповедавшие идею создания в Афганистане исламского теократического государства.

Тем временем «халькисты» вели активную работу по расширению своих рядов. При этом, как и прежде, количество новых членов партии нередко брало верх над их качественным составом. Тем не менее в этот период им удалось значительно расширить своё влияние в армейской среде. Именно тогда среди партийных функционеров значительно выделился Хафизулла Амин, возглавлявший работу военной организации «Хальк».

В августе 1975 года между фракциями НДПА наконец-то было заключено соглашение о прекращении публичной вражды и создании благоприятных условий для совместного сотрудничества. Очевидно, и здесь случилось так, что сам М. Дауд сделал для объединения «халькистов» и «парчамистов» в единую партию значительно больше, чем сердобольные наставники из ЦК КПСС. «Добрые дяди» советовали всё решать по-доброму, по-товарищески... А тут сама жизнь заставила, соответствующий политический момент подоспел. Куда было деваться отлучённым от кормила власти в Афганистане «парчамистам»? Вот и пошли они навстречу своим товарищам их «Халька»: нашёлся общий враг, появились и совместные планы.

В июне 1977 года настало время объединительной конференции «Хальк» и «Парчам». Её участниками было подписано совместное заявление «О единстве НДПА», формально провозглашавшее единство партии. Произошло избрание нового состава центрального комитета и политбюро ЦК НДПА, в которые вошли тридцать и десять членов соответственно.

В политическое бюро центрального комитета партии были введены Н.М. Тараки, одновременно вновь избранный генеральным секретарём ЦК НДПА, Б. Кармаль, ставший его заместителем, а также Г.Д. Панджшери, К. Мисак, Шах Вали, Нур Ахмад Нур, Барек Шафи, Сулейман Лайек, С.А. Кешт-манд, С.М. Зерай (пять «халькистов» и пять «парчамистов»).

На этой конференции произошли острые дебаты относительно личности Хафизуллы Амина, которому протезировал Н.М. Тараки, предлагавший включить его в состав политбюро. Однако Х. Амину, а вместе с ним С. Хахеми были предъявлены обвинения, якобы уличающие

их в связях с Центральным разведывательным управлением США и в получении ими «за определённые услуги» денежных средств от этого ведомства. Отвергая своё сотрудничество с ЦРУ, Амин заявил, что нуждался в финансовых средствах для окончания учёбы в Соединённых Штатах и вёл «вынужденную игру» с американскими спецслужбами. В итоге Хафизулла Амина хоть и не исключили из партии, но с членством в политбюро ЦК НДПА «прокатили». При этом против него голосовали почти все «парчамисты» и только часть «халькистов». Надо сказать, что в последующем Х. Амин, отличавшийся поистине восточным коварством и злопамятностью, подвёл кровавые итоги этой внутрипартийной дискуссии.

О том, как эти «доказательства» причастности Хафизулла Амина к разведывательному ведомству США попали в руки участников июньской 1977 года объединительной конференции НДПА, на сегодняшний день история умалчивает. Но в этой связи, пожалуй, более важно другое: что сам «обвиняемый» свою вину вовсе не отрицал, а старался аргументировать личную связь с ЦРУ причинами «объективного порядка».

Важно и то обстоятельство, что стенограмма заседания этой партийной конференции, не предававшаяся прежде широкой гласности, длительное время находилась в делах ЦК КПСС. Конкретно, у «ответственного», как тогда говорили, работника аппарата Р.А. Ульяновского.

Однако, когда у отечественных или зарубежных журналистов, общественно-политических деятелей, дипломатов, тех же партийных и армейских политических работников возникал прямой вопрос, касавшийся представления аргументированных доказательств о причастности Х. Амина к ЦРУ, то от ЦК КПСС, да и НДПА получить вразумительный ответ на этот счёт так и не удавалось. От них шла исключительно голословная констатация данного, как представлялось им, очевидного факта. А испрашивать у столь высоких партийных инстанций данные документы для представления их широкой общественности и даже «внутрипартийного пользования» тогда, мягко говоря, не было принято.

Информация к размышлению

Из биографии

генерального секретаря НДПА, председателя
Революционного совета и премьер-министра ДРА
Хафизуллы Амина

Х. Амин родился в 1927 году в семье служащего (место рождения — н.п. Пагман в окрестностях Кабула). По происхождению пуштун из племени харатаев. В раннем детстве потерял отца. Воспитывался старшим братом, который учительствовал в школе, а впоследствии работал секретарём президента крупной хлопковой компании. Окончил высшее педагогическое училище и научный факультет Кабульского университета. Работал преподавателем, заместителем директора и директором кабульского лицея «Ибн Сина».

В 1957 году для продолжения образования выехал в США, где получил учёную степень магистра. По возвращении в Афганистан преподавал в Кабульском университете, работал директором лицея и высшего педагогического училища, состоял на государственной службе в министерстве просвещения. В 1962 году вновь выехал в США для подготовки к защите докторской диссертации. Здесь он избирается председателем федерации афганских студентов и создаёт организацию прогрессивных афганских студентов (г. Нью-Йорк). За участие в политической деятельности был выслан из США.

В 1965 году становится участником учредительного съезда НДПА. После раскола НДПА входит в число ближайших соратников Н.М. Тараки, по рекомендации которого был введён в состав ЦК НДПА «Хальк» (1967 г.). В 1969 году был избран депутатом нижней палаты парламента Афганистана, где проводил резко антимонархическую линию. После свержения королевского режима в 1973 году и прихода к власти М. Дауда полностью переключился на ведение организационно-партийной работы. В 1977 году был избран членом объединённого ЦК НДПА и руководителем халькистской военной организации, действовавшей параллельно с парчамистской организацией в армии.

После ареста лидеров НДПА в апреле 1978 года возглавлял непосредственную подготовку к вооружённому восстанию

по свержению режима М. Дауда. После победы Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) был назначен заместителем премьер-министра и министром иностранных дел ДРА, избран членом политбюро ЦК НДПА и секретарём ЦК партии. В последующем Х. Амин фактически принял на себя руководство министерством обороны, установил контроль над органами государственной безопасности, сосредоточив в своих руках практически всю работу по организационно-партийному (кадровому) и государственному строительству.

Оставив за «другом и учителем» Н.М. Тараки роль «свадебного генерала», к лету 1979 года Х. Амин реально стал главным действующим лицом в НДПА и ДРА. К тому времени большинство особо значимых и весомых в партийной и государственной иерархии должностей было закреплено за его родственниками и лично преданными людьми.

14-15 сентября 1979 года осуществил государственный переворот в Афганистане. Принял на себя полномочия генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного Совета и премьер-министра ДРА. Бывший обладатель этих «титлов» Нур Мохаммад Тараки по приказу Х. Амина был задушен, а его семья помещена в тюрьму Пули-Чархи. Повинен в массовых репрессиях, организованных им в ДРА. Убит в ходе штурма советским спецназом дворца Тадж-Бек 27 декабря 1979 года.

Со временем в состав вновь «объединившейся» Народно-демократической партии Афганистана вошла ещё одна общественно-политическая (тайная и прежде самостоятельная) организация левой ориентации. Речь идёт об «Объединённом фронте коммунистов Афганистана» (ОФКА), который был создан непосредственно в структурах армии (1974 г.) при деятельном участии и руководстве просоветски настроенного полковника ВВС и ПВО ДРА А. Кадыра, отличившегося ранее при отстранении от власти короля Захир Шаха.

Для руководства и членов ОФКА побудительным мотивом для такого решения стала надежда на то, что после объединения фракций НДПА в Афганистане будет создан совместный и сильный левый блок. Тем более что ОФКА был близок с народно-демократической партией по идейной платформе, хотя при определении форм и методов своей практической деятельности ставку делал исключительно на подготовку и

проведение военного переворота в Афганистане. Удовлетворив просьбу руководства «объединённого фронта» о слиянии с партийными структурами, поднаторевшие в междуусобных баталиях лидеры НДПА навязали своим новым товарищам крайне невыгодные условия для этого объединения.

6. Саурская революция или военный переворот?

После того как глава государства М. Дауд решил поставить вождей народно-демократической партии немного «в рамки», законодательно воспретил создание и деятельность политических организаций в армии, руководство НДПА взяло курс на отстранение от власти «первого президента Республики Афганистан». Впоследствии победившей стороной очень много говорилось о массовых репрессиях со стороны правительства Мохаммада Дауда, которые якобы осуществлялись над членами НДПА, «прогрессивно ориентированными» военными, и о других кровавых преступлениях диктатора. Но по большей части подобного рода заявления были всего-то политической риторикой, в которой сторонники Н.М. Тараки и Б. Кармаля к тому времени изрядно усовершенствовались. В значительной мере таковыми в период правления М. Дауда были и игры членов НДПА в «подпольщиках», «конспираторах» и «нелегалов».

Но давайте вспомним, что перед «парчамистами» и «халькистами» был удачный практический опыт свержения в стране монархии, немалое число членов партии, прежде всего, из состава «Парчам», были активными участниками тех событий. При этом большинство из них полагало себя несправедливо обойдёнными после свершения успешного военного переворота 1973 года. Очевидно, в ту пору именно чувство обиды лежало в основе многих поступков вождей и рядовых членов НДПА, решивших составить новый государственный заговор.

Что касается желаний ускорить социально-экономическое развитие Афганистана, решить накопившиеся в обществе проблемы, вывести страну из «тьмы феодализма», «догнать и перегнать», обеспечить народу «светлое будущее»,

то они также имели место. Отрицать это было бы не совсем правильно, хотя при этом давно известно, куда ведёт дорога, усталая благими намерениями.

Идею отстранения от власти М. Дауда руководители Народно-демократической партии Афганистана постепенно стали осуществлять. Памятуя о позиции ЦК КПСС, пытавшегося примирить «халькистов» и «парчамистов» между собой и с правящим режимом, информировать Старую площадь о новом курсе НДПА особо не спешили. В этой связи у нас есть серьёзные основания полагать, что в случае предупреждения Москвы об избранном НДПА курсе на военный переворот («революцию»), оттуда незамедлительно последовала бы отрицательная реакция.

Почему? Дело в том, что всё-таки «первый президент республики» М. Дауд по большому счёту вполне устраивал Кремль. А постоянно враждующие между собой афганские «коммунисты», каковыми объявляли себя «халькисты» и «парчамисты», доставляли ему достаточно хлопот и опасений. При этом было вполне очевидно, что Мохаммад Дауд, именовавшийся, как мы ранее отмечали, западной прессой «красным принцем», в действительности никакого отношения ни к социализму, ни к коммунизму не имел. Это понимали все здравомыслящие политики.

Поэтому в своё время мало кто решился обвинить «руку Москвы» в свержении монархического режима Захир Шаха, а также в развитии традиционно добрососедских отношений Советского Союза с Афганистаном и оказании военно-технической помощи независимому государству. В этой связи «красный» Афганистан, несомненно, становился бы для СССР дополнительной «головной болью» и весьма ощутимой статьёй финансовых расходов. Что, собственно говоря, на деле в дальнейшем и получилось.

Уже после осуществления очередного государственного переворота, то есть Саурской (Апрельской) революции 1978 года, в Москве признают, что информация о «революционных» планах афганских «левых сил» для многих в руководстве Советского Союза была неожиданной. Кабульские представители КГБ, МИД и ГРУ Генерального штаба ВС СССР по этому поводу впоследствии также «разведут руками».

Но при всей кажущейся спонтанности событий апреля 1978 года главной причиной того, что сотрудники Комитета госбезопасности, осуществлявшие непосредственную связь с лидерами НДПА, «проспали революцию» было именно сокрытие самим руководством афганских «левых сил» от «советских товарищей» своих истинных политических планов.

По ряду свидетельств, заслуживающих доверия, первоначально осуществление государственного переворота в стране планировалось на вторую половину (август) 1978 года. Это не обязательно должна была быть «всеобщая» революция или военный мятеж. По этому поводу, например, Бабрак Кармаль вынашивал планы «всенародной стачки». Впрочем, в действительности судьба распорядилась по своему усмотрению.

Что же касается всякого рода легенд и мифов, порождённых и связанных с событиями так называемой Саурской (Апрельской) революции 1978 года, то их со временем появилось не меньше, чем в сравнении с другими аналогичными событиями мировой истории. Например, с Великой Октябрьской социалистической революцией (военным переворотом) 1917 года в России, оценка которой (которого) до сих пор является предметом не столько научных дискуссий, сколько предметом ярких политических баталий.

Разумеется, мифологизация кабульского апреля 1978 года изначально проистекала от заинтересованных сторон, одной из которых, несомненно, была Народно-демократическая партия Афганистана. Однако это нисколько не мешает нам рассмотреть точку зрения её руководства. Итак, перед нами документ, отражающий официальные воззрения НДПА на те события апреля 1978 года, которые здесь впоследствии стали именовать... «Великой Саурской социалистической революцией». Датируется он концом 1988 года. Читаем...

Информация для размышления

Краткая справка

о победоносном ходе Саурской (Апрельской) революции

В сауре 1357 года (апреле 1978 г.) в результате террористического акта, совершённого реакцией и империализмом, погиб член ЦК НДПА товарищ Мир Акбар Хайбар. На его похоронах собралось четыре тысячи человек — членов партии и

сочувствующих. Над могилой погибшего выступали, осуждая это злодеяние реакции, члены партийного руководства и ныне покойный генеральный секретарь ЦК НДПА тех лет Нур Мохаммад Тараки.

Узнав о манифестации и о росте влияния партии в вооружённых силах, тогдашний правитель страны сардар Мохаммад Дауд испугался и предпринял попытку разгромить руководство НДПА. Члены руководства и сам Н.М. Тараки были брошены в тюрьму, о чём объявили средства массовой информации. Поскольку все члены партии, особенно её представители в вооружённых силах, ранее были предупреждены о том, что реакция может начать наступление на руководство партии, эта информация стала сигналом к тому, что НДПА должна определить свою судьбу.

Именно поэтому 26 апреля нескольким членам центрального комитета, отвечавшим за вооружённые силы и ещё не брошенным в тюрьму, был дан приказ о подготовке революции и указания о проведении в шесть часов 7 саура 1357 года (27 апреля 1978 г.) в городском зоопарке заседания штаба руководства вооружёнными силами.

7 саура (27 апреля) в шесть часов утра в окрестностях зоопарка состоялось заседание с участием товарища Саида Мохаммада Гулябзоя (ответственного за ВВС и ПВО), товарища Асадуллы Пайяма (ответственного за 4-ю танковую бригаду), товарища Алиша Паймаана (ответственного за зенитно-ракетную бригаду), товарища Мохаммада Дуста (ответственного за 32-й полк «коммандос»).

На этом заседании было принято решение, чтобы к восьми часам утра все товарищи были в своих частях в полной готовности координировать действия частей ВВС, ПВО и сухопутных войск. Был назначен пароль «Саид Мохаммад».

В 4-й танковой бригаде тогда служили, нынешний министр транспорта товарищ Ширджан Маздурьян — командиром батальона; ныне министр обороны товарищ Рафи — начальником штаба бригады; товарищ Мохаммад Аслам Ватанджар — командиром первого батальона. В семь часов утра товарищ Ширджан Маздурьян и товарищ Ватанджар решили привести в боевую готовность танки и спешно выдвинуть их в направлении на город Кабул. Товарищ Рафи остался в бригаде, на месте подавил сопротивление отдельных военнослужащих, мешавших проведению необходимых мероприятий.

Около одиннадцати часов утра танки двинулись на город Кабул в таком порядке: первый танк товарища Фатеха (ныне начальник штаба погранвойск), второй танк товарища Юнуса (ныне преподаватель кафедры), третий танк товарища Баридида (заместитель начальника управления кадров и личного состава МВД), четвёртый танк товарища Мохаммада Аслама Ватанджара, пятый товарища Маздурьяна.

Экипажам танков были поставлены такие задачи: товарищ Фатех – стать на площади Пуштунистан, чтобы с одной стороны обстреливать гвардию Дауда в Калайи-Джанги, а с другой – контролировать банк и почтамт. Товарищ Ватанджар имел задачу выйти на площадь перед зданием министерства обороны (сейчас – резиденция ЦК НДПА). Товарищ Маздурьян имел задачу держать под наблюдением личные квартиры Мохаммада Дауда, его брата сардара Мохаммада Наима, посольств Франции и Турции. В то же время все имели задачу окружить гвардию и держать между собой тесную связь.

Фатех с южного направления, то есть с площади Пуштунистана, а Маздурьян с западного направления открыли огонь по гвардии, по дому сардара Мохаммада Дауда, дому сардара Мохаммада Наима и перешли в атаку. Ватанджар открыл огонь по зданию министерства обороны. В ВВС и ПВО в соответствии с планом, выработанным ранее, лётные экипажи на аэродромах Кабул и Баграм ждали указаний о вылете.

Товарищи, которые действовали в ВВС и ПВО, вскрыли оружейные арсеналы и атаковали штаб. Этими товарищами были полковник Хамза (ныне начальник авиационного гарнизона Кабул), генерал Абдул Кадыр (ныне посол в Польше), генерал-полковник Назар Мохаммад (ныне первый заместитель председателя совета министров), лётчики: полковник Мохаммад Наим Эджмаль (ныне заместитель начальника отдела ЦК НДПА по укреплению и расширению органов власти) и товарищ Асеф (ныне командир вертолётного полка).

В авиационном гарнизоне Баграм генерал-майор Мохаммад Хашем (ныне прокурор вооружённых сил) был главным полномочным представителем партии в Баграме. Полковник Мир Гаусэтдин (ныне военный атташе в Польше) совершил 16 боевых вылетов против гвардии и дворца Дауда. Героически вылетали полковник Абдул Латиф Лаканваль (в настоящее время начальник управления снабжения МВД), Мухтарэтдин

(заместитель командира авиаполка в Баграме), Юнус, погибший в бою, генерал-майор Абдул Кадыр (ныне главнокомандующий ВВС и ПВО) – все они сыграли важнейшую роль в организации деятельности гарнизона.

После захвата власти партией внутри неё проявились различные противоречия, однако, в конце концов, было принято решение о том, чтобы от военных выступили по радио один пуштун и один таджик.

Очевидно, представленный вашему вниманию документ следует полагать «идеологически выверенным», соответствующим официальной точке зрения руководства НДПА. Подобно тому, как в советской истории, рассказывающей о событиях октября 1917 года, также были «уточнены» формулировки, добавлена псевдоревolutionционная риторика, а из общего контекста повествования исключены «нежелательные» факты и имена.

Однако давайте рассмотрим ещё один афганский (НДПА. – *Примеч. В.К.*) источник, который содержит в себе как бы личностное восприятие событий, произошедших в Кабуле в апреле 1978 года. При этом нам хочется оставаться убеждёнными в том, что их автор несколько не старался слухавить или солгать. Быть может, что-то приукрасить, о чём-то умолчать, где-то самому по возможности оправдаться ...

Информация к размышлению

Из воспоминаний
члена Политбюро ЦК НДПА и
министра товарища М.А. Ватанджара

Оглядываясь назад на 240-летнюю историю Афганистана, мы ясно видим самую яркую страницу в жизни страны, незабываемый день 7 саура 1357 года (27 апреля 1978 г.), день нашей святой Революции, которая принесла освобождение всем трудящимся массам от векового угнетения и бесправия, открыла им дорогу прогресса и процветания. Этот день навсегда останется в нашей памяти...

День Саурской революции стал самым значительным в моей жизни. Я получил от партии ответственное задание — объявить в девять часов утра в штабе 4-й танковой бригады в Пули-Чархи решение НДПА о начале революционного выступления. Оно было принято накануне.

Танковая бригада вскоре оказалась в руках патриотов. Около одиннадцати часов я на своём танке возглавил ударный отряд, двинувшийся из Пули-Чархи в город, и в полдень мы уже вступили в бой с подразделениями, охранявшими президентский дворец. Первый выстрел был произведён из танка № 815 около двенадцати часов. Наши неоднократные предложения прекратить огонь и капитулировать оставались без ответа, и защищавшие дворец продолжали бессмысленное сопротивление.

Но это было только начало восстания. Его успех зависел от энергичных, умных и скоординированных действий революционеров, от поддержки масс, от правильности выбранного партией политического курса.

Ожесточённая борьба разгорелась в разных частях города и его окрестностях. На дороге в Хаджа Раваше, где находился штаб ВВС, сложилась тяжёлая обстановка, однако прибывшие туда танкисты быстро взяли инициативу в свои руки.

...Большую роль в первые дни восстания также сыграли военно-воздушные силы. С помощью преданных партии лётчиков была проведена операция по захвату аэродрома в Баграме. Вскоре в воздух поднялись боевые самолёты, которые около шестнадцати часов нанесли бомбовый удар по президентскому дворцу.

В самом городе контрреволюционеры окопались в министерстве внутренних дел, муниципалитете и полицейском управлении. С помощью танков и бронетранспортёров наши товарищи атаковали противника и заняли эти здания.

К рассвету следующего дня танкисты, лётчики и часть «коммандос» Бала-Хисара сломили сопротивление охраны президентского дворца и вынудили её сложить оружие. К Мохаммаду Дауду под белым флагом была отправлена делегация с предложением капитулировать, но свергнутый президент отказался сдаться, открыл стрельбу по офицеру-парламентёру и ранил его. Завязалась перестрелка, в результате которой М. Дауд, а также некоторые его приближённые и сторонники были убиты. Так окончил свою жизнь человек, обманом захвативший власть в июле 1973 года.

Теперь давайте сделаем некоторые комментарии и уточнения в связи приведёнными ранее документами. Несомненно, катализатором осуществления государственного переворота (революции) 1978 года в Кабуле стало убийство 17 апреля члена центрального комитета народно-демократической партии и ведущего идеолога «Парчам» Мир Акбар Хайбара. В НДПА он был принят ещё во времена правления короля Захир Шаха, несмотря на то, что являлся видным государственным чиновником и начальником Кабульской полицейской академии. Хотя вступление на политическое поприще М.А. Хайбара, бывшего по своим убеждениям либералом, антимонархистом и бунтарём, произошло раньше, когда в 1960 году он совместно с Б. Кармалем выступил инициатором создания подпольного кружка левого толка.

До сих пор относительно убийства М.А. Хайбара «реакцией и империализмом» («террористами») существует несколько взаимоисключающих версий. Одна из них приведена в процитированном официальном источнике НДПА. Здесь только следует добавить, что для возбуждения антиправительственных настроений и массовых выступлений против президента М. Дауда «халькисты» и «парчамисты» широко использовали различные слухи. Так, ими распространялось утверждение, что это якобы политическое убийство осуществлено по личному приказу министра внутренних дел Абдул Кадыра Нуристани. Таким образом, похороны М.А. Хайбара руководству НДПА удалось превратить в массовую антиправительственную демонстрацию, которая была разогнана полицией по приказу М. Дауда.

Другую (противоположную) точку зрения на эти события, которая, по нашему мнению, вполне заслуживает внимания, привёл в своей книге «Трагедия и доблесть Афгана» генерал-майор А.А. Ляховский. В этой связи автор в 1995 году утверждал буквально следующее: «Однако существует другая версия, согласно которой М. Хайбара убили С.Д. Тарун и братья Алемьяр по распоряжению Х. Амина, так как в руках М. Хайбара (со стороны «Парчам») находились все нити руководства работой НДПА в армии, а Х. Амин являлся как бы его заместителем в этой деятельности. Стремясь захватить лидерство, он и предпринял шаги по устранению конкурента.

Впоследствии один из братьев Алемьяр (Ареф) был репрессирован, а другой занимал пост министра планирования в правительстве Х. Амина. Таким образом, согласно этой версии, именно Х. Амин своими действиями создал условия для свержения М. Дауда, а если предположить, что Х. Амин действительно сотрудничал с ЦРУ и действовал по его указанию, то становится очевидным, кто на самом деле явился организатором военного переворота в Афганистане, а в последующем провёл стратегическую операцию по втягиванию Советского Союза в региональный конфликт на Среднем Востоке. Но это лишь версия»¹.

Последняя оговорка свидетельствует о том, что и сам А.А. Ляховский сомневался в истинности приведённой им гипотезы. Тем не менее подобная точка зрения, как говорится, имеет место быть. Однако, по нашему мнению, она выглядит слишком упрощённо и слишком выгодно для определённой части исследователей.

Что же касается роли Хафизуллы Амина в последовавших за этим событиях, то её действительно можно было бы в значительной мере сравнить с ролью Л.Д. Троцкого (Бронштейна) в ходе российской революции 1917 года. И это относится не только к исполнению ими организаторских функций в ходе этих двух широко известных революций-переворотов. Но и к тому, что со временем эти два крупных менеджера революционных потрясений были исключены из официальных хроник событий, отредактированных под углом зрения ставших у власти новых партийных вождей.

После похорон М.А. Хайбара президент Мохаммад Дауд осуществил ряд репрессий в отношении организаторов антиправительственных демонстраций. В этой связи утверждение о том, что к принятию данного рода мер М. Дауд стимулировал посол США Д. Элиот в ходе закрытой встречи в штабе центрального корпуса (Кабульского военного округа), состоявшейся 24 апреля 1978 года, выглядит вполне логичным. Вполне объяснимым представляется и то, что выступления афганских «левых сил» М. Дауд мог воспринять, как вмешательство Москвы во внутренние дела суверенного государства, хотя на самом деле такового не было.

---

1 Ляховский А.А. Указ. соч. С. 26.

В ночь с 25-го на 26 апреля по приказу М. Дауда кабульской полицией были арестованы многие руководители НДПА, в том числе Н.М. Тараки и Б. Кармаль. Однако Х. Амин, у которого этой ночью полицией производился обыск, был оставлен под домашним арестом, и за его домом стало осуществляться наблюдение. Это странное обстоятельство до сих пор вызывает вполне естественные сомнения и разного рода предположения у многих авторов, пишущих по афганской политической проблематике. При этом значительная часть из них пытается сделать хотя бы намёк на то, что не препровождение Х. Амина в тюрьму было тогда не случайным и в той или иной степени связано с ЦРУ.

Действительно, предположение о том, что старые американские «контактёры» Хафизуллы Амина решили как-то использовать его в данной ситуации, выглядит вполне допустимым. Но не хотели же они использовать Х. Амина для организации халькистского государственного переворота («социалистической революции») в Кабуле. Впрочем, история Афганистана (точнее, развития англо-афганских отношений) свидетельствует, что подобного рода комбинации ранее осуществлялись. Примером чего может служить свержение с престола в 1929 году афганского эмира Амануиллы-хана в результате мятежа, в значительной мере инспирированного британцами. И предоставленные английским посольством самолёты для спасения коронованного «на три дня» его младшего брата Инаятуллы-хана. Для чего им даже пришлось несколько придержать пыл афганцев, восставших под предводительством Бача Саккау.

Тогда же, в апреле 1978 года, той небольшой отсрочки от препровождения в тюрьму Х. Амина вполне хватило для того, чтобы через служащего кабульского муниципалитета Ф.М. Фахира и младшего офицера ВВС С.М. Гулябзоя передать оставшимся на свободе членам военной организации «Хальк» приказ о вооружённом восстании. Очевидно, план действий «халькистов» на этот случай был подготовлен заранее, и Хафизулле Амину оставалось только определиться с указанием точного времени начала переворота. Самого же его вечером 26 апреля полицейские власти доставили в тюрьму.

В тот же день, но несколько ранее, по приказу министра национальной обороны Афганистана М.Х. Расули в воинских частях проходило празднование «по случаю победы над коммунистами». Конечно, М. Дауд и его сторонники явно поспешили с торжественными ужинами и увеселительными мероприятиями, чем «халькисты» не преминули воспользоваться для подготовки к вооружённому выступлению.

Утром 27 апреля состоялось заседание военно-революционного штаба НДПА для координации действий частей сухопутных войск, ВВС и ПВО. Об этом сообщалось в ранее процитированных нами официальных документах НДПА. Но в них было упущено то существенное обстоятельство, что на самом деле здесь, в районе кабульского зоопарка, собрались именно «халькисты».

А «парчамистов» на заседание военно-революционного штаба НДПА просто-напросто не приглашали. Другая деталь, опущенная в официальном документе 1987 года, это существование для установленного халькистами «революционного пароля» («Саид Мохаммад». – *Примеч. В.К.*) весьма, так сказать, символического отзыва – «Миг-21»...

Очевидно, непосредственные организаторы военного переворота в Афганистане хотели тем самым показать причастность к нему Советского Союза. Должно быть, этим они хотели убедить самих себя и сотоварищей в том, что действуют в соответствии с пожеланиями Москвы. Вряд ли за чем-либо другим нужно было указывать в «революционном» пароле-отзыве марку самолёта-истребителя иностранного производства, то есть «Миг-21», что в принципе выглядело не очень-то патриотично.

Позволим здесь же провести и такую параллель – если и сегодня в некоторых эскадрильях американских ВВС лётчики носят на своих мундирах шевроны с надписью «Убийца МИГОВ», то они четко себе представляют: как, зачем и почему название этих моделей советских самолётов отразилось в их военной символике. Поэтому нам становится более очевидным и смысл вполне схожих действий «халькистских» заговорщиков в апреле 1978 года.

Живописуя «революционные» события, произошедшие в 4-й танковой бригаде, источники НДПА также сознательно упускают ряд существенных подробностей. И прежде всего

то обстоятельство, что вывод из пункта постоянной дислокации танков этого соединения и получение боеприпасов стало возможным только путём обмана командира бригады майором Мохаммадом Асламом Ватанджаром.

Как активный сподвижник М. Дауда по предшествовавшему военному перевороту он «убедил» комбрига в необходимости отправки его батальона к президентскому дворцу в Кабуле для оказания помощи... правящему режиму. Действуя, как заправский мошенник, М.А. Ватанджар к скромной цифре, указанной в накладной на получение снарядов, приписал «ноль» и получил таким способом требуемые боеприпасы.

Кроме этого в официальной версии НДПА сознательно упущены имена некоторых офицеров, активных участников событий апреля 1978 года, упоминать о которых в 1987 году было уже как-то неловко. Речь идёт прежде всего о таком деятельном сподвижнике М.А. Ватанджара из числа военнослужащих 4-й танковой бригады, как С.Д. Тарун. Это становится легко объяснимым, если знать дальнейшую карьеру этого офицера, ставшего после апреля 1978 года личным адъютантом председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Н.М. Тараки. Забегая несколько вперёд, заметим, что С.Д. Тарун сыграет во время другого (сентябрьского 1979 года) государственного переворота в Кабуле, в ходе которого Н.М. Тараки будет отстранён от власти, весьма примечательную, хотя до сегодняшнего дня не совсем чётко прояснённую роль.

Но о значении этой роли можно будет судить хотя бы по тому факту, что «благодарный» Хафизулла Амин тут же переименует один из крупных провинциально-административных центров Афганистана (город Джелалабад) в Тарун. Правда, это новое название надолго не приживётся и просуществует всего немногим более трёх месяцев. После нового государственного переворота в Афганистане, осуществлённого советскими спецслужбами совместно с некоторыми представителями внутренней оппозиции в Кабуле 27 декабря 1979 года, прежнее название городу и провинции будет возвращено. Но факт остаётся фактом.

Относительно гибели президента Мохаммада Дауда также существует ещё одна точка зрения, несколько отличная от официальной версии произошедшего. Она состоит в том, что,

когда вечером 27 апреля группа «коммандос» под командованием старшего лейтенанта Имануддина ворвалась в апартаменты главы государства, возникла перестрелка. Её начал сам М. Дауд, узнав о роли в перевороте его бывших сподвижников из Народно-демократической партии Афганистана. В результате завязавшейся перестрелки был убит не только сам Мохаммад Дауд, но и все члены его семьи. Таким образом, дальнейшее сопротивление сил охраны президента и его дворца потеряло всякий смысл. К утру 28 апреля оно было полностью прекращено. При этом нельзя исключить и такого предположения, что изначально «революционным» афганским «спецназовцам» ставилась задача – в плен М. Дауда не брать.

В своих воспоминаниях о событиях военного переворота 1978 года М.А. Ваданджар только вскользь упоминает о смерти этого человека, который «обманом захватил власть в июле 1973 года». Министр Ватанджар здесь, с одной стороны, как бы оправдывает убийство «первого президента республики» незаконностью прихода его к власти в ходе свержения монархического режима Захир Шаха. А с другой стороны, «забывает» упомянуть о своём активном личном участии в этом захвате власти на стороне того же Мохаммада Дауда. Собственно говоря, за что М.А. Ватанджар и был произведён досрочно в старшие капитаны с назначением на должность командира батальона 4-й танковой бригады.

В основном так схематично можно представить события, произошедшие в афганской столице в апреле 1978 года.

7. «Революция пожирает своих детей...»

После этого военного переворота, торжественно провозглашённого революцией, Афганистан был объявлен демократической республикой, главой государства стал генеральный секретарь ЦК НДПА Н.М. Тараки, его заместителями – Хафизулла Амин и Бабрак Кармаль. Практически сразу после захвата власти в стране с новой силой обострились противоречия в партии, объектом гонений были избраны «парчамисты», которых сначала отстранили от власти, а в последующем начали репрессировать.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что реальные основания для этого дали сами сторонники Б. Кармаля, посчитавшие себя обойдёнными при дележе министерских портфелей. При этом самого Бабрака Кармаля явно не устраивало положение «второго лица» в партии и государстве. Тем более что на третьестепенное место его уже начал понемногу отставлять энергичный и нахрапистый «халькист» Хафизулла Амин, бывший правой рукой председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Нур Мохаммада Тараки.

Но «парчамисты» с удвоенной силой стали заниматься внутрипартийной борьбой, интригами и продвижением любыми способами «своих людей» на государственные должности, забыв, что на этот раз не они были главными творцами «афганской революции». И получилось то, чего и следовало ожидать. История, как говорится, повторялась...

Июнь 1978 года стал временем проведения очередного съезда фракции (партии) «Парчам» НДПА в Пагмане (по другим данным, в Кабуле), на котором были рассмотрены вопросы очередного захвата власти в Афганистане. Разумеется, информацию такого рода было трудно сохранить в тайне, что и стало известно «отцу народов Афганистана», как к тому времени стали полуофициально именовать Н.М. Тараки, а также его ближайшим сподвижником.

На первых порах решили «сор из избы не выносить», постепенно отстранить «парчамистских» лидеров от реальной власти и отправить их за пределы страны в почётные дипломатические ссылки. Думается, что это было сделано не из чувства человеколюбия, а из осознания необходимости поддерживать добрые отношения с руководством КПСС и СССР, постоянно одёргивавших «афганских товарищей» от внутрипартийной грызни. А с таким союзником, как Советский Союз, приходилось считаться и Н.М. Тараки, и Х. Амину.

Уже к концу июня «халькистские» вожди, как говорится, «дожали» Бабрака Кармаля, который «добровольно принудительно» выехал из Афганистана в связи с назначением его на должность посла ДРА в Чехословакии (ЧССР). Также были вынуждены оставить страну и ряд других заметных функционеров «Парчам»: Нур Ахмад Нур оказался послом в США, Абдул Вакиль – в Великобритании, Мохаммад Барьялай – в

Пакистане, Мохаммад Наджибулла – в Иране, а Анахита Раттезад – в СФРЮ (Югославии).

Правда, покидая страну, Б. Кармаль обещал своим сподвижникам ещё вернуться в Афганистан с «красным флагом в руках». И (в этом надо отдать ему должное) свое слово, по большому счёту, сдержал, ведь в декабре 1979 года он вернулся в Кабул именно с «красным флагом», то есть на советских штыках.

За оставшимися в стране активными «парчамистами» была установлена тотальная слежка, и уже к августу 1979 года был «обнаружен крупный заговор врагов партии и народа». Разумеется, врагами были «назначены» многие видные функционеры и члены «Парчам», деятельные участники афганских государственных переворотов. При этом даже говорить о какой-либо видимости законности в действиях вождей «Хальк» (НДПА и ДРА) не приходится. Повинные наказания выбивались из арестованных при помощи электроточка и других изощрённых пыток. Смертные и прочие приговоры выносились списками и без соблюдения элементарных правовых процедур цивилизованного судопроизводства.

В этой связи один из бывших руководителей представительства КГБ СССР в ДРА Леонид Богданов вспоминал: «Конечно, ситуация нас очень тревожила. Много раз мы ставили вопрос о том, что должны существовать хотя бы какие-то минимальные правовые нормы, что государство невозможно без прокуратуры. Хорошо, они назначили прокурора. Тот потребовал принести какое-то дело, Амин узнал об этом, и его тут же расстреляли»¹. Тем не менее в случае с августовским 1979 года «заговором» (после неоднократных обращений руководства КПСС и СССР к Н.М. Тараки и Х. Амину) удалось спасти от приведения в исполнение смертных приговоров в отношении таких известных деятелей «Парчам», как С.М. Кештманд, А. Кадыр и М. Рафи. Смертную казнь им заменили на длительные сроки тюремного заключения.

В это время (с сентября 1978 года) к работе по осуществлению политического сыска в ДРА была привлечена новая афганская служба государственной безопасности (далее «АГСА». – *Примеч. В.К.*), созданная при поддержке КГБ при

¹ Цитируется по: Хинштейн А. Тайны афганской Лубянки. – «Московский комсомолец». – 2002, 29 марта.

Совете Министров СССР. АГСА, которую возглавил бывший лётчик и активный участник «Саурской революции» майор Асадулло Сарвари, была образована вместо прежнего многочисленного (10-12 человек) управления национальной безопасности (далее «УНБ». – *Примеч. В.К.*) ДРА. К началу 1979 года в результате партийных «чисток» в политбюро ЦК НДПА не осталось ни одного деятеля «Парчам».

В Революционном совете ДРА их было шестеро против тридцати «халькистов»; в совете министров ДРА – трое против четырнадцати членов «Хальк»; в ЦК НДПА – шестеро против тридцати «халькистов». Как показало время, на этом Н.М. Тараки, Х. Амин и их сподвижники не остановились. В свою очередь обращения Москвы к руководству НДПА и ДРА с призывами к единству в партии и коллегиальным принципам работы имели малое действие.

Таким образом, была обеспечена фактическая монополия «Хальк» на лидерство в Народно-демократической партии Афганистана и Демократической Республике Афганистан.

8. Демократическая Республика Афганистан накануне...

Однако не меньший, если не больший, террор был развязан «демократами» из НДПА против других слоёв собственного народа и в первую очередь в отношении зажиточных граждан, духовенства, бывших государственных служащих, кадровых офицеров армии и полицейских. В силу такой политики нового руководства страны в Афганистане стали множиться ряды вооружённой оппозиции, одно за другим стали происходить восстания. Объектами нападений мятежников нередко избирались шурави, то есть советские, бывшие в ДРА в качестве военных и гражданских советников и специалистов.

Впрочем, не только они: 14 февраля 1979 года в Кабуле группировкой маоистского толка «Национальный гнёт» был захвачен в качестве заложника посол США в Афганистане Адольф Даббс. Террористы выдвинули перед правительством ДРА предложения об освобождении американского посла в обмен на выход из тюрьмы арестованных прежде трёх своих товарищей. Руководство Афганистана отказалось

принять требования боевиков, хотя к лидерам НДПА и ДРА с настоятельными ходатайствами о недопустимости активных действий обращались советская и американская стороны.

По распоряжению Х. Амина, курировавшего в то время силовые структуры, был начат штурм гостиницы «Кабул», в которой укрылись с террористы с заложником. Закончилась эта акция уничтожением боевиков и смертельным ранением, полученным А. Даббсом. Убийство американского посла стало формальным поводом для резкого свёртывания помощи со стороны США режиму Н.М. Тараки, а также отзыва из ДРА большинства американских дипломатов, сотрудников и специалистов. Таким образом, новый глава Афганистана (в отличие от М. Дауда) уже не мог пользоваться «американским табаком». А по поводу «спичек» Нур Мохаммаду Тараки теперь приходилось обращаться только к Советскому Союзу.

15 марта в Герате вспыхнул антиправительственный мятеж, активное участие в котором приняло не только население провинциального центра, но и военнослужащие местного гарнизона. В конечном итоге правительственным войскам удалось подавить этот мятеж. Делалось это путём нанесения афганской авиацией многочисленных бомбоштурмовых ударов по городу и подключением к этим «мероприятиям» элитных частей командос.

По некоторым сведениям, всего в ходе данных событий погибло около тысячи человек. Были жертвы и из числа советских граждан. В различных источниках имеются сведения о гибели двух советских советников, одним из которых, очевидно, был майор Н.Я. Бизюков, а также одного гражданского специалиста, заготовителя кож. Кстати сказать, в конце 2006 года на местном кладбище села Вершино-Рыбное Партизанского района Красноярского края был открыт мемориал Николая Бизюкова как первого советского военнослужащего, погибшего в Афганистане.

В своих мемуарных записках офицер госбезопасности В.Н. Курилов сделал такую запись: «У всех ещё свежо было на памяти то, что произошло весной этого года (1979 года – *Примеч. В.К.*) в Герате, когда местные маоисты взбунтовали жителей города и афганские воинские части. Была крупная пальба, солдаты перебили своих командиров и политработников. Тогда же погибло несколько наших специалистов

и советников. Говорят, что их растерзали буквально по кусочкам (о, добрый, весёлый и трудолюбивый афганский народ!). Об этих событиях мне как-то рассказывал один военный советник, который был в Герате в то время. По его словам, от неминуемой и жуткой смерти многих наших специалистов тогда спасли какие-то специально обученные советские офицеры, которые перебили кучу повстанцев и на бронетехнике вывезли всех в гератский аэропорт. А там уж они держали оборону до подхода верных правительству частей. Потом уж кто-то рассказывал, что это было одно из первых боевых крещений за границей ребят из спецгруппы «А». Но я тогда вообще не знал о существовании такой группы. Это уже потом мы вместе с ними воевали на дворце Амина и крепко сдружились»¹.

В связи с процитированным отрывком из воспоминаний В.Н. Курилова заметим, что на сегодняшний день нет каких-либо конкретных сведений об участии бойцов Группы специального назначения КГБ СССР «А» в спасении советских советников и специалистов во время гератского мятежа 1979 года. Об этом ничего не пишет и М.Е. Болтунов в своей книге «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ». Однако известно, что приблизительно в этот период часть бойцов группы «А» действительно вылетала в Афганистан для проведения в посольстве СССР в ДРА ряда антитеррористических мероприятий. Это произошло после убийства американского посла Адольфа Даббса.

В связи с гератским вооружённым мятежом и угрозой его последующего распространения на другие регионы страны Н.М. Тараки обратился за военной помощью к СССР. Его настоятельная просьба, если не мольба, о вводе в ДРА советских воинских контингентов была тогда отвергнута руководством Советского Союза. Хотя министром обороны СССР маршалом Д.Ф. Устиновым давались поручения о подготовке различных вариантов «относительной военной акции». Однако разум и здоровый прагматизм в то время возобладал, хотя тогда, в марте 1979 года, решение о вводе советских войск в Афганистан было очень близко к его принятию.

С этого времени Н.М. Тараки и Х. Амин стали постоянно взывать к руководству СССР с запросами об оказании военной помощи, в том числе путём ввода различных контингентов войск на территорию ДРА. При этом лидеры Афганистана

¹ Курилов В.Н. Указ. соч. – С. 11⁵

ссылались на четвёртую статью советско-афганского договора «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве», подписанного сторонами 5 декабря 1978 года в Москве. Но на том этапе Советский Союз стремился ограничить своё участие в оказании военной помощи ДРА исключительно поставками вооружения и боевой техники, обучением афганских военных специалистов и направлением военных советников.

Дальнейшая внутривластная ситуация в стране стала развиваться стремительно и в угрожающем для режима НДПА плане. Заговоры и вооружённые мятежи в Афганистане происходили с поражающей частотой. Так уже 21 марта 1978 года был раскрыт новый «контрреволюционный заговор» в Джелалабадском гарнизоне. Тогда были арестованы порядка 230 военнослужащих, которых обвинили в организации контрреволюционного бунта.

Зачастую действительными инициаторами антиправительственных выступлений были афганские офицеры, которых новый режим лишил значительных прав и привилегий. Будучи, как правило, выходцами из зажиточных слоёв общества, они не могли смириться с изъятием у своих семей феодальных владений, иных имущественных прав и утратой своего положения в обществе. К тому же «на пятки» бывшим королевским и даудовским офицерам стали наступать новые командные кадры, получившие военное образование в СССР или на ускоренных курсах в Кабуле под руководством советских советников, преподавателей, специалистов и инструкторов.

Подбор курсантов в эти учебные заведения после апреля 1978 года стал осуществляться в основном по партийному и классовому признакам. К тому же с бывшими королевскими офицерами особо не церемонились, многие из них просто исчезали после вызовов в местные органы контрразведки, а другие постоянно ощущали на себе надвигающуюся угрозу быть схваченным, обвинённым в контрреволюционной деятельности и расстрелянным.

Как проходило подавление подобных выступлений, можно представить из мемуарных записок В.Н. Курилова, который в ту бытность был старшим лейтенантом госбезопасности и бойцом первого состава отряда КГБ СССР «Зенит» в Кабуле: «Недавно в одной воинской части в провинции Джелалабад был очередной мятеж, который, кстати,

достаточно быстро подавили. Но сам факт по себе был достаточно неприятный. Сарвари (начальник афганской службы государственной безопасности. – *Примеч. В.К.*) лично прилетел туда для разбирательства.

Уцелевших мятежников в окружении конвоиров построили перед министром. Их было человек тридцать. Сарвари прошёл вдоль строя, глядя в лица испуганных и ободренных солдат, что-то вполголоса коротко спрашивал. Следом за министром, чуть поодаль, следовали охрана и местное руководство. Там же был наш партийный советник и переводчик.

Вдруг Сарвари резко повернулся и выхватил из рук ближайшего к нему охранника автомат и клацнул затвором. Все шарахнулись в сторону.

Широко расставив ноги, Сарвари с бедра, веером, стал поливать из автомата мятежников. Когда кончились патроны, министр отбросил дымящийся автомат в сторону и, ни на кого не глядя, быстро пошёл к машине. Вслед за ним поспешила свита. Конвоиры, восприняв действия Сарвари как приказ, добились оставшихся в живых...»¹

К этому трудно что-либо добавить. Впрочем, может, стоит напомнить, что перед нами описания «революционных» деяний Асадулло Сарвари, который во время военного переворота, осуществлённого Х. Амином в сентябре 1979 года, сумеет укрыться за стенами советского посольства в Кабуле. Тогда его и нескольких других оппозиционных министров «зенитовцам» удастся вывезти в Советский Союз. Личность А. Сарвари нас интересует и в связи с тем обстоятельством, что 27 декабря 1979 года он будет находиться на одной из боевых машин пехоты «мусульманского» батальона при осуществлении штурма дворца Тадж-Бек. Тогда его задачей станет приведение в исполнение «приговора» Хафизулле Амину. Правда, из бронированного чрева БМП советским спецназовцам с трудом удастся вытащить изрядно струхнувшего бывшего шефа АГСА. И то только после того, как Х. Амин уже будет мёртв.

И ещё один штрих к портрету бывшего военного лётчика и начальника афганской службы государственной безопасности Асадулло Сарвари. По свидетельству генерала КГБ СССР Леонида Богданова, до устранения от власти

¹ Курилов В. Н. Указ. соч. – С. 137.

первого президента ДРА Нур Мохаммала Тараки А. Сарвари был определённое время в фаворе у Хафизуллы Амина, являвшегося куратором органов афганской госбезопасности. При этом Х. Амин ставил Сарвари в пример его подчинённым как человека, собственноручно застрелившего десять тысяч «врагов народа и революции». Так что будущий участник государственного переворота 27 декабря 1979 года Асадулло Сарвари был личностью, мягко говоря, весьма и весьма неоднозначной.

Одна из самодеятельных песней внештатного отряда спецназа КГБ СССР «Зенит», находившегося в это время в Афганистане, о чём пойдёт подробнее речь несколько далее, начиналась словами «Мы пошли на Грязный¹». Скорее всего, это одно из первых сочинений из так называемого «базарного» фольклора. На мотив «Мурки» эта песня весьма достоверно сообщает об одном из кабульских мятежей того времени. В ней есть такие строки (Далее *курсив*. – В.К.):

«Мы пошли на *Грязный* закупать товары, -
Дело было в праздник Рамазан, -
Нас в авто с шофёром было только трое,
Каждый при себе имел наган.

Только разбрелись мы, стали приценяться,
Сколько стоит это, сколько – то,
Вдруг *выстрелы раздались*, пуштуны заметались, -
Вот тебе и пятое число.

Службой мусульмане недовольны стали,
Полк десантный начал бунтовать,
Но ведь они не знали, что мы сейчас на Грязном,
И нам товары надо покупать.

Ох, на грубость рвётесь, ох, у нас дождётесь!
Тоже мне *мятежники нашлись...*
А не хотите мирно, так будет с мордобоем, -
Так вы нас помнить будете всю жизнь.

---

1 *Грязный* – обиходное название одного из кабульских рынков.

*Длился бой недолго, было много пленных,
Взяли их в казармы и «ура!».
Мы нежились в посольстве, а части Царандоя
Мятежников стреляли до утра...».*

Автор указанной ранее книги «Ночь забытых песен» В.В. Пасько неправильно относит эту песню к первому году пребывания контингента советских войск в Афганистане. События, описанные в ней, на самом деле произошли 5 августа 1979 года. Дело в том, что «прозаическое» подтверждение, приведённых здесь фактов, мы обнаруживаем в ряде других источников.

Так, в частности, бывший военный советник полковник В.И. Аблазов в этот день сделал следующую запись в своём рабочем дневнике: «Мятеж... В ночь с 4-го на 5 августа раскрыт самый крупный заговор против правительства. Аресты заговорщиков начались в ночь с 03.08. на 04.08. По плану реализация заговора должна была начаться в 3.00 с 04.08. на 5.08. Но это не удалось, и начало перенесли на 12.45 5.08. (время начала обеда, когда советники уезжают из воинских частей). Во всех полках и дивизиях были подготовлены группы с задачей уничтожить командование. К каждому танку были приставлены люди, которые должны их захватить. План обороны Кабула был известен. Утечка информации из Генштаба (Министерства обороны)...

Однако общий сигнал не прошёл. Но 26-й полк «Коммандос», базирующийся в крепости Балахисар (или «Бала-Хисар». – *Примеч. В.К.*), выступил частью личного состава на стороне мятежников (один батальон и все подразделения связи). Командир полка и два батальона отказались от выступления. Командир полка ранен. В это время в полку находились шесть наших советников. Подавление мятежа проходило неорганизованно. Танкисты стреляли в воздух, а не по целям – уходящему в горы батальону, дали возможность мятежникам уйти. Была только авиация...»¹

Далее в своём дневнике полковник В.И. Аблазов уточнил, что мятеж был организован «парчамистами», или «парчамовцами», что в ходе этого выступления оппозиции 47 человек были убиты, более 70 – ранены и 539 – арестованы.

---

1 Аблазов В. И. Указ. соч. – С. 80-81.

Говоря о концовке данного вооружённого бунта, Валерий Курилов, в той или иной мере бывший свидетелем этих событий, в своих воспоминаниях заметил: «Некоторые мятежники разбежались, но большая часть возвратилась в крепость и попыталась занять круговую оборону. Однако деморализованные потерями и лишённые единого командования долго продержаться они не смогли. Уже к вечеру крепость Бала-Хисар была взята преданными Тараки элитными, хорошо вооружёнными подразделениями Царандоя (народной милиции). А всё остальное было делом техники. Царандоевцы подогнали бульдозеры, вырыли несколько рвов. Оставшихся в живых после штурма мятежников, разоружённых и ободранных, поставили вдоль насыпи и покروшили из пулемётов. Бульдозеры заровняли землю – и следа не осталось. Просто и сердито. К утру всё было кончено...»¹ Вот так, примерно, и жили тогда в «народно-демократическом» Афганистане...

9. Хафизулла Амин приходит к единоличной власти

Тем временем Хафизулла Амин, бывший заместителем премьер-министра, министром иностранных дел ДРА, членом политбюро и секретарём ЦК НДПА, принял на себя реальное руководство над министерством обороны и органами госбезопасности, сосредоточил в своих руках всю кадровую работу. Оставив за Н.М. Тараки чисто представительские функции, к лету 1979 года Х. Амин фактически стал реальным руководителем НДПА и ДРА. К тому времени большинство особо значимых и весомых в партийной и государственной иерархии должностей было закреплено за родственниками и лично преданными Хафизулле Амину людьми. Это реальное положение в партийных и властных структурах НДПА и ДРА нуждалось только в формальном закреплении.

Очередной военный переворот в Кабуле был осуществлён 13-14 сентября 1979 года. Его результатом и стало «избрание» внеочередным пленумом Центрального Комитета

1 Курилов В. Н. Указ. соч. – С. 124-125.

Народно-демократической партии Афганистана товарища Хафизуллы Амина генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Революционного Совета и премьер-министром ДРА. Следствием объявленного тогда пленумом обновлённого ЦК НДПА «нового этапа Саурской (Апрельской) революции в ДРА» стало убийство 8 октября 1979 года офицерами афганской гвардии по прямому приказу Х. Амина его же «друга и учителя» Нур Мохаммада Тараки.

По поводу убийства первого премьер-министра ДРА Н.М. Тараки бывший воин-интернационалист, заслуженный журналист Украины¹ Анатолий Гончар в 1999 году заметил: «Политическая и личная близорукость Тараки стоила ему жизни. Он погиб весьма загадочно и был похоронен при очень странных обстоятельствах. Накануне заинтересованные лица упорно распускали слух, что он тяжело заболел неизлечимой болезнью и жить ему осталось мало. Не сегодня, так завтра – умрёт...»² И несколько далее: «Так ли всё происходило в действительности? Как именно? Кто был непосредственным исполнителем физического уничтожения Тараки? Вопросы. Предположения. Загадки. Их множество...»³

Однако, с нашей точки зрения, сегодня в этом вопросе имеется достаточная ясность. Здесь же подчеркнём, что наш особый интерес к данному кругу вопросов определён тем обстоятельством, что многие исследователи факт убийства Н.М. Тараки, совершённого по прямому указанию Х. Амина, соотносят с одним из основных мотивов принятия Политбюро ЦК КПСС решения о вводе советских войск в ДРА и физической ликвидации самого афганского диктатора.

Официально о смерти бывшего главы государства Н.М. Тараки в связи с «непродолжительной и тяжёлой болезнью» было объявлено только 10 октября. Однако даже в то время, когда первый премьер-министр ДРА был уже мёртв, Х. Амин ещё продолжал торговаться с Москвой по поводу отправки Н.М. Тараки на лечение в Советский Союз. Семья убитого главы Афганистана и его ближайшие сподвижники были

1 Почётное звание, присваиваемое президентом Украины.

2 Гончар А.Г. Указ. соч. С. 328.

3 Там же.

отправлены новоявленным диктатором в тюрьму Пули-Чархи. Началась новая совершенно необузданная волна террора против афганского народа, которую вполне можно сравнить со сталинскими репрессиями.

Заметим, что в данном случае сравнение с террором и репрессиями, имевшими место в СССР, не случайно. По свидетельствам некоторых очевидцев, Хафизулла Амин, у которого на столе красовался портрет «вождя всех времён и народов» генералиссимуса И.В. Сталина, лично утверждал смертные списки своих соотечественников, отправляемых на «выброску десанта». Так в ДРА именовалась казнь, когда виновных против нового режима или просто подозрительных лиц со связанными руками сажали в транспортный самолёт и на большой высоте сбрасывали над горными районами страны.

В этой связи приведём воспоминания генерал-майора КГБ СССР в отставке Леонида Богданова, представлявшего в тот период интересы своего ведомства в Афганистане. А он по этому поводу впоследствии вспоминал так: «Пытки, расстрелы были каждый день. Расстреливали списками, без суда и следствия – у них называлось это «отправить в Пакистан». За городом рыли специальные траншеи, чтобы хоронить тела, закапывали бульдозером... Уже после начальник контрразведки рассказывал мне, как его вызвал Амин. «Вы лично расстреляли всего 5 тысяч человек, а вот Сарвари, ваш начальник, уже десять тысяч. Это неправильно. Вы должны его нагнать»¹.

Напомним, что этот террор против собственного народа был начат ещё во время президентства Н.М. Тараки, и данное обстоятельство несколько не обеляет его и не делает невинной жертвой борьбы за власть. А происходящее в Афганистане после сентябрьского 1979 года военного переворота вполне можно было бы назвать (по аналогии с репрессиями в СССР 1937-1938 годов) «второй волной террора». Или, говоря словами гильотинированного Конвентом во времена Великой французской революции Дантона: «Революция пожирает своих детей...» История, как известно, повторяется дважды... Трижды, четырежды...

¹ Хинштейн А. Тайны афганской Лубянки. – См.: «Московский комсомолец» – 29 марта 2002 г.

У нас имеются сведения о том, что в первой половине декабря на Хафизулла Амина было совершено очередное покушение. При этом его родственник Абдулла Амин, руководившей в то время службой афганской госбезопасности, был незначительно ранен. Эти события ещё более спровоцировали террор со стороны правящего режима в отношении «недовольных партийцев из оппозиционных фракций», а также сторонников бывшего главы государства Н.М. Тараки, им сочувствовавших, да и против всех неугодных.

Председатель Революционного совета и премьер-министр ДРА «товарищ» Х. Амин примерно тогда же сменил свою прежнюю резиденцию, располагавшуюся в центре столицы во дворце Арк («Дворец народов»), на казавшийся ему более безопасным дворец Тадж-Бек, который находился на окраине Кабула в районе проспекта Дар-уль-Аман. Тогда же Хафизулла Амин стал с ещё большей настойчивостью обращаться к советскому руководству с просьбами об обеспечении его личной охраной и по вопросу ввода войск СССР в Афганистан.

Таким образом, можно подвести некоторые итоги:

Первое, советско-афганские межгосударственные отношения стали активно развиваться с 1919 года, после прихода к власти эмира Амануиллы-хана, провозгласившего государственный суверенитет. Советская Россия была первым государством, признавшим независимость своего южного соседа и установившим с ним дипломатические отношения.

Второе, в 1920-е годы СССР неоднократно оказывал экономическую, военную и иную помощь правительству Афганистана, что в частности обуславливалось необходимостью подавления на территории среднеазиатских республик остатков белогвардейского и басмаческого движения.

Третье, во время Второй мировой войны Афганистан придерживался политики нейтралитета. В период холодной войны США и их партнёры стали осуществлять планы создания военного окружения против СССР, составной частью данной политики было втягивание Афганистана в зону американских интересов посредством оказания ему финансово-технической помощи.

Четвёртое, в 1950-е годы, когда США стали навязывать жёсткие политические условия в обмен за поставку вооружений афганской армии, правительство короля Захир Шаха постепенно стало переориентироваться в сторону Советского Союза. В дальнейшем между СССР и Афганистаном установились добрососедские отношения, сохранившиеся и после свержения в этой стране монархического режима.

Пятое, 1 января 1965 года была образована Народно-демократическая партия Афганистана, её генеральным секретарём ЦК партии стал Н.М. Тараки. Фактически сразу после учредительного съезда в партии произошёл раскол между двумя враждующими фракциями «Хальк» (лидер Н.М. Тараки) и «Парчам» (лидер Б. Кармаль). ЦК КПСС через агентурные и иные возможности КГБ СССР установил тесную связь с руководством НДПА.

Шестое, в апреле 1978 года в Афганистане произошла революция (военный переворот), в результате которой к власти в стране пришли лидеры НДПА. Афганистан был объявлен демократической республикой. Н.М. Тараки стал председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА, его также именовали президентом Афганистана. В ответ на непродуманные реформы в стране стало шириться оппозиционное движение, возникали вооружённые мятежи, на что руководство ДРА ответило репрессиями и террором.

Седьмое, в сентябре 1979 года заместитель Н.М. Тараки по партии и руководству ДРА Хафизулла Амин совершил государственный переворот, принял на себя все «тителы» своего предшественника и усилил террор в отношении недовольных партийцев, «контрреволюционеров» и «врагов народа». Н.М. Тараки по личному приказу Х. Амина был задушен офицерами его гвардии. Новый лидер ДРА продолжил настойчивые просьбы по вводу в Афганистан советских воинских формирований.

**Раздел IV:
Советский спецназ незадолго до...**

Такая выпала работа

Как наши предки в старину,
Мы вновь уходим на войну,
Чтоб защитить свою страну,
Врагу представить честь, отвагу.

И мы идём, идём вперёд
За взводом взвод, за взводом взвод,
Который день, который год —
Такая выпала работа.

Свистит свинец, скрежешет сталь,
Закат, что красная медаль...
Нам никого давно не жаль,
И нас никто не пожалеет.

Наш жребий, в общем-то, простой:
Удача выпадет — Герой,
Не подфартит — «за упокой»
Товарищи поднимут чашу.

Но вот последнее «Ура!»
И подводить итог пора:
Кроваво-славное вчера
Теперь нам выставят виною.

И это вовсе не впервой:
Таков обычай вековой,
Ведь на Руси за честный бой
Наградю нередко — плаха.

*Одесса,
2004 год.*

Как отмечалось ранее, со времени создания сил специального назначения ГРУ ГШ они никогда не применялись по их главному (антиядерному) боевому предназначению. Однако это вовсе не означает, что группировка сил армейского и флотского спецназа осталась лишь гипотетическим средством сдерживания противника. Со времени создания первых частей и подразделений военной разведки специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР в 1950 году и до конца 1970-х годов существенно изменились международная обстановка и военно-политические реалии. Это в итоге привело к тому, что силы и средства СпН получили новое развитие и применение в ряде локальных войн и военных конфликтов. И прежде всего речь идёт об участии спецназовцев в боевых действиях в ходе афганского похода советской армии.

Как творилась новейшая мировая история, как и на каких дорогах начинался боевой путь отечественного спецназа военной разведки? Как пересекались его пути с другими армейскими войсковыми формированиями и со «смежниками» из Комитета государственной безопасности СССР? На эти и на многие другие вопросы мы попытаемся ответить в данном разделе.

1. «По просьбе афганского правительства...»

В февральском номере журнала «Воин Содружества» за 1999 год под названием «Долгожданное «свидание» в горах» было опубликовано интервью корреспондента этого издания с Героем Советского Союза генерал-лейтенантом В.Н. Очировым. Для нас приведённая здесь точка зрения представляет интерес не только потому, что её автор знаком с данной проблематикой «изнутри», как ветеран боевых действий на территории ДРА (1980-1981 и 1984-1985 гг.), но и в силу того обстоятельства, что в 1989 году В.Н. Очиров избирался народным депутатом СССР. Вплоть до 1991 года Валерий Николаевич был заместителем председателя Комитета Верховного Совета СССР по делам обороны и безопасности.

В указанном интервью приводится следующее мнение В.Н. Очирова: «Циркулировавшие в обществе слухи, что древнее, маразматическое политбюро, престарелые дяди, шаркающие и шепелявящие, сели за стол и стали решать, вводить наши войска в Афганистан или нет, – это всё чушь. По существу, решение принимали не они. Политбюро голосовало «за» или «против» на основе убедительных выводов, которые готовил конкретный аппарат. А вот аппарату подобное решение своими донесениями диктовали главный военный советник, главный представитель от КГБ и посол Советского Союза в ДРА. Сначала они в справочных материалах сообщали, что президент Тараки во время бесед просит оказать помощь Афганистану, желательно вооружением. Затем вновь информировали, что Тараки выразил желание лететь в Москву и просить Брежнева о военной помощи. МИД подготовил такую встречу.

После всех этих «пингпонговских» сообщений в Москву полетела бумага, в которой считалось целесообразным согласиться с предложением уже президента Амина перебросить до двух батальонов десантных войск и спецназа на аэродром Баграм с целью и под видом охраны и обороны объектов, авиации, аккредитованных членов посольства. Затем было признано целесообразным и возможным выделить два звена вертолётов для переброски в Кабул. Планировать задействовать их для подготовки афганских лётчиков и в то же время советским экипажам предстояло «нести боевое дежурство и в сложившейся обстановке работать по предназначению». То есть – проводить боевые действия.

Эта хроника идёт по нарастающей по дням, по неделям, по месяцам. Потом – «считаем целесообразным согласиться на переброску на аэродром Баграм специальной бригады (по типу той, что дислоцируется на Кубе)». И мотивировка: «Для усиления охраны объектов афганских вооружённых сил». Я запросил данные о её численности, а там, оказывается, было четырнадцать тысяч человек. Последней была бумага: «Считаем необходимым согласиться с вводом ограниченного контингента советских войск»¹.

¹ Очиров В., Маков И. Долгожданное «свидание» в горах. – «Воин Содружества». – 1999, № 2. С. 33.

К сожалению, Валерий Николаевич не уточняет: была ли эта «четырнадцатитысячная» специальная бригада в проекте некоего решения или уже находилась в Афганистане до 25 декабря 1979 года. Тем не менее то, что отдельные части и подразделения советских ВВС, ВДВ, спецназа ГРУ и КГБ, ряд других воинских формирований задолго до официального ввода экспедиционного контингента советских войск находились на территории ДРА, – факт неопровержимый. При этом не следует забывать о значительном аппарате советских советников и специалистов, которые состояли при различных афганских органах военного управления, воинских частях и других силовых структурах.

Далее в названном интервью генерал-лейтенант В.Н. Очиров расставляет довольно жёсткие акценты по поводу того, кто «преступники» и кто «ответственен» за втягивание Советского Союза в афганскую войну. Однако в отличие от Валерия Николаевича рассуждать об этом, хотя бы в силу теоретически существующей у нас презумпции невиновности, не будем. Не будем этого делать также в силу того, что все дискуссии на эту тему, как правило, превращаются в некое судилище над теми, кто честно и мужественно исполнял свой воинский долг на афганской земле.

В связи с чем, очевидно, стоит ещё раз вспомнить расхожую фразу отечественной бюрократии: «Мы вас туда не посылали!..» Или не менее знаменитое: «Украина (Эстония, Латвия, Грузия и т.д.) с Афганистаном не воевала!..» Или то, как ещё недавно в том же Верховном Совете Украины некоторые особенно горячие головы ставили вопрос о том, что все советские ветераны афганской войны являются преступниками и всех их надо предать суду.

Однако давайте вернёмся к вопросу о том, какие советские воинские формирования действительно находились в ДРА ещё до официального ввода экспедиционного контингента советских войск в эту страну.

Информация к размышлению

*Из записки в ЦК КПСС
от 28 июня 1979 года*

...Трудности становления ДРА имеют во многом объективный характер. Они связаны с экономической отсталостью, малочисленностью рабочего класса, слабостью Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эти трудности усугубляются, однако, и субъективными причинами: в партии и государстве отсутствует коллективное руководство, вся власть сосредоточена в руках Н.М. Тараки и Х. Амина, которые нередко допускают ошибки и нарушают закон...

Основной опорой афганского правительства в борьбе с контрреволюцией продолжает оставаться армия. За последнее время более активное участие в борьбе стали принимать силы безопасности, пограничные войска и создаваемые отряды самообороны. Однако широкие слои населения к борьбе привлекаются недостаточно, вследствие, чего предпринимаемые правительством ДРА меры по стабилизации обстановки оказываются малоэффективными...

В связи с изложенным МИД СССР, КГБ СССР, Министерство обороны и Международный отдел ЦК КПСС считают целесообразным:

(...) 3. Направить в Афганистан в помощь главному военному советнику опытного генерала с группой офицеров для работы непосредственно в войсках (в дивизиях и полках)...

4. Для обеспечения охраны и обороны самолётов советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм направить в ДРА, при согласии афганской стороны, парашютно-десантный батальон в униформе (комбинезоны) под видом авиационного технического состава. Для охраны совпосольства направить в Кабул спецотряд КГБ СССР (125–150 чел.) под видом обслуживающего персонала посольства.

5. В начале августа с.г., после завершения подготовки, направить в ДРА (аэродром Баграм) спецотряд ГРУ Генерального Штаба с целью использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов...

А. Громыко. Ю. Андропов,
Д. Устинов, Б. Пономарёв

В конце июня 1979 года в соответствии с приказом министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова была начата подготовка к отправке в Афганистан парашютно-десантного батальона из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, находившегося в центральном подчинении ВДВ. Сам этот полк под командованием подполковника Николая Ивановича Сердюкова представлял собой усиленную воинскую часть, составленную после расформирования воздушно-десантной дивизии, дислоцировавшейся прежде в Ферганской области Узбекистана.

Действительно, как это ни покажется парадоксальным, но именно это упомянутое нами соединение ВДВ, сориентированное для выполнения боевых задач на южном театре возможных военных действий в преддверии афганских событий было расформировано. А его основная часть была передана для развёртывания и доукомплектования десантно-штурмовых бригад, создававшихся тогда в качестве мобильных сил ряда военных округов Советского Союза.

Именно поэтому в декабре 1979 года осуществлять десантно-штурмовую операцию с высадкой личного состава и техники посадочным способом на аэродромах Баграма и Кабула будут гвардейцы-десантники соединения ВДВ, дислоцировавшегося ранее в Белоруссии (Витебская область), то есть 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. А также подразделения указанного ранее 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка. Однако давайте вернёмся к событиям более ранним.

В начале июля 1979 года парашютно-десантный батальон под командованием подполковника Ломакина в соответствии с приказом заместителя командующего ВДВ генерал-лейтенанта Н.Н. Гуськова перебазировался в район аэропорта Баграм, взяв его под охрану и оборону. Данная операция осуществлялась с соблюдением строгих мер секретности. При этом, чтобы не раскрывать структуру подразделения и его принадлежность к советским ВДВ, офицерам было приказано носить погоны сержантского состава, а всему личному составу выступать под видом технических специалистов и обслуживающего персонала.

Реальными же задачами данного парашютно-десантного батальона на первом этапе его пребывания в ДРА были: во-первых, обеспечение безопасности советских лётчиков и самолётов военно-транспортной авиации, дислоцировавшихся в Баграме. Во-вторых, решение возможных вопросов обеспечения эвакуации советских дипломатов, военных и гражданских советников и специалистов, а также членов их семей при возникновении экстремальной обстановки.

Это подразделение лично встречал главный военный советник СССР в ДРА генерал-лейтенант Л.Н. Горелов, который принял активное участие в организации его размещения, обеспечения и деятельности. Кстати сказать, сам Лев Николаевич до афганского периода своей службы командовал как раз этой гвардейской воздушно-десантной дивизией, куда прежде входил 345-й гв. опдп. Все материалы, требуемые для обеспечения жизнедеятельности парашютно-десантного батальона, завозили из Союза самолётами военно-транспортной авиации, в том числе и продукты питания на первый месяц пребывания в Афганистане. В октябре этого же года на должности командира батальона гвардии подполковника Ломакина заменил майор Пустовит.

Несколько забегаая вперёд, сообщим, что в конце 1979 года именно данное подразделение обеспечит приём и временное размещение в Баграме 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба («мусульманского» батальона), ряда бойцов спецназа КГБ СССР из внештатных формирований «Гром» и «Зенит», будущего руководства ДРА во главе с Бабраком Кармалем. Выполнит оно и ряд других ответственных задач в ходе осуществления государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года. В середине декабря на этой афганской авиабазе будет размещён второй парашютно-десантный батальон (командир – гвардии майор Цыганов) и разведывательная рота (командир – гвардии старший лейтенант Попов). К тому времени непосредственное руководство действиями десантников в Баграме ляжет на плечи командира 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка подполковника Н.И. Сердюкова.

2. «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ ГШ

Как ранее отмечалось, в ряду общих задач по проведению диверсионно-разведывательной работы у армейского и флотского спецназа были задачи по организации и проведению террористических актов в отношении видных государственных и военных деятелей государств-агрессоров. Однако реализация задач подобного рода могла осуществляться только в особый (предвоенный) период или в военное время. Впрочем, юридически вся более чем девятилетняя история пребывания советских войск на территории Афганистана, судя по официальным советским, да и российским законодательным и нормативным актам, статуса войны так и не получила. Её же участников, поименованных в народе «афганцами», в официальных советских документах – «воинами-интернационалистами», впоследствии стали называть таким казённо-правовым термином, как «ветераны (участники) боевых действий на территории других государств».

Говоря иными словами, войны в ДРА (РА) выходит как бы и не было. Были лишь некие боевые действия, в результате которых погибли более пятнадцати тысяч советских военнослужащих, а десятки тысяч были ранены, искалечены и переболели всевозможными экзотическими болезнями. И это только с нашей стороны. При этом общие потери афганцев (со всех сторон конфликта), по западным источникам, оценивались в миллион погибших. Но... войны-то как таковой как бы не было. Так, во всяком случае, утверждают наши политики-законодатели.

Конечно, это отдельная тема для разговора. Но в рамках нашего исследования хотелось бы заострить внимание читателя, с одной стороны, на условности использования таких, казалось простых, понятий, как «война» и «боевые действия на территориях других государств». А со стороны другой, на том, что вопрос правомерности боевого применения армейского диверсионно-разведывательного

спецназа и спецназа КГБ в ДРА в декабре 1979 года, если в данном случае не было ни войны, ни особого периода, как бы зависает, с той же юридической точки зрения. Впрочем, нормы той же социалистической законности, о которой сейчас ведётся речь, во время начала описываемых событий нарушались не единожды...

Днём рождения 15-й отдельной бригады специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, которая была сформирована в составе войск Туркестанского военного округа, считается 1 января 1963 года. 17 декабря 1964 года 15-й обрСпН было вручено боевое знамя. Первоначально пунктом постоянной дислокации этого соединения спецназа военной разведки был определён город Чирчик (Узбекская ССР), а первым его командиром стал полковник Н.И. Луцев. С начала своего существования помимо напряжённой боевой подготовки 15-я бригада спецназа ГРУ ГШ постоянно привлекалось для участия в мероприятиях по ликвидации последствий разного рода чрезвычайных ситуаций. Таковыми были пожар на Чирчикском трансформаторном заводе (11 сентября 1965 г.), землетрясение в Ташкенте (1966 г.), эпидемия холеры в Астраханской области (1970 г.), эпидемия чёрной оспы в Аральске (1971 г.) и другие события.

В середине 1970-х годов 15-й отдельной бригадой командовал полковник Василий Васильевич Колесник, который затем был назначен на должность старшего офицера направления спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР. Поэтому не случайно, что в последующем именно на его плечи было возложено осуществление задачи по формированию на базе 15-й бригады спецназа ГРУ ГШ 154-го отдельного отряда специального назначения, ставшего более известным под именем «мусульманского» батальона.

Как мы отмечали несколько ранее, именно эта войсковая часть армейского спецназа приняла 27 декабря 1979 года участие в выполнении особо секретной миссии в Кабуле, то есть в осуществлении штурма дворца Тадж-Бек и физической ликвидации афганского диктатора Хафизуллы Амина.

Информация к размышлению

Из личного дела

начальника направления спецназа ГРУ
Генштаба ВС СССР генерал-майора
Колесника Василия Васильевича (1935–2002 гг.)

Родился в 1935 году. В годы Великой Отечественной войны родители В.В. Колесника участвовали в партизанском движении против немецко-фашистских захватчиков и были расстреляны на его глазах. Окончил суворовское и высшее общевоинское командное училища в городе Орджоникидзе. Офицерскую службу начал с должности командира взвода 92-й отдельной роты спецназа Дальневосточного военного округа. В войсковых частях военной разведки специального назначения прошёл путь от командира взвода до командира соединения.

В 1975–1977 годах был командиром 15-й отдельной бригады специального назначения, которая входила в состав Туркестанского военного округа. С 1977 года его назначают старшим офицером направления специальной разведки Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР, куратором направления спецназа ГРУ ГШ по Средней Азии. В последующем был назначен на должность заместителя начальника этого направления ГРУ Генштаба.

В Афганистане с 1979 года. Возглавил руководство операцией «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек в Кабуле 27 декабря 1979 года, ключевого события государственного переворота в ДРА. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания командования, указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года Колеснику Василию Васильевичу присвоено звание Героя Советского Союза.

В последующем с должности заместителя начальника направления специальной разведки полковник В.В. Колесник поступил в Военную академию Генерального штаба ВС СССР. После её окончания был назначен начальником направления специальной разведки ГРУ ГШ. Генерал-майор. Умер 30 октября 2002 года. Похоронен в Москве.

В своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «Братишка»¹ и указанном ранее юбилейном альбоме «Спецназ», Герой Советского Союза генерал-майор В.В. Колесник рассказал о том, как организовывалась подготовка и осуществлялась операция по штурму дворца Х. Амина. Данные мемуары в последующем неоднократно переиздавались. Со временем они претерпели определённую авторскую и, очевидно, редакторскую правку, что, с точки зрения прошедшего времени, представляется вполне естественным и оправданным. Думается, что данные обстоятельства ни в коей мере не умаляют того огромного значения, которое они имеют в контексте нашего повествования.

Итак... 2 мая 1979 года В.В. Колесник, полковник и старший офицер ГРУ ГШ, был вызван к начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба ВС СССР генералу армии П.И. Ивашутину. Собственно говоря, именно тогда Василий Васильевич и получил задачу на формирование 154-го ооСпН, образуемого в составе 15-й обрСпН и находившегося в оперативном подчинении ГРУ. Одной из отличительных черт предстоящей работы, как это отмечалось ранее, было то обстоятельство, что личный состав этого отряда должен был комплектоваться в основном из представителей трёх среднеазиатских национальностей (узбеков, таджиков и туркмен). Именно отсюда и произошло обиходное название 154-го отдельного отряда специального назначения – «мусульманский» батальон или «мусбат».

Впрочем, О.У. Швец, бывший в то время подполковником и сослуживцем В.В. Колесника, называет несколько другую дату постановки В.В. Колеснику задачи у начальника ГРУ – 29 апреля 1979 года². Он же уточняет, что автором известного обиходного названия 154-го ооСпН был сам Василий Васильевич, произнёсший тогда фразу: «Так это же «мусульманский» батальон...»

Солдат и сержантов срочной службы в отряд подбирали из двух призывов, то есть отслуживших соответственно полгода и год, как правило, в частях военной разведки

---

1 «Братишка». 2000 г., № 5, 6.

2 Швец О.У. Друг не умирает. В книге «Батя. Легента спецназа ГРУ». – М.: Яуза, Изд-во Эксмо, 2004. С. 189.

специального назначения. При этом в основном действовал принцип добровольности, а особые требования предъявлялись к физической подготовке. В связи с тем обстоятельством, что на вооружение отряда поступала боевая техника мотострелковых подразделений (боевые машины пехоты БМП-1 и бронетранспортёры БТР-60ПБ), в частях Среднеазиатского и Туркестанского военных округов осуществлялся подбор необходимых кандидатов в спецназовцы на основании требуемых военно-учётных специальностей.

Незадача вышла с командиром зенитно-артиллерийской группы на ЗСУ 23х4 «Шилка». Им был назначен «капитан Паутов», как пишет об этом В.В. Колесник, или «старший лейтенант Василий Проута», как его называет в своих воспоминаниях бывший командир одной из разведывательных рот спецназа 154-го ооСпН В.С. Шарипов. По национальности этот офицер-зенитчик был русским или украинцем. И, тем не менее, его зачислили в штат «мусбата», так как из представителей мусульманских национальностей Советского Союза кандидатов на данную должность не нашли. Поэтому черноволосому Паутову (или Прауте. – *Примеч. В.К.*), который внешне вполне мог сойти за азиата, командованием было предписано при встречах с афганцами упорно сохранять молчание.

Штатная организация 154-го отдельного отряда специального назначения ГРУ ГШ, насчитывавшего в своём составе более пятисот тридцати солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, предусматривала три разведывательные роты спецназа (одна на БМП-1, соответственно две – на БТР-60ПБ), роту вооружения (взвод автоматических гранатомётов АГС-17 «Пламя», огнемётный взвод РПО «Рысь» и сапёрный взвод, также на БТР-60ПБ). Здесь также имелись отдельные взводы (связи, зенитно-артиллерийский на ЗСУ 23х4 «Шилка», автомобильный и материального обеспечения). Разумеется, в штат «мусульманского» батальона входили его управление, штаб, партийно-политический аппарат, тыл. Кроме этого к каждой роте были прикреплены военные переводчики из числа курсантов-стажёров Военного дважды Краснознамённого института МО СССР (бывший Военный институт иностранных языков).

О такой штатной организации «мусульманского» батальона сообщал В.В. Колесник, непосредственно занимавшийся его формированием и подготовкой к боевому применению¹.

Несколько по-другому пишет об этом бывший командир третьей роты 154-го отдельного отряда спецназа, в ту бытность старший лейтенант, В.С. Шарипов: «Для спецназа это была уникальная часть. Подразделения специального назначения вооружались БТР и БМП. Раньше никогда такого не было. Спецназ ведь – это рюкзак за спину, снаряжение, боеприпасы на себя, автомат в руки – и пошёл. А тут – техника! В батальоне имелось четыре роты. Две роты – первая и вторая – на БТР, третья – на БМД – моя. Гранатомётная рота АГС-17, зенитный взвод ЗСУ 23х4 «Шилка», подразделения обеспечения. Для нашего батальона даже программы боевой подготовки не было. Для «чистого» спецназа есть, для мотострелков есть, а для нас – нет. Приехали из ГРУ офицеры, и мы сами вместе с ними стали составлять программу»². Несколько ранее здесь же утверждается, что численность 154-го оОСПН составляла 540 человек³.

Как вы обратили внимание, в начале текста статьи В.С. Шарипова и П. Лёгкого сообщается о штатной организации «мусульманского» батальона, в том числе и на БМП, то есть на боевых машинах пехоты. А далее по тексту оказывается, что сама рота В.С. Шарипова была на БМД, то есть боевых машинах десанта. В этой связи возникает вполне уместный вопрос: «Какие же подразделения 154-го отдельного отряда спецназа были на БМП?» На странице 116 указанной книги мы находим такое «уточнение» В.С. Шарипова: «У меня в роте 120 человек и 13 БМП...» Очевидно, в данном случае имеет место либо «ошибка памяти» со стороны В.С. Шарипова, либо неправильная литературная запись его рассказа со стороны военного корреспондента П. Лёгкого.

Во всяком случае абсолютное большинство сведений из других источников подтверждает тот факт, что в действительности третья (или, по другим данным, первая) рота «мусульманского» батальона, которой командовал В.С. Шарипов, имела

1 Колесник В.В. Операция «Шторм-333». С. 41

2 Шарипов В.С., Лёгкий П. Операция «Шторм». М., 2002. С. 114-115.

3 Там же. С. 114.

на вооружении боевые машины пехоты (БМП-1) и, исходя из этого, соответствующую организационно-штатную структуру. Вместе с тем заметим, что указанные нами некоторые неточности и нестыковки, имевшие место в статье В.С. Шарипова и П. Лёгкого, по большому счёту, не умаляют ценность этого рассказа в части конкретных фактов и обстоятельств, связанных с подготовкой и штурмом дворца Тадж-Бек.

В этой связи в письме, полученном автором этих строк в марте 2004 года от бывшего начальника политотдела – заместителя командира 15-й обрСпН полковника О.В. Кривопалова, содержится следующая уточняющая информация: «154-й отряд был сформирован на основании директивы ГШ № 314/2/0061 от 26.04.79 года. 26 апреля считается Днём части. После формирования отряд (согласно приказу командующего ТуркВО № 21/4/00755 от 04.05.79 года) введён в штат 15-й обрСпН. Штат отряда был определён директивой в 538 человек. Возглавил отряд ветеран 15-й обрСпН майор Х.Т. Холбаев, его заместителями стали капитаны М. Сахатов, А. Саттаров, Н. Ашуров. Первыми командирами подразделений отряда являлись старшие лейтенанты Кудратов (1 рота), Амангельдиев (2 рота), Шарипов (3 рота), Мирюсупов (4 рота), Праута (зенитно-артиллерийская группа)». Думается, что с этой авторитетной точкой зрения можно вполне согласиться. При этом ещё раз заметим, что старший лейтенант В.С. Шарипов в одних источниках называется командиром третьей роты, а в других – первой роты «мусбата».

Командиром «мусульманского» батальона стал отозванный с учёбы на Высших офицерских курсах «Выстрел» капитан Х.Т. Холбаев¹, который до этого являлся заместителем командира по парашютно-десантной подготовке одного из отрядов спецназа 15-й обрСпН. Практически сразу после утверждения в должности ему было присвоено очередное воинское звание «майор». Кстати заметим, что в ряде других изданий Хабиб Таджикибаевич Холбаев неправильно называется «бывшим инструктором военно-десантной подготовки бригады спецназа из ТуркВО²».

1 Во многих источниках его фамилия пишется «Халбаев», что следует полагать неверным.

2 См.: Аблазов В.И. Указ. соч. С. 166; Корж Г.П. Указ. соч. С. 450.

Таким образом, суммируя воспоминания руководителей и ряда других участников операции по штурму дворца Тадж-Бек, развёрнутую организационно-штатную структуру «мусульманского» батальона можно представить следующим образом:

- управление (командир и его заместители по боевой подготовке, политической части, технической части и тылу, начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения, начальник инженерной-сапёрной службы, начальник финансовой части, другие офицеры и прапорщики);
- штаб (начальник штаба, начальник разведки, начальник связи и другие специалисты);
- партийно-политический аппарат (секретари партийной и комсомольской организаций);
- три разведывательные роты специального назначения (одна на БМП-1 и две на БТР-60ПБ), списочный состав каждой роты был порядка 120 человек, в каждой из рот имелось по тринадцать бронеемкостей; в каждой роте находились прикомандированные военные переводчики из числа курсантов-стажёров Военного дважды Краснознамённого института МО СССР;
- рота вооружения («оружия» или рота огневой поддержки, она же – «четвёртая рота» или «гранатомётная рота», как её называл В.С. Шарипов) в составе управления, взвода автоматических гранатомётов АГС-17 «Пламя», огнемётного взвода РПО «Рысь» и сапёрного взвода;
- отдельные группы боевой поддержки и боевого обеспечения (зенитно-артиллерийская в составе четырёх боевых машин ЗСУ 23х4 «Шилка» и группа специальной радиосвязи);
- отдельные взводы тыла (автомобильный или взвод подвоза, а также взвод материального обеспечения);
- тыл (начальники служб тыла и складов имущества);
- батальонный медицинский пункт (в штате состояли хирург и врач-анестезиолог, здесь же имелась автоперевозочная машина; при размещении «мусбата» в районе дворца Тадж-Бек стационарное помещение для медпункта было оборудовано в недостроенной двухэтажной казарме афганского танкового батальона).

По ряду свидетельств, перед вылетом в ДРА пистолеты марки ПМ («Пистолет Макарова»), стоявшие на вооружении у личного состава «мусульманского» батальона, были

заменены на более старые модели пистолетов ТТ («Тульский Токарева»). Стрелковое оружие калибра 5,45-мм также осталось на армейских складах в Советском Союзе, вместо него были получены 7,62-мм автоматы АКМ (АКМС) и пулемёты РПК (РПКС). Объяснялось это тем, что при боевом применении данных образцов стрелкового оружия имелась возможность пополнять боекомплект припасами, «добытыми на месте». Так, в частности, к пистолету ТТ подходили патроны от широко распространённых в афганской армии автоматов ППШ («Пистолет-пулемёт Шпагина») и собственно ТТ советского и китайского производств. В свою очередь для стрельбы из 7,62-мм АКМ (АКМС) и РПК (РПКС) могли использоваться патроны от АК-47, СКС и собственно АКМ и РПК, стоявших на вооружении афганской армии и других силовых структур ДРА.

Другой мотивацией данного решения могло быть вполне объяснимое желание руководства ГРУ ГШ принять дополнительные меры по соблюдению режима секретности. Ведь в то время автоматы АК-74 (АКС) калибра 5,45-мм находились на вооружении только у Советской армии.

Здесь же заметим, что при рассмотрении различных источников, содержащих информацию об организации, силах и средствах, личном составе 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР, мы старались учесть различные, нередко противоречивые мнения участников операции «Шторм-333», а также последующих исследователей этих событий. При этом мнения даже весьма авторитетных и добросовестных авторов были подвергнуты сомнению. Что же касается других «различных мнений», то есть, мягко говоря, не совсем ответственных авторов, то их в действительности было великое множество. Соответственно и численность «мусульманского» батальона и приданных ему сил, по некоторым их «сказаниям», увеличивалась вдвое, втрое и большее количество раз.

В этой связи приведём только один пример, когда авторы книги «Вторжение» Д. Гай и В. Снегирёв силой своего, несомненно, богатого воображения сумели «превратить» две четырёхствольные ЗСУ 23х4 «мусбата», которые вели огонь непосредственно по дворцу Тадж-Бек, в дивизион «Шилок», «обладающих большой огневой мощью...»¹.

¹ Гай Д., Снегирёв В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. – М.: Совместное советско-финское предприятие «ИКПА», 1991.

На сегодняшний день из числа офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат бывшего «мусульманского» батальона свои воспоминания опубликовали единицы. В данном случае мы имеем в виду лишь мнение полковника запаса В.С. Шарипова, который, как мы это отмечали ранее, был во время описываемых событий старшим лейтенантом и командиром роты 154-го отряда специального назначения, а также полковника запаса Р.Т. Турсункулова, бывшего тогда лейтенантом и командиром группы «мусбата».

К сожалению (или к счастью), спецназовцы ГРУ Генштаба оказались менее разговорчивыми, чем их коллеги из спецотрядов «Гром» и «Зенит» КГБ СССР. Очевидно, именно поэтому, то есть в связи с отсутствием достоверной информации, появились всякого рода небылицы и нелепости, которые отечественному и иностранному читателю в изобилии поставляли журналисты, редакторы, публицисты и романисты типа господ Д. Гая, В. Снегирёва, А. Тараса, А. Проханова. Однако вернёмся к основной линии нашего повествования...

Итак, в июне 1979 года комплектование штатов отряда было завершено. Началась напряжённая боевая подготовка личного состава, боевое сколачивание подразделений данной части специальной разведки. Параллельно с этим в Москве для солдат и офицеров «мусульманского» батальона по линии ГРУ Генштаба ВС СССР осуществлялся пошив афганской военной формы одежды, подготавливались легализованные личные документы военнослужащих.

В августе по инициативе руководства ГРУ ГШ и 15-й обрСпН на территории Афганистана была проведена рекогносцировка. В ней в частности приняли участие заместитель командира Чирчикской бригады спецназа майор С.И. Груздев, командир «мусульманского» батальона майор Х.Т. Холбаев и майор В.А. Турбуланов. В Кабуле эта группа «советских туристов» ознакомилась не только с местными достопримечательностями, но и местами расположения правительственных зданий и учреждений, воинских частей столичного гарнизона, многим другим.

Боевая учёба личного состава и сколачивание подразделений 154-го отдельного отряда спецназа завершились

успешной проверкой готовности к выполнению специального задания. Конечно, вряд ли за это время из солдат и сержантов срочной службы удалось подготовить суперменов. Однако к этому, несомненно, стремились офицеры «мусбата» и многочисленные специалисты, а также проверяющие из ГРУ Генштаба.

Во всяком случае сам факт, что «мусульмане»-спецназовцы в указанный период занимались в основном боевой подготовкой, осваивая при этом, как правило, по две смежных воинских специальности, говорит о многом. В ходе занятий с личным составом 154-го отряда СпН лимитов на боеприпасы и моторесурсы никто не вводил. Значительное внимание при этом уделялось физической подготовке, а марш-броски на 30 километров с полной боевой выкладкой стали обычной практикой.

Занятия по огневой, технической, тактической и тактико-специальной подготовкам организовывались на базах Ташкентских высших общевойскового и танкового командных училищ (г. Чирчик). Специальной директивой начальника Генерального штаба ВС СССР командованию этих военно-учебных заведений предписывалось предоставлять по заявкам 154-го отдельного отряда СпН учебно-материальную базу в любое время дня и ночи.

Приезжали на занятия «мусульмане» в советской форме, а непосредственно на полигонах, стрельбищах и танкодромах переодевались в одежду афганских солдат без знаков отличия. После занятий вновь происходило переодевание в советскую форму. Впрочем, большинство из них тогда и не знали – афганской ли армии это была форма или какой-либо другой. Однако посредством таких переодеваний происходило привыкание к ношению чужой военной «одежки и обуви», которые подгонялись и приводились в состояние обычной носки.

Весь личный состав «мусульманского» батальона вплоть до его отправки в ДРА многократно проверялся и перепроверялся представителями особого отдела КГБ СССР и сотрудниками территориальных органов госбезопасности. Многих бойцов со временем отчисляли из отряда по тем или иным причинам, которые в то время считались существенными

(судимость кого-либо из ближайших родственников, наличие родственных связей за границей, неосторожные высказывания о политике советского правительства и т.д.).

Разумеется, это был дестабилизирующий фактор в ходе подготовки личного состава к выполнению «особо важного» правительственного задания. Но с ребятами из «особого» особо не поспоришь: сам не избежишь неприятностей. «Заподозренных» и «уличённых» «мусульман» через подписку «о неразглашении» отправляли дослуживать в другие воинские части. С новичками же, пришедшими на освободившиеся вакансии, приходилось по полной программе навёрстывать упущенное время.

На последнем этапе подготовки отряда личный состав его подразделений отрабатывал практические навыки в ходе интенсивно проводившихся тактико-специальных учений по теме «Штурм зданий». Думается, что это обстоятельство в той или иной мере свидетельствует о том, какая роль в Афганистане отводилась советским руководством для личного состава этой части армейского спецназа.

Информация к размышлению

Документ № 1:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Записка в ЦК КПСС

«Председатель Революционного совета, Генеральный секретарь ЦК НДПА и премьер-министр ДРА Х. Амин в последнее время настойчиво ставит вопрос о необходимости направить в Кабул советский мотострелковый батальон для охраны его резиденции.

С учётом сложившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью 500 человек в униформе, не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 29. 6. 1979 г. №П 156/ IX.

В связи с тем, что вопросы направления отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой половине декабря с.г. Тов. Устинов Д.Ф. согласен.

Ю. Андропов, Н. Огарков

№312/ 2/ 0073

4 декабря 1979 г.

Документ № 2:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Т.т. Брежневу, Андропову,
Громыко, Суслову, Устинову

Выписка из протокола №176 заседания

Политбюро ЦК КПСС

от 6 декабря 1979 года

«О направлении спецотряда в Афганистан»

Согласиться с предложениями по этому вопросу, изложенными в записке КГБ СССР и Минобороны от 4 декабря 1979 года №312/ 2/ 0073 (прилагается).

Секретарь ЦК Л. Брежнев

Документ № 3:

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Согласовано на заседании
Политбюро ЦК КПСС

Записка в ЦК КПСС

от 6 декабря 1979 года

...С учётом усложнившейся обстановки и просьбы Х. Амина считаем целесообразным направить в Афганистан подготовленный для этих целей специальный отряд ГРУ Генерального штаба общей численностью около 500 чел. в униформе,

не раскрывающей его принадлежности к Вооружённым Силам СССР. Возможность направления этого отряда в ДРА была предусмотрена решением Политбюро ЦК КПСС от 19.06.1979 г. № 11156/ К.

В связи с тем, что вопросы о направлении отряда в Кабул согласованы с афганской стороной, полагаем возможным перебросить его самолётами военно-транспортной авиации в первой декаде декабря с.г. Тов. УСТИНОВ Д.Ф. согласен, чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу.

Ю. Андропов, Н. Огарков

В связи с приведёнными здесь документальными свидетельствами обратим внимание на то обстоятельство, что (в соответствии с материалами ЦК КПСС) Х. Амин обращался к советской стороне с просьбой о направлении для охраны его резиденции советского *мотострелкового батальона*. Однако получает он в «подарок» от высшего руководства Советского Союза своеобразного «троянского коня» – 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР.

Понятное дело, что у мотострелкового батальона и отряда спецназа военной разведки совершенно различное боевое предназначение. Так, если перед пехотой ставятся задачи по ведению наступательного или оборонительного боя, решению других войсковых тактических вопросов, то перед армейским спецназом – по реализации диверсионно-разведывательных задач в тылу противника. Исходя из этой логики, изначально получается так, что, принимая решение о направлении в Афганистан «мусульманского» батальона, высшее советское руководство фактически принимало решение об осуществлении в ДРА государственного переворота, целью которого было отстранение от власти Х. Амина и его сподвижников по террору собственного народа.

Впрочем, «мусбат» стал формироваться ещё при жизни Н.М. Тараки и «для его защиты» (по официальной версии). Ведь и в Записке в ЦК КПСС от 4 декабря имеется сноска на заседание Политбюро от 29 июня 1979 года (№ П 156/ IX). Но, вполне возможно, делалось это уже тогда, как говорится,

«на всякий пожарный случай», дабы в будущем поступить в зависимости от складывающейся обстановки. Во всяком случае «карты выпали» не в пользу Хафизуллы Амина и его ближайшего окружения.

И хотя в большинстве источников, касающихся ввода советских войск в ДРА, содержится мнение о том, что «роковое решение о вводе войск было принято на заседании Политбюро 12 декабря», обратим здесь внимание читателя на одну существенную деталь. В приведённой нами Записке в ЦК КПСС от 6 декабря за подписями Ю.В. Андропова и Н.В. Огаркова есть весьма любопытная фраза. Напомним её: «Тов. УСТИНОВ Д.Ф. согласен, чтобы 29 декабря 1979 года подразделения Советской Армии пересекли афганскую границу (*курсив мой. — В.К.*)».

Так с чем же в данном случае мы имеем дело: с «оговоркой» или констатацией уже принятого ранее решения о вводе «подразделений Советской Армии» на территорию ДРА? В этой связи позволим высказать мнение, что на «историческом» заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся 12 декабря 1979 года, лишь была уточнена дата «перехода афганской границы», то есть 25-го, а не 29 декабря. И «тов. УСТИНОВУ Д.Ф.» лишь пришлось немного подкорректировать на ускорение подготовительные мероприятия. Из чего следует и следующая гипотеза: решение о вводе советских войск в ДРА, о судьбе новоявленного диктатора Х. Амина было принято в Кремле, если не сразу после отстранения им от власти «друга и учителя» Н.М. Тараки (в середине сентября), то уж точно ранее 12 декабря 1979 года. В подтверждение этого приведём ещё один партийный документ.

Информация к размышлению

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Записка в ЦК КПСС
от 9 ноября 1979 года

«Обстановка в Афганистане после событий 13-16 сентября с. г., в результате которых Тараки был отстранён от власти и затем физически уничтожен, остаётся крайне сложной.

В стремлении укрепиться у власти Амин, наряду с такими показательными жестами, как начало разработки проекта конституции и освобождение части ранее арестованных лиц, на деле расширяет масштабы репрессий в партии, армии, государственном аппарате и общественных организациях...

По имеющимся данным, в настоящее время Амином готовится расправа над группой членов Политбюро ЦК НДПА (Зерай, Мисак, Пандшири), которым предъявляются вымышленные обвинения в «антипартийной и контрреволюционной деятельности». На состоявшемся недавно Пленуме ЦК НДПА Амин взял в руководящие органы партии наиболее преданных ему лиц, в том числе ряд своих родственников...

В последнее время отмечаются признаки того, что новое руководство Афганистана намерено проводить «более сбалансированную политику» в отношениях с западными державами. Известно, в частности, что представители США на основании своих контактов с афганцами приходят к выводу о возможности изменения политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении...

С учётом изложенного и исходя из необходимости сделать всё возможное, чтобы не допустить победы контрреволюции в Афганистане или политической ориентации Амина на Запад, представляется целесообразным придерживаться следующей линии:

1. Продолжать активно работать с Амином и в целом с нынешним руководством НДПА и ДРА, не давая Амину поводов считать, что мы не доверяем ему и не желаем иметь с ним дело. Использовать контакты с Амином для оказания на него соответствующего влияния и одновременно для раскрытия его истинных намерений...

6. Находящимся в Афганистане советским воинским подразделениям (узел связи, парашютно-десантный батальон, транспортные эскадрильи самолётов и вертолётов), а также отряду по охране советских учреждений продолжать выполнять поставленные задачи...

При наличии фактов, свидетельствующих о начале поворота Х. Амина в антисоветском направлении, внести дополнительные предложения о мерах с нашей стороны.

А. Громыко, Ю. Андропов,
Д. Устинов, Б. Пономарёв

Здесь же коротко заметим, что в тексте Записки в ЦК КПСС от 9 ноября 1979 года говорится об отсутствии у советского руководства информации «о начале поворота Хафизуллы Амина в антисоветском направлении». Однако при упоминании имени Х. Амина несколько меняется тон официальных документов ЦК КПСС. В частности его перестают «титловать» главой афганского государства, генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Совета министров, Революционного совета ДРА и т.д.

Такие сегодня, казалось бы, малозначащие детали в описываемое время говорили очень о многом. В других документах, датированных несколько ранее или позднее, их авторы порой возвращаются к прежней стилистике и чиновничеству, потом вновь от них отходят. Очевидно, точно так же колебалось отношение советского руководства к личности Хафизуллы Амина и оценке событий, происходящих в Афганистане.

Из смысла процитированного ранее документа можно почерпнуть, что под «антисоветской позицией» Х. Амина в ЦК КПСС понимали «изменение политической линии Афганистана в благоприятном для Вашингтона направлении». В свою очередь террор, осуществляемый в ДРА кликой кровавого диктатора против собственного народа, был как бы сопутствующей причиной, не имевшей основного значения для «ленинского политбюро» ЦК КПСС...

...Жили бойцы «мусульманского» батальона сначала в качестве обособленного подразделения 15-й отдельной бригады специального назначения, а в дальнейшем в собственном военном городке. Для чего были привлечены военные строители, создавшие для «мусульман»-спецназовцев благоустроенные здания. Со временем офицерам и прапорщикам 154-го отдельного отряда СпН стали выделять квартиры в Чирчике и даже разрешили отпуска. Однако, как показало дальнейшее развитие событий, это было лишь затишьем перед бурей: вскоре всех офицеров и прапорщиков части из числа отпускников в срочном порядке отозвали к месту их службы телеграммой за подписью комбрига 15-й обрСпН полковника А.А. Овчарова.

В первой половине декабря 1979 года 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ ГШ уже полностью находился на территории Афганистана. Прибывшие сюда ранее батальон 345-го отдельного гвардейского парашютно-десантного полка и передовая команда «мусбата» во главе с заместителем командира 154-го ооспН капитаном М.Т. Сахатовым обеспечили прибытие и размещение «мусульманского» батальона на авиационной базе Баграм.

К середине декабря здесь же сосредоточилась часть бойцов спецназа КГБ из внештатных формирований «Гром» и «Зенит». При этом основной задачей находившихся здесь «громовцев» стало обеспечение безопасности доставленных в ДРА афганских оппозиционных лидеров Кармаля, Гулябзоя, Сарвари, Нура, Ватанджара и Ратебзад. В свою очередь «зенитовцы» старались как можно убедительнее исполнить определённую им «легендой» роль некой «группы инженерно-технической поддержки» «мусульманского» батальона, готовившегося к осуществлению «охраны» главы Демократической Республики Афганистан товарища Хафизуллы Амина.

Вместе с тем следует отметить, что на сегодняшний день относительно точных сроков прибытия в ДРА 154-го ооспН имеется довольно много разночтений.

3. Спецформирование КГБ СССР «Зенит»

Несколько ранее уже сообщалось о том, как проходило становление и развитие диверсионно-разведывательного спецназа Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР. Поэтому в этой главе постараемся коротко остановиться только на тех страницах его истории, которые имеют непосредственное отношение к осуществлению государственного переворота в Афганистане в декабре 1979 года...

Спецрезервисты из числа штатных оперативных работников госбезопасности периодически проходили обучение на курсах усовершенствования офицерского состава при Высшей Краснознамённой школе КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского. Именно они и составили костяк сформированного в 1979 году внеструктурного (внештатного)

спецподразделения госбезопасности «Зенит», принимавшего 27 декабря участие в штурме дворца Х. Амина, проведении соответствующих мероприятий на других особо важных объектах афганской столицы.

В связи с тем, что очередной поток куосовцев начал занятия в январе, а цикл их подготовки был рассчитан на семь месяцев, руководству курсов в мае 1979 года пришлось срочно пересматривать программу их обучения. И в оставшееся до вылета в ДРА время с ними усиленно проходили занятия по темам «Захват объекта», «Засада», «Захват персоны», «Освобождение заложников» и т.п. Думается, что эти обстоятельства конкретно указывают на боевое предназначение первого «афганского» отряда КУОС.

Летом 1979 года в Афганистан вылетела группа сотрудников КГБ, получившая наименование «Зенит» или «Зенит-1», как стали её впоследствии называть. Возглавлял её руководитель курсов усовершенствования офицерского состава полковник госбезопасности Г.И. Бояринов.

5 июля (по другим данным – 4) 1979 года самолёт с «зенитовцами» на борту приземлился в аэропорту Кабула. Официальным мотивом для этого «визита» стала просьба Хафизуллы Амина, касавшаяся обучения его личной гвардии. Однако руководство советского Комитета госбезопасности поставило перед «Зенитом-1» и свои дополнительные задачи. Это касалось изучения и анализа складывающейся в Афганистане оперативной обстановки, а также проведения разведки столицы ДРА, расположенных в ней важных государственно-административных, политических и военных объектов.

Для чего чекистами целенаправленно изучались подступы к тем или иным зданиям, системы их охраны и обороны, отрабатывались возможные маршруты эвакуации сотрудников советского посольства и многое, многое другое. Параллельно с этим часть сотрудников «Зенита-1» привлекалась к охране советского посольства, ряда других учреждений СССР в Кабуле. После успешного выполнения стоявших задач основная группа внештатного спецотряда КГБ СССР «Зенит-1» во главе с полковником Г.И. Бояриновым 5 сентября возвратилась в Москву.

13-14 сентября в ДРА состоялся очередной военный переворот, в результате которого к власти пришёл Хафи-зулла Амин, сменивший на постах генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного Совета и премьер-министра ДРА своего «друга и учителя» Н.М. Тараки. Некоторые авторы определяют временем этого переворота 13–15 или 13–16 сентября 1979 года. Многие вопросы, связанные с этим далеко не рядовым событием в новейшей афганской истории до сих пор остаются дискуссионными.

Для нас же в этой связи особый интерес представляет тот факт, что ещё 10 сентября «мусульманский» батальон был поднят по тревоге. Х.Т. Холбаеву приказали обеспечить сдачу на хранение всех секретных документов части, а также партийных и комсомольских билетов личного состава. После выдвижения 154-го ооСпН в ташкентский аэродром его бойцов переодели в афганскую военную форму и поставили задачу на вылет в Кабул для сопровождения и защиты президента ДРА Н.М. Тараки. Однако последовала команда: «Отбой!» Причиной этого некоторые авторы¹ называют личное вмешательство Ю.В. Андропова, уверившего Л.И. Брежнева и Н.М. Тараки, что ко времени прибытия лидера НДПА в Кабул Х. Амин будет «нейтрализован». Чего на самом деле в последующем не произошло.

Уже по ходу событий этого переворота шифротелеграммой из Москвы для «возможного осуществления операции по Х. Амину» в полную боевую готовность приводились находившиеся в Кабуле бойцы спецотряда КГБ «Зенит». По некоторым сведениям, с такой же целью был приведён в боевую готовность № 1 советский парашютно-десантный батальон 375-го гвардейского парашютно-десантного полка, который находился в то время на аэродроме Баграм. Однако через некоторое время команда на советское вмешательство в тогдашнюю внутреннюю афганскую междоусобицу была отменена.

---

¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 92-93.

Информация к размышлению

Документ №1:

Генеральному секретарю ЦК НДПА,
Председателю Революционного совета и Премьер-Министру
Демократической Республики Афганистан
товарищу Хафизулле Амину

Правительственная телеграмма
от 17 сентября 1979 года

Примите поздравления в связи с избранием Вас Генеральным секретарём ЦК НДПА, Председателем Революционного совета и Премьер-Министром Демократической Республики Афганистан.

Выражаем уверенность в том, что братские отношения между Советским Союзом и революционным Афганистаном будут и впредь успешно развиваться на основе Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, в интересах народов наших стран, на благо мира и прогресса в Азии и во всём мире.

Л. Брежнев,
А. Косыгин

Документ №2:

Генеральному секретарю ЦК КПСС, Председателю
Президиума Верховного Совета СССР товарищу Л. И. Брежневу
Председателю Совета Министров СССР
товарищу А. Н. Косыгину

Правительственная телеграмма
от 21 сентября 1979 года

Дорогие товарищи! Разрешите от всего сердца поблагодарить Вас за Ваши братские поздравления по случаю избрания меня Генеральным секретарём Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана, Председателем Революционного совета и Премьер-Министром Демократической Республики Афганистан...

Х. Амин

Обратим внимание на дату советской правительственной телеграммы – 17 сентября. Получается так, что Политбюро ЦК КПСС во главе с Л.И. Брежневым активно отслеживало складывающуюся в Афганистане обстановку (варианты, как понимаете, были различные). Но, в конце концов, было принято решение заявить (на том этапе) о легитимности смены власти в НДПА и ДРА. В свою очередь Х. Амин позволил себе взять «таймаут» на четыре дня и только потом ответить советским лидерам, что, в общем-то, по тем временам граничило с дерзостью.

Как мы ранее отмечали, в Афганистане после прихода к власти «аминистов» началась откровенная резня сторонников Н.М. Тараки. Несколько министров были убиты прямо в их рабочих кабинетах. Так начинался новый виток кровавого «революционного» беспредела. По стране прокатилась огромная волна репрессий. Тогда в советском посольстве удалось укрыться афганским министрам Асадулле Сарвари, Саиду Мохаммад Гулябзою и М.А. Ватанджару.

Несколько позднее «зенитовцы» проведут уникальную операцию по доставке в СССР «трёх контейнеров с личными вещами советских специалистов...» Точнее, нелегально перевезут в Советский Союз в ящиках-пеналах, специально изготовленных для транспортировки людей на базе КУОС в Балашихе, этих опальных афганских сановников. Успешное проведение данной операции осуществили старший офицер 8-го отдела Управления «С» ПГУ КГБ СССР подполковник В.С. Готов, заместитель командира отряда «Зенит-1» А.И. Долматов, В.Н. Курилов и некоторые другие офицеры госбезопасности.

Кстати сказать, в сентябре Х. Амин частично опубликовал список казнённых «врагов народа» за восемнадцать месяцев, прошедших со времени совершения Саурской (Апрельской) революции 1978 года. Тогда сообщалось лишь о 12 тысячах человек, хотя, по некоторым другим оценкам, реально он достигал 50 тысяч казнённых.

Сразу по возвращении основного состава первой группы стал формироваться состав нового «Зенита» («Зенита-2»). В соответствии с указаниями председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова в него подбирались наиболее опытные и

подготовленные сотрудники из числа командиров оперативно-боевых групп и их заместителей¹, которые ранее успешно прошли обучение на курсах усовершенствования офицерского состава. Затем были проведены непродолжительные дополнительная подготовка и боевое сколачивание личного состава спецотряда.

Параллельно решались вопросы экипировки бойцов этого внештатного подразделения Комитета госбезопасности, снабжения их документами в соответствии с разработанной «легендой» для отправки в Афганистан («охрана советского посольства»). При этом использовалось то обстоятельство, что сам Х. Амин, на которого его соплеменниками было совершено несколько покушений, опасался за свою безопасность и просил советское руководство прислать подготовленных специалистов для охраны первых лиц государства и борьбы с оппозиционным подпольем.

В этой связи напомним, что в первой половине декабря на Хафизулла Амина и его брата Абдуллу, руководившего службой безопасности (в то время она называлась «КАМ») было совершено очередное покушение. Случай вновь сохранил жизнь Х. Амину. Эти события дали повод для новой волны террора со стороны правящего режима. Тогда же генеральный секретарь ЦК НДПА, председатель Революционного Совета ДРА, премьер-министра Афганистана «товарищ» Х. Амин переехал в казавшийся ему более безопасным дворец Тадж-Бек, находившийся на окраине Кабула.

В ноябре – начале декабря значительная часть бойцов «Зенита» («Зенита-2») передислоцировалась в Кабул и Баграм, где комитетчиками проводилось изучение местности и обстановки. При этом изучались конкретные военные и государственные объекты, ставшие в последующем объектами захвата, уничтожения, повреждения для советского спецназа и частей ВДВ. Составлялись маршруты движения к тем или иным зданиям, сооружениям и учреждениям, изучались система их охраны и состав сил обороны. Для чего привлекались возможности не только визуальной разведки, но и сведения, полученные от советских советников и специалистов, иных

¹ В данном случае имеются в виду диверсионно-разведывательные группы в штатах ОБОН по военному времени.

достоверных источников. Командовал в то время «Зенитом» офицер 8-го отдела Управления «С» ПГУ КГБ СССР полковник Алексей Константинович Поляков.

В первой половине декабря одна часть «зенитовцев» находилась в Кабуле, где разместилась в школе советского посольства и на виллах представительства КГБ СССР. Другая их часть под видом «группы инженерно-технической поддержки» 154-го ооСпН была доставлена в расположение военной авиабазы Баграм. Там офицеры госбезопасности разместились в палатках «мусульманского» батальона ГРУ. Так состоялось первое знакомство бойцов спецназа КГБ с их коллегами из спецназа ГРУ Генштаба.

4. Спецформирование КГБ СССР «Гром»

При проведении 27 декабря 1979 года государственного переворота в Кабуле силы спецназа госбезопасности СССР были представлены не только отрядом «Зенит», находившемся в ведении управления «С» (агентурная разведка) ПГУ (внешняя разведка) КГБ, но и бойцами в то время совершенно секретной группы СпН госбезопасности «А». Главным предназначением этого формирования госбезопасности было противодействие терроризму и организованной преступности в их экстремальных проявлениях.

Тогда, в декабре 1979 года, бойцам антитеррористической группы «А», составившим внештатное формирование КГБ «Гром», пришлось выполнять на афганской земле не совсем свойственные им задачи. В данном случае имеется в виду: во-первых, обеспечение личной безопасности группы лидеров афганской оппозиции из НДПА во главе с Бабраком Кармалем, и, во-вторых, участие в ряде спецмероприятий по осуществлению государственного переворота в ДРА, захвату дворца Тадж-Бек и физической ликвидации диктатора Хафизуллы Амина.

Ещё до участия в проведении операции «Шторм» в Кабуле сотрудники группы специального назначения КГБ СССР «А» получили определённый оперативно-боевой опыт. Тем не менее каких-либо «громких» дел в её историческом формуляре тогда не имелось.

Первое знакомство сотрудников КГБ из группы специального назначения «А» с Афганистаном произошло в марте 1979 года. Тогда офицеры спецназа госбезопасности прибыли в афганскую столицу для оказания помощи в проведении антитеррористических мероприятий и усиления охраны советского посольства, а также ряда других советских представительств. Это произошло после убийства 1 марта членами террористической группы «Национальный гнёт» американского посла Адольфа Даббса.

В той непродолжительной командировке в числе сотрудников группы «А» был и будущий активный участник штурма дворца Тадж-Бек в составе спецподразделения «Гром» майор госбезопасности Николай Васильевич Берлёв. Только тогда, в марте 1979 года, Н.В. Берлёв будет обеспечивать безопасность советского посла Александра Михайловича Пузанова во время его встреч с «товарищем» Хафизуллою Амином. А 27 декабря этого же года одним из первых он опознает труп бывшего диктатора.

Первая встреча с опальными руководителями ДРА восьмерых бойцов группы «А», которыми командовал Валентин Иванович Шергин, состоялась в начале декабря 1979 года на одной из подмосковных дач, находившейся в ведении ПГУ КГБ СССР. Тогда спецназовцам представили Бабрака Кармаля как одного из создателей НДПА и к тому времени уже бывшего посла ДРА в Чехословакии. Познакомили их и с его сподвижниками Нур Ахмад Нуром, Мохаммадом Аслам Ватанджаром и Анахитой Ратебзад, единственной женщиной среди присутствовавших на этой встрече.

Информация для размышления

Из биографии

генерального секретаря ЦК НДПА, председателя
Революционного совета и премьер-министра ДРА
Кармаля Бабрака

Родился в 1929 году (по некоторым другим данным, в 1928 году. — *Примеч. В.К.*) в селении Баграми возле Кабула. По происхождению пуштун (точнее, по отцу, мать же его была таджичкой). Воспитывался в семье высокопоставленного

военного. Его отец генерал-полковник Мохаммад Хусейн-хан командовал армейским корпусом, был генерал-губернатором и возглавлял финансовое управление Министерства национальной обороны Афганистана. Накануне свержения шахского режима М. Хусейн-хан ушёл в отставку, однако во время правления М. Дауда вновь был призван на службу, командовал 17-й пехотной дивизией и являлся губернатором Герата.

В 1948 году Бабрак Кармаль окончил Кабульский лицей «Неджат», а в 1952 году – юридический факультет Кабульского университета. Был одним из организаторов афганского студенческого движения, за что подвергался преследованиям, около трёх лет находился в тюремном заключении. В 1957-1959 годах он проходил службу в вооружённых силах Афганистана, а в 1960-1964 годах работал в министерстве просвещения и планирования.

До свержения шахского режима в 1973 году дважды избирался депутатом афганского парламента от Кабула (в 1965 и 1969 гг.). В январе 1965 года стал одним из основателей НДПА и секретарём её ЦК. После раскола партии (1967 г.) возглавил фракцию «Парчам», являвшуюся фактически самостоятельной партией. После объединения партии (1977 г.) был избран заместителем генерального секретаря ЦК НДПА.

После Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года назначается заместителем председателя Революционного совета и заместителем премьер-министра ДРА. В мае 1978 года после начавшегося периода репрессий и отстранения от власти «парчамистов» был направлен послом ДРА в ЧССР. В августе 1978 года снят со всех государственных должностей.

Опасаясь физической расправы, остался в эмиграции. В последующем из ЧССР переправлен в Советский Союз. После государственного переворота 27 декабря 1979 года был объявлен генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА. Активно способствовал втягиванию частей экспедиционного контингента советских войск в междоусобную гражданскую войну в Афганистане. С мая 1986 года в отставке. Умер в Москве (первая Градская больница).

Из биографии

Ватанджара Мохаммада Аслама

Родился в 1946 году в провинции Пактия. По происхождению пуштун из племени гильзаев. В 1959 году поступил в Кабульский военный лицей, который окончил в 1965 году. В 1968 году успешно завершил учёбу в Кабульском высшем военном училище. Службу проходил в 4-й танковой бригаде (г. Кабул) на различных должностях командного состава. Член НДПА с 1973 года, состоял в военной организации «Хальк». За активное участие в военном перевороте 1973 года, в результате которого к власти в Афганистане пришёл двоюродный брат М. Захир Шаха принц Мохаммад Дауд, ему досрочно было присвоено воинское звание «старший капитан», в последующем он был назначен на должность командира первого батальона 4-й танковой бригады.

Активный участник Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года, деятельный сподвижник и ярый приверженец Н.М. Тараки. В первом правительстве, сформированном после апрельского (1978 года) переворота, занимал должности заместителя премьер-министра и отраслевого министра. После смещения Тараки со всех партийно-государственных постов, опасаясь репрессий, укрылся в советском посольстве в Кабуле, ушёл на нелегальное положение и был тайно вывезен бойцами спецотряда КГБ «Зенит-1» из ДРА в Советский Союз.

Во время событий 27 декабря 1979 года совместно с десантниками и «зенитовцами» принимал участие в захвате Кабульского телерадиоцентра.

Из биографии

Нур Ахмад Нура

Видный член НДПА (секретарь ЦК НДПА) и активный участник Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года в Афганистане. Профессиональное образование получил в СССР. Деятельный сподвижник и ярый сторонник Н.М. Тараки.

После смещения Тараки со всех партийно-государственных постов и его убийства, опасаясь репрессий, ушёл на нелегальное положение, в последующем эмигрировал в Советский Союз. Во время событий 27 декабря 1979 года совместно с десантниками, «зенитовцами» и советскими советниками принимал участие в захвате здания Царандоя (МВД ДРА).

Из биографии
Ратезбад Анахиты

Первая в истории Афганистана женщина-врач. Происходила из богатой семьи, получила хорошее образование. Активная участница общественной жизни страны и депутат парламента. Во время событий 27 декабря 1979 года находилась вместе с Бабраком Кармалем, на протяжении всей своей политической карьеры была его ярым приверженцем и преданным другом.

Таковой она останется и после освобождения Кармаля со всех партийно-государственных постов. Была министром культуры ДРА, инициатором создания и руководителем Демократической организации женщин Афганистана (ДОЖА).

После этого на подчинённых В.И. Шергина была возложена задача по обеспечению безопасности бывших афганских министров, теперь в одночасье ставших представителями «здоровых сил внутренней оппозиции ДРА». Представитель руководства внешней разведки КГБ, прибывший на подмосковную дачу, коротко объяснил офицерам группы «А» их задачу: не просто обеспечить безопасность афганских товарищей, а сделать это любой ценой, охранять и оберегать их днём и ночью.

После чего специальным авиарейсом спецназовцев с опальными афганскими министрами доставили в Ташкент, где в роскошном дворце первого секретаря ЦК компартии Узбекистана Рашидова они провели двое суток. А далее был перелёт через советско-афганскую границу в Баграм.

Здесь на окраине аэродрома афганские заговорщики и их советские телохранители разместились в одном из капониров, предназначенных для укрытия самолётов. Их безопасность на внешних подступах обеспечивали советские десантники батальона 345-го гвардейского парашютно-десантного полка и разведчики 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ ГШ.

5. Сверим время прибытия

Как отмечалось ранее, в первой половине декабря 1979 года 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ ГШ уже находился в Афганистане, где был сосредоточен на авиабазе Баграм. Однако относительно точных сроков прибытия «мусульманского» батальона на территорию ДРА имеется довольно много разночтений. Вопрос этот как бы незначителен. Но таковым он является только на первый взгляд. На самом деле при ближайшем рассмотрении этой проблемы выявляется ряд интересных подробностей, которые в дальнейшем помогут составить более чёткое представление о том, как советским руководством готовился и осуществлялся государственный переворот в ДРА.

Из анализа содержания официальных документов следует вывод, что решение о передислокации «мусульманского» батальона из СССР в ДРА принималось Политбюро ЦК КПСС в первой декаде декабря 1979 года (4–6 декабря.). После чего незамедлительно последовал перелёт 154-го ооспН в ДРА. Это, на первый взгляд, представляется ясным и очевидным. Но давайте не будем торопиться и попытаемся более детально разобраться в этом вопросе.

О том, как, когда и каким образом «мусульманский» батальон пересёк советско-афганскую границу, существует несколько версий. Все они существенно разнятся между собой. Любопытно, что, рассуждая о времени прибытия 154-го ооспН на авиабазу Баграм, отдельные авторы порой высказывают на этот счёт по две взаимоисключающие версии. При этом для «обоснования» того или иного утверждения ими выдвигаются, на первый взгляд, вполне приемлемые доводы. Однако при ближайшем рассмотрении подобного рода версий и гипотез они, как правило, не выдерживают критики.

Сначала несколько слов о тех публикациях, в которых понимание данной проблемы выводится на основе официальных документов ЦК КПСС. Так бывший советский военный советник в ДРА полковник В.И. Аблазов в этой связи утверждает следующее: «08.12.1979. Вечером потребовали сдать

в секретную часть все документы («мусульманского» батальона. – *Примеч. В.К.*), на технике спешно снимались и закрашивались номера. У офицеров оставались только личные знаки (алюминиевые жетоны с номером). 9-го и 12 декабря 1979 года двумя рейсами, спокойно, без стрельбы и захвата плацдармов, батальон перелетел в Баграм к нашим десанникам. Здесь батальон переодели в афганскую форму и приказали ждать команды. Задача поставлена не была. Только несколько человек в Москве знали её: 16 декабря, в день покушения на Амина, в случае его удачного исхода, батальоны ВДВ и ГРУ – единственные подразделения, которые должны обеспечить стабильность обстановки в Афганистане... Перед самым вылетом в Афганистан к «мусульманскому» батальону присоединилась группа полковника Бояринова, состоявшая из представителей КГБ. Общая численность бывшего (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) сводного отряда составила более 550 человек»¹.

Данную версию фактически слово в слово повторяет Г.П. Корж на страницах книги «Афганистанское досье: Война СССР в Афганистане». Здесь он пишет: «8 декабря внезапно потребовали сдать в секретную часть все документы, на технике («мусульманского» батальона. – *Примеч. В.К.*) спешно снимали и закрашивали номера. У офицеров оставались только жетоны с номерами. 9-го и 12 декабря 1979 года двумя рейсами батальон перелетел в Баграм. Здесь ребят переодели в афганскую форму и приказали ждать команды. Перед самым вылетом в Афганистан к «мусульманскому» батальону присоединилась группа полковника Бояринова, состоявшая из представителей КГБ. Общая численность бывшего (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) сводного отряда составила более 550 человек. Поначалу предстояло действовать 16 декабря. На этот день было намечено покушение на Амина. В случае удачи оба батальона должны были обеспечить стабильность обстановки в Афганистане. Но покушение оказалось неудачным»².

Однако далее по тексту этот автор приводит информацию, совершенно противоположного порядка: «28 июня 1979 года – спецотряд КГБ СССР направлен в Кабул, спецотряд ГРУ

1 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 166.

2 Корж Г.П. Указ. соч. – С. 450.

Генштаба – в Баграм»¹. А далее, через одну страницу, Г.П. Корж вновь возвращается к прежней точке зрения: «9-го и 12 декабря 1979 года – прибытие в Афганистан «мусульманского» батальона»².

В связи с «опечатками» (?..) и определёнными несуразностями, содержащимися в тексте книги Г.П. Коржа, заметим следующее. Вполне вероятно, они проистекают от простого незнания господином «журналистом и дипломатом» военной терминологии. Ведь «спецотряд ГРУ Генштаба» и «мусульманский» батальон – это лишь два разных наименования одной и той же воинской части. А у Г.П. Коржа речь идёт о двух разных войсковых формированиях армейского спецназа, прибывших на афганскую авиабазу Баграм. Но не мог же 154-й ооСпН, то есть «спецотряд ГРУ Генштаба», или, другими словами, «мусульманский» батальон («мусбат»), прибыть в Афганистан дважды. Притом прибыть в сроки, которые по времени весьма удалены друг от друга («28 июня 1979 года» и соответственно «9-го и 12 декабря» того же года).

Если даже теоретически допустить июньский прилёт «мусбата» в ДРА, как уверяет нас в этом Г.П. Корж, выходит, он должен был в последующем вернуться на территорию СССР, хотя бы для «второго пришествия...» Но об этом автор ничего не сообщает. Поэтому данная версия (точнее, авторская «доработка» Г.П. Коржом предположения В.И. Аблазова) о прибытии 154-го отряда специального назначения ГРУ ГШ в июне 1979 года не выдерживает критики. Примерно то же можно сказать и о заявлении Г.П. Коржа относительно «неудачного покушения» на Х. Амина 16 декабря 1979 года. Вполне вероятно, что оно готовилось, однако из данного факта нельзя делать вывод о том, что попытка покушения в действительности имела место, но была «неудачной».

Другое мнение о времени передислокации на территорию ДРА 154-го ооСпН ГРУ ГШ в книге «Трагедия и доблесть Афгана» высказал генерал-майор А.А. Ляховский. Первоначально он сделал предположение о том, что с аэродромов Чирчик и Ташкент самолётами ВТА «мусульманский»

1 Корж Г.П. Указ. соч. – С. 551.

2 Там же. - С. 552.

батальон был переправлен на территорию Афганистана 10–12 ноября 1979 года¹. Данное утверждение А.А. Ляховский сопроводил небольшой репликой о том, что «в течение месяца (то есть, по крайней мере, до 13 декабря 1979 года. – *Примеч. В.К.*) спецназовцы занимались боевой и специальной подготовкой на аэродроме и готовились к выдвигению в Кабул»².

В книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков» также говорится о переброске «мусульманского» батальона в ДРА по воздуху 10–12 ноября³. Однако, вероятнее всего, в данном случае версия А.А. Ляховского просто-напросто дублируется авторами и берётся ими на веру.

Впрочем, сам А.А. Ляховский немного далее по тексту своей книги пишет нечто противоположное: «По поручению советского руководства посол Табеев проинформировал Х. Амина об удовлетворении его просьбы о направлении двух батальонов для усиления охраны резиденции главы государства и аэродрома Баграм. Эти подразделения в ДРА были переброшены 3-го и 14 декабря (*курсив. – В.К.*). С одним из них нелегально прибыл Б. Кармаль, который находился в Баграме под охраной сотрудников КГБ СССР среди советских солдат и офицеров. Примерно в это же время переправили и «четвёрку» сподвижников бывшего Генсека НДПА, которые укрылись в Кабуле у своих сторонников. Одновременно Х. Амину сообщалось, что советское руководство удовлетворило его просьбу и готово принять его в Москве с официальным дружественным визитом»⁴.

Первоначальная информация А.А. Ляховского о прибытии «мусульманского» батальона спецназа ГРУ на территорию ДРА 10–12 ноября 1979 года, шедшая вразрез со сроками из официальных протоколов Политбюро ЦК КПСС, в начале была отнесена на счёт неких досадных опечаток. Однако в дальнейшем нечто подобное было обнаружено в мемуарных

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 107.

2 Там же.

3 Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Указ. соч. – С. 3.

4 А. А. Ляховский А.А. Трагедия идоблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 108.

записках генерал-майора В.В. Колесника, непосредственно готовившего 154-й отряд специального назначения к отправке на территорию Афганистана.

В своих воспоминаниях Василий Васильевич писал, что личный состав, техника, вооружение, предметы материального обеспечения, включая дрова, а также другое имущество «мусульманского» батальона самолётами военно-транспортной авиации были доставлены в ДРА 19-20 ноября (*курсив. — В.К.*)¹. При этом тяжёлая техника перевозилась на самолётах «Ан-22», «Антей», а личный состав и имущество — «Ан-12». Эта операция, по словам В.В. Колесника, заняла около суток, в дальнейшем отряд оставался в Баграме почти месяц для адаптации к новым условиям².

Однако заместитель генерал-майора В.В. Колесника по руководству операцией «Шторм» полковник ГРУ Генштаба О.У. Швец в своих воспоминаниях пишет, что по времени переброска из Союза в ДРА «мусульманского» батальона была осуществлена «9-го и 12 декабря рейсами военно-транспортной авиации»³.

Так какие же сведения В.И. Аблазова (Г.П. Коржа), А.А. Ляховского (В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко), В.В. Колесника или О.У. Швеца соответствуют действительности? Перед нами вырисовывается довольно странная картина: с одной стороны, выходит, что переброска 154-го ооСПН на авиабазу Баграм была осуществлена задолго до того, как Политбюро ЦК КПСС приняло соответствующие решения по данному вопросу. А с другой стороны, в соответствии с этими решениями.

Очевидно, что подобные «нестыковки» в хронологии событий, выстроенной в соответствии с текстом официальных документов Политбюро ЦК КПСС и заявлениями ряда авторитетных авторов, у любого мало-мальски добросовестного исследователя должны вызвать сомнения. Вместе с тем относительно дат, указанных в документах ЦК КПСС, А.А. Ляховский как бы мимоходом заметил, что «официально задним числом, 6 декабря, оформили эту акцию»⁴.

1 Колесник В.В. Как был взят дворец Амина. В книге: Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 3-е изд. — М.: SPSL «Русская панорама», 2002. С. 102.

2 Колесник В. В. «Шторм» в Кабуле». — Указ. альбом «Спецназ». — С. 41-42.

3 Швец О.У. Друг не умирает. В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ. — М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 190.

4 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. — М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 107.

Конечно, все эти гипотезы требуют дополнительного уточнения. При этом не факт, что архивные документы в данном вопросе расставят все точки над «i». Тем более что представленные ранее суждения относительно времени прибытия 154-го ооСпН в ДРА не являются исчерпывающими в общем потоке разнообразных версий. Впрочем, с одной из них читателя, пожалуй, стоит ознакомить отдельно. Речь идёт о точке зрения бывшего командира роты «мусульманского» батальона, ныне полковника запаса В.С. Шарипова.

В статье «Операция «Штурм», подготовленной совместно с военным журналистом П. Лёгким и опубликованной в белорусском журнале «Армия», он довольно подробно поведал о своём видении минувших событий. Здесь он в частности рассказывает, как в ноябре 1979 года убыл в очередной отпуск, из которого вскоре был отозван в часть срочной телеграммой командира 15-й обрСпН полковника А.А. Овчарова. По прибытию в Чирчик В.С. Шарипов вместе с представителем особого отдела КГБ при «мусбате» старшим лейтенантом Байхамбаевым по экстренному вызову явился в кабинет комбрига. Здесь кроме хозяина апартаментов, начальника штаба 15-й обрСпН, комбата Х.Т. Холбаева и начальника штаба 154-го ооСпН капитана Н. Ашурова присутствовали три человека в «гражданке». В ходе состоявшегося совещания был согласован список из двадцати солдат и сержантов первой роты «мусульманского» батальона, который тут же был продиктован по засекреченной линии связи в Москву.

При составлении этого списка сразу исключили пулемётчиков и членов экипажей боевых машин пехоты. После этого ротному В.С. Шарипову и «особисту» Байхамбаеву было поручено снять с боеукладок, уложенных в БМП роты (в этот период боевые машины находились прямо на территории бригады. – *Примеч. В.К.*), по три комплекта боеприпасов на двадцать единиц стрелкового оружия.

Так была сформирована команда «мусбата» под командованием заместителя командира отряда капитана М.Т. Сахатова, которая 5 ноября убыла в Афганистан на авиабазу Баграм для установки палаточного городка и решения ряда других, прежде всего хозяйственных вопросов. Однако В.С. Шарипов не уточняет, входили в эту команду солдаты и сержанты из других подразделений 154-го ооСпН. А ведь это было

обычной армейской практикой того времени, когда от всех рот выделялись люди для проведения хозяйственных работ в интересах своих подразделений. Перед непосредственной отправкой в ДРА личный состав «мусульманского» батальона был переодет в солдатскую полевую форму, это касалось и офицеров.

Сержантам было установлено ношение в качестве знаков различия жёлтых нашивок на погонах, а для офицеров – красных. При этом погоны «ефрейтора с красной лычкой» означали, что их обладатель на самом деле является лейтенантом. Соответственно такого рода «младший сержант» был в действительности старшим лейтенантом, «сержант» – капитаном, «старший сержант» – майором. А комбата Х.Т. Холбаева таким способом «произвели» в «старшины». Через несколько дней после отлёта команды капитана М.Т. Сахатова, как об этом писал В.С. Шарипов, началась отправка в Афганистан основных сил 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба¹.

Очевидно, эти сведения В.С. Шарипова требуют дополнительного изучения. Однако точка зрения, высказанная им, представляется значительный интерес. В связи с чем можно сделать предположение, что разночтения во времени прибытия «мусульманского» батальона в ДРА возникли из-за «поэтапности» данного перемещения. Или точнее, из-за ноябрьской отправки в Баграм команды 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ под командованием капитана М.Т. Сахатова. Как бы там ни было, но на авиационной базе Баграм «мусбат» был достаточно продолжительное время, чтобы иметь возможность для адаптации к местным климатическим, бытовым и другим условиям, а также для занятий по боевой и специальной подготовке. В то время техника «мусульманского» батальона приводилась в порядок и готовилась к переброске в Кабул для «усиления охранной главы ДРА».

Здесь же, со временем, «под видом группы инженерно-технической поддержки» разместились часть «зенитовцев». А группа «громовцев» доставила сюда и укрыла в одном из капониров для авиационной техники лидеров афганской оппозиции от НДПА во главе с Бабраком Кармалем.

1 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – В указ. книге. – С. 116-117.

При этом обратим внимание ещё на одну деталь, которая в будущем не должна выйти из поля нашего зрения. Никто из непосредственных очевидцев событий 27 декабря 1979 года, в том числе В.В. Колесник, О.У. Швец и В.С. Шарипов, в своих мемуарных записках даже не обмолвились о том, что якобы 16 декабря состоялось некое неудачное покушение на Х. Амина. Об этом, как о свершившемся факте, утверждали лишь В.И. Аблазов и Г.П. Корж. В дальнейшем мы попытаемся более подробно разобраться и в этом вопросе.

Представить прибытие в Афганистан бойцов отрядов спецназа КГБ СССР «Гром» и «Зенит» одним, двумя или даже тремя авиарейсами весьма и весьма проблематично. Очевидно, офицеры этих спецформирований прибывали на территорию ДРА различными путями и в различные сроки. Вполне вероятно, что некоторые из них находились в Кабуле ещё за один или два месяца до дня штурма дворца Х. Амина, может быть, и более того.

Высказанные в этой связи гипотезы (В.И. Аблазов, Г.П. Корж и другие) о прибытии в ДРА «зенитовцев» представляются маловероятными. Напомним, что в книгах данных авторов утверждается о присоединении «группы полковника Бояринова» к «мусульманскому» батальону перед самым вылетом в Афганистан (9-го и 12 декабря) и об отправке сводного отряда на авиабазу Баграм «*двумя рейсами*».

Что в этой связи говорить о профессиональных авиаторах, коли и обычному человеку весьма сложно представить подобную картину? Ведь не возможно «двумя рейсами, спокойно, без стрельбы и захвата плацдармов» перевезти более пятидесяти различных бронеобъектов, несколько десятков единиц другой техники, массу различного имущества, да и личного состава более шести сотен человек («мусбат» вместе с «группой полковника Бояринова». – *Примеч. В.К.*). Если даже теоретически предположить о наличии в советской военно-транспортной авиации таких образцов сверхмощной техники, возникает вопрос о целесообразности проведения подобной операции. Ведь после технических выкладок наступает черёд элементарной логики, которая должна быть присуща любому мало-мальски образованному военному руководителю.

А этот руководитель обязан был оценить возможность возникновения разного рода случайностей в ходе перелёта.

Он не должен сбрасывать со счетов санкционированный или несанкционированный огонь афганских средств противовоздушной обороны по этим «двум самолётам», возможный отказ авиационной техники, метеорологические сюрпризы и иные форсмажорные обстоятельства, не исключая возможных погрешностей пилотирования. Здравое оценив все эти обстоятельства, руководитель операции был должен отказаться от подобных планов доставки в Афганистан «мусбата» и «Зенита», ведь предполагаемых случайностей в данном случае хватало с излишком. А рисковал наш начальник неисполнением приказа командования и решения Политбюро ЦК КПСС, значит, рисковал всем – карьерой, партийным билетом, своей жизнью, судьбой родных и близких. Впрочем, рисковал он ещё и жизнями людей, но это уже, как говорится, лирика.

Давайте теперь вернёмся к вопросу о прибытии на территорию ДРА офицеров спецназа КГБ. По этому поводу также имеются различные, противоречивые мнения. Так, например, генерал-майор А.А. Ляховский в своё время сообщал: «14 декабря... в Кабул прибыли две специальные группы КГБ СССР по 30 человек каждая (в Афганистане они назывались «Гром», в которую входили классные спортсмены, и «Зенит» – в ней были спецназовцы из балашихинской школы. В Центре названия у них были другие). Административно эти группы относились к внешней разведке и готовились для осуществления террористических актов в случае необходимости за пределами Советского Союза»¹.

Относительно последнего замечания А.А. Ляховского по принадлежности прибывших в Афганистан формирований спецназа Комитета госбезопасности уточним ещё раз. Внеструктурный отряд «Гром», состоял в основном из офицеров штатной группы специального назначения КГБ СССР «А», нацеленной на проведение антитеррористических операций. А к ПГУ (внешней разведке) КГБ СССР относился только внеструктурный (внештатный) спецотряд «Зенит». Именно его бойцы нацеливались на проведение диверсионно-разведывательных мероприятий за рубежом.

---

¹ Ляховский А. А. Трагедия идоблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 131.

Данные мероприятия, как ранее сообщалось, должны были осуществляться этим формированием лишь в особый период (предвоенный) и военное время, но А.А. Ляховский пишет «в случае необходимости» и, очевидно, данной репликой вносит определённую точность в официальные формулировки. И поправлять здесь Александра Антоновича вряд ли стоит, ведь так оно и получилось в дальнейшем на практике – «по необходимости...» Разворачивать детально указанный тезис не будем: об этом ещё пойдёт речь. Вместе с тем возьмём на заметку указанную генерал-майором А.А. Ляховским дату прибытия «Зенита» и «Грома» – 14 декабря 1979 года.

В этой связи бывший «зенитовец» В. Федоренко в последующем вспоминал: «После непродолжительной подготовки на личном самолёте Ю.В. Андропова мы вылетели в Афганистан. Мероприятие по заброске разрабатывалось тщательно, хотя и неразберихи, связанной с секретностью нашей миссии, хватало. В Ташкенте на дозаправке пограничное руководство было шокировано появлением председательского самолёта с непонятными людьми на борту. Но прошёл звонок, и нас приняли на самом высоком уровне.

В Кабуле приземлились к вечеру. Старались не показываться аэродромным служащим. В ГАЗ-66 погрузились быстро. Туда же перенесли ящики с оружием и боеприпасами... Неделю в город не выходили – адаптировались к климату, пище, обстановке. Первое задание было простым: парами по намеченным маршрутам бродили по городу, определяли расположение административных зданий, группировку войск – обстановку в целом. В качестве официальной легенды пребывания в Кабуле использовали то обстоятельство, что сам Амин, опасаясь многочисленных врагов, просил советское руководство прислать на его охрану и для борьбы с подпольем подготовленных людей...

Вскоре мы получили конкретную задачу. Каждой группе был определён объект разведки... 11 декабря «Зенит» вылетел в Баграм. Это в 60 километрах от Кабула. Там находился аэродром, куда из Союза перебрасывался так называемый мусульманский батальон»¹.

Исходя из приведённых воспоминаний В. Федоренко, можно предположить, что автор этих слов был в той группе

1 «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 40-41.

отряда спецназа КГБ «Зенит», которая прибыла на территорию ДРА (предположительно) в конце ноября или в начале декабря 1979 года. Ведь до вылета из Кабула в Баграм (11 декабря) В. Федоренко и его товарищи неделю адаптировались к климату, а в последующем некоторое время ещё были задействованы в ряде разведывательных мероприятий.

Очевидно, эти утверждения сразу ставят под сомнение версию А.А. Ляховского относительно совместного и, если так можно выразиться, разового прилёта «Зенита» и «Грома» в ДРА. Вместе с тем В. Федоренко ничего не сообщает о каких-либо неудачных покушениях на убийство Х. Амина, которые могли бы иметь место 16 декабря. Отмену операции по осуществлению государственного переворота в Кабуле в середине декабря 1979 года он объясняет возможной утечкой информации и усложнением обстановке в Афганистане.

О своём прибытии в ДРА другой бывший «зенитовец» И. Васильев в последующем рассказывал, что утром 2 декабря в территориальное управление КГБ СССР по Омской области пришла шифротелеграмма о срочной отправке в Балашиху спецрезервистов из числа сотрудников-омичей (Иван Песцов, Виктор Ирванев и сам Игорь Васильев). Начиная с сентября, в Афганистане уже находился другой омич и спецрезервист ПГУ КГБ СССР Владимир Иванович Серов. К исходу 3 декабря И. Васильев, В. Ирванев и И. Песцов уже находились на территории КУОС, где в течение нескольких дней были организованы учебные сборы, проведён вводный инструктаж, отработаны документы согласно «легенде».

Тогда же прошло комплектование групп и были решены вопросы экипировки личного состава. Далее последовали перелёт в Кабул и размещение «зенитовцев» на одной из вилл ПГУ КГБ. При этом И. Васильев указал, что в Кабуле их встретили коллеги по спецрезерву внешней разведки Комитета госбезопасности, которые до этого уже находились в Афганистане от месяца до двух и даже более того¹. Относительно декабрьского (середина месяца.) покушения на Хафизулла Амина И. Васильев не сообщает ничего,

1 Подробнее см.: «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 36-39.

по этой же причине в его рассказе нет информации о каком-либо участии в этих возможных событиях спецназа КГБ.

Очевидно, именно к баграмскому периоду пребывания в Афганистане относятся следующие строки самодельного «зенитовского» поэта:

...Оглянись, незнакомый прохожий,
Мне твой взгляд по Баграму знаком.
Мы с тобой с неумытою рожей
У буржуйки сидели вдвоём...

У нас есть определенные основания сделать предположение, что эти слова из бардовской песни того времени принадлежат «оперу из Владивостока» («Саше из Владивостока по прозвищу Малашонок») А.Л. Малашёнку.

Относительно прибытия в Афганистан офицеров Группы специального назначения «А», которым было поручено обеспечить безопасность лидеров афганских оппозиционеров из НДПА во главе с Бабраком Кармалем, мы имеем на сегодняшний день более чёткие данные. Здесь неясностей или дискуссионных моментов значительно меньше. Как мы ранее сообщали, в начале декабря состоялось знакомство восьми сотрудников госбезопасности, которыми руководил В.И. Шергин, с группой афганских оппозиционных лидеров во главе с Бабраком Кармалем. Далее последовал вылет в Ташкент, где афганцы и комитетчики находились около двух суток на личной даче первого секретаря компартии Узбекистана Рашидова.

После этого был вылет в Баграм. Здесь оппозиционеры и их охранники находились непродолжительное время, и (ориентировочно) 14–16 декабря последовал неожиданный вылет на самолёте без опознавательных знаков в Ташкент. Далее афганцы и их телохранители вновь оказались на уже знакомой им даче Рашидова. В последующем часть комитетчиков была отозвана в Москву, а четверо из них остались исполнять прежние обязанности. Возглавил сократившуюся группу охраны Юрий Изотов.

23 декабря Ю. Изотов, а также его товарищи-спецназовцы и афганские подопечные вновь возвратились в ДРА. Тогда совершать посадку на авиабазе Баграм пришлось при

отсутствии сигнальных огней на взлётно-посадочной полосе. Если бы не мастерство советских пилотов, то ещё неизвестно, чем мог закончиться этот вояж в Афганистан. Относительно причин происшедшего высказывались две версии.

Первая из них состоит в том, что афганский начальник авиабазы умышленно отдал приказ о выключении сигнальных огней, поэтому он был тут же задержан группой офицеров «Зенита». Согласно второй версии, которая представляется более достоверной, на взлётно-посадочной полосе произошло несанкционированное повреждение, вследствие чего сигнальные огни временно вышли из строя. Начальник афганского аэропорта, задержанный «зенитовцами» по горячим следам, после выяснения причин возникновения аварии был с извинениями советской стороны освобождён, моральный и физический... ущерб шурави ему компенсировали бутылкой русской водки.

Бабрак Кармаль, провозглашённый небольшой группой оппозиционеров в составе Гулябзоя, Сарвари, Нура, Ватанджара, Анахиты и других партийцев генеральным секретарём ЦК НДПА, находился на авиабазе Баграм вплоть до 27 декабря. После заседания «обновлённого» ЦК НДПА и «подпольного» Революционного совета ДРА, руководителем которого также был объявлен Б. Кармаль, некоторые его сподвижники убыли на различные объекты готовящегося государственного переворота в Кабуле.

6. Первоначальные планы. Прибытие в Кабул. Немного о терминах

Относительно неудавшегося 16 декабря покушения на Х. Амина, о чём писали В.И. Аблазов и Г.П. Корж, каких-либо заслуживающих доверия сведений не имеется. Впрочем, генерал-майор А.А. Ляховский утверждал: «В первой половине декабря (*курсив. – В.К.*) на Генсека НДПА было совершено покушение «недовольными партийцами из оппозиционных фракций». Он был легко ранен, пострадал его племянник Абдулла – шеф службы безопасности»¹. Но эти

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 136.

слова Александра Антоновича относятся к первой половине декабря, а не к 16 числу. Поэтому связывать данные события (реальность одного из которых ставится под сомнение) между собой проблематично, если только не предположить ошибку В.И. Аблазова (и Г.П. Коржа).

Из воспоминаний ряда участников событий следует, что в соответствии с первоначальными планами советского командования «мусульманский» батальон вместе с усиленными его офицерами госбезопасности должен был выдвигаться из Баграма в Кабул и сходу захватить резиденцию афганского диктатора (дворец Арк) и другие важные объекты. Данные действия спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР приурочивались к возможному покушению на Хафизулла Амина, которое предполагалось осуществить «силами внутренней афганской оппозиции».

При таких обстоятельствах «мусульманский» батальон способствовал бы стабилизации обстановки в афганской столице, обеспечивал приход к власти в стране «здоровых патриотических сил» из НДПА и гарантировал безопасность советских граждан в Кабуле. Всю «грязную работу» при этом должны были выполнить сами афганцы, а формирования спецназа ГРУ и КГБ становились как бы подстраховывающей и дополнительной силой, которая обеспечивала исполнение сценария, намеченного в Москве.

В этой связи представляется очевидным, что соответствующие структуры ГРУ Генштаба и КГБ СССР, если не руководили, то, по крайней мере, курировали (по агентурной линии) подготовительные мероприятия афганских оппозиционеров в тот период. Во всяком случае именно к 12 декабря 1979 года 154-го ооСпН, а также часть отрядов «Гром» и «Зенит» были переброшены на территорию ДРА и сосредоточены в Баграме (частично в Кабуле). Однако в последующем все подготовительные мероприятия были свёрнуты. И 14-го или 16 декабря по сигналу тревоги группу оппозиционеров и бойцов группы «А», составлявших их личную охрану, с соблюдением режима строжайшей секретности поместили в транспортный самолёт без опознавательных знаков. Далее был вылет за пределы Афганистана.

Причиной отмены планов данного «внутреннего» переворота в ДРА, очевидно, была невозможность обеспечить его успех незначительными силами советского спецназа и подразделений ВДВ, находившихся в то время в Афганистане. Вполне вероятно, что были опасения по поводу возможной утечки информации о присутствии в Баграме среди советских военнослужащих представителей «будущего афганского народно-демократического правительства». Никто не хотел идти на лишний риск и раскрывать причастность СССР к грядущим событиям. Нужен был стопроцентный результат. А решение о вводе советских войск в ДРА «на основании просьбы афганского правительства о помощи» и «в соответствии с советско-афганским договором» уже было принято Политбюро ЦК КПСС. Войска Среднеазиатского и Туркестанского военных округов начинали свою крупномасштабную мобилизацию, 40-я общевойсковая армия приступила к развёртыванию.

Вопрос о нереализованных планах этой попытки государственного переворота в Афганистане участниками событий 27 декабря 1979 года, а также теми, кто в последующем писал об этом, излагается по-разному. В этой связи М.Е. Болтунов писал, что на 12–14 декабря в Кабуле по решению руководства КПСС и СССР планировалась военная операция, но в последующем она была отменена¹.

Во время одной из встреч автора этих строк с участником штурма Таж-Бек бывшим «зенитовцем» подполковником запаса В.А. Поддубным была внесена некоторая ясность в этот вопрос. Тогда Владимир Алексеевич рассказывал, что личный состав «мусбата» и офицеры «Зенита» даже начали движение из Баграма в сторону Кабула. Однако повалил сильнейший снегопад, делавший проблематичным достижение стоявших целей. Тогда-то и последовала команда «Отбой!». Очевидно, именно об этом говорят слова ещё одной самодеятельной «зенитовской» песни:

---

¹ Болтунов М. Е. Указ. соч. – С. 41.

Над Баграмом солнце ярко засветило,
В печке догорает саксаул.
«Строиться с оружием!» – команда поступила,
В мрачной тьме скрывается Кабул.

Каждому поставлена конкретная задача:
Надо взять объект любой ценой.
Действовать мы будем все по плану, а иначе -
Каждый отвечает головой.

Алкоголь пред боем нам не рассчитали,
На пятнадцать дали лишь пятьсот.
Алкоголь не нужен – без него мы знаем,
Что врага снесём с любых высот.

Сели в бэтэры, вставили запалы,
В это время Борька улетел.
Совещались долго наши генералы,
И «Зенит» остался не у дел.

Только командиры нас в беде не бросят -
Знаем мы, что завтрашний уют
Боеподготовкой, физзарядкой скрасят,
На подъем команду подадут.

Правда, оказалось, дело не в уюте,
Оказалось, просто надо ждать.
Вот накопим силы, нарастет валюта -
И начнем захваты выполнять...

Как писал об этом генерал-майор Ю.И. Дроздов:
«Сотрудники «Зенита» В. Цветков и Ф. Ерохов пристреляли
снайперские винтовки на 450 метров – именно с такого рас-
стояния они намеревались стрелять в афганского лидера.
Выбрав позиции на маршруте обычного следования Амина
в Кабул, они установили дежурство, но помешала усиленная
охрана вдоль всей трассы»¹.

---

¹ Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». С. 107.

В свою очередь бывший командир роты 154-го ооспН В.С. Шарипов вспоминал, что Х. Амина предварительно пытались выманить в расположение «мусульманского» батальона, где под видом демонстрации новых советских образцов вооружения (ПТУРС «Малютка»), с ним якобы мог произойти «несчастный случай». Однако афганский диктатор, сославшись на занятость, уклонился от данной встречи. Таким образом, если сложить воедино все эти утверждения, получается, что на самом деле было только приготовление к покушению на убийство Хафизуллы Амина. Однако самого факта каких-либо конкретных действий («несчастный случай», «неосторожное обращение с оружием», стрельба снайперов) тогда не произошло.

Как бы там ни было, в последующем поступил приказ на выдвижение «мусульманского» батальона в Кабул для «защиты резиденции президента ДРА Х. Амина». С вопросом о времени (дате) начала марша 154-го ооспН на Кабул и его прибытия в район Тадж-Бека неясностей тоже хватает. Так, например, в своих мемуарах «Мы были первыми» офицер госбезопасности из бывшего спецотряда «Зенит» Валерий Курилов вспоминал, что ночному маршу «мусбата» на Кабул непосредственно предшествовало убийство в СССР самолёта, на борту которого находились афганские оппозиционные лидеры¹.

В свою очередь время этого вылета в Советский Союз Б. Кармаля, его ближайших сподвижников и восьми офицеров из состава группы «А» в связи с указанными ранее обстоятельствами совершенно определённо указал военный журналист М.Е. Болтунов – вечер 14 декабря². И если сложить воедино эти два сообщения, получается, что «мусульманский» батальон осуществил марш на Кабул в ночь с 14-го на 15 декабря 1979 года или вскоре после этого.

В своих воспоминаниях «Шторм» в Кабуле» В.В. Колесник сообщает, что 13 декабря командованию 154-го ооспН

---

1 Курилов В.Н. Указ. соч. – С. 236.

2 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 40-41, 87.

поставили задачу на выдвижение в Кабул для «усиления охраны» главы ДРА¹. В последующих воспоминаниях Василий Васильевич перед датой «тринадцатое декабря» добавляет слово – «приблизительно»². С учётом последней поправки В.В. Колесника можно говорить о том, что высказанное ранее предположение о выдвижении 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ в Кабул в ночь с 14 на 15 декабря 1979 года или вскоре после этого, по крайней мере, им не опровергается.

В свою очередь А.А. Ляховский в книге «Трагедия и доблесть Афгана» писал: «С утра 17 декабря располагавшийся в Баграме «мусульманский» батальон тоже начал выдвижение в афганскую столицу. К исходу этого же дня он сосредоточился в районе Дар-уль-Аман»³. Но, как ни странно, с этим авторитетным мнением несколько не состыковываются воспоминания ряда непосредственных участников данных событий, утверждающих, что марш смешанной гусенично-колёсной колонны «мусульманского» батальона был совершён в ночных условиях, а не днём, как пишет об этом А.А. Ляховский. Тем не менее дата, то есть 17 декабря, указанная этим автором, «укладывается» в предположенные нами временные рамки прибытия 154-го ооСпН в Кабул.

Бывший руководитель группы отряда «Зенит», штурмовавшей в последующем дворец Тадж-Бек, Я.Ф. Семёнов в своих воспоминаниях также говорил о выдвижении из Баграма в Кабул «мусульманского» батальона ГРУ ГШ, на бронеемких объектах которого находились и спецназовцы КГБ, 17 декабря⁴. В этой связи несколько иную точку зрения высказывает полковник В.И. Аблазов, который дату прибытия «мусульманского» батальона в Кабул сдвигает по времени ближе к развязке событий. Он утверждает: «20.12.1979. Генерал-лейтенант Гуськов по указанию Генштаба поставил Халбаеву (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) задачу совершить ночной марш

1 Колесник В. В. «Штурм» в Кабуле. – В указ. альбоме. – С. 42.

2 Колесник В. В. Как был взят дворец Амина. – В указ. книге. – С. 102.

3 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 131.

4 См.: Альбом «Вымпел». – С. 40; «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 42.

на Кабул за 2 часа (80 км). Однако майор Халбаев привёл колонну в Кабул только через четыре часа: пыль, темнота, чередование в колонне колёсных и гусеничных машин. Предварительно Халбаев трижды бывал в Кабуле: представился Главному военному советнику, осмотрел дворец «Дом народов» и другой, на окраине города, Таджикибек (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) («Дворец Амина»). В «Доме народов» он был представлен Амину как командир батальона, который должен его охранять. Амин сказал, что охрана у него своя надёжная. А новый батальон необходимо разместить где-нибудь на окраине Кабула. Батальон расположился в пятистах метрах от дворца Таджикибек»¹. Эти слова В.И. Аблазова вновь слово в слово повторяет господин Г.П. Корж в книге «Афганское досье: Война СССР в Афганистане»².

В этой связи несколько странную, если не сомнительную, точку зрения высказывает бывший «зенитовец» В. Федоренко. А сообщает он о выдвигании в Кабул «зенитовцев» с колонной «мусульманского» батальона на боевых машинах десанта (*курсив. – В.К.*). Но такая техника была на вооружении не в 154-м ооспН, а в парашютно-десантных батальонах 345-го гв. опдп, также временно дислоцированном на авиабазе Баграм. При этом временем данного выдвигания В. Федоренко называет 25 декабря, то есть за два дня до штурма дворца Таж-Бек. Кроме этого он говорит о двухнедельном пребывании группы «зенитовцев» в Баграме, в ходе которых их неоднократно поднимали по тревоге. Сообщает он и о конспиративных встречах Х. Амина в посольстве США, планировании американцами аналогичного переворота в Афганистане и т.п.³. Во что, честно говоря, верится с трудом.

Как бы там ни было, этот марш, во время которого по технической неисправности отстали несколько машин, чуть не стоил командиру 154-го ооспН Хабибу Таджикибаевичу Холбаеву должности. От начальственного гнева главного военного советника генерал-полковника С.К. Магометова комбата спас

1 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 166.

2 Корж Г. П. Указ. соч. – С. 450-451.

3 «Русские коммандос». – 1999, № 1. С. 42.

в ту бытность полковник ГРУ ГШ В.В. Колесник. Впрочем, и само направление в ДРА Василия Васильевича, отвечавшего за подготовку «мусульманского» батальона, некоторые авторы (например, А.А. Ляховский) связывают с имевшими место тогда происшествиями во время выдвижения «мусбата» в Кабул.

По прибытии в район Тадж-Бека «мусульманский» батальон и прибывшие с ним комитетчики расположились в недостроенной казарме одного из батальонов афганской бригады охраны (гвардии). Тогда 154-й ооСпН формально был включён в состав этого соединения и стал подчиняться его командованию. Сразу началась подготовка к ведению активных боевых действий: проверялось вооружение, подгонялось снаряжение, а бойцы «Грома» и «Зенита» вслед за спецназовцами из «мусульманского» батальона переодевались в форму афганской армии.

В книге М.Е. Болтунова приводится такой эпизод, произошедший сразу после прибытия спецподразделений КГБ в расположение 154-го ооСпН спецназа ГРУ: «В казарме как раз командир роты «мусульманского батальона» развод заканчивал. Дав все наставления караулу, советский офицер напутствовал подчинённых: «Аллах с нами!» Караул вышел, а сотрудники группы удивлённо переглядывались. Н-да, верно говорил Фёдор Сухов: «Восток – дело тонкое»¹. Понятно, что подумали многоопытные комитетчики. Но даже они не знали того, как от всего личного состава «мусбата» их «формальными» начальниками и реальными командирами требовалось соблюдение всех мусульманских правил и обычаев. Ведь тот же командир бригады афганской гвардии майор Джандад предъявлял претензии Х.Т. Холбаеву по поводу того, что его бойцы «оправляют в туалете малую нужду» не «по-восточному» (на корточках), а «по-европейски» (стоя). Уж извините за такие подробности.

Между прочим, в последующем среди личного состава Ограниченного контингента советских войск в Афганистане вполне обычным стало шутовское обращение при встречах «Аллах акбар!» И соответствующий этому ответ: «Воистину акбар!»

---

¹ Болтунов М. «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ. М., 1992. С. 55.

О своём прибытии в ДРА генерал-майор В.В. Колесник вспоминал, что 16 декабря ему было приказано убыть из Москвы в Афганистан. В эту командировку он отправился вместе с офицером направления специальной разведки ГРУ Генштаба подполковником Олегом Ульяновичем Швецом, который в дальнейшем станет его заместителем по руководству проведением «Шторма».

17 декабря самолёт с полковником В.В. Колесником и подполковником О.У. Швецом вылетел в направлении афганской границы. По дороге в ДРА они познакомились с генерал-майором Ю.И. Дроздовым и капитаном второго ранга Э.Г. Козловым, которые по линии КГБ СССР также были нацелены на выполнение специального задания в Афганистане. Впрочем, с первого взгляда это были вполне обычные гражданские специалисты, ехавшие в ДРА по делам своих ведомств: военная форма была оставлена ими в Москве. Правда, сами разведчики безошибочно определили, кто из пассажиров военно-транспортного самолёта является коллегой по ратному ремеслу, а кто – экспедитором военторга.

Однако отметим, что О.У. Швец в этой связи называет несколько другие даты: вылет из Москвы – 18-го; прилёт в Баграм – 18-го (поздно ночью); выезд в Кабул – утром 19-го (представление генерал-полковнику С.К. Магометову и резиденту ГРУ в Кабуле В.Г. Печененко); выезд в расположение 154-го ооСпН – утром 20 декабря¹. В связи с чем думается, что здесь особых разночтений нет. Есть уточнение.

21 декабря полковника В.В. Колесника и майора Х.Т. Холбаева вызвали к главному военному советнику СССР в Афганистане, от которого был получен приказ – усилить охрану дворца подразделениями «мусульманского» батальона. Им предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов.

Несколько слов здесь следует сказать и об используемом понятийном аппарате. Очевидно, у внимательного читателя была возможность заметить, что в различных

---

¹ Швец О.У. Друг не умирает. В книге «Батя. Легенда спецназа ГРУ. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 191.

публикациях, посвящённых «Штурму», применяется не всегда однообразная терминология. Причин для этого несколько. Одна из них, наиболее существенная, состоит в том, что до определённого времени, а порой и ныне военно-профессиональный (специальный) понятийный аппарат, использующийся в спецподразделениях КГБ, спецназе ГРУ и других армейских формированиях не всегда аутентичный. И это, даже ничего не говоря о профессиональном сленге и обиходе.

Так, например, строго следуя принятым в то время канонам, бойцов отряда КГБ СССР «Зенит» более правильно следовало бы называть не спецназовцами, а «осназовцами». Ведь по штатам военного времени они состояли в списках отдельной бригады *особого назначения* (курсив. – *В.К.*) КГБ СССР, или, говоря иначе, ОБОН, находившийся в подчинении внешней разведки комитета госбезопасности. И понятие «ОСНАЗ» (применительно к КГБ) означало в тот период диверсионно-разведывательное предназначение. А термин «разведчик специального назначения» («спецназовец»), по свидетельству бывшего начальника Управления «С» (агентурная разведка) ПГУ КГБ СССР генерал-майора Ю.И. Дроздова, был избран здесь только во время создания группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел» (1981 г.)¹.

В свою очередь, понятие «особое назначение», применявшееся для обозначения некоторых армейских частей в системе ГРУ Генштаба ВС СССР, имело совершенно другое содержание: выполнение задач по радиоперехвату (переводу) сообщений противника, передаче информации по засекреченным каналам связи и другое. Также оно относилось и к указанию (обозначению) наименований соответствующих войсковых частей (их личного состава), подчиняющихся ГРУ ГШ, а именно: части «особого назначения» («осназовцы»). С этой точки зрения, в период проведения «Штурма» в Кабуле единственным формированием «СПЕЦНАЗА» в КГБ СССР была группа специального назначения «А», то есть «группа антитеррора» или группа «Альфа» (после событий августа 1991 года.).

---

¹ Подробнее: «Вымпел». Группа специального назначения КГБ СССР. Факты, воспоминания, свидетельства, судьбы... – М.: «АВ-ПРЕСС», 1997. С. 9.

Прибывший в ДРА внеструктурный (внештатный) «Гром», составленный в основном из офицеров группы «А», в одних источниках именуют отрядом, в других – группой. Здесь же напомним, что «громовцы» были ориентированы на выполнение двух задач: во-первых, на участие в штурме дворца Тадж-Бек (более двадцати человек). И, во-вторых, на обеспечение личной безопасности лидеров афганской оппозиции (около десяти человек). При этом до сих пор нет чёткого понимания, для обозначения, кто конкретно состоял в отряде «Гром» – все офицеры группы «А», прибывшие в тот период в ДРА, или только бойцы штурмовой группы, которую некоторые авторы именуют ещё «подгруппой «Грома».

Для того чтобы как-то выйти из этого положения, избежать вполне объяснимой путаницы в терминологии, а также в целях удобства изложения последующего материала, по аналогии обозначения временных диверсионно-разведывательных органов в спецназе ГРУ в дальнейшем под отрядом «Гром» будем понимать совокупность всех сотрудников штатной группы спецназа КГБ «А», выполнявших боевые задачи в ДРА в декабре 1979 года. Соответственно группами отряда «Гром» будем называть два обозначенных ранее его подразделения («штурмовики» и «телохранители»), хотя, конечно, это деление весьма условно. Условно, потому что ряд офицеров «Грома», задействованных в обеспечении личной безопасности афганских оппозиционеров, в последующем принимали активное участие в захвате ряда кабульских стратегических объектов.

Очевидно, также необходимо поступить и в случае с «Зенитом», который к 27 декабря 1979 года насчитывал в своих рядах более ста – ста пятидесяти офицеров, нацеленных на выполнение различных боевых (специальных) задач. Исходя из этого, сам «Зенит» будем считать отрядом специального назначения (спецназа, спецотрядом), его бойцов – спецназовцами. А под его группами станем понимать подразделения, выделенные для осуществления спецмероприятий (штурм, захват, уничтожение) на тех или иных конкретных объектах воздействия в ходе проведения государственного переворота в ДРА.

Несколько ранее говорилось о причинах и истории появления обиходного названия 154-го ооСпН 15-й отдельной бригады спецназа Туркестанского военного округа, который более известен как «мусульманский» батальон или «мусбат». Почему «мусульманский»? Это понятно. Но почему «батальон»? Дело в том, что формируемые в спецназе военной разведки отряды специального назначения («отдельные отряды специального назначения») в основном соответствуют общевойсковым структурам, равным батальону (отдельному батальону). Это в частности относится к их численности и организационной структуре. Но это только одна причина.

Второе, не менее важное здесь обстоятельство, состоит в том, что в спецназе ГРУ ГШ в обиходе было принято наименование «отряд» заменять названием «батальон» в целях сохранения секретности. После введения на территорию Демократической Республики Афганистан отдельных отрядов спецназа, имевших оперативное подчинение ГРУ Генштаба ВС СССР, в вышеуказанных целях их было принято именовать «отдельными мотострелковыми батальонами».

Это было «узаконено» и во внутриотрядной несекретной, и секретной документации. Обозначение реального номера и собственного наименования того или иного отдельного отряда (отдельной роты) специального назначения было допустимо лишь в совершенно секретной документации. Так, при повторном вводе 154-го ооСпН в ДРА в октябре 1981 года он стал называться «первым мотострелковым батальоном» или «первым батальоном спецназа».

Таким образом, подведём некоторые итоги данного раздела, которые состоят в следующем.

Во-первых, к началу лета 1979 года в ДРА находились советские узел связи и транспортная эскадрилья самолётов и вертолётов. В начале июля этого года для обеспечения охраны и обороны смешанной советской авиаэскадрильи на аэродроме Баграм (по согласованию с афганской стороной) «под видом авиационного технического состава» прибыл

парашютно-десантный батальон 345-го гв. опдп. В середине сентября он приводился в полную боевую готовность для обеспечения защиты президента (обиход. – *Примеч. В.К.*) Демократической Республики Афганистан Н.М. Тараки. В ноябре–декабре 1979 года на базе этого батальона в Баграме были сосредоточены 154-й ооСпН, основные силы спецотряда КГБ «Зенит», а также часть «Грома». Здесь также находились афганские оппозиционеры во главе с Б. Кармалем.

Во-вторых, в начале июля 1979 года «под видом обслуживающего персонала посольства» в Афганистан прибыл спецотряд КГБ СССР «Зенит» («Зенит-1»), имевший главной целью обеспечение охраны и безопасности посольства СССР в ДРА. Его численность в руководящих документах ЦК КПСС определялась в 125–150 человек. Во время аминского переворота в ДРА, в сентябре 1979 года, «Зенит» приводился в готовность № 1. Начиная с сентября, стал формироваться второй состав «Зенита», происходила ротация сотрудников спецотряда и его усиление вплоть до начала официального ввода советских войск в ДРА.

В-третьих, первоначальная отправка в ДРА (авиабаза Баграм) 154-го ооСпН ГРУ Генштаба ВС СССР с целью «использования в случае резкого обострения обстановки для охраны и обороны особо важных правительственных объектов» планировалась на начало августа 1979 года. 10 сентября «мусульманский» батальон приводился в полную боевую готовность для обеспечения безопасности Н.М. Тараки. Однако от применения отряда советское руководство тогда воздержалось. В ноябре–декабре 154-й ооСпН был сосредоточен в ДРА на авиабазе Баграм.

В-пятых, к середине декабря в Баграм был передислоцирован второй парашютно-десантный батальон и разведрота 345-го гв. опдп, а также, частично, штаб и управление этого полка во главе с командиром гвардии подполковником Н.И. Сердюковым.

В-четвёртых, до 20 декабря 1979 года «мусульманский» батальон спецназа ГРУ был введён в Кабул. После чего

приступил к обеспечению «охраны и обороны» резиденции главы ДРА Х. Амина, переведённой к тому времени во дворец Тадж-Бек. Формально 154-й ооСПН был включён в состав афганской бригады охраны (гвардии) и поступил под командование её руководства.

В-шестых, для избежания путаницы в терминологии и удобства изложения в дальнейшем повествовании спецформирования КГБ «Гром» и «Зенит» будут называться отрядами спецназа, а их подразделения, действовавшие на тех или иных объектах захвата или выполнявшие иные самостоятельные боевые задачи, – группами, которые в свою очередь делились на подгруппы. Или, говоря иными словами, в отношении обозначения названий внеструктурных (внештатных) спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит» будем придерживаться в основном тех терминов и понятий, которые были приняты в спецназе ГРУ Генштаба ВС СССР для обозначения временных диверсионно-разведывательных органов.

Раздел V:
Ввод ОКСВА и подготовка «Шторма-333»

Большая Медведица

Ночами Большая Медведица
На небе задумчиво светится,
На север укажет звезду..
Да только
    на юг
        я иду.

Кровавая междоусобица
Горит здесь, а мне нужно гробиться?
Зачем накликать мне беду?
Но, коль
    приказали,
        иду.

Позволишь, Большая Медведица,
Ещё на тебя понадеяться?
Укажешь на север звезду? –
Домой я
    однажды
        пойду.

*ДРА (411-й ооСпН) –
Одесса (411-й ОБГ),
1985–1987 годы*

Ввод войск СССР в ДРА и последующее участие советского экспедиционного контингента в гражданской междоусобице в этой стране – это трагическая страница истории народов бывшего Союза и Афганистана. Вряд ли стоит сегодня говорить о том, как это стало возможным без учёта сложившейся к концу 1970-х годов международной обстановки, а также без чёткого представления о военно-политических реалиях холодной войны, проходившей между двумя общественно-экономическими системами, двумя мировыми сверхдержавами. СССР и ДРА, миллионы советских граждан и афганцев, по сути, стали заложниками этого противостояния. Однако в нашем исследовании при описании событий декабря 1979 года будем придерживаться прежде всего военно-профессиональной составляющей этого драматического действия, хотя не дать (даже мельком) общий политический план происходившего вокруг ввода советских войск в Афганистан и штурма дворца Тадж-Бек тоже нельзя.

1. Партийные протоколы и записки

В.Н. Пластун, бывший в 1979 году вторым секретарём посольства СССР в Афганистане, в своей книге «Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики», написанной в соавторстве с В.В. Андриановым и изданной в Москве в 1998 году, утверждает: «Думаю, что принципиальное решение о свержении Амина было принято в руководстве СССР после случайного перехвата закрытого письма ЦК НДПА членам партии, в котором советский посол А.М. Пузанов прямо обвинялся в организации заговора на жизнь Х. Амина. Текст этого письма фактически воспроизводил речь Амина на состоявшемся в сентябре закрытом Пленуме ЦК НДПА, на котором Амин, описав подробности покушения на свою жизнь, потребовал низложения Тараки»¹. Так ли на самом деле всё обстояло или нет – это сегодня вопрос дискуссионный. Во всяком случае, следует признать, что фактов, подтверждающих подобную версию, значительно больше, чем её опровергающих.

---

¹ Пластун В.Н., Андрианов В.В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998. С. 13.

Очевидно, читателю будет небезынтересно узнать, на основании каких решений высшего руководства СССР, а точнее, ЦК КПСС осуществлялись ввод советских войск в ДРА, государственный переворот в Кабуле, миссия в Афганистане «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба и спецгрупп КГБ СССР. Некоторые из них сегодня можно представить читательскому вниманию.

Информация к размышлению

Документ ЦК КПСС
«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

Постановление ЦК КПСС
№176/ 125 от 12 декабря 1979 года
«К положению в «А»

Председательствовал тов. Л.И. Брежнев.

Присутствовали: Сулов М.А., Гришин В.В., Кириленко А.П., Пельше А.Я., Устинов Д.Ф., Черненко К.У., Андропов Ю.В., Громыко А.А., Тихонов Н.А., Пономарёв Б.Н.

1. Одобрить соображения и мероприятия, изложенные тт. Андроповым Ю.В., Устиновым Д.Ф., Громыко А.А.

Разрешить в ходе осуществления этих мероприятий им вносить коррективы непринципиального характера.

Вопросы, требующие решения ЦК, своевременно вносить в Политбюро. Осуществление всех этих мероприятий возложить на тт. Андропова Ю.В., Устинова Д.Ф., Громыко А.А.

2. Поручить тт. Андропову Ю.В., Устинову Д.Ф., Громыко А.А. информировать Политбюро ЦК о ходе выполнения намеченных мероприятий.

Секретарь ЦК Л. Брежнев
№ 997 (1 л.)

Таков официальный текст документа, которым фактически было определено проведение государственного переворота в Афганистане, то есть в «А», и осуществление ввода советских войск на территорию ДРА, завуалированное нейтральным словом «мероприятия».

Обратим здесь внимание читателя на то существенное обстоятельство, что перед нами не решение высшего государственного органа Советского Союза, уполномоченного действовавшим законодательством СССР принимать подобного рода решения. Перед нами всего лишь партийный... протокол, написанный неровным почерком от руки. В этой связи заметим, что решений высших органов государственной власти Союза ССР по вопросам ввода советских войск в Афганистан и осуществлению в ДРА государственного переворота до настоящего времени не опубликовано и (или) не найдено ни одного. К чему следует добавить, что вряд ли это когда-нибудь произойдёт, ведь верхушка СССР и КПСС умела хранить свои тайны.

Хотя, по большому счёту, вся эта сверхсекретность, связанная с вопросами положения в «А», была не более чем проявлением изворотливости, профессиональной чиновничьей боязнью ответственности за содеянное, если не сказать большего. Тем не менее этот протокол «руководящей и направляющей силы советского общества» (так КПСС была провозглашена в СССР конституционно. – *Примеч. В.К.*) чётко определяет «лицо» коллегиального партийного органа, ответственного за ввод советских войск в ДРА. Впрочем, здесь указаны и соответствующие персоналии.

Небезынтересным в этой связи представляется мнение бывшего начальника внешней разведки КГБ СССР генерал-лейтенанта Л.В. Шебаршина: «Секретных документов, освещающих процесс принятия решения о свержении Х. Амина, создание правительства во главе с Б. Кармалем и ввод советских войск в Афганистан, в КГБ не существует. По рассказам моих друзей, немногие документы исполнялись от руки в единственном экземпляре и были уничтожены по личному распоряжению Ю.В. Андропова. Не знаю, чем руководствовался Юрий Владимирович. Возможно, уже тогда он почувствовал, что дело добром не кончится... Историкам афганской военно-политической кампании придётся довольствоваться самым ненадёжным материалом – официальными документами и свидетельствами очевидцев»¹. Что ж, в нашем распоряжении имеются только эти «самые ненадёжные материалы».

1 Шебаршин Л.В. Рука Москвы. – М., 2002. С. 222-223.

Информация к размышлению

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»
ОСОБАЯ ПАПКА

*Из материалов заседания Политбюро ЦК КПСС
«О пропагандистском обеспечении нашей акции
в отношении Афганистана»*

«При освещении в нашей пропагандистской работе – в печати, по телевидению, по радио предпринятой Советским Союзом по просьбе руководства Демократической республики Афганистан акции помощи в отношении внешней агрессии руководство следовать следующим:

...3. Подчёркивать, что в результате актов внешней агрессии, нарастающего вмешательства извне во внутренние афганские дела возникла угроза для завоеваний Апрельской революции, для суверенитета и независимости нового Афганистана. В этих условиях Советский Союз, к которому руководство Демократической Республики Афганистан за последние два года неоднократно обращалось с просьбой о помощи в отражении агрессии, откликнулся положительно на эту просьбу, руководствуясь, в частности, духом и буквой советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве...

5. При освещении изменений в руководстве Афганистана подчёркивать, что это является внутренним делом афганского народа, исходить из заявлений, опубликованных Революционным Советом Афганистана, из выступлений Председателя Революционного Совета Афганистана Кармаля Бабрака.

6. Давать твёрдый и аргументированный отпор любым возможным инсинуациям насчёт якобы советского вмешательства во внутренние афганские дела. Подчёркивать, что СССР не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана...

Протокол № П 177/ 151
от 27 декабря 1979 года»

Исходя из текста процитированного ранее документа Политбюро ЦК КПСС, можно сделать чёткий и однозначный вывод о том, что именно этим высшим органом советского

военно-политического руководства было принято решение о физической ликвидации Хафизуллы Амина и организации государственного переворота в ДРА. Конечно, здесь нет ни одного конкретного указания на данные события. Но перед нами, несомненно, план пропагандистского обеспечения «проводимой акции» в отношении... руководства НДПА и ДРА. Чем была данная «акция», теперь хорошо известно. В этой связи только обратим особое внимание читателя на дату этого документа – 27 декабря...

Кто же мог утром или вечером 27 декабря 1979 года знать о смене в афганском государственном руководстве? О новом генеральном секретаре ЦК НДПА Бабраке Кармале? Смерти (только прогнозируемой или уже состоявшейся) председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина? На что направлено это «пропагандистское обеспечение нашей акции», если не на сокрытие истинного положения дел в «А»? Ведь Советский Союз «не имел и не имеет никакого отношения к изменениям в руководстве Афганистана...»

2. Ввод советских войск в ДРА

Немного забегаая вперёд, уделим определённое внимание вводу советских войск в Афганистан. При этом сразу оговоримся, что описание данных событий будет делаться схематично: так можно более чётко представить общий фон, на котором проходила операция по осуществлению государственного переворота в ДРА и штурму дворца Х. Амина силами спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР с привлечением ряда армейских войсковых формирований. Итак...

13 декабря была сформирована оперативная группа министерства обороны СССР (далее «ОГ МО»), первоначально её работой руководил генерал армии С.Ф. Ахромеев. 14 декабря ОГ МО прибыла в город Термез и приступила к своей деятельности. Несколько позднее её возглавил маршал Советского Союза С.Л. Соколов. Под его непосредственным руководством оперативной группы МО СССР, начиная с середины декабря, ускоренными темпами начал формироваться экспедиционный контингент советских войск для последующего ввода на территорию ДРА. В дальнейшем он, по предложению тогдашнего министра обороны СССР маршала

Советского Союза Д.Ф. Устинова, станет именоваться «ограниченным контингентом советских войск в Афганистане» (ОКСВА). Хотя, конечно, истории до сих пор не известны контингенты войск «неограниченные».

Новый посол СССР в Кабуле Ф.А. Табеев заблаговременно предупредил главу ДРА Хафизулла Амина о принятии высшим руководством КПСС и Советского Союза решения об оказании военной помощи правящему режиму в форме ввода своих войск на территорию Афганистана. Х. Амин как верховный главнокомандующий вооружёнными силами страны дал соответствующие указания генеральному штабу ДРА по обеспечению взаимодействия и оказанию всяческой помощи командованию вводимой группировки советской армии. С этой целью, в частности, только 25 декабря 1979 года командующий 40-й общевойсковой армией генерал-лейтенант Юрий Владимирович Тухаринов, занимавший до этого должность первого заместителя командующего войсками ТуркВО, дважды проводил рабочие встречи в Кундузе с афганским руководством.

В непосредственной близости от границы действия советской стороны согласовывались с начальником оперативного управления генерального штаба ВС ДРА генерал-майором Бабаджаном. Здесь также находился один из близких родственников Хафизулла Амина, являвшийся личным представителем генерального секретаря НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра Афганистана.

23 декабря в Кабул прибыла оперативная группа, которую возглавлял заместитель командующего советских ВДВ генерал-лейтенант Н.Н. Гуськов. Эта группа должна была осуществлять руководство переброской частей воздушно-десантных войск. На неё же возлагалась задача по управлению всеми имеющимися силами советских войск в Кабуле при осуществлении государственного переворота в Афганистане (в зависимости от того или иного варианта действий). Очевидно, что организационное ядро этой ОГ и сам генерал Н.Н. Гуськов находились на территории сопредельного государства значительно раньше указанной даты.

25 декабря состоялось совещание ряда руководителей советнических коллективов в ДРА. Проходило оно на аэродроме Хаджи Раваш. В ходе этого мероприятия были поставлены

задачи по обеспечению спокойствия в вооружённых формированиях кабульского гарнизона, то есть по нейтрализации афганских воинских частей в период ввода советских войск. При этом особое внимание уделялось работе советских военных советников и специалистов в войсках противовоздушной обороны ДРА.

Им ставились задачи не только по проведению «разъяснительной» работы с подсоветными командирами афганских воинских частей, но и по обеспечению прямого контроля над всеми зенитными средствами. В частности отдавались распоряжения по временному выведению некоторых комплексов ПВО с боевого дежурства путём снятия прицелов, замков от артиллерийских систем и так далее. Не были упущены из вида и вопросы контроля над местами хранения боеприпасов от зенитных установок различных систем. С чем, собственно говоря, военные советники и специалисты в дальнейшем без особых затруднений справились. Это обеспечило безопасную и бесперебойную посадку сил советских воздушно-десантных войск в Кабуле и Баграме.

Информация к размышлению

Документ МО СССР
«СЕКРЕТНО»

Главнокомандующему Военно-воздушными силами
Командующему войсками Туркестанского военного округа
Командующему Воздушно-десантными войсками

Копия:

Главнокомандующему Сухопутными войсками
Главнокомандующему войсками ПВО страны
Начальнику Оперативной группы Генерального штаба
(г. Термез)

«Переход и перелёт государственной границы Демократической Республики Афганистан войсками 40-й армии и авиации ВВС начать в 15.00 25 декабря с.г. (время московское).

Д. Устинов
№ 312/1/030
25.12.79 г.»

В соответствии с приказом министра обороны СССР в 15.00 по московскому времени (в 18.00 по местному) 25 декабря 1979 года официально был начат ввод советских войск на территорию ДРА. Он осуществлялся вплоть до конца января 1980 года. В итоге группировка советских войск в ДРА стала состоять из управления и штаба 40-й общевойсковой армии с частями обеспечения и обслуживания, 4 дивизий (трёх мотострелковых и воздушно-десантной), 5 отдельных бригад, 4 отдельных полков, 4 полков боевой авиации, 3 вертолётных полков, 1 бригады материального обеспечения, 1 трубопроводной бригады, ряда других частей и органов военно-административного управления.

В этот период советским войскам под командованием генерал-лейтенанта Ю.В. Тухаринова удалось взять под контроль ряд ключевых районов Афганистана и совместно с армией ДРА обеспечить охрану большинства административных центров (21 провинциального, многих уездных и волостных). Под охраной и обороной ОКСВА и вооружённых сил ДРА стали находиться многие жизненно важные государственные и военные объекты, в том числе аэродромы (Кабул, Баграм, Шинданд, Кандагар, Кундуз, Джелалабад, Гардез, Герат, Файзабад) и основные автомобильные магистрали: Хайратон – Кабул; Кушка – Герат – Кандаган; Кабул – Джелалабад; Пули-Хумри – Кундуз – Файзабад. Под охрану советских воинских частей были взяты и важнейшие народно-хозяйственные объекты советско-афганского сотрудничества (газопромыслы Джаркудук и Шибарган, электростанции Суруби, Наглу, Пули-Хумри, Кабул, туннель на перевале Саланг, заводы в Мазари-Шарифе, Герате и т.д.). Была обеспечена надлежущая защита советских гражданских советников и специалистов, работавших на этих объектах, а также членов из семей.

Отметим, что в совершенно секретной директиве № 312/12/001, подписанной министром обороны СССР Д.Ф. Устиновым и начальником Генерального штаба ВС СССР Н.В. Огарковым, которая была направлена в войска 24 декабря 1979 года, определялись задачи на ввод и размещение советских войск на территории ДРА. Здесь в частности говорилось: «С учётом военно-политической обстановки на Среднем Востоке последнее обращение правительства Афганистана рассмотрено положительно. Принято решение о вводе

некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспреещения возможных антияфганских акций со стороны сопредельных государств...»¹

Однако в этой директиве никаких задач по ведению боевых действий против формирований внутренней афганской оппозиции и тем более отражению возможной «внешней агрессии» не ставилось (?!)... Это обстоятельство свидетельствует о том, что высшим советским руководством, в том числе и военным, первоначально допускался мирный или менее кровопролитный вариант развития данных событий. И, как бы там ни было, факт остаётся фактом – советские войска были введены 25 декабря 1979 года на территорию ДРА, не имея перед собой задач на ведение боевых действий с отрядами вооружённой афганской оппозиции. Эти задачи будут поставлены только 27 декабря 1979 года в директиве № 312/12/002 министра обороны СССР маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова.

Первыми сухопутную границу Афганистана пересекли разведчики 108-й мотострелковой дивизии под командованием генерал-майора Константина Александровича Кузьмина и десантно-штурмовой батальон под командованием капитана Л.В. Хабарова. Частям этой дивизии ставилась задача: войдя форсированным маршем на территорию Афганистана, занять временные пункты дислокации в районах Доши, Пули-Хумри, Кундуз и Тулукан. Однако в ходе марша задача была изменена и к утру 28 декабря 108-я мсд сосредоточилась северо-восточнее Кабула. Очевидно, изменение отданного ранее 108-й мсд приказа было связано со стремлением советского руководства «подстраховать» действия спецназовцев и десантников при осуществлении государственного переворота в афганской столице. Однако, как показали дальнейшие события, в этом необходимости так и не возникло: спецназ ГРУ Генштаба и КГБ СССР, а также десантники со своими задачами справились успешно.

¹ А.А. Ляховский. «Трагедия и доблесть Афгана». – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 134.

Информация к размышлению

Документ ПУ ТуркВО
«СЕКРЕТНО»

Докладная записка Политуправления ТуркВО

«...В населённом пункте Ташкурган воинов дивизии тепло встречали жители, в том числе женщины и дети. Они охотно вступали с ними в разговоры, задавали вопросы, принимали от советских военнослужащих сувениры. В процессе беседы выяснилось, что местное население знало о прибытии советских войск и в целом к нашей братской интернациональной помощи относится положительно. Всего в беседах принимало участие около 300 человек.

26 декабря в городе Пули-Хумри проведён митинг боевого содружества, на котором присутствовали советские воины и воины 10-го пехотного полка 20-й пехотной дивизии ДРА... В своих выступлениях афганские военнослужащие благодарили советских воинов за интернациональную помощь и выражали готовность к сотрудничеству.. Афганские воины скандировали лозунги советско-афганской боевой дружбы...

г. Ташкент,
28 декабря 1979 г.»

В ночь с 27-го на 28 декабря на западном направлении на территорию Афганистана была введена 5-я гвардейская мотострелковая дивизия под командованием гвардии генерал-майора Ю.В. Шаталина. Ранее это соединение было развёрнуто и провело боевое сколачивание в районе Тахта-Базара и Кушки. Части 5-й гв. мсд были выдвинуты и расположились южнее Герата и в Шинданде. В дальнейшем зона ответственности этого соединения была расширена до Кандагара.

Одновременно с начавшимся вводом советских войск через сухопутную границу силами военно-транспортной авиации стала производиться переброска по воздуху личного состава и техники воздушно-десантных войск. В этой операции приняли участие 103-я (Витебская) гвардейская

воздушно-десантная дивизия под командованием гвардии генерал-майора Ивана Фёдоровича Рябченко и 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк гвардии подполковника Н.И. Сердюкова. При этом большая часть 345-го гв. опдп была переброшена в ДРА ещё до начала официального ввода советских войск. Так, в частности, судя по некоторым источникам, второй парашютно-десантный батальон и разведывательная рота этого полка были передислоцированы в ДРА не позднее 14 декабря.

Посадка самолётов ВТА осуществлялась на аэродромах Кабул и Баграм. В этой связи любопытно отметить, что запрета на международные рейсы дано не было. И многие ожидавшие своего вылета из афганской столицы иностранцы на смотровой площадке аэропорта могли наблюдать реальное боевое десантирование посадочным способом частей и подразделений советских ВДВ. В течение 47 часов (первый самолёт приземлился в 16.15 25 декабря, а последний – в 14.30 27 декабря) 343 самолёто-рейсами в Афганистан были доставлены 7700 человек личного состава, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов. Один самолёт Ил-76 ВТА (командир – капитан В.В. Головчин) при заходе на посадку потерпел катастрофу, погибли находившиеся на его борту лётный экипаж и десантники (более сорока человек). Это произошло в условиях плохой видимости, когда в кабульском аэропорту уже темнело.

Следует заметить, что только 26 декабря командованию 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии была конкретизирована задача по действиям в Кабуле. А именно: до 19.30 27 декабря части и подразделения 103-й гв. вдд должны были выдвинуться для «охраны» важнейших военных, административных и специальных объектов афганской столицы (к зданиям генерального штаба, внутренних дел, связи, центрального комитета Народно-демократической партии Афганистана и т.д.). Эти задачи по «охране и обороне» объектов десантниками были незамедлительно выполнены, чем, собственно говоря, и был обеспечен полный контроль советских войск над центрами афганского политического, военного и гражданского руководства страной и её вооружёнными силами.

Как следует из воспоминаний ряда участников тех событий, прибытие советских десантников в Кабул и Баграм, их выдвижение к намеченным целям не осуществлялось «вслепую». В этой связи стоит привести воспоминания бывшего командующего российскими ВДВ генерал-полковника Георгия Ивановича Шпака, который в ту бытность командовал 350-м гвардейским парашютно-десантным полком 103-й гв. вдд. А говорил он о следующем: «Первый раз я пересёк границу Афганистана в сентябре 1979 года в составе группы генералов и офицеров ВДВ, которые прилетели для рекогносцировки предстоящих событий. В течение недели мы изучали ситуацию, маршруты возможного выдвижения. Я убеждён, что эта рекогносцировка во многом предопределила успешные действия советских войск в декабре 1979 года»¹. Получается, что уже в сентябре 1979 года, очевидно, сразу после свержения Н.М. Тараки, стали прорабатываться различные варианты отстранения от власти Хафизуллы Амина. Хотя, конечно, речь тогда могла идти только о вводе советских десантников в Кабул и Баграм без каких-либо силовых акций.

Чтобы читателю можно было представить, как, начиная с 27 декабря 1979 года, в основном происходило блокирование афганских частей советскими воинскими формированиями, а также нейтрализация военными советниками руководства ряда афганских учреждений и организаций, приведу два характерных примера.

Так из рассказа полковника, бывшего в декабре 1979 года советником начальника военного авиационно-ремонтного завода в Баграме, можно узнать следующее: «Нас, советских, было на этом заводе всего двое: я и советник главного инженера. И вот мы по нашим советническим каналам получаем информацию, что наши войска вошли в Афганистан и перед нами ставится задача разоружить личный состав этого завода!!! Да они бы нас голыми руками задушили. Вызываю директора завода, афганского полковника. Объясняю ему – так, мол, и так. Я понимаю, что приказ глупый, но надо что-то делать, как-то выполнять. Смотрю, он потемнел лицом. Но сдержался. Мы с ним в хороших отношениях были,

---

¹ Шпак Г.И. Тогда я был командиром 350-го. – «Солдаты России», февраль 2004. №2. С. 2-3

чисто по-человечески. Он немного подумал, потом сказал: «Ты не вмешивайся, я сам». Собрал своих офицеров, долго о чём-то с жаром спорили, потом все сдали оружие»¹.

Бывший военный советник при 4-й танковой бригаде ВС ДРА полковник В.Г. Салкин так вспоминал о тех событиях: «Вечером, приблизительно в 18.30 (27 декабря 1979 года. – *Примеч. В.К.*), к командиру бригады капитану Ахмаду Джану поступила команда ввести один батальон в город. Я и советник командира бригады полковник Пясецкий в это время постоянно находились рядом с командиром. Тот отдал приказ командиру первого танкового батальона привести батальон в состояние полной боевой готовности, заявив, что приказ о выходе батальона будет отдан позже. Личный состав, получив приказ, буквально ринулся к танкам. Моментально взревели танковые двигатели. Первый батальон был готов к действиям. Пясецкий время от времени смотрел на часы, ожидая новых команд бригаде. В 19.10 Виктор Николаевич сам попросил Ахмада Джана связаться со своим командованием и уточнить указания по выходу батальона в город. Однако командир не смог позвонить из-за отсутствия связи (примерно в 19.15 диверсионно-разведывательной группой КГБ был взорван «колодец связи». – *Примеч. В.К.*).

Убедившись в отсутствии связи, В.Н. Пясецкий посоветовал командиру проконтролировать состояние телефонного провода на территории бригады. Срочно был вызван взвод связи, и солдаты начали тщательно проверять состояние кабеля. На это ушло примерно около 30 минут.

...Неожиданно четыре БМД на полном ходу сбили ворота военного городка и, не снижая скорости, окружили здание штаба бригады. Из первой машины вышел советский капитан. Он вошёл в здание, представился, отозвав в сторону Пясецкого, переговорил с ним, затем достал фляжку со спиртом и предложил выпить. Капитан, обращаясь к командиру бригады, заявил, что в городе беспокойно и выход бригады в город нежелателен. Командир, посоветовавшись, дал команду «отбой» первому батальону...»²

1 Пасько В.В. Ночь забытых песен. – К. – Тернополь: Збруч, 1999. С. 19.

2 А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана». – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 147.

Конечно, не всё 27 декабря 1979 года проходило так гладко, как хотелось. Некоторые объекты, на которые были нацелены советские десантники, приходилось брать с боем. Бывший военный журналист Александр Александрович Колотило со временем так рассказал об одном из подобных эпизодов: «В 1980 году в Афганистане я был старшим лейтенантом, ответственным секретарём редакции газеты 103-й воздушно-десантной дивизии «Гвардеец». Позже исполнял обязанности главного редактора... 103-ю воздушно-десантную дивизию подняли по тревоге поздно вечером 10 декабря 1979 года. Через несколько дней прибыли на аэродромы «подскока». Сеща, Балбасово, Балхаш, Ташкент, Чимкент... Первые дни мы не знали, куда летим: в Афганистан или Иран. А потом мне сказал гвардии полковник Станислав Андреевич Тимошенко: «Выдали карты Кабула». Значит, Афганистан.

Первый эшелон приземлился в Кабуле 25 декабря, последний – 27-го. А вечером захватывали объекты. Для меня афганская «эпопея» началась на аэродроме в Баграме. Со стороны могла показаться красивой картина плавно летящих в ночи трассеров, вспышек и зарева пожара на позиции зенитной батареи, которую атаковали наши ребята. Трудно было поверить, что это не ночные учения с боевой стрельбой, а начало девятилетней войны.

В Баграме всё закончилось минут за 20–30. Батарею и отдельные сопротивляющиеся огневые точки уничтожили, лётчиков захватили и разоружили – ценные специалисты нужны были будущему правительству живыми»¹.

Эти события нашли своё отражение и в самостоятельном творчестве. В частности из песни «Десантникам тревогу объявили» одного из родоначальников этой самобытной военной песенной культуры Юрия Кирсанова можно узнать следующее:

В ту ночь пришёл сигнал в казарму к нам -
Десантникам тревогу объявили.
И нас уже ведут по кораблям,
Маршрут давно на карте проложили.

---

1 Колотило А.А. В перерывах между боями выпускали «Гвардеец». – «Солдаты России», февраль 2004. № 2. С. 4.

Впервые мы не взяли парашют,
Зато рюкзак патронами набили.
Сигнал «Пошёл!», сирену не дают
И рампу для прыжка нам не открыли.

В ночи летит могучий караван,
Поверх людьми и техникой набитый.
Сказали нам — летим в Афганистан
Спасать народ, Амином с толку сбитый.

И шесть часов прошли, как пять минут,
Хотя идём согласно расписанью.
Нас полосы огни к себе зовут,
И караван заходит на посадку.

Нам на раздумье время не дано,
Оружие своё готовим к бою.
Войну видали только лишь в кино,
А здесь придётся жертвовать собою.

Слух режет скрежет танков об асфальт.
В Кабул машины с грохотом ворвались.
Под их напором крошится базальт,
И горы грозным гулом отозвались.

И этот гул пройдёт по всей стране,
Словно сигнал убийцам — трепещите.
Ваш прах осядет пылью на броне,
Пощады у десанта не просите.

И рухнул неприступный бастион,
Где власть держалась прочная веками.
И разлетелся в прах Амина трон
Под русскими гранёными штыками.

Разумеется, приведён здесь текст самодеятельной песни Ю. Кирсанова, написанной вскоре после событий декабря 1979 года, не для того, чтобы оценить его художественные достоинства или недостатки. В контексте нашего повествования он прежде всего ценен тем, что наглядно

иллюстрирует отражение в сознании рядового участника афганского похода советской армии того, зачем «десантникам тревогу объявили» и как «рухнул неприступный бастион» Амина и его компании «под русскими гранёными штыками». Говоря иначе, в словах этой песни на бытовом уровне ярко отразилась точка зрения официальной советской пропаганды тех лет, касавшейся разъяснения смысла ввода контингента войск СССР в Афганистан и уничтожения руководства ДРА в лице Хафизуллы Амина.

Последней (четвёртой) советской дивизией, введённой на территорию ДРА и вошедшей в состав 40-й общевойсковой армии, была 201-я гвардейская мотострелковая дивизия, ранее дислоцировавшаяся в Душанбе. Это соединение под командованием гвардии полковника В.А. Степанова приступило к мобилизации вечером 24 декабря, а к исходу 28 декабря оно было сосредоточено в районе Термеза. 201-я гв. мсд в последующем после проведения боевого сколачивания и доукомплектования её кадровым составом из частей Группы советских войск в Германии и Центральной группы войск была введена в Афганистан в конце января 1980 года. Впрочем, это произошло уже после осуществления государственного переворота в ДРА и штурма дворца Тадж-Бек, ставшего кульминационным событием этой новейшей исторической драмы.

3. Объект «Дуб» общим планом

Как отмечалось ранее, первоначально резиденция главы ДРА находилась в бывшем королевском дворце Арк или в «Доме народов» («Доме народа»), как его ещё называли, располагавшемся в центре Кабула. В одной из комнат этого бывшего дворца афганских монархов во время Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года был застрелен президент Республики Афганистан М. Дауд, в другой – задушен президент Демократической Республики Афганистан Н.М. Тараки. И хотя новый диктатор ДРА Хафизулла Амин не слыл человеком суеверным, способным на какие-нибудь сантименты, но, очевидно, ему, да и членам его семьи было не совсем комфортно круглосуточно присутствовать в комплексе правительственных зданий, имевшем такую печальную историю.

Впрочем, для перемены места официальной резиденции главы афганского государства в декабре 1979 года были и другие, куда более прозаичные и серьёзные основания. Первыми из них, разумеется, стоит полагать соображения личной безопасности Х. Амина, режим единоличной власти которого к этому времени начинал основательно трещать по швам. Как ранее сообщалось, с мнимыми и реальными заговорщиками и оппозиционерами афганский диктатор расправлялся без каких-либо нравственных колебаний и с изощрённой восточной жестокостью.

Следствием отстранения от власти представителей господствующих классов, разгона прежнего аппарата чиновников и офицерства, массовых репрессий в отношении «парчамистов» и «халькистов» из числа приверженцев Н.М. Тараки, против всех неугодных и подозреваемых стал рост рядов внутренней афганской оппозиции. В ту бытность невозможно было назвать число граждан ДРА, которые вполне справедливо полагали Хафизулла Амина своим личным врагом: их ряды постоянно множилось.

Именно из этого произрастали неоднократные, с каждым разом усиливавшиеся просьбы и мольбы Х. Амина об оказании его режиму срочной помощи путём ввода советских войск на территорию Афганистана. Мотивировались они прежде всего «фактами внешней агрессии», но никак не внутренними причинами. Однако вряд ли в действительности могла идти речь о какой-либо интервенции против ДРА со стороны его соседей: у Ирана и Пакистана без того проблем хватало. Тем не менее Х. Амин, как до этого его предшественник, «друг и учитель» Н.М. Тараки, каждый раз при обращениях к советскому руководству ссылался на существование такой мифической угрозы. Но своих врагов режим НДПА плодил сам и в самом афганском обществе.

Осознавая шаткость своего положения, Хафизулла Амин приказал переоборудовать под его личную резиденцию дворец Тадж-Бек, находившийся на окраине Кабула и представлявший собой грозную оборонительную цитадель. Впрочем, подготовительные работы здесь начались ещё в бытность Н.М. Тараки. Перезд Амина и его семьи из дворца Арк на новое место состоялся во второй половине декабря.

А.А. Ляховский датой этого события полагает 20 декабря¹. При этом понятно, что как создание системы охраны и обороны Тадж-Бека, так и передислокация в его район бригады афганской гвардии (охраны) были проведены заблаговременно до этого перемещения.

Кстати, сам этот дворец в последующем в некоторых публикациях называют «Дар-уль-аман» (М.Е. Болтунов), что, очевидно, связано с его нахождением недалеко от столичного проспекта Дар-уль-Аман. В других изданиях его также именуют «Таджибеком» (В.И. Аблазов, Г.П. Корж). Однако, принимая во внимание устоявшуюся за последние годы практику, в тексте данного издания будем обозначать главный объект штурма советского спецназа в Кабуле 27 декабря 1979 года как «дворец Тадж-Бек» или «дворец Х. Амина». Впрочем, при цитировании мнений конкретных авторов полагаем правильным сохранять употребляемые ими названия.

Тадж-Бек изучался по всем каналам поступавшей в распоряжение советского командования информации. Эта работа проходила по линиям КГБ и ГРУ, привлекались к ней возможности советского дипломатического аппарата, военных и гражданских советников и специалистов. При этом использовались возможности агентурной, визуальной и других видов разведки. В целях конспирации резиденция главы ДРА обозначалась как объект «Дуб». Это название первоначально относилось ко дворцу Арк. Однако для удобства изложения материала оставим его и для Тадж-Бека, который также в то время определялся как «объект №1».

Во внимание здесь бралось практически всё, что в той или иной степени было связано с объектом «Дуб». Исследовались оборонительные возможности дворца, система его охраны, связи и коммуникаций. Изучались поэтажное расположение и назначение помещений здания, силы и средства аминовской личной гвардии, афганской бригады охраны, других войсковых и полицейских частей, привлекавшихся к охране и обороне высшего руководства ДРА. Брались во внимание возможности других афганских частей и подразделений, находившихся в непосредственной близости от дворца и способных прийти на помощь оборонявшейся стороне.

---

¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 136.

К проведению этой работы ещё в июле-сентябре 1979 года были привлечены оперативные сотрудники КГБ СССР из состава группы «Зенит-1», хотя в то время резиденция главы афганского государства во дворце Тадж-Бек не размещалась, а сам Хафизулла Амин таковым не являлся. Очевидно, руководители Комитета госбезопасности уже тогда допускали возможность неблагоприятного для Советского Союза сценария развития событий в Афганистане. А, может быть, делали это на всякий «пожарный» случай. Ведь как свержение режима короля Захир Шаха, так и отстранение от власти М. Дауда они вместе с резидентурой военной разведки по большому счёту проспали.

По прибытии в Кабул «мусульманский» батальон спецназа ГРУ разместился примерно в километре от дворца Тадж-Бек. Для этого ему было предоставлено одно из недостроенных зданий афганской бригады гвардии (охраны) главы ДРА. Личный состав 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба, а также прибывшие с ним под видом «инженерно-технической группы» бойцы из спецформирований КГБ СССР «Зенит» и «Гром» немедленно приступили к обустройству своего расположения и жилищ. К этому советских военнослужащих поторапливала и афганская зима, выдававшаяся в том году необычайно суровой. По ночам столбик термометра опускался до минус двадцати и даже тридцати градусов мороза по Цельсию.

Со временем установили двухъярусные кровати, поставили печки-«буржуйки», пустые оконные проёмы загородили плащ-палатками, получили шерстяные одеяла из верблюжьей шерсти и таким образом хоть как-то обустроили своё временное пристанище. Параллельно занимались организацией и несением карульной службы и службы в боевом охранении, приводили в порядок боевую технику и вооружение.

21 декабря 1979 года главный военный советник СССР в Афганистане С.К. Магомедов вызвал к себе старшего офицера ГРУ Генштаба полковника В.В. Колесника, командира 154-го ооСпН майора Х.Т. Холбаева и отдал приказ – усилить охрану дворца подразделениями «мусульманского» батальона. Тогда «мусбату» предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов.

В то время как личный состав «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба и бойцы спецподразделений КГБ СССР, ещё не получив конкретных задач на предстоящую операцию, занимались подготовкой к ведению боевых действий, происходили и другие события.

Руководство советского Министерства обороны и Комитета госбезопасности, а также их представители непосредственно в афганской столице разрабатывали детальные планы свержения правительства Х. Амина, по просьбе которого (?!) советские дивизии уже были готовы врезаться своими броневыми клиньями в территориальное пространство своего южного соседа. Непосредственное руководство этими действиями из Москвы осуществлял начальник Генерального штаба Вооружённых Сил СССР маршал Советского Союза Н.В. Огарков, а в Кабуле – главный военный советник генерал-полковник С.К. Магометов совместно со специальным представителем КГБ СССР (в ряде источников его также именуют резидентом КГБ в ДРА. – *Примеч. В.К.*) генерал-лейтенантом госбезопасности Б.И. Ивановым.

Первоначально предполагалось использовать 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ не только для захвата основного объекта – дворца Тадж-Бек, но и для обеспечения контроля над центральными административными зданиями Генштаба ВС ДРА, МВД, службы безопасности, кабульских аэродрома и узла связи, другими важнейшими военными и гражданскими центрами. В дальнейшем эти планы были подкорректированы в связи с более правильной и здоровой оценкой афганских сил и средств, задействованных на охрану дворца Х. Амина.

Дело в том, что сам дворец Тадж-Бек, находившийся на господствующей высоте, представлял собой настоящую крепость. К трёхэтажному зданию, массивные стены которого были способны выдерживать удары современной артиллерии, штурмовым группам подойти незамеченными было практически невозможно. Все подступы к дворцу-крепости были заминированы, а единственная ведущая к ней дорога проходила по серпантину, опоясывавшему пологие склоны возвышавшейся над местностью высоты (порядка шестидесяти метров над прилегающей местностью. – *Примеч. В.К.*). К этому следует добавить хорошо продуманную и устроенную

не без помощи советских советников из Девятого управления КГБ СССР¹ и других советских военных специалистов фортификационную систему обороны, в том числе вкопанные на направлениях наиболее вероятного нападения противника танки, а также блок-посты охраны, преграждавшие подступы к резиденции афганского диктатора.

Относительно системы охраны и обороны резиденции Х. Амина генерал-майор А.А. Ляховский писал: «Система охраны дворца Тадж-Бек организована тщательно и продуманно. Внутри дворца несла службу личная охрана Х. Амина... Жили они в непосредственной близости от дворца в глинобитном строении, рядом с домом, где находился штаб бригады охраны... Вторую линию составляли семь постов, на каждом из которых располагалось по четыре часовых, вооружённых пулемётом, гранатомётом и автоматами. Смена их производилась через два часа (очевидно, «через каждые два часа». – *Примеч. В.К.*). Внешнее кольцо охраны образовывали пункты дислокации батальонов бригады охраны (трёх мотопехотных и танкового). Они располагались вокруг Тадж-Бека на небольшом удалении. На одной из господствующих высот закопаны два танка Т-54, которые могли беспрепятственно прямой наводкой простреливать из пушек и пулемётов местность, прилегающую ко дворцу. Всего в бригаде охраны насчитывалось около 2,5 тыс. чел. Кроме того, неподалёку располагался зенитный полк, на вооружении которого находилось двенадцать 100-мм зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулёмётных установок (ЗПУ-2), а также строительный полк (около 1 тыс. чел., вооружённых стрелковым оружием). В Кабуле были и другие армейские части – две дивизии и танковая бригада»².

К этому, пожалуй, стоит добавить, что орудия и пулёмётные установки указанного А.А. Ляховским зенитного полка были приспособлены для ведения огня как по воздушным, так и по наземным целям. А бойцы из подразделения

1 Управление, занимавшееся охраной особо важных объектов и государственных деятелей. Речь идёт о советниках из данного подразделения при охране Х. Амина.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 132.

личной охраны главы государства, состоящие в основном из родственников Х. Амина, и афганской бригады гвардии (охраны) представляли собой отборные и проверенные войска, личный состав которых получал особое жалование и привилегии, недоступные подавляющему большинству жителей по сути нищей страны.

В то же время не следовало сбрасывать со счетов присутствие в Кабуле крупного афганского военного гарнизона, насчитывавшего, по некоторым оценкам, порядка 30 тысяч штыков¹. Действие этих войск в ответ на сообщение о государственном перевороте в Афганистане было трудно предсказать.

Однако решение об устранении Х. Амина уже было принято высшим советским политическим руководством, и военным людям приходилось только повиноваться, чтобы исполнить его чётко и с наименьшими потерями.

4. Состав сил и средств обороны Тадж-Бека

Суммируя и анализируя различные источники информации, общий состав сил охраны и обороны резиденции главы ДРА Хафизуллы Амина, расположенных во дворце Тадж-Бек и в непосредственной близости с ним, можно представить примерно следующим образом:

1. Рота личной гвардии (охраны) или рота телохранителей Хафизуллы Амина была укомплектована его родственниками и особо доверенными лицами. Кроме чисто охранных функций на неё возлагалась роль роты почётного караула главы ДРА. В публикациях и воспоминаниях, связанных со штурмом дворца, указывается разная численность этого воинского формирования, состоявшего непосредственно при афганском диктаторе (на третьем этаже Тадж-Бека и в «глинобитном строении, рядом со штабом бригады охраны»). А.А. Ляховский утверждал, что в день штурма непосредственно во дворце Тадж-Бек было около 100-150 бойцов-телохранителей Х. Амина². Бывший командир роты «мусбата»

1 Огрызко В.В. Указ. соч. – С. 6.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 148.

В.С. Шарипов, сражавшийся на подступах и в самом здании Тадж-Бека, в своих воспоминаниях утверждал, что «дворец обороняло около 200 гвардейцев»¹. А.А. Береговой также сообщал о «200 гвардейцах, имевших на вооружении автоматы, пулемёты и ручные гранаты»². Такую же численность дворцовой охраны указывал М.Е. Болтунов, который писал, что «дворец защищало около двухсот отменно вооружённых и отлично обученных гвардейцев»³. Офицер бывшего ПГУ КГБ В. Братерский данную цифру поднял до 300 человек⁴, явно завышая численность охранников, находившихся в здании Тадж-Бека во время его штурма.

Должно быть, часть гвардейцев-телохранителей осталась во второй казарме (караульном помещении) подразделения, находившейся в непосредственной близости к Тадж-Беку. Ведь, по ряду свидетельств очевидцев, из здания казармы «роты личной охраны Х. Амина» по спецназовцам вёлся интенсивный пулемётный и автоматный огонь. Это происходило как во время дальнейшего ночного штурма, так и некоторое время после него. Хотя, скорее всего, у телохранителей Х. Амина была одна казарма (на третьем этаже Тадж-Бека), а в «глинобитном строении, рядом со штабом бригады охраны» размещались свободные от несения службы смены караула (смены семи постов вокруг дворца). Впрочем, это только предположение.

Сегодня трудно достаточно точно указать численность личной гвардии Х. Амина, непосредственно задействованной в событиях 27 декабря. Тем не менее если при оценке сил этого подразделения будем исходить из минимального расчёта, тогда выйдет, что количество гвардейцев, непосредственно оборонявшихся во дворце, достигало 100–150 человек. Однако было бы не совсем правильным полагать, что в обороне Тадж-Бека приняли участие только солдаты и офицеры роты личной охраны Хафизуллы Амина. Поэтому к указанному нами числу гвардейцев, оборонявшихся в здании

1 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – См.: Указ. соч. С. 114.

2 Береговой А. Указ. соч. – С. 13.

3 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 64.

4 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 150.

Тадж-Бека, стоило бы присовокупить штат личных адъютантов, офицеров связи и канцелярии главы государства Х. Амина, а также других высших должностных лиц ДРА, прибывших на торжественный приём к диктатору, и офицеров их свит (связи). Исходя из этого, общее число сил дворцовой охраны и обороны достигнет 150 или даже 200 человек.

2. Бригада охраны (гвардии) Х. Амина состояла из трёх мотопехотных и одного танкового батальонов. Пункты дислокации подразделений этого соединения образовывали внешнее кольцо охраны дворца Тадж-Бек. Командовал бригадой майор Джандад, который одновременно был и старшим порученцем главы ДРА. В своё время этот офицер афганской гвардии окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, хорошо владел русским языком, хотя при общении с советскими офицерами старался скрыть данный очевидный факт.

Напомним, что, по мнению генерал-майора А.А. Ляховского, эта афганская бригада охраны (гвардии) насчитывала в своих рядах около 2500 солдат и офицеров. Однако руководитель операции «Шторм-333» В.В. Колесник, упоминая в своих мемуарах о 2500 афганских солдатах и офицерах, оборонявших Тадж-Бек, имел в виду общий состав трёх воинских формирований ДРА (роты личных телохранителей Х. Амина, бригады гвардии и зенитного полка). Для того чтобы как-то выйти из указанного нами противоречия в словах А.А. Ляховского и В.В. Колесника, попытаемся предположить, что организационная структура афганской бригады охраны (гвардии) или, по крайней мере, входящих в её состав мотопехотных и танкового батальонов, в той или иной степени соответствовала штатам военного времени аналогичных подразделений советской армии.

Сделать такое предположение позволяют ряд фактических обстоятельств. И в частности то, что афганская армия 1970-х годов в значительной мере строилась по образцу и подобию армии своего северного соседа. К тому же при высшем афганском командовании, начиная с правления Захир Шаха, всегда хватало советских военных советников и специалистов, которые при решении вопросов организационной структуры соединений, частей и подразделений армии

сопредельного государства, исходили из необходимости следовать советским аналогам. И более того, техника и вооружение данных афганских мотопехотных и танкового батальонов были в основном советскими. А при организации частей и подразделений любой армии в значительной мере исходят именно из тактико-технических возможностей (характеристик) имеющихся в наличии образцов бронетехники и оружия.

Таким образом, если организация мотопехотных батальонов афганской бригады охраны (гвардии) в основном соответствовала штатам советских мотострелковых батальонов (штаты на БМП-1 и на БТР-60ПБ), развёрнутых до численности, предусмотренной в военное время, тогда в каждый из них входило более 500 человек. Относительно расчёта количества единиц техники можно предположить, что их было порядка 31–40 бронееквивалентов, к чему следует добавить 10–20 автомобилей на каждый батальон. Но это, как уже отмечалось, исходя из минимального расчёта.

Теперь несколько слов относительно организации и численного состава танкового батальона бригады охраны (гвардии). В данном случае за основу наших расчётов возьмём штаты танкового батальона советского танкового полка и танкового батальона советского мотострелкового полка на танках Т-54. Тогда получается, что в танковом батальоне афганской бригады охраны (гвардии) должен быть 31 танк (по четыре человека в составе экипажа) в первом случае и 40 танков – во втором случае. Сюда же следует присовокупить управление батальона, а также подразделения боевого обеспечения и тыла. Их чего выходит, что численность танкового батальона бригады охраны (гвардии) составляла примерно 220 человек.

Несмотря на то что указанного ранее количества единиц техники (31 или 40 танков. – *Примеч. В.К.*) не называлось ни в одних воспоминаниях очевидцев или последующих исследователей, именно таковой должна была быть ориентировочная численность бронемашин танкового батальона афганской бригады охраны (гвардии). При этом следует иметь в виду, что вне пункта дислокации танкового батальона находилось порядка 10–20 танков, то есть около половины состава этого подразделения. Так, в частности,

они были в окопах перед дворцом Тадж-Бек, в расположениях мотопехотных батальонов и придавались ряду других формирований охраны. Здесь же напомним, что в своих расчётах мы старались исходить из допустимого минимума.

Конечно, за исключением трёх мотопехотных и танкового батальонов в этом афганском войсковом соединении были свои управление, штаб, подразделения боевой поддержки, обеспечения и тыла. При этом мы должны сделать определённую поправку на то, что речь всё-таки идёт не о «чисто» мотопехотной (мотострелковой) бригаде как таковой, а о некоем охранном формировании. Поэтому общее число личного состава подразделений боевого обеспечения в афганской бригаде охраны (гвардии) должно было быть значительным: здесь могли находиться собственно охранные роты, формирования полевых штаба и канцелярии, а также связисты главы афганского государства. Так, в своих воспоминаниях «Операция по захвату дворца казалась невысказанной» генерал-майор В.В. Колесник называет также наличие в составе этого соединения миномётной батареи (роты) и пулемётной роты¹.

Соединив указанные ранее исходные данные, получаем, что численность бригады охраны (гвардии) должна была составлять более 2000 человек. Впрочем, это теоретическое предположение. Для того чтобы составить более достоверную картину, следует внести ещё некоторые поправки. А именно: во-первых, мы говорили о численном составе мотопехотных батальонов, полностью развёрнутых до штатов военного времени. Однако достоверной информации о том, как обстояло дело в данном случае, мы не имеем. Во-вторых, даже полностью заполненные штаты воинской части – это ещё не свидетельство того, что все офицеры и солдаты бригады охраны (гвардии) были в день штурма дворца Х. Амина в расположении своих подразделений. Вполне очевидно, что кто-то в это время находился в отпуске или командировке, отсутствовал по болезни и т.д. В-третьих, в афганской армии было традиционным записывать в списочный состав частей и подразделений разного рода «мёртвые души», что позволяло войсковым лихоимцам получать за них дополнительное денежное содержание, продукты и обмундирование.

1 Колесник В.В. Указ. соч. – С. 127.

Конечно, в данном случае речь идёт об элитном воинском формировании, где офицеры и солдаты получали повышенное жалование, да и контроль был строже. Однако, исходя только из этого (элитности), вряд ли стоит делать исключения из указанного ранее общего «правила».

Таким образом, думается, что, приняв во внимание все перечисленные обстоятельства, а также поправки и сомнения к ним, со значительной долей уверенности можно предположить, что численность афганской бригады охраны (гвардии) составляла до 2000 человек, которые были 27 декабря 1979 года во внешнем кольце охраны дворца Тадж-Бек.

3. **Зенитный полк**, по сведениям генерал-майора А.А. Ляховского, находился в близости от дворца Х. Амина и пункта дислокации 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ. На вооружении он имел двенадцать 100-мм зенитных пушек и шестнадцать зенитных пулемётных установок (ЗПУ-2). Такое расположение и вооружение афганского зенитного полка подтверждает и В.В. Колесник, уточняя при этом, что шестнадцать зенитных установок представляли собой «спаренные крупнокалиберные пулемёты ДШК». Хотя в других воспоминаниях («Операция по захвату дворца казалась немыслимой») Василий Васильевич упоминал лишь о «двенадцати спаренных пулемётах»¹. Очевидно, в последнем случае имеет место вполне допустимая, с точки зрения прошедшего времени, «ошибка памяти». Ведь в большинстве других воспоминаний генерал-майор В.В. Колесник говорил о шестнадцати ЗПУ-2. На этом настаивал и его заместитель в ту бытность подполковник ГРУ ГШ О.У. Швец, который непосредственно руководил «нейтрализацией» этой афганской воинской части 27 декабря 1979 года².

Сведения о численности личного состава зенитного полка в воспоминаниях участников событий и публикациях последующих исследователей весьма существенно разнятся. Тем не менее, если попытаемся взять во внимание конкретные образцы вооружения, а также минимальное число солдат и офицеров, необходимое для его обслуживания, получим, что численность личного состава афганского зенитного

1 Колесник В.В. Указ. соч. – С. 128.

2 Швец О.У. Указ. соч. – С.192.

полка, занимавшего свои позиции 27 декабря 1979 года в районе дворца Тадж-Бек, не должна была быть ниже 500 человек.

4. Строительный полк, по данным А.А. Ляховского, насчитывал около тысячи солдат и офицеров, вооружённых стрелковым оружием. Полк находился неподалёку от дворца Х. Амина и мог оказать противодействие спецназу в ходе проведения штурма Тадж-Бека и захвата здания генштаба ВС ДРА. Об этой афганской воинской части также упоминал О.У. Швец¹. Однако о данном формировании В.В. Колесником ничего конкретного не сообщалось. Не отражено его расположение и на карте-схеме к воспоминаниям «Как был взят дворец Амина» руководителя операции «Штурм-333». Из чего следует, что, если такая военно-строительная часть в действительности даже и находилась в районе Тадж-Бека, то её боевые возможности на практике не принимались во внимание при планировании и осуществлении спецназом штурма дворца и блокирования подразделений бригады его охраны.

Более того, в воспоминаниях большинства других участников данной боевой операции тысячный строительный полк, «вооружённый стрелковым оружием», также обойдён предметным вниманием. Ничего не сообщается о каком-либо участии этой афганской воинской части в противодействии проведению спецназом штурма дворца Тадж-Бек. Поэтому нам представляется возможным предположить, что сведения об этом афганском военном формировании ошибочны. В любом случае, как мы об этом уже говорили ранее, никакого влияния на ход операции «Штурм-333» этот афганский военно-строительный полк не оказал. Поэтому вряд ли стоит учитывать его в составе реальных сил охраны и обороны Тадж-Бека.

5. Отдельные посты охранения (в некоторых источниках их ещё называли «отдельными постами полка жандармерии»), по словам автора книги «Трагедия и доблесть Афгана» генерал-майора А.А. Ляховского, составляли вторую линию обороны дворца Тадж-Бек. Их количество достигало семи. На каждом из них находилось по четыре часовых, вооружённых пулемётами, гранатомётом и автоматами, смена производилась по двухчасовому графику. Вместе с этим на карте-схеме В.В. Колесника обозначено только четыре таких поста.

---

¹ Там же.

Из воспоминаний очевидцев событий следует, что первый пост, преграждавший путь к дворцу Х. Амина третьей роте 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ, которой командовал в ту бытность старший лейтенант В.С. Шарипов, был уничтожен разведчиками по ходу движения колонны. Второй пост, находившийся рядом с танками в окопах около Тадж-Бека, был захвачен группой под руководством заместителя командира «мусульманского» батальона капитана М.Т. Сахатова. Третий и четвёртый посты выпали на долю «зенитовцев» и группы спецназа ГРУ лейтенанта Р.Т. Турсункулова, вышедших к зданию Тадж-Бека на бронетранспортёрах с тыла («со стороны кухни»). При этом третий пост особо не мешал продвижению спецназовцев, а четвёртый был в секторе прямого огня зенитно-артиллерийской группы на ЗСУ 23х4 «Шилка».

Исходя из сказанного ранее, а также заявленного нами методического подхода, выражающегося в минимизации сил охраны и обороны Тадж-Бека, полагаем более правильным придерживаться точки зрения генерал-майора В.В. Колесника, сообщавшего в своих воспоминаниях о четырёх отдельных постах охранения Тадж-Бека. Хотя при этом не исключено, что три других, указанных А.А. Ляховским, внешних поста охраны дворца в силу тех или иных обстоятельств могли просто-напросто оказаться вне внимания или, точнее, воздействия нападающей стороны.

6. **Танки** в окопах перед дворцом Х. Амина – это небольшой, но самостоятельный вопрос. Как мог обратить внимание читатель, генерал-майор А.А. Ляховский утверждал о наличии в системе обороны Тадж-Бека двух танков Т-54, «которые могли беспрепятственно прямой наводкой простреливать из пушек и пулемётов местность, прилегающую ко дворцу»¹. Впрочем, в новом издании книги «Трагедия и доблесть Афгана» он в одном месте сообщает о наличии на ближайших подступах к Тадж-Беку двух танков, а в другом – трёх². В свою очередь генерал-майор В.В. Колесник писал о трёх танках, «зарытых за дворцом». Соответственно столько же их было обозначено рядом с объектом «Дуб» на пояснительной

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 132.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана/2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. С. 247, 255.

карте-схеме, иллюстрировавшей его воспоминания «Как был взят дворец Амина». В свою очередь А.П. Береговой так же, как и руководитель «Шторма», сообщал: «Слева и справа от дворца на удалении не более одного километра размещались позиции двух батальонов охраны. Перед дворцом стояли три закопанных в землю танка и ещё по 4 танка стояли в расположении батальонов охраны»¹.

С другой стороны, «громовец» Павел Климов рассказывал о своём личном участии в захвате двух танков, «находящихся в прямой видимости из дворца»². При этом говорил он и о составе данной группы захвата. В неё, судя по воспоминаниям П. Климова, входили два бойца «Грома», включая самого рассказчика, два «зенитовца» и «два танковых экипажа из «мусульманского» батальона, по пять человек во главе с офицерами»³. В этой связи сразу уточним, что штатный экипаж Т-54 включает в себя не пять человек, как говорил об этом П. Климов, а четырёх танкистов (командир, механик-водитель, наводчик-оператор и заряжающий).

Впрочем, с этими людьми (с группой капитана М.Т. Сахатова) нужно было не только составить новые танковые команды, но и осуществить захват самого объекта. При этом следовало помнить, что от потерь в боевой обстановке никто не застрахован. С этой точки зрения, несколько увеличенный количественный состав группы захвата двух афганских танков объясняется вполне логично. И несколько алогично в данной связи выглядят слова В.В. Колесника о двенадцати разведчиках группы заместителя командира 154-го отряда спецназа Сахатова, выделенных для захвата «трёх» танков, «закопанных у дворца». Ведь если строго исходить из этих слов Василия Васильевича, в состав группы захвата входило четверо комитетчиков (два снайпера и два пулемётчика), не входивших в состав сформированных из личного состава «мусульманского» батальона танковых экипажей. А из восьми оставшихся солдат и офицеров 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ можно было бы сформировать только два экипажа, но никак не три. Поэтому сообщение руководителя операции

1 Береговой А. – Указ. соч.

2 См.: Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 73.

3 Там же. – С. 67.

«Шторм-333» о трёх танках в окопах перед дворцом Тадж-Бек, пожалуй, следует отнести на счёт «ошибки памяти».

Таким образом, говоря о числе афганских танков в окопах перед Тадж-Беком, более правильно, с нашей точки зрения, придерживаться мнения о наличии здесь двух бронееквивалентов. Тем более что к этому нас подвигают и ряд других косвенных сообщений, относящихся к данному вопросу.

7. Другие силы кабульского гарнизона при планировании и проведении операции «Шторм-333» также брались во внимание. Ведь действия этих войск в ответ на сообщение о государственном перевороте и очередной смене руководства Афганистана было трудно спрогнозировать точно. А по некоторым оценкам, они достигали 30 тысяч солдат и офицеров. На вооружении здесь имелось 250 танков, 150 боевых машин пехоты и бронетранспортёров, а также немалое число самолётов и вертолётов. К этим воинским формированиям следовало бы присовокупить силы царандоя (полиции) и афганских органов государственной безопасности.

Подводя некоторые итоги сделанного нами анализа, следует констатировать, что состав и численность афганских сил охраны и обороны Тадж-Бека на 27 декабря 1979 года можно представить следующим образом:

- рота личной гвардии (охраны, почётного караула) или рота телохранителей Х. Амина, а также его адъютанты, офицеры связи и другие – не менее 150 человек;
- бригада охраны (гвардии) главы ДРА – до 2000 человек;
- зенитный полк – не менее 500 человек.

При этом в расчёт не брался личный состав строительного полка, отдельных постов охраны (блок-постов) и некоторых других подразделений (экипажи танков, закопанных перед дворцом Х. Амина и т.д.).

Количество бронееквивалентов, имевшихся в составе сил охраны и обороны Тадж-Бека, можно оценить примерно следующим образом:

- боевых машин пехоты (БМП-1) и различных видов бронетранспортёров – до 100 единиц;
- танков – не менее 31 единицы.

Таким образом, исходя из приведённого нами анализа, следует, что численность афганских сил обороны Тадж-Бека составляла порядка 2500 тысяч человек. При этом непосредственно во дворце Х. Амина находились не менее 150 гвардейцев из роты личной охраны диктатора, а также здесь были другие афганские военнослужащие.

5. Кто руководил «Штурмом»?..

Руководство операцией под кодовым названием «Штурм-333», было возложено на старшего офицера направления спецназа ГРУ Генштаба Вооружённых Сил СССР полковника В.В. Колесника, а его заместителями стали подполковник ГРУ ГШ О.У. Швец и генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов. На последнего в этот период возлагалась задача по руководству действиями спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит», а также обеспечению их взаимодействия с другими подразделениями, задействованными в данных событиях.

Информация к размышлению

Из личного дела

генерал-майора госбезопасности
Дроздова Юрия Ивановича

Родился в 1925 году. Великую Отечественную войну встретил воспитанником Харьковской артиллерийской спецшколы. В последующем окончил 1-е Ленинградское артиллерийское училище и был направлен в действующую армию, воевал в подразделениях артиллерийской разведки. После войны окончил Военный институт иностранных языков МО СССР. С 1957 года находился на нелегальной разведывательной работе в Западной Европе (Германия), был советским резидентом по линии КГБ в Китае и США. В октябре 1979 года вступил в должность начальника управления «С» (нелегальная разведка) Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ СССР. В декабре 1979 года генерал-майор Ю.И. Дроздов стал заместителем руководителя операции «Штурм» по руководству группами спецназа Комитета госбезопасности, в результате которой в Афганистане был

осуществлён государственный переворот. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания в Кабуле, указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года Дроздов Юрий Иванович награждён орденом Октябрьской революции.

Практически сразу по завершении операции «Штурм» он выступил инициатором создания, а в последующем и непосредственным организатором группы специального назначения КГБ при Совете Министров СССР «Вымпел» (1981 г.), сформированной для проведения спецопераций за пределами Советского Союза в особый период и в случае войны. Ю.И. Дроздов отмечен многими государственными наградами Советского Союза и ряда иностранных государств, является ветераном Службы внешней разведки РФ, автором мемуаров «Записки начальника нелегальной разведки», «Штурм-333» и ряда других публикаций.

Для того чтобы более чётко разобраться с вопросом о руководстве, заметим, что генерал-майор Ю.И. Дроздов в последующем рассматривал своё личное участие в операции «Штурм» исключительно с позиций выполнения «оперативного задания», то есть в части использования сил спецназа госбезопасности для физической ликвидации Х. Амина. Однако сама данная операция предусматривала применение не только спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит», а прежде всего таких войсковых структур, как 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ ГШ и подразделения воздушно-десантных войск из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка.

Таким образом, фактически, в данном случае имела место организация общевойскового боя, составным элементом которого являлся, говоря языком армейского спецназа, «налёт» на Тадж-Бек или, выражаясь в соответствии с терминологией воздушно-десантных войск, «захват объекта в тылу противника», то есть захват того же дворца Х. Амина. И, более того, даже после осуществления «оперативной» (специальной) составляющей «Штурма» её участникам в случае неблагоприятного развития ситуации следовало быть готовыми к отражению возможных танковых и иных атак кабульского гарнизона, а также других верных режиму Х. Амина воинских

частей и подразделений. Поэтому, приняв во внимание вышеперечисленные обстоятельства, становится более понятным, почему руководителем операции «Шторм-333» был назначен армейский полковник из направления специальной разведки ГРУ Генштаба В.В. Колесник, а не генерал-майор КГБ СССР Ю.И. Дроздов (при всём нашем уважении к последнему). К тому же Василий Васильевич был выпускником высшего общевойскового командного училища и военной академии имени М.В. Фрунзе, командиром соединения спецназа ГРУ Генштаба, знал и подбирали личный состав «мусульманского» батальона, готовил этих людей для выполнения специального задания в ДРА.

Впрочем, есть и ещё одна версия данного назначения, которая в принципе не противоречит ранее изложенным обстоятельствам. А состоит она в том, что, назначая полковника Колесника руководителем данной боевой операции, большие начальники (С.К. Магометов, Б.И. Иванов и другие) фактически выбирали «крайнего», «стрелочника», если хотите, – на случай неблагоприятного исхода событий. Ведь в сравнении с армейским полковником В.В. Колесником генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов был, несомненно, фигурой менее уязвимой.

Однако в большинстве комитетских изданий и в книгах авторов, воспроизводящих («подтверждающих») чекистскую точку зрения, в качестве руководителя «Шторма» обычно указывается генерал-майор КГБ Ю.И. Дроздов. Так, например, в выходных данных альманаха «Вымпел» (1999, № 3/11) сообщается: «Дроздов Юрий Иванович – легендарный разведчик, резидент в Китае и США, двенадцать лет руководил нелегальной разведкой СССР, создал группу специального назначения «Вымпел», руководил операцией «Шторм-333» по взятию дворца Амина в Кабуле»¹. Подобного рода утверждения до того стали привычными, что они и ныне не сходят с экранов телевидения и со страниц периодических изданий.

Очевидно, для того чтобы окончательно разобраться в этом вопросе, нужно предоставить слово самому Юрию Ивановичу, который так вспоминал о своём назначении или,

---

1 См. на тыльной стороне обложки.

точнее, переназначении на Тадж-Бек: «24 декабря 1979 года с одним из генералов советнического аппарата я побывал на объекте, в овладении которым должен был принять непосредственное участие. Это был один из наиболее сложных объектов предстоящей операции, что требовало личной и детальной рекогносцировки. В тот же день я впервые оказался в комнате на первом этаже посольства, где работала группа генерала С.К. Магомедова. Мы вошли туда вместе с В.А. На нас не обратили внимания. В.А. здесь знали. В комнате стоял штурм, галдёж. Все говорили о сложности овладения объектом, о невозможности сделать всё незаметно, внезапно. Через плечо одного из генералов я посмотрел на поднятую карту с обстановкой. Рельеф местности представлял из себя форму бутылки, горловину которой закрывала высота с дворцом Тадж-Бек.

– Почему невозможно? – сказал я. – Надо войти в бутылку и всё начать оттуда.

На меня внимательно посмотрели.

– Генерал Лебедев, – представил меня В.А.

К исходу дня мне объявили, что в Центре принято решение перебросить меня на объект Тадж-Бек.

Видимо, после моего ухода из этого кабинета ещё раз всё обсудили, доложили в Москву, а так как любая инициатива наказуема, то исполнение поручили мне. Так я стал *одним из* (*курсив. – В.К.*) руководителей операции «Штурм-333»¹. Здесь же обратим внимание на дату этого указанного генерал-майором Ю.И. Дроздовым события – исход суток 24 декабря 1979 года. До штурма Тадж-Бека оставалось два с лишним дня.

В своих воспоминаниях «Как был взят дворец Амина» В.В. Колесник в этой связи чётко и недвусмысленно даёт следующие разъяснения по данному вопросу: «...Собрав нас вновь, Магомедов (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) объявил, что мой план утвердили и я назначен руководителем операции»². Несколько далее он пишет: «Вместе со мной в батальон прибыл и генерал Дроздов, который был назначен моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ»³.

1 Дроздов Ю. И. «Штурм-333». – Альманах «Вымпел», 1999, № 3. С. 32.

2 Козлов С. и др. Спецназ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 3-е изд. М., 2002. С. 106.

3 Там же. – С. 107-108.

Такую же точку зрения Василий Васильевич высказал в своих мемуарных записках «Штурм» в Кабуле» в альбоме «Спецназ»: «Когда через некоторое время я доложил свой план, Магомедов (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) с Ивановым переглянулись, объявили перерыв. Пригласив нас вновь, Магомедов сказал, что мой план утвердили и я назначен руководителем операции»¹. И далее: «После этого мы с моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ генералом Дроздовым отправились в отряд, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма»². Такое положение дел подтверждает и другой заместитель руководителя «Штурма» в ту бытность подполковник ГРУ Генштаба О.У. Швец³.

Теперь, разобравшись с вопросом о руководстве операцией по штурму дворца Х. Амина, пожалуй, можно вернуться к проблемам состава действующих лиц «Штурма» и планирования операции.

6. Приданные и поддерживающие

Среди приданных и поддерживающих 154-й отряд спецназа ГРУ ГШ временных и штатных боевых формирований были не только бойцы спецназа КГБ СССР из отрядов «Гром» и «Зенит». Руководитель операции по взятию дворца Х. Амина генерал-майор В.В. Колесник среди таковых называл и десантников. В данном случае речь идёт прежде всего о парашютно-десантной роте под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина. Но правильно ли говорить о том, что в ходе проведения операции «Штурм-333» советские ВДВ были представлены одним этим подразделением? Для того чтобы ответить на данный вопрос, попытаемся провести небольшой анализ различных источников информации по интересующей нас проблеме.

В книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков» утверждается: «Общая численность батальона, прозванного «мусульманским», составила

1 См.: Указ. альбом «Спецназ». – С. 44.

2 Там же. – С. 45.

3 Швец О.У. Указ. соч. – С. 192-193.

538 человек, а его командиром назначили майора Л.Т. Халбаева (так в тексте. – *Примеч. В.К.*), отозванного с обучения на Высших офицерских курсах «Выстрел»¹. А несколько далее здесь же имеется следующая информация: «Его (154-го ооСпН. – *Примеч. В.К.*) бойцам и офицерам предстояло совместно действовать с группами КГБ «Зенит» и «Гром», а непосредственно перед операцией прибыло усиление двумя парашютно-десантными ротами, высадившимися в Кабульском аэропорту»².

Анализируя это сообщение, первоначально было предположено, что авторы указанной ранее книги под второй парашютно-десантной ротой имели в виду подразделение гвардии старшего лейтенанта А. Гуляева из состава 345-го гв. опдп гвардии подполковника Н.И. Сердюкова. Однако эта воинская часть начала прибывать на территорию Афганистана ещё с лета 1979 года, и называть её парашютно-десантные роты только «высадившимися в Кабульском аэропорту» совершенно неправильно. Но если даже допустить подобную гипотезу, то возникает вполне обоснованное сомнение: разумно ли было привлекать к участию в совершенно секретной операции по штурму дворца Х. Амина вновь прибывшие из Союза подразделения?

Очевидно, что нет: причин, обусловивших это, более чем достаточно. Назовём только одну из них, а именно: необходимость различного рода согласований размещения вновь прибывшей парашютно-десантной роты с командованием бригады охраны (гвардии). Ведь в то время «мусбат» формально входил в состав этого афганского соединения и подчинялся его руководству. Что же касается упомянутой нами роты гвардии старшего лейтенанта А. Гуляева, то ей была уготована роль по обеспечению доставки в Кабул из расположения авиабазы Баграм Бабрака Кармаля, сопровождавших его Анахиты Ратебзад и офицеров госбезопасности из группы «А». Однако непосредственного участия в штурме дворца Тадж-Бек данное подразделение (4-я парашютно-десантная рота 345-го гв. опдп) не принимало. Поэтому относить его к числу приданных и поддерживающих «мусульманский» батальон в ходе проведения штурма дворца Х. Амина неправильно.

1 Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Указ. соч. – С. 3.

2 Там же. – С. 4.

Рассуждая в целом о точке зрения, высказанной авторами книги «Афганистан: война разведчиков», представляется очевидным, что В.Ю. Марковский и В.В. Мильяченко произвольно «увеличили» силы подразделений, приданных 154-му отряду спецназа ГРУ ГШ, ровно на одну парашютно-десантную роту. Относительно подразделения под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина, которое действительно принимало участие в «Штурме», следует добавить, что авторы указанной нами книги также неправомерно относят его к числу прибывших в Кабул 25–27 декабря, то есть с началом официального ввода советских войск в Афганистан. Исходя из ряда других источников, представляющихся нам более достоверными, парашютно-десантную роту гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина следует полагать входившей в состав 345-го гв. опдп и передислоцированной в ДРА несколько ранее времени начала официального ввода советских войск в эту страну.

Описывая этап планирования и подготовки операции «Штурм-333», генерал-майор В.В. Колесник в своих мемуарах упоминает, что в этот период у него по телефону ЗАС (засекреченной линии связи) состоялся разговор с начальником Генерального штаба ВС СССР маршалом Н.В. Огарковым. Во время этой беседы В.В. Колесник, мотивируя необходимость усиления 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ средствами противотанковой обороны, высказал просьбу о придании «мусульманскому» батальону взвода противотанковых управляемых реактивных снарядов (ПТУРС). Как об этом сообщает Василий Васильевич, маршал Н.В. Огарков пообещал выделить в его распоряжение необходимые силы¹. Однако далее руководитель «Штурма» в различных текстах своих воспоминаний сообщает о боевом применении только парашютно-десантной роты гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина. Сведений об использовании взвода ПТУРС «Фагот» в ходе проведения штурма дворца Х. Амина в мемуарах генерал-майора В.В. Колесника не имеется.

В начале изучения данного вопроса представлялось возможным объяснить это либо отсутствием такого подразделе-

¹ Цитируется по указ. альбому «Спецназ. 50 лет соединениям и частям специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации. – М.: 2000. С. 44-45.

ния в составе приданных сил, либо его нахождением в резерве и (или) не использованием по боевому предназначению. Тем не менее впоследствии наличие взвода ПТУРС, обозначенного как «взв. ПТУР», мы обнаружили на карте-схеме к статье В.В. Колесника «Как был взят дворец Амина». Из данной схемы следует, что позиции взвода «Фаготов» находились на высоте между расположениями пунктов дислокации «мусульманского» батальона и афганского зенитного полка.

Это при необходимости позволяло советским противотанкистам прикрыть расположение командного пункта 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ, а также вести огонь по военному городку первого мотопехотного и танкового батальонов афганской бригады охраны (гвардии). Кроме того, при необходимости взвод ПТУРС «Фагот» мог быть переориентирован и на ведение огня по афганскому зенитному полку. Будучи изначально нацеленным на обеспечение противотанковой обороны, данное подразделение, очевидно, до конца находилось в резерве руководителя операции «Шторм-333». Во всяком случае, конкретных сведений о боевом применении по предназначению в ходе операции по штурму дворца Тадж-Бек приданного 154-му ооСпН взвода ПТУРС никем из участников и последующих исследователей не приводится. Относительно принадлежности этого противотанкового подразделения к той или иной воинской части позволим себе сделать твёрдое предположение, что взвод «Фаготов» так же, как и парашютно-десантная рота В.А. Востротина, был из состава 345-го гвардейского отдельного парашуно-десантного полка.

В этой связи приведём весьма любопытное свидетельство офицера госбезопасности А.Т. Рябинина, бывшего «зенитовца»: «В ноябре 1979 года в Кабул был введён «мусульманский» батальон, состоявший из советских военнослужащих – выходцев из республик Средней Азии (командир – майор Х.Т. Холбаев). Как стало известно впоследствии, этому батальону и отводилась главная задача: взять дворец Тадж-Бек, куда переселился с многочисленной охраной Амин. Сотрудники «Зенита» в составе так называемой 6-й роты вошли в этот батальон и также занимались подготовкой к выполнению главной задачи: внезапно и быстро овладеть дворцом. Согласно плану, «зенитовцам» помогала и группа «Гром» (подразделение из «Альфы»). Все военнослужащие были

переодеты в афганскую форму. Я был назначен командиром роты. Однажды для «легенды» даже успел провести смотр и строевые занятия, чем, кстати, остался весьма недоволен майор Холбаев: «строевиками» мы были никудышными»¹.

Конечно, относительно указания времени передислокации 154-го ооСпН в Кабул полковник А.Т. Рябинин несколько ошибается: в столицу ДРА «мусбат» прибыл только в декабре 1979 года. Но в остальном с ним трудно не согласиться. И среди множества воспоминаний других чекистов эти соображения, высказанные А.Т. Рябининым, пожалуй, самые объективные в плане осмысления роли и значения «мусульманского» батальона в последующих событиях. Здесь же обратим внимание на высказанную данным автором реплику: «Сотрудники «Зенита» в составе так называемой 6-й роты (*курсив. – В.К.*) вошли в этот батальон...». Но ведь в 154-м ооСпН было всего четыре роты (три разведывательных роты СпН и «рота оружия»).

Очевидно, даже для прикрытия («легенды») дать статус «5-й роты» (в «мусбате» роты СпН насчитывали по 120 человек. – *Примеч. и курсив В.К.*) немногочисленной штурмовой группе «Грома», которая тянула в лучшем случае на взвод, вряд ли могли. Да и прибыли эти «громовцы» в Кабул уже тогда, когда основная часть отряда «Зенит» там уже находилась. Почему же тогда полковник А.Т. Рябинин говорит о боях «Зенита» в составе «6-й роты» 154-го ооСпН?.. По всей видимости, наиболее приемлемым объяснением этому может служить только то, что под «5-й ротой» тогда условно понимали соответствующее подразделение десантников под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина, а под «6-й ротой» – сводный штурмовой отряд офицеров госбезопасности из «Зенита» и «Грома». Во всяком случае, когда данная гипотеза принимается за факт, всё в данном вопросе становится на свои места.

Ранее упоминавшиеся внештатные формирования КГБ СССР «Зенит» и «Гром», а также парашютно-десантную роту и взвод ПТУРС «Фагот» из состава 345-го гв. опдп мы определили как приданные и поддерживающие подразделения.

---

¹ Воронов В.В. ОНАЗ – войска особого назначения. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 117.

Однако здесь возникают вопросы: кому они придавались (кого поддерживали)?.. С одной стороны, ответ представляется очевидным – 154-му ооСпН ГРУ Генштаба ВС СССР. Но, со стороны другой, у читателя ранее была возможность обратить внимание, как во многих, если ни в большинстве чекистских изданий, всё это «ставится с ног на голову». Ведь в них утверждается, что «мусульманский» батальон спецназа военной разведки был придан спецгруппам госбезопасности «Гром» и «Зенит». Его, «мусбат», в некоторых комитетских изданиях также называют «батальоном поддержки». Впрочем, делать подобные заявления могут только люди малосведующие в военном деле.

Что в армии понимается под приданными силами и средствами? Речь идёт о подразделениях и частях, поступивших во временное подчинение командиров общевойсковых формирований (подразделений, частей, соединений) для их усиления при решении боевых задач. В свою очередь поддерживающие силы и средства, оставаясь в подчинении своих прямых начальников, назначаются для выполнения боевых задач в интересах (в нашем случае) воинской части, решающей основные задачи в бою (боевой операции).

А теперь давайте вернёмся несколько назад и возьмём за основу следующую посылку полковника А.Т. Рябинина: «...Этому батальону («мусульманскому». – *Примеч. В.К.*) и отводилась главная задача: взять дворец Тадж-Бек, куда переселился с многочисленной охраной Амин. Сотрудники «Зенита»... вошли в этот батальон...» Таким образом, всё как бы становится очевидным. Хотя вопрос можно поставить и несколько по-другому: могли ли спецгруппы КГБ («Гром» и «Зенит») и 154-й ооСпН, действуя раздельно, решить указанную ранее задачу?.. Ответ на это, пожалуй, был бы таков: спецназ госбезопасности – весьма и весьма маловероятно, «мусбат» ГРУ ГШ – да. Быть может, затратив на это большее время, с большими потерями и всё-таки – да!

Почему? Да потому, что спецназ антитеррористический и осназ КГБ СССР к ведению подобного рода боевых действий (операций) никогда не предназначался и не готовился. Соответственно и офицерам-чекистам ни к чему было знать тактику мотострелковых подразделений,

их вооружение, технику и боевые возможности. Этих вооружения, техники, обученных экипажей, специалистов в штатах группы «А» («Гром») и у внештатного «Зенита» не было. Многие офицеры госбезопасности тогда, в декабре 1979 года, только впервые познакомились с такими образцами армейской техники и вооружения, как боевые машины пехоты, бронетранспортёры, «Шилки», «Фаготы», «Малютки» и так далее.

В этой связи вспоминается случай, когда однажды автора этих строк, произнесшего сокращённое название операции по штурму дворца Тадж-Бек («Шторм»), стал весьма ретиво поправлять один из бывалых сотрудников госбезопасности. Мол, правильное название – «Шторм-333» – и только. Пришлось полюбопытствовать, знает ли уважаемый оппонент, почему при отдаче по радиосвязи исполнительной команды в мотострелковых (танковых, самоходно-артиллерийских) частях после произнесения кодового названия боевой операции (команды) принято добавлять три, по большому счёту, любые цифры. Ответа не последовало.

А объясняется это довольно просто: подавая исполнительную команду, командир роты, батальона или полка в соответствии с применяемым кодом произносит условленное слово (например, «Шторм»), а далее – три избранные цифры (например «3-3-3...»). При этом началом исполнения команды является не произнесённое кодовое слово, а последняя из названных в растяжку цифр. Нечто вроде детской считалки: «Приготовиться! Три, четыре... Начали!» И делается это только для того, чтобы добиться одновременного исполнения подразделением или воинской частью соответствующего распоряжения командира (на запуск двигателей, начало движения, открытие огня, развёртывание в ротные колонны и т.д.). Увы, подобных познаний и тем более практики у моего собеседника-чеккиста не было.

И если всё называть своими именами, то во время последующего штурма Тадж-Бека офицеры госбезопасности из состава «Грома» и «Зенита» под предводительством двух своих «взводных» командиров (М.М. Романова и Я.Ф. Семёнова) действовали в качестве рядовых бойцов. Что, собственно говоря, нисколько не умаляет мужества и

отваги, проявленных ими в ходе осуществления «Шорма», ведь в бой они вступили на самом опасном участке и вели его достойно.

При этом напомним, что основная масса «зенитовцев» была оперативными работниками региональных управлений КГБ СССР, прошедшими спецподготовку в Балашихе, а «громовцев» – боевиками, натасканными на выполнение особо сложных силовых спецопераций. И к тому, что им предстояло совершить, они были вполне подготовлены. Думается, что не маловажным фактором здесь являлось и то обстоятельство, что в отличие он срочников-«мусульман» чекисты на тот момент были достаточно взрослыми, уже состоявшимися мужчинами. Им вполне по силам было самостоятельно организовать засаду на Х. Амина, его подрыв, отравление или что-нибудь подобное, чему, собственноручно говоря, их учили в «автошколе». Но идти в «психическую» атаку или на штурм Тадж-Бека только со стрелковым оружием?..

В свою очередь 154-й ооСпН, представлявший собой, по сути, усиленный мотострелковый батальон... специального назначения, отработывавший подобные вопросы в подготовительный период, вполне соответствовал намечавшемуся сценарию операции «Шорм-333». У него имелась необходимая боевая техника и вооружение. Его сержанты и солдаты к тому времени не были новобранцами, в военно-профессиональном отношении все они были подготовлены хорошо, владели как минимум двумя смежными воинскими специальностями. Среди офицеров «мусульманского» батальона были как «чистые» спецназовцы, так и мотострелки и даже танкисты, которые в дальнейшем будут задействованы при захвате афганских танков, охранявших дворец Х. Амина.

Очевидно, примерно такие соображения были и у высших чинов Министерства обороны и Комитета госбезопасности СССР, рассматривавших силовой план проведения операции «Шорм-333», определявших состав сил и средств, задействованных в ней, и назначавших её руководителей. Однако об этом более подробно остановимся в нашем последующем повествовании.

7. Планирование операции «Штурм-333»

Как вспоминал генерал-майор В.В. Колесник: «...20 декабря меня вызвал главный военный советник в наше посольство и попросил продумать план захвата дворца Амина. Это буквально потрясло меня: ведь я прибыл сюда, в дружественную страну, для усиления охраны главы правительства, и вдруг – план захвата дворца! Это казалось мне немыслимым. Но вскоре от одного из офицеров охраны Амина мы узнали, что бывший премьер-министр Афганистана Тараки, дружески-доверительно относившийся к СССР, был задушен в ночь на 9 октября 1979 года по распоряжению властолюбивого Амина тремя офицерами его охраны... С геополитической точки зрения, нашей стране, граничащей с Афганистаном, очень важно иметь здесь дружественное лояльное правительство, которое не позволит включить соседнее нам государство в «сферу влияния» одной из стран НАТО. А такая угроза становилась всё реальнее. Эти обоснованные опасения вынудили советское руководство принять решение – устранить режим Амина. Я принялся за разработку плана захвата президентского дворца»¹.

Из приведённого текста следует, что поставленная В.В. Колеснику задача по захвату дворца Тадж-Бек и, таким образом, свержению Х. Амина для него была совершенно неожиданной: он готовился к другому развитию событий, на это нацеливал и своих подчинённых. Относительно даты «подключения» Василия Васильевича к разработке данных планов генерал-майор А.А. Ляховский высказал несколько другие соображения. В книге «Трагедия и доблесть Афгана» он писал, что старшего офицера ГРУ Генштаба В.В. Колесника и командира 154-го ооСпН Х.Т. Холбаева во второй половине 23 декабря вызвал генерал-полковник С.К. Магомедов. После доклада о проделанной работе главный военный советник пригласил их на второй этаж советского посольства

---

¹ Колесник В.В. «Операция по захвату дворца казалась немыслимой». В указ. книге. – С. 126.

в кабинет руководителя аппарата КГБ СССР в Афганистане генерал-лейтенанта Б.И. Иванова. Здесь полковнику В.В. Колеснику и майору Х.Т. Холбаеву было предложено подумать над вариантом действий по захвату Тадж-Бека.

Первоначально предполагалось, что на штурм дворца будет выделена только часть сил «мусульманского» батальона, а оставшиеся его подразделения (две роты и ещё одна рота без взвода) будут задействованы на других объектах. Параллельно с этим советнику командира афганской бригады охраны (гвардии) полковнику госбезопасности из Девятого управления КГБ СССР Попышеву, как человеку знающему и готовившему систему обороны Тадж-Бека, был отдан приказ на подготовку своего варианта действий в данной ситуации.

В этой связи интересно такое заявление, сделанное генерал-майором Ю.И. Дроздовым относительно «информированности» по существу приближающегося «Шторма» со стороны главного военного советника СССР в ДРА генерал-полковника С.К. Магометова: «По свидетельству Магометова, когда он разговаривал (очевидно, 20-22 декабря. – *Примеч. В.К.*) по спецсвязи с Д.Ф. Устиновым, министр обороны спросил его: «Как идёт подготовка к выполнению плана по отстранению от власти Амина?» Но Магометов не знал об этом ровным счётом ничего. Через некоторое время представитель КГБ СССР генерал-лейтенант Б. Иванов, видимо, переговорив с Ю.В. Андроповым, пригласил к себе Магометова и показал ему разработанный сотрудниками КГБ план. Главный военный советник возмутился потом, говоря, что это был не план, а «филькина грамота». Пришлось отрабатывать операцию по захвату дворца заново»¹.

Какие мысли приходят после этой информации генерал-майора Ю.И. Дроздова? Значит, сотрудниками КГБ СССР без уведомления до последнего момента главного военного советника и представителя ГРУ Генштаба ВС СССР разрабатывались планы проведения государственного переворота в ДРА. Причём делалось это с учётом привлечения к штурму дворца Тадж-Бек воинской части Министерства обороны СССР, то есть 154-го ооСпН. Руководитель

¹ Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Аминаю – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». – С. 112.

аппарата КГБ СССР в ДРА генерал-лейтенант Б.И. Иванов ставит в известность об этом генерал-полковника МО СССР С.К. Магометова только после «утечки информации» от министра обороны Д.Ф. Устинова и согласования данного вопроса лично с председателем Комитета госбезопасности Ю.В. Андроповым...

Должно быть, действительно Юрий Владимирович сразу чувствовал, что из его затеи с Афганистаном «ничего хорошего не выйдет». И дал распоряжение, как писал об этом генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин, на уничтожение в архивах совершенно секретных документов КГБ, проливающих свет на его личное участие в этих «мероприятиях».

Утром 24 декабря были заслушаны доклады полковника Попышева, формально подошедшего к этому вопросу («идти в бой предстояло не ему»), и полковника Колесника, детально изложившего план захвата Тадж-Бека и подкрепившего его соответствующими расчётами. При этом Василий Васильевич доказал, что исполнение данного замысла возможно только при условии привлечения к его реализации всего личного состава «мусбата», усиленного подразделениями ВДВ и КГБ. В противном случае соотношение сил нападения и обороны было, как тогда предполагали, 1 к 15 в пользу афганцев. И даже фактор внезапности в этом случае не мог полностью гарантировать успех предстоящей операции. Во второй половине этого дня полковнику В.В. Колеснику и майору Х.Т. Холбаеву сообщили, что батальон будет действовать в полном составе¹. Эту точку зрения А.А. Ляховского на развитие событий подтверждает (точнее, слово в слово повторяет) и генерал-майор Ю.И. Дроздов².

Вечером 24 декабря генерал-полковник С.К. Магометов и полковник В.В. Колесник по засекреченной линии связи переговорили с генералом армии С.Ф. Ахромеевым, который к тому времени находился в Термезе в составе ОГ МО СССР. Первому заместителю начальника советского Генштаба доложили решение на штурм дворца-крепости

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 133-134.

2 Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». С. 110-114.

Тадж-Бек. После чего были обстоятельно обсуждены детали предстоящей операции. В завершении беседы генерал армии С.Ф. Ахромеев приказал С.К. Магометову и В.В. Колеснику доложить к утру 25 декабря шифром за их подписями решение на проведение штурма дворца Х. Амина. В два часа ночи соответствующая шифротелеграмма была отправлена в центр. С этого момента началась непосредственная подготовка к операции, получившей кодовое наименование «Шторм-333». Её руководителем стал В.В. Колесник, разработавший конкретный план захвата дворца.

План проведения «Штурма» включал в себя нейтрализацию и блокирование подразделений афганской бригады охраны (гвардии), зенитного полка и других подразделений, а также (в случае возникновения таковой необходимости) их огневое подавление и (или) уничтожение. Разумеется, что без выполнения этих «второстепенных» задач нельзя было надеяться на выполнение основной цели, то есть на захват дворца Тадж-Бек и ликвидацию Х. Амина.

Как об этом впоследствии вспоминал в своих мемуарах генерал-майор В.В. Колесник, зенитный полк предстояло захватить инженерному взводу, усиленному двумя расчётами АГС-17 «Пламя». Гранатомётчики должны были отсечь огнём личный состав от средств ПВО на позициях, а сапёры – выйти к орудиям и пулемётным установкам и уничтожить их посредством подрыва. Начальство над этой группой возлагалось лично на заместителя руководителя «Штурма» подполковника ГРУ Генштаба О.У. Швеца.

Заместителю командира 154-го отряда спецназа капитану Мураду Таймасовичу Сахатову, которого в ряде источников именуют славянским именем Михаил, была поставлена задача по захвату танков, вкопанных у дворца. В его группу подбирались бойцы, умеющие водить танки и вести из них огонь, кроме «мусульман»-спецназовцев сюда были привлечены четверо комитетчиков (два снайпера и два пулемётчика). На автомобиле ГАЗ-66 они должны были выдвинуться мимо расположения третьего батальона афганской бригады гвардии и захватить танки в окопах.

Третьей (в некоторых других источниках её именуют первой) роте под командованием старшего лейтенанта В.С. Шарипова и группе спецназа первой разведроты

(командир – лейтенант Р.Т. Турсункулов) необходимо было обеспечить продвижение к дворцу бойцов спецформирований КГБ «Гром» и «Зенит», которым предстояло осуществить непосредственный штурм здания Тадж-Бека совместно с двумя группами 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба. При этом боевым машинам пехоты третьей роты предстояло выдвигаться по серпантину, а бронетранспортёрам взвода первой роты – «напрямую с другой стороны», то есть с тыльной стороны дворца Амина.

Первая (без взвода лейтенанта Рустама Турсункулова) капитана Исмата Кудратова и вторая роты старшего лейтенанта Курбана Амангельдыева из «мусульманского» батальона, а также приданная рота десантников (9-я рота 345-го опдп) под командованием гвардии старшего лейтенанта Валерия Востротина предназначались для блокирования расположения батальонов бригады охраны и предотвращения попыток их выхода из пунктов постоянной дислокации. Двум зенитно-артиллерийским самоходным установкам «Шилка» с получением сигнала о начале операции предстояло открыть массированный огонь по позициям охраны и обороны дворца Тадж-Бек. Две других ЗСУ 23х4 «Шилка» нацеливались на пункт дислокации первого мотопехотного и танкового батальонов афганской бригады гвардии (охраны).

Взвод ПТУРС «Фагот» выставлялся против танкового батальона. Кроме этого часть сил и средств выделялись для защиты командного пункта и в резерв¹. Кроме того, основная часть «роты оружия» (4-й роты «мусбата») также выделялась против танкового батальона афганской бригады гвардии, а командовал этими силами Г.К. Тишаев.

Таким образом, соотношение советских сил нападения к обороняющимся афганским силам было примерно следующим:

- при осуществлении штурма здания дворца Тадж-Бек – 1:2 или даже 3;
- при блокировании подразделений афганской бригады охраны (гвардии) и зенитного полка – 1:4 или к 5.

---

1 Подробнее см.: «Спецназ. 50 лет соединениям и частям специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации. – М.: 2000. С. 44-45.

В связи с приведёнными количественными показателями напомним, что в классической схеме соотношение наступающих сил по отношению к обороняющимся должно быть не менее 3 к 1, но никак не наоборот. В данном случае оно было примерно 1:3, а порой и – 1:5.

Здесь же заметим, что несколько некорректной представляется такая точка зрения, изложенная в книге М.Е. Болтунова «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ»: «Прикинуть соотношение сил (советских и афганских. – *Примеч. В.К.*) не представляло труда. И от прикидок становилось страшно – столь неравные были силы. 24 человека в «Громе», примерно столько же в «Зените». Плюс «мусульманский батальон». Но на него с самого начала возлагались лишь *вспомогательные задачи* (*курсив. – В.К.*). Значит, считай два взвода на такую крепость? А что ещё?»¹ И здесь же, несколько далее: «Две «Шилки» и шесть БМП... Это всё, что выделило родимое Отечество майору Романову (Михаил Михайлович Романов командовал штурмовой группой «Грома». – *Примеч. В.К.*). Знай он точно, что за крепость дворец Амина с охраной почти в двести гвардейцев (это на два-то его взвода) – оцепенел бы от ужаса майор. Любой бы живой (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) человек оцепенел, потому что идти на явную смерть никому неохота»².

И всё-таки было бы несправедливо полагать, что «родимое Отечество» пошло на авантюру «чистой воды», выделив для штурма дворца Тадж-Бек столь малые силы, о которых упоминает М.Е. Болтунов. Тем более, как об этом уже сообщалось, несколько ранее и параллельно с этими событиями в Кабуле и Баграме завершалась высадка частей 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии и 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, шло блокирование ими афганских частей и учреждений, к столице ДРА подходили передовые колонны 108-й мотострелковой дивизии. Проведение штурма дворца Х. Амина было центральным событием государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года, но далеко не единственным.

1 Болтунов М. Указ. соч. С. 56.

2 Там же.

В своей статье «Наваждение Тадж-Бека» А.П. Береговой дал такой общий план этих действий: «Сценарий переворота выглядел следующим образом: в день «Х» бойцы «мусульманского» батальона захватывают генеральный штаб, министерство внутренних дел, тюрьму Пули-Чархи (где содержались тысячи противников Амина), радиостанцию и телефонные узлы, некоторые другие объекты. В то же время штурмовая группа в количестве 50 человек, укомплектованная офицерами спецназа внешней разведки КГБ (Группы «Гром» и «Зенит»), врывается во дворец Амина и ликвидирует диктатора. Одновременно (или даже чуть раньше) на аэродроме Баграм высаживаются две дивизии ВДВ (103-я и 104-я), которые полностью берут под контроль и посылают несколько батальонов в Кабул на помощь «мусульманскому» батальону. Одновременно танки и БТР советской армии начинают вторжение в Афганистан через государственную границу. В общем, именно так всё и произошло»¹.

В свою очередь в альбоме «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР» присутствует следующая констатация: «Переворот в Афганистане был совершён по всем законам вооружённого захвата власти, разработанным В.И. Лениным. Об этом можно судить хотя бы по подбору объектов воздействия. Их список далеко не исчерпывался дворцом Амина, о котором, в основном, принято говорить. 27 декабря 1979 года отряд «Зенит» действовал в составе 9 групп во главе с наиболее опытными боевыми офицерами: дворец Амина – Я. Семёнов, Царандой (полиция) – Ю. Мельник, Генштаб – В. Розин, КАМ (военная контрразведка) – Р. Шафигулин, тюрьма – Ф. Коробейников, телеграф – В. Овсянников, «колодец» – Б. Плешкунов, почта – А. Пунтус, телецентр – А. Рябинин»².

Как мы видим из двух приведённых точек зрения, офицер спецназа военной разведки А.П. Береговой, говоря о захвате других «второстепенных» объектов, не упоминает о включении в состав групп захвата офицеров «Грома» и «Зенита». В свою очередь авторы комитетского (точнее, «вымпеловского») издания фактически утверждают о чуть ли не единоличном

1 Береговой А. Указ. соч.

2 Указ. альбом «Вымпел». – С. 46.

захвате этих объектов бойцами спецотряда «Зенит». Об участии в этих событиях десантников 103-й гв. ввд и 345-го гв. опдп, военных советников здесь вообще не упоминается.

В чём дело?.. Думается, что на этот вопрос ответ был уже частично дан ранее, когда рассматривались различные источники информации о кабульских событиях 27 декабря, их авторство, время издания, мотивы опубликования и т.д. Конечно, при этом следует чётко понимать, что штурм Тадж-Бека был составной частью общего плана осуществления в ДРА государственного переворота. Что же касается упоминания о «законах вооружённого захвата власти, разработанных В.И. Лениным», так на этом можно остановиться несколько подробнее.

Наш «самый человечный» Ильич по этому поводу ещё 1 октября 1917 года заметил: «Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас...» А также: «Ждать – преступление перед революцией»¹. В данном случае идёт речь о его «Письме к ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам». А далее В.И. Ленин 8 октября пишет свои знаменитые «Советы постороннего» и «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области». Здесь он напоминает сотоварищам следующие основные правила вооружённого восстания, сформулированные ещё Карлом Марксом:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твёрдо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. Оборона есть смерть вооружённого восстания.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идёт об одном городе)².

1 Владимир Ильич Ленин. Биография. – М.: ИМЛ, 1960. С. 342-343.

2 См.: Там же.

По мнению В.И. Ленина, взяв за основу эти правила с учётом конкретной обстановки в России, нужно было организовать и провести одновременное, быстрое и внезапное наступление на столичный Питер («извне и изнутри»), создать гигантский перевес революционных сил над контрреволюцией. При этом следовало комбинировать главные силы («флот, рабочих и войсковые части»), чтобы были заняты и удержаны («ценой каких угодно потерь») в первую очередь телефон, телеграф, железнодорожные станции, мосты. Далее В.И. Ленин требовал выделить самые решительные элементы – «ударников», рабочую молодёжь, лучших матросов (читай, «спецназ». – *Примеч. В.К.*) – в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов («для участия их везде, во всех важных операциях»).

Эти ленинские статьи, без всякого сомнения, изучались в высших военно-учебных заведениях каждым советским разработчиком плана государственного переворота в ДРА. Исходя из этого, более понятным становится ход их мыслей в декабре 1979 года, когда при власти в СССР состоял уже другой Ильич («дорогой и горячо любимый»). Ведь было тогда организовано одновременное, быстрое и внезапное наступление на Кабул («извне и изнутри»). Комбинировались главные силы (сухопутные части, в том числе и ВДВ, спецназ, ВВС, военные советники), захватившие главные военно-политические и коммуникационные объекты. Конечно, были и «ударники», то есть спецназ ГРУ Генштаба и КГБ СССР.

Как вспоминал в последующем генерал-майор В.В. Колесник: «План, отработанный на карте, я принёс на подпись Магометову и Иванову. Однако, утвердив план устно, они свои подписи не поставили. Тогда в их присутствии я написал на карте: «План устно утверждён главным военным советником Магометовым С.К. и главным советником КГБ Ивановым Б.И. От подписи отказались», поставил время, дату и свою подпись. После этого мы с моим заместителем по руководству группами спецназа КГБ генералом Дроздовым отправились в отряд, чтобы поставить задачи участникам предстоящего штурма. Никто из исполнителей, кроме нас и Холбаева, не был посвящён в истинные планы, которые нам предстояло осуществить»¹. Таким был план действий по захвату дворца Тадж-Бек, таковой была предыстория его утверждения.

1 Колесник В.В. «Штурм» в Кабуле». В указ. альбоме. – С. 44-45.

8. В чём состояла главная цель штурма?

Чтобы ответить на этот вопрос, сначала предоставим слово генерал-майору госбезопасности Ю.И. Дроздову, который так сообщал о периоде подготовки к осуществлению «Штурма» в Кабуле: «Поздно вечером 26 декабря В.В. Колесник и я вместе с Э.Г. Козловым и О.Л. Швецом (так в тексте; очевидно, имеется в виду О.У. Швец. – *Примеч. В.К.*) ещё раз отработали план операции по объекту Тадж-Бек. Основным замыслом этого плана было решение *главной задачи* (*курсив. – В.К.*) силами двух смешанных штурмовых групп «Гром» и «Зенит», действия которых обеспечивались созданием внешнего и внутреннего колец окружения силами подразделений «мусульманского» батальона и средств огневой поддержки. Особое внимание уделялось вопросам связи и взаимодействия»¹.

В тексте воспоминаний генерала госбезопасности Дроздова слова относительно выполнения силами спецподразделений госбезопасности главной задачи предстоящего штурма выделены курсивом не случайно. Юрий Иванович конкретизирует, что это была за задача, однако это становится очевидным, если принять во внимание ряд следующих обстоятельств, ведь, во-первых, нам известен последующий ход событий, то есть уничтожение в ходе штурма дворца Тадж-Бек Хафизуллы Амина. Во-вторых, мы знаем, что одно из подразделений Группы специального назначения КГБ СССР «А» в это же время выполняло задачу по обеспечению безопасности «нового афганского правительства» во главе с Бабраком Кармалем...

Ни в одном государстве двух правительств не бывает. Это аксиома. Поэтому становится понятным, что генерал-майор Ю.И. Дроздов в данном случае под главной задачей имел в виду не захват и удержание контроля над центром государственного и политического управления ДРА, каковым фактически являлся дворец Тадж-Бек, не пленение афганского диктатора, а его физическое устранение. Ведь пленение Х. Амина и его ближайших сподвижников по террору или

¹ Дроздов Ю.И. «Штурм-333». – «Вымпел», 1999, № 3. С. 34.

революции (это кому, как нравится) в условиях бескомпромиссного штурма было задачей на практике трудно реализуемой. Но и, если бы она всё-таки стала достигнута, сколько б хлопот и «ненужных объяснений» для советской стороны и «нового афганского революционного правительства» это вызвало? Тут уж действительно: нет человека – нет проблемы. Тем более что Политбюро ЦК КПСС, судя по документам о пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении «А», уже постановило 27 декабря 1979 года списать всё это на афганскую междоусобицу.

В публикациях конца 1980-х и начала 1990-х годов было обычным делом говорить о том, что в ходе штурма дворца Тадж-Бек советский спецназ имел целью захват Х. Амина и его ближайшего окружения для последующего «судебного разбирательства в кровавых злодеяниях преступного режима». Весьма показательной в этом плане является книга А.А. Ляховского и В.М. Забродина «Тайны афганской войны», выпущенная в свет московским издательством «Планета» в 1991 году. Её авторы утверждали в частности следующее: «Фактически первой акцией, которую осуществили 27 декабря наши подразделения СПЕЦНАЗ – оказание помощи патриотическим силам и отрядам афганских боевиков в свержении режима Х. Амина. В результате короткого боя при штурме аминовской резиденции в Дарульамане (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) Амин был убит (хотя ставилась задача взять его живым)...»¹ Впрочем, к 1995 году сам А.А. Ляховский эту точку зрения по данному вопросу весьма существенно подкорректировал, заявив, что основной задачей штурма было убийство главы правительства ДРА и лидера НДПА Хафизуллы Амина².

В своих воспоминаниях непосредственные участники кабульских событий 27 декабря 1979 года, как правило, старались особо не заострять внимание на том, что на самом деле было главной целью в ходе осуществления штурма дворца Тадж-Бек – ликвидация (физическое устранение, убийство) Х. Амина или его пленение. Известные сдержанность и деликатность проявляли в этой связи и «профильные» периодические издания. Это, в общем-то, вполне понятно и объяснимо.

1 Ляховский А.А., Забродин В.М. – Указ. соч. С. 51.

2 Ляховский А.А. Указ. соч. – С. 149.

Выстраивая систему доказательств в пользу определённой версии, давайте первоначально попытаемся ответить на ряд вопросов, которые вполне логично возникают перед любым добросовестным исследователем. Думается, что ответить на них сможет всякий мало-мальски подготовленный читатель, а приведённые далее комментарии в значительной мере совпадут с его мнением. Итак...

Вопрос № 1: Если высшее руководство КПСС и СССР уже сформировало при себе новое марионеточное правительство ДРА в лице Бабрака Кармаля и его соратников, зачем ему было нужно другое «действующее» или, говоря иными словами, живое... правительство ДРА во главе с Хафизуллою Амином и его ближайшим окружением?

Ответ: Думается, что, несмотря на весь кажущийся алогизм отдельных действий и решений советского руководства, в них прослеживается определённая последовательность. Когда советским руководством было принято решение о формировании «нового» афганского правительства в изгнании во главе с Бабраком Кармалем, фактически тогда руководители КПСС и СССР подписали смертный приговор Хафизулле Амину, который вряд ли бы согласился в добровольном порядке расстаться с браздами правления страной и партией. Живым Х. Амин не был нужен ни руководству КПСС (СССР), ни «новому» афганскому правительству Б. Кармаля и его со товарищам, ведь таковым, то есть собственно афганским правительством, оно могло стать лишь после устранения Хафизуллы Амина и его ближайших компаньонов по террору.

Вопрос № 2: Как должны были реагировать на события «внутреннего государственного переворота» советские войска, вошедшие в ДРА по просьбе этого главы афганского государства, то есть Х. Амина, если этот переворот направлен против руководителя призвавшего их на помощь? Были ли при такой аргументации ввода советских войск в ДРА смысл и логика в пленении Х. Амина для организации суда над ним?

Ответ: В данном случае представляется очевидным, что советские войска должны были встать на защиту Х. Амина и его министров, ведь ввод ОКСВА неоднократно мотивировался советской стороной наличием многочисленных просьб именно от этого главы афганского руководства. Судить Амина после «реализации его неоднократных просьб»

относительно советской военной помощи было бы верхом идиотизма. Если бы государственный переворот в ДРА и приход к власти «нового» афганского правительства во главе с Б. Кармалем не были инспирированы руководством СССР (Политбюро ЦК КПСС), так им ещё было нужно познакомиться, определить свои позиции относительно правомерности нахождения советских войск в Афганистане и т.д. Действительно, что было делать в ДРА войскам СССР, если их мандат на пребывание в этой стране был фактически аннулирован свержением «законного» инициатора ввода ОКСВА, то есть Хафизуллы Амина?

Вопрос № 3: Штурм дворца Тадж-Бек явился следствием прежних неудавшихся попыток физической ликвидации Х. Амина сотрудниками КГБ и афганской оппозиции (снайперы, «повара узбеки» и т.д.). Это на сегодняшний день представляется очевидным. Какие иные цели за исключением убийства могут иметь подобные действия?

Ответ: Относительно работы снайперов таких целей не обнаруживается явно. В плане действий «поваров узбеков» с большой натяжкой, конечно, можно предположить, что Х. Амина пытались не отравить, а только усыпить. Сопутствующей целью этого последнего из названных действий могло быть стремление деморализовать властное окружение, которое пыталось принять меры по объявлению общей тревоги, организации незамедлительной дополнительной охраны и обороны дворца. Но в подавляющем большинстве источников информации по данному поводу речь шла не о попытке усыпления, а именно об отравлении Х. Амина, что в конечном итоге должно было привести афганского диктатора к летальному исходу. Таких последствий не произошло из-за помощи, оперативно оказанной Хафизулле Амину советскими военными врачами полковниками медицинской службы В.П. Кузнеченковым и А.А. Алексеевым, которые с явным трудом и на небольшой срок сохранили жизнь своему пациенту.

Вопрос № 4: Если целью штурма дворца было не физическое устранение Х. Амина, а его пленение, почему предложений о прекращении сопротивления и сдаче в плен от атакующей стороны в адрес обороняющихся не поступало?

Ответ: Военные люди всё делают по приказу, по команде. Инициатива, проявляемая ими, не может выходить за

рамки общего замысла боевой операции и, тем более, не может противоречить ему. Все без исключения участники штурма дворца Тадж-Бек говорили о бескомпромиссности этого боя, о том, что фактически были поставлены в положение штрафников, если не смертников. И это действительно было так. Малочисленным штурмовым группам спецназа давала некоторое преимущество призрачная надежда на неожиданность, помноженная на выучку и волю к победе. Но предложений о предъявлении обороняющейся стороне ультиматума не было, что следовало бы сделать в случае выдвижения в качестве основной задачи пленение Х. Амина. Из воспоминаний руководителей «Штурма» следует, что подобные варианты развития событий в подготовительный период даже не обсуждались.

Вопрос № 5: Как можно было сохранить жизнь Х. Амина и его министрам в условиях ожесточённого огневого боя, когда никто не застрахован от случайностей? Как это можно сделать при ведении на поражение интенсивного огня из зенитно-артиллерийских систем, различных видов стрелкового оружия, вооружения БТР и БМП?

Ответ: Пожалуй, только одним способом – положиться на удачу. Но тогда, говоря о штурме дворца Тадж-Бек, мы должны чётко себе представлять, что речь в данном случае идёт о совершеннейшей аванюре. Однако операция «Штурм-333» нисколько не покажется ни авантурой, ни сумасшествием, если признать в качестве основной версии утверждение о том, что настоящей и главной целью этого штурма были не захват объекта и пленение Х. Амина, а физическое устранение последнего. Причём исполнение этого решения в случае возможной заминки спецназа в ходе штурма было продублировано многократно. Осознание этих реалий многое составляет на свои места.

Вопрос № 6: Какую задачу выполнял спецназ ГРУ Генштаба и КГБ СССР: тактическую (захват и удержание объекта) или стратегическую (осуществление государственного переворота в Афганистане)? Есть ли смысл и логика в захвате и удержании административного здания силами советского спецназа в столице иностранного государства, если при этом не решаются другие, более существенные задачи?

Ответ: Действительно, в захвате и удержании административного здания, то есть резиденции главы ДРА Х. Амина,

силами спецназа в столице иностранного государства не было никакого смысла. Принятие мер по его освобождению или деблокированию со стороны верных правительственных войск были весьма вероятны. Когда есть глава государства, тогда есть верные ему армейские части и подразделения; нет главы государства – некому эту верность проявлять. В последнем случае немедленно следуют хаос, паника и неразбериха. Руководители армии, сил государственной безопасности и полиции не знают, какие предпринять действия, отсутствует даже первичная информация для принятия каких-либо решений. Глава государства молчит, министры бездействуют, приказы подчинённым не поступают. Потом провозглашается создание нового правительства, назначение нового главы государства, и в обществе наступает период осознания произошедшего. В общих чертах именно так и произошло в Афганистане после того, как силами спецназа ГРУ и КГБ 27 декабря 1979 года был уничтожен кровавый диктатор Х. Амин. Поэтому становится очевидным, что спецназ ГРУ и КГБ выполнял задачу не тактическую (захват и удержание объекта), а стратегическую (политическую), то есть смену руководства правящего режима в Афганистане.

Вопрос № 7: Каковой была задача представителей афганской оппозиции С.М. Гулябзоя и Сарвари, находившихся среди бойцов штурмовых групп и охранявшихся ими? Опознать Х. Амина (живого или мёртвого), либо уничтожить диктатора на основании «приговора», вынесенного ему решением нового Революционного совета ДРА под руководством Б. Кармаля?

Ответ: Вряд ли стоит предполагать, что бойцы «Зенита» и «Грома», рискуя своими жизнями, тащили за собой к дворцу Тадж-Бек афганских оппозиционеров С.М. Гулябзоя, А. Сарвари и обеспечивали их безопасность, только для того, чтобы данные деятели лишь опознали Хафизулла Амина. Для этого вполне достаточно было использовать фотопортреты диктатора, ведь недостатка в этом не ощущалось. К тому же среди спецназовцев КГБ, атаковавших дворец, были люди, которые лично знали Х. Амина по предыдущим своим командировкам в Афганистан. Во всяком случае, таковым был майор госбезопасности Н.В. Берлёв, входивший в состав охраны советского посла Пузанова после захвата и убийства

посла США в ДРА Адольфа Доббса, то есть после 1 марта 1979 года. Зная, как действовал представитель афганской оппозиции в ходе захвата генштаба ВС ДРА (расстрелял Якуба), можно с уверенностью предположить, что такая же роль отводилась Гулябзою и Сарвари в ходе штурма дворца Тадж-Бек. Поэтому очевидно, что именно им вменялось в обязанность объявление Х. Амину смертного приговора, вынесенного «Революционным советом ДРА», и незамедлительное приведение его в исполнение. Такой сценарий вполне устраивал и группу Кармаля, и высшее советское руководство. В результате его воплощения первые становились реальными творцами «нового этапа» Саурской (Апрельской) революции, а вторые – просто-напросто разводили руками. Мол, мы здесь ни при чём, ведь всё произошедшее в Кабуле является делом внутриафганским. Других логичных обоснований присутствия «товарищей» С.М. Гулябзоя и Сарвари среди штурмовых групп советского спецназа трудно найти.

Кроме перечисленных здесь вопросов-ответов есть немало и других прямых и косвенных свидетельств того, что главной целью штурма дворца Тадж-Бек было физическое уничтожение кровавого афганского диктатора, руководившего проведением геноцида против собственного народа. Ведь, несомненно, таковым следует полагать Х. Амина. Или, говоря другими словами (словами Стива Крофорда), целью этого нападения было «политическое убийство главы афганского государства Хафизуллы Амина». Но вряд ли при этом стоит заниматься лицемерием. И какую выбрать формулировку («ликвидация тирана» или «политическое убийство»), пусть определится сам читатель.

В подтверждение высказанных ранее соображений приведём воспоминания бывшего командира штурмовой группы «Зенита» Якова Семёнова, опубликованные в юбилейном выпуске альманаха «Русские коммандос». Здесь освещается эпизод, когда после завершения штурма происходил доклад командованию от спецназовцев КГБ: «Я (Я.Ф. Семёнов. – *Примеч. В.К.*) доложил по радио руководству: «Главный – конец. Имеем потери. Что делать?»¹. В этой связи, пожалуй, стоит заметить, что более чётко и

1 «Русские коммандос», – 1999, №1. С. 44.

недвусмысленно трудно выразить суть выполнения спецназом КГБ боевого (специального) приказа: «Главный – конец...» Или, говоря другими словами, главная задача выполнена.

В отношении других прямых и косвенных свидетельств этого можно сказать следующее. Их вполне достаточно для того, чтобы ещё более конкретно и более доказательно аргументировать данную точку зрения. Таким образом, главной задачей операции «Шторм» следует полагать физическую ликвидацию Х. Амина, то есть решение ключевого вопроса государственного переворота в Афганистане, приведшего к власти в ДРА «здоровые силы в НДПА» во главе с Бабраком Кармалем и его сотоварищами. Очевидно, осознание этих реалий многое расставляет по своим местам.

Вместе с тем приведём и противоположное мнение, автором которого является бывший начальник КГБ СССР В.А. Крючков, заявлявший как в 2003 году, так и несколько ранее буквально следующее: «Подразделения специального назначения Министерства обороны и Комитета госбезопасности в ночь на 27 декабря 1979 года вместе с группой афганцев захватили резиденцию, где находился Амин и его приближённые. Штурм самого здания и территории (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) вокруг него продолжался около часа. В ходе боевой операции Амин был убит, хотя в наши планы входило лишь его задержание (несмотря на то что накануне штурма афганская оппозиция вынесла Амину смертный приговор за совершённые им массовые преступления)»¹.

В связи с приведённым мнением В.А. Крючкова заметим, что в нашем распоряжении достаточно фактов, чтобы сомневаться в правдивости отстаиваемой им версии. Тем более что вряд ли этого автора следует считать «нейтральной стороной» при рассмотрении описываемых событий более чем двадцатипятилетней давности. Всё-таки как-то не вяжутся эти утверждения бывшего начальника ПГУ КГБ СССР (в период описываемых событий) В.А. Крючкова хотя бы с тем фактом, что участников этой боевой (специальной) операции в последующем наградили самыми высшими государственными наградами Советского Союза. Однако, исходя из слов

1 Крючков В.А. Личное дело. – М.: Эксмо, 2003. С. 230.

В.А. Крючкова, получается, что это было сделано за... неисполнение или неправильное исполнение приказа. Возможно ли такое? Конечно, есть старая армейская поговорка, которая звучит примерно так: «Непричастных наградить, невиновных наказать». Однако сомнительно, что в данном конкретном случае имело место подобное. Очевидно, это заявление было сделано В.А. Крючковым для того, чтобы не навлечь на себя «излишней критики». Тогда всё становится на свои места. Но зачем так «унижать» своих бывших подчинённых: мол, они приказ не выполнили точно и в срок.

Забегая несколько вперёд, приведём свидетельство бывшего сотрудника внешней разведки КГБ СССР Валентина Братерского, в последующем вспоминавшего: «Нас было пятеро из ПГУ и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию. Уникальная группа «Гром», в которую входили классные спортсмены, должна была непосредственно действовать во дворце. Группа «Зенит» – обеспечить подступы ко дворцу. В ней были ребята из балашихинской школы, где готовят спецназовцев... Кармаль обещал, что нас поддержат 500 верных ему боевиков. Завезли для них оружие, гранаты – ждали. Из 500 человек пришёл только один. Была ещё одна группа под началом майора КГБ. В их задачу входило доставить некоторых представителей афганского руководства для подтверждения версии о внутреннем перевороте. Версия же, которая внушалась нам, – Амин связан с американцами, мы получим ещё одного опасного соседа с юга. Никаких документов, подтверждающих эту версию, никогда представлено не было. Мне всё стало окончательно ясно, когда человек, застреливший Амина, сказал мне, что приказ был: живым Амина не брать. Кстати, тогда же в перестрелке был ранен в грудь и скончался сын Амина лет восьми. Я собственными руками перевязывал рану его дочери – её ранили в ногу. Мы оставили дворец, в котором ковры были пропитаны кровью и хлюпали под ногами. Это трудно себе представить...»¹

Несмотря на то что воспоминания В. Братерского содержат ряд существенных неточностей, эти суждения офицера

---

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 149-150.

внешней разведки бывшего КГБ СССР для нас представляют определённый интерес: они дают ответы на некоторые ранее не прояснённые вопросы. И отсюда становится ясно, почему на острие штурма дворца-крепости Х. Амина были именно бойцы спецподразделений КГБ. Это напрямую было сопряжено со смыслом главной цели штурма – не пленением «вождя афганской революции» Хафизуллы Амина, а его физическим уничтожением. Поручить выполнение такого приказа армейцам тогдашние лидеры СССР и КПСС, очевидно, побоялись. И здесь стоит вспомнить, что спецназ КГБ был в значительной мере нацелен на выполнение задач именно политического свойства. А вся разыгрывавшаяся советским руководством в Кабуле комбинация была делом не только межгосударственным (между СССР и ДРА), но и межпартийным (между КПСС и НДПА). С точки зрения советских лидеров из «ленинского политбюро» ЦК КПСС, проведение подобной акции во благо «международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения» было вполне оправдано.

Впрочем, в то время правительства и спецслужбы многих других государств, обладавших значительными геополитическими амбициями (США, Франция, Великобритания и т.д.), с лёгкостью шли на организацию подобного рода переворотов в тех или иных странах Азии, Африки, Латинской Америки. Таковы были реалии в мировой политике того времени. И винить в этом только СССР или исключительно КПСС нелепо. Однако заявления подобного рода вошли в привычку и стали «правилом хорошего тона» после распада Советского Союза. Но ведь и сегодня известная страна продолжает на практике реализовывать принцип «убеждения силой» в отношении своих «неприсоединившихся» соседей или стран, объявленных «осью зла». А что касается кабульских событий декабря 1979 года, так здесь, наверно, стоит припомнить, как всего за несколько месяцев до этого аналогичная боевая (специальная) операция была проведена в Африке силами французских спецслужб и десантников.

Возвращаясь к вопросу о главной цели штурма дворца Тадж-Бек, заметим, что дело здесь состояло не только в различии сфер боевого применения спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР. Не будем забывать, что все эти события были

окружены особой секретностью, определявшейся известной «деликатностью» проводившейся акции. Сама эта тайна не безуспешно сохранялась и после 1979 года, была окутана разного рода слухами и легендами, до сих пор плодит многие не прояснённые вопросы, ответы на которые ещё не даны и по сей день. Разве можно было доверить это армейскому спецназу, в составе которого были не только профи (офицеры и прапорщики), но и солдаты и сержанты срочной службы, да ещё к тому же мусульмане?..

В подтверждение этого приведём слова бывшего бойца спецгруппы «Зенит» в ту бытность старшего лейтенанта КГБ Сергея Климова: «По «легенде», мы прибыли в Кабул для охраны Советского посольства. Нас поселили на шикарнейшей вилле (все почему-то говорили, что это вилла номер два). Я, естественно, тогда в силу своей занимаемой должности мало что знал. Да, я слышал, что в обиходе наше подразделение называли «Зенитом». Позже познакомился с ребятами, которые жили на другой вилле. Они входили в команду «Гром». Сейчас, конечно, уже не секрет, кто чем занимался. Грубо говоря, «Зенит» занимался своего рода террором, а «Гром», наоборот, специализировался на антитеррористической деятельности. Но это, повторяю, очень грубые определения»¹. Очевидно, несмотря на «очень грубые определения», С. Климову довольно точно удалось подметить будущий характер деятельности в Афганистане спецгрупп КГБ «Гром» и «Зенит».

А как, спросят некоторые читатели, быть с советско-афганским договором «О дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» от 5 декабря 1978 года, якобы на основании которого советский воинский контингент был введён в ДРА. Ответ на данный вопрос довольно-таки прост и состоит в том, что указанный ранее договор был всего лишь ширмой для организации советской стороной широкой дезинформационной кампании по прикрытию истинных целей проводимой СССР в отношении Афганистана военно-политической акции. В этой связи следует признать, что данная широкая пропагандистско-идеологическая завеса возымела свои весьма осязаемые результаты как в период до 27 декабря 1979 года, так и после этой даты.

¹ Цит. по указ. книге В.В. Огрызко. – С. 7.

По большому счёту, можно говорить, что и сегодня многие наши соотечественники смотрят на те далёкие события с точки зрения ложных штампов и стереотипов официальной пропаганды, которые были определены постановлением Политбюро ЦК КПСС «О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана». Очевидно, сказанного ранее вполне достаточно для того, чтобы составить определённое мнение по данному вопросу. Тем более, к этому нам волей-неволей придётся ещё не один раз возвращаться в ходе дальнейшего повествования.

Таким образом, версия о том, что в ходе штурма Тадж-Бека главным считался захват в плен Х. Амина, представляется маловероятной. Однако в нашем общественном мнении именно такой взгляд на происшедшее долгое время служил и в значительной мере до сих пор служит объяснением событий 27 декабря 1979 года. В значительной мере ключом к пониманию этого является хотя бы то обстоятельство, что последующие события вовлекли многотысячный контингент советских войск в участие в боевых действиях на территории ДРА. Для многих и многих наших сограждан Афганистана стал частью их личных биографий, биографий их родных и близких. А нормальному человеку верить в плохое не хочется, связывать себя лично с этим плохим не хочется вдвойне.

В этой связи следовало бы признать, что британский «писатель специального назначения» Стив Крофорд, по большому счёту, прав, говоря о том, что 27 декабря 1979 года в Кабуле на основании приказа высшего руководства СССР советским спецназом было осуществлено политическое убийство. Хотя господин Ст. Крофорд не считает необходимым при этом добавить, что в том далёком декабре в афганской столице силами советского спецназа ГРУ и КГБ был уничтожен Хафизулла Амин – один из жесточайших диктаторов современности, осуществлявший геноцид в отношении своего собственного народа. К тому же господин Ст. Крофорд (в принципе, понятно почему) при изложении своих теорий применяет различные стандарты в отношении аналогичных действий своих

коллег «зелёных беретов» и советского спецназа, который с упорством, достойным лучшего применения, именуется российским.

Досадно, что Стив Крофорд не сумел понять элементарного, что *любая* (курсив. — В.К.) война – это убийство, что любой военный человек – это машина (в идеальном плане) для осуществления убийств по приказу того или иного национального правительства, либо многонационального командования. При этом государственные вожди всех времён и народов всегда жаждут, чтобы солдат исполнял своё ремесло профессионально и без моральных колебаний. На какой стороне (правой или неправой, что по большому счёту весьма относительно, стороне потенциальных победителей или побеждённых) выступает солдат, это далеко не всегда от него зависит, ведь своё отечество, как и свою мать, не выбирают. Воин, офицер, солдат... без нравственных заморочек, неотягощённый избытком интеллекта, напрягающий свои умственные и физические силы только на исполнение приказа командира, не задающий при этом «дурацких» вопросов, – вот мечта любого правителя.

И в истории человечества или на географической карте планеты Земля не стоит искать такой отрезок времени или территорию, где всё было бы устроено по каким-либо другим принципам. Не стоит, потому что таковых вы просто-напросто не найдёте. Но, если вами будет обнаружено нечто подобное, так знайте, что такой режим или правитель продержатся недолго. Поэтому стоит ли, рассуждая на военно-профессиональные темы, одних парней записывать в заведомо плохие, а других – в хорошие? Вряд ли: солдаты войн не начинают. Они их только заканчивают, платя по счетам политиков своих стран весьма дорогой и известной ценой. И пусть простит читатель это небольшое отступление от осязаемого предмета нашего повествования, но без него трудно не только рассуждать о конкретике событий 27 декабря 1979 года, но и делать какие-либо обобщения.

9. Во время подготовки к «Штурму»

Как об этом сообщалось ранее, после прибытия «мусульманского» батальона в район Тадж-Бека главный военный советник СССР в Афганистане генерал-полковник С.К. Магомедов приказал полковнику В.В. Колеснику и майору Х.Т. Холбаеву «усилить охрану дворца». Тогда 154-му ооСпН предписывалось занять оборону в промежутке между постами охраны и линией расположения афганских батальонов. Командование «мусбата» незамедлительно представилось майору Джандату, являвшемуся не только комбригом афганской гвардии (охраны), но и личным порученцем главы ДРА. Формально 154-й ооСпН поступал в его распоряжение и вводился в состав этого соединения.

В целях конспирации полковник В.В. Колесник действовал тогда под видом, как пишет об этом сам Василий Васильевич, начальника штаба «мусульманского» батальона «майора Колесова», подполковник О.У. Швец – начальника разведки, генерал-майор Ю.И. Дроздов – зампотеха «мусбата». Других комитетчиков также залегендировали под офицеров батальона¹. Впрочем, генерал-майор А.А. Ляховский и вслед за ним Ю.И. Дроздов сообщали о несколько другом распределении «ролей»: полковник В.В. Колесник – заместитель командира «мусульманского» батальона по боевой подготовке «майор Колесов», подполковник О.У. Швец – офицер особого отдела КГБ при 154-ом ооСпН «майор Швецов», генерал-майор Ю.И. Дроздов – «зампотех» «мусбата» «капитан Лебедев»².

С главным охранником Х. Амина были согласованы вопросы взаимодействия и связи, а также расположение оборонительных позиций, занимаемых «мусульманским» батальоном и порядок выхода на них. После чего провели рекогносцировку маршрутов выдвижения подразделений

1 Колесник В.В. Указ. альбом «Спецназ ГРУ». – С. 103-104.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 132-133, 137; Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». – С. 111.

«мусбата» и приступили к практической отработке данных задач. На одном из участков, где проходил арык, совместно с афганцами построили из бетонных плит мостик. Занимались подобными вопросами порядка двух суток. Тогда же подразделениям «мусбата» были определены задачи по срокам выдвижения на оборонительные позиции, участкам и секторам ведения огня на случай нападения моджахедов, которых тогда в обиходе именовали «ихванами».

Параллельно с этим решались вопросы размещения и устройства быта «мусульман»-спецназовцев в недостроенной казарме танкового батальона афганской бригады гвардии (охраны). Окна без стёкол завесили плащ-палатками, установили печки-«буржуйки», сделали запасы топлива, установили двухъярусные кровати. Дополнительно получили у афганских тыловиков верблюжьи одеяла: зима в том году, как об этом ранее сообщалось, была крайне суровой. Обеспечение продуктами питания проходило за счёт закупок на кабульских базарах. К приготовлению горячей пищи в условиях высокогорья поварам «мусбата» также приходилось приспособливаться.

Одновременно полным ходом шли и занятия по боевой подготовке. В частности на виду у афганцев бойцы «Зенита» и «Грома» отрабатывали нормативы по посадке и высадке на ходу их десантных отделений БТР и БМП. Проводились боевые стрельбы и учебно-боевые выходы подразделений «мусульманского» батальона для занятия установленных им участков обороны Тадж-Бека. Всё это проходило демонстрационно, чтобы заранее приучить афганские силы охраны Х. Амина к подобного рода беспоконным действиям со стороны советского «мусбата» и не вызвать у них каких-либо опасений. Днём и ночью по установленному графику прогревались двигатели боевых машин, чтоб таким образом обеспечить повышенную боевую готовность техники. Ночью в небо взлетали осветительные ракеты, обеспечивавшие подсветку местности, объявлялись учебно-боевые тревоги.

Такая рьяная деятельность командования и личного состава «мусульманского» батальона поначалу вызвала серьёзные опасения со стороны майора Джандада и его заместителей: территорию «мусбата» освещали прожекторами

зенитного полка, для выяснения причин «кипучей активности» сюда являлся сам комбриг. Комбату Х.Т. Холбаеву и «майору Колесову» приходилось давать ему соответствующие объяснения, обещать, что постараются меньше тревожить Х. Амина шумом работающих на холостом ходу двигателей. Но не размораживать же моторы боевых машин и автомобильной техники?..

Такие действия проходили 25-го, 26-го и в первой половине 27 декабря. Постепенно афганцы успокоились и перестали экстренно реагировать на подобное поведение офицеров и бойцов «мусбата». Чего, собственно говоря, и добивалось руководство «Шторма» и командование 154-го ооСпН. После размещения «мусульманского» батальона и мало-мальского обустройства быта для укрепления «боевого содружества» решили организовать званый ужин, на который пригласили около пятнадцати офицеров афганской бригады гвардии (охраны) во главе с командиром и замполитом соединения. Продукты закупили на рынке, а со спиртным и русскими деликатесами выручили комитетчики. Они привезли из своего представительства ящик «посольской» водки, коньяк, икру, рыбу, так что стол получился праздничным.

В ходе этого застолья провозглашали тосты за нерушимую советско-афганскую дружбу, за «Великую Саурскую (Апрельскую) революцию», процветание СССР и ДРА, боевое содружество и так далее. Гостям спиртное наливали щедро, сами старались пить мало: советские повара, заранее проинструктированные на этот случай, наполняли рюмки своих офицеров в основном водой. В разгар застолья замполит афганской бригады охраны разоткровенничался, как он по приказу Х. Амина со своими подельниками принимал участие в удушении «первого президента ДРА» Н.М. Тараки. Комбриг Джандад быстро осадил своего не в меру разговорчивого заместителя, которого тут же увезли для протрезвления. Однако информация об этом была незамедлительно передана по линии ГРУ Генштаба и КГБ СССР.

В то же время офицеры КГБ, подключённые к проведению «Шторма», настойчиво проводили разведку «объекта №1». Как вспоминал об этом генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов: «Вечером 25 декабря 1979 года я провёл совещание с командирами своих разведывательно-

диверсионных групп о результатах разведки объектов и мерах по овладению ими. В основном все были готовы. Не доставало плана дворца. Ослабить оборону дворца сотрудники 9-го управления отказались по соображениям конспирации, но смогли 26 декабря провести во дворец разведчиков-диверсантов, которые всё внимательно осмотрели и составили поэтажный план дворца.

Офицеры «Грома» и «Зенита» провели разведку огневых точек, расположенных на ближайших высотах. Все эти дни велось круглосуточное визуальное наблюдение за дворцом Тадж-Бек. Разведчики ночью приближались как можно ближе к объекту, оставались там на весь день. За двое суток изорвали меховой костюм в клочья, ползая по камням. Он нам потом целый год не давал покоя – не могли списать. Всё было готово. За объектом внутри и снаружи продолжалось непрерывное агентурное наблюдение»¹.

Обратим здесь внимание на слова генерала Дроздова, что наблюдение за Тадж-Беком велось не только снаружи, но и изнутри. Очевидно, этому моменту следует уделить несколько большее внимание. В уже упоминавшемся романе Чингиза Абдуллаева «Уйти и не вернуться», изданном в 1986 году ростовским (на Дону) издательством «Проф-Пресс», имеется следующая информация: «Ещё за два месяца до вторжения, Управление «С», занимающееся нелегалами, приняло решение о командировке своего агента в Кабул. Этим агентом был азербайджанец, специалист по Афганистану, прекрасно владеющий языками, подполковник Михаил Талыбов. Он работал в Афганистане ещё при прежнем режиме и хорошо знал Кабул. С помощью советников из посольства СССР, он как местный житель из Кандагара был устроен на должность повара в президентском дворце самого Амина. Нарыв назрел. В решающий момент Талыбов должен был отравить Амина. Позднее предатель О. Гордиевский, работавший резидентом КГБ в Англии и бежавший на Запад, назовёт в своей книге имя азербайджанца, работавшего шеф-поваром во дворце Амина. Но, как обычно, соврёт, ибо Михаил Талыбов, как пишет О. Гордиевский, просто не может быть азербайджанцем. Это подполковник Михаил Талыбов, чьё имя мы впервые пишем

¹ Дроздов Ю.И. «Шторм-333». – «Вымпел», 1999, №3. С. 34.

правильно. Как и всякий восточный деспот, Х. Амин был очень осторожен, часто проверяя подаваемую ему еду и напитки. Постепенно другие повара убирались из кухни и вскоре любимцем Амина стал Талыбов¹.

В соответствии с избранной формой изложения опровергать или подтверждать данное заявление писателя Чингиза Абдуллаева (в том числе и правильность написания фамилии упомянутого здесь сотрудника КГБ СССР) не будем. Ведь речь идёт о конкретном человеке, чьё участие в операции «Шторм-333» до сих пор окончательно не прояснено. Однако в этой связи вызывает удивление следующая сноска автора под данной информацией: «Публикуется впервые на русском языке. Запрещается использовать где-либо без согласия автора». Выходит, раньше это произведение издавалось вне России и тайной не являлось, а для отечественного читателя (писателя, исследователя, критика и т.д.) уже появились известные ограничения. Не совсем ясная аргументация, ведь Ч. Абдуллаев является автором романа, то есть произведения художественного, а не документального, научного или публицистического.

По этому поводу генерал-майор А.А. Ляховский, являющийся, пожалуй, самым добросовестным исследователем данной проблемы, писал о неких «поварах узбеках», задержанных охраной Х. Амина после появления у их шефа и гостей в Тадж-Беке первых признаков отравления². Руководитель «Шторма» В.В. Колесник в своих воспоминаниях данный вопрос не затрагивал. По большому счёту, обошёл эту проблему молчанием и его заместитель по линии КГБ генерал-майор Ю.И. Дроздов, которого в этой связи следует полагать человеком наиболее информированным.

Анализ различных источников позволяет сделать предположение о том, что «изнутри дворца» агентурную работу могли проводить как минимум два советских сотрудника. Во-первых, речь действительно идёт о поваре

1 Абдуллаев Чингиз. Указ. соч. – С. 51-52.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 145.

Х. Амина. Правда, не совсем ясно, был ли этот офицер КГБ нелегалом, сколотившим вокруг себя агентурную сеть, или же был приставлен советским руководством к афганскому диктатору официально, разумеется, для «обеспечения безопасности» Хафизуллы Амина. Во-вторых, таковым советским сотрудником можно было бы полагать и личного переводчика Х. Амина («таджика по имени Момаджан»), в услугах которого в этот период в силу известных причин он постоянно нуждался. По крайней мере, точно ясно, что у руководителей операции по захвату дворца Тадж-Бек были свои надёжные источники информации среди обслуживающего главу ДРА персонала...

Несколько забегаая вперёд, приведём заявление бывшего сотрудника внешней разведки КГБ СССР Валентина Братерского: «Нас было пятеро из ПГУ и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию... Кармаль обещал, что нас поддержат 500 верных ему боевиков. Завезли для них оружие, гранаты – ждали. Из 500 человек пришёл только один»¹. О чём говорил автор этого высказывания? А имел он в виду то обстоятельство, что сосредоточенное сотрудниками советской госбезопасности на виллах посольства СССР в Кабуле вооружение из расчёта на полтысячи человек так и осталось незадействованным. Однако в подготовительный период именно для этих целей оно доставлялось чекистами в Кабул.

«Прогрессивным силам внутренней афганской оппозиции», которые по версии Кремля и Бабрака Кармалы совершили государственный переворот 27 декабря 1979 года, это оружие оказалось не нужно. Ведь до начала событий появился только один... «боевик», готовый не пощадить своего живота за правое дело свержения режима Хафизуллы Амина и его поделельников. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что всё-таки таких «боевиков» было несколько больше. Однако для нас в этой связи особо интересно то обстоятельство, что в советском штабе государственного переворота в Кабуле ожидали именно 500 афганских «революционеров» из числа

¹ А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана. – М. ГПИ «Искона», 1995. С. 149-150.

сторонников Б. Кармаля. Очевидно, для этих «боевиков» также отводилась некая роль в событиях 27 декабря. Какая? Это до сих пор не известно, хотя, по большому счёту, уже не столь важно.

Но исчерпывалось ли этим, как заявлял Валентин Братерский, участие в кабульских событиях декабря 1979 года сил афганской оппозиции или, точнее, сил внутривластной оппозиции из НДПА? Конечно, нет. В этой связи военный журналист М.Е. Болтунов рассказал о присутствии сотрудников КГБ Бориса Чичерина и Ю.А. Изотова на заседании, так сказать, «второго состава» политбюро ЦК НДПА в Баграме перед началом осуществления государственного переворота. При этом автор сообщал, что такое мероприятие проводилось вечером 27 декабря, хотя информация о времени проведения этого самостоятельного «Революционного совета и политбюро ЦК НДПА» вызывает определённые сомнения. Ведь даже по самым приблизительным расчётам вечером 27 декабря, то есть после 18.00, господа «революционеры» уже должны были находиться на своих объектах или на исходных позициях в Кабуле. По всей видимости, такое «мероприятие» могло состояться либо в первой половине 27 декабря, либо вечером 26-го или ранее того.

По мнению М.Е. Болтунова, распределение объектов, подлежащих захвату в ходе переворота, между оппозиционерами произошло примерно следующим образом: Гулябзой – дворец Х. Амина, Нур – царандой, Ватанджар – узел связи. Сразу после заседания разъехались по своим местам Сарвари, Гулябзой, Ватанджар, после них Нур. В этой связи только заметим, что распределение объектов за перечисленными лицами афганской оппозиции было несколько иным, но сейчас подробно останавливаться на этом не будем. Очевидно, именно тогда заговорщики выносили смертные приговоры «действующему» генеральному секретарю ЦК НДПА, председателю Революционного совета и премьер-министру ДРА Хафизулле Амину, его наиболее рьяным сподвижникам. Эти приговоры в последующем перепечатывались на машинке и вручались «членам подпольного Ревсовета», готовившимся

выехать на закреплённые за ними объекты. Для того чтобы делать подобные предположения, у нас имеется достаточно оснований.

Любопытно, что М.Е. Болтунов при описании этого декабрьского заседания в Баграме приводит следующую реплику чекиста Бориса Чичерина: «Заседание Политбюро. Как у нас в революцию, перед решающим штурмом распределяют обязанности: кому куда идти»¹. Вновь сравнение с Великой Октябрьской социалистической революцией (октябрьским переворотом) 1917 года. И ещё один действующий персонаж штурма дворца Тадж-Бек...

Информация для размышления

Из биографии

министра внутренних дел ДРА
Саида Мохаммада Гулябзоя

С.М. Гулябзой (Гулабзой) родился 27 декабря 1951 года в округе Хост в семье зажиточного пуштуна. Окончил девять классов средней школы в провинции Пактия, а затем отделение бортрадистов Кабульской лётно-технической школы ВВС и ПВО Афганистана. В 1966–1968 годах проходил действительную военную службу в учебном авиационном полку. В 1968 году вступил в подпольную военную организацию в Кабуле. За участие в военном перевороте 1973 года по свержению режима короля Захир Шаха ему было присвоено звание младшего лейтенанта.

Активный участник и один из непосредственных организаторов Саурской (Апрельской) революции (военного переворота) 1978 года в Афганистане. В правительстве Н.М. Тараки занимал должность министра связи. После смещения Н.М. Тараки со всех партийно-государственных должностей был вынужден перейти на нелегальное положение. Впоследствии, опасаясь расправы со стороны аминистров (28 человек из его семьи были арестованы и содержались

---

¹ Болтунов М.Е. «Альфа» не хотела убивать. – СПб., «Шанс», 1995. С. 149-150.

в тюрьме. — *Примеч. В.К.*), при содействии сотрудников КГБ из отряда «Зенит-1» нелегально эмигрировал в Советский Союз.

Во время событий 27 декабря 1979 года находился вместе со спецгруппой отряда КГБ «Зенит», штурмовавшей дворец Тадж-Бек. Одним из первых опознал труп убитого Хафизуллы Амина. 29 декабря 1979 года С.М. Гулябзой был назначен на должность министра внутренних дел ДРА в правительстве Бабрака Кармаля, с которым имел разногласия по определённым вопросам. После падения просоветского правительства в Афганистане в эмиграции в СССР. Умер и захоронен в Одессе.

В капонири на аэродроме Баграм остались только Бабрак Кармаль и Анахита Ратебзад. Здесь же были офицеры КГБ В.И. Шергин и Ю.А. Изотов. С наступлением темноты 27 декабря колонна бронетранспортёров под прикрытием трёх танков выдвинулась из Баграма. Впрочем, согласно некоторым другим источникам, колонна бронетехники состояла из боевых машин десанта подразделения гвардии старшего лейтенанта Гуляева. Это была 4-я парашютно-десантная рота из состава 345-го гв. опдп.

Во время «Шторма» С.М. Гулябзой по свидетельству Я.Ф. Семёнова был вместе с ним на первой боевой машине «Зенита». Его безопасность, чтобы «не было сомнений у наших собратьев по оружию», обеспечивали тогда офицеры КГБ Антонов и Агафонов. В свою очередь бывший главный контрразведчик ДРА (начальник АГСА) А. Сарвари был доставлен к Тадж-Беку на БМП третьей роты 154-го ооСпН с группой спецназовцев КГБ из «Грома». Кроме того, в осуществлении государственного переворота в Кабуле принимали участие другие афганцы. Так, например, к действиям в генеральном штабе вооружённых сил ДРА был подключен один из функционеров парчамистской фракции НДПА «невысокий афганец» Абдул Вакиль. А бывший министр обороны ДРА танкист М.А. Ватанджар вместе с чекистами и десантниками находился на комплексе зданий кабульского радио и телевизионного центра. Нур Ахмат Нур

был задействован в ходе взятия под советский контроль центрального офиса царандоя (министерства внутренних дел ДРА). Но тогда, 26 декабря, они только готовились к осуществлению своей «революционной» миссии...

Таким образом, подводя итог данного раздела нашего повествования, попытаемся сформулировать некоторые выводы. А они состоят в следующем:

1. Решение о вводе экспедиционного контингента советских войск в Афганистан и ликвидации главы ДРА Хафизуллы Амина принималось Политбюро ЦК компартии Советского Союза. Это решение высшего партийного органа КПСС не было подкреплено постановлениями государственных структур, уполномоченных действующим законодательством СССР на санкционирование подобного рода мер. Сам факт принятия Политбюро ЦК КПСС решения о физической ликвидации Х. Амина выходит за рамки правового поля и является противозаконным.

2. Главным инициатором ввода войск Советского Союза в Афганистан и уничтожения генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина стал Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР во главе с его председателем Ю.В. Андроповым.

3. Для реализации плана «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек был задействован 154-й отдельный отряд специального назначения («мусульманский» батальон) ГРУ Генштаба ВС СССР, усиленный парашютно-десантной ротой и взводом ПТУРС «Фагот» из состава 345-го гв. опдп, а также штурмовыми группами спецназа госбезопасности из внеструктурных отрядов «Гром» и «Зенит».

4. В рамках реализации задействованными в операции «Шторм» армейскими формированиями боевой задачи по штурму дворца Тадж-Бек, нейтрализации ими сил афганской бригады гвардии (охраны), зенитного полка и других сил охраны и обороны резиденции главы ДРА сотрудниками КГБ СССР решалась специальная задача, целью которой

была физическая ликвидация руководителя ДРА и НДПА Хафизуллы Амина.

5. Руководство проведением операции «Шторм-333» по штурму дворца Тадж-Бек было возложено на старшего офицера ГРУ Генштаба ВС СССР полковника В.В. Колесника. Его заместителями были назначены подполковник ГРУ ГШ О.У. Швец, а также генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов, который руководил группами спецназа КГБ СССР и обеспечивал их взаимодействие с армейцами.

**Раздел VI:
Начало «Шторма»
и объекты второго плана**

Мы – военной разведки спецназ

Мы – военной разведки спецназ,
Купола мы расправим над целью
И наполним свинцовой метелью,
Громом взрывов казённый приказ.

Мы – военной разведки спецназ,
Жалость мы навсегда позабыли,
А грехи нам вперёд отпустили,
Хоть и прокляты мы сотню раз.

Мы – военной разведки спецназ,
Это наша мужская работа,
Это псовая злая охота
Егерей, догоняющих нас.

Мы – военной разведки спецназ,
Мы – матёрые вольные волки:
Не помогут флажки и двустволки,
Нам ведь дьявол и тот не указ.

Мы – военной разведки спецназ,
Насмотрелись смертей мы и крови
И не верим дорожной подкове,
И не любим напыщенных фраз.

Мы – военной разведки спецназ,
За Россию свою мы в ответе:
Помолитесь-ка, сукины дети, –
Пробил времени судного час.

*Москва,
1999 год*

Несомненно, центральным событием осуществления государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года стал штурм Тадж-Бека. Однако думается, что лучше подойти к пониманию многих фактических обстоятельств этой боевой (специальной) операции через анализ задач, выполнявшихся параллельно с ней. К сожалению, в общественном мнении прочно устоялось такое видение прошлого, когда всё происходившее вокруг дворца Х. Амина заслонило собой другие, не менее важные события этой широкомасштабной драматической постановки. Поэтому взятие под советский контроль афганского генерального штаба, управления центрального армейского корпуса, кабульского радио и телецентра, штаба ВВС и ПВО, здания министерства внутренних дел ДРА и ряда других государственных объектов превратилось как бы в события второго плана. Соответственно и участники этих «частных операций» со временем стали восприниматься в качестве действующих лиц второго плана или второстепенных действующих лиц. Но так ли это было на самом деле? Если попытаться коротко ответить на этот вопрос, то следует сказать, что дело обстояло не совсем так. Точнее, совсем не так...

1. Несколько слов об объектах «второго плана»

В спецоперации такого масштаба, что проходила в Кабуле в декабре теперь уже далёкого 1979 года, мелочей не было. Все ставившиеся в ходе её задачи были взаимосвязаны и направлены на достижение общей цели. И в этой связи можно утверждать, что, если бы бойцами «Зенита» не были осуществлены диверсии на линиях кабульской связи, то вряд ли стало бы возможным осуществление государственного переворота в ДРА и штурма дворца Х. Амина, по большому счёту, «малой кровью». Если бы не было «нейтрализовано» руководство генерального штаба вооружённых сил ДРА, то вряд ли бы вне событий остались части и соединения афганской армии, в том числе и кабульского гарнизона. Если бы не удалось взять под контроль центральные

офисы министерства внутренних дел ДРА, а также службы государственной безопасности (КАМ), вряд ли бы удалось в основном «вывести из игры» афганские силы правопорядка и госбезопасности. И так далее...

Исходя из этих соображений, называть второстепенными объекты, которые параллельно со штурмом дворца Х. Амина были захвачены (уничтожены, нейтрализованы, взяты под контроль и т.д.) в Кабуле, не совсем правильно. Тем не менее для удобства изложения материала будем именовать их таковыми. При этом ещё раз подчеркнём, что всё-таки центральное место и главная цель осуществления государственного переворота в Афганистане находились в Тадж-Беке. Но, только успешно решив эти частные (второстепенные) задачи по объектам второго плана, можно было надеяться на общий успех всего предприятия, и никак не наоборот.

Несколько ранее уже речь была о том, что в ряде «зенитовских» («вымпеловских») изданий приводятся, мягко говоря, не совсем корректные суждения такого порядка: «Задача «мусульманского» батальона состояла в том, чтобы завязать бой на подступах ко дворцу. Захват дворца и других объектов предполагалось осуществить силами «Зенита» и «Грома» (Группа «А»)¹. Думается, что уже было представлено достаточно доказательств, чтобы убедить читателя в несостоятельности подобного рода заявлений. Так, в частности, на примере анализа ситуации, складывавшейся вокруг штурма Тадж-Бека, было показано, что выполнение данной конкретной задачи без участия в её решении 154-го ооСпН ГРУ Генштаба было невозможно. Однако, возвращаясь к процитированному несколько ранее высказыванию офицера госбезопасности В.В. Федоренко относительно роли «мусульманского» батальона в событиях 27 декабря 1979 года, зададим вопрос: зачем нужно было спецназовцам ГРУ «завязывать бой на подступах к дворцу»? Какой, с военной точки зрения, тактический или иной смысл могло иметь бы это действие?..

Ответ в данном случае найти трудно. И совершенно другое дело, когда для нас становится очевидным иное боевое предназначение основных сил 154-го ооСпН и приданных ему подразделений ВДВ. А оно состояло, в частности, в том,

1 «Русские коммандос». – 1999, №1. С. 42.

чтобы «нейтрализовать», а при необходимости подавить и уничтожить афганские силы охраны и обороны Тадж-Бека, которые насчитывали в своих рядах порядка двух с половиной тысяч хорошо вооружённых, экипированных и подготовленных бойцов.

Нечто подобное можно сказать и в отношении захвата других важных политических, государственных и военных объектов, избранных в Кабуле для «воздействия». Ведь осуществлять именно *захват* (*курсив. — В.К*) этих объектов имело смысл только тогда, когда существовала возможность их удержания, подконтрольности или нейтрализации. Выполнить эту задачу исключительно силами бойцов спецотряда КГБ СССР «Зенит» было просто-напросто невозможно. Поэтому также некорректным следует полагать использование некоторыми авторами в отношении принимавших в этих событиях подразделений воздушно-десантных войск терминов типа «рота поддержки».

Ведь «поддерживающие», находясь в подчинении своего штатного командования, во-первых, выполняют только отдельные, обычно второстепенные задачи в интересах того, кого они поддерживают. Во-вторых, они, как правило, нацелены на выполнение другой задачи, хотя в данном конкретном случае участие подразделений ВДВ в воздействии на объекты второго плана государственного переворота было их основной (главной) целью. И, в-третьих, «поддерживающие» находятся в довольно-таки относительном подчинении войскового начальника, которого им приказано поддерживать.

Об этом уже шла речь несколько ранее. Исходя из данных реалий, некоторые заявления ряда офицеров бывшего КГБ СССР выглядят просто несуразными. В этой связи давайте хотя бы зададимся вопросом о справедливости утверждения, что в «поддержку» порядка десяти бойцов госбезопасности из отряда «Зенит» были выделены парашютно-десантный батальон и артиллерийский дивизион САУ для... осуществления захвата тюрьмы Пули-Чархи, ведь сам этот объект, построенный как замок-крепость по проекту немецких специалистов, где содержались особо опасные для режима политические заключённые, охранялся с особой тщательностью?..

Разумеется, нет: именно эти подразделения десантников и осуществляли захват и последующую охрану данной тюрьмы. В свою очередь «зенитовцы» в общих рамках этого действия выполняли прежде всего свои специфические оперативные функции. Говорить, что десяток суперменов могли захватить и удержать данный объект («правда, для этого их нужно было немножко п о д д е р ж а т ь...»), – это несерьёзно. И другое дело, если, к примеру, сказать, что старшим (по служебному положению, воинскому званию, возрасту и т.д.) на том или ином объекте воздействия был офицер госбезопасности. Тогда всё становится на свои места.

Тем не менее и «зенитовское» самодетельное песенное творчество рисует нам такую картину событий, происходивших 27 декабря 1979 года вокруг «захвата» тюрьмы Пули-Чархи...

Командир наш появился с озабоченным лицом,
И с прискорбьем объявил нам, хоть держался молодцом:
*«Брать мы будем в чистом поле — отказаться не с руки
То ли Пули, то ли Поли, знаю точно, что Чархи.*

Хоть в «буржуйке» дров уж нету, жарко в споре молодцам:
Как же взять нам крепость эту, спорим мы и тут, и там.
Голоса вскипают в споре — ох, дебаты нележки
В этой Пули, в этой Поли, в этой крепости Чархи.

Наконец, нашли решение, все расселись по местам,
И теперь уже не в споре будет жарко молодцам.
Понеслись, готовы к бою — ох, и стенки велики
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи.

Вот уже ворота близко: засверкали огоньки.
*Нам навстречу САУ мчится, в ней сидят лишь дураки.
Скрежет, грохот, крики боли — встречи с САУ нележки
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи.*

*Мы в ворота залетели и задумчиво стоим.
САУ же из пушек лунят по чужим и по своим.*
А того, кто план подсунил, мы подняли на штыки
Прямо в Пули, прямо в Поли, прямо в долбаной Чархи.

Ни огня, ни зги не видно, только стены велики.
Нам с Алёшкой обидно — все работают, а мы...
А Валера в это время — в вертикальные силки.
Прямо в Пули, прямо в Поли, прямо в долбаной Чархи.

Наконец, нашли *Валеру*: смотрим, прямо под окном,
БМД и очень пахнет развороченным говн...
А ребятам не до смеху: захлебнуться ведь могли
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи.

Вот немножко оклемались, оторвались от земли,
Пулемёты захватили и нафаров замели.
Выпускаем всех на волю — казематы велики
В этой Пули, в этой Поли, в этой долбаной Чархи...

Очевидно, читатель заметил, что курсивом в тесте песни выделены те фактические обстоятельства, которые могут иметь отношение к тем или иным конкретным событиям, связанным с освобождением политических заключённых из тюрьмы Пули-Чархи. В последних строках этой песни говорится о поцелуях «кучи тёток из семейства Тараки», о коменданте Азизе, крепостной жизни в тюрьме Пули-Чархи и «собачьем» холоде». Из чего, очевидно, следует, что некоторым офицерам «Зенита» пришлось потрудиться здесь уже после захвата крепости и освобождения её политических узников. И это вполне объяснимо, ведь новый афганский режим сразу после совершения государственного переворота в ДРА пополнил камеры Пули-Чархи новыми заключёнными. Теми, кто ещё недавно определял, кого в Афганистане следует казнить, а кого миловать. По этой же причине здесь оказалась и дочь Хафизуллы Амина, раненная во время штурма Тадж-Бека, другая его родня, принадлежность к которой прежде в ДРА давала право на занятие высокого положения.

С этого времени Афганистан начинал жить по несколько изменённым и подкорректированным со стороны его северного соседа правилам игры. Впрочем, в арсенале любого афганского руководства всегда были жестокость, коварство и кровная месть. И творились они при полном отсутствии милосердия к поверженному противнику.

Что же касается конкретных событий захвата этого объекта государственного переворота в ДРА 27 декабря 1979 года, то А.В. Кукушкин по этому поводу утверждал следующее: «Тюрьма Пули-Чархи захватывалась силами парашютно-десантного батальона и самоходно-артиллерийского дивизиона. Задача осложнялась тем, что рядом стояли две танковые бригады, верные Амину. Прежде чем приступить к захвату тюрьмы, надо было их надёжно блокировать. Однако затягивать было нельзя: политические заключённые могли быть уничтожены до их освобождения. Десантники успешно справились и с этой задачей. Экипажи танков блокировали в казармах, они оказались отрезанными от боксов с машинами. Любая попытка прорваться пресекалась огнём из пулемётов. Штурм начался с выстрела пушки БМП (очевидно, всё-таки орудия БМД. – *Примеч. В.К.*) и пролома ворот таранным ударом самоходки. Десантники ворвались на территорию тюрьмы и за полчаса обезоружили всю охрану. Найти и освободить политических заключённых было делом *офицеров КГБ (курсив. – В.К.)* и их афганских помощников»¹.

В этой связи также заметим, что, как это становится ясно из анализа некоторых публикаций, в отдельных случаях при захвате объектов второго плана офицеры спецотряда КГБ «Зенит» действовали лишь в качестве... проводников для командиров советских подразделений воздушно-десантных войск и не более того. Ведь значительная масса офицеров младшего и среднего звена той же 103-й гв. ввд в силу известных причин недостаточно чётко ориентировались в местах дислокации блокируемых ими частей кабульского гарнизона. Однако из этого вовсе не следует, что тем или иным бойцам «Зенита» выделялись в «поддержку» или тем более «придавались» целые роты, батальоны или полки советских воздушно-десантных войск. Утверждать подобное – значит сознательно исказить очевидное.

И ещё одно размышление в этой связи. К действиям ряда советских групп и отрядов захвата (дворец Тадж-Бек, генеральный штаб ВС ДРА, кабульский радиотелецентр, центральный офис МВД ДРА и т.д.) были привлечены

¹ Кукушкин А.В. Как был взят Кабул. – «Военно-исторический журнал». 1995, № 6.

оппозиционные лидеры НДПА. В некоторых «зенитовских» («вымпеловских») изданиях их также именуют «приданными» спецгруппам. Но, очевидно, сами «товарищи» А. Сарвари, А. Вакиль, С.М. Ватанджар, С.М. Гулябзой, Н.А. Нур и их сподвижники так не считали, а наоборот полагали бойцов советских спецподразделений, десантников и военных советников «приданными» им для свершения «нового этапа Саурской революции». К тому же такое положение дел вполне соответствовало официальной версии осуществления государственного переворота силами внутренней оппозиции или «здоровыми афганскими патриотическими силами». Но так ли это было на самом деле?.. Ответ, думается, очевиден.

В комитетских публикациях бойцы спецотряда КГБ «Зенит» однозначно именуются разведчиками-диверсантами и. И это правильно по ряду причин. Во-первых, потому что офицеры этого отряда госбезопасности прошли соответствующую подготовку в «школе диверсантов», то есть КУОС при Высшей школе КГБ СССР. Во-вторых, потому что в силу своего боевого предназначения они состояли в специальном резерве внешней разведки Комитета государственной безопасности. В-третьих, потому что в основном такого рода задачи выдвигались изначально перед самим отрядом «Зенит» в Афганистане.

Однако обнаруживается любопытная картина, если мы зададимся вопросом, сколько и какие конкретные чисто *диверсионные* задачи были исполнены «зенитовцами» во время событий 27 декабря в Кабуле? На поверку оказывается, что чисто диверсионных мероприятий офицерами отряда «Зенит» было осуществлено только два, а именно – подрыв минно-взрывных устройств на двух коммуникационных линиях связи афганской столицы.

Здесь действовали только «зенитовцы» с привлечением некоторых других офицеров КГБ СССР (например, переводчиков), но без участия советских десантников и военных советников. В свою очередь на других объектах воздействия число бойцов «Зенита» и «Грома» было в несколько раз меньшим по отношению к другим участникам событий, то есть в сравнении с количеством задействованных здесь десантников и советников. В этой связи вдвойне некорректными представляются утверждения, что бойцы

«Зенита» и «Грома» без чьей-либо «поддержки» (!?.) захватывали объекты второго плана (например, ту же тюрьму Пули-Чархи) государственного переворота в Кабуле. А ведь были и такие заявления.

Теперь несколько слов о смысле применяемого здесь термина «воздействие». Говорить о том, что все указанные объекты «захвачены» или «атакованы» было бы совершенно неправильно. И действительно штурм Тадж-Бека имел целью, прежде всего, не захват дворца, как такового, а физическую ликвидацию Хафизуллы Амина. Поэтому само это действие (штурм) было лишь промежуточным этапом достижения главной цели осуществляемого в ДРА государственного переворота. Целью, которую не удалось достичь прежде, действуя иными путями, например, в ходе снайперской засады, попытки отравления (усыпления... навечно) Х. Амина.

Для того чтобы лишить правительственные силы ДРА возможностей управления, временно выводились из строя коммуникационные линии столичной связи посредством осуществления на них диверсии. Целью воспрепятствовать осуществлению правоохранительных функций и исполнению обязанностей по защите режима было нападение на центральные офисы министерства внутренних дел (царандоя) и службы государственной безопасности (КАМ) ДРА. В целях дезорганизации деятельности военного руководства Афганистана и пресечения попыток противодействия совершаемому государственному перевороту со стороны кабульского гарнизона и других воинских частей осуществлялся захват зданий генерального штаба вооружённых сил (министерства обороны) ДРА, управления центрального армейского корпуса, а также штаба афганских ВВС и ПВО. Таким образом, тем или иным конкретным целям «воздействия» на тот или иной объект второго плана осуществляемого государственного переворота, как правило, соответствовали и применявшиеся методы. Поэтому в одних случаях проводилась диверсионная акция, в других – вооружённый захват, в третьих – нейтрализация руководства объекта посредством оказания на него психологического давления, подкреплённого силой оружия и так далее.

Немаловажную роль для выполнения поставленных задач сыграло умение и желание большинства руководителей

этих частных операций методами... разъяснительной (идеологической) и психологической работы воздействовать на политико-моральное состояние афганцев, защищавших те или иные объекты. С этой точки зрения, проведение государственного переворота в Кабуле ещё мало изучено, если не сказать, что совсем не изучено. А ведь некоторым «зенитовцам» и другим советским офицерам при решении стоящих задач на отдельных объектах второго плана приходилось быть не столько «разведчиками-диверсантами», сколько политработниками, агитаторами, парламентарями, психологами, переговорщиками и актёрами. Хорошо это или плохо? Правильно это или нет?.. Думается, что и хорошо, и правильно, если удалось избежать значительного кровопролития и вместе с этим выполнить приказ.

Не будем забывать, что все эти события происходили на общем фоне стратегической дезинформации о вводе советских войск по просьбе руководства ДРА и на основании советско-афганского межгосударственного договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 года. Распространение данной дезинформации проходило по решению Политбюро ЦК КПСС. Хотя, как отмечалось ранее, в официальных архивах вряд ли когда-нибудь будут обнаружены документы о том, кто и как принимал решение о физической ликвидации Х. Амина. Тем не менее ход событий наглядно свидетельствует о том, кто именно это санкционировал. Ведь кроме Политбюро ЦК КПСС в СССР фактически (не юридически) не существовало иного властного (государственного или партийного) органа, способного принять политическое решение такого уровня.

Прикрывалось всё это легендой о состоявшемся «внутреннем афганском государственном перевороте». А распространением данной дезинформации на тактическом уровне и занимались 27 декабря 1979 года руководители советских групп воздействия, их подчинённые, военные советники и действовавшие с ними оппозиционные деятели НДПА во главе с Бабраком Кармалем. Вопрос состоит только в том, что на разных объектах кабульского государственного переворота были различные методы этой проводившейся разъяснительной (политической, идеологической) работы, а также психологического и боевого (специального) воздействия.

2. Перечень объектов второго плана

В мемуарах «Как был взят дворец Амина» бывшего руководителя операции «Шторм-333» генерал-майора В.В. Колесника основное внимание было сосредоточено на штурме Тадж-Бека силами «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба, спецформирований КГБ СССР «Гром» и «Зенит», а также подразделений советских воздушно-десантных войск. Очевидно, автор именно такую цель и ставил перед собой. Как бы вскользь мемуарист упоминает о том, что «одновременно со штурмом дворца Тадж-Бек группами спецназа КГБ при поддержке десантников из состава батальона 345-го парашютно-десантного полка» в Кабуле были захвачены ряд других важных государственных и военно-административных объектов. В данном случае обратим внимание, что В.В. Колесник об участии в решении задач по объектам второго плана подразделений «мусульманского» батальона ничего не говорит. 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ ГШ, как это следует понимать из слов автора, был полностью задействован на выполнении приказа командования только по дворцу Х. Амина.

Таким образом, следует полагать, что в захвате, взятии под контроль и так далее... данных объектов принимали участие личный состав 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, бойцы спецназа госбезопасности. Однако, как это будет показано в дальнейшем, перечень сил и средств, задействованных советской стороной в решении задач по объектам второго плана, только этим не ограничивался. Теперь несколько подробнее разберёмся в том, что это были за объекты. Генерал-майор В.В. Колесник перечень «объектов воздействия» ограничивает «Генеральным Штабом», «узлом связи», зданиями МВД и ХАД, то есть афганской службы безопасности. Очевидно, в последнем случае Василий Васильевич допускает оговорку, потому что служба безопасности ДРА после апреля 1978 года и до 1980 года имела сокращённые наименования УНБ, АГСА и, наконец, КАМ (в декабре 1979 г.). Название ХАД появилось после свержения режима Х. Амина.

Относительно самого приведённого здесь перечня следует сказать, что он был значительно шире. При этом во внимание даже не берутся такие объекты блокирования и (или) захвата, как военные городки войсковых формирований кабульского гарнизона, которые нейтрализовывались бронетехникой и личным составом советских воздушно-десантных войск. Такие задачи были определены командованием в основном для 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Не берутся во внимание здесь и ряд других объектов, «мероприятия» на которых проводились силами чисто советнического аппарата. И делается это по простой причине: на общем фоне всех кабульских событий 27 декабря нас прежде всего интересуют события, на тех объектах «второго плана», которые либо находились в непосредственной близости от Тадж-Бека, либо имели прямое отношение к общему ходу операции «Байкал-79» в целом и «Штурму-333» в частности, либо являются в той или иной мере иллюстрацией к штурму дворца Х. Амина.

В альманахе «Русские коммандос», изданном к 20-летию со дня событий государственного переворота в ДРА, сообщается, что отряд «Зенит» действовал в составе девяти групп на следующих объектах: 1. Дворец Амина; 2. Царандой (полиция); 3. Генштаб; 4. КАМ (военная контрразведка); 5. Тюрьма; 6. Телеграф; 7. «Колодец» связи; 8. Почта; 9. Телецентр¹. Аналогичная информация имеется и в изданном к 10-летию Группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел» альбоме². Перечисление кабульских объектов, избранных для «воздействия» на 27 декабря, можно обнаружить и в мемуарах генерал-майора Ю.И. Дроздова «Штурм-333», где приводятся воспоминания бывшего командира отряда «Зенит» «Алексея П.» (очевидно, полковника госбезопасности Алексея Константиновича Полякова).

Правда, здесь данный перечень становится шире, да и называются сами объекты «второго плана» уже несколько иначе. А именно – «резиденция Амина, МВД, госбезопасность, министерство связи и информации, центральный телеграф и почта, радио и телевидение, тюрьма в Пули-Чархи (на окраине Кабула), генеральный штаб афганских вооружённых

1 «Русские коммандос». – 1999, № 12. С. 54-55.

2 См.: Указ. альбом. – С. 46.

сил... и линии связи»¹. Как мог обратить внимание читатель, согласно данному источнику, появляется «новый» объект воздействия – «министерство связи и информации». Однако по тексту указанных воспоминаний Ю.И. Дроздова, о захвате этого министерства ничего конкретного не сообщается. Далее здесь содержится сообщение об «овладении» не упоминавшимся ранее штабом «Центрального армейского корпуса» (ЦАК), располагавшимся во Дворце народов (Дворце Арк).

Исходя из чего, следует сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие «штаба ЦАК» в процитированном генерал-майором Ю.И. Дроздовым списке, а также в других «вымпеловских» перечнях, этот объект был предметом воздействия советских десантников и военных советников 27 декабря 1979 года.

В статье П. Нищева, со ссылкой на автора книги «Пламя Афгана» генерал-майора А.А. Ляховского, а также Ю.И. Дроздова, говорится: «О действиях других спецгрупп «Зенита» сказано пока скромно. А именно: «Одновременно с Тадж-Бекком захвату подлежали здания Министерства обороны, Министерства внутренних дел (Царандоя), Штаба военно-воздушных сил, тюрьмы, почты и телеграфа... Захват этих ключевых объектов в Кабуле прошёл спокойно, с меньшими потерями. Подробнее об этом читайте в книге Ю.И. Дроздова...»² Таким образом, «выявляется» ещё один новый объект второго плана, подвергнутый воздействию со стороны спецназа КГБ, советских десантников и военных советников, то есть «штаб военно-воздушных сил».

В свою очередь М.Е. Болтунов пишет: «Кстати, надо заметить, что по общему сигналу (имеется в виду взрыв «коллодца связи». – *Примеч. В.К.*) бойцы «Зенита» и «Грома» при поддержке десантников *атаковали* (курсив. – *В.К.*) не только дворец Амина, но и ещё несколько важнейших военных и административных объектов Кабула: здание генерального штаба афганских вооружённых сил, здание Министерства внутренних дел (Царандой), штаб ВВС, тюрьму Пули-Чархи, почту и телеграф»³. Далее Михаил Ефимович добавляет:

1 См.: Дроздов Ю.И. Указ. соч. – С. 20.

2 Нищев П. Указ. соч. – С. 8; Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 173.

3 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 65.

«Без свидетельств участников истинную картину той ночи восстановить невозможно. Да и забыть о них несправедливо: все рисковали жизнью, а кто на каком объекте оказался – на то воля судьбы»¹. С последним утверждением автора трудно не согласиться. Однако обратим внимание читателя на то обстоятельство, что в перечне объектов второго плана, указанных М.Е. Болтуновым, отсутствуют ранее упоминавшиеся «телецентр», «КАМ (военная контрразведка)», но при этом вновь указывается тот же «штаб ВВС». При овладении этим последним объектом воздействия или при осуществлении «атаки» на него, как пишет об этом автор, были задействованы бойцы группы «Гром» Анатолий Савельев и Виктор Блинов, взвод ВДВ и военный советник в звании майора.

Здесь также приводятся другие данные об участии не только «зенитовцев», но и «громовцев» в проведении акций на объектах второго плана. Например, в ходе овладения зданием министерства внутренних дел ДРА (царандоя). Из чего можно сделать вполне логический вывод о привлечении к проведению «мероприятий» по данным объектам не только офицеров госбезопасности из спецотряда «Зенит», но и отряда «Гром», то есть группы специального назначения КГБ СССР «А». О чём в «зенитовских» источниках информация, по большому счёту, отсутствует.

В 2000 году журналист и писатель В.В. Огрызко, ссылаясь на генерал-майора госбезопасности Вадима Кирпиченко, утверждал: «Кроме того (кроме штурма дворца Тадж-Бек. – *Примеч. В.К.*), ещё три ожесточённых боя вели десантники – за афганский генштаб, пункт мобуправления и за «Радио Афганистана»². Таким образом, из слов В.В. Огрызко выходит, что в решении задач воздействия на перечисленные им объекты второго плана принимали участие только десантники. Бойцы «Зенита» и «Грома» в этом контексте автором не упоминаются. Исключаются из участия в данных событиях также военные советники и кто-либо ещё, что, как ранее отмечалось, не соответствует действительности. Вместе с тем Вячеслав Вячеславович «рассекречивает» ещё одно новое место «ожесточённого боя» 27 декабря 1979 года – «пункт мобуправления».

---

1 Там же.

2 Огрызко В.В. Указ. соч. – С. 12.

По этому поводу заметим, что, вполне возможно, таковой объект захвата, блокирования или нейтрализации действительно был предметом действий советских десантников. Например, из состава 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Однако в комитетских и гэрэушных изданиях каких-либо конкретных упоминаний об ожесточённом бое при захвате афганского «пункта мобуправления» не имеется.

Исходя из этого, предположим, что названный В.В. Огрызко «новый» объект захвата («пункт мобуправления») или не входил в перечень объектов воздействия советского спецназа (ГРУ ГШ и КГБ СССР), или автор ошибочно так именуется тот же «афганский генштаб», в структуру которого как раз и должно теоретически входить это «мобуправление» («мобилизационное управление»). Очевидно, в случае с упомянутым В.В. Огрызко «Радио Афганистана» имеется аналогичная ошибка, и речь здесь следует вести о кабульском телерадиоцентре (комплексе зданий столичного радио и телевизионного центра). Кроме перечисленных ранее есть определённые неувязки с вопросом, что именно захватывали «зенитовцы», «громовцы» и десантники: телеграф, почту и (или) министерство связи и информации ДРА? Впрочем, хватает и другой путаницы и разночтений.

Однако, суммируя и анализируя различные сведения, можно сделать предположение, что в ходе проведения в Кабуле государственного переворота 27 декабря советским командованием были избраны следующие *основные* объекты воздействия (штурма, диверсий, захвата, блокирования, взятия под контроль) для спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР, десантников 103-й ввд и 345-го гв. опдп, а также военных советников:

1. Дворец Тадж-Бек (резиденция генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина).
2. Генеральный штаб вооружённых сил (министерство обороны) ДРА, расположенный на проспекте Дар-уль-Аман, рядом с дворцом Тадж-Бек.
3. Линии кабульской гражданской (центр города) и армейской (между Тадж-Бекем и генеральным штабом ВС ДРА) связи.
4. Управление и штаб центрального армейского корпуса ВС ДРА, располагавшиеся в бывшем королевском дворце Арк (Доме народа).

5. Комплекс зданий кабульского радио и телевизионного центра, располагавшийся в непосредственной близости от посольства США в ДРА.

6. Здание министерства внутренних дел ДРА (царандоя).

7. Комплекс зданий службы государственной безопасности ДРА (КАМ).

8. Центральный телеграф, почта и (или) министерство связи и информации ДРА.

9. Штаб ВВС и ПВО вооружённых сил ДРА (в Афганистане это был единый вид вооружённых сил).

10. Тюрьма для содержания политических заключённых в районе Пули-Чархи (около Кабула).

Что можно сказать относительно сил и средств, привлечённых советской стороной для действий на объектах второго плана? По большому счёту, об этом уже говорилось, поэтому сделаем только общий обзор состава этих советских команд (диверсий, захвата, нейтрализации, взятия под контроль и т.д.). А входили в них более ста бойцов отрядов спецназа КГБ СССР «Зенит» и «Гром», офицеры других подразделений госбезопасности (сотрудники ПГУ, советники, переводчики и т.д.). Здесь был задействован личный состав 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка, а также личный состав 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, в том числе офицеры дивизионного звена, осуществлявшие дезинформационное прикрытие при захвате афганского генштаба. Кроме того, для воздействия на отдельные объекты второго плана привлекались военные советники МО СССР, а также советники по линии КГБ и МВД СССР. Также имеется информация об участии в этих событиях офицеров и прапорщиков внештатной роты пограничных войск КГБ СССР, охранявшей советское посольство в Кабуле (эти сведения нуждаются в дополнительной проверке). Разумеется, не сидели без дела и афганские оппозиционные деятели, в том числе М.А. Ватанждар, С.М. Гулябзой, Н.А. Нур, А. Вакиль, А. Сарвари и другие.

Далее при освещении и анализе государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года предметом нашего внимания станут не все объекты «второго плана». А только те из них, изучение произошедшего на которых, на наш взгляд,

поможет лучше подойти к пониманию многих фактических обстоятельств боевой (специальной) операции по штурму дворца Тадж-Бек. Именно поэтому в частности будут рассмотрены фактические обстоятельства проведённых спецназом КГБ СССР диверсий на линиях кабульской гражданской (городской, междугородной) и армейской (правительственной) связи. Это важно для нас по двум обстоятельствам. Во-первых, потому что посредством реализации этой акции дворец Х. Амина, органы военно-политического руководства ДРА, силы безопасности и правопорядка, а также воинские части кабульского гарнизона были лишены основных линий телефонной связи. И, во-вторых, потому что изначально проведение диверсий на линиях гражданской и военной (правительственной) связи должно было послужить общим сигналом к действиям по осуществлению государственного переворота. С чего, собственно говоря, этот переворот и начинался.

Более того, в поле нашего зрения окажется проведение «частных» боевых (специальных) операций по захвату генерального штаба вооружённых сил (министерства обороны) ДРА, находившегося в непосредственной близости от Тадж-Бека, а также комплекса зданий кабульского телерадиоцентра и министерства внутренних дел ДРА (царандоя). На этих трёх последних из указанных объектах «второго плана», как и во время штурма дворца Х. Амина, были задействованы афганские оппозиционеры. Начало действий групп захвата здесь проходило почти синхронно со штурмом Тадж-Бека.

3. Объект диверсии – «Линии связи»

Первыми из уничтоженных (выведенных из строя, захваченных, взятых под контроль) объектов «второго плана» во время драматических событий 27 декабря 1979 года стали линии кабельной городской и междугородней связи афганской столицы, а также армейской (правительственной) связи. Речь здесь идёт, во-первых, о проведённой силами спецгруппы отряда «Зенит» диверсии по выводу из строя специального бункера гражданской связи или, как его ещё называли, «колодца связи». Во-вторых, о подрыве «усилительного

пункта кабельной линии связи» или, точнее, армейской (правительственной) линии связи, соединявшей дворец Тадж-Бек с генеральным штабом вооружённых сил (министерством обороны) ДРА. Как ранее отмечалось, цель этих диверсий, осуществлённых «зенитовцами» в центре Кабула и в районе проспекта Дар-уль-аман, состояла в том, чтобы в период проведения операции «Шторм-333» дезорганизовать афганские силы безопасности и правопорядка, а также воинские части кабульского гарнизона. Кроме этого мощный взрыв, прозвучавший при ликвидации «колодца связи», должен был послужить для советских штурмовых групп и подразделений десантников общим сигналом к началу действий по осуществлению государственного переворота, то есть общей операции «Байкал-79».

О том, какое значение советским командованием придавалось выведению из строя этих линий афганской связи, говорит хотя бы тот факт, что руководство организацией и проведением этих диверсий возлагалось лично председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым на командира спецотряда КГБ СССР «Зенит» полковника А.К. Полякова. В его распоряжение было выделено порядка 15 разведчиков-диверсантов и других сотрудников Комитета госбезопасности, которые после проведения взрывов в «колодце связи» и на «усилительном пункте армейской линии связи» должны были переключиться на выдачу «афганским патриотам» оружия, заблаговременно сосредоточенного на комитетских виллах.

При содействии полковника КГБ Сергея Гавриловича Бахтурина, обеспечивавшего безопасность посольства СССР в Кабуле, «зенитовцами» был установлен советский специалист, посвящённый в тайны системы связи афганской столицы. С его помощью и было определено место («болевая точка»), где проведение диверсии давало максимальный эффект. При этом учитывались реальные возможности доступа к объекту намеченной акции, другие его уязвимые места, минимальное время, требуемое для закладки минно-взрывного устройства, и ряд иных вопросов. В частности следовало избежать неоправданной гибели местных жителей и членов разведывательно-диверсионной группы.

Так было выявлено наиболее слабое звено в расположении центрального линейного узла связи, от которого

исходили кабельные линии междугородной и городской связи, имевшее начало в специально оборудованном для этих целей «колодце связи». В связи с тем обстоятельством, что система связи в Кабуле была установлена западногерманскими специалистами с использованием соответствующего оборудования, принципиального устройства бункера и распределения в нём кабелей «зенитовцы» не знали. Началась доскональная разведка будущего объекта диверсии.

Сам «колодец» располагался в центре Кабула на тротуаре в 5-6 метрах от здания центрального узла связи, из помещения которого афганской охраной за объектом осуществлялось постоянное наблюдение. Через дорогу от объекта находились государственный банк, ресторан, кинотеатр, а на пути движения к нему (примерно в 100-120 метрах) – гостиница. В 30-50 метрах от «колодца» был перекрёсток дорог, где располагался пост афганской полиции (царандоя). Незадолго до дня «Д» около бункера появился и стационарный пост жандармерии. Но, как это выяснили разведчики-диверсанты, он выставлялся только на дневное время суток. Тогда же было определено, что в «колодце связи» имеется вода (её точный уровень установить так и не удалось.). С поправкой на это начали подготовку к действию минно-взрывного устройства.

Для предотвращения возможных попыток со стороны афганской охраны в снятии или обезвреживании заложенного заряда в бункер связи планировалось опустить дымовую гранату со слезоточивым газом (западногерманского производства). В подготовительный период «зенитовцами» также изучались маршрут движения к объекту, наличие здесь афганских воинских и полицейских подразделений, подвижных патрулей и стационарных постов охраны, а также интенсивность движения транспорта в различное время суток. Проводился хронометраж времени по различным вариантам маршрутов следования разведывательно-диверсионной группы к «колодцу связи».

В ходе визуальной разведки было установлено, что спецбункер линий связи закрывался прямоугольной железной плитой, имевшей толщину до десяти сантиметров и четыре отверстия, в которых крепилось приспособление для снятия крышки люка. В процессе дальнейшей доразведки разведчиками-диверсантами был использован приём, когда

при вытаскивании из кармана брюк носового платка один из них якобы случайно обронил несколько афганских монет. Во время «сбора денежной мелочи» «зенитовцам» удалось довольно-таки точно определить диаметр отверстий, расстояния между ними, их глубину и углы направления отверстий в люке. Полученные таким способом данные были использованы при изготовлении в мастерской советского посольства специальных клещей для поднятия крышки люка. Эту работу выполнил один из офицеров отряда «Зенит», имевший соответствующее прозвище – Кулибин (Валерий Волох. – *Примеч. В.К.*).

В последующем разведчиками на удалении до пяти километров от объекта предстоящей диверсии был обнаружен металлический люк, аналогичный люку на «колодеце связи». После чего фактически в полном составе разведывательно-диверсионной группы «зенитовцы» на трёх машинах УАЗ выехали на «опробывание инструмента» и практическую отработку вопросов предстоящей акции. В ходе этой поездки комитетчики обнаружили слежку, которая велась за ними из неотступно следовавших автомашин такси. Остановившись около небольшого магазина, находившегося рядом с «учебно-тренировочным объектом», «зенитовцы» под предлогом покупки овощей и фруктов вышли из УАЗов. В дальнейшем часть из них окружила плотным «дружеским» кольцом остановившихся здесь же «таксистов». Одновременно другие чекисты, воспользовавшись этой заминкой, проверили свой инструмент для поднятия крышки «учебного» люка. Клещи оказались сделанными впору. А дополнительная тренировка при подготовке к осуществлению диверсии в условиях, приближённых к боевым, оказалась совсем не лишней.

Чтобы наглядно представить картину событий, развернувшихся в день «Д» вокруг осуществления диверсии на «колодеце связи» афганской столицы, предоставим слово бывшему командиру подгруппы «Зенита» Борису Андреевичу Плешкунову, непосредственно участвовавшему в проведении этой акции: «Всё началось со взрыва колодца связи. В моё подчинение определили десять человек. «Колодец» связи, который нам предстояло вывести из строя, находился на людной площади. Рядом здание узла связи, пост Царандоя, через дорогу – банк, ресторан, кинотеатр. Так что

в любопытствующих не было недостатка, что осложняло выполнение задачи. Решили действовать после 19.00 (27 декабря. – *Примеч. В.К.*), когда уже наступал комендантский час и площадь пустела. Выехали на УАЗиках. Две машины остановились у ресторана, а наша подъехала к люку, который вёл в «колодец». Дождались условного сигнала – хлопнула резко закрытая дверца автомобиля. Значит, пост Царандоя на месте.

Сотрудник нашей группы Хаятов, владеющий языком, ушёл, чтобы отвлечь постовых. Трое человек заслонили нас. Валерий Волох, который сам изготовил щипцы для вскрытия люка, поднял крышку, а я в рюкзаке опустил в «колодец» два мощных заряда. В «колодце» была вода, но это не испугало: действие своих зарядов мы проверили заранее. Взрыватель поставили на 15 минут. Сели в машину. Окликнули Хаятова, который вошёл в роль и увлечённо беседовал с постовым, угощая его сигаретами. Через несколько минут мы уже были на вилле. Такого скорого возвращения никто не ожидал, и один из руководителей даже высказал сомнение, мол, всё ли успели сделать? Но часы уже показывали 19.15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи»¹.

Другой участник этих событий, в ту бытность старший лейтенант госбезопасности Сергей Климов так вспоминал о своём участии в проведении этой диверсии: «Судя по прежним приказам, я, видимо, должен был участвовать в захвате Царандоя – афганской милиции. Но из-за зуба меня, как я понимаю, переключили на так называемый «колодец связи». Через этот объект Амин осуществлял связь со своим правительством и армией, а также со всем внешним миром. Естественно, накануне событий мы провели рекогносцировку и прикинули, что к чему. В мою задачу входила нейтрализация часового. Дело это, если честно, далеко не из приятных. Я готовил самые разные варианты. Придумал на всякий случай такую сцену. Если что, собирался вынуть платочек с монетками и якобы нечаянно рассыпать их по всей улице. Надежда была на то, что часовой отвлечётся и проявит интерес к этим монеткам. Ну, а там...

¹ «Русские коммандос». – 1999. № 1. С. 43-44.

В общем, у меня было всё, что надо, чтобы этого часового в случае чего «снять». К счастью, в самый ответственный момент, когда пришло время закладывать минное устройство, часового на месте не оказалось. Взрыв колодца – он прогремел в 19.15 – стал сигналом к штурму Дворца Амина... Когда свою задачу мы выполнили, то отошли на заданную позицию и уже оттуда, находясь на связи, наблюдали за ходом боя. Зрелище вообще-то жуткое. И вдруг по рации я услышал, что погиб мой учитель Григорий Бояринов. Потом пришло сообщение, что погибли мои товарищи Боря Суворов и Толя Муранов. Состояние – хуже некуда. Но что удивительно, утром 28 декабря, когда собрались к «колодцу связи» посмотреть результаты своей работы, мы возле аминовского дворца встретили целую толпу афганских пацанов. Они, как ни в чём не бывало, словно тут вчера не шло никакого боя, приставали к нашим офицерам и продавали им сигареты. Для кого-то война, а кому-то – коммерция. В этом – одна из особенностей Афганистана»¹.

В основном так же и вместе с этим несколько по-другому излагает ход проведения диверсий на «колодце связи» и линии афганской армейской связи сам командир отряда «Зенит» полковник А.К. Поляков или «Алексей П.», как его называл генерал-майор Ю.И. Дроздов. Чтобы более наглядно продемонстрировать некоторую разницу в видении этих событий, предоставим ему слово: «Получив приказ на проведение диверсии, я ещё раз провёл визуальную разведку объекта, а вернувшись на виллу, обнаружил, что все, кроме входящих в мою группу, уже куда-то (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) убыли, в том числе и лидеры оппозиции.

Я собрал группу, объявил время проведения диверсии и поставил задачу подорвать кабель (имеется в виду кабель армейской линии связи между Тадж-Бекем и генеральным штабом ВС ДРА. – *Примеч. В.К.*) тоже в 19.30.

Где-то в 18.45 на трёх автомашинах мы выехали на диверсию. На вилле оставался всего один сотрудник, которому я приказал в случае срыва нашей операции всё закрыть и убыть в наше Посольство, а конкретно в погранроту. Так как переводчиков в отряде не хватало, я всё же упросил выделить в мою группу переводчика.

¹ Цит. по указ. книге В.В. Огрызко. – С. 8.

Дальнейшее развитие событий показало, что не будь переводчика в нашей группе, не было бы и бескровного проведения операции.

Прибыв к объекту диверсии, я с подгруппой прикрытия расположился на УАЗ-469 около поста регулирования движениям. Вторая подгруппа прикрытия на «Волге» остановилась около гостиницы, а подгруппа исполнителей с переводчиком и подготовленным зарядом на УАЗ-450 подъехала непосредственно к колодцу. В момент открытия люка колодца подрывников неожиданно окликнул часовой поста охраны узла связи. К часовому подбежал переводчик, объяснил, что идёт проверка связи, угостил его сигаретой и повёл с ним отвлекающий разговор.

Операция по открытию люка, закладке в колодец заряда, а затем повторному открытию люка для того, чтобы бросить в колодец гранату со слезоточивым газом (в спешке гранату не опустили вместе с зарядом), была проведена, как говорят, за считанные секунды, хотя нам всем они показались очень долгими. Расположение прикрытия и исполнителей и расстояние между ними позволяли нам осуществлять зрительную связь. Поэтому, как только машина УАЗ-450 с подрывниками тронулась с места, одновременно с ними начали движение и подгруппы прикрытия.

На виллу мы возвратились без приключений и не без волнения стали ожидать взрыва. На вилле в момент нашего возвращения находились два сотрудника нашей резидентуры и несколько афганцев, которые должны были встречать своих сторонников, а мы их вооружать.

Среди афганцев один свободно владел русским языком. Остальные афганцы русский язык не знали или делали вид, что не понимают по-русски.

В 19.30 прогремел сильный взрыв, а вскоре недалеко от нас последовал и второй взрыв как результат подрыва линии армейской связи.

По радию я доложил руководству о выполнении задания. И тут началось. Особенно сильно велась стрельба в районе дворца Амина.

Непосредственно вблизи виллы стояла какая-то непонятная тишина.

Примерно через час стрельба в городе прекратилась...»¹

---

1 Цит. по указ. книге Ю.И. Дроздова. – С. 42-44.

Давайте проведём небольшой анализ воспоминаний участников этой диверсионной акции, на которых и основывается наше повествование:

Во-первых, временем проведения диверсии на «колодце связи» Борис Плешкунов и Сергей Климов называют 19.15, а командир отряда «Зенит» полковник А.К. Поляков – 19.30. В последнем случае, очевидно, имеет место быть вполне возможная ошибка памяти.

Во-вторых, Борис Плешкунов говорит о том, что в его «подчинение определили десять человек». По всей видимости, под этим он подразумевает «зенитовцев», назначенных для проведения акции на «колодце связи» и входивших в «подгруппу исполнителей» или «подгруппу подрывников» без учёта командира отряда («Алексея П.»), его подгруппы и разведчиков-диверсантов, организовавших подрыв линии армейской (правительственной) связи.

В-третьих, из слов командира «Зенита» полковника А.К. Полякова с определённой долей уверенности можно предположить, что переводчик его группе был выделен в последнюю очередь и, возможно, не входил в число «пятнадцати разведчиков-диверсантов», первоначально назначенных для выведения из строя линий связи.

Таким образом, получается, что акцию на линии армейской (правительственной) связи между дворцом Тадж-Бек и генеральным штабом ВС ДРА (недалеко от виллы КГБ и посольства СССР) совершили порядка четырёх «зенитовцев».

Как ранее отмечалось, несмотря на отсутствие информации из официальных источников о ходе «Штурма-333» и общей операции по проведению 27 декабря 1979 года государственного переворота «Байкал-79», историю войны в Афганистане, в том числе и её первые события, вполне можно изучать не только по свидетельствам их участников и очевидцев, но и по богатому песенному фольклору. Об этом мы уже говорили, но сейчас, в контексте данной главы, процитируем строки, относящиеся конкретно к проведению диверсионной акции «Зенита» на «колодце связи»:

Слышишь, брат: «Та-ра-рам!» — в семь пятнадцать начало,
Сорок шесть килограмм, как сигнал прозвучало.
И пошли полоскать с чердака и до входа,
Смерти нам не искать, нынче смерть вошла в моду..

Как можно увидеть из этой небольшой песенной зарисовки, и время диверсии совпадает, и о мощности минно-взрывного устройства сообщается, и даже говорится о назначении самой этой диверсионной акции. Вот вам, как говорится, и... фольклор. Впрочем, А.К. Поляков в последующем упоминал лишь о сорока килограммах заложенного взрывчатого вещества, но это, как говорится, уже нюансы. К сказанному, очевидно, следует добавить, что при установке в «колодце связи» минно-взрывного устройства, рассчитанного на действие в воде, были использованы два дублирующих друг друга временных взрывателя. Так «зенитовцы» под руководством командира отряда Алексея Константиновича Полякова и Бориса Андреевича Плешкунова исполнили поставленную перед ними задачу. Потерь с обеих сторон при осуществлении данных диверсий не было. С этого времени Кабул действительно начал привыкать жить по «московскому» времени, а Тадж-Бек был лишён основных каналов связи.

4. Генеральный штаб вооружённых сил ДРА

Сам этот объект воздействия в различных публикациях называют по-разному. Например, «Министерством обороны ДРА» (А.А. Ляховский), «Министерством обороны генерального штаба афганской армии» (В.Ю. Марковский и В.В. Мильяченко), «генеральным штабом афганской армии» (Ю.И. Дроздов). Или «генеральным штабом вооружённых сил Афганистана» (М.Е. Болтунов), «генеральным штабом министерства обороны ДРА» (В. Розин), «генеральный штаб НВС (национальных или народных ВС) вооружённых сил ДРА» (В.И. Аблазов) и т.д. Наконец, говорят о «Генштабе Афганистана» и стоящем рядом с ним здании «Министерства обороны ДРА» (И. Васильев).

В этой связи, очевидно, целесообразно уточнить некоторые понятия. Для чего примем во внимание следующие существенные обстоятельства: во-первых, то, что в реальности координационные функции генерального штаба несколько шире, чем министерства обороны, как одной из составных частей единого блока силовых структур государства (во всяком случае, такое понимание ГШ ВС было в то время в СССР). Во-вторых, функции главнокомандующего вооружёнными силами ДРА, а также (номинально) министра обороны страны в рассматриваемый период были сосредоточены в руках председателя Революционного совета и премьер-министра Афганистана «товарища» Хафизуллы Амина.

Исходя из этих и ряда других обстоятельств, объектом захвата № 2 (по его важности) в ходе государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года следует полагать генеральный штаб вооружённых сил ДРА. При этом надо иметь в виду, что начальник ГШ ВС Афганистана генерал (в некоторых источниках его именуют полковником или даже майором) Мухаммада Якуб в данный период одновременно был и реальным руководителем аппарата министерства обороны (национальной обороны) ДРА. Говоря иными словами, генеральный штаб вооружённых сил Афганистана в описываемый период в основном имел и функции министерства обороны ДРА.

О захвате здания генштаба ВС Афганистана в своих мемуарах «Шторм-333» бывший начальник нелегальной разведки ПГУ КГБ СССР генерал-майор Ю.И. Дроздов вспоминал: «Как и ожидалось, другим наиболее трудным объектом (после дворца Таж-Бек. – *Примеч. В.К.*) оказался генеральный штаб афганской армии, охрана которого была значительно усилена, а сама обстановка внутри объекта весьма напряжена. Разведывательно-диверсионной группе в продолжительной жёсткой схватке удалось отсечь и изолировать руководство Генштаба, сковать огнём подразделение внутренней охраны. Уничтожить узел связи, не допустить проникновения внешней охраны внутрь здания. Бой завершился с подходом подразделения десантников. В результате, – докладывал командир группы, – уничтожены лица, оказавшие сопротивление, взяты пленные»¹.

1 Дроздов Ю.И. Указ. соч. – С. 54.

Вместе с этим в книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков» утверждается: «В те же часы силами другой роты батальона (имеется в виду «мусульманский» батальон спецназа ГРУ ГШ. – *Примеч. В.К.*) и чекистов было взято здание Министерства обороны генштаба афганской армии»¹. Однако, с точки зрения анализа других источников информации, данное заявление авторов представляется не соответствующим действительности: об участии 154-го отряда спецназа ГРУ в захвате здания генерального штаба вооружённых сил ДРА ничего не писал руководитель операции «Штурм-333» В.В. Колесник, об этом ни слова не обмолвились другие бывшие «мусульмане»-спецназовцы. Впрочем, об участии в захвате здания афганского генштаба бойцов 154-го ооСпН писали некоторые офицеры КГБ из отряда «Зенит». Но здесь, очевидно, имеет место простое незнание фактов или ошибка, в результате которой за «мусбатовцев» были приняты советские офицеры-десантники, военные советники и (или) пограничники, привлекавшиеся к проведению этой акции.

Подразделение спецназа госбезопасности, выделенное для захвата здания ГШ ВС ДРА, именовалось группой «Факел». Его силами проводилась тщательная и скрупулёзная разведка объекта захвата. Это изучение проводилось заблаговременно. После обеда, во второй половине дня 27 декабря 1979 года, группа «Факел» была приведена в полную боевую готовность и более чем в два раза численно усилена. Как впоследствии утверждал «зенитовец» Игорь Васильев, это усиление происходило «в том числе за счёт трёх крепких молодых ребят из спецназа ГРУ». Однако, как это отмечалось ранее, более правильно в данном случае следовало бы говорить об усилении разведывательно-диверсионной группы «Факел» спецотряда КГБ «Зенит» за счёт включения в её состав офицеров-десантников и пограничников.

Кроме того, с «Факелом» находился «невысокий афганец с задачей, известной только командиру». По данному поводу А.А. Ляховский предположил, что этим «невысоким афганцем» был Абдул Вакиль, являвшийся одним из функционеров «парчамистской» фракции НДПА². Здесь также

1 Марковский В. Ю., Мильяченко В. В. Указ. соч. – С. 4.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 152.

были задействованы несколько военнослужащих советской армии (офицеры воздушно-десантных войск и военные советники), которые обеспечивали «легенду» проникновения в генеральный штаб вооружённых сил ДРА. Эта «легенда» состояла в том, что спецгруппа «Факел» проникала в афганский генштаб под видом сопровождения (охраны) советских командиров, прибывших к генералу Мухаммаду Якубу якобы для согласования вопросов взаимодействия при вводе ОКСВА. Начало действий группы захвата по этому объекту было определено в 19.15 27 декабря по кабульскому времени, а сигналом – взрыв «колодца связи» в центре Кабула.

Один из непосредственных участников этих событий, бывший в то время офицером госбезопасности и бойцом отряда КГБ СССР «Зенит», И. Васильев в последующем вспоминал: «Проникновение в Генштаб прошло чисто, по «легенде». Хотя охрану насторожила численность и внешний вид сопровождения командира советской воинской части, прибывшей представиться начальнику штаба Якубу. «Включили» общительность, рассредоточились в здании по своим позициям. Противник нам предстоял серьёзный. Сам Якуб – волевой, решительный, рослый, крепкого сложения генерал, до 40 лет, в прошлом выпускник Рязанского училища ВДВ. Под стать ему и несколько десятков человек его личной охраны, целиком из родственников, преданных ему в соответствии с племенными обычаями, беспредельно. Свыше ста офицеров Генштаба, закалённых в переворотах, боях с мятежниками, многие из которых получили прекрасное образование в США и в Европе. Во дворе рота охраны. Напротив, невдалеке на взгорке, Министерство обороны (очевидно, в данном случае имеет место ошибка. – *Примеч. В.К.*) со своей ротой охраны и неизвестным нам количеством офицеров.

В 19.10 мы уже в «низком старте». Считаем минуты, внешне ничем не выдавая предельного напряжения. 19.15 – взрыва нет. Тягуче потянулись секунды. Казалось, что внутри тебя их медленно отсчитывает метроном, как капли воды из плохо закрытого крана. Пальцы непроизвольно тянутся к спусковому крючку. Наконец – взрыв. Атака!»¹.

1 «Русские командос». – 1999, № 1. С. 45-46.

Ход дальнейших событий можно проследить по воспоминаниям командира этой разведывательно-диверсионной группы отряда КГБ «Зенит» «Валерия Р.» (Валерия Розина). Их в своих мемуарах «Шторм-333» воспроизвёл генерал-майор Ю.И. Дроздов. А содержится в них следующая информация: «27 декабря 1979 года в 18.50 группа в составе 16 разведчиков-диверсантов отряда «Зенит» и восьми офицеров-пограничников и ВДВ вместе с одним афганцем «В» на автомашинах выехала с территории советского посольства в генеральный штаб министерства обороны Афганистана (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) в Кабуле. На место прибыли около 19.00. Одна группа поднялась на второй этаж в левое крыло генштаба МО Афганистана. Остальные, по плану, остались в вестибюле в ожидании установленного времени. При подъезде к объекту и при следовании к начальнику Генштаба было визуально установлено, что количество афганцев (наружное охранение, посты в вестибюле и на обоих этажах, лица в штатском, обслуга, офицеры) значительно больше, чем это фиксировалось раньше при разведке объекта. В помещении узла связи на первом этаже заднего крыла здания, под актовым залом, кроме трёх дежурных связистов находилось около 15 афганских солдат с автоматами. В торцевых частях здания у левого и правого входов было, кроме обычных двух караульных, ещё по 7–10 солдат-афганцев. Неустановленное количество солдат, как выяснилось позже, находилось в комнатах первого этажа. Шесть офицеров прошли в кабинет к начальнику Генштаба. Восемь разведчиков-диверсантов рассредоточились в запланированном порядке в коридоре и комнатах Генштаба, расположенных на втором этаже правого крыла здания и перекрыли большинство присутствовавших афганцев, с целью достижения эффекта неожиданности угощали их сигаретами, вели разговоры. Подобные контакты с афганцами установили и пятеро разведчиков-диверсантов, оставшихся на первом этаже (вестибюль, коридоры, торцевые входы).

Около 19.06 прибывшие к Якубу гости сели за стол. В 19.30 в городе раздался взрыв; судя по мимике, Якуб его тоже услышал, но говорить продолжил. Затем в кабинет вошли шесть человек афганцев в штатском, один из них сказал Якубу, что телефоны не работают.

Первой начала боевые действия группа первого этажа, нацеленная по плану на узел связи. В короткой рукопашной схватке был обезоружен часовой у входа, перерезаны выходы телефонных проводов на лестничной площадке и автоматным огнём подавлено сопротивление охраны узла связи. Таким образом, была создана возможность вывести из строя наиболее уязвимые и важнейшие части узла связи.

Со двора по окнам узла связи неизвестный противник открыл автоматный огонь. Отвечая на него, группа из узла связи, успешно решив возложенную на неё задачу, вышла в вестибюль. При этом пуля угодила в живот одному из разведчиков-диверсантов, попала в замкнутый за пояс пистолет, благодаря чему он получил лишь лёгкое ранение осколками пластиковой части рукоятки пистолета. В соответствии с планом два члена группы остались в вестибюле и помогли ликвидировать охрану у главного входа. Часть группы бегом поднялась на второй этаж для оказания поддержки действовавшим там бойцам отряда «Зенит». Рукопашная схватка в помещении второго этажа была наиболее продолжительной и ожесточённой.

По окончании боя в здании Генштаба все члены группы активно участвовали в разоружении пленных, их обыске, связывали им руки и сдавали под охрану подразделениям ВДВ.

Потери группы – минимальные: два легкораненых, один из них остался в строю, и один тяжелораненый (пограничник, ранение в бедро). Убитых в группе нет»¹.

В отношении приведённых воспоминаний Игоря Васильева (Игоря В.) и Валерия Розина (Валерия Р.) сделаем несколько уточняющих замечаний. Это должно снять некоторые «нестыковки» и разночтения, возникающие при их сопоставлении между собой и с другими информационными источниками.

Во-первых, И. Васильев временем начала действий разведывательно-диверсионной группы называет 19.15, точнее, немного позднее этого срока, а В. Розин – 19.30. Очевидно, в последнем случае имеет место ошибка памяти.

Во-вторых, И. Васильев говорит об усилении спецгруппы захвата «Факел» из отряда КГБ «Зенит» «крепкими

1 Цит. по указ. книге Ю. И. Дроздова. – С. 54-55.

ребятами из спецназа ГРУ», а В. Розин – о «восьми офицерах-пограничниках и ВДВ». Принимая во внимание ряд других сообщений по данному поводу, точку зрения «Валерия Р.», на наш взгляд, следует считать более предпочтительной.

В-третьих, И. Васильев тремя ранеными советскими бойцами полагает «крепких молодых ребят из спецназа ГРУ» – сержанта «Юрия Д.» («автоматной очередью перебило кость и артерию в основании бедра»), сибиряков из Барнаула «Владимира С.» («получил автоматную очередь в живот») и «Бориса Б.» (был ранен в ногу, но «из боя не вышел»). Пожалуй, стоит высказать сомнения о том, что в «мусбате» спецназа ГРУ Генштаба служили, как это утверждает Игорь Васильев, бойцы-сибиряки со славянскими именами. В подтверждение этого сомнения Валерий Розин и указывает принадлежность, по крайней мере, одного из раненых к пограничникам.

В-четвёртых, И. Васильев и В. Розин вольно или невольно упускают некоторые существенные детали, касающиеся захвата здания генерального штаба вооружённых сил ДРА. Это в частности касается потерь афганской стороны, дальнейшей судьбы начальника ГШ ВС ДРА генерала Якуба и т.д. Используя другие источники информации, попытаемся прояснить возникшие в этом вопросе «белые пятна».

Прежде всего несколько слов о начальнике афганского генерального штаба генерале (генерал-майоре) Мухаммаде Якубе. По некоторым сведениям, во время этих событий ему с небольшой группой телохранителей и других высокопоставленных офицеров удалось забаррикадироваться в одной из штабных комнат или, точнее, в своей комнате отдыха. Отсюда по радиостанции он безрезультатно пытался вызвать на помощь особо доверенный 444-й полк «командос» или «444-ю бригаду», как писал об этом А.А. Ляховский, и другие афганские воинские формирования.

Относительно последовавших вслед за этим событий существуют две не сильно разнящихся между собой версии. Согласно первой из них, убедившись в том, что помощь к нему не придёт, а дальнейшее сопротивление бесполезно, ближе к полуночи начальник генштаба ДРА сдался на милость победителей. В соответствии с другой версией, генерал Мухаммад Якуб, который был явно просоветски настроенным афганским офицером, после того, как узнал, кто

является настоящим творцом осуществлённого в Кабуле государственного переворота, добровольно сдался в руки «советских товарищей». Но это не спасло ему жизнь: присутствующий в группе захвата афганец «В.», как его называет Валерий Розин, зачитал «предателю Якубу» смертный приговор и «от имени партии и народа» лично застрелил из пистолета бывшего начальника генерального штаба вооружённых сил ДРА.

Так «парчамистский» функционер Абдул Вакиль продолжил кровавый счёт внутривнутрипартийных разборок в НДПА, только на этот раз с небольшой поправкой на то, что это происходило под прикрытием советской стороны, оказывавшей помощь «патриотическим силам Афганистана».

В этой связи думается, что захват в плен живым сильным, волевого и авторитетного в армейских кругах «халькиста» генерала Мухаммада Якуба просто не входило в планы Бабрака Кармала и его «прогрессивно настроенных» сотоварищей по государственному перевороту.

Не устраивала их и просоветская ориентация бывшего начальника афганского генерального штаба. А об этой позиции Якуба говорили многие комитетчики, лично знавшие его, в том числе и В.А. Поддубный. Для заговорщиков-революционеров иметь потенциального конкурента или даже обвиняемого, которому ещё только следовало предъявить какие-либо мало-мальски обоснованные обвинения, было довольно хлопотно. А как уж там сговорился по этому поводу Бабрак Кармаль со своими высокопоставленными кураторами из КГБ-КПСС, это уже другой вопрос. Русская пословица гласит: «Лес рубят, щепки летят». Очевидно, в афганском переводе или, точнее, в практическом исполнении «дров наломали» и того более.

И ещё несколько слов о «задаче» Абдул Вакиля при захвате генерального штаба вооружённых сил ДРА, которая была известна только командиру советской разведывательно-диверсионной группы. Думается, что здесь, несомненно, чётко просматривается параллель с миссиями других вождей «парчамистской» оппозиции НДПА, которую им приходилось исполнять 27 декабря в Кабуле. Например, в том же дворце Тадж-Бек. В этой связи вполне обоснованным является предположение, что подобные «задачи» решались и на других

кабульских объектах. В конце концов, чем другим могли заниматься во время штурма дворца Х. Амина присутствовавшие в спецгруппах КГБ СССР «Гром» и «Зенит» афганцы Асадулло Сарвари и Саид Гулябзой? Правда, там, в Тадж-Беке, дело пошло немного по другому сценарию. Но об этом несколько дальше...

События, произошедшие в генеральном штабе вооружённых сил ДРА 27 декабря 1979 года, можно проиллюстрировать и словами фольклорной «афганской» песни «Нас не много и не мало». По этому поводу сразу заметим, что её анонимные авторы (автор) явно имели чёткие представления о сути происходивших тогда в Кабуле событий¹. Итак, перед нами этот песенный материал...

Нас не много и не мало, нас *пятнадцать человек*,
Все в одежде для *спецназа*, ладно скроенной навек.
Не в одежде только дело — лишь бы был здоровый дух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Заграница нас сплотила верной дружбой боевой,
С нею мы как братья стали *под кабульской звездой*.
Все готовы друг за друга — *мы не ходим меньше двух*:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Мы не мыты и не бриты, ж... пылью заросли.
Мы мечтаем о корыте, про ханум мы видим сны.
И холмы под простынями, и в глазах огонь потух.
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Все пятнадцать — все с усами, только двое с бородой.
За афганцев нас не примешь даже скрытых под чадрой.
На *Зеленом* и на *Грязном* мы косим на молодух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

Так ходили мы, куда *получили все приказ* -
Захватить Генштаб с Якубом, чтоб не вякал лишний раз.
Гэ-Сэ-эН на всё готова — разнесем всё в прах и пух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.

---

1 Для удобства читателя курсивом в тексте приводимой здесь песни выделены те фактические обстоятельства, которые представляют для нас определённый интерес.

*По вечернему Кабулу при потушенных огнях
Три машины легковые мчат «зенитовских» ребят.
Тормоза скрипят визгливо, русским матом режет слух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.*

*Захватили эту хату, как сказали, целиком.
Сорок пять минут держали, не струхнули под огнем.
Сам Якуб лежал смиренно, пол от крови не был сух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.*

*Пять министров, сотня пленных уцелели в том бою,
Остальные очутились с нашей помощью в раю.
Шурави всем показали — тем, кто был к советам глух:
Если хочешь есть варенье, не лови «зевалом...» мух.*

*Наш спецназ работу кончил. Возвращаемся домой.
В этом солнечном Кабуле прощаемся с тобой.
Самолет рулит на взлете, рев турбин ласкает слух.
Мы теперь едим варенье, пусть амины ловят мух...*

В качестве уточнения добавим, что в тексте одного из вариантов этой песни поётся: «Нас не много и не мало, нас шестнадцать человек...» Очевидно, это более соответствует количеству бойцов спецгруппы отряда КГБ «Зенит» и других военнослужащих, задействованных при проведении данной акции. Ведь именно о таком числе разведчиков-диверсантов упоминал командир «Факела» офицер госбезопасности «Валерий Р». Относительно одежды «для спецназа, ладно скроенной навек», следует сказать следующее. Данное обстоятельство вполне могло сыграть роковую роль, так как советские десантники, прибывшие к зданию афганского генштаба, видели эту форму впервые. Ситуацию удалось разрешить, когда сами «зенитовцы» первыми вступили в контакт с бойцами советской крылатой пехоты. При этом выяснилось, что десантники не были предупреждены о начале действий в здании генштаба ВС ДРА советских разведчиков-диверсантов, пограничников, военных советников и офицеров ВДВ. Правда, здесь, как говорится, обошлось. Во всяком случае, об этом писал командир спецгруппы захвата КГБ СССР В.В. Розин.

Однако в том, что такой инструктаж отсутствовал, можно усомниться. Ведь в здании генерального штаба ВС ДРА тогда находились, как минимум, два высших советских офицера. Хотя в «зенитовской» песне и «вымпеловских публикациях можно почерпнуть информацию в основном о действиях бойцов группы спецназа КГБ. Относительно военных советников, десантников и пограничников здесь упоминается вскользь. Вместе с тем из фразы, обранённой командиром разведчиков-диверсантов «Валерием Р.», можно сделать предположение, что советскими силами захвата афганского генерального штаба руководил старший военный советник, который «значительное время был отрезан от группы из-за перестрелки с противником»¹. Это обстоятельство в определённой мере проливает свет на ту роль, которую играли старшие военные советники СССР в ДРА в случаях подключения их к действиям спецгрупп захвата (нейтрализации) на «подведомственных» объектах и с подсоветными им военно-служащими афганской армии.

В этой связи приведём запись из рабочего дневника бывшего советника в училище ВВС и ПВО ДРА полковника В.И. Аблазова, сделанную им через два дня после кабульского переворота: «Доходит информация о событиях 27.12.1979 года в других районах Кабула. В Министерстве обороны к начальнику Генштаба пришёл Костенко и представил ему командира десантной дивизии. В чае Якуба оказалось снотворное, которое начало действовать при приближении к часу «Ч». Заметив это, Костенко и командир дивизии ушли. А трое сопровождающих остались. Якуб почувствовал, что оставшиеся ведут себя не совсем как гости, и попытался уйти в смежную комнату, где у него была охрана. Это ему не удалось, он был ранен, один охранник убит, второй ранен, но выпрыгнул из окна. Потом всех сносили в подвал и проводили опознание. Якуба опознал нынешний министр финансов и лично добил его. Якуб в своё время лично уничтожил его семью. В кабинете Якуба обнаружили аппаратуру для прослушивания разговоров в рабочих кабинетах советников»².

1 Дроздов Ю. И. Указ соч. – С. 56.

2 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 141.

Конечно, это не информация из «первых уст», однако к 29 декабря 1979 года она ещё не успела обрасти «бородой». Поэтому данное сообщение В.И. Аблазова, учитывая его тогдашнее служебное положение и уровень информированности, как говорится, «имеет место быть». Очевидно, под «Костенко» В.И. Аблазов имеет в виду старшего коллектива советских военных советников, специалистов и переводчиков при генеральном штабе вооружённых сил (НВС) ДРА генерал-майора П.Г. Костенко. Исходя из этого, можно сделать довольно доказательное предположение, что именно на генерала Костенко было возложено общее руководство действиями сводных советских сил захвата афганского генштаба и «нейтрализации» его начальника Мухаммада Якуба.

В упомянутом ранее альманахе «Русские командос» за 1999 год имеется следующее свидетельство И. Васильева, участника этих событий из числа бывших «зенитовцев»: «В пункте сбора кратко и лаконично нам поставили задачу, познакомили с небольшой группой военных, обеспечивающих «легенду» проникновения в Генштаб»¹. Понятно, что для того, чтобы беспрепятственно приблизиться к генералу Якубу нужны были и военные советники, и офицеры вводимых в ДРА советских частей. При этом первые из них постоянно бывали в здании генерального штаба, к их виду охрана привыкла. А вторые – имели повод для «координации» действий сторон при вводе ОКСВА. Из чего вытекает, что не одни комитетчики захватывали и, тем более, обеспечивали контроль над столь важным стратегическим объектом, каковым, вне всяких сомнений, являлся генеральный штаб вооружённых сил (министерство обороны) ДРА.

И если даже гипотетически предположить, что десяток или два десятка «зенитовцев» смогли захватить здание афганского генштаба, то вряд ли бы они могли его удержать. Допустить, что такими силами можно обеспечить охрану и оборону данного объекта в течение какого-либо значительного времени, просто невозможно: рядом с генштабом находились весьма значительные силы армии и полиции ДРА. В этой связи тогда возникает вполне резонный вопрос: зачем подразделения советских воздушно-десантных

1 «Русские командос». – 1999, №1. С. 45-46.

войск прибывали к тому же генштабу, когда все вопросы осуществления государственного переворота без того были решены бойцами спецназа КГБ?..

Предоставим слово бывшему командующему российских ВДВ генерал-полковнику Георгию Ивановичу Шпаку. А он в февральском за 2004 год номере журнала «Солдаты России» утверждал буквально следующее: «Второй раз попал в Афганистан в декабре 1979 года. К тому времени уже полтора года командовал 350-м парашютно-десантным полком. С одним из батальонов моего полка я *участвовал в захвате Генерального штаба афганской армии* (курсив. – В.К.). Тогда впервые в моей жизни по мне вёлся огонь – и это чувство я не могу забыть до сих пор. Какое-то смешанное состояние страха и восторга»¹.

Это мнение весьма авторитетного в армии генерала дополняет бывший военный журналист Александр Александрович Колотило: «В 1980 году в Афганистане я был старшим лейтенантом, ответственным секретарём редакции газеты 103-й воздушно-десантной дивизии «Гвардеец»... Коротко остановлюсь на захвате других объектов, о чём сделал записи 28 декабря. 350-й парашютно-десантный полк, 7-я рота, исполняющий обязанности командира роты гвардии старший лейтенант Александр Козюков. Задача – участие в блокировании здания афганского генерального штаба, оказание помощи группе «Альфа» (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) в захвате и зачистке объекта с последующим его удержанием (курсив. – В.К.).

Совершив марш, 7-я парашютно-десантная рота подошла к зданию генерального штаба. В нём уже находился командир 103-й воздушно-десантной дивизии гвардии генерал-майор Иван Фёдорович Рябченко с тремя офицерами – братьями гвардии старшим лейтенантом Вячеславом Лаговским и гвардии лейтенантом Павлом Лаговским, а также с советником начальника генштаба Афганистана. Комдив представился афганскому военному руководству как командир полка, личный состав которого немедленно готов убыть на усиление границы. А потом сразу же группа «Альфа» совместно с десантниками начала захват.

1 Шпак Г.И. Тогда я был командиром 350-го. – «Солдаты России», февраль 2004. № 2. С. 2-3.

По подошедшей роте Козюкова из располагавшегося напротив генштаба здания министерства общественных работ вели огонь из гранатомётов и стрелкового оружия, а из-за здания – из миномётов. Первым оказался у захватываемого объекта действовавший в разведке взвод гвардии старшего лейтенанта Александра Куиша. Огнём из трёх боевых машин десанта подчинённые Александра не давали афганцам выпрыгивать из окон. Техник роты гвардии прапорщик Сергей Новицкий мастерски проделал бронёй проход в ограждении, через который на территорию генштаба вошла техника для его блокирования. Александр Козюков ворвался в здание, когда в нём уже шла перестрелка и среди «альфовцев» имелись раненые. Задачу десантники выполнили»¹.

Очевидно, только с этими дополнениями и поправками можно в общих чертах представить картину захвата генерального штаба вооружённых сил (министерства обороны) ДРА. Теперь несколько слов о тех, кто «очутился с нашей помощью в раю». Или кого «опознавали в подвале». Суммируя и сопоставляя различные сведения по данному вопросу, можно предположить, что в ходе захвата здания генштаба ВС ДРА погибли до 10 афганских военнослужащих, «оказавших сопротивление». А в плен были захвачены более ста офицеров и солдат и четыре члена «высшего проаминовского руководства Афганистана». Правда, в «зенитовской» песне пелось о «пяти министрах». Но, очевидно, у авторов данного текста были определённые затруднения с рифмой (ритмикой), из которых они вышли не без ушерба для исторической правды.

Таким образом, захват генерального штаба ВС ДРА способствовал лишению управления и устранению от участия в противодействии государственному перевороту в Афганистане частей кабульского гарнизона.

5. Кабульские радио и телевизионный центр

Объект захвата, который обозначен в заголовке настоящей главы как «Кабульские радио и телевизионный центр», в некоторых источниках назывался «телецентр», в других –

1 Колотило А.А В перерывах между боями выпускали «Гвардеец». – «Солдаты России», февраль 2004. №2. С. 4.

«Радио Афганистана», в третьих – «кабульские радио и телевидение» или просто – «радиотелецентр». Возможно, что под этим понималось и «министерство связи и информации». Во всяком случае, здесь очевидна ведомственная подчинённость данного объекта указанному ранее органу государственного управления. Сгруппировав и проведя анализ различных сведений, прямо или косвенно связанных с захватом этого важнейшего «информационного» объекта в Кабуле, можно представить следующую картину событий, произошедших здесь 27 декабря 1979 года...

По одним данным, для охраны и обороны радио и телевизионного центра афганской столицы были выделены одиннадцать танков, четыре боевых машины пехоты и порядка 200 солдат и офицеров вооружённых сил ДРА. Однако в книге «ОСНАЗ – войска особого назначения» полковник госбезопасности А.Т. Рябинин, руководивший здесь «зенитовцами», писал по этому поводу несколько иначе: «Объект охраняло воинское подразделение численностью 45 человек и танковая рота – 8 танков типа Т-85»¹. Правда, на следующей странице А.Т. Рябинин дал другую информацию, что два афганских танка стояли во дворе объекта, а восемь – «на открытом поле позади объекта и до казармы, в которой находились танкисты». Как ранее сообщалось, численность танковой роты составляет или 10 машин в танковом полку, или 13 – в танковом батальоне мотострелкового полка. В связи с указанным типом танка (Т-85) также следует высказать сомнения: скорее всего, здесь были машины Т-54.

Так как ранее был оговорён принцип минимизации при подсчёте сил афганской обороны, остановимся на том, что в составе сил охраны кабульского телерадиоцентра было не менее 10 танков и четыре боевые машины пехоты. Относительно числа афганских военнослужащих, сосредоточенных на этом объекте, можно уверенно предположить, что их с учётом танковых экипажей было порядка 150 человек. Кроме этого на зданиях телерадиоцентра были оборудованы две пулемётные огневые точки.

---

¹ Цит. по книге В.В. Воронова «ОСНАЗ – войска особого назначения». – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 118.

На этом объекте также пыталась укрыться значительная часть министров правительственного кабинета Хафизулы Амина с адъютантами и телохранителями, что несколько увеличивало силы обороны. Впрочем, брать их во внимание как дополнительную часть сил охраны, зная дальнейшее развитие событий, не будем. Сам этот объект представлял собой комплекс зданий, огороженных по периметру забором. В зданиях имелись помещения административно-хозяйственного и технологического назначения (аппаратные, студийные и технические комнаты афганских радио и телевидения). Здесь также располагались казармы для военнослужащих охраны этого объекта.

Для захвата кабульского радио и телевизионного центра выделялись разведывательная рота из состава 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка и девять разведчиков-диверсантов из отряда спецназа КГБ «Зенит». Об этом и о том, что командира разведывательно-диверсионной группы звали «Александром Р.» в своих мемуарах писал генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов. Теперь не вызывает сомнений, что под этим «псевдонимом» был «зашифрован» офицер «Зенита» Александр Рябинин. В последующем А.Т. Рябинин назовёт и имена чекистов, помогавших ему в организации и проведении боевых (специальных) действий на кабульском телерадиоцентре. Ими были В.Н. Гузенко, В.И. Пономаренко, А.И. Абрамян, В.И. Гаврюшев, В.В. Осипов, А.А. Волгин, а также офицер-таджик «товарищ Н.» Очевидно, читатель обратил внимание, что А.Т. Рябинин назвал имена только семи комитетчиков, к чему следует присовокупить и самого рассказчика, а генерал-майор Ю.И. Дроздов говорил о девяти разведчиках-диверсантах. Здесь можно допустить, что данное разночтение возникло по причине либо умышленного молчания о фамилии одного из офицеров госбезопасности, либо в силу ошибки памяти.

За двое суток до произошедшего захвата объекта соответствующие задачи были поставлены перед командиром роты десантников. В своих последующих воспоминаниях полковник А.Т. Рябинин говорил фактически о «полуроте» ВДВ, которую возглавлял исполняющий обязанности командира гвардии старший лейтенант А.В. Попов (ныне – заместитель командующего российских ВДВ, генерал-майор), «призванный содействовать (*курсив. – В.К.*) выполнению

этой боевой задачи»¹. В подготовительный период, как сообщал об этом А.Т. Рябинин, силы захвата удалось дополнительно вооружить четырьмя пулемётами РПД (скорее, РПК, ПК или их десантными аналогами.), а каждого четвёртого десантника обеспечить ручным противотанковым гранатомётом «Муха».

От афганской оппозиции к данной группе прикреплялся активный участник двух прежних кабульских государственных переворотов, один из ближайших сподвижников убитого главы Афганистана Н.М. Тараки, бывший министр обороны ДРА и офицер-танкист Мохаммад Аслан Ватанджар. Как следует из тестов воспоминаний бывших «зенитовцев» и их руководителей, «товарищ Ватанджар» был «придан» разведчикам-диверсантам. В отношении подразделения советских ВДВ в этих публикациях употребляется такое их обозначение, как «рота поддержки». Особо не останавливаясь на этих весьма сомнительных определениях («придан», «рота поддержки», «призван содействовать», а не выполнять и т.д.), о чём несколько ранее уже была речь, обратимся к динамике происходивших событий.

Изучение расположения и подступов к данному объекту, а также системы охраны и обороны кабульского радио и телевизионного центра силами спецназа КГБ СССР проводилось заблаговременно. Очевидно, предварительная разведка велась ещё первым составом «Зенита», начиная с лета 1979 года. Доразведка данного объекта захвата велась силами разведывательно-диверсионной группы под командованием А.Т. Рябинина, который, разбив спецназовцев на двойки и тройки, организовал изучение схемы расположения постов охраны, мест нахождения афганской бронетехники и казарм личного состава. При этом сам командир боевой группы «Зенита» как «инженер по автоматике» дважды побывал на самом объекте. Здесь он уточнил места расположения студий радио и телевидения, их коммуникационных сетей и энергетического снабжения (основного и запасного), внутренних постов и помещений для отдыха охраны (отдельно для членов экипажей танков, БМП и другого личного состава).

---

1 Там же. – С. 119.

Тогда же А.Т. Рябинину с командиром подразделения ВДВ и подчинёнными ему командирами взводов удалось провести рекогносцировку местности. Офицеры-десантники были переодеты в гражданскую одежду и совместно с «зенитовцами» в составе групп по два-три человека с различных сторон обошли подступы к данному объекту. На подготовительном этапе операции разработали два варианта последующих действий. Первый вариант состоял в том, чтобы, действуя на боевой технике, сходу ворваться в радиотелецентр, нейтрализовать часовых, блокировать охрану и захватить афганские танки и другие бронеобъекты, уничтожить противника, оказывающего сопротивление. Согласно второму варианту, часть десантников должна была заблаговременно выдвинуться в пешем порядке к радиотелецентру, «снять» часовых, блокировать расположения экипажей танков и БМП. А вторая часть нападавших, действуя на боевой технике, врывается бы в афганское расположение и оказывала огневую поддержку действиям своих товарищей. В конечном итоге было принято решение на действия «сходу», то есть по первому варианту.

Как в последующем вспоминал полковник А.Т. Рябинин: «27 декабря 1979 года в 18.00 мы с А.В. Поповым были вызваны к генералу Магометову. Там я впервые выслушал боевой приказ и расписался за него»¹. Тогда командиру разведроты 345-го гв. опдп гвардии старшему лейтенанту А.В. Попову и командовавшему спецгруппой «зенитовцев» А.Т. Рябинину было уточнено время начала операции. По одним данным, оно определялось подрывом линий афганской связи, то есть 19.15, согласно другим источникам, оно было назначено на 19.30. В соответствии с полученным приказом разведывательная рота (2 БМП, 2 БМД и 1 БТР) с девятью спецназовцами Комитета госбезопасности должна была «атаковать объект, захватить его и оборонять в случае нужды, а затем организовать его охрану». Таким образом, судя по формулировке основной цели действий этого смешанного формирования, выполнялась задача, вполне свойственная для тактики воздушно-десантных войск, а именно, – «захват объекта в тылу противника». О проведении *диверсий* на кабульском радио и телевизионном центре в боевом приказе речи не шло.

¹ Там же. – С. 120.

Заняв исходные позиции в «семи минутах езды» боевых машин до объекта, разведрота 345-го гв. опдп с «зенитовцами» изготовилась к бою. В 19.08 (или в 19.23) командир роты подал команду на начало движения колонны бронетехники. Боевые машины, набрав требуемую скорость, сбили ворота объекта и ворвались в расположение кабульского телерадиоцентра. Десантники высыпали из БМП, БМД и БТР, расстреляли часовых и приступили к выполнению намеченных перед ними целей. В ходе скоротечного боя, как писал об этом генерал-майор Ю.И. Дроздов, длившегося около 40 минут, из противотанковых гранатомётов «Муха» были уничтожены три афганских танка и одна боевая машина пехоты, а также семь военнослужащих охраны объекта, оказавших сопротивление нападавшей стороне. Впрочем, сам А.Т. Рябинин писал только об одном подбитом танке.

Большого кровопролития удалось избежать благодаря присутствию в составе группы захвата афганского офицера-танкиста Мохаммада Аслана Ватанджара. Первоначально взятым в плен членам афганских танковых экипажей М.А. Ватанджар разъяснил, что в Кабуле произошёл государственный переворот, в ходе которого Х. Амин уничтожен, что к власти в ДРА пришли «здоровые патриотические силы», которые гарантируют безопасность сдавшимся в плен бойцам охраны телерадиоцентра. В дальнейшем эти «распропагандированные» пленные танкисты были отправлены для разъяснительной работы к своим товарищам. В свою очередь оставшиеся силы охраны и обороны кабульского радио и телецентра предпочли сдаться на милость победителей.

Советская сторона потерь не имела. Лишь один десантник получил ранения в ноги и своевременно был эвакуирован для оказания дальнейшей медицинской помощи в госпиталь, развёрнутый на базе поликлиники советского посольства. Всего на этом объекте было захвачено в плен 106 афганских военнослужащих, из которых 29 получили ранения. Здесь же были задержаны 17 министров из правительственного кабинета Хафизуллы Амина, которые в последующем охранялись советскими разведчиками-десантниками и бойцами из состава спецотряда КГБ «Зенит». Впрочем, вполне возможно, что приведённые здесь цифры убитых, раненых и захваченных в плен афганцев несколько завышены. К тому же есть

определённые сомнения в захвате такого количества министров кабинета Х. Амина: по некоторым другим сведениям, эти высшие афганские чиновники сами прибыли в телерадиоцентр после соответствующего объявления об этом по кабульскому радио¹.

В этой связи, пожалуй, стоит привести совершенно противоположное мнение генерала КГБ Л.П. Богданова: «Ватанджар, допустим, брал телецентр. Без единого выстрела: на охране его же бывшие солдаты, которые тут же с ним побратались»². Вот так... Оказывается, что телерадиоцентр без всякого боя «брал Ватанджар». Трудно, конечно, комментировать это суждение...

Информация к размышления

Из личного дела

генерал-майора госбезопасности
Леонида Богданова

В 1971 году был заместителем начальника отдела Ближнего и Среднего Востока ПГУ (внешней разведки) Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (время первой поездки в Афганистан). Был резидентом КГБ в Индонезии и Иране. После Саурской (Апрельской) революции прибыл в ДРА в представительство КГБ СССР при премьер-министре Афганистана. Был главным советником СССР при создаваемых органах государственной безопасности ДРА, полковником. Почти сразу после событий 27 декабря ему было присвоено генеральское звание. Уехал из Афганистана в апреле 1980 года.

После захвата расположения кабульского радио и телевизионного центра под контролем советской стороны были организованы передачи в эфир с обращениями «нового афганского руководства». Тексты этих обращений, судя по ряду источников информации, были предварительно записаны на

1 Гай Д., Снегирёв В. Указ. соч. – С. 57.

2 Цит. по статье А. Хинштейна «Тайны афганской лубянки». – «Московский комсомолец». – 2002, 29 марта.

плёнку ещё во время нахождения Бабрака Кармаля и его со- товарищей в расположении советских войск на авиабазе Баг- рам. Как описывал эти события полковник А.Т. Рябинин: «За- хватив объект и заняв круговую оборону, мы обнаружили, что жизнь в обоих зданиях протекала своим чередом: шли пере- дачи, выступали дикторши, а узнав о случившемся, сразу же собрались на стихийно возникший в большом зале центра ми- тинг. Все приветствовали происшедший переворот с нескры- ваемым энтузиазмом»¹.

Теперь разобравшись с динамикой происходивших со- бытий, ещё раз попытаемся разобраться в вопросе, какая задача была поставлена смешанному советскому отря- ду десантников и спецназовцев, действовавшему на этом объекте. А она была следующей: захватить радио и телеви- зионный центр с наименьшими потерями с обеих сторон, обеспечить его оборону, а также охрану пленных афганс- ких военнослужащих и персонала объекта, организовать и проконтролировать выход в эфир обращений «нового афганского правительства». Исходя из этой цели, следует понимать, что основную задачу, то есть захват и удержа- ние в своих руках радио и телевизионного центра, можно было выполнить только, используя возможности техники, вооружения и личного состава разведывательной роты 345-го гв. опдп, но никак не силы девяти (восьми) пеших разведчиков-диверсантов «Зенита».

При условии выполнения указанной ранее первичной (боевой) задачи наступала возможность для достиже- ния других (специальных) целей. А именно: не допустить выхода в эфир действующего афганского руководства и обеспечить радио и телетрансляции обращений к наро- ду «правительства» Бабрака Кармаля. Никаких *диверсий* на данном объекте захвата осуществлять не намечалось и не было совершено. Исходя из этого, утверждать, что ка- бульский радио и телевизионный центр был захвачен де- вятью (восьмью) бойцами из состава отряда спецназа КГБ «Зенит», как это делается во множестве публикаций, неправомерно.

---

1 Цит. по указ. книге В.В. Воронова. С. 122.

6. Министерство внутренних дел ДРА (царандой)

Картина захвата здания министерства внутренних дел ДРА (царандоя) и «нейтрализации» сопротивления 350 афганских солдат и офицеров, исходя из текста мемуаров генерал-майора госбезопасности Ю.И. Дроздова, выглядела следующим образом. В операции участвовали 14 разведчиков-диверсантов из отряда «Зенит» и «два взвода поддержки ВДВ», которые в течение часа на открытых грузовых автомашинах добирались до здания афганского МВД. Охрана царандоя была изготовлена к отражению штурма. Из здания МВД ДРА по нападавшей стороне вёлся огонь. В ходе перестрелки с охраной первого и второго этажей погиб офицер «Зенита» «Анатолий М.» (речь идёт об Анатолие Муранове). Однако было принято решение на захват, который начался сразу после неожиданного и одновременного залпа по обороняющимся из семи ручных противотанковых гранатомётов «Муха». Воспользовавшись замешательством со стороны охраны, группа захвата совершила бросок от контрольно-пропускного пункта к зданию центрального офиса МВД ДРА. В течение следующих пятнадцати минут к 19.30 советскими десантниками и спецназовцами КГБ были заняты остальные этажи здания министерства внутренних дел Афганистана, сопротивление противника прекратилось.

И всё-таки, очевидно, что не так просто всё складывалась на этом объекте государственного переворота 27 декабря 1979 года. И, судя по ряду других источников информации, несколько по-иному разворачивалась диорама событий, связанных с овладением центральным офисом царандоя. Здесь следует добавить, что руководил группой отряда «Зенит», нацеленной на реализацию частной операции по взятию под советский контроль здания царандоя офицер госбезопасности Ю.В. Мельник. Относительно состава советской группы захвата следует добавить, что она состояла не только из десантников и «зенитовцев». Здесь также действовали офицеры КГБ Евгений Чудеснов и Александр

Лопанов из отряда «Гром» (группа специального назначения КГБ СССР «А»), которые обеспечивали охрану оппозиционного функционера НДПА Нур Ахмат Нура (секретарь ЦК партии).

Ведь «прикреплённый» решением «подпольного политбюро» своей партии к проведению акции по министерству внутренних дел ДРА Н.А. Нур должен был действовать совместно с советскими десантниками и чекистами. При этом ему отводилась роль представителя «нового демократического руководства Афганистана», который, с одной стороны, уведомлял защитников министерства о совершённом государственном перевороте и физической ликвидации Х. Амина, а со стороны другой, давал им гарантии личной безопасности в случае сдачи оружия. Вполне вероятно, что в кармане Нура лежало и несколько «смертельных приговоров» для аминовских «последышей», которые он должен был лично привести в исполнение. Во всяком случае, как об этом сообщалось ранее, именно так действовал при захвате афганского генерального штаба его коллега из «Парчам» Абдул Вакиль, собственноручно расправившийся с «предателем Якубом». Впрочем, прямых доказательств подобной деятельности Нур Ахмат Нура в хотя взятия под советский контроль центрального офиса Царандоя нет, есть только косвенные подтверждения этого. Но об этом несколько позже.

Офицер госбезопасности из спецотряда КГБ СССР «Гром» Евгений Чудеснов впоследствии об этом вспоминал: «При штурме Царандоя нам поставили задачу охранять Нур Ахмат Нура, который собирался призвать защитников министерства сдаться. Примерно в 18-18.30 к вилле «Зенита» подъехали три грузовика. В кузовах сидели солдаты и несколько бойцов «Зенита». Нура посадили в кабину, Александр Лопанов и я сели по бокам. Едем по Кабулу. Мирный город, снуют афганцы, повсюду жарятся шашлыки. До сих пор помню удивительный запах тех шашлыков. А мы едем на войну. Все три машины остановились у светофора. Он несколько раз переключился, можно двигаться, а мы стоим, ждём. Наконец двинулись. У здания МВД снова остановились, тут солдаты и «зенитовцы» выскочили из машин. Нуру дали мегафон и он стал призывать сдать оружие, кричал, что пришла законная власть. Из окон министерства ответили автоматным огнём»¹.

1 Цит. по указ. книге М.Е. Болтунова. – С. 66.

Как можно понять из слов «громовца» Е. Чудеснова, миссия «политкомиссара» Н.А. Нура в начале проведения акции по взятию под советский контроль центрального офиса МВД ДРА провалилась. Ведь из «министерства ответили автоматным огнём». Тем не менее представляется очевидным, что заявление представителя «нового руководства Афганистана», прибывшего в сопровождении советских военнослужащих, возымело определённое психическое воздействие на политико-моральное состояние защитников царандоя. А иначе и быть не могло.

Вместе с этим давайте обратимся к такому любопытному источнику информации о событиях 27 декабря 1979 года в Кабуле, как самодеятельное песенное творчество бойцов спецотряда КГБ «Зенит». Сразу заметим, что здесь обнаружится ряд интересных совпадений с мнением генерала Ю.И. Дроздова и некоторые новые обстоятельства захвата этого объекта. Итак, предоставляем вниманию читателя довольно значительный фрагмент «зенитовской» песни того времени «Афганистан насквозь промок от слёз». А посвящена она именно захвату министерства внутренних дел ДРА¹.

*...Нам дан приказ идти на Царандой,
Назначены и время, и задачи.
Объект нам надо взять любой ценой
И продержаться до прихода наших.*

Решили мы, что рвемся в жаркий бой,
Не зная, что и враг уж наготове, -
Гудит от нетерпенья, словно рой,
Готов пролить он море русской крови.

Нам наплевать, что нет у нас тылов,
Что за спиной лишь трусы-генералы,
Не будем мы в бою менять штанов,
В бою не будем допускать провалов.

¹ В тексте песни курсивом выделены фактические обстоятельства, которые могут иметь прямое отношение к тем или иным событиям данной акции.

На *трех машинах* мы летим вперед
Навстречу славе, а быть может, смерти,
И пусть *соотношение один к трём* -
Мы будем драться до конца как черти.

Машины наши, мы и не темним -
Открыты всем, нам нечего бояться,
Что нас увидят — поняли они,
В войну мы не намерены играть.

Вот *вдоль решетки тянутся стволы,*
Направлены для встречи автоматы.
Торчат они сквозь прутья, как кресты,
Как видно, наступает час расплаты.

А наш расчёт — он до предела прост:
Бей первым сам, иначе будешь битым.
Мы впереди не ожидаем роз:
Мгновенный штурм — и будет враг разбитым.

Бросок вперед — и занят *вестибюль,*
Гранаты рвутся и свистят осколки.
Они стреляют, не жалея пуль,
Оскалившись, как бешеные волки.

Этаж второй, а там же на пути
*Аминовский последний Политурка*¹.
Он предал нас, приказ у нас один —
Стрелять его, предателя, как урку.

---

1 *Политурка (обиход.)* — политический урка (преступник), хотя в некоторых текстах под этим подразумевалось имя собственное, что следует понимать неправильным.

Бросок направо — лупим «*Мухой*» в дверь,
В покои генерала *Али-Шаха*,
А чтоб верней добить нам эту цель -
Туда летит еще одна граната.

Кусает «Муха» сразу полстены,
Но генерал — предвидеть было надо -
Махнул в окно, забыв надеть штаны,
И почесал к Амину для доклада.

Все получилось — выполнен приказ.
И слава тем, кто залил мрамор кровью,
Кто предпочёл погибнуть среди нас,
А не бежать домой, прикрывшись корью...

Как ранее сообщалось, в ходе захвата центрального офиса афганской полиции или милиции, как её ещё называли в обиходе, погиб офицер спецгруппы КГБ «Зенит» Анатолий Муранов. Точных сведений о потерях афганской стороны в ходе проведения этой акции нет. Впрочем, относительно того, что эти потери были, особых сомнений не имеется. Очевидно, печальной была и дальнейшая участь «предавшего нас аминовского последыша политурки (Политурки)», в отношении которого был чёткий приказ — «стрелять его предателя, как урку». Вопрос состоит только в том, кто приводил в исполнение этот приказ.

Впрочем, не хотелось, чтобы у читателя создалось впечатление относительно кровожадности советских спецназовцев и десантников, принимавших участие в кабульских событиях 27 декабря. Но на войне чаще всего правым оказывается тот, кто первым успевает нажать на спусковой крючок автомата. Как известно, войны начинают не военные люди, хотя по полной программе расплачиваться за это приходится именно им. Русский солдат, воспитанный на высоких нравственных традициях из боевого прошлого предков, всегда, как только есть у него таковая возможность, проявит к поверженному противнику сострадание и милосердие.

Несомненно, такие примеры были и в ходе описываемых нами трагических событий декабря 1979 года. В этой связи предоставим ещё раз слово бывшему бойцу отряда КГБ «Гром» офицеру госбезопасности Евгению Чудеснову: «Мы стояли перед зданием Царандоя, до главного входа метров 15–20. Но с верхних этажей огонь усиливался, летели гранаты, и потому решили не испытывать судьбу. Прикрывая собой Нура, двинулись к входу, приходилось отстреливаться из пулемёта. Здесь я получил контузию. Из носа и ушей пошла кровь, на некоторое время потерял ориентацию, а когда очнулся, вижу: окружающие открывают рот, что-то говорят, но не слышу, что именно. Хотя разбираться в своём состоянии, признаться, времени не было. Ворвались в здание, определили Нура в один из кабинетов, дали ему охрану и бросились помогать нашим ребятам.

А бой переместился уже на верхние этажи. Помню, услышал крик, страшный такой, душераздирающий. Бегом туда. Оказывается, ранен в ноги совсем молодой афганец, защитник министерства. Перевязал его, а только что я бинтовал плечо десантнику, такому же мальчишке. Он всё рвался в бой, пришлось даже прикрикнуть, назвать своё воинское звание, чтобы слегка охладил пыл»¹.

Вряд ли это «признание» спецназовца Евгения Чудеснова, лично оказывавшего первую медицинскую помощь своим недавним противникам, понравится британскому специалисту в области диверсионных операций Стиву Крофорду. Ведь автор книги «Спецназ в бою» ставил перед собой цель доказать особую жестокость и беспощадность «российского спецназа» вообще и в ходе осуществления государственного переворота в Кабуле в частности. В своих воспоминаниях Е. Чудеснов также упоминает о смерти бойцов спецгруппы «Гром» Геннадия Зудова и Дмитрия Волкова, павших при штурме дворца Тадж-Бек. О чём Чудеснов узнал после посещения на следующий день вместе с Н.М. Нуром узла связи.

Таким образом, подведём некоторые итоги данного раздела нашего повествования:

1 Цит. по указ. книге М.Е. Болтунова. – С. 71.

1. Взятие штурмом советского спецназа 27 декабря 1979 года дворца Тадж-Бек явилось центральным, но не единственным событием этого государственного переворота в Кабуле. Его успешное проведение находилось в прямой зависимости от «воздействия» на другие объекты (захвата, диверсий, нейтрализации). В данной спецоперации мелочей не было: все ставившиеся задачи были взаимосвязаны и направлены на достижение общей цели. Успешная реализация этих задач позволила избежать больших потерь.

2. В перечне наиболее важных объектов «воздействия» государственного переворота 27 декабря 1979 года были генштаб ВС (министерство обороны) ДРА, линии кабульской связи, управление и штаб центрального армейского корпуса, комплекс зданий кабульского телерадиоцентра, министерство внутренних дел ДРА (царандой), расположение службы государственной безопасности (КАМ), центральный телеграф, почта и (или) министерство связи и информации ДРА, штаб ВВС и ПВО, тюрьма для содержания политических заключённых в районе Пули-Чархи, а также другие цели.

3. В решение боевых (специальных) задач по объектам «второго плана» государственного переворота в Кабуле принимали участие военнослужащие 103-й гв. ввд и 345-го гв. опдп, бойцы спецформирований КГБ СССР «Зенит» и «Гром», другие сотрудники госбезопасности, а также военные советники, советники СССР по линиям КГБ и МВД, личный состав внештатной пограничной роты, охранявшей советское посольство в ДРА.

4. Личный состав 154-го отдельного отряда специального назначения («мусульманский» батальон) ГРУ Генштаба ВС СССР в решении боевых (специальных) задач на объектах «второго плана» государственного переворота 27 декабря 1979 года участия не принимал и был полностью задействован при штурме дворца Х. Амина.

5. Проведение диверсии на кабульских линиях гражданской (городской и междугородней) и военной (правительственной) связи, проведённое бойцами спецгруппы отряда КГБ СССР «Зенит», послужило общим сигналом для начала осуществления советскими силами нападения государственного переворота в ДРА.

6. Участие афганских оппозиционеров в осуществлении советскими десанниками, спецназовцами КГБ и военными советниками захватов ряда объектов «второго плана» свидетельствует о том, что им отводилась роль представителей «нового руководства ДРА», которые в частности были нацелены на исполнение смертных приговоров отдельным лидерам правительства Х. Амина.

**Раздел VII:
Дворец Тадж-Бек
после сигнала «Шторм-333»**

Зов предков

Дыхание опасности
Во мне почуял зверь,
Всё остальное — частности,
Всё — частности теперь.

Мгновенье — нет усталости —
Вперёд и победить!
Эх! Не дожить до старости,
А, может быть, дожить?

Но думы и сомнения, —
Всё это на потом:
Во мраке откровения
Инстинкты бьют кнутом.

Уместны в дикой ярости
И шпага, и стилет,
Нет совести, нет жалости
И правды тоже нет.

Все навыки и знания
По бросовой цене, —
Позывы подсознания
Беснуются во мне.

Скрежещут междометия —
Ненормативный рёв,
И рвётся сквозь столетия
Звериный предков зов.

*США, Нью-Йорк,
1992 год*

Как отмечалось ранее, 25 декабря 1979 года начался ввод советских войск в Афганистан через сухопутную границу и по воздушному пространству сопредельного государства. Соединения и части контингента советских войск выходили на назначенные рубежи и занимали определённые им позиции. Правда, как это показали дальнейшие события, у высшего советского руководства при осуществлении данных мероприятий были цели, прямо противоположные с целями главы правительства и фактического афганского диктатора Хафизуллы Амина. Они сводились к тому, чтобы параллельно с вводом войск для поддержки режима НДПА осуществить государственный переворот в ДРА путём физической ликвидации самого Х. Амина и отстранения от власти его ближайших сподвижников по террору.

Таким образом, советские руководители одних «народных демократов» решили поменять на других, только более покладистых и преданных, в большей мере предсказуемых и менее кровавых. Для реализации выработанного плана государственного переворота в ДРА были привлечены различные советские органы и структуры. Осуществление бойцами спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР силовой операции по штурму дворца Тадж-Бек являлось последним аргументом советской стороны. Первоначально курс брался на физическое устранение Х. Амина и членов его правительства более банальным способом...

1. Во дворце Тадж-Бек накануне...

Днём 27 декабря генеральным секретарём ЦК НДПА, председателем Революционного совета и премьер-министром ДРА Хафизуллою Амином проводился роскошный приём в своей новой резиденции главы партии и государства, каковой стал дворец Тадж-Бек. Помимо новоселья официальным поводом для торжества стало возвращение из Москвы секретаря ЦК НДПА Пандшири. Последний заверил Х. Амина и его соратников, что все ранее достигнутые договорённости между ДРА и СССР относительно ввода советских войск на территорию Афганистана и оказанию помощи правящему режиму будут неукоснительно исполняться.

Рассказывал Пандшири и о том, как ему удалось убедить советских руководителей в аминовской версии смерти Н.М. Тараки и смены руководства ДРА. Присутствующим на приеме казалось, что убийство Тараки, многих тысяч его сторонников и других ни в чём не повинных афганцев списано с них безболезненно и окончательно, как некая шалость или издержка «народно-демократической» революции.

В свою очередь сам Амин, явно пребывавший от этого в эйфории, неустанно говорил присутствующим сентенции примерно такого содержания: «Всё идёт прекрасно. Советские дивизии находятся на пути к нам... Я постоянно связываюсь по телефону с товарищем Громыко, и мы совместно решаем вопрос, как лучше сформулировать для мира информацию об оказании нам советской военной помощи... Советский Союз нам поможет...» Давал Х. Амин и указания своим подчинённым по организации взаимодействия с командованием советских воинских формирований.

Однако ожидавшееся днём 27 декабря выступление Хафизуллы Амина по афганскому телевидению, для участия в котором были приглашены все высшие партийные функционеры, государственные чиновники, военные чины и руководители армейских политорганов, так и не состоялось. Причиной стало осуществление в Тадж-Беке очередного варианта физического устранения Х. Амина и его подручных.

Речь идёт о спланированной и проведённой соответствующим структурным подразделением КГБ СССР попытке отравления участников приёма во дворце Тадж-Бек. Так, во всяком случае утверждается в ряде источников информации по данному вопросу. Впрочем, бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков, бывший в декабре 1979 года начальником внешней разведки этого «всесильного ведомства», в своих мемуарах писал: «...Мы были готовы к любым неожиданностям, в окружение Амина была заранее внедрена наша агентура, и штурмующие подразделения действовали не вслепую. Кроме того, мы с самого начала исключили возможность оказания организованного сопротивления – непосредственно перед началом штурма Амин вместе со своим ближайшим окружением был усыплен. Снотворный

порошок незаметно подмешал в еду один наш нелегал, который работал «под крышей» в президентской охране»¹.

В своём романе «Уйти и не вернуться» писатель Чингиз Абдуллаев так попытался «реконструировать» эти события, происходившие в первой половине дня 27 декабря во дворце Тадж-Бек:

«...В девять вечера Талыбов подал плов-сабси, умело приготовленный с мясом и зеленью и обильно политый ядом.

В девять тридцать колонну останавливают афганские патрули. Они требуют разрешения на проезд такого количества бронетехники в центр города.

В девять тридцать Хафизулла Амин, лишь начав ужин, чувствует себя очень плохо. Срочно вызван врач из советского посольства, местным эскулапам диктатор давно не доверяет.

В девять сорок к КПП, ведущему в центр города, подтягиваются две полицейские машины и несколько солдат афганской армии, патрулирующих дорогу.

В девять сорок пять по приказу Бояринова группа открывает огонь на поражение. Сняв шлагбаум, уничтожив афганские посты, группа открывает дорогу колонне десантников и группе «Альфа».

В десять часов вечера прибывший врач из советского посольства делает промывание, укол, пытаясь спасти Амина.

В десять часов группа «Октава» находится уже в парке дворцового ансамбля.

В десять часов, почти не встречая сопротивления, советские войска вступают в город.

В десять тридцать Амин приходит в себя и засыпает в комнате. Советский врач остаётся рядом с ним»².

Заметим, что В.А. Крючков однозначно заявляет только о попытке усыпить Х. Амина, а Ч. Абдуллаев столь же категорично говорит об отравлении афганского диктатора. Как бы там ни было, в результате данной акции многие приглашённые почувствовали себя плохо, а некоторые потеряли сознание. В числе последних оказался и сам Хафизулла Амин. Его жена забила тревогу: был немедленно вызван командир

1 Крючков В.А. Личное дело. – М.: Эксмо, 2003. С. 231.

2 Абдуллаев Чингиз. Указ. соч. – С. 53-54.

президентской гвардии Джандад, за скорой медицинской помощью обратились в центральный военный госпиталь («Чарсад Бистра») и в поликлинику советского посольства. С просьбой об ускорении прибытия во дворец советских врачей к начальнику политотдела аппарата главного военного советника генерал-майору С.П. Тутушкину обратился начальник главного политического управления вооружённых сил ДРА М.Э. Вазири. В ответ на просьбу афганского коллеги генерал С.П. Тутушкин принял срочные меры по отправке в Тадж-Бек советских медиков.

В связи последним из приведённых здесь обстоятельств стоит заметить, что данный факт наглядно свидетельствует о сверхсекретности, которой были окутаны все события, связанные с началом осуществления государственного переворота в Кабуле. Ведь даже столь заметные фигуры аппарата военных советников и специалистов СССР, как генерал-майор С.П. Тутушкин, не были в курсе происходившего во дворце Тадж-Бек, да и около него. Нечто подобное можно сказать и об «информированности» по этому поводу посла Советского Союза в ДРА Ф.А. Табеева, ведь для него все последующие события государственного переворота в Кабуле также оказались полной неожиданностью.

Как впоследствии вспоминал об этом застолье видный функционер НДПА и бывший министр финансов ДРА А.К. Мисак: «27 декабря Амин пригласил всех своих ближайших соратников с семьями на обед. В конце обеда вдруг всем захотелось спать. Я ещё помню, обеспокоенно спросил: «Может быть, нам что-то в еду подсыпали? Не яд ли это? Кстати, кто твой повар?» «Не волнуйся, – ответил хозяин. – И повар, и переводчик у меня советские». Однако сам Амин тоже имел бледный вид. Держался за стены. Я пожал плечами и поспешил на свежий воздух. Погода была морозная, выпал снег, снаружи мне стало немного легче. Кто отведал этот обед, чувствовал себя, словно пьяный. Только Пандшери с удивлением взирал на наши мучения. Он единственный из нас не ел суп, потому что соблюдал диету. Видимо, что-то было подмешано именно в суп. Быстро распрощавшись со всеми, я поехал к себе на площадь Пуштунистана, в министерство финансов, и пытался заняться там делами. Всё происходило в четверг, а у нас это короткий день, накануне выходного. Сел в кресло и мгновенно уснул, как в глубокую яму провалился»¹.

1 Цит. по книге: Гай Д., Снегирёв В. Указ. соч. – С. 55-56.

В связи с приведённым отрывком из воспоминаний А.К. Мисака более предпочтительной становится точка зрения, изложенная В.А. Крючковым, а не Ч. Абдуллаевым. Однако это вовсе не исключает того, что помимо общей дозы снотворного, предназначавшейся присутствовавшим на обеде гостям, Хафизулле Амину ещё не определили пару капель яда или сделали сильную передозировку применявшегося транквилизатора. Ведь именно хозяина Тадж-Бека выводили потом чуть ли не из комы подоспевшие наши военные медики, но об этом далее...

Около двух часов дня по местному времени во дворец прибыла группа советских врачей. В её составе были два доцента Ленинградской военно-медицинской академии имени С.М. Кирова полковники медицинской службы терапевт Виктор Петрович Кузнеченков и хирург Анатолий Владимирович Алексеев, другие медики из посольской поликлиники. Ими сразу был поставлен диагноз – «массовое отравление». По просьбе афганского военного врача подполковника Велоята В.П. Кузнеченков и А.В. Алексеев приступили к спасению жизни Хафизуллы Амина. Выполняя свой профессиональный долг, ничего не подозревавшие советские специалисты около шести часов вечера «воскресили главу дружественного государства». После этого, как бы почувствовав надвигающиеся драматические события, полковник медслужбы А.В. Алексеев под предлогом необходимости проведения лабораторных исследований с целью определения более точного диагноза отправил из дворца Тадж-Бек женщин-медиков, входивших в состав советской бригады скорой помощи.

Генерал-майор медицинской службы В.В. Пасько в своей книге «Ночь забытых песен» излагает данные события таким образом: «В царившей обстановке строжайшей секретности и связанной с ней неразберихи правая рука не знала, что делает левая. Пока brave «спецназовцы» в Баграме готовились «захваты выполнять», другие молодцы тоже советские, но не «лихие», а «тихие», попробовали убить Амина по-тихому. Попросту отравить. И это им почти удалось. Если бы не два доцента Военно-медицинской академии из Ленинграда, полковники медицинской службы, терапевт и хирург. Которые были откомандированы в Кабул для оказания помощи своим афганским коллегам. И, ни о чём не подозревая, употребили

все свои недюжинные знания и умения, чтобы спасти «главу дружественного государства». Но им тоже удалось только «почти». Потому что в тот период, когда кризис миновал и стало ясно, что Амин спасён и будет жить, начался штурм дворца»¹.

Начиная со второй половины текущих суток, система охраны афганского диктатора стала приводиться в полную боевую готовность. По приказу командира гвардии майора Джандада были выставлены дополнительные посты охраны, в том числе и на внешних подступах к дворцу.

Около 18.30 в 4-ю танковую бригаду вооружённых сил ДРА, которая дислоцировалась около Кабула, из Тадж-Бека поступил приказ на введение в город для усиления охраны Х. Амина одного танкового батальона. Однако советским военным советникам при командовании этого афганского соединения удалось на несколько минут затянуть время, требуемое для исполнения приказа. Чего оказалось вполне достаточно, чтобы подразделение советских десантников, сбив ворота военного городка, стремительно выдвинулось в расположение этой воинской части, окружило её штаб и «нейтрализовало» командование танковой бригады. Линии связи афганских частей кабульского гарнизона с Тадж-Беком и другими органами военного управления к тому времени уже были выведены из строя.

2. День «Д», время «Ч». **Группа капитана Сахатова**

Первоначально датой штурма Тадж-Бека было определено 25 декабря 1979 года, со временем осуществление «Штурма» переносится на 27 число. Утром этого дня полковник В.В. Колесник и генерал-майор Ю.И. Дроздов прибыли в советское посольство к главному военному советнику и руководителю сил КГБ СССР в Афганистане. Генерал-полковник С.К. Магомедов и генерал-лейтенант Б.И. Иванов ещё раз просмотрели уточнённый план «Штурма-333», нанесённый на топографическую карту, и, устно одобрив его,

---

1 Пасько В.В. Указ. соч. – С. 25.

объявили: «Действуйте!» Как об этом сообщалось ранее, от письменного утверждения плана генералы С.К. Магомедов и Б.И. Иванов уклонились. Василий Васильевич, хорошо понимая, почему эти начальники не поставили на плане своих подписей, в их присутствии на рабочей карте сделал запись: «План утверждён... От подписей отказались...»

После этого Юрий Иванович Дроздов пригласил В.В. Колесника к себе в номер посольской гостиницы и в баню. Помылись, пероделись в чистое бельё, выпили коньяку и отправились в батальон. Впереди их ждала неизвестность...

К тому времени у руководителей «Штурма» уже имелся детальный план Тадж-Бека (расположение помещений и их назначение, коммуникаций, энергоснабжения и прочее). При этом советские разведчики чётко представляли, где находится аппаратура радиотелефонной связи, которую следовало уничтожить в первую очередь, а также внутреннюю структуру комнат и лабиринтов дворца. Кроме того, были изучены наиболее удобные пути подхода, состав и количество подразделений охраны Тадж-Бека и личных телохранителей Х. Амина, расположение огневых точек, танков и другой боевой техники афганской бригады гвардии, численность и вооружение выносных постов охраны, режим несения караульной службы и многое другое.

Руководитель «Штурма» полковник В.В. Колесник собрал офицеров «мусульманского» батальона и проинформировал их об изменении задачи. Ведь теперь 154-му ооСпН приходилось не охранять, а штурмовать дворец Тадж-Бек. Вместе с «мусульманами»-спецназовцами при отдании боевого приказа находились старшие команд спецназа КГБ СССР. Первым Василий Васильевич, как старшему по воинскому званию, предоставил слово генерал-майору госбезопасности Ю.И. Дроздову. Юрий Иванович остановился на военно-политической составляющей полученного приказа и международном аспекте происходящих событий. Затем полковник В.В. Колесник зачитал боевой приказ, в котором подразделениям «мусбата», спецгруппам КГБ и приданным десантникам определил чёткие задачи на период «Штурма».

Здесь же заметим, что, когда бойцам «мусульманского» батальона разъяснялись «кровавая сущность режима Хафизуллы Амина» и его проамериканская ориентация, некоторые

из них сомневались в правдивости таких утверждений. Ведь диктатор просил о военной помощи и вводе войск в Афганистан не у Соединённых Штатов, а у Советского Союза. Впрочем, для раздумий и сборов у солдата всегда короток час: приходилось брать на веру слова командиров и политработников, которые, как тогда казалось, знают намного больше, чем говорят.

Когда в середине дня 27 декабря В.В. Колесник с офицерами «мусбата» стал проводить рекогносцировку, на одной из высоток, недалеко от Тадж-Бека, он увидел командира афганской бригады гвардии (охраны) с его подчинёнными и военными советниками. Подполковник О.У. Швец тут же был отправлен на встречу с комбригом для приглашения афганских «братьев по оружию» на застолье в расположение «мусульманского» батальона якобы в честь дня рождения одного из советских офицеров. Майор Джандад приглашение принял, однако сказал, что прибудет к «советским друзьям» вечером. Тогда заместитель руководителя «Шторма» О.У. Швец стал уговаривать командира бригады, чтобы он отпустил с ним военных советников, находившихся при этом афганском соединении. Получив на это «добро», Олег Ульянович увёз с собой на УАЗике группу советских офицеров, которые при другом развитии событий могли стать или заложниками, или и того хуже...

В соответствии с планом операции «Шторм-333» первоначально начало штурма дворца Тадж-Бек намечалось на 22.00, в дальнейшем – на 21.00. Однако в связи с подозрениями об утечке информации о готовящемся нападении, что имело под собой реальную почву, время начала штурма было вновь перенесено на более ранний срок. Очевидно, определяя время «Х», руководители операции исходили из возможной реализации акции по устранению Х. Амина путём его отравления или усыпления, о чём также говорилось в некоторых источниках информации. При этом допускалось, что в случае успеха необходимость силового варианта захвата резиденции генсека НДПА и главы ДРА отпадёт сама собой. И тогда на первый план выдвигались бы другие объекты, определённые советскому спецназу для захвата, нейтрализации или уничтожения.

Как сообщалось ранее, первым из уничтоженных 27 декабря 1979 года объектов «второго плана» стал «колодец» линий связи афганской столицы. Мощный взрыв, прозвучавший примерно в 19.15 по местному времени при его ликвидации, послужил сигналом к началу общих действий по осуществлению государственного переворота в ДРА или, говоря иными словами, операции «Байкал-79». Части кабульского гарнизона были лишены связи со своим командованием и находились в бездействии, до и после взрыва на их блокирование стали выходить советские десантники. Примерно в это же время произошёл подрыв линии военной (правительственной) связи между генеральным штабом вооружённых сил (министерством обороны) ДРА и дворцом Х. Амина.

Главную боевую (специальную) операцию по Тадж-Беку можно было начинать...

Генерал-майор В.В. Колесник в последующем вспоминал: «В 19.15, за пятнадцать минут до начала штурма, группа Сахатова, согласно замыслу выдвинулась к своему объекту. Проезжая через расположение 3-го батальона (третьего батальона афганской бригады охраны дворца. – *Примеч. В.К.*), спецназовцы увидели, что в подразделении объявлена тревога: в центре плаца стояли комбат и его заместители, личный состав получал оружие и боеприпасы. Мгновенно оценив обстановку, М.Т. Сахатов принял решение захватить командование пехотного батальона. Автомобиль с нашими разведчиками внезапно остановился возле афганских офицеров, и через считанные секунды те уже лежали в кузове ГАЗ-66. Автомобиль рванулся вперёд, оставляя за собой шлейф пыли.

В первые минуты афганские солдаты даже не поняли, что произошло, а когда открыли огонь вслед удаляющимся машинам, было уже поздно. Капитан Сахатов же метров через триста остановил машину, личный состав выпрыгнул из кузова и открыл огонь по солдатам батальона охраны. Оставшись без управления, афганцы наступали толпой и представляли собой прекрасную мишень. Два пулемёта и восемь автоматов спецназовцев оставили на поле боя убитыми более двухсот охранников. Снайперы тем временем сняли часовых, выставленных у танков. Услышав стрельбу в расположении 3-го батальона, я дал команду на начало операции, запустив

серию ракет...»¹ После того как в афганское небо взмыли две ракеты красного цвета, а эфир прорезал общий сигнал на начало штурма, поданный полковником В.В. Колесником, все задействованные в операции подразделения приступили к реализации поставленных перед ними задач, точнее сказать, к реализации силового этапа операции «Шторм-333».

Однако давайте вернёмся к вопросу о времени начала операции. Как это ни покажется странным, здесь имеется масса разночтений. Напомним, В.В. Колесник в своих мемуарных записках утверждал: «В 19.15, за пятнадцать минут до начала штурма, группа Сахатова, согласно замыслу выдвинулась к своему объекту». Таким образом, выходит, что начало штурма дворца Тадж-Бек должно было «согласно замыслу» начаться в 19.30, то есть через пятнадцать минут после времени, определённого на момент взрыва «колодца связи».

Однако, как это следует из тех же воспоминаний Василия Васильевича, группа капитана М.Т. Сахатова, заметив сбор по тревоге личного состава третьего батальона афганской бригады охраны, захватила в плен командование этого подразделения и открыла огонь на поражение. Из чего получается, что первое боевое столкновение этой группы спецназа началось несколько ранее действий, намечавшихся по плану. Или, иными словами, до истечения пятнадцати минут, определённых ей для выхода на исходные позиции с целью захвата афганских танков. А далее В.В. Колесник пишет: «Услышав стрельбу в расположении третьего батальона, я дал команду на начало операции, запустив серию ракет».

Выходит так, что руководитель операции «Шторм-333» дал сигнал к её началу не в 19.30, а несколько ранее («услышав стрельбу в расположении третьего батальона»), то есть в промежутке между указанным временем (19.15 и 19.30). При этом Василий Васильевич не ориентировался на «мощный взрыв в центре Кабула» (взрыв «колодца связи»), а свои действия чётко сверял только с планом операции, часами и складывающейся обстановкой.

По этому поводу бывший советский военный советник в Афганистане полковник В.И. Аблазов пишет: «В 16.30 Колесник, Халбаев (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) и Швец заметили

1 Колесник В.В. «Шторм» в Кабуле.- В указ. альбоме. С. 45.

оживление среди охраны: усиливались посты, выставлялись новые. Колесник связался с Магометовым и попросил сменить время «Ч». Главный военный советник перенёс начало операции сначала на 21.00, а потом, после очередного беспокойства Колесника, на 18.30. Первая рота прорвалась к главному входу. Батальон вынужден был войти во дворец и, помогая «Грому» и «Зениту», занял второй и третий этажи»¹.

В указанной книге, но далее по тексту, Валерий Иванович эти же события излагает уже несколько по-другому: «Офицеры гвардии, отвечающие за охрану дворца, Джандад и Экбаль, встревоженные происшествием, дали указание выставить дополнительные посты внутри и вне здания, а также вызвали помощь из танковой бригады. Но выходы из афганских частей и подходы ко дворцу были уже заблокированы. События во дворце вынудили несколько раз переносить начало штурма и начать его сразу после 18.00, почти на целый час опередив сигнал к атаке, – взрыв «колодца связи» в центре Кабула»². Согласитесь, уважаемый читатель, что наличие столь явных «нестыковок» на страницах только одной этой книги заставляет нас более детально разобраться в данном вопросе. Тем более что практически все утверждения полковника В.И. Аблазова в последующем повторялись тем же «украинским журналистом и дипломатом» Г.П. Коржом. Но дальше, как говорится, больше.

Офицер госбезопасности Борис Плешкунов, руководивший действиями подгруппы захвата спецотряда КГБ «Зенит» при выведении из строя линии кабульской гражданской связи, однозначно говорил о следующем развитии событий: «Всё началось со взрыва «колодца» связи. В ходе операции Кабул был отключён от внешнего мира. Одновременно взрыв послужил сигналом к общему штурму... Часы уже показывали 19.15. Прозвучал мощный взрыв. Кабул лишился связи»³. В свою очередь авторы книги «Афганистан: война разведчиков» В.Ю. Марковский и В.В. Мильяченко без каких-либо сомнений утверждали иное: «Вечером в 19.30 рота БМП с десантом двинулась на штурм»⁴. Нечто подобное писал и

1 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 167.

2 Там же. - С. 176.

3 Цит. по указ. альбому «Вымпел». – С. 42.

4 Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Указ. соч. – С. 4.

Алексей Чикишев: «19.30. Солдаты и офицеры «мусульманского» батальона заняли исходные позиции»¹.

В этой связи генерал-майор А.А. Ляховский писал: «По свидетельству В. Колесника, около шести вечера его вызвал на связь главный военный советник генерал-полковник С.К. Магометов и сказал, что время штурма перенесено и начинать надо как можно скорее. Буквально спустя пятнадцать-двадцать минут группа захвата во главе с капитаном Сатаровым (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) выехала на машине ГАЗ-66 в направлении высоты, где были закопаны танки...» А далее, по словам А.А. Ляховского, произошло следующее: «Офицеры увидели (так в тексте. – *Примеч. В.К.*), что, когда машина подъехала к расположению третьего батальона, там вдруг послышалась стрельба из стрелкового оружия, которая неожиданно усилилась. Полковник В. Колесник немедленно дал команду: «Огонь» и «Вперёд». Одновременно кабульское небо рассекли две красные ракеты – сигнал для солдат и офицеров “мусульманского” батальона и спецгрупп КГБ. На дворец обрушился шквал огня. Это произошло примерно в четверть восьмого вечера»².

Однако давайте зададимся рядом вопросов, вполне резонно здесь возникающих:

1. Вопрос: Что произошло, если бы акцию по взрыву «колодца связи» по каким-либо причинам «зенитовцам» не удалось осуществить, ведь при планировании боевых действий нельзя исключать подобных неожиданностей? Был бы отменён штурм в этом случае?

Ответ: Конечно, нет.

2. Вопрос: Что случилось, когда б в Кабуле несколько ранее установленного времени операции «Шторм-333» прозвучал какой-нибудь другой несанкционированный советскими руководителями, но аналогичный по шумовому эффекту и совпадающий с районом планировавшейся диверсионной акции взрыв? Тогда «Шторм» начался бы раньше?

Ответ: Действительно, вполне возможно, это произошло именно так, если б руководители операции и групп захвата были сориентированы исключительно на факт подрыва «колодца связи».

1 Чикишев А.В. Спецназ в Афганистане. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. С. 15.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 147.

3. Вопрос: Имея чёткие представления по перечисленным ранее обстоятельствам, из чего должны были тогда исходить руководители операции «Шторм-333» при определении начала боевых действий? От взрыва «колодца связи» или от времени, указанного в боевом приказе?

Ответ: Конечно, от времени. Прозвучавший взрыв на линиях кабульской связи для руководителей «Шторма» лишь служил подтверждением, что другие воинские формирования и группы воздействия (уничтожения, захвата, нейтрализации и т.д.), осуществлявшие государственный переворот в Кабуле, начали действовать. Что Тадж-Бек лишился одного из важнейших источников связи с внешним миром, в том числе с командованием вооружённых сил, военного гарнизона, службы государственной безопасности и полиции. Такую же цель имел и взрыв на пролегавшей между дворцом Х. Амина и генеральным штабом ВС ДРА линии военной (правительственной) связи.

Однако здесь нам вновь следует несколько остановиться и ещё раз разобраться с терминологией данного вопроса. Ведь в одних источниках информации говорится о времени начала операции, в других – о времени начала штурма, в третьих – о времени подачи «команды на начало операции» («серия ракет»), в четвёртых – о времени «Ч» и т.д. А это есть понятия далеко не однозначные. В этой связи, пожалуй, любой пехотный старшина мог бы дать такие пояснения: «Время «Ч» – это, когда «штаны...» атакующего бойца нависают над окопом супостата». Впрочем, оставим старшину в покое и попытаемся представить официальную трактовку данного понятия.

А именно: «Ч» есть условное обозначение времени начала атаки *переднего края* обороны противника, а не начала атаки (штурма) вообще. Оно устанавливается в целях согласования действий и обеспечения одновременности нанесения удара различными подразделениями, частями и родами войск. От «Ч» как нулевого значения времени ведётся планирование действий войск, когда истинное время их начала ещё не установлено или его необходимо в целях маскировки скрыть. Время до начала действий обозначается как «Ч» – t , а после – как «Ч» + t . Например, «Ч» – (+) 1 час 30 минут... Таким образом, «Ч» не есть обозначение времени начала движения на позиции или развёртывания в боевые порядки, или той же артиллерийской подготовки. Оно обозначает начало атаки переднего края обороны противника. Но ведь до этого переднего края ещё нужно дойти...

В нашем случае, чтобы оказаться в нужном месте и в нужное время, штурмовым группам третьей роты и взвода первой роты «мусбата» с комитетчиками на борту своих бронемашин следовало заблаговременно выдвинуться из места расположения 154-го ооСпН. Но для того чтобы роте Шарипова с «громовцами» успеть выйти к намеченному сроку на начало атаки своего «переднего края» обороны противника, нужно было одно время, а для взвода из первой роты «мусбата» Турсункулова с «зенитовцами» – другое. Следовательно, в соответствии с расчётным временем движения до этих своих рубежей они и начали выдвигаться к назначенным целям. Точно так же должны были заблаговременно начать выдвижение к блокируемым батальонам афганской бригады охраны первая (без одного взвода) и вторая роты СпН, подразделения боевой поддержки и обеспечения 154-го ооСпН, а также парашютно-десантная рота гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина.

Исходя из такого понимания ситуации, следует: во-первых, что все указанные действия подразделений сил нападения в Кабуле и в частности в районе дворца Тадж-Бек должны были быть синхронными. Или, если точнее, привязанными к одному времени начала силового этапа государственного переворота. Во-вторых, что механизм этого переворота был запущен несколько ранее проведения взрыва на «колодце связи», который также приурочивался к этому (единому) времени. В-третьих, что подразделения советских сил нападения приступили к выполнению своих боевых задач (выдвижение на «передний край обороны противника») ещё до подачи руководителем операции «Шторм-333» полковником В.В. Колесником команды («серия ракет») на *открытие огня*. Или «на начало операции», как писал об этом Василий Васильевич, или, точнее, на начало силового этапа операции «Шторм».

Именно такое видение происходивших 27 декабря 1979 года вокруг дворца Х. Амина подтверждает бывший командир спецгруппы отряда КГБ «Зенит», штурмовавшей Тадж-Бек, в ту бытность майор госбезопасности Я.Ф. Семёнов: «...За полчаса до сигнала о штурме для всех подгрупп, работавших по другим объектам, наша колонна из трёх БТР двинулась ко дворцу»¹. В этой связи сам вопрос о том, в какое

1 Цит. по указ. альбому «Вымпел». – С. 42.

точно время началась силовая часть операции «Шторм» (в 19.15 или в 19.30), не является особо принципиальным. Ведь более важно понять динамику разворачивавшихся тогда по времени событий.

При этом не будем забывать, что сигнал на начало силовой части операции «Шторм» «серией ракет» или «красных ракет», как уточняет А.А. Ляховский, В.В. Колесник подал несколько ранее первоначально намечавшегося срока. Это было обусловлено событиями, которые стали стремительно развиваться с момента приближения группы захвата М.Т. Сахатова к расположению третьего батальона афганской бригады гвардии (охраны).

3. Бой на подступах к Тадж-Беку

Группа капитана М.Т. Сахатова, выделенная изначально для захвата афганских танков, приступила к выполнению своей задачи. Как об этом рассказывал офицер госбезопасности из отряда «Гром» Павел Климов: «Погрузились в машину, подъехали к посту. По нашим данным там должно было находиться двое часовых, оказалось – четверо. Это усложняло выполнение задачи. Но отступить нельзя. Волков и один из «зенитовцев» вышли из машины и пошли в сторону поста, все остальные через задний борт «десантировались» и тут же залегли, спрятавшись за косогор. Через несколько минут на посту неожиданно раздались выстрелы. Что там случилось, не знаю. Стрельбу слышали в казарме, которая располагалась недалеко, и мы увидели выбегающих оттуда вооружённых людей. Они поднимались вверх в гору, на господствующую высоту. Ещё несколько минут, и наша цепочка, растянувшаяся на снегу, перед ними как на ладони. Танковые экипажи вступили в перестрелку, мы вдвоём с офицером из «Зенита», развернувшись в другую сторону, открыли огонь по дворцу»¹. Именно во время этих событий погиб капитан госбезопасности из группы «Гром» Дмитрий Волков. Сам рассказчик, Павел Климов, тогда был тяжело ранен. В последующем с поля боя его эвакуировали бойцы «мусульманского» батальона.

¹ Цит. по книге М.Е. Болтунова «Альфа» не хотела убивать». – СПб.: «Шанс», 1995. С. 119.

Как мог обратить внимание читатель, в приведённом отрывке из воспоминаний офицера госбезопасности П. Климова ничего не говорится о пленении группой захвата (старший – капитан М.Т. Сахатов) командира третьего батальона афганской бригады гвардии и о других, связанных с этим событиях. Конечно, это, с одной стороны, настораживает. Хотя, с другой стороны, у нас имеются вполне определённые суждения, высказанные на этот счёт В.В. Колесником и Ю.И. Дроздовым. Будем надеяться, что в ходе дальнейшего изучения этой проблемы, данный вопрос удастся снять с повестки дня.

Итак, услышав стрельбу в расположении третьего батальона афганской бригады охраны (гвардии), руководитель операции «Штурм-333» полковник В.В. Колесник дал команду на начало силового этапа операции. В морозное декабрьское небо столицы сопредельного государства взвилась серия красных ракет. Весь последующий бой по овладению Тадж-Беком длился, предположительно около часа. Что можно рассказать об этих трагических и героических минутах?..

Зенитно-артиллерийская группа (взвод) «мусульманского» батальона в количестве четырёх «Шилок» открыла огонь на поражение. При этом только две самоходные установки, выдвинутые на позиции ближе к Тадж-Беку, а никак не дивизион, о чём писали Д. Гай и В. Снегирёв в своей книге «Вторжение»¹, били по зданию дворца Х. Амина. Кстати сказать, к сожалению, подобное неверное утверждение (относительно двух батарей ЗСУ 23х4) обнаруживается и в книге генерала армии В.И. Варенникова «Неповторимое»².

Две другие ЗСУ «Шилка» были сориентированы на отсечение личного состава танкового батальона и располагавшегося вместе с ним мотопехотного батальона от подходов к боевой технике. Расчёты автоматических гранатомётов (на станках) АГС-17 не позволяли офицерам и солдатам второго мотопехотного батальона покинуть казармы. К блокированию пунктов постоянной дислокации афганской бригады охраны дворца Х. Амина приступили подразделения «мусульманского» батальона.

1 Гай Д., Снегирёв В. Указ. соч. – С. 61.

2 Подробнее см.: Варенников В.И. Неповторимое. Афганистан. И доблесть и печаль. Чернобыль. Книга 5. – М.: «Советский писатель», 2001. С. 76.

Так, первая рота 154-го ооСпН (без взвода лейтенанта Р.Т. Турсункулова) под командованием капитана Исмата Кудратова действовала против танкового и мотопехотного батальонов, совместно располагавшихся севернее Тадж-Бека. Вторая рота СпН старшего лейтенанта Курбана Амангельдыева противостояла мотопехотному батальону южнее дворца Х. Амина. При блокировании батальонов афганской бригады гвардии были также задействованы рота огневой поддержки старшего лейтенанта Мирюсупова, то есть четвёртая рота «мусбата», и другие подразделения 154-го отряда специального назначения. Парашютно-десантная рота гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина (она же – пятая рота сводного советского отряда или 9-я парашютно-десантная рота 345-го гв. опдп) действовала восточнее Тадж-Бека, где происходило особо ожесточённое боестолкновение с противником.

Возможно, в этих действиях также принимала участие часть личного состава третьей роты СпН «мусбата», незадействованная в непосредственном штурме здания Тадж-Бека. Забегая немного вперёд, скажем, что к зданию дворца выдвинулось только десять БМП роты старшего лейтенанта В.С. Шарипова (в роте всего насчитывалось тринадцать бронеемкостей). Поэтому оставшиеся три боевые машины пехоты могли быть выделены либо в резерв, либо перенацелены на другие объекты «Штурма». Кроме этого ещё оставалась незадействованная в штурме здания Х. Амина часть личного состава этого подразделения, места которой в десантных отделениях боевых машин пехоты заняли чекисты.

Всего было четыре основных блокируемых расположения сил охраны дворца Х. Амина, так как, с одной стороны, и это неоднократно отмечалось ранее, танковый батальон афганской бригады гвардии дислоцировался совместно с одним из её же мотопехотных батальонов, ведь в недостроенной казарме танкистов расположился после прибытия к Тадж-Беку 154-й ооСпН. Ещё два афганских мотопехотных батальона стояли в отдельных ППД, по некоторым сведениям, они были усилены танковыми подразделениями. А со стороны другой, сюда добавился пункт постоянной дислокации зенитного полка вооружённых сил ДРА.

Заместитель руководителя «Штурма» подполковник О.У. Швец на период силового этапа операции лично возглавил группу захвата этой последней из названных афганских воинских частей. Под его командованием оказались часть расчётов АГС-17 и сапёры из четвёртой роты «мусбата». Спецназовцам удалось захватить вооружение зенитчиков, часть орудий и спаренных пулемётных установок была посредством подрыва сразу уничтожена. В свою очередь офицеры и личный состав этого афганского полка оказались блокированными в казарме, в последующем они были разоружены и пленены.

С точки зрения хронометража времени, первым к дворцу Тадж-Бек устремился взвод (группа) первой роты «мусульманского» батальона под командованием лейтенанта Р.Т. Турсункулова. На бортах четырёх его бронетранспортёров БТР-60ПБ находились бойцы группы (четыре подгруппы) отряда спецназа КГБ «Зенит», которых возглавлял Я.Ф. Семёнов. Подгруппами «зенитовцев» тогда командовали офицеры госбезопасности А. Карелин (А. Агафонов, В. Антонов, Н. Курбанов, С. Чернухин, Н. Кимяев, к этой подгруппе был прикреплен и афганский «революционер» С.М. Гулябзой), Б. Суворов (В. Поддубный, В. Дроздов, В. Рязанцев, А. Колмаков, А. Новиков, Т. Гулов) и В. Фатеев (С. Чижов, Ю. Лысоченко, Ф. Ильинский, М. Цыбенко, В. Макаров). Четвёртая подгруппа «Зенита» во главе с В. Щиголевым и в составе В. Быковского, А. Иващенко, Б. Пономарёва, У. Чарыева, В. Курилова и В. Захарова, очевидно, из-за задержки с запуском двигателя оказалась в колонне «Грома».

Как впоследствии об этом вспоминал командир подразделения «Зенита» Я.Ф. Семёнов: «Наша колонна – четыре БТР. Когда заговорила «Шилка», её поддержали пулемёты, стало ясно: игры кончились, началась война. Я шёл на первой машине. Мы успели проскочить. Второй бронетранспортёр подожгли, остальные уцелели. Десантировались. А тут ад кромешный! Наша «Шилка» бьёт по дворцу, снаряды скачут от стен, как резиновые. Из окон поливают... В общем, прижали нас, пришлось залечь. И поднялись лишь, когда «Шилка» подавила пулемёт в одном из окон дворца»¹. На страницах альманаха «Русские коммандос» Яков Фёдорович пояснил,

1 Цит. по указ. книге М.Е. Болтунова. – С. 67

что «четвёртый БТР (очевидно, где был старшим В. Щиголев. – *Примеч. В.К.*) отстал по непонятным причинам»¹.

Сообщал здесь Я.Ф. Семёнов также и о следующем: «Сейчас трудно говорить, но я думаю, главный расчёт был на внезапность и скорость прохождения этой простреливаемой зоны со стороны Дворца. Это даже меньше 300 метров, но мы были в створе огня из автоматов, ДШК, пулемётов. В памяти осталось, что как будто шёл крупный тропический дождь. Прицельный огонь. У нас на БТР были перебиты передние колёса. Мы дотянули до стены, которая скрыла нас от огня. Вторая машина не дошла каких-то 30 метров. Сгорела полностью... Третья машина, шедшая в створе второй, добралась до мёртвой зоны. Но «Шилка», прикрывавшая нас, была не пристреляна, и снаряды от обстрела стен дворца, да и от второго яруса холма практически падали нам на головы»².

Тогда, на подступах к Тадж-Беку, погиб командир подгруппы «зенитовцев» старший лейтенант Борис Суворов, следовавший во втором (подбитом) бронетранспортёре. Многие офицеры госбезопасности уже в первые минуты боя после спешивания были ранены. О последующих событиях В.В. Колесник высказался так: «Дворец стоял на холме, возвышаясь над окрестностями метров на шестьдесят. К нему вела серпантинная дорога и пешеходная лестница шириной метра полтора. По ней шла группа лейтенанта Турсункулова и группа «Зенит»³. Это сообщение руководителя «Шторма» подтверждал и афганский оппозиционер С.М. Гулябзой: «Мы (имеется в виду группа «Зенит». – *Примеч. В.К.*) подошли ко дворцу со стороны кухни Амина. Оттуда нас активно обстреливали и подожгли вторую машину. Когда мы стали прыгивать с БТР на снег, произошёл сильный взрыв, и я уронил из кобуры пистолет. По-афгански, по-пуштунски – это очень плохо. К счастью, пистолет я нашёл... Дальше, помню, бежали по лестнице. Я стрелял в прожектор. Когда подошёл «Гром» мы штурмом взяли здание»⁴. Здесь же отметим, что тогда в роли телохранителей Саида Гулябзоя, чтобы «не было

1 «Русские командос». – С. 44.

2 Там же. С. 50.

3 Колесник В.В. «"Шторм" в Кабуле». - В указ. альбоме. С. 46.

4 «Русские командос». – 1999, №1. С. 51.

сомнений у наших собратьев по оружию», выступали офицеры госбезопасности из числа «зенитовцев» А.С. Агафонов и В.В. Антонов.

Параллельно с этим третья рота 154-го ооСпН под командованием старшего лейтенанта Владимира Шарипова совместно с бойцами штурмовой группы из отряда спецназа КГБ «Гром» прорывалась к Тадж-Беку другой дорогой. Подгруппы «громовцев» тогда возглавляли располагавшиеся на пяти первых БМП вместе с бойцами «мусбата» офицеры госбезопасности О. Балашов (А. Баев, Н. Швачко, В. Федосеев), В. Емышев (С. Кувылин, Г. Кузнецов, А. Якушев, а также Г.И. Бояринов), С. Голов (В. Анисимов, Л. Гуменный, Г. Зудин, М. Соболев, В. Филимонов) и В. Карпухин (Н. Берлёв, А. Плюснин, В. Гришин, С. Коломиец). На одной из этих БМП находился и командир группы «Гром» М. Романов, вместе с ним были офицеры Г. Толстиков, А. Репин и Е. Мазаев, а также капитан второго ранга Э. Козлов и афганский оппозиционер А. Сарвари.

В этой связи приведём точку зрения М.М. Романова, бывшего во время событий 27 декабря 1979 года майором госбезопасности, опубликованную в ноябрьском за 2004 год номере газеты «Спецназ России»: «Я создал несколько подгрупп, каждая имела боевую машину пехоты. Двумя бронетранспортерами и азиатским батальоном – силами поддержки – руководил Глеб Борисович Толстиков. На бэтээрах находились штурмовые лестницы, машины должны были поддерживать нас пулемётным и автоматным огнём»¹. Здесь же заметим, что при всём уважении к Михаилу Михайловичу, вряд ли, можно огласиться с его утверждениями относительно роли и предназначении «мусульманского» или азиатского, как он его называет, батальона. То же следует сказать и о весьма странных «функциональных обязанностях» Г.Б. Толстикова *по руководству* 154-ым ооСпН спецназа ГРУ ГШ: это просто-напросто не соответствует действительности. Может быть, вновь что-то напутали малосведующие журналисты?..

Успешно сбив шлагбаум, преграждавший движение колонне боевых машин роты старшего лейтенанта В.С. Шарипова, первая БМП раздавила и афганского солдата,

---

1 «Спецназ России». - №11 (98) ноябрь 2004 г. С. 3.

бросившегося ей наперерез. За первой машиной и остальные БМП третьей роты 154-го ооСпН устремились вверх по единственной ведущей к Тадж-Беку дороге. По этому поводу генерал-майор В.В. Колесник в последующем вспоминал: «Под прикрытием огня «Шилок» рота Шарипова на БМП двигалась к дворцу по серпантину. Охрана дворца открыла по наступающим ураганный огонь. Головная БМП была подбита. Десант машину покинул и с помощью штурмовых лестниц начал взбираться на холм. Вторая БМП столкнула подбитую, освобождая путь наступающим. Через десять минут после начала штурма девять БМП... роты оказались на площадке перед дворцом»¹. И всё-таки, очевидно, то, о чём столь скупно написал Василий Васильевич, было значительно многоплановее того, что вместились в один убористый абзац.

Михаил Михайлович Романов так описывал происходившие тогда события: «Начался штурм. Каждая из нескольких моих подгрупп двигалась на боевой машине пехоты. Заход в район дворца предполагался с двух сторон – мы «крутимся» по серпантину, а Яша Семёнов со своим «Зенитом» выходит к пешеходной лестнице, которая ведёт наверх. У фасада соединяемся... Прорыв группы шёл под ураганным огнём...»²

А далее, по словам М.М. Романова, происходило следующее: «Когда после всех остановок мы выдвинулись к главному входу, и я выскочил из БМП, поверьте – весь вспотел. Плотность огня невероятная. Эвальд Козлов рядом со мной стоит, а я его не слышу: такой грохот вокруг. Он стреляет из пистолета Стечкина и вдруг кричит мне: «Михалыч! У меня пистолет сломался». Смотрю, а у него затвор в заднем положении. Расстрелял всю обойму и не слышит, огонь просто зверский. Ведь тут не только гвардейцы стреляли, «проснулись» батальоны... В общем, творилось нечто невообразимое. А у меня из 24 человек 13 раненых. Две минуты боя – и 13 лежат. Что ещё можно страшнее придумать для командира? Но страх страхом, а задачу выполнять надо. Выдвинулись к входу. Здесь стояли Карпухин, Берлёв. Убитых было много, человек шесть афганцев, они падали сверху и

1 Колесник В.В. «"Штурм" в Кабуле». - В указ. альбоме. С. 46.

2 Болтунов М.Е. «"Альфа" – сверхсекретный отряд КГБ». – М.: Кедр, 1992. С. 67.

лежали у входа. Здесь же тяжелораненый Емышев. Я говорю: немедленно его в БМП. Потом и сам оказался в этой боевой машине, когда меня контузило. Как раз формировал штурмовую группу, и взрывом отбросило от бруствера на борт БМП. Кровь из ушей, в голове гул, стал на колени, постоял – очухался. Тут подошёл Филимонов, с ним раненый в глаз Швачко. И на первом этаже гремит бой. Его вели Карпухин, Берлёв, Плюскин, Гришин, Коломеец, Бояринов...»¹

Этот рассказ дополняют воспоминания в ту бытность капитана второго ранга Эвальда Козлова, ставшего в дальнейшем командиром спецгруппы КГБ СССР «Вымпел», Героем Советского Союза и контр-адмиралом: «Очень важно, что первая машина остановилась у входа во дворец. Остановилась она раньше, неизвестно, чем бы всё это кончилось. Огонь был страшнейший. Я ещё сидел в БМП и только выставил ногу наружу, её тут же прострелили. Сразу!»² И всё же, какая первая БМП остановилась у здания Тадж-Бека? Бывшая первой в колонне? Или, быть может, здесь речь идёт о первой пробившейся ко дворцу боевой машине пехоты? Вопросы, вопросы, вопросы...

В свою очередь офицер госбезопасности В. Емышев из спецгруппы «Грома» по этому поводу говорил: «Наша БМП остановилась на углу дворца. Мы выскочили. Перед нами дворец, освещённый прожекторами. И тут боевые машины опять газуют, задние двери захлопываются. Сесть не успеваем. Подаю команду: «Под прикрытием БМП – вперёд!»³ Другой «громовец» С. Кувылин пояснял: «Когда мы выпрыгнули из БМП, грохот стоял страшный... А дворец метрах в двадцати от нас...»⁴ А офицер госбезопасности Н. Берлёв конкретизировал: «Наша БМП под номером 36. В десанте – Карпухин, Коломеец, Гришин, Плюскин и я. Остановились перед дворцом, открыли люки...»⁵

Эти воспоминания своих товарищей в последующем Герой Советского Союза, командир спецгруппы КГБ СССР «А» и генерал-майор Виктор Карпухин дополнил следующим

- 1 Там же. – С. 70-71.
- 2 Там же. – С. 63.
- 3 Там же. – С. 68-69.
- 4 Там же. – С. 69.
- 5 Там же.

замечанием: «Мы попали под жесточайший обстрел гвардейцев. Заняли позиции и на огонь ответили огнём. Так началось кровавое столкновение профессионалов. Должен признаться, что у нас не было должной психологической устойчивости. Да и откуда она? Наверное, воевать можно научиться только на войне, как бы это жестоко не звучало. А мы привыкли видеть войну в кино. «По-киношному» она и воспринималась.

Но всё пришлось увидеть наяву. Вот падает твой товарищ, взрывом ему отрывает руку, ногу, вот ранен сам, а надо действовать, расслабиться нельзя ни на секунду. Убьют. В первые минуты боевого соприкосновения было очень тяжело. Охрана резиденции – сильная, высокообученная, отлично вооружённая. И главное, почти в четыре раза превышающая нас в живой силе. По всем воинским наукам силы обороняющихся во столько раз могут быть меньше, но никак не больше наступающих. Иначе атака обречена. Выходит, опрокинули мы теорию. Помогли нам мощный напор и, как ни странно, безысходность. Нас выручить уже никто не мог, тыла никакого. Ранены были практически все. Гвардейцы отчаянно защищали дворец, мы отчаянно рвались вперёд»¹.

В своей книге «Трагедия и доблесть Афгана» генерал-майор А.А. Ляховский писал, что одновременно с захватом и разоружением танкового и находившегося с ним вместе мотопехотного батальона был «нейтрализован» афганский строительный полк². Однако каких-либо более подробных сведений по этому вопросу от непосредственных участников «Штурма» не было. В этой связи приходится констатировать непрояснённую до сегодняшнего дня данной проблемы, то есть факта реального существования этого строительного или инженерного, как его ещё называли, полка и соответственно конкретных обстоятельств последующего разоружения данной воинской части.

Несколько слов хотелось бы уделить вопросу о бронетехнике, использовавшейся во время штурма здания дворца Х. Амина. Мнения на этот счёт были различные.

1 Там же. – С. 70-72.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 148.

Например, А.П. Береговой утверждал, что обороняющейся афганской стороне «атакующие противопоставили 6 боевых машин пехоты и 4 бронетранспортёра». При этом «два БМП так и остались вне дворца»¹. Относительно четырёх бронетранспортёров взвода (группы) лейтенанта Р.Т. Турсункулова из состава первой роты 154-го ооСпН, на которых также следовали бойцы «Зенита», ясность, по большому счёту, есть. Ведь три БТР (подгруппы А. Карелина, Б. Суворова и В. Фатеева) действовали строго по намеченному плану операции, а четвёртый (подгруппа В. Щиголева), отставший «по непонятным причинам», в дальнейшем присоединился к колонне БМП третьей роты «мусбата». От огня крупнокалиберного пулемёта на первой машине взвода (группы) лейтенанта Рустама Турсункулова были перебиты передние колёса, но она дошла до цели, вторая – была подбита («не дошла каких то 30 метров», «сгорела полностью»), третья – «добралась до мёртвой зоны».

Относительно шести БМП третьей роты «мусульманского» батальона, о которых писал А.П. Береговой, особой ясности нет. Впрочем, и М.Е. Болтунов в указанной ранее книге «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ» также писал о шести БМП, которых «выделило родимое Отечество майору Романову»². В свою очередь руководитель «Штурма» В.В. Колесник утверждал, что «через десять минут после начала штурма девять БМП» третьей роты оказались на площадке перед дворцом. Такого же мнения придерживался и А.А. Ляховский: «Подразделения «мусульманского» батальона начали выдвижения в районы предназначения... По дороге к дворцу двинулась рота боевых машин пехоты (БМП) старшего лейтенанта Шарипова. На десяти БМП в качестве десанта находились две спецгруппы КГБ. Общее руководство ими осуществлял полковник Г.И. Бояринов. Боевые машины сбили внешние посты и устремились к Тадж-беку. Единственная дорога круто серпантинном взбиралась в гору с выездом на площадку перед Тадж-Бекком. Дорога усиленно охранялась, а другие подступы были заминированы. Едва первая боевая машина миновала поворот, из здания

1 См.: Береговой А. – Указ. соч.

2 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 56.

ударил крупнокалиберные пулемёты. БМП была подбита... Шедшая второй БМП столкнула подбитую машину с дороги и освободила путь остальным»¹.

Заметим, что эта точка зрения генерала Ляховского вовсе не противоречит высказанному ранее суждению В.В. Колесника, так как одна из боевых машин пехоты, по сообщению многих участников штурма, «была подбита и её столкнули» с дороги, освобождая путь остальной колонне. Таким образом, непосредственно до площадки перед Тадж-Беком дошли девять БМП роты Владимира Шарипова (из десяти машин исключается подбитая БМП). Конечно, при этом не совсем понятно, какие именно «две спецгруппы КГБ» (на броне БМП третьей роты 154-го ооспН) имел в виду Александр Антонович. Вполне возможно, что здесь имеет место ошибка: речь должна идти о группе госбезопасности «Гром» М.М. Романова и сводной группе спецназа ГРУ ГШ из состава третьей роты 154-го ооспН под командованием старшего лейтенанта В.С. Шарипова. Ведь несколько далее А.А. Ляховский сообщает: «Сначала на штурм пошли спецгруппы КГБ, за ними последовали некоторые солдаты из спецназа»².

И здесь вновь возникает вопрос, откуда взялись «некоторые солдаты спецназа», которые чуть ли не по личной инициативе пошли на штурм Тадж-Бека? Возможно, речь идёт лишь о членах экипажей боевых машин 154-го ооспН?.. Однако из мемуаров генерал-майора В.В. Колесника ясно, что две группы спецназа «мусульманского» батальона непосредственно участвовали в штурме здания дворца Х. Амина. И это без учёта экипажей боевых машин.

Обратим внимание на то обстоятельство, что, как писал об этом А.А. Ляховский, огнём из крупнокалиберного пулемёта, находившегося в здании дворца Х. Амина, первая БМП роты старшего лейтенанта В.С. Шарипова была подбита. В.В. Колесник также утверждал, что «головная БМП была подбита», следующая за ней машина «столкнула подбитую, освобождая путь наступающим». Правда, в статье Владимира Шарипов и Петра Лёгкого по этому поводу была высказана несколько иная точка зрения: «Однако не обошлось, увы, без стрельбы по своим. «Шилка» пробила борт одной из БМП роты Шарипова, снарядом оторвало пятку командиру взвода Абдуллаеву. А когда он попытался выбраться через верхний люк,

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 147.

2 Там же. – С. 148.

две пули пробили руку. Настолько плотный огонь вели защитники дворца. И всё же взводный, истекая кровью, продолжал командовать!»¹

В этой связи думается, что точка зрения, высказанная В.С. Шариповым по поводу поражения боевой машины его роты огнём «Шилки», а не афганского крупнокалиберного пулемёта, является более предпочтительной, чем версия на сей предмет генерала А.А. Ляховского. И у нас нет веских оснований сомневаться в правдивости данного утверждения бывшего командира третьей роты 154-го ооСпН: во-первых, речь в действительности идёт о подчинённом ему подразделении. Во-вторых, он сам тогда находился в боевых порядках этой роты «мусбата» и знает о происшедшем не из «вторых уст». В-третьих, чтобы говорить о столь неблагоприятном факте («не обошлось без стрельбы по своим»), надо иметь весьма достаточно оснований, да и мужество.

Таким образом, на начальном этапе штурма здания дворца Х. Амина были подбиты две единицы бронетехники (БТР и БМП) 154-го ооСпН. При этом вышедшая из строя боевая машина пехоты, наиболее вероятно, пострадала от огня собственной ЗСУ «Шилка».

4. Штурмовые группы спецназа КГБ и «мусбата»

Генерал-майор В.В. Колесник в последующем вспоминал: «Спецназовцы ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина... К моменту проникновения штурмовых групп во дворец «Шилки» должны были прекратить огонь. Но в это время один из БТРов свалился в канаву, и командир экипажа своими просьбами о помощи забил нашу рабочую частоту. Управление временно было потеряно. Пришлось, как в старину, отправлять посыльного. Из-за этой заминки «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нём уже работали наши группы»². Непосредственно в штурме здания Тадж-Бека приняли участие, как

1 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – В указ. книге. С. 128.

2 Колесник В.В. «Шторм» в Кабуле.- В указ. альбоме. С. 46.

писал об этом Василий Васильевич, две спецгруппы офицеров госбезопасности и две группы спецназа ГРУ ГШ из 154-го ооСпН.

Сводный штурмовой отряд спецназа КГБ (группы захвата), штурмовавший здание дворца Х. Амина, состоял из бойцов внештатных отрядов спецназа госбезопасности «Гром» и «Зенит». Об этом ранее уже была речь. Теперь попробуем более детально остановиться на этом.

М.Е. Болтунов, чья книга была построена на воспоминаниях офицеров КГБ, утверждал, что спецгруппа отряда «Гром» (командир – майор М.М. Романов), принимавшая участие в штурме дворца, в своих рядах насчитывала 24 человека, что примерно столько же бойцов было в штурмовой группе «Зенита». «Примерно столько же», по мнению автора, это 25 спецназовцев плюс командир данного формирования Я.Ф. Семёнов, то есть 26 бойцов¹. Очевидно, к этому количеству следует присовокупить полковника Г.И. Бояринова и капитана второго ранга Э.Г. Козлова, непосредственно не входивших в списочный состав штурмовых групп «Грома» и «Зенита», но ставших активными участниками захвата здания дворца Х. Амина. Первого из них обычно называют «общим руководителем» штурмовых групп КГБ, а второго – его заместителем и порой, на армейский манер, подполковником. При этом следует иметь в виду и то обстоятельство, что вместе с колонной боевых машин третьей роты «мусбата» ко дворцу Тадж-Бек прибыла и четвёртая подгруппа «Зенита» во главе с В. Щиголевым.

В итоге получается, что непосредственно в штурме здания Тадж-Бека принимало участие 52 офицера госбезопасности. Однако несколько далее по тексту указанной книги М.Е. Болтунов противоречит своим начальным высказываниям. Так, в частности, он пишет, что численность штурмовых групп КГБ «Гром» и «Зенит» была «сорок с небольшим человек», «уменьшая» одной фразой количество бойцов спецназа госбезопасности на десяток действующих лиц².

1 Болтунов М.Е. «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ. – М.: Кедр, 1992. С. 42, 56.

2 Там же. – С. 64.

При этом автор об участии спецназа ГРУ непосредственно в штурме здания дворца Х. Амина ничего не сообщает вообще. Вот весьма характерное в этой связи его высказывание: «Мусульманский батальон». Но на него с самого начала возлагались лишь вспомогательные задачи»¹. При этом уважаемый военный журналист даже не удосужился уточнить, как на вооружении внеструктурных формирований КГБ «Гром» и «Зенит» оказались боевые машины пехоты и бронетранспортеры с экипажами.

Более того, непонятно, почему М.Е. Болтунов не включает хотя бы штатных членов экипажей этих БМП и БТР (командиров, механиков-водителей и операторов-наводчиков БМП, командиров, водителей и наводчиков пулеметов БТР) в число непосредственных участников штурма дворца Х. Амина. Почему такая предвзятость к армейским спецназовцам? Или они были людьми второго сорта в сравнении с офицерами КГБ? Или стреляли в них из игрушечного оружия резиновыми пулями?

В этой связи несколько иную версию, хотя и весьма схожую с версией М.Е. Болтунова, выдвигает «британский специалист в области спецопераций» Стив Крофорд: «Две спецгруппы КГБ брали штурмом дворец президента Афганистана Хафизуллы Амина во время вторжения в страну советских войск»². Ему вторит комитетчик В. Братерский: «Нас было пятеро из ПГУ и две группы по 30 человек, которые и осуществляли операцию... Из 60 ребят в строю остались – 14»³. Об участии «мусульманского» батальона здесь также не говорится ровным счётом ничего. В свою очередь группе «Гром» в этих воспоминаниях отводится роль группы захвата, а группе «Зенит» – группы обеспечения. Таким образом, число офицеров КГБ, штурмовавших дворец Тадж-Бек, В. Братерским доводится уже до 65 человек, а именно: две группы по 30 бойцов каждая плюс пять офицеров из ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР. Однако, очевидно, в случае с процитированными воспоминаниями данного «участника штурма здания дворца Тадж-Бек», пожалуй, стоит дать дополнительные комментарии.

1 Там же. – С. 56.

2 Крофорд Стив. Указ. соч. – С. 223.

3 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 149-150.

Заметим, что некоторые реплики и высказывания Валентина Братерского, приведённые в книге генерал-майора А.А. Ляховского, сразу стали вызвать определённые сомнения в достоверности этого рассказа. Так, например, В. Братерский утверждал, что Х. Амин «ещё пригнал двухтысячный полк, и они окопались вокруг дворца». И далее: «Полк мы прорезали, как кинжалом. Во время штурма он как-то рассеялся»¹. Конечно, в этой связи можно предположить, что офицер КГБ, слабо знакомый с военно-профессиональной терминологией, но при этом имеющий воинское звание, путает часть (полк) с войсковым соединением (бригадой). Однако трудно представить участника штурма дворца Х. Амина, не знающего, что его оборону обеспечивала афганская бригада охраны (гвардии). Более того, из ранее процитированного сообщения следует, что эти две тысячи афганских солдат и офицеров успели занять оборону на подступах к Тадж-Беку («окопались вокруг дворца...»). И то, что 65 сотрудников КГБ без каких-нибудь серьёзных трудностей первоначально прорвали (!?) оборонительную линию названного двухтысячного армейского формирования, специально предназначенного, вооружённого и обученного для обеспечения охраны главы ДРА.

То есть по В. Братерскому выходит, что непосредственное огневое соприкосновение сторон началось задолго до подступов ко дворцу Тадж-Бек («Полк мы прорезали, как кинжалом...»). При этом рассказчик даже о существовании «мусульманского» батальона не говорит ни слова. К тому же, судя по его заявлению, двухтысячный отборный афганский полк, («пригнанный Амином») «во время штурма... как-то рассеялся» сам собой!?. В эти слова В. Братерского поверить просто-напросто невозможно.

Короче говоря, очень странное заявление «участника штурма дворца Х. Амина» было опубликовано в книге А.А. Ляховского: слишком явно эти откровения от В. Братерского были «шиты белыми нитками». В данном случае воздержимся от предположений касательно мотивов подобного «свидетельства». Впрочем, в дальнейшем все сомнения, возникшие на этот счёт, полностью развеял генерал-майор

---

¹ А.А. Ляховский «Трагедия и доблесть Афгана». – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 150.

госбезопасности Ю.И. Дроздов. Расставляя здесь все точки над «і», Юрий Иванович в книге «Штурм-333» так довольно нелицеприятно заметил: «Я глубоко сомневаюсь в правдивости отдельных утверждений В. Братерского. В составе штурмовых групп его не было. За его хлёткими высказываниями я не вижу ничего, кроме незнания фактов, небрежности и некомпетентности... Так пишут те, кто сам там не был, но всё и больше всех знает»¹.

Из воспоминаний Я.Ф. Семёнова, опубликованных в альбоме «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР», следует: «Моей подгруппе и подгруппе «Гром», которой руководил Михаил Романов, предстояло с двух направлений атаковать дворец и за 45 минут захватить его целиком»². Заметим, что Яков Семёнов об участии в штурме дворца Х. Амина бойцов «мусульманского» батальона в этом издании вообще не упоминает. Но возможно, это проистекает из того, что для выполнения «основного замысла операции», то есть физической ликвидации Х. Амина, планировалось привлечь только бойцов спецназа КГБ. Поэтому им уделялось большее внимание как перед штурмом, так и после него. Или вновь некомпетентные журналисты всё перепутали?..

В этой связи хотя бы приведём тот факт, что офицерам спецназа госбезопасности были переданы бронежилеты, полученные на личный состав «мусульманского» батальона незадолго до начала событий. Поэтому спецназовцы ГРУ ГШ были в бою без минимальных средств индивидуальной защиты.

Что ещё следовало бы упомянуть об этих бронежилетах, так это то, что (при всей призрачности их возможностей) они сыграли должную роль в ходе непосредственного огневого контакта бойцов спецгрупп КГБ с личными телохранителями Х. Амина. Последние в основном были вооружены не автоматами Калашникова, а западногерманскими пистолетами-пулемётами МГ-5, имевшими значительно меньшие поражающие возможности в сравнении с нашим АК. И это обстоятельство, вне всяких сомнений, существенно повлияло на весь ход штурма резиденции афганского диктатора.

1 Дроздов Ю.И. «Штурм-333».- В указ. альманахе. С. 49.

2 Указ. соч. – С. 41.

И всё-таки, что можно сказать о тех советских «мусульманах»-спецназовцах, которые принимали непосредственное участие в штурме здания Тадж-Бека? К сожалению, не так уж и много...

В воспоминаниях генерал-майора В.В. Колесника говорится о двух группах спецназа из состава 154-го ооСпН ГРУ ГШ, которые в плановом порядке должны были принять участие в этих действиях. На сегодняшний день с определённой долей уверенности можно сказать, что руководство сводной группой третьей роты СпН «мусбата» осуществлял её командир В.С. Шарипов. Вместе с ним действовали его заместитель по политической части лейтенант Рашид Абдуллаев и (или) командир штатной группы спецназа лейтенант Абдуллаев¹. При этом, судя по публикации самого В.С. Шарипова, «взводный Абдуллаев» в ходе продвижения к зданию Тадж-Бека находился в БМП, которая была подбита, и получил тяжёлое ранение². Кроме того, совместно с «зенитовцами» действовала группа спецназа ГРУ ГШ под командованием лейтенанта Р.Т. Турсункулова из состава первой роты СпН «мусбата».

Среди солдат и сержантов 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ, принимавших участие в операции «Шторм-333», назывались фамилии Джумаева, Богодирова, Мамаджанова, Сулайманова, Шербекова, Хусанова, Курбанова и Расульметова. Причём семеро последних из названных бойцов в ходе данных событий погибли.

В этой связи приведём ещё одно довольно существенно обстоятельство... Несколько ранее нам удалось определиться с вопросом об использовании для доставки штурмовых групп (групп захвата и обеспечения) к Тадж-Беку порядка четырнадцати бронеемкостей (десяти БМП и четырёх БТР) третьей и первой рот «мусбата». Кроме того, известно, что в захвате здания дворца Х. Амина принимали участие немногим более пятидесяти офицеров госбезопасности. Исходя из этого, получается, что на каждую единицу привлекавшейся техники приходилось где-то по четыре бойца «Грома» и

1 Речь идет либо об однофамильцах, либо об одном человеке.

2 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – В указ. книге. С. 128.

«Зенита». Но ведь такое количество комитетчиков можно было разместить не на четырнадцать БМП и БТР, а на всего пяти-семи боевых машинах: если постараться, то можно – проверено опытным путём.

Более того, в условиях ожидавшегося сильного огневого противодействия не было никакого смысла гнать такую массу техники по узкому серпантину. А в случае со штурмом здания Тадж-Бека данные бронеемкости использовались прежде всего как средства доставки личного состава к объекту захвата. Их огневые возможности в ходе марша и в непосредственной близости у дворца были весьма и весьма ограничены в силу недостаточных углов подъёма башенного вооружения БМП-1 и БТР-60ПБ. Исходя из перечисленных обстоятельств, привлечение такого количества бронеемкостей к штурму здания дворца Х. Амина можно объяснить лишь тем обстоятельством, что места десанта четырнадцать боевых машин пехоты и бронетранспортёров не пустовали, а были заняты не только офицерами КГБ из «Грома» и «Зенита», но и бойцами 154-го ооспН.

В подтверждение данной точки зрения приведём слова офицера госбезопасности из штурмовой группы «Грома» Сергея Кувылина: «Была некоторая несогласованность в действиях. Мы ещё не успели отъехать, я ещё двери в БМП закрывал, а «Шилка» открыла огонь. Фактор внезапности оказался потерян. Словом, садимся, а в машине людей битком. Все по полной выкладке, в бронезилетах. Смотрю: бежит полковник Бояринов. Я его немного знал, когда в Высшей школе учился. Кричит: «Ребята, ребята, меня забыли! Куда мне сесть?» А куда тут сядешь – народу, как селёдок в бочке. Но кое-как разместились, пришлось, правда, на пол, спиной к дверям, сесть. «Товарищ полковник, – говорю, взяв его за руку, – вот здесь кнопка, рычаг будете открывать, я не дотянусь...»¹ Таким образом, выходит, что бойцов в десантных отделения боевых машин было в действительности столько, сколько «селёдок в бочке». Что тут добавить?..

---

¹ Цит. по книге М.Е. Болтунова. «Альфа» не хотела убивать». – СПб.: «Шанс», 1995. С. 120.

Исходя из этого, можно уверенно предположить, что общее число «мусульман» из спецназа ГРУ Генштаба, задействованных непосредственно в штурме здания дворца Тадж-Бек, было никак не менее семидесяти человек (с учётом экипажей машин). При этом следует иметь в виду, что если руководитель «Шторма» В.В. Колесник говорил о плановом участии спецназовцев ГРУ в штурме здания дворца, то В.С. Шарипов и Р.Т. Турсункулов – о том, что просто-напросто так сложилась обстановка, когда «мусульманам»-спецназовцам пришлось пойти на «нарушение приказа и войти в Тадж-Бек». Ведь их основная плановая задача состояла в том, чтобы доставить спецгруппы КГБ «Гром» и «Зенит» ко дворцу, принять участие в подавлении огневых точек Тадж-Бека, обеспечить на внешних подступах оборону здания и не допустить бегства из здания Хафизуллы Амина и его ближайших приспешников.

В этой связи В.С. Шарипов вспоминал и о таком напутствии, которое дал ему перед штурмом генерал-майор госбезопасности Ю.И. Дроздов: «Запомни! Нам отступать некуда. Я тебя, если неудача случится, в лучшем случае, смогу сделать перед афганцами психом-дурачком... Смотри, чтоб Амин не ушёл! Не дай Бог, объявится в другой стране!...»¹

При этом бойцам спецназа ГРУ пришлось реально отражать сверху натиск аминовских гвардейцев. Дело в том, что после начала действий непосредственно в здании Тадж-Бека часть президентской гвардии предприняла попытку оказания помощи дворцовой охране снизу. Однако все эти атаки гвардейцев силами спецгрупп В.С. Шарипова и Р.Т. Турсункулова были отбиты. Боевые потери 154-го ооСпН во время этих событий были никак не меньше, а больше потерь «зенитовцев» и «громовцев». Тем не менее в материалах некоторых журналистов до сих пор звучат заявления такого рода: «спецназ ГРУ должен был только завязать бой на подступах к дворцу», «личный состав «мусульманского» батальона на период штурма дворца Х. Амина был придан спецгруппам КГБ», «азиатский... батальон поддержки» и так далее. Разумеется, подобные заявления выглядят некорректно и даже нелепо, хотя тем, кто брался за освещение кабульских событий 27 декабря 1979 года, разобраться в этом вопросе всё-таки стоило бы.

¹ Цит. по статье В.С. Шарипова, П. Лёгкого. Операция «Шторм». – В указ. книге. С. 123-124.

И действительно, как об этом писалось ранее, ещё как-то можно представить взятие дворца Х. Амина силами одного «мусульманского» батальона без участия в нём бойцов спецназа КГБ. Однако представить подобное при использовании «мощностей» нескольких десятков «безлошадных» комитетчиков и без 154-го отряда спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР просто невозможно. Увы, но несоответствия из подобного разряда и ныне преобладают в бурном потоке сообщений средств массовой информации и различного рода изданий на данную тему. Впрочем, одной из целей настоящей публикации и является желание автора способствовать написанию достоверной истории штурма дворца Х. Амина.

Завершая, если так можно выразиться, статистическую и военно-техническую составляющую этого раздела книги, хотелось бы несколько слов уделить ранее приводившимся заявлениям О. Гриневского по поводу «спецотряда КГБ численностью примерно в тысячу человек», штурмовавшего дворец Х. Амина. И его... «вертолёт на крыше» Тадж-Бека, с которого якобы «была выброшена вторая группа» захвата¹.

Трудно представить, с точки зрения погодных условий, времени суток и ряда других существенных обстоятельств, подобный ход событий. Ведь нужно было хотя бы заблаговременно и гарантированно обеспечить подавление всех средств противовоздушной обороны (это не считая стрелкового вооружения афганской бригады охраны). А сделать подобное без «шума и пыли» было невозможно. Кроме того, сам данный вариант действий исключал или, по крайней мере, значительно ограничивал ведение стрельбы по зданию дворца советскими «Шилками» и другими огневыми средствами. Подразумевал он также наличие опытейших вертолетных экипажей, способных филигранно работать в условиях горной местности, ночного времени, боевого соприкосновения с противником. Очевидно, из подобных «циркачей» должна была состоять и группа захвата Тадж-Бека, возвышавшегося на шестьдесят метром над прилегающей местностью.

Кроме того, вертолётчикам и спецназовцам в данном случае требовалось хотя бы где-то провести предварительную тренировку по отработке подобных действий. Но, если даже все эти условия были соблюдены, столь явная

---

1 См.: «Литературная газета». – 1995, 2 августа.

демонстрация подобного рода профессиональных действий сразу и полностью исключала бы распространение версии советского и «нового афганского» руководства о «народном» характере свержения диктатуры Х. Амина. Так что лучше бы господин «сказочник» занимался своими делами...

Хотя, конечно, не хотелось бы думать, что посол О. Гриневский является таким же профи в дипломатии, какковым специалистом он представляется в деле военном. И всё-таки, наверно, отдельным нашим дипломатам следует больше времени посвящать исполнению своих прямых профессиональных обязанностей, а не просмотру заморских триллеров и сочинению на их основе фантастических рассказов из... истории нашего Отечества.

5. Бой в здании дворца Тадж-Бек

Относительно боя, происходившего в здании дворца Х. Амина, бывший руководитель операции «Шторм-333» генерал-майор В.В. Колесник коротко заметил: «Спецназовцы ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина... Через двадцать минут Тадж-Бек был взят. Охрана дворца практически вся погибла, в живых осталось около десяти человек»¹. Этот указанный Василием Васильевичем, временной отрезок в двадцать или несколько более того минут был заполнен многими драматическими и трагическими событиями. Очевидно, именно по данному поводу были написаны следующие строки из самодетельной «зенитовской» песни «Под Кабульской лазурью»:

День и ночь безразлично с боевым автоматом,
Пистолет под ремнём, как братишка родной.
Ах, как хочется здесь обложить землю матом,
Слёзы радости лить над родимой землёй.

Нас с «Зенитом» судьба очень крепко связала,
Нам в «Зените» друзей не забыть никогда:
Расплескали мы крови по Кабулу немало
И придётся ещё, коль возникнет нужда...

1 Колесник В.В. «Шторм» в Кабуле. - В указ. альбоме. С. 46.

После небольшой заминки «Шилкам» удалось подавить ряд огневых точек в здании дворца. Вместе с ними по этим целям работали снайперы и гранатомётчики, находившиеся на ближайших к Тадж-Беку высотах. Штурмовым группам спецназа КГБ и ГРУ, многие бойцы которых были уже ранены, удалось подняться и подойти ближе дворцу Х. Амина. Хотя было мгновение, когда казалось, что захват здания сорван. Тогда у торца здания Тадж-Бека встретились командиры спецгрупп госбезопасности майоры М.М. Романов и Я.Ф. Семёнов, а также подчинённые им офицеры В.Ф. Карпухин, С.А. Голов, В.В. Анисимов, А.Н. Плюснин. Туда также подошли Михаил Соболев, Гришин, Филимонов. Был здесь и капитан второго ранга Э.Г. Козлов. Перегруппировались и ринулись в здание дворца.

Как в последующем вспоминал об этом М.М. Романов: «Во дворец проникли через окно. Непонятно, кто откуда ведёт огонь. Во дворце много дверей из толстого стекла, без всяких обрамлений. Увидев впереди мелькнувшие тени, бросаешь гранату, чтобы расчистить путь, но граната откатывается, как колобок, и катится тебе же подноги. Соображаешь, что делать – пригнуться, падать на пол, прятаться в стенных нишах?.. По звуку определяли, где наш автомат работает, где чужой»¹.

В это же время группы спецназа ГРУ, составленные из бойцов третьей роты и взвода первой роты «мусульманского» батальона, стремились создать на подступах к Тадж-Беку плотное огневое кольцо, уничтожая вокруг этого объекта захвата все участки сопротивления и пресекая попытки афганских гвардейцев подойти снизу к зданию дворца Х. Амина.

В вестибюле Тадж-Бека, на противоположной от входа стене, висели огромные зеркала, создававшие своеобразный эффект присутствия. Они были первым, что пострадало после того, как спецназовцам удалось ворваться в здание дворца с главного входа. Во время этих событий был контужен М.М. Романов. В вестибюле полковник Г.И. Бояринов, уже раненный в ногу, вновь переформировал боевые подгруппы. Сам он совместно с «громовцем» Сергеем Кувылиным, рядом других офицеров КГБ в дальнейшем приступил к поиску и подрыву узла радиотелефонной связи Тадж-Бека.

---

1 М.Е. Болтунов. «Альфа» не хотела убивать». – СПб.: «Шанс», 1995. С. 131-132.

Пошло методичное прочёсывание первого этажа. Если находившиеся в комнатах афганцы сразу не сдавались, в помещение летела ручная граната, после чего в ход пускалось стрелковое оружие. Конечно, особо времени на переговоры со сдачей у спецназовцев не было. В ситуации, когда все действующие лица были в афганской форме, ориентироваться было сложно. Сомнительно, что в суматохе боя отличительные белые повязки на рукавах и опознавательные крики «Яша – Миша» (по именам командиров групп «Грома» и «Зенита») могли исключить всех возможных недоразумений. Порой приходилось прибегать и к ненормативной лексике.

Как вспоминал впоследствии офицер «Грома» Сергей Кувылин: «...Очнулся – по полу ползаю. Сверху вестибюля круговая лестница на второй этаж ведёт. Оттуда гранаты бросают, из пулемётов так и сыплют. Я отползаю в сторонку, поднимаюсь, смотрю – справа коридор, наши ребята выходят, у них белые повязки на рукавах. Не разглядели меня, что ли, или в горячке боя, один очередь в мою сторону запустил и вслед гранату. Я смотрю и думаю: «Ну вот, теперь конец». Упал за диванчик, шёлком обтянутый. Не для войны диванчик, от смерти не спасёт. Рвануло. Чувствую, вроде живой. Вскочил, заорал: «...Вашу мать!» Впрочем, дальше выяснять отношения некогда: бой идёт»¹.

Несмотря на то, что многие были ранены уже в первые минуты, офицеры госбезопасности рвались вперёд к намеченным перед ними целям. Сам бой в Тадж-Беке проходил бескомпромиссно, жёстко и скоротечно. В одном из этих боестолкновений погиб полковник госбезопасности Г.И. Бояринов. Обстоятельства его смерти излагались по-разному. Согласно одной версии, Г.И. Бояринов, несколько вернувшийся назад за подкреплением, был поражён огнём своих же атакующих товарищей, что в тех сложных обстоятельствах вполне могло произойти и что несколько не умаляет его подвига.

Вместе с офицерами КГБ по коридорам и лабиринтам дворца Х. Амина продвигалась и часть «мусульман»-спецназовцев. Одни из них последовали за «громовцами» и «зенитовцами» в силу того, что в определённый момент боя создавалась критическая ситуация, потребовавшая дополнительной помощи. Другие оказались в Тадж-Беке, потому что их загнал

1 М.Е. Болтунов. «Альфа» не хотела убивать». – СПб.: «Шанс», 1995. С. 129.

туда огонь своих «Шилок», перенёсших стрельбу на площадку перед дворцом. И в последующем они действовали вместе с бойцами «Грома» и «Зенита» в зависимости от складывающейся боевой обстановки.

Как заметил по этому поводу генерал-майор Ю.И. Дроздов: «Позже мне не раз приходилось слышать мнение, что дворец Тадж-Бек брали спецгруппы КГБ, а армейцы только присутствовали при этом. На мой взгляд, это не совсем так. Одни чекисты ничего бы сделать не смогли»¹.

Наконец первой группе спецназовцев КГБ, несмотря на плотный огонь в упор, удалось подняться на второй этаж, где находились апартаменты Хафизуллы Амина. В числе этих первых были офицеры госбезопасности Я.Ф. Семёнов, Э.Г. Козлов, В.В. Анисимов, С.А. Голов, В.Ф. Карпухин и А.Н. Плюснин. Потом на помощь к ним подошли Михаил Соболев, Гришин, Филимонов и другие чекисты.

Как впоследствии вспоминал Э.Г. Козлов: «Вообще, впечатления от событий, восприятие действительности в бою и в мирной жизни очень разнятся. Года через два, в спокойной обстановке вместе с генералом Громовым я ходил по дворцу. Всё выглядит по-другому, совсем иначе. В декабре 1979 года мне казалось, что мы преодолевали какие-то бесконечные потёмкинские лестницы, а оказалось – там лесенка узенькая, как в подъезде обычного дома. Как мы всемером шли по ней – непонятно. И, главное, остались живы. Так случилось, что я шёл в бой без каски и бронежилета. Теперь жутко представить. А в тот день и не вспомнил. Казалось, внутри я опустел, всё было вытеснено и занято одним стремлением – выполнить задачу. Даже шум боя, крики людей воспринимались иначе, чем обычно. Всё во мне работало на бой, и в бою я должен был победить»².

К этому рассказу Э.Г. Козлова, пожалуй, следует добавить то, что его личное присутствие в составе штурмовых групп КГБ первоначально не планировалось. С ними он оказался по своей инициативе и в самый последний момент, желая помочь полковнику Г.И. Бояринову. Поэтому и действовал без необходимых средств индивидуальной защиты (каска и бронежилета).

1 Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. В указ. книге. – С.134

2 М.Е. Болтунов. «Альфа» не хотела убивать». – СПб.: «Шанс», 1995. С. 132-133.

Последующий бой разложился на множество групповых и индивидуальных схваток. Каждому хотелось выжить, но для того чтобы уцелеть, было нужно стрелять, бросать гранаты или сдаваться на милость победителей. Что касается защитников афганского диктатора, то каждый из них выбирал свою судьбу сам...

Офицер госбезопасности Николай Берлёв так вспоминал о событиях того трагического дня: «Ребята, проскочив на второй этаж, распахнули двери и бросали в кабинеты гранаты. Они уже прошли по коридору вперёд, когда сзади них в коридор выскочил Амин – в адидасовских трусах и в маечке. Думаю, что он был уже смертельно ранен... Нам с Карпухиным пришлось ещё разыскивать начальника гвардии майора Джандата, того самого, который предал Тараки. Именно Джандат отдал приказ об уничтожении руководителя страны, что и исполнили офицеры гвардии. Помнится, заглядываем в одну комнату, в другую. Показалось: шевельнулась штора. Отодвинул её стволом автомата и вижу перед собой начальника гвардии.

– Витя! – кричу Карпухину. – Джандат!

– Я врач, врач! – испуганно орёт человек, похожий на Джандата.

Вправду оказался врачом, потом внизу помогал раненым (очевидно, речь идёт об афганском военвраче Велояте. – *Примеч. В.К.*).

А ранены были практически все. Емышеву оторвало руку, у Алексея Баева прострелена шея, Кузнецов получил серьёзное ранение в ногу. Коле Швачко осколок попал в зрачок глаза. У Сергея Голова девять пулевых и осколочных ранений»¹.

К глубокому сожалению, во время этих событий погиб полковник медицинской службы В.П. Кузнеченков. Генерал-майор А.А. Ляховский так описывает обстоятельства его гибели: «По свидетельству участников штурма, в конференц-зале осколком гранаты был сражён полковник В.П. Кузнеченков. Однако всё время находившийся рядом

---

¹ М.Е. Болтунов. «Альфа» не хотела убивать». – СПб.: «Шанс», 1995. С. 133-134.

с ним А.В. Алексеев утверждает, что когда они вдвоём спрятались в конференц-зале, то какой-то автоматчик, заскочив туда, дал на всякий случай очередь в темноту. Одна из пуль попала в В.П. Кузнеченкова. Он вскрикнул и сразу же умер. Мёртвого товарища Алексеев взвалил на себя и вынес во двор, где положил его на бронетранспортёр, который вывозил раненых. «Мёртвых не берём», – кричал какой-то автоматчик А.В. Алексееву. «Да он ещё жив, я врач», – возразил полковник. В последующем труп В.П. Кузнеченкова отвезли в госпиталь, а Алексеев встал к операционному столу»¹.

Медицинский генерал В.В. Пасько эти обстоятельства также со ссылкой на А.В. Алексеева изложил несколько другим образом: «И первая своя кровь, пролитая своими же, доблестными «зенитовцами», была кровь военного врача – полковника медицинской службы, доцента Военно-медицинской академии из Ленинграда... Уцелевший хирург рассказал, как это произошло: «Кругом началась стрельба, стало ясно, что штурмуют дворец... Мы укрылись в какой-то комнате. Я упал за диван, мой коллега тоже где-то спрятался. Вдруг в комнату вбежал какой-то боец в афганской форме, но похож на нашего. Пока я соображал, что к чему, что делать, терапевт в своём углу шевельнулся. Боец моментально всадил туда очередь и побежал дальше. Когда я подполз к нему, он уже был мёртв». Флегматичного Анатолия Владимировича спасли его тугодумие и медлительность (так в тексте. – *Примеч. В.К.*)»².

В свою очередь генерал-майор Ю.И. Дроздов так писал об этих событиях: «Спустя много лет после тех событий А. Алексеев рассказывал, что они не смогли больше находиться возле бара и поспешили уйти оттуда, но когда шли по коридору, то раздался взрыв и их взрывной волной отбросило к двери конференц-зала, где они и укрылись. В зале было темно и пусто. Из разбитого окна сифонило холодным воздухом. И доносились звуки выстрелов. В. Кузнеченков стал в простенке слева от окна, А. Алексеев – справа. Так судьба их разделила в этой жизни»³.

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 151.

2 Пасько В.В. Ночь забытых песен. – Киев-Тернополь, «Збруч», 1999. С. 25.

3 Дроздов Ю.И. «Как штурмовали дворец Амина». В книге «Батя. Легенда спецназа ГРУ. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 135.

Как ранее сообщалось, в ходе боя группой заместителя командира 154-го ооСпН капитана М.Т. Сахатова были захвачены афганские танки. На одном из них Сахатов с подчинёнными выдвинулся к зданию афганского генштаба, расположенному недалеко от дворца Тадж-Бек. Однако танк был обстрелян из противотанкового гранатомёта десантниками, к тому времени уже взявшими под контроль это здание. К счастью, никто из спецназовцев, одетых в форму афганской армии, не пострадал. Затем капитан Сахатов прибыл на площадку перед Тадж-Бек. В последующем значительная часть солдат и офицеров афганской бригады гвардии (охраны), а также зенитного полка сдалась. Однако после ликвидации Х. Амина и взятия Тадж-Бека бой не прекратился. Наибольшее сопротивление тогда оказал третий батальон, с которым бойцы 154-го ооСпН спецназа ГРУ ГШ вели бой ещё около суток, после чего часть афганцев ушла в горы.

6. Как погиб Хафизулла Амин?

Как это следует из логики событий и большинства информационных источников, задача по физической ликвидации Хафизуллы Амина была главной в ходе осуществления нападения на дворец. Понятно, что такое решение не мог принять какой-либо советский руководитель промежуточного звена: это решение было политическим, а не военным. А реальной политикой такого уровня в Советском Союзе занималось только Политбюро ЦК КПСС и никто более. Исходя из этого, становится понятным, почему обеспечение исполнения «приговора» поручалось офицерам КГБ из «Грома» и «Зенита», почему первоначально бойцам из состава отряда армейского спецназа воспрещалось даже заходить в помещение резиденции Х. Амина.

Впрочем, если следовать логике событий, развивавшихся на других объектах захвата и в частности в генеральном штабе вооружённых сил ДРА, «грязную» работу должны были сделать сами афганцы. Ведь к тому же само данное решение было прежде всего постановлением их самозванного «политбюро ЦК НДПА» и такого же «ревсовета» во главе с Бабраком Кармалем. На что обычно ссылался В.А. Крючков, бывший в

то время начальником ПГУ КГБ СССР. Но очевидно ход боя внёс в первоначальные планы свои коррективы...

Это проявилось в частности в том, что афганские «исполнители» вовремя не оказались в личных апартаментах Хафизуллы Амина на втором этаже Тадж-Бека. Как писал об этом офицер «Грома» Николай Берлёв: «Когда закончился бой, ко мне подбежал Сарвари, весь дрожит, трясётся: «Пойдём, посмотрим Амина». Поднялись наверх, посмотрели: да, действительно убит. Сарвари обрадовался, руками начал размахивать. Подбежал к пленным афганцам, что-то возбуждённо тараторит. Всё, он совершил переворот, он герой! А ведь и Сарвари, и Гулябзой в бою не участвовали, сидели в БМП, невозможно было вытащить никакой силой»¹. Должно быть, это мнение Н. Берлёва относительно бывшего начальника афганской службы государственной безопасности (АГСА) А. Савари вполне справедливо. Что же касается С.М. Гулябзоя, очевидно, оно не совсем соответствует действительности. Тем не менее факт остаётся фактом – в ходе штурма Тадж-Бека афганских оппозиционеров от НДПА в личных покоях Хафизуллы Амина вовремя не оказалось. А ведь они, несомненно, должны были придать этим событиям характер внутриафганского, точнее, «внутрипартийного» дела посредством зачитки приговора и... так далее.

Реальная ситуация, складывавшаяся в ходе боя, несмотря на существовавшие запреты, потребовала от части офицеров и солдат 154-го ооСПН войти в здание дворца Х. Амина. Об этом, в частности, пишет в своей статье Александр Лебедев, ссылаясь на воспоминания Р. Турсункулова: «По анфиладе комнат продвигались, как учили: граната, стрельба из автоматов, вперёд. «Мусульмане» не были готовы действовать в самом дворце, такой задачи у них не было, поэтому, как вспоминает Рустам, продвижение было хаотичным, плана дворца никто из них не знал. Конкретную задачу знали только ребята из «Грома» и «Зенита» – они готовились к захвату»². Другой бывший «мусульманин» В.С. Шарипов в этой связи вспоминал: «Я как-то о себе прочитал в одной газете: мол, войдя в комнату, где убитый Амин лежал, я всадил в него автоматную

1 М.Е. Болтунов. «Альфа» не хотела убивать».. – СПб.: «Шанс», 1995. С. 133.

2 «Братишка», – 1999, №9. С. 27-28.

очередь. Полный бред! Зачем неправду писать?»¹ Возмущение В.С. Шарипова, в общем-то, понять можно, ведь различных вариаций на тему ликвидации Х. Амина и в периодике, и в книгах на темы афганской войны было очень много и весьма разных. Приведём только некоторые из них.

Так Д. Гай и В. Снегирёв в своей книге «Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны» по этому поводу писали: «Вскоре всё было кончено. Осколки гранаты настигли Амина за стойкой того самого бара, который он с гордостью показывал днём своим гостям. Через несколько минут к уже бездыханному телу подошёл человек в военной форме, но без знаков отличия, перевернул Амина на спину, достал из своего кармана фотографию и сверил её с тем, чьё тело недвижимо лежало перед ним. Убедившись в том, что не ошибся, человек без знаков различия в упор ещё раз выстрелил в теперь уже бывшего руководителя Афганистана. Поздно вечером по радио было объявлено: «Революционный суд приговорил предателя Хафизулла Амина к смертной казни. Приговор приведён в исполнение»².

В этой же книге, но несколько далее по тексту Давид Гай и Владимир Снегирёв эту же ситуацию описали уже по-другому: «Сам он (Х. Амин. – *Примеч. В.К.*), как утверждают, в одном нижнем белье выскочил из спальни на звуки выстрелов. Бросился по направлению к бару – и тут его настигла граната. Амин был ранен, его добивали лежачего, беспомощного. Штурмовавшие резиденцию в эти секунды не ведали, кто стал их очередной жертвой, может быть, только догадались, что это не рядовой человек. Потом кто-то опознал в изрешечённом теле Амина. Возможно, это был Гулябзой – он и небольшая группа других оппозиционно настроенных к диктатору афганцев вошли во дворец «во втором эшелоне»³.

Это только одна книга, в которой представлены две взаимоисключающие версии. Напомним, что, согласно первой из них, Х. Амин погиб от разрыва гранаты, а уже потом «человек в военной форме без знаков различия» в упор произвёл контрольный выстрел в бездыханное тело афганского дикта-

1 Шарипов В.С., Лёгкий П. Операция «Шторм». – В указ. книге. С. 114

2 Гай Д., Снегирёв В. Указ. соч. – С. 8

3 Там же. – С. 62.

тора. Согласно второй, Х. Амин был только ранен от разрыва гранаты и «его добивали лежачего, беспомощного».

Напомним, что Олег Гриневский, ссылаясь на воспоминания советского дипломата и советника Х. Амина по внешнеполитическим вопросам В.С. Сафрончука, так писал в этой связи: «Неожиданно Амин, который до того, казалось, спокойно спал, схватил автомат и стал стрелять. Хотя приказ был брать живым, десантники дали очередь по постели, и президент затих навсегда»¹. Странно, но, исходя из версии Гриневского-Сафрончука, получается, что афганский диктатор стрелял из автомата, прямо находясь в... постели, где и встретил свою смерть.

В свою очередь генерал медицинской службы В.В. Пасько в книге «Ночь забытых песен», также ссылавшийся на некоторых очевидцев и участников штурма дворца Тадж-Бек, утверждал: «А что же сам правитель Афганистана? Он нашёл своё последнее убежище за стойкой бара – буфетной, откуда пытался отстреливаться из пистолета. Пока его не успокоила автоматная очередь»².

Как видно из двух ранее приведённых текстов, Х. Амин якобы активно участвовал в перестрелке со спецназовцами или с десанниками, как писал об этом О. Гриневский. Правда, у господина дипломата в качестве личного оружия афганского диктатора фигурирует автомат, а у военврача – пистолет. Впрочем, с точки зрения анализа других источников информации, подобного рода гипотезы об активном сопротивлении генсека НДПА и главы ДРА представляются маловероятными. Ведь Х. Амин в то время был в тяжёлом физическом состоянии. Находился он и в психическом шоке после получения известия о том, кто... реально осуществлял штурм дворца.

В 2002 году В.И. Аблазов в своей книге «Афганистан: Четвёртая война» в связи с гибелью Х. Амина писал следующее: «Начало штурма застало А. Алексеева и В. Кузнецикова (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) в коридоре на втором этаже дворца. Они увидели Амина, который шёл по коридору в трусах и майке, держа в высоко поднятых, оббитых трубками руках флаконы с физраствором. Каждый шаг давался ему

1 «Литературная газета». – 1995, 2 августа.

2 Пасько В.В. Указ. соч. – С. 25.

с большими мучениями, отзываясь нестерпимой болью от игл, вдетых в вены. А. Алексеев выбежал навстречу, первым делом вытащил иглы, прижав пальцами вены, чтобы не сочилась кровь, а затем довёл его до бара.

Амин прислонился к стене, но тут послышался детский плач – откуда-то из боковой комнаты шёл, размазывая кулачками слёзы, его пятилетний сынишка. Увидев отца, он бросился к нему, обхватил за ноги. Амин прижал его голову к себе и они вдвоём присели у стены... Когда советские врачи уходили по коридору, за их спиной раздался взрыв... Группа спецназовцев, в составе которой были Э. Козлов, В. Карпунин и другие, ворвалась на второй этаж дворца, они увидели Амина, лежащего возле стойки бара в «аидасовских» трусах и майке. Он был мёртв. Бой во дворце продолжался 43 минуты.

Внезапно стрельба прекратилась. Майор Я. Семёнов доложил по радио о выполнении задачи. Труп Амина, опознанный прибывшими во дворец афганскими политиками А. Сарвари и С. Гулябзоем, завернули в ковёр. Убитых афганцев, в том числе и двух малолетних сыновей Амина, 28 декабря закопали в общей могиле неподалёку от дворца. Завёрнутый в ковёр труп Амина ещё ночью захоронили там же, но отдельно от остальных. Никакого надгробья поставлено не было. Все эти работы проводились под руководством замполита «мусульманского» батальона капитана Сахатова (так в тексте. – *Примеч. В.К.*).

Оставшихся в живых членов семьи Амина отправили в тюрьму Пули-Чархи. Они сменили там семью Тараки. Даже дочь Амина, которой во время боя перебило ноги, оказалась в камере. Но милосердие было чуждо людям, у которых по приказу Амина замучили и казнили родных и близких. Они жаждали мести. Он был коварен и жесток. Не менее коварно и жестоко была решена и его судьба»¹.

В связи с процитированным текстом из книги В.И. Аблазова обратим ваше внимание на то обстоятельство, что автор фактически говорит о «случайной» смерти Х. Амина в ходе завязавшейся перестрелки. Ведь, как утверждал Валерий Иванович, ворвавшиеся на второй этаж дворца Э. Козлов, В. Карпунин и другие только... обнаружили труп диктатора, лежащий возле стойки бара. Правда, немного ранее по тексту тот же В.И. Аблазов данную драматическую ситуацию, сложившуюся во дворце Тадж-Бек, описывает

1 Аблазов В.И. Указ. соч. С. 177.

совершенно по-другому, меняя при этом и действующих лиц своего рассказа: «Батальон (то есть 154-й отдельный отряд спецназа ГРУ. – *Примеч. В.К.*) вынужден был войти во дворец и, помогая «Грому» и «Зениту», занял второй и третий этажи. Замполит роты Рашид Абдуллаев стал вытаскивать из-под стойки бара мужчину в трусах, на которого ему показал солдат. У него неожиданно оторвалась левая рука: где-то автоматная очередь буквально разворотила плечо Амина. Сорвав с окна штору, старший лейтенант и солдат завернули в неё тело Амина и вынесли на улицу (так в тексте. – *Примеч. В.К.*)¹».

Таким образом, во втором случае получается, что Х. Амин был убит не в результате взрыва гранаты, а от стрельбы по нему из автоматического оружия. Очевидно, в этом вопросе есть необходимость разобраться более детально. Ведь В.И. Аблазов и другие этого не сделали, а лишь представили на суд читателей свои различные весьма и весьма противоречивые версии.

Указанное далеко не бесспорное мнение В.И. Аблазова практически слово в слово воспроизвёл «украинский журналист и дипломат» Г.П. Корж в книге «Афганское досье: Война СССР в Афганистане». Где можно прочитать следующее: «Батальон вынужден был войти во дворец и, помогая «Грому» и «Зениту», занял второй и третий этажи. Замполит роты Рашид Абдуллаев стал вытаскивать из-под стойки бара мужчину в трусах, на которого ему показал солдат. Внезапная автоматная очередь буквально разворотила плечо Амина, у того неожиданно оторвалась левая рука. Сорвав с окна штору, старший лейтенант и солдат завернули в неё тело Амина и вынесли на улицу (так в тексте – *Примеч. В.К.*)»².

Говоря о книге этого автора, всё-таки заметим, что на её обложке содержится несколько другое название, чем название, содержащиеся в выходных данных этого издания. А именно: «Геннадий Корж. Афганское досье: История войны СССР в Афганистане». Подобного рода недопустимыми вольностями изобилует практически весь текст указанной книги. Таким же сомнительным является и заявленное здесь авторство господина Г.П. Коржа. Что же касается его претензий на описание всей истории войны Советского Союза в Афганистане, то на сегодняшний день нам надобно разобраться хотя бы с одним вопросом. С вопросом о том, как же она начиналась...

1 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 167.

2 Корж Г.П. Указ. соч. – С. 451.

Возвращаясь к предмету нашего повествования, заметим, что в книге «Трагедия и доблесть Афгана» генерал-майора А.А. Ляховского по этому вопросу имеются следующие заслуживающие внимания сведения: «Спецгруппа КГБ прорвалась к помещению, где находился Хафизулла Амин, и в ходе перестрелки он был убит офицером этой группы. Труп главы правительства ДРА и лидера НДПА завернули в ковёр... Основная задача была выполнена»¹. В подтверждение этой точки зрения Александр Антонович приводит воспоминания нам уже известного офицера ПГУ КГБ СССР Валентина Братерского: «Мне всё стало окончательно ясно, когда человек, застреливший Амина, сказал мне, что приказ был: живым Амина не брать. Кстати, тогда же в перестрелке был ранен в грудь и скончался сын Амина лет восьми»².

Впрочем во втором издании этой книги А.А. Ляховский дал более сдержанную оценку этих событий: «Постепенно стрельба прекратилась и пороховой дым рассеялся, атакующие узнали в лежащем возле стойки бара человеке Амина. Он был мёртв... Возможно, его настигла пуля кого-то из спецназовцев, возможно – осколок гранаты. Некоторые высказывают версию, что Амина убили афганцы. Что на самом деле послужило причиной его гибели, сейчас выяснить довольно сложно»³.

В связи с приведёнными цитатами из книг А.А. Ляховского заметим, что рядом с данными утверждениями несколько странно выглядят слова бывшего руководителя операции «Шторм-333» генерал-майора В.В. Колесника, написавшего в своих мемуарах следующее: «Как погиб Амин, я не знаю...»⁴ А далее он добавил: «После боя его тело в одном из окопов похоронил замполит батальона. Остальных убитых защитников дворца похоронили их пленные товарищи немного позже и в другом месте»⁵. Однако, вполне возможно,

---

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 149.

2 Там же. – С. 150.

3 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана/ 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. С. 290.

4 Колесник В.В. Как был взят дворец Амина. – В указ. книге. С. 110.

5 Там же.

что эта «странность» в рассказе Василия Васильевича объясняется довольно просто. Ведь ему ставилась задача прежде всего обеспечить захват Тадж-Бека, а то, что касалось судьбы генерального секретаря ЦК НДПА, председателя Революционного совета и премьер-министра ДРА, было, по большому счёту, не его прерогативой и не его задачей.

Впрочем, так же, как и генерал-майор В.В. Колесник, другие непосредственные участники штурма дворца Х. Амина в своих воспоминаниях, как правило, старались особо не распространяться по поводу обстоятельств гибели хозяина Тадж-Бека. Тем не менее познакомим читателя с мнением по этому поводу генерал-майора и бывшего начальника кафедры Общевоинской академии ВС РФ А.П. Берегового, человека весьма авторитетного в среде армейского спецназа: «Члены группы рвались вперёд, очищая от гвардейцев комнату за комнатой, не обращая внимания на ранения. Наконец, нашли Амина. Пуля в затылок, и диктатор навсегда покинул этот лучший из миров»¹.

В подтверждение этой точки зрения приведём и поэтические строки, принадлежащие перу бывшего замполита «Вымпела» полковника госбезопасности Владислава Евгеньевича Ревского:

У ног его стояла крови липкой лужа,
Он в тело государственного мужа
Всадил обойму пуль из пистолета...
Кому-то было очень нужно это...²

Напомним, что это не просто отвлечённые образы и метафоры, а, по существу, конкретное мнение одного из активных участников афганской войны, одного из руководителей Группы специального назначения госбезопасности «Вымпел» и более того... Данные поэтические строки были перепечатаны в мемуарах генерал-майора Ю.И. Дроздова, который вряд ли бы стал этого делать, имея он сомнения на сей счёт. Исходя из этого, к словам В.Е. Ревского следует относиться как к серьёзному и конкретному свидетельству. В этой связи стоит

1 Береговой А. Наваждение Тадж-Бека. – М.: «Спецназ». 2000, №1.

2 Ревский В.Е. Афганский синдром. Поэтический сборник. – М.: РИЦ Генштаба ВС РФ, 2001. С.17.

заметить, что предметный анализ всех высказанных версий и обстоятельств гибели афганского диктатора, в том числе фамилий награждённых за успешное проведение этой операции спецназовцев, довольно-таки точно позволяет не только воссоздать картину происшедшего, но и назвать имя офицера (офицеров) КГБ, деятельно обеспечившего (обеспечивших) достижение «главной цели штурма дворца Тадж-Бек». Однако по этическим соображениям воздержимся от подобных предположений, хотя в открытой печати, художественной и публицистической литературе таковые имена указывались неоднократно.

7. Сколько длился штурм Тадж-Бека?

Сколько длился штурм здания Тадж-Бека? Казалось бы, на этот довольно простой вопрос чётко и однозначно ответил командир штурмовой группы спецотряда КГБ «Зенит» Я.Ф. Семёнов: «Я доложил по радио руководству: «Главный – конец. Имеем потери. Что делать?» В ответ слышалась команда: «Отходить». С начала штурма прошло 45 минут»¹. В свою очередь генерал-майор Ю.И. Дроздов писал: «Бой продолжался 43 минуты»². Вслед за ним полковник А.И. Аблазов констатировал: «Бой во дворце продолжался 43 минуты»³. Исходя из этих высказываний, зафиксируем время – 43-45 минут боя.

Как бы не противоречит этому точка зрения, высказанная в книге В.Ю. Марковского и В.В. Мильяченко «Афганистан: война разведчиков», где утверждается: «Спецназ, вооружённый лишь ручным (так в тексте. – *Примеч. В.К.*) оружием, сумел взять здание меньше, чем за час, несмотря на ожесточённое сопротивление и численное превосходство афганских гвардейцев»⁴. В свою очередь А.П. Береговой писал: «Весь штурм дворца занял ровно 40 минут, как это

1 «Русские командос». – 1999, №1. С. 44.

2 Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. В указ. книге: «Батя. Легенда спецназа ГРУ». – 137.

3 Аблазов В.И. Указ. соч. – С. 177.

4 Марковского В.Ю., В.В. Мильяченко. Указ. соч. – С. 4.

и предусматривалось планом»¹. Примерно о таком сроке боевого столкновения во дворце Х. Амина писал и генерал-майор А.А. Ляховский: «Бой во дворце продолжался недолго. Вскоре там было всё кончено»².

Обратим внимание читателя на то обстоятельство, что все перечисленные авторы, в принципе, говорили о разных вещах: Я.Ф. Семёнов о том, что «с начала штурма» до «конца главному» прошло сорок пять минут. Ю.И. Дроздов, что «бой продолжался» сорок три минуты. А.А. Ляховский, что «бой во дворце» продолжался недолго. В.Ю. Марковский и В.В. Мильяченко, что спецназ сумел «взять здание» меньше, чем за час. А.П. Береговой, что «весь штурм» занял ровно сорок минут. А.И. Аблазов, что «бой во дворце продолжался 43 минуты». Таким образом, вопрос о времени штурма дворца Х. Амина, который на первый взгляд мог показаться очень простым, выливается в отдельную, до дня сегодняшнего окончательно неразрешённую проблему.

Впрочем, как известно, в армии самые точные часы у командира, поэтому давайте предоставим слово генерал-майору В.В. Колеснику. А он в своих воспоминаниях «Штурм» в Кабуле», опубликованных в 2000 году, утверждал следующее: «Через десять минут после начала штурма девять БМП первой³ роты оказались на площадке перед дворцом. Спецназовцы ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина, состоявшей в основном из его родственников... Из-за этой заминки (временная потеря устойчивой радиосвязи. – *Примеч. В.К.*) «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нём уже работали наши группы. Через двадцать минут Тадж-Бек был взят»⁴.

В этой связи можно было бы предположить, что временной отрезок от момента начала штурма, то есть подачи команды «Штурм-333», до прибытия бронетехники ко дворцу составил десять минут. Потом ещё прошло некоторое время, затраченное на спешивание, огневой бой на подступах к Тадж-Беку, непосредственное боевое сопри-

1 Береговой А. Указ. соч.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 150.

3 Речь идёт о роте В.С. Шарипова, которую мы с учётом ряда новых данных стали обозначать третьей ротой «мусбата».

4 См.: указ. альбом «Спецназ». – С. 46.

косновение с противником и так далее, что составляло около десяти-пятнадцати минут. К чему следует добавить ещё двадцать минут напряжённого боя *в здании* дворца Х. Амина. Тогда получается, что на штурм Тадж-Бека с момента подачи сигнала «Штурм» и до взятия дворца или, точнее, наступления ситуации, когда «первому настал конец» прошло 40-45 минут или, возможно, несколько более этого времени. Хотя не исключено, что к указанным мемуаристом десяти минутам движения колонны следует добавить двадцать минут последующего боя и всё?..

И ещё один возникающий в этой связи вопрос: В.В. Колесник утверждал, «через десять минут *после начала штурма* (курсив. — В.К.) девять БМП» уже «оказались на площадке перед дворцом». Возможно ли такое, ведь одна из машин при этом была подбита, другая её сталкивала, случались и другие непредвиденные задержки? Скорость обычной гусеничной колонны, тем более идущей на значительный подъём, не так уж и велика. А тут цепочка из десяти БМП, одну из которых подбивают, двигающаяся под ураганным огнём противника и по зимней дороге. Предположить, что за столь короткий срок *первая* (курсив. — В.К.) боевая машина пехоты достигла цели можно, но чтобы девять и сразу как-то ещё смогли разместиться на небольшой площадке перед Тадж-Беком, где к тому же находился афганский автобус и другие машины?..

В другой статье («Как был взят дворец Амина»), также опубликованной в канун юбилейных торжеств российского спецназа военной разведки в 2000 году, Василий Васильевич делает определённую корректировку высказанных им ранее воспоминаний. И здесь можно прочитать следующее: «...Продолжив путь, девять БМП первой (т.е. третьей. — *Примеч.* В.К.) роты через двадцать минут после начала штурма оказались на площадке перед дворцом. Двери десантных отделений распахнулись, и бойцы спецназа КГБ и ГРУ ворвались во дворец. Завязался жестокий бой с личной охраной Амина, состоявшей в основном из его родственников. К моменту проникновения во дворец штурмовых групп «Шилки» должны были прекратить огонь... Управление временно было потеряно... Из-за этой заминки «Шилки» некоторое время били по дворцу, когда в нём уже работали наши

группы. Ещё минут через двадцать Тадж-Бек был взят»¹. Из чего следует, что время движения от сигнала «Шторм» до здания Тадж-Бека составило уже не десять, а двадцать минут. Таким образом, время описываемых событий увеличивается на десять минут.

Так сколько же длился штурм от подачи команды «Шторм-333» и до ликвидации афганского диктатора? Какова продолжительность боя, происшедшего непосредственно в здании Тадж-Бека? Двадцать минут или сорок с небольшим?.. Впрочем, это далеко не единственные вопросы, которые возникают при рассмотрении данной проблемы. Ведь чекисты и бойцы «мусульманского» батальона прибывали и врывались в здание дворца не одновременно и разными путями в зависимости от продвижения техники и их нахождения в той или иной штурмовой группе. Тем не менее на основе сопоставления и анализа имеющихся в различных источниках информации сведений можно определённо предположить следующее:

- Время движения боевых машин до объекта захвата составило до 20 минут после сигнала «Шторм-333»;

- На спешивание, ведение огневого боя на подступах к зданию Тадж-Бека и проникновение во дворец Х. Амина было затрачено до 15 минут;

- Бой в здании дворца с телохранителями афганского диктатора до ликвидации Х. Амина длился примерно 20 минут.

Думается, что именно таким образом нам удастся выйти из возникших разночтений в текстах воспоминаний непосредственных участников операции «Шторм-333», а также последующих исследователей данных событий. При этом также следует иметь в виду, что бой в здании дворца Тадж-Бек по истечении 43-45 минут, прошедших после подачи В.В. Колесником сигнала на штурм, на самом деле не прекратился. После гибели Х. Амина ещё имелись отдельные очаги сопротивления. Это в первую очередь касалось афганских гвардейцев, остававшихся на третьем этаже дворца. Однако начавшийся там пожар, осознание потери их главного благодетеля и того, что штурм ведут не местные

¹ Козлов С. и др. Указ. соч. – С. 110.

оппозиционеры, а представители страны Советов, очевидно, сильно подвигнуло многих из них к прекращению сопротивления. В свою очередь нападавшие не жаждали крови: своей главной цели к тому времени они уже достигли.

Как написал об этом А.Е. Тарас, прикрывающийся именем вымышленного англоязычного автора Дона Миллера: «...Гвардейцы охраны Амина находились на постах без касок, без бронезилетов, без пулемётов и гранатомётов (это оружие в ружкомнате, за дверьми, закрытыми на замок!), имея при себе всего лишь автоматы и по 2 рожка с патронами, т.е. 60 патронов на человека. Что они могли сделать с бронетехникой? А тут по ним ведут огонь пулемёты из БМП и БТР, рвутся гранаты, по стенам дворца молотят счетверённые артиллерийские установки «Шилка». И хотя пробить стены они не могут, всё же разрывы снарядов как-то не стимулируют высовываться из окна, чтобы обстреливать штурмующих сверху. Да и окон-то этих немного, ровно по 15 на каждом этаже, следовательно, более 30 человек стрелять через них не могут (казарма гвардейцев находилась на третьем этаже; второй этаж занимал Амин с семьёй, и туда гвардейцев не пускали; на первом этаже находились помещения канцелярии). Но даже в таких условиях через 2 минуты штурма половина атакующих была выведена из строя ранениями. Так что если бы защитники дворца действовали должным образом, все бойцы «Грома» и «Зенита» полегли бы под его стенами, не сумев ворваться даже на первый этаж, не говоря уже о третьем»¹.

В связи с процитированным отрывком из книги А.Е. Тараса хотелось бы заметить, что совершенно не понятно, откуда этот автор черпал познания об отсутствии у телохранителей Х. Амина пулемётов и гранатомётов, а также боеприпасов к автоматам («60 патронов на человека»), закрытой на замок ружкомнате и т.п. Записывать его в добросовестные исследователи происшедшего у нас как-то не получается. Ведь слишком много сомнительных тезисов приводит этот господин по поводу, например, тех же огневых возможностей

¹ Миллер Дон. Коммандос: Формирование, подготовка, выдающиеся операции спецподразделений. – Мн: Харвест, М.: ООО «Издательство «АСТ», 2001. С. 359.

«пулемётов из БМП и БТР», двигавшихся к Тадж-Беку. Кстати сказать, у БМП-1 помимо 7,62 мм пулемёта ПКТ имелось и более серьёзное вооружение – 73 мм орудие 2А28 «Гром», а «рожком» называть автоматный магазин среди профессиональных военных вообще не принято: это обиход солдата срочной службы или лейтенанта-двухгодичника, прошедшего краткосрочные военные сборы. Поэтому объяснить, как это делает А.Е. Тарас, все перипетии штурма дворца Х. Амина лишь необученностью охраны, тупостью её командиров и прочими из этого ряда обстоятельствами, по крайней мере, несерьёзно.

Конечно, никто не собирается превращать это повествование в бесконечный разбор разного рода вольностей, а также умышленных или неумышленных ошибок: своих бы не допустить. Однако без такого предметного и всестороннего исследования трудно разобраться в том, что на самом деле происходило 27 декабря 1979 года в ходе штурма дворца Тадж-Бек. А в отношении мнения господина А.Е. Тараса (Дона Миллера) здесь всё-таки стоит добавить, что в этой связи более взвешенную и разумную точку зрения высказал А.П. Береговой, писавший в своей статье «Наваждение Тадж-Бека»: «Стечение всех... обстоятельств, а также изрядная доля везения нисколько не умаляют храбрости и профессионализма наших спецназовцев, чётко выполнивших поставленную задачу»¹.

Через некоторое время после завершения активной фазы боевых действий на первом этаже Тадж-Бека был организован медицинский пункт, где раненым советским солдатам и офицерам, а также защитникам дворца, пострадавшим афганским руководителям и членам семьи Х. Амина была оказана первая медицинская помощь. Офицеров «Грома» и «Зенита», бойцов «мусбата» в последующем на бронетехнике эвакуировали в заранее оборудованный батальонный медпункт и посольскую поликлинику, где многие из них были прооперированы.

Судя по некоторым источникам, данной работой руководил начальник медицинской службы 154-го ооСпН капитан Ибрагимов². Активное содействие в этом оказывали

1 Береговой А. Указ. соч.

2 Возможно, однофамилец зампотеха «мусбата».

оставшиеся в живых после штурма Тадж-Бека советский полковник медслужбы А.В. Алексеев и афганский военврач подполковник Велоят Хабиби, который ещё в 1972 году окончил Ленинградскую военно-медицинскую академию имени С.М. Кирова. Кстати сказать, в последующем, несмотря на все кадровые передрыжки, Велоят Хабиби станет генерал-майором медицинской службы ВС ДРА и долгое время пробудет на посту начальника центрального военного госпиталя в Кабуле.

Вразрез с первоначально поступившей майору Я.Ф. Семёнову командой на отход из Тадж-Бека, в последующем сюда прибыл командир 154-го ооСпН майор Х.Т. Холбаев, принявший на площадке перед захваченным зданием «по уставу» (в полный рост) доклад о взятии дворца от командира третьей роты старшего лейтенанта В.С. Шарипова. В ходе этой процедуры обстрел здания не прекращался, но всё обошлось. Тогда же в Тадж-Бек перенёс свой командный пункт руководитель операции «Шторм-333» полковник В.В. Колесник, вместе с ним прибыл сюда и генерал-майор Ю.И. Дроздов.

Впрочем, вернёмся к самому факту дачи по радио майору Я.Ф. Семёнову команды на отход. Конечно, не совсем понятно, кому именно (спецгруппам «Зенит», «Гром» или также 154-му ооСпН) предназначалось исполнение этого распоряжения, кем оно отдавалось. Однако известно время его отдачи – после доклада о том, что «главному – конец!». Очевидно, это обстоятельство ещё раз свидетельствует о том, что всё-таки сам штурм здания дворца Тадж-Бек был предпринят не в целях захвата и удержания данного объекта, а для того, чтобы при помощи этого действия обеспечить физическую ликвидацию Х. Амина. И не более того.

8. Потери афганской и советской сторон

Относительно потерь афганской стороны в ходе «Шторма» можно сказать следующее. Число пленных составило порядка тысячи семисот солдат и офицеров, включая и командира афганской бригады гвардии (охраны) майора Джандада и его заместителя Экбаля, то есть другого особо доверенного офицера Х. Амина. Эта цифра довольно часто повторяется в различных свидетельствах руководителей и

рядовых участников тех событий. Практически без боя сдался зенитный полк, не оказал серьёзного сопротивления танковый батальон. Не было сильного отпора и со стороны первого и второго мотопехотных батальонов афганской бригады охраны. Строительный (инженерный) полк, если даже такой в действительности существовал, тоже не числился в числе яростных защитников афганского диктатора. В свою очередь третий мотопехотный батальон продолжал около суток воевать с нападавшей советской стороной. В последующем остатки этого подразделения ушли в горы.

Напомним, генерал-майор В.В. Колесник в своих воспоминаниях относительно этого последнего из названных подразделений афганской бригады гвардии писал, что «порядка 250 человек» из его состава «положила группа капитана Сахатова». Правда, в других мемуарных записках Василий Васильевич эту цифру снижает до «более двухсот охранников». Более того, как это следует из воспоминаний того же генерала В.В. Колесника, третий мотопехотный батальон оказался без командования, которое было захвачено спецназовцами. В этой связи хотелось бы всё-таки высказать определённые сомнения относительно столь значительного числа афганцев, погибших от огня небольшой группы советских разведчиков («два пулемёта и восемь автоматов спецназовцев»). К тому же сам данный факт впоследствии не подтверждался даже непосредственными участниками этих событий, например, теми же весьма общительными офицерами госбезопасности из группы захвата капитана М.Т. Сахатова.

Большое число пленных афганцев, по большому счёту, сомнений не вызывает. Ведь, как писал о морально-психологическом состоянии членов НДПА и личного состава вооружённых сил ДРА будущий министр госбезопасности и президент Республики Афганистан Наджибулла: «Четверть партии была уничтожена Амином только за то, что не хотела истреблять собственный народ. А какому избвиению подверглись военные? Армия не знала, кому верить, готова была объединиться с кем угодно, лишь бы спасти жизни солдат и офицеров. Такой ситуация была накануне 27 декабря 1979 года». В этой связи думается, что не намного лучше, если не хуже, положение дел к тому времени было и

в элитной бригаде афганской гвардии, личный состав которой постоянно подвергался проверкам на лояльность правящему режиму.

О том, сколько афганцев погибло непосредственно во дворце Тадж-Бек, точных сведений нет. Бывший руководитель операции «Шторм-333» генерал-майор В.В. Колесник утверждал: «Охрана дворца практически вся перебита, в живых осталось около десяти человек». Однако в этой связи высказывались и другие, порой противоположные точки зрения. Например, в книге «Трагедия и доблесть Афгана» генерал-майор А.А. Ляховский процитировал офицера бывшего ПГУ КГБ СССР В. Братерского, заявившего, что при штурме здания дворца Х. Амина из трёх сотен личной охраны генсека «150 сдались в плен. Убитых не считали»¹. Но кроме охраны в здании Тадж-Бека находились члены семьи Х. Амина, его министры, сотрудники канцелярии, адъютанты, офицеры связи. Были погибшие и среди них. Правда, Стив Крофорд по этому поводу утверждал, что все афганцы, находившиеся во дворце Тадж-Бек без исключения, в ходе штурма, проведённого «с крайней жестокостью», были уничтожены военнослужащими российского (так в тексте. – *Примеч. и курсив В.К.*) спецназа, действовавшими «как профессиональные убийцы»².

Однако дело в реальности обстояло совершенно не так, хотя во время штурма дворца Тадж-Бек было достаточно трагических ситуаций. Один из участников этих событий впоследствии рассказывал автору этих строк, как во время боевого столкновения на втором этаже аминовский телохранитель, укрывшись за спиной одной из родственниц своего шефа (вполне возможно, что это была жена секретаря ЦК НДПА Шах Вали), яро поливал из автомата атакующих советских спецназовцев. Разумеется, итог данной схватки оказался плачевным. Как об этом пелось в «зенитовской» песне:

...Вновь в свои гранаты вставили запалы,
Выполнять свой ринулись обет:
Мы ихван лупили налево и направо,
И аминь – Амина больше нет.

1 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 150.

2 Крофорд Стив. Указ. соч. – С. 223-224.

Тем не менее, анализируя различные, порой взаимоисключающие источники информации, можно предположить, что число погибших афганцев в ходе осуществления штурма президентского дворца было до 100 человек непосредственно в здании Тадж-Бека и до двухсот – на других линиях. Правда, это довольно приблизительные цифры.

В двенадцатом номере журнал «Родина» за 1999 год полковник Евгений Чернышёв писал, что во время событий 27 декабря 1979 года в Кабуле погибли 30 советских военнослужащих, «из них один офицер, 128 человек получили ранения, и ещё 10 человек мы потеряли при штурме дворца Амина». Таким образом, число жертв советской стороны по этим данным в ходе осуществления государственного переворота составило 40 человек. Впрочем, здесь можно предположить, что Е. Чернышёв данные потери даёт только по Министерству обороны СССР без учёта Комитета государственной безопасности, как известно, также задействованного в проведении операции «Байкал-79».

Несколько другие цифры называет А. Береговой, в статье «Наваждение Тадж-Бека» он сообщает о том, что при штурме погибли четыре человека с нападавшей стороны, и троих в это же время убили свои. При этом он добавляет: «В городе советский спецназ и десантники потеряли 12 человек убитыми и 28 ранеными. Ничтожные потери для столь крупной десантно-штурмовой операции, особенно если учесть, что примерно половина всех потерь была вызвана неразберихой на поле боя»¹. В свою очередь Д. Гай и В. Снегирёв утверждали: «Защитникам дворца всё-таки удалось нанести некоторый урон атакующим: выстрелами из танков и гранатомётов были сожжены два или три советских бронетранспортёра, уничтожено до трёх десятков наших солдат и офицеров (курсив. – В.К.). Убит был полковник Г.И. Бояринов, который, судя по ряду свидетельств, находился в первых цепях атаки. Автоматная пуля сразила полковника наповал»².

В издании «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР» и номере первом альманаха «Русские командос» за 1999 год сообщается, что при штурме дворца Тадж-Бек из состава спецгруппы «Зенит» погиб один человек (Борис

1 Береговой А. Указ. соч.

2 Гай Д., Снегирёв В. Указ. соч. – С. 61.

Суворов), а также общий руководитель штурмовых групп от КГБ полковник Григорий Иванович Бояринов. Один «зенитовец» погиб при захвате царандоя, в данном случае речь шла об Анатолии Муранове. В книге «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ» А.Е. Болтунов писал: «Среди тех, кто непосредственно штурмовал дворец, из групп «Гром» и «Зенит», убитых оказалось четверо»¹.

В последующем по опубликованным здесь воспоминаниям участников штурма дворца Тадж-Бек удаётся установить, что в этот период погибли офицеры госбезопасности Геннадий Зудин, Андрей Якушев и Борис Суворов. Сообщается здесь также и о смерти полковника Г.И. Бояринова, общего руководителя штурмовых групп спецназа КГБ СССР, который формально в состав отрядов «Гром» и «Зенит» не входил. Однако вряд ли правомерно офицера госбезопасности Дмитрия Волкова, принимавшего участие в захвате вкопанных перед Тадж-Беком афганских танков, не называть участником захвата дворца Х. Амина и не включать его в число этих безвозвратных потерь, пусть в действительности он во дворце и не был. К тому же Борис Суворов и Геннадий Зудин также до здания Тадж-Бека не дошли.

Таким образом, анализ различных источников информации позволяет полагать, что в ходе проведения государственного переворота в Кабуле погибли шесть офицеров КГБ. Из них пятеро чекистов пали в ходе боя за дворец Х. Амина (Геннадий Зудин, Дмитрий Волков, Андрей Якушев, Борис Суворов и Г.И. Бояринов), а один – при захвате царандоя (Анатолий Муранов из отряда «Зенит»).

Из состава «мусульманского» батальона во время штурма Тадж-Бека погибли пятеро человек – об этом сообщали руководитель «Штурма» генерал-майор В.В. Колесник, а также О.У. Швец и А.А. Ляховский. Однако полковник О.В. Кривопапов со ссылкой на выписку из исторического формуляра и воспоминания полковника В.А. Турбуланова, который, согласно должности начальника тыла 15-й обрСпН, занимался ритуальной службой, утверждал, что шестеро «мусульман»-спецназовцев погибли 27 декабря 1979 года, один – на следующий день, а ещё один рядовой в результате неосторожного обращения с оружием – 6 января 1980 года.

1 Болтунов М.Е. Указ. соч. – С. 64.

Вместе с тем А.А. Ляховский во втором издании книги «Трагедия и доблесть Афгана» писал уже о 14 погибших в «мусульманском» батальоне и 9-й парашютно-десантной роте 345-го гв. опдп, которой командовал гвардии старший лейтенант В.А. Востротин¹. Из чего следует, что в ходе событий 27 декабря наибольшие потери из всех формирований, задействованных в операции «Шторм-333», были у наших «мусульман». Имелись они и у десантников, на боевом участке которых шло интенсивное столкновение с силами охраны и обороны резиденции главы ДРА. Очевидно, эти сведения нуждаются в дополнительном изучении и анализе, ведь на сегодняшний день о реальной роли данного подразделения 345-го гвардейского отдельного парашютно-десантного полка сказано крайне мало, хотя и без того понятно, что его солдаты и офицеры в ходе проведения штурма дворца Х. Амина не были простыми статистами.

В ходе взятия Тадж-Бека погиб и полковник медицинской службы В.П. Кузнеченков, который ранее прибыл во дворец для оказания скорой врачебной помощи «главе дружественного государства». В этой связи понятно, что руководители операции отчитывались перед вышестоящим командованием только за гибель своих подчинённых солдат и офицеров, а «незапланированная» смерть другого советского военнослужащего ими в расчёт не бралась. Понятно и то, что военврач-терапевт Кузнеченков не входил в число штурмовавших, но как же не включать его в общее число потерь советских военнослужащих при взятии Тадж-Бека?

Кстати сказать, в ходе штурма дворца Х. Амина в одной из комнат второго этажа также находились несколько наших советников из Девятого управления КГБ СССР, которые в ходе боя, к счастью, остались живы, хотя некоторые из них были ранены. В этой связи не приходится сомневаться, что руководители операции «Байкал-79» были об этом проинформированы, тем не менее спецназ получил команду на штурм Тадж-Бека...

Как отмечалось ранее, во время этих событий большинство бойцов из состава штурмовых групп «Грома» и «Зенита» получили ранения различной степени тяжести. В «мусульманском» батальоне были ранены 35 человек, причём 23 из них остались в строю. Впрочем, О.В. Кривопапов

---

¹ Подробнее см. в указ книге А.А. Ляховского. – С. 295. На самом деле 14 погибших – это общее число потерь среди штурмовавших дворец.

со ссылкой на исторический формуляр 15-й обрСпН писал, что во время первой своей афганской командировки «мусбат» имел 69 раненых. Кроме того, ходе штурма 154-й отряд специального назначения ГРУ Генштаба потерял две единицы бронетехники (один БТР и одну БМП).

Подводя некоторые итоги данного раздела, следует подчеркнуть, что:

Во-первых, штурм дворца Тадж-Бек представлял собой прежде всего войсковую операцию армейского спецназа, действовавшего в данных обстоятельствах в значительной мере в качестве общевойскового (мотострелкового) формирования с привлечением штурмовых спецгрупп КГБ и подразделений ВДВ, а также с использованием возможностей агентурной разведки и военных советников. На языке спецназа ГРУ её следовало бы именовать «налётом», а по терминологии воздушно-десантных войск она проходит как «захват объекта в тылу противника».

Во-вторых, в рамках этой войсковой операции, проводилась и частная комитетская (специальная) операция – физическая ликвидация генсека ЦК НДПА, председателя ревсовета и премьер-министра ДРА Хафизуллы Амина. Поэтому на острие штурмующих дворец были офицеры КГБ, действовавшие совместно с двумя разведывательными группами спецназа из состава «мусульманского» батальона. Исходя из этого становится понятным, почему бойцы «Зенита» и «Грома» посчитали основную часть операции законченной после ликвидации афганского диктатора, а для спецназа ГРУ и десантников она ещё продолжалась сутки.

В-третьих, численность групп из внештатных отрядов спецназа КГБ СССР «Гром» (19 офицеров в составе штурмовых подгрупп, а также командир группы майор М. Романов, офицеры Г. Толстиков, А. Репин, Е. Мазаев) и «Зенит» (27 офицеров во главе с майором Я.Ф. Семёновым), непосредственно штурмовавших дворец Х. Амина, составила порядка пятьдесят человек. Вместе с этими штурмовыми группами госбезопасности действовали полковник Г.И. Бояринов и капитан второго ранга Э.Г. Козлов, формально не входившие в состав названных внеструктурных отрядов КГБ, а также афганские оппозиционеры А. Сарвари и С.М. Гулябзой.

В-четвёртых, в штурме здания Тадж-Бека были задействованы не менее семидесяти солдат и офицеров (с учётом экипажей машин) «мусульманского» батальона спецназа ГРУ Генштаба, а также четырнадцать единиц бронетехники (10 БМП третьей роты СпН и 4 БТР первой роты СпН) этой воинской части. Две группы спецназа ГРУ ГШ из состава 154-го ооСпН под командованием старшего лейтенанта В.С. Шарипова и лейтенанта Р.Т. Турсункулова принимали непосредственное участие в штурме здания дворца Х. Амина, что было вызвано складывавшейся на тот момент конкретной боевой ситуацией.

В-пятых, штурм Тадж-Бека от момента подачи сигнала о начале силового этапа операции «Шторм-333» до физической ликвидации афганского диктатора длился до одного часа. При этом наиболее ожесточённое боестолкновение непосредственно в самом здании дворца продолжалось не менее двадцати минут.

В-шестых, в ходе проведения операции «Шторм-333» погибли порядка пятнадцати советских военнослужащих. Среди павших были пять офицеров КГБ (Григорий Иванович Бояринов – общий руководитель штурмовых групп КГБ, а также офицеры «Грома» и «Зенита» Г.Е. Зудин, Д.В. Волков, А.А. Якушев и Б.А. Суворов), семь бойцов «мусульманского» батальона (младший сержант Миркасым Шербеков, рядовые Сабирджон Хусанов, Ходжанепес Курбанов, Абдумулин Богодиров, Абдунаби Мамаджанов, Шокиржон Сулайманов, а также погибший 28 декабря рядовой Расульметов), двое десантников из состава 9-й пдр 345-го гв. опдп, а также полковник медицинской службы В.П. Кузнеченков. Точная оценка потерь афганской стороны в ходе данных событий значительно затруднена.

**Раздел VIII:
Не спешите ставить точки над «і»**

Символ веры

Себя сужу высокой мерой,
Той мерой мне Святая Русь.
Святая Русь — мой символ веры,
И от него не отрекусь:
Я с ним оберегал державу,
Брал штурмом горный перевал,
По долгу чести, по уставу
Врагу знамёна не сдавал.

А Жизнь и Смерть распорядились —
Я снял армейский свой мундир.
Как часто мне до боли снились
Шинель, истёртая до дыр,
Афган, друзей погибших лица,
Шитьё по золоту погон...
Но перевёрнута страница —
Прощай, десантный батальон.

Свой путь я снова начинаю,
Коль так назначено судьбой.
Иду вперёд. Не заплутаю
И не стущуюсь пред бедой:
Святая Русь — мой символ веры,
Хоть сам я — грешный и простой,
Произведённый в офицеры
Отчизны честный рядовой.

*Москва,
1996 год*

В начале нашего повествования неоднократно говорилось о том, что во многих «независимых» источниках особое внимание уделяется акцентированию якобы имевших в ходе штурма Тадж-Бека огромных потерь, понесённых штурмующей стороной от своих же военнослужащих. Причиной чего, как правило, называлось наше отечественное разгильдяйство. Но ведение любого ночного боя, в том числе и с точки зрения действующих в то время боевых уставов, характеризуется неясностью обстановки, а также рядом других сложных обстоятельств. Это реалии, от которых никуда не деться.

Понятно, что любой военный руководитель при оценке возможностей выполнения стоящей перед ним боевой задачи в «особых условиях» и предполагаемых потерь вынужден все эти реалии класть на чашу весов и выбирать наименьшее зло. Однако такая же, если не худшая, «особая» ситуация в ходе событий 27 декабря 1979 года в Кабуле существовала для защитников дворца Х. Амина, а также других столичных объектов. В таких условиях шансы на успех меньших, но более дерзких, решительных и организованных советских сил повышались значительно.

1. Боевое столкновение после штурма

Конечно, если бы операция «Шторм-333» и сопутствующие ей другие частные операции проводились днём, потерь от огня собственных войск было бы значительно меньше. Но, несомненно, число жертв было бы в несколько раз больше, но уже от самого противника, который в дневное время имел больше возможностей соорганизоваться, воспользоваться явным численным перевесом, другими вполне осязаемыми преимуществами. Исходя из этого, получается, что принятое решение на проведение государственного переворота ночью, в предвыходной день было правильным. Правильным с точки зрения минимизации потерь. Поэтому вряд ли здесь стоит разбираться в чьём-то умышленном или неумышленном ротозействе и так далее. Важно другое – понять эти

особые объективные обстоятельства той неясной обстановки, которая действительно имела место в ходе штурма дворца Х. Амина.

В реалиях 27-28 декабря 1979 года ситуаций, вызванных неясностью обстановки, было достаточно много. Чтобы разобраться в некоторых из них, рассмотрим мнения тех, кто принимал участие в организации и проведении операции «Шторм-333», а также сумел взглянуть на эти события наиболее объективно и обстоятельно. Думается, что, исходя из этого, будет более понятно, какие проблемы были у бойцов формирований госбезопасности, спецназовцев «мусульманского» батальона и советских десантников в ходе штурма дворца Таж-Бек.

Так, в книге А.А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана» приводится следующая точка зрения: «Вполне вероятно, что кое-кто из наших соотечественников пострадал и от своих же: в темноте личный состав «мусульманского» батальона и спецгруппы КГБ узнавали друг друга по белым повязкам на рукавах и... мату. Но ведь все были одеты в афганскую военную форму, а вести стрельбу и бросать гранаты приходилось часто с приличного расстояния. Попробуй уследить ночью, в темноте, в такой неразберихе – у кого на рукаве повязка, а у кого её нет?!»¹. Здесь же напомним, что Александр Антонович о каком либо боевом столкновении между самими участниками штурма дворца Х. Амина ничего не сообщал.

В свою очередь генерал-майор В.В. Колесник о перестрелках между комитетчиками и «мусбатовцами» в ходе проведения «Штурма» также ничего не писал. Ничего не говорил он и о столкновении советских десантников с бойцами 154-го ооСпН, о жертвах этой скоротечной стычки. Впрочем, описывал Василий Васильевич другой случай из череды тех событий. В этой связи предоставим ему слово: «Вечером следующего после штурма дня всех руководителей операции чуть не уложил пулемётной очередью советский солдат. Возвращаясь на аминовском «Мерседесе» с банкета, посвящённого успешному завершению операции, мы были обстреляны недалеко от здания Генштаба, которое охраняли десантники.

---

¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 151.

Первым заметил странные вспышки на асфальте и сообразил, что они означают, О.У. Швец. Он выскочил из машины и покрыл часового отборным матом. Это было лучше, чем пароль.

Вызвали начальника караула. Появившийся лейтенант для начала получил от Швеца в ухо, а лишь потом выслушал порядок применения оружия часовым на посту. Мы подошли к машине, в капоте которой зияло несколько пулемётных отверстий. Немного выше, и ни меня, ни Эвальда Козлова в живых бы точно не было. Юрий Иванович Дроздов подошёл к лейтенанту и негромко сказал: «Спасибо тебе, сынок, за то, что ты своего солдата стрелять не научил»¹. Генерал-майор Ю.И. Дроздов также вспоминал об этом инциденте, но, как и В.В. Колесник, ничего не писал о потерях среди личного состава «мусульманского» батальона и отрядов спецназа КГБ СССР, имевших место 28 декабря 1979 года. Но было ли исчерпано число убитых и раненых советской стороны исключительно штурмом дворца Х. Амина?..

Как писал А.А. Ляховский: «Спецназовцы утром разружили остатки бригады... Однако и здесь не обошлось без потерь. В частности, когда на здании штаба бригады охраны появился белый флаг, то из подъехавшего к нему БМП выскочили замполит роты и двое солдат (хотя было указание их машин не выходить). С крыши глинобитного строения, где размещалась личная охрана Х. Амина, раздалась пулемётная очередь, и все трое погибли»². Впрочем, во втором издании этой книги Александр Антонович число погибших советских военнослужащих в ходе этого происшествия понизил до одного солдата³.

Тогда же произошло и следующее, как вспоминал Р.Т. Турсункулов: «Вместе с командиром батальона майором Холбаевым в сопровождении пяти солдат с целью проверки мы подошли к караульному помещению, но внезапно оттуда раздали выстрелы. Мы залегли. Я бросил две гранаты в окно караульного помещения, затем, выбив дверь и стреляя

1 Колесник В.В. Как был взят дворец Амина. В указ. книге. – С. 111.

2 Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 153.

3 Ляховский А.А. Указ. соч. – С. 310.

из автоматов, мы ворвались вовнутрь. Несколько афганских солдат было убито, несколько взято в плен»¹. Таким образом, и после захвата здания дворца Х. Амина «мусульманский» батальон продолжал вести локальные боевые столкновения на некоторых участках сопротивления сил охраны и обороны резиденции главы ДРА. Это в частности касается боя с остатками третьего мотопехотного батальона аминовской бригады гвардии, взятия её штаба и караульного помещения. Понятно, что потери, понесённые 28 декабря, не вошли в общее число спецназовцев ГРУ, раненных и погибших при штурме дворца Х. Амина. Однако они были. И, судя по сообщению бывшего начальника политотдела 15-й обрСпН полковника О.В. Кривопалова, павшим тогда солдатом-«мусбатовцем» следует полагать рядового Расульметова.

В 2000 году в Москве была издана шестая книга «О павших в Афганистане», посвящённая памяти воинов Южно-Казахстанской области. В помещённом здесь коротком очерке о рядовом Курмантае Мурадовиче Расульметове (1959–1979 гг.) имелась следующая информация: «Они были первыми. Подразделение, где служил Курмантай, высадилось в Афганистане на аэродроме Баграм 12 декабря 1979 года. Две недели они занимались охраной этого важного военного объекта, а 27 декабря в составе отряда особого назначения (так написано в тексте. – *Примеч. В.К.*) рядовой Расульметов прибыл в Кабул. «Назначение» отряда стало известно только по прибытии его в афганскую столицу. Вместе со спецназовцами КГБ из групп «Зенит» и «Гром» им предстояло штурмовать дворец Хафизуллы Амина... Защитники дворца были прикрыты толстыми крепкими стенами с пуленепробиваемыми стёклами, от которых отскакивали даже снаряды зенитных установок «Шилка», а нападающие были открыты, если не считать нескольких подбитых БМП, за которыми они укрывались от вражеских пуль...

Несмотря на сильнейший огонь (по ожесточённости стрельбы этот короткий бой, возможно, не имел себе равных за всю историю афганской войны), на ранения и контузии, спецназовцы и десантники сделали невозможное... После этого ночного боя были и другие задачи. На следующий день

---

1 Там же.

БТР, в котором ехал рядовой Расульметов, попал в прицел душманской пушки, грохнул выстрел и бронированная машина стала братской могилой для Курмантая и его товарищей»¹.

Что можно сказать по этому поводу? На первый взгляд, описанная здесь история уничтожения от «душманской пушки» советского бронетранспортёра из состава 154-го ооСпН и гибели его экипажа совершенно не вписывалась в общую картину событий 28 декабря 1979 года. В последующем эти сомнения обрели большую уверенность при изучении девятого тома книги Памяти (1979–1989 гг.)², где были опубликованы имена всех (!?) казахстанских спецназовцев, погибших в Афганистане. Фамилии рядового К.М. Расульметова там не значилось.

Однако пришло письмо от О.В. Кривопалова, которое в значительной мере развеяло сомнения на этот счёт: действительно, стрелок «мусульманского» батальона рядовой Расульметов погиб в бою 28 декабря 1979 года. Вместе с тем в шестой «Книге Памяти» имелись некоторые сомнительные сведения, которые вовсе не были развеяны сообщением Олега Владимировича. Речь идёт и о погибшем экипаже, ведь «бронированная машина стала братской могилой для Курмантая и его... товарищей», и о том, что произошла эта трагедия по вине некоей «душманской пушки».

Относительно других «погибших» вместе с рядовым К.М. Расульметовым бойцах «мусбата», по большому счёту, ясность есть, точнее, есть чёткая уверенность в отсутствии таковых потерь. Однако в связи с конкретными обстоятельствами гибели этого советского военнослужащего и в частности роли в этом «душманской пушки» вопросы остаются. При этом в последнее обстоятельство верится с большим трудом. Однако не исключено, что к этому может иметь отношение другой инцидент, произошедший тем же утром, о котором впоследствии так рассказал бывший «зенитовец» В.Н. Курилов: «Под утро к нашим казармам у

1 О павших в Афганистане: Книга памяти. – кн. 6-я (Южно-Казахстанская обл.). Под общей редакцией А.И. Барта. – М.: Раритет, 2000. С. 17.

2 В часть не вернулся: Военно-историческое издание. Том 9 (Республика Казахстан). Под общей редакцией С.В. Баленко. – М.: Раритет, 2000.

дворца подкатили бронемашины наших десантников, которые пару часов тому назад приземлились в Кабульском аэропорту. Увидев издали грязные, неухоженные БТРы с белыми тряпками на антеннах, одетых в афганскую форму людей с оружием, десантники открыли огонь на поражение из всех имеющихся у них в наличии видов оружия. В щепки разлетелся стоящий на взгорке БТР «мусульманского» батальона, наповал был убит батальонный повар Алишер... Было убито ещё несколько человек...

Вот-вот, и началась бы просто мясорубка: возбуждённые бойцы уже повоевавшего «мусульманского» батальона хватались за оружие... Однако до боя со своими, слава Богу, дело не дошло. Когда недоразумение стало всем ясным, и дело дошло до выяснения отношений, старлей десантник долго извинялся и объяснял, что у него не было ни позывных «мусульманского» батальона, ни даже карты города. В аэропорту его командир дал ему нарисованную от руки схему движения, дал задание: оказать поддержку нашим бойцам, которые штурмуют дворец. Бойцов в нашей форме он не видел, а по появлявшимся в поле зрения афганским солдатам открыл огонь на поражение. Он решил, что афганцы всех наших уже перебили»¹.

Впрочем, приведённое здесь происшествие В.Н. Курилов описывает не как очевидец, а как человек, получивший эти сведения от вторых или даже третьих лиц. Ведь сам Валерий Николаевич ко времени данных событий находился в поликлинике советского посольства, где ему оказывалась медицинская помощь. В этой связи любопытная информация имелась в статье В. Шарипова и П. Лёгкого: «Однако не обошлось, увы, без стрельбы по своим... В уже захваченном спецназом Тадж-Беке и около здания штаба бригады только что вошедшие в Кабул и ничего не знавшие об операции «Шторм» витебские десантники вступили в бой с... «мусбатов». Подвела афганская форма последних. Были потери с обеих сторон.

В одном месте они из БМД влупили по нашему БТРу. Пока разобрались, кто свои, кто чужие... Слава Богу, никто не погиб... Нас, раненых (во время штурма дворца Тадж-Бек. – *Примеч. В.К.*), повезли в посольство. Вдруг – стрельба впереди. И русский мат-перемат. Мы выглянули, а это нас витебские десантники остановили. Решили, что мы

¹ Курилов В.Н. Мы были первыми. – «Вымпел». 1999, № 3/11. С. 298-299.

афганцы, и давай нас в плен брать. Мы их спрашиваем: «Вы куда направляетесь?» А они в ответ: «Едем дворец Амина брать!» Оказывается, ни о «мусбате», ни об «Альфе» они ничего не знали...»¹

Исходя из этого, получается так, что, говоря о боевом столкновении десантников 103-й (Витебской) гв. ввд с бойцами «мусульманского» батальона, В.С. Шарипов, с одной стороны, подтверждал, что таковое в действительности имело место, ведь «были потери с обеих сторон». С другой стороны, он же заявлял, что «слава Богу, никто не погиб...» Возможно, первое утверждение Владимира Шарипова (по поводу потерь) относится только к последствиям стрельбы витебских десантников по бронетранспортёру и (или) к раненым из числа бойцов «мусульманского» батальона и самих десантников, а корреспондент П. Лёгкий не совсем чётко выразил данную мысль. Впрочем, конечно, всё могло быть и по-другому.

Вместе с тем сам В.С. Шарипов не конкретизировал и не персонифицировал эти «потери с обеих сторон», не говорили об этом руководители операции «Шторм-333», другие участники кабульских событий 27-28 декабря 1989 года. О погибших (?..) во время данного инцидента советских десантниках на день сегодняшней также достоверных сведений не имеется, а эти сообщения, несомненно, были бы, когда б такие трагические последствия имели место в действительности. При этом мы определённо знаем об одном военнослужащем 154-го ооспН, павшем в бою 28 декабря 1979 года, и нам известны две взаимоисключающие версии его гибели (А.А. Ляховского и А.И. Барта). Впрочем, третья версия вытекает из воспоминаний В.Н. Курилова и В.С. Шарипова. Более точных сведений на этот счёт в нашем распоряжении не имеется.

Таким образом, судя по ряду публикаций, вполне заслуживающих доверия, известно, что действительно утром 28 декабря 1989 года, уже после взятия Тадж-Бека, боестолкновение между бойцами «мусбата» и десантниками из состава 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии было, хотя и подлинно не известны реальные последствия этого происшествия. Во всяком случае, говорить здесь о каких-либо катастрофических результатах, братоубийственной бойне

1 Шарипов В., Лёгкий П. Операция «Шторм». – В указанной книге. С. 128.

не приходится. Но почему всё-таки это стало возможным? По этому поводу попытаемся высказать некоторые предположения, которые в основном можно свести к трём тезисам:

Во-первых, вполне вероятно, что в данном случае речь идёт о типичной неразберихе и несогласованности, когда правая рука порой не знает, что творит левая. Однако это, пожалуй, было бы самым простым «списанием» данного происшествия на русское «авось».

Во-вторых, случившееся вполне объясняется плотной занавесой сверхсекретности, окружавшей всё прямо или косвенно связанное с организацией и проведением операции «Штурм-333». Ведь, как это оказалось на деле, о планируемых ГРУ ГШ и КГБ СССР «мероприятиях» не знали даже высокопоставленные чины из посольства Советского Союза, включая посла Ф.А. Табеева. Не знали об этом многие видные руководители аппарата советников (например, тот же генерал-майор С.П. Тутушкин), а также специалисты (в частности военные врачи А.В. Алексеев и В.П. Кузнеценков). В свою очередь до исполнителей, задействованных в ходе операции, доводилась только та часть информации, которая непосредственно их касалась.

В-третьих, резонно можно было бы говорить и о том, что первое и второе предположения на практике сочетались как между собой, так и со всем комплексом других причин из данного ряда. К их числу можно отнести отсутствие чёткой радиосвязи, недоведение до сведения всех командиров среднего и старшего звена системы позывных и рабочих частот для радиообмена, несвоевременную доставку достаточного количества необходимых топографических карт местности.

Сюда также следовало бы добавить наличие большого потока десантируемых войск, незнание командирами подразделений районов их боевого применения в связи с невозможностью проведения значительного числа рекогносцировок. Наконец, действительно личный состав «мусульманского» батальона, а также бойцы подразделений КГБ «Гром» и «Зенит» были одеты в афганскую военную форму. А белые нарукавные повязки, ставшие к тому времени чёрными, и такие же тряпки на антеннах бронеобъектов «мусбата» мало о чём говорили витебским десантникам. Всё это, конечно, так. Однако попытаемся высказать и другую гипотезу, которая весьма существенно отличается от предыдущих версий случившегося.

Дело в том, что в действительности перед десантниками из витебской дивизии, вполне очевидно, была поставлена боевая задача «продублировать» взятие дворца Тадж-Бек и ликвидацию афганского диктатора Х. Амина. В подтверждение этому служат некоторые высказывания участников событий, что в случае отсутствия доклада о выполнении «главной задачи» по истечении сорока пяти минут или, возможно, часа после команды «Шторм-333» по дворцу советской артиллерией должен был наноситься мощнейший налёт. Ведь получал же майор Я.Ф. Семёнов команду на отход из здания дворца, которую ему в последующем отменили...

В этой ситуации, как один из вариантов дальнейшего развития событий, мог быть и массированный ракетный и бомбоштурмовой удар, наносимый по Тадж-Беку авиацией в случае возможной неудачи спецназа ГРУ и КГБ. Таким образом, достигалась «страховка» не только двойная, но и тройная, если не четверная. Впрочем, на сегодняшний день это только предположение.

2. Некоторые персоналии из «Зенита и «Грома»

Военный журналист Виктор Верстаков в последующем напишет:

Горит звезда над городом Кабулом,
Горит звезда прощальная моя.
Как я хотел, чтоб Родина вздохнула,
Когда на снег упал в атаке я.

И я лежу, смотрю, как остывает
Над минаретом синяя звезда.
Кого-то помнят или забывают,
А нас и знать не будут никогда.

Без документов, без имён, без наций
Лежим вокруг сожжённого дворца.
Горит звезда, пора навек прощаться,
Разлука тоже будет без конца...

Нет никаких сомнений, что эти поэтические строки посвящены именно штурму дворца Тадж-Бек: здесь довольно чётко подмечены моменты – «А нас и знать не будут никогда», «Без документов, без имён, без наций...» Тем не менее относительно имён и наций автор несколько ошибся. Ведь, если при изучении всего массива публикаций, посвящённых этим трагическим событиям, пользоваться контент-аналитической методикой, о фамилиях, по крайней мере, чекистов-участников штурма дворца Х. Амина, можно сказать довольно много. При этом немало можно узнать и о том, где они во время боя находились, в состав каких боевых подгрупп входили, при каких обстоятельствах получили ранения, чем были награждены и т.д. И это (ещё раз подчеркнём) только из анализа открытых источников информации.

Так что же в этой связи можно сказать относительно персонального состава штурмовой группы отряда спецназа КГБ «Гром», число бойцов которой, участвовавших в штурме здания дворца Х. Амина, было порядка двадцати трёх человек?.. Предоставим вниманию читателя следующий список действующих лиц из этого внеструктурного формирования госбезопасности, которые в основном являлись и офицерами штатной группы специального назначения «А» Седьмого управления КГБ СССР:

1. Романов Михаил Михайлович был заместителем командира группы специального назначения КГБ СССР «А» (штатная должность), командиром штурмовой группы отряда «Гром», майором. Во время выдвижения к Тадж-Беку в БМП третьей роты СпН «мусульманского» батальона, где он находился, вместе с офицерами его группы были четверо солдат 154-го ооСпН. Во время штурма дворца Х. Амина сам Романов получил тяжёлую контузию. Представлялся к званию Героя Советского Союза, но был награждён орденом Ленина.

2. Анисимов Виктор Иванович, мастер спорта СССР по самбо и дзюдо. Входил в состав подгруппы С.А. Голова. Был ранен, но из боя не вышел. Во время «Шторма» в числе первой смешанной группы офицеров КГБ с боем прорвался на второй этаж Тадж-Бека. Был награждён орденом Красной Звезды.

3. Баев А.И. (Алексей) первоначально (по крайней мере, до 14 декабря) участвовал в обеспечении безопасности группы афганских оппозиционеров на аэродроме Баграм.

В последующем штурмовал здание дворца Тадж-Бек. Был пулемётчиком в боевой подгруппе О.А. Балашова. В ходе операции получил несколько ранений, в том числе в шею. Награждён орденом Красной Звезды.

4. **Балашов О.А.** (Олег) командовал отделением группы «А» (штатная должность), был командиром первой подгруппы «Грома» и выдвигался к зданию дворца на первой БМП. Во время штурма здания Тадж-Бека получил ранение. При этом у него в нескольких местах был пробит бронежилет, а его защитный шлем вынес три пулевых попадания от автоматического оружия противника (одно – прямое в триплекс, два – в верхнюю полусферу шлема). Пробился к зданию дворца Х. Амина, но в последующем был госпитализирован. Награждён орденом Красной Звезды.

5. **Берлёв Н.В.** (Николай) по прозвищу Дед имел звание майора. До операции «Шторм» несколько раз встречался с Хафизуллой Амином и при необходимости мог его лично опознать. При выдвигании к Тадж-Беку находился в БМП № 36 третьей роты 154-го ооСпН. Входил в состав подгруппы В.Ф. Карпухина. Действовал на первом и втором этажах здания дворца. Награждён орденом Красного Знамени.

6. **Голов Сергей Александрович**, мастер спорта по самбо и кандидат в мастера спорта по спортивному туризму. Имеет медицинское, физкультурное и чекистское образование. Командовал третьей подгруппой «Грома», лично вёл огонь из ручного пулемёта. Во время штурма дворца Х. Амина поднимал спецназовцев в атаку, в здание проник через пролом в стене. Участвовал в ликвидации узла связи. В числе первой смешанной группы офицеров КГБ с боем прорвался на второй этаж Тадж-Бека. Получил девять пулевых и осколочных ранений. Оказывал первую медицинскую помощь раненым. Представлялся к званию Героя Советского Союза, но был награждён орденом Ленина.

7. **Гришин В.П.** во время выдвигания к Тадж-Беку находился в БМП № 36 третьей роты «мусульманского» батальона. Входил в состав подгруппы В.Ф. Карпухина. В числе второй смешанной группы офицеров КГБ провалился на второй этаж Тадж-Бека. Был награждён орденом Красной Звезды.

8. **Гуменный Л.В.** активно участвовал в захвате здания дворца Х. Амина. Входил в состав подгруппы С.А. Голова в качестве его заместителя. Награждён орденом Красного Знамени.

9. Емышев Валерий Петрович во время описываемых событий имел звание майора. Активный участник штурма дворца Х. Амина, возглавлял вторую подгруппу «Грома». Первым вместе с А.А. Якушевым прорвался к центральному входу в Тадж-Бек. В ходе боя был тяжело ранен, впоследствии ему ампутировали руку. Награждён орденом Красного Знамени.

10. Зудин Геннадий Егорович активный участник штурма дворца Х. Амина. Входил в состав подгруппы С.А. Голова в качестве его заместителя. Погиб на подступах к зданию Тадж-Бека (был ранен, попал под гусеницы БМП). Награждён орденом Красного Знамени (посмертно).

11. Карпухин Виктор Фёдорович был капитаном. При выдвижении к Тадж-Беку находился в БМП № 36 третьей роты «мусульманского» батальона. Его машина была третьей в колонне, но первой подошла к зданию дворца. Командовал отделением группы «А» (штатная должность) и четвёртой подгруппой спецотряда «Гром». В числе первой смешанной группы офицеров КГБ поднялся на второй этаж здания дворца. Герой Советского Союза.

12. Коломеец С.Г. (Сергей) во время выдвижения к Тадж-Беку находился в БМП № 36 третьей роты «мусульманского» батальона. Входил в состав подгруппы В.Ф. Карпухина. Участвовал в захвате здания дворца Х. Амина. Был ранен в грудь. Награждён орденом Красной Звезды.

13. Кувылин С.В. (Сергей) во время выдвижения к дворцу Х. Амина находился в БМП вместе с полковником Г.И. Бояриновым. Входил в боевую подгруппу В.П. Емышева. В здание проник через пролом в стене. Участвовал в подрыве узла радиотелефонной связи Тадж-Бека. В ходе боя был ранен в ногу (стопу отдала БМП). Награждён орденом Красного Знамени.

14. Кузнецов Г.А. (Геннадий) участвовал в штурме здания дворца Тадж-Бек. Входил в боевую подгруппу В.П. Емышева. В ходе боя был ранен в ногу. Награждён орденом Красного Знамени.

15. Мазаев Е.П. участвовал в захвате здания дворца Х. Амина. Находился в БМП вместе с командиром штурмовой группы «Грома» М.М. Романовым. Был задействован на обеспечении безопасности А. Сарвари. Награждён орденом Красной Звезды.

16. **Плюснин А.Н.** (Александр) при выдвижении к Тадж-Беку находился в БМП № 36 третьей роты 154-го ооСпН. Входил в состав подгруппы В.Ф. Карпукшина. В ходе захвата здания дворца Х. Амина в числе первой смешанной группы офицеров КГБ с боем поднялся на второй этаж Тадж-Бека. Возможно, в результате разрыва гранаты, брошенной им, погиб Х. Амин. Награждён орденом Красного Знамени.

17. **Репин А.Г.** (Александр) участвовал в штурме здания дворца Тадж-Бек. Находился в БМП вместе с командиром штурмовой группы «Грома» М.М. Романовым. В частности был задействован на обеспечении безопасности А. Сарвари и реализации других задач. Награждён орденом Красного Знамени.

18. **Соболев М.В.** (Михаил) был в числе участников штурма здания дворца Х. Амина. Входил в состав подгруппы С.А. Голова. С боем поднялся на второй этаж Тадж-Бека. Награждён орденом Красного Знамени.

19. **Толстиков Глеб Борисович** участвовал в штурме здания дворца Х. Амина. Находился в БМП вместе с командиром штурмовой группы «Грома» М.М. Романовым. Очевидно, руководил действиями четырёх солдат «мусбата», следовавших к Тадж-Беку в одной с ним боевой машине пехоты, либо опеспечивал взаимодействие с командирами групп спецназа ГРУ ГШ (В.С. Шариповым и Р.Т. Турсункуловым). Вне сомнений, его роль по руководству «азиатским батальоном» (воспоминания М.М. Романова) явно завышена.

20. **Федосеев В.М.** является активным участником штурма дворца Х. Амина. В первые минуты огневого контакта был контужен и ранен в ногу. Действовал в боевой подгруппе О.А. Балашова в качестве снайпера. Однако в силу полученных ранений огонь вёл, находясь в будке охраны перед Тадж-Беком. Награждён орденом Красного Знамени.

21. **Филимонов В.И.** был в числе активных участников штурма Тадж-Бека. Входил в состав подгруппы С.А. Голова. Был ранен, но из боя не вышел. С боем поднялся на второй этаж дворца Х. Амина. Награждён орденом Красного Знамени.

22. **Швачко Н.М.** (Николай) во время захвата дворца Х. Амина получил осколочное ранение в глазной зрачок. Был в боевой подгруппе О.А. Балашова. Награждён орденом Красного Знамени.

23. Якушев А.А. (Андрей) штатным сотрудником группы специального назначения «А» не являлся, а был офицером-переводчиком ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР. Имел воинское звание старшего лейтенанта, активный участник штурма Тадж-Бека. Входил в боевую подгруппу В.П. Емышева, вместе с которым первым прорвался к центральному входу в здание дворца Х. Амина. Погиб (от осколков ручной гранаты или от огня ЗСУ) во время попытки первым подняться на второй этаж здания. Посмертно был награждён орденом Красного Знамени.

Кроме этого во время одного из первых боестолкновений в ходе проведения операции «Шторм-333» (при захвате вкопанных перед Тадж-Беком афганских танков) погиб сотрудник группы специального назначения КГБ СССР «А» и офицер «Грома» капитан госбезопасности Дмитрий Волков, посмертно награждённый орденом Красного Знамени. Тогда он действовал в качестве снайпера совместно с другим сотрудником группы «А» П.Ф. Климовым (награждён орденом Красной Звезды) в группе захвата, которую возглавлял заместитель командира 154-го ооСпН капитан М.Т. Сахатов.

Здесь же заметим, как мог на это обратить внимание читатель, павший смертью храбрых старший лейтенант А.А. Якушев, по своей штатной должности не был офицером группы специального назначения «А» и Седьмого управления КГБ СССР. Он служил во внешней разведке комитета госбезопасности, то есть в ПГУ. Вместе с тем он входил в состав боевой подгруппы штурмовой группы спецотряда «Гром». И здесь уже не столь важно: «придавался» он «Грому», либо «поддерживал» его, или, как разведчик, помимо всего прочего выполнял свои специфические функции. Разумеется, не только военного переводчика. Таким образом, хотя бы это обстоятельство наталкивает нас на понимание того, что состав внеструктурной штурмовой группы «Грома» не был однозначно тождествен составу штатной группы специального назначения «А». Очевидно, в силу этих обстоятельств о старшем лейтенанте внешней разведки КГБ СССР Андрее Якушеве впоследствии не так уж часто вспоминали в «альфовских», «вымпеловских» и других изданиях. Впрочем, обычно такова судьба разведчика.

А теперь перед вами список офицеров штурмовой группы из спецотряда КГБ СССР «Зенит», участвовавших 27 декабря 1979 года в захвате здания дворца Х. Амина:

1. **Семёнов Яков Фёдорович** был штатным преподавателем тактики КУОС при Высшей школе КГБ СССР, майором. Во время захвата дворца Х. Амина командовал штурмовой группой спецотряда «Зенит». В числе первой штурмовой волны с боем поднялся на второй этаж Тадж-Бека. Представлялся к званию Героя Советского Союза, но был награждён орденом Красного Знамени.

2. **Агафонов А.С.** входил в штурмовую группу «Зенита» по взятию дворца Х. Амина. При выдвижении к зданию Тадж-Бека находился вместе с командиром группы Я.Ф. Семёновым в БТР № 112, то есть в первом бронетранспортёре взвода (группы) 154-го ооСПН лейтенанта Р.Т. Турсункулова. Входил в состав подгруппы А.А. Карелина. В ходе штурма обеспечивал безопасность С. Гулябзоя.

3. **Антонов В.В.** входил в штурмовую группу «Зенита». При выдвижении к зданию Тадж-Бека находился вместе с командиром группы спецотряда «Зенит» Я.Ф. Семёновым в БТР № 112. Входил в состав подгруппы А.А. Карелина. Во время штурма дворца Х. Амина был напарником А.С. Агафопова по обеспечению безопасности Саида Мохаммада Гулябзоя.

4. **Быковский В.С.** (Владимир) действовал в подгруппе В.З. Шиголева. В ходе штурма был ранен в ногу, однако вёл бой на втором и третьем этажах дворца Х. Амина. Особо отмечался командиром штурмовой группы майором Я.Ф. Семёновым. Награждён орденом Красного Знамени.

5. **Гулов Т.** во время захвата здания Тадж-Бека был в составе штурмовой группы «Зенита». Действовал в подгруппе Б.А. Суворова.

6. **Дроздов В.В.** был в составе штурмовой группы «Зенита» (подгруппа Б.А. Суворова). Особо отмечался командиром группы майором Я.Ф. Семёновым. Награждён орденом Красной Звезды.

7. **Захаров В.** при взятии дворца Х. Амина входил в штурмовую группу «Зенита». Был в составе подгруппы В.З. Шиголева.

8. **Иващенко А.Г.** (Александр) входил в штурмовую группу «Зенита» (подгруппа В.З. Шиголева). Действовал совместно

с полковником Г.И. Бояриновым. Участвовал в ликвидации узла связи. Награждён орденом Красной Звезды.

9. **Ильинский Ф.** (Фёдор) во время взятия здания дворца Х. Амина был в составе штурмовой группы «Зенита». Состоял в подгруппе В.П. Фатеева.

10. **Карелин А.А.** (Александр) руководил подгруппой штурмовой группы спецотряда «Зенит». В числе второй смешанной группы офицеров КГБ с боем поднялся на второй этаж Тадж-Бека. При выдвигении к дворцу находился на первом бронетранспортёре взвода (группы) лейтенанта Р.Т. Турсункулова. К его подгруппе был прикреплён афганский «революционер» С.М. Гулябзой. Награждён орденом Красной Звезды.

11. **Кимяев Н.** входил в штурмовую группу «Зенита». При выдвигении к зданию Тадж-Бека находился вместе с Я.Ф. Семёновым в БТР № 112. Входил в состав подгруппы А.А. Карелина.

12. **Курбанов Н.Х.** (Нури) был оперативным работником Таджикского республиканского управления КГБ СССР, старшим лейтенантом. Входил в штурмовую группу «Зенита» по взятию дворца Х. Амина и в состав подгруппы А.А. Карелина, вместе с которым с боем поднялся на второй этаж Тадж-Бека. Также исполнял функции военного переводчика.

13. **Колмаков А.** был в составе штурмовой группы «Зенита». Состоял в подгруппе Б.А. Суворова.

14. **Курилов В. Н.** являлся бойцом ещё первого состава спецотряда «Зенит». Тогда он участвовал в эвакуации афганских оппозиционных министров в Москву. Входил в штурмовую группу «Зенита-2» по взятию дворца Х. Амина (подгруппа В.З. Шиголева). Участвовал в штурме Тадж-Бека, был тяжело ранен. Награждён орденом Красной Звезды. Автор мемуаров «Мы были первыми».

15. **Лысоченко Ю.** во время захвата здания Тадж-Бека был в составе штурмовой группы «Зенита». Состоял в подгруппе В.П. Фатеева.

16. **Макаров В.** действовал в составе штурмовой группы «Зенита». Состоял в подгруппе В.П. Фатеева.

17. **Новиков А.** во время захвата здания дворца Х. Амина был в составе штурмовой группы «Зенита» (подгруппа Б.А. Суворова).

18. **Поддубный Владимир Алексеевич** из Харьковского территориального управления КГБ СССР, капитан.

Состоял в подгруппе Б.А. Суворова, после смертельного ранения которого принял на себя командование этим формированием. Одним из первых с боем поднялся на второй этаж дворца. Награждён орденом Красного Знамени.

19. **Пономарёв Б.** входил в штурмовую группу «Зенита». При выдвижении к зданию Тадж-Бека находился в БТР № 112. Входил в состав подгруппы В.З. Шиголева. Был награждён орденом Красной Звезды.

20. **Рязанов В.М.** (Владимир) из территориального управления КГБ СССР по Смоленской области. Состоял в подгруппе Б.А. Суворова. По мнению командира группы «зенитовцев» Я.Ф. Семёнова, особо отличился в ходе штурма дворца Х. Амина: получил сквозное ранение в бедро, сам сделал перевязку, из боя не вышел.

21. **Суворов Б.А.** (Борис) из Омского территориального управления КГБ СССР, находился во втором бронетранспортёре взвода (группы) лейтенанта Р.Т. Турсункулова и возглавлял вторую подгруппу штурмовой группы спецотряда «Зенит». Погиб на подступах к зданию Тадж-Бека: был смертельно ранен в живот. Награждён орденом Красного Знамени (посмертно).

22. **Фатеев В.П.** (Вячеслав) во время выдвижения к дворцу Х. Амина находился в третьем бронетранспортёре колонны группы (взвода) Р.Т. Турсункулова. Возглавлял третью штурмовую подгруппу спецотряда «Зенит». В ходе боя был контужен. Награждён орденом Красного Знамени.

23. **Цыбенко М.** во время взятия здания дворца Х. Амина был в составе штурмовой группы «Зенита». Состоял в подгруппе В.П. Фатеева.

24. **Чарыев У.** входил в штурмовую группу «Зенита» по взятию дворца Х. Амина. Действовал в составе подгруппы В.З. Шиголева.

25. **Чернухин С.А.** (по прозвищу Генерал Чернота) упоминался Валерием Куриловым среди бойцов «Зенита». Входил в штурмовую группу по взятию дворца Х. Амина. При выдвижении к зданию Тадж-Бека находился вместе с Я.Ф. Семёновым в БТР № 112.

26. **Чижов С.** во время взятия здания дворца Х. Амина был в составе штурмовой группы «Зенита». Состоял в подгруппе В.П. Фатеева.

27. Щиголов В.З. («интеллигентный Виталик из Ленинграда», как писал о нём В.Н. Курилов) из территориального управления КГБ СССР по Ленинграду и Ленинградской области, в ходе выдвижения к зданию дворца Х. Амина находился в четвёртом бронетранспортёре взвода (группы) лейтенанта Р. Турсункулова, который в последующем оказалась в колонне «Грома». Возглавлял четвёртую штурмовую подгруппу «Зенита».

Кроме того, во время захвата вкопанных перед Тадж-Бекком афганских танков в группе под командованием заместителя командира «мусбата» капитана М.Т. Сахатова действовали офицеры госбезопасности из спецотряда «Зенит» снайпер Цветков В.К., в последующем награждённый орденом Красного Знамени, и Ерохов Ф.Ф., заслуги которого были отмечены орденом Красной Звезды.

Как мог обратить внимание внимательный читатель, в приведённые ранее списки офицеров госбезопасности не были включены начальник курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС) при Высшей Краснознамённой школе КГБ СССР полковник Г.И. Бояринов и старший офицер Первого Главка КГБ СССР капитан второго ранга Э.Г. Козлов. Формально они не входили в состав «Грома» и «Зенита», однако их следует полагать общими или, точнее, непосредственными руководителями штурмовых групп госбезопасности:

1. Бояринов Григорий Иванович во время выдвижения к дворцу Х. Амина находился с офицерами спецгруппы «Грома» (БМП подгруппы В.П. Емышева). С боем пробился к помещению связистов главы ДРА и произвёл подрыв радио и телефонного оборудования Тадж-Бека. Лично призвал солдат и офицеров 154-го ооспН, имевших ранее задачу на ведение огня по окружности дворца, подойти на помощь «Грому» и «Зениту». В ходе «Шторма» погиб. Герой Советского Союза.

2. Козлов Эвальд Григорьевич являлся капитаном второго ранга, хотя в обиходе его называли подполковником. При следовании к Тадж-Беку был в боевых порядках «Грома», в БМП командира группы М.М. Романова, где также находился афганский оппозиционер А. Сарвари. Во время штурма был ранен в ногу. После гибели полковника Г.И. Бояринова взял на себя руководство проведением операции в здании

Тадж-Бека. Одним из первых с боем поднялся на второй этаж дворца Х. Амина. Герой Советского Союза.

Среди «зенитовцев», имевших прямое отношение к штурму дворца Х. Амина, офицер госбезопасности Валерий Николаевич Курилов также называл «Алишера из Азербайджана», «немногословного Николая из Мордовии», «Борю из Воронежа», «хозяйственного Усмана – добродушного, начинающего полнеть опера из Туркмении», «несколько человек из ПГУ со знанием персидского языка» и в частности москвича Александра Звезденкова. Кроме этого в различных публикациях упоминался полковник Голубев Александр Титович, возглавлявший афганское направление Управления «К» (внешняя контрразведка) ПГУ КГБ СССР. Во время пребывания «Зенита» в Баграме он руководил «группой инженерно-технической поддержки» 154-го ооСпН, а при размещении чекистов в Кабуле (в расположении «мусбата») его называли «старшим штурмовой группы». Однако более конкретные сведения о его личном участии в этих событиях отсутствуют.

3. Некоторые персоналии из «мусульманского» батальона

На страницах книги генерала медицинской службы В.В. Пасько «Ночь забытых песен» присутствует следующая точка зрения: «Многие, особенно офицеры, попавшие служить в Афганистан, узнали, что ещё до начала вторжения в эту страну туда были переброшены несколько советских формирований специального назначения различных, как сейчас модно говорить, «силовых» ведомств. Их названия слышали многие потом, особенно «Каскад» и «Зенит». Были и другие, но о тех говорилось меньше. Они были укомплектованы отборным или, как сейчас любят говорить, элитным контингентом. Эти-то отряды и сыграли роль советской «пятой колонны» во время вторжения, чем в значительной мере обусловили его успех»¹. В этой связи следует напомнить, что указанная книга В.В. Пасько увидела свет в 1999 году и была

---

¹ Пасько В.В. Указ. соч. – С. 14.

посвящена десятилетию со дня вывода советских войск из Афганистана.

Однако и по прошествии столь значительного времени автор, взявший на себя труд описать начало афганского похода советской армии, допускает весьма досадные неточности, указывая среди советской «пятой колонны» присутствие отряда специального (особого) назначения ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР «Каскад». Дело в том, что этот отряд был создан, сформирован и введён в Афганистан решением руководства Комитета госбезопасности только в 1980 году. Поэтому советской «пятой колонной» 27 декабря 1979 года он стать попросту не мог.

Относительно терминов, которые в данном случае употребил генерал В.В. Пасько, мы дискутировать не будем. Однако заметим, что их упоминание в приведённом контексте далеко не бесспорно. К сожалению, автор допустил оплошности и в ряде других описываемых им случаях. Например, что в отряде спецназа «Зенит» большинство личного состава было «военнослужащими срочной службы, по восемнадцать – двадцать лет от роду»¹. Но в отношении формирования спецназа госбезопасности («Зенит» и «Гром») данное заявление уважаемого доктора, мягко говоря, не выдерживает критики. Ведь эти отряды спецназа комплектовались в своей основе за счёт привлечения кадровых офицеров-оперативников, проходивших действительную службу в территориальных органах Комитета государственной безопасности, штатных сотрудников Седьмого управления КГБ СССР, в состав которого входила группа «А», а также (частично) Первого главного управления этого ведомства. Однако нечто подобное вполне можно было бы сказать о солдатах и сержантах-срочниках из 154-го отряда спецназа ГРУ ГШ. О чём ранее в нашем повествовании уже была речь. Также упоминалось и о том, что штатная численность «мусбата» была 538 человек.

В воспоминаниях руководителей и ряда других участников операции по штурму дворца Тадж-Бек назывались имена отдельных солдат, сержантов и офицеров 154-го ооСПН. Некоторые из них ранее были упомянуты. Если попытаться воспроизвести их вновь в контексте организационно-штатной

---

1 Там же. – С. 20.

структуры «мусульманского» батальона, тогда перед нами предстаёт следующая картина:

– управление «мусульманского» батальона: командир 154-го ооСпН – майор Хабиб или Хабибджан Таджибаевич Холбаев. Заместитель комбата – капитан Мурад Таймасович или, на славянский манер, Михаил Сахатов («туркмен по национальности»). Заместитель командира «мусбата» по политической части – капитан Анвар Саттаров, в отношении которого бывший начальник политотдела 15-й обрСпН полковник О.В. Кривопапов писал: «Это был голубоглазый блондин, совсем не похожий на татарина. В ходе штурма он находился среди штурмующих подразделений и получил ранение. Награждён орденом Красного Знамени. После возвращения в Союз назначен с повышением замполитом 163-го мсп 61-й учебной мсд в Ашхабаде, а позднее в Тадженте...» Заместителем командира отряда по технической части, как правило, полагают капитана Эдуарда Ибрагимова, звание которого порой «понижают» до старшего лейтенанта. Судя по ряду воспоминаний очевидцев, заместителем командира «мусбата» по тылу или по материально-техническому обеспечению (он же – начальник тыла части) был старший офицер, которого за глаза называли «дядей Жорой», что, очевидно, относится к майору Ашуру Джалилову. Кроме этого в управлении 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ были офицеры и прапорщики, занимавшие должности начальников инженерной и финансовой служб части, различных специалистов. Однако их воспоминания до настоящего времени не публиковались, а фамилии в печати не назывались;

– штаб «мусульманского» батальона: в разных источниках упоминалась фамилия начальника штаба 154-го ооСпН (по должности считался заместителем командира отряда. – *Примеч. В.К.*) Ашурова Абдул Касыма или Н. Ашурова, его обычно называли капитаном, реже – старшим лейтенантом. Начальником разведки «мусбата» был старший лейтенант А.Д. Джамолов. Имена других офицеров (заместитель начальника штаба, начальник связи, штатный военный переводчик, иные специалисты) и прапорщиков (начальник секретной части, специалисты связи и т.д.) гласности до сегодняшнего времени не предавались;

– партийно-политический аппарат «мусбата»: по сведениям бывшего начальника политотдела 15-й обрСпН полковника О.В. Кривоपालова, секретарём партийной организации батальона в этот период был старший лейтенант Анвар Ганиевич Рашидов (национальность – узбек), а комсоргом – лейтенант Хусан Аделович Зуфаров, ушедший позднее из отряда на повышение замполитом батальона 180-го мсп 108-й мсд;

– три разведывательные роты специального назначения: списочный состав каждой роты был порядка 120 человек. Командиром первой роты СпН являлся капитан или старший лейтенант Исмат Кудратов, второй роты – старший лейтенант Курбан Амангельдыев, а третьей – старший лейтенант Владимир Салимович или Семёнович Шарипов. Известно имя командира взвода (группы) первой роты СпН лейтенанта Р.Т. (Рустама или Рустамходжи) Турсункулова. Заместителем командира третьей роты СпН по политической части полковник О.В. Кривоपालов называет лейтенанта Рашида Абдуллаева, а среди командиров групп (взводов) этого подразделения – ещё одного лейтенанта Абдуллаева. Впрочем, не исключено, что в данном случае речь идет не об однофамильцах, а об одном и том же человеке.

Собирая по крупицам сведения о бойцах 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ ГШ, удалось установить имена некоторых солдат и сержантов, принимавших непосредственное участие в данных событиях. Среди них Джумаев из третьей роты СпН, а также погибшие 27 декабря 1979 года в ходе проведения операции «Шторм-333» командир отделения (БМП) младший сержант Миркасым Шербеков, механик-водитель БМП рядовой Сабирджон Хусанов, стрелки-гранатомётчики рядовые Ходжанепес Курбанов и Абдумулин Богодиров, стрелок рядовой Абдунаби Мамаджанов, радиотелеграфист Шокиржон Сулайманов. На следующий день (28 декабря) погиб стрелок рядовой Курмант Мурадович Расульметов, а 6 января 1980 года в результате неосторожного обращения с РПГ «Муха» – стрелок-санитар рядовой Зиябиддин Мадияров;

– рота вооружения («оружия») или рота огневой поддержки, она же – четвёртая рота «мусбата»: персоналии солдат, сержантов и прапорщиков из состава этого подразделения в

открытой печати не назывались. Судя по данным О.В. Криво-палова, командовал этим подразделением старший лейтенант Мирюсупов;

– отдельные группы боевой поддержки и боевого обеспечения, а именно: зенитно-артиллерийская группа на ЗСУ 23x4 «Шилка» и группа специальной радиосвязи. Командовал зенитчиками «мусульманского» батальона старший лейтенант Паутов (по публикациям В.В. Колесника), который по национальности был украинцем. Впрочем, В.С. Шарипов командира зенитно-артиллерийской группы 154-го ооСпН называет русским В.М. (Василием) Проутой, а полковник О.В. Кривоалов – В.М. Праутой. Эта последняя точка зрения на сегодняшний день представляется более достоверной. Другие имена и персоналии из списочного состава этих подразделений «мусбата» в печати не назывались, хотя в некоторых публикациях имеются утверждения о том, что все зенитчики ЗАГ были украинскими «мусульманами» (Р.Т. Турсункулов, В.И. Аблазов);

– отдельные взводы тыла (автомобильный или взвод подвоза, а также взвод материального обеспечения): имена и фамилии из состава этих подразделений 154-го ООСпН в открытой печати не назывались;

– батальонный медицинский пункт отряда: начальником медицинской службы «мусбата» (он же – начальник отрядного медицинского пункта) по одним данным (В.В. Пасько) был капитан медслужбы Сергей Ортынов, а по другим (А.А. Ляховский, О.В. Кривоалов), которые нам представляются более достоверными, – капитан медслужбы Ибрагимов. Кроме этого известно, что в штате БМП «мусульманского» батальона состояли хирург, врач-анестезиолог и другие специалисты.

Как это отмечалось ранее, при «мусульманском» батальоне находился представитель особого отдела (военная контрразведка) КГБ СССР старший лейтенант Мухаммаджан Байхамбаев. В ряде источников информации его также называли Михаилом Баханбаевым или М.Б. Байханбаевым. В ходе штурма здания Тадж-Бека он действовал вместе со штурмовой группой «мусульманского» батальона, возглавляемой старшим лейтенантом В.С. Шариповым.

Кроме этого к каждой роте 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба в качестве военных переводчиков были прикомандированы курсанты-стажёры Военного дважды Краснознамённого института МО СССР, их воспоминания и имена до сего дня в печати не публиковались.

Завершая данную главу, хотелось бы подчеркнуть, что, несомненно, определённую ясность в вопрос об организационно-штатной структуре, вооружении, технике, численности и некоторых персоналиях из 154-го ооСпН внесли руководивший проведением операции «Шторм-333» генерал-майор В.В. Колесник, бывшие командиры подразделений «мусбата» В.С. Шарипов и Р.Т. Турсункулов, а также полковник О.В. Кривопапов. Тем не менее, и это очевидно, ещё многое здесь предстоит выяснить, уточнить и дополнить. Так, в частности до сих пор мало что известно о действиях в ходе проведения штурма Тадж-Бека командира «мусульманского» батальона майора Х.Т. Холбаева, в силу чего порой создаётся превратное впечатление, что во время этих событий он, в лучшем случае, исполнял роль наблюдателя.

Также незначительная и довольно путаная информация имеется об участии в этих событиях штатных заместителей командира 154-го ооСпН (кроме капитана М.Т. Сахатова), а также подразделений «мусбата», задействованных при блокировании мотопехотных и танкового батальонов афганской бригады гвардии, «нейтрализации» зенитного полка, входившего в систему охраны и обороны Тадж-Бека.

Разумеется, в значительно большей мере и степени всё это относится к девятой парашютно-десантной роте 345-го гв. опдп под командованием гвардии старшего лейтенанта В.А. Востротина. Да, об участии в завершающем этапе афганского похода советской армии личного состава этого подразделения сегодня знает большинство наших сограждан, а также многие кинозрители далеко за пределами России, ведь именно этой 9-й роте посвящён одноимённый фильм Фёдора Бондарчука. Однако мало что известно о первом бое этого подразделения в ДРА, который, судя по некоторым оценкам, был не менее интенсивным и ожесточённым, чем представленный широкой киношной публике.

4. Награждение и шельмование

Как в последующем вспоминал генерал-майор Ю.И. Дроздов: «Я сел писать подробную шифровку в Москву (после завершения операции. – *Примеч. В.К.*). Она заняла несколько страниц. В ней были перечислены наиболее отличившиеся при штурме дворца Тадж-Бек сотрудники групп «Гром» и «Зенит», а также 10 офицеров и солдат «мусульманского» батальона. Это было моё предложение. Наградные же стали писать в Москве во второй половине января 1980 года»¹. Очевидно, из данных слов генерала Дроздова следует полагать, что несколько офицеров госбезопасности, а также десять «наиболее отличившихся» солдат и офицеров 154-го ооСпН им предлагалось наградить Золотыми Звёздами Героев Советского Союза. В свою очередь В.В. Колесник по этому поводу писал: «Начались проблемы с награждением участников операции. Меня обо всем информировал замполит. То сообщит, что меня представляют к ордену Ленина, то к Герою, в конечном итоге, указ был подписан двадцать восьмого апреля... Орденом Ленина наградили семь человек, в том числе Холбаева и Сахатова, хотя их я представлял к званию Героя Советского Союза... Всего же было награждено триста семьдесят человек»². Такая же информация имелась в шестом номере журнала «Братишка» за 2000 год.

В результате всех перипетий с представлениями за мужество, отвагу и героизм, проявленные в ходе осуществления операции «Шторм-333», Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года полковнику Василию Васильевичу Колеснику, капитану второго ранга Эвальду Григорьевичу Козлову и майору Виктору Фёдоровичу Карпухину были присвоены звания Героев Советского Союза. Полковник Григорий Иванович Бояринов, о чём говорилось несколько ранее, этой награды был удостоен посмертно, его семья на хранение была передана Золотая Звезда №1 1431.

1 Дроздов Ю.И. Шторм – 333. – Альманах «Вымпел», 1999, № 3. С. 66.

2 Колесник В.В. Как был взят дворец Амина. В указ. книге. – С. 113.

Информация к размышлению

Из личного дела

генерал-майора госбезопасности
Карпухина Виктора Фёдоровича

Родился в 1947 году в семье военнослужащего. Его отец был полковником-артиллеристом, участником советско-финской и Второй мировой войн, тридцать пять лет прослужившим в кадрах вооружённых сил. В 1965 году Карпухин-младший поступил в Ташкентское танковое командное училище, которое окончил с отличием. Избрал службу в Комитете государственной безопасности при СМ СССР и был направлен в Московское высшее пограничное командное училище имени Моссовета, где последовательно занимал должности курсового офицера и командира роты учебно-боевых машин. Принимал участие в обучении личного состава первого набора группы спецназначения «А» вождению различных видов бронетехники и стрельбе из вооружения, установленного на бронеемких объектах. В сентябре 1979 года был зачислен в состав группы «А» в качестве заместителя командира 4-го отделения.

В ДРА с 1979 года, активный участник штурма дворца Тадж-Бек. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года Карпухину Виктору Фёдоровичу присвоено звание Героя Советского Союза. В 1984 году он стал заместителем, а в ноябре 1988 года – командиром группы специального назначения КГБ СССР «А». В 1990 году ему было присвоено воинское звание генерал-майор. После московских событий августа 1991 года был незаслуженно отстранён от командования группой «А». 27 декабря 1991 года, в день годовщины штурма дворца Тадж-Бек, подал рапорт на увольнение из органов госбезопасности и был отставлен на пенсию.

В начале 1992 года назначен советником по безопасности президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. В последующем занимался предпринимательской и общественной деятельностью, создал крупное транспортное предприятие, возглавлял «Росфонд». Умер от сердечной недостаточности. «Гражданин РФ Карпухин Виктор Фёдорович, 55 лет, скончался

предположительно от ишемической болезни сердца», – такое заключение сделал врач скорой помощи железнодорожной станции Орша, прибывший в девятое купе пятого вагона поезда Минск–Москва в феврале 2003 года. Похоронен на Николо-Архангельском кладбище Москвы.

Из личного дела

контр-адмирала госбезопасности
Козлова Эвальда Григорьевича

После окончания высшего военно-морского училища проходил действительную военную службу в кадрах КГБ СССР, являясь офицером морских частей пограничных войск. В последующем направлен в ПГУ (внешняя разведка) КГБ СССР. В ДРА с 1979 года. Активный участник операции «Шторм-333» и штурма здания дворца Тадж-Бек. За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, указом президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года Козлову Эвальду Григорьевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. С августа 1981-го по май 1985 года капитан первого ранга Э.Г. Козлов был командиром группы специального назначения КГБ СССР «Вымпел» (Отдельного учебного центра КГБ СССР). Воинское звание – контр-адмирал. В настоящее время является ветераном органов государственной безопасности и Службы внешней разведки РФ. Проживает в Москве

В очередной раз, блеснув некомпетентностью, отметил по данному вопросу Дон Миллер (А.Е. Тарас): «Всех участников операции – живых и мёртвых – наградили орденом Красной Звезды»¹. Однако кроме четырёх звёзд Героев Советского Союза ещё орденами и медалями были награждены порядка 400 сотрудников Комитета государственной безопасности, около 300 офицеров и солдат 154-го отдельного отряда спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР, а также девятой парашюно-десантной роты 345-го гв. опдп.

Орденом Октябрьской революции был отмечен заместитель руководителя операции «Шторм-333» генерал-майор Юрий Иванович Дроздов. А другого заместителя

1 Миллер Д. (А.Е. Тарас). Указ. соч. – С. 359.

В.В. Колесника подполковника ГРУ ГШ Олега Ульяновича Швеца наградили орденом Красного Знамени. Из «мусульманского» батальона орденами Ленина наградили Х.Т. Холбаева, М.Т. Сахатова, В.С. Шарипова, Р.Т. Турсункулова, В.М. Праута, А.Д. Джамолова, также был отмечен и офицер особого отдела КГБ СССР при этой воинской части М.Б. Байханбаев. Около тридцати «мусульманам»-спецназовцам вручили ордена Красного Знамени, а шестидесяти – Красной Звезды. Ещё порядка двухсот из них были отмечены медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». Командир девятой парашютно-десантной роты 345-го гв. опдп гвардии старший лейтенант В.А. Востротин был удостоен ордена Красного Знамени.

Как об этом сообщал генерал-майор А.А. Ляховский, «за штурм дворца Амина» орденом Красного Знамени посмертно наградили и полковника медицинской службы В.П. Кузнеченкова. Правда, в изданной в 1991 году Лениздатом книге памяти «Помяни нас, Россия»¹ на этот счёт были приведены несколько иные данные...

Информация к размышлению

Из личного дела

полковника медицинской службы
Кузнеченкова Виктора Петровича

«Родился в 1936 году. После окончания четырёх классов средней школы поступил в Ленинградское суворовское военное училище, завершив учёбу в котором, стал слушателем Ленинградской военно-медицинской академии имени С.М. Кирова. Окончил академию и проходил действительную военную службу в качестве офицера Советской Армии. В Афганистане был главным терапевтом поликлиники советского посольства в Кабуле. Погиб при исполнении обязанностей военной службы 27 декабря 1979 года. За мужество и отвагу, проявленные при выполнении воинского долга, полковник медслужбы В.П. Кузнеченков награждён (посмертно) орденом Красной Звезды и медалью Республики Афганистан «Воину-интернационалисту от благодарного афганского народа».

1 Указ. соч. – Л.: Лениздат, 1991. С. 9.

Как вполне справедливо заметил генерал-майор А.А. Ляховский: «Они все (участники штурма. – *Примеч. В.К.*), выполняя приказ, рисковали жизнью (некоторые погибли или были ранены). Другое дело – ради чего? Ведь солдаты всегда являются пешками в чьей-то большой игре и сами войн никогда не начинают, но часто расплачиваются своими жизнями именно они»¹. Конечно, штурм дворца Тадж-Бек стал для многих спецназовцев кульминационным моментом всей их жизни: балансируя между жизнью и смертью, они достойно выполнили аккумулярованную в боевой приказ политической волю руководства своей страны. При этом они вовсе не были бездумными роботами, «профессиональными убийцами», как писал об этом Ст. Крофорд, а искренне верили в то, что на далёкой земле Афганистана им выпало право и честь свергнуть кровавую диктатуру Х. Амина и принести освобождение многострадальному братскому народу.

Конечно, помимо наград не обошлось и без шельмования. Из числа тех, кто находился «около» операции и в штурме дворца Тадж-Бек непосредственного участия не принимал, но при этом посчитал себя обойдённым в наградах и званиях, нашлись анонимщики и кляузники. Одним из них, по мнению полковника О.В. Кривопалова, был бывший парторг «мусульманского» батальона, являющийся ныне высокопоставленным генералом независимого Узбекистана. Впрочем, чему удивляться, если до сих пор в отдельных средствах массовой информации, художественных, публицистических и исторических изданиях слышатся отголоски тех, образца 1979-1980 года, доносов и злопыхательств.

...Однако упомянуто здесь о высоких наградах не только и не столько потому, что имеется какая-либо особая потребность показать, как прежде государство заботилось о своих солдатах и офицерах: этот тезис в данном случае весьма сомнителен. Однако у данной проблемы есть и определённый (особо важный) правовой аспект... Дело в том, что названным ранее нормативным актом (Указом Президиума Верховного Совета СССР) советское государство фактически узаконило действия спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР, иных воинских формирований и военных советников Советского Союза в

---

¹ Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 154-155.

ходе осуществления государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года. Из чего выходит так, что не только Президиум Верховного Совета СССР, но и Политбюро ЦК КПСС посредством этого совершенно секретного решения фактически признало своё руководящее и направляющее участие в данном «мероприятии».

При этом сам указ от 28 апреля 1980 года стал чуть ли не первым ныне известным решением высшего государственного органа Советского Союза по рассматриваемому нами вопросу. Решением, которое фактически документально подтверждает ряд весьма существенных и весомых обстоятельств. И, в частности, то, что действовали спецназовцы ГРУ Генштаба и КГБ СССР, штурмывая Тадж-Бек, свергая афганского диктатора, проливая свою и чужую кровь, не по собственной инициативе. Что за всем этим стоит воля первых лиц из руководства КПСС и Советского Союза.

5. Продолжение следует...

В январе 1980 года 154-й отдельный отряд специального назначения ГРУ Генштаба был выведен на территорию СССР. Его боевая техника и вооружение были переданы 40-й общевойсковой армии. То, что произошло после осуществления государственного переворота в Кабуле, более-менее известно. В этой связи приведём слова одного из офицеров «мусульманского» батальона: «Утром 28 декабря прозвучали последние выстрелы операции по ликвидации аминовского режима, в ходе которой спецназ, впервые появившийся в Афганистане, сказал своё веское слово. Никто из батальона не подозревал, что отгремевший ночной бой был лишь дебютом, после которого предстоит участие в сотнях операций, ещё более кровопролитных, чем эта, и что последний солдат спецназа покинет афганскую землю лишь в феврале восемьдесят девятого года»¹.

Осуществлённый в декабре 1979 года ввод воинских частей и соединений СССР в ДРА первоначально не предусматривал участия экспедиционного контингента советских войск

---

¹ Цит. по книге: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995. С. 152-153.

в Афганистане во всё усиливавшейся здесь гражданской войне. Кремлёвским стратегам представлялось достаточным сместить кровавого афганского диктатора Хафизулла Амина, для того, чтобы навсегда закрыть «афганский вопрос». Однако эти планы верховного советского командования со временем претерпели существенные коррективы.

С начала весны 1980 года ОКСВА начинает ввязываться в боевые действия на стороне режима НДПА против отрядов вооружённой оппозиции. Несомненно, что этому активно способствовали новоявленный афганский лидер Бабрак Кармаль и его ближайшее окружение, видевшие в советской армии самую надёжную опору своего режима и постоянно убеждавшие высшее военно-политическое руководство Советского Союза в «расширении против ДРА агрессии империалистов США и других капиталистических стран против независимого Афганистана».

Что касается реальных внешних факторов, окружавших эти события, то в действительности США, их некоторые партнёры по НАТО, а также ряд арабских стран во главе с Саудовской Аравией и Египтом оказывали немалое содействие для сплочения сил, оппозиционных правящему в ДРА режиму. Разумеется, не остались здесь безучастными Пакистан, Китай и Иран. При активном участии именно этих стран проходило формирование, обучение и вооружение отрядов афганских моджахедов, а также их заброска на территорию ДРА. Однако прямой агрессии против Афганистана не было.

Вслед за «мусульманским» батальоном с декабря 1979 года по январь 1980 года на базе 15-й обрСпН проходило формирование 459-й отдельной роты специального назначения. Предназначалось данное подразделение для последующего ввода в ДРА, а комплектование его личным составом проходило в основном за счёт бригад спецназа Туркестанского, Среднеазиатского и Закавказского военных округов. Первым командиром 459-й орСпН стал капитан Рафик Латыпов, его заместителями – старшие лейтенанты Виктор Боев и Сергей Михальков (по политической части). Согласно штатно-должностному расписанию, рота имела сто двенадцать офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат. Организационно она состояла из четырёх разведывательных групп СпН (командиры групп первого состава – лейтенанты

Григорий Иванов, Евгений Тишин, Владимир Сомов, Михаил Лукомский) и группы специальной радиосвязи (командир – старший лейтенант Шаламов).

После решения кадровых и других организационных вопросов в Чирчике прошёл этап интенсивной подготовки и боевого сколачивания этого подразделения специальной разведки. 4 февраля 1980 года 459-я отдельная рота спецназа ГРУ ГШ пересекла советско-афганскую границу. Пунктом её постоянной дислокации был определён Кабул. Таким образом, данная рота СпН стало вторым формированием спецназа военной разведки, направленным для выполнения боевых (специальных) задач в ДРА.

Первоначально зона ответственности 459-й орСпН распространялась на весь Афганистан, а в последующем (по ходу ввода других частей советского спецназа в ДРА) постоянно уменьшалась. Основным боевым предназначением отдельной роты СпН стало ведение разведки и доразведки (проверки и перепроверки оперативной информации), захват пленных, а также уничтожение лидеров и полевых командиров вооружённой оппозиции. С марта 1980 года три группы спецназа 459-й орСпН приступили к ведению досмотровых действий на транспортно-боевых вертолётах Ми-8 в ряде районов ДРА.

Несколько позднее на территорию Афганистана были введены ещё два отдельных отряда специального назначения. Одним из них был уже известный нам 154-й ооСпН, который вновь пересёк советско-афганскую границу в октябре 1981 года. В целях обеспечения сохранения военной тайны эти части спецназа военной разведки именовались в секретной, а также во внутренней несекретной документации «отдельными мотострелковыми батальонами». В свою очередь полное и реальное наименование этих частей отражалось только в документации под грифом «совершенно секретно». Так 154-й ооСпН стал именоваться «первым отдельным мотострелковым батальоном» («1-й омсб») или «первым батальоном спецназа» (обиход).

Этот «мусульманский» батальон нового состава под командованием майора Игоря Юрьевича Стодеревского был сформирован также в Чирчике на базе 15-й отдельной бригады специального назначения ГРУ Генштаба ВС СССР. После прибытия в Афганистан 21 октября 1981 года он был

расположен в городе Акча (провинция Джаузджан) на севере ДРА. Однако с августа 1982 года пунктом его дислокации стал Айбак в соседней провинции (Саманган). В 1984 году 154-й отдельный отряд спецназа вновь сменил место своего расположения и был переведён ближе к пакистанской границе в город Джелалабад (административный центр одноимённой провинции). Отсюда и его другое обиходное название – «джелалабадский батальон спецназа».

Тогда же, в 1984 году, этот отряд вновь вошёл в состав 15-й отдельной бригады специального назначения, чьё управление, штаб, тыл и подразделения боевого обеспечения были передислоцированы из Чирчика на территорию Афганистана (провинция Джелалабад).

Выполнять боевые задачи командования на территории ДРА 154-му ооспН пришлось в провинциях Джаузджан, Саманган, Нангархар, Кунар, Кабул, Пактия. Яркими страницами истории афганской войны и боевого пути «мусульманского» батальона стали не только штурм дворца Х. Амина, но и бои с бандформированиями под Джар-Кудуком, Санчаракон, Кули-Ишаном, Дарзабом, на перевале Гулпрай, уничтожению укрепленного района Гошта, штурм Мармольского ущелья, участие в армейских операциях «Магистраль», «Восток», выполнение ряда других ответственных заданий.

В период второй афганской командировки, длившейся по май 1988 года, 154-м отдельным отрядом спецназа ГРУ командовали майор И.Ю. Стодеревский, майор В.И. Олексенко, майор В.П. Портнягин, майор А.М. Дементьев, капитан Р.К. Абзалимов, майор В.П. Гилуч, майор В.Ф. Воробьев. Среди выдающихся воспитанников «первого мотострелкового батальона» были настоящие львы спецназа С. Ершов, С. Посохов, Р. Ахметов, П. Быков, П. Бекоев, Д. Лютый, А. Петунин, В. Кондратьев, В. Фрезе, Ю. Самсонов, В. Клоков, Х. Нафиков, А. Борец, В. Пирожков, С. Лемишко, В. Коваленко, В. Красильников, В. Великий, О. Злуницын, А. Чихирев, Ю. Хамалко, Н. Пархоменко, Н. Войтенко, А. Анциферов, А. Самойлов, В. Якименко, О. Частухин, С. Маркушев, Ю. Степушенко, В. Федорченко, В. Особенко, В. Борозинец, А. Стасюк, В. Статкевич, С. Лафазан, В. Гореница, Ю. Козлов, О. Мартыанов, Аракчеев, А. Ветров, Н. Бессонов, С. Щепелев, В. Ярмош, С. Яцковский, О. Попов, А. Петрига, В. Листопад и другие.

В соответствии с приказом МО СССР № 273 от 1 декабря 1985 года за образцовое выполнение специальных заданий советского правительства 154-й ооСпН был награждён вымпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть». Афганское правительство и ЦК НДПА также наградили отряд двумя Почётными Красными Знамёнами.

К началу вывода советских войск из Афганистана (на 15 мая 1988 года) личный состав отряда среди награждённых имел:

- кавалеров ордена Ленина – 10 человек;
- кавалеров ордена Красного Знамени – 53 человека (из них 31 офицер, 13 сержантов и 9 солдат);
- кавалеров ордена Красной Звезды – 423 человека (132 офицера, 32 прапорщика, 127 сержантов, 112 солдат);
- кавалеров ордена «За службу Родине в ВС СССР» третьей степени – 24 человека (23 офицера и один... солдат!);
- удостоенных медали «За отвагу» – 623 человека (12 офицеров, 15 прапорщиков, 205 сержантов, 391 солдат);
- отмеченных медалью «За боевые заслуги» – 247 человек (11 офицеров, 24 прапорщика, 102 сержанта, 110 солдат).

К сожалению, не все разведчики 154-го ооСпН были награждены по заслугам. Так, сержанты Владимир Пирожков, Василий Коваленко, капитан Бекоев (все посмертно) безрезультатно представлялись к званию Героя Советского Союза. Не был реализован наградной материал к ордену Ленина (посмертно) на сержанта Александра Борца. Геройски погибли в неравном бою, прикрывая отход своих товарищей, при разгроме укрепрайона Карера рядовые Дмитрий Москвин и Александр Буза, которых официально до сих пор считают пропавшими без вести, что не соответствует исторической истине. Всего в боях на афганской земле погибли и умерли от ран 177 разведчиков 154-го ооСпН, а девять спецназовцев пропали без вести.

Трудное и уж тем паче неблагодарное дело – давать оценку этим событиям, примеряясь к нынешнему уровню общественного сознания. Впрочем, автор этих строк делать этого вовсе и не собирался. Однако, если предложить читателю попытаться примерить кабульскую ситуацию 27 декабря 1979 года хотя бы к недавним событиям, произошедшим вокруг Ирака, то многое станет ясным и понятным.

Вместе с тем, думается, что этой публикацией не закончится полное и скрупулёзное изучение всех фактов, связанных со штурмом дворца Тадж-Бек и историей участия частей спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР в афганском походе советской армии. Хотелось бы верить в то, что данная работа в дальнейшем будет продолжена.

Вместо эпилога

Подводя итоги повествования, хотелось бы не столько сформулировать базовые выводы, сколько поставить вопросы, ответы на которые необходимо будет дать в будущем. В этой связи, очевидно, стоит вновь подчеркнуть, что штурм дворца Тадж-Бек 27 декабря 1979 года представлял собой прежде всего войсковую операцию армейского спецназа с привлечением формирований специального назначения госбезопасности и подразделений воздушно-десантных войск. Что в рамках этой войсковой операции проводилась частная спецоперация КГБ СССР, имевшая целью физическое устранение афганского диктатора Хафизуллы Амина. Именно поэтому на острие штурмующих Тадж-Бек были спецгруппы госбезопасности из внеструктурных отрядов «Гром» и «Зенит», действовавшие совместно с двумя разведгруппами спецназа ГРУ ГШ из состава «мусульманского» батальона.

Решение о ликвидации афганского диктатора было принято Политбюро ЦК КПСС. Однако конкретных документов по данному вопросу до сих пор не опубликовано. Вместе с тем, звучали предположения о том, что побудительным мотивом для проведения данной акции стало известие об убийстве Н.М. Тараки. Кроме того, были мнения, что в советском руководстве Хафизулле Амину не простили его неуправляемости, своеволия, а также мнимой ориентации на Запад. Возможно, не последнюю роль здесь сыграла двуличность самого Х. Амина, помноженная на его кровожадность, дискредитировавшая не только верхушку НДПА и ДРА, но и СССР. Однако постановлений органов государственной власти

Советского Союза (Верховного Совета СССР и его президиума), уполномоченных для принятия решения о вводе в ДРА контингента советских войск, принятых на момент 25 декабря 1979 года, нет.

Опубликованное ныне приложение номер семь к постановлению Политбюро ЦК КПСС от 27 декабря 1979 года («О пропагандистском обеспечении нашей акции в отношении Афганистана») стало чуть ли не первым из ныне известных документов, косвенно подтверждающих личное участие высшего руководства КПСС и СССР в физической ликвидации Хафизуллы Амина или, говоря иными словами, в «изменениях в руководстве ДРА». В свою очередь секретный указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 года о награждении участников штурма дворца Тадж-Бек фактически «узаконил» действия спецназа ГРУ Генштаба и КГБ СССР в ходе проведения государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года. В своё время съездом народных депутатов Советского Союза была дана моральная оценка ввода войск СССР в ДРА, осудившая данную акцию. Однако вопрос о правомерности принятия данного решения с юридической точки зрения соответствующую оценку так и не получал.

В общественно-политической, исторической и военной литературе неоднократно публиковались некие «просьбы» и «обращения» афганского руководства об оказании ему помощи посредством ввода контингента советских войск на территорию Афганистана. Однако ввод войск одного государства на территорию другого достаточно серьёзный вопрос, чтобы по нему было принято решение на основании телефонного звонка или личной устной просьбы того или иного руководителя. Тем не менее до сегодняшнего дня не было предано гласности официальное обращение руководства ДРА со ссылкой к советско-афганскому договору от 5 декабря 1978 года и собственному внутреннему законодательству, в котором бы излагалась просьба о введении на территорию Афганистана трёх и более дивизий. Существуют ли таковые обращения? Законны ли они

с процессуально-правовой точки зрения?.. Исходя из этого, вопрос о правомерности ввода 25 декабря 1979 года войск Советского Союза в Афганистан вновь вызывает более чем серьёзные сомнения.

В связи с чем возникает масса вопросов: какой уполномоченный государственный орган ДРА (ревсовет, совмин) принимал решение об обращении к СССР с просьбой о вводе советских войск на территорию Афганистана? Следует ли полагать личные обращения тех или иных руководителей ДРА (устные или письменные просьбы Н.М. Тараки и Х. Амина) о вводе советских войск в Афганистан правомерными с точки зрения внутренних законодательств ДРА и СССР? Для реализации каких задач приглашали лидеры ДРА контингент войск СССР в Афганистан? И какие реальные цели были достигнуты советским спецназом и воинскими формированиями в декабре 1979 года?..

За прошедшее время произошла трансформация такого понятия, как афганские антиправительственные бандформирования, которые в последующем в общественном мнении превратились в силы вооружённой оппозиции. Соответственно и душманы (первоначально, «ихване») со временем стали именоваться повстанцами, партизанами и моджахедами («борцами за веру»). Очевидно, истина лежит где-то посередине, потому что среди тех, кто с оружием в руках сражался против правительственных войск ДРА (РА) и против частей советской армии были и те, и другие. Однако несомненно, что у многих из них для этого имелись достаточные основания, и отрицать сегодня это просто неразумно.

Вместе с тем все события, связанные со штурмом дворца Тадж-Бек и последующей компанией ОКСВА, до сих пор являются животрепещущей темой для многих бывших советских воинов, для членов семей погибших и пропавших без вести военнослужащих, которых в разное время именовали то интернационалистами, то оккупантами, то просто «афганцами». Насколько это было возможно, автор данной книги старался не забывать об этом.

Теперь уже стало традицией, когда каждый год 27 декабря на просторах бывшего СССР собираются вместе не только участники тех ныне далёких кабульских событий, но и большинство других воинов-интернационалистов. Это трагическая дата в истории народов канувшего в Лету Советского Союза и Афганистана. Это общий день памяти и скорби. И поэтому закончить это повествование хотелось бы словами ветерана спецназа госбезопасности и афганского похода Игоря Морозова:

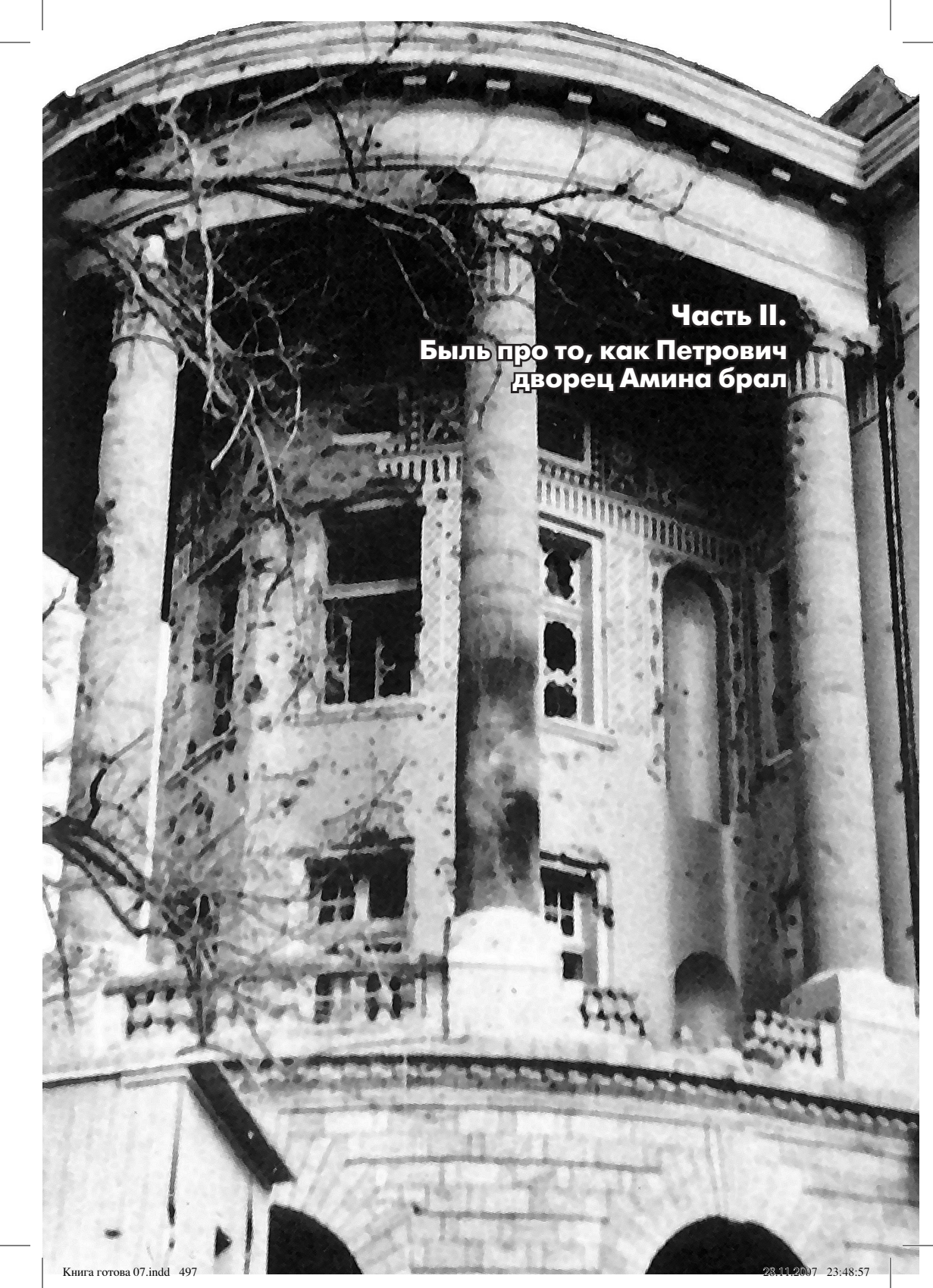
...Помяни нас, Россия, в декабрьскую стужу
Перед тем, как сойдёшься за праздничный стол,
Вспомни тех, кто присяги тебе не нарушил,
Кто берёт тебя вечно и в вечность ушёл.

Помяни нас, засыпанных пеплом и пылью,
Пулемётами врезанных в скальную твердь,
Запиши нас в историю горестной быльи
И рубцом материнское сердце отмерь.

Помяни нас, Россия, и злых и усталых,
Одуревших от зноя, без сна, без воды,
Отмеряющих жизнь от привала к привалу,
От звезды до звезды, от беды до беды.

Помяни нас, Россия, в извечной печали,
Златорусую косу свою расплетя,
Мы оставшимся помнить и жить завещали,
Жить, как коротко прожили мы, — для тебя!

*Московия-Одесса-
Харьков-Московия,
2002–2007 годы*

**Часть II.
Быль про то, как Петрович
дворец Амина брал**

Сов. секретно

к № П176/125оп от 12/ХП-79г.

26 декабря 1979 г. (на даче – присутствовали т.т. Брежнев Л.И., Устинов Д.Ф., Громыко А.А., Черненко К.У.) о ходе выполнения постановления ЦК КПСС № П176/125 от 12/ХП-79г. должны т.т.Устинов, Громыко и Андропов.

Тов.Брежнев Л.И. высказал ряд пожеланий, одобрил при этом план действий, намеченный товарищами, на ближайшее время.

Признано целесообразным, что в таком же составе и направлении должного плана действовать Комиссии Политбюро ЦК, тщательно продумывая каждый шаг своих действий. По вопросам, которые необходимо принимать решения, своевременно вносить в ЦК КПСС.

№:13-оп(1.1)

И.С. Устинов
27/ХП-79г.

Быль про то, как Петрович дворец Амина брал ¹

*Всё, что узнал, всё, что нашёл,
Всё в душу запер я свою...*
Редьярд Киплинг

I

Друзья, вернёмся к персонажу,
О коем ранее был сказ.
Вы не заметили пропажу?
Так я напомним вам зараз,
Ведь мной давалось прежде слово,
Мол, про Петровича² вам снова
Без эпатажа, шантажу
Чего-нибудь да расскажу.
А если было обещанье,
Его исполню – не вопрос.
И далее почти всерьёз
Продолжится повествованье,
Где вновь пойдёт в незримый бой
Товарищ Першин – наш герой.

---

1 Данная поэма является составной частью шпионского романа в стихах «За Одессу, за спецназ!» или «Про Ивана-дурака (воина-интернационалиста).

2 Першин Василий Петрович – вымышленный персонаж.

II

Не помню точной даты, братцы,
Был 79-й год...
И нам туда пора собратья
Да совершить нуль-переход.
Надеюсь, что вы все здоровы
И к путешествию готовы,
Чтоб мысленно свой бросить взгляд
Вперёд... В том смысле, что назад.
Но обещать вам возвращенья,
Хоть я ещё у вас в долгу,
На сто процентов не могу —
Цена такая приключенья.
Но что тянуть кота за хвост? —
Пора в атаку в полный рост.

III

СССР.. Москва-столица.
На Старой площади в ЦК:
«Суха ль у нас пороховница?» —
Вопрос решают с кондачка.
«Что на югах у нас творится?» —
Кумекают большие лица
В чаду и смраде табака,
Чтоб доложить наверняка
Международные расклады
Генсеку и Политбюро,
А получив от них «Добро!»,
Себе истребовать награды —
Медали, дачи, ордена...
А, по-другому, ни хрена.

IV

Одесса-мама — юг России...
Пардон! Ошибка — СССР.
Идут учения большие,
В поту солдат и офицер.
Грохочут пушки, дым клубится:
«И вечный бой, покой нам... снится!» —
А где Петрович? — Вот же он,
Испачкал весь комбинезон,
Корячится над железякой:
«Гробы — не танки, мать яти!
Застряли прям на полпути».
И выдал Першин пред атакой
Столь нецензурный оборот,
Что танки... двинулись вперёд.

V

Афганистан. Кабул-столица.
Сентябрь. И вновь переворот...
Амин сегодня веселится,
Скривил в усмешке наглой рот.
Он — победитель, значит — правый,
И свой спрямляет путь кровавый:
Вчера задушен Тараки,
Теперь другие «сорняки».
«Как нужно выводить заразу? —
Всю на корню, не тратя слов!»
Убитыми заполнен ров
По президентскому приказу,
Потом ещё... — Во вкус вошёл:
В стране повсюду произвол.

VI

Внутрипартийные разборки.
«Хальк» и «Парчам». Где чья родня?..
Какие тут недоговорки? —
Без казней не бывает дня.
Амин с «друзьями» сводит счёты,
У палачей полно работы:
Петля — для непростых особ,
Для прочих — просто пуля в лоб;
Над Гиндукушем с Ан-12
Бросают камнем VIP-персон:
«Кто враг народа, кто шпион,
Чего особо разбираться —
Аллаху там оно видней,
Кто праведник, а кто злодей!»

VII

И вновь Москва. В Кремле все члены
Политбюро собрались в круг:
Не ждали с юга здесь измены,
А тут ещё задушен друг
Товарища КП генсека,
Всем дорогого человека.
Притрушен «дорогой» Ильич:
Представил, видно, старый хрыч,
Мол, если так пойдут делишки,
То могут и его... друзья,
Что нынче мелкие князья,
Списать куда-нибудь в излишки:
«Терпеть Амина — не с руки,
Послать туда, где Тараки!»

VIII

С таким-то мудрым изреченьем
Все согласились – без проблем,
Обременили порученьем
ГБ, МО... ГШ затем.
Но лезть в <добро...> кому охота? –
Военные сначала что-то
Пытались малость побухтеть.
Но им сказали: «Не <свистеть...>
Вперёд в Афган! Вас ждут награды,
Лишь преподайте там урок,
Чтоб кой-кому пошёл он впрок:
Советам на Востоке рады...»
Кто эти мысли изрекал? –
Да нам известный генерал.

IX

Одесса-мама... Тихо что-то:
Ученья кончились давно,
Утихомирилась пехота
И всё ей стало – всё равно.
А где же наш орёл Петрович? –
К нему зашёл друг Рабинович,
Сидят и мудро пьют вино:
«Ученье Марксово верно!...»
Весь в мыле вдруг влетел посыльный
И к Першину: «Табэ пакэт!»
Секунда, и джигита нет,
Остался лишь зело обильный,
Несвежий запах от сапог,
Точней, давно немых ног.

Х

Вздохнул Петрович, чертыхнулся,
Ведь сразу понял, дело в чём.
И Рабинович поперхнулся,
Хоть был здесь вовсе ни при чём.
В конверте с красной полосой
(Что значило — «Готовность к бою!»)
Приказ был строг: «На караул!
Чтоб нынче (*мать твою!..*) в Кабул
Ты вылетел спецрейсом срочно:
Иль сразу голову долой,
Иль завтра будешь ты Герой
Посмертно... — обещаю точно!»
Кто ту маляву наката? —
Да тот же самый генерал.

ХІ

Что делать? — Нету вариантов...
Собрал Петрович чемодан
И быстро с группой диверсантов
Рванулся в тот <*грёбаный!..*> Афган.
В Баку случилась пересадка,
Добавили там для порядка
Ещё гэбэшных молодцов,
Чтоб не сыскать потом концов.
Ну, в общем, как-то долетели.
Вчерашний сразу сгинул хмель,
Когда узрели цитадель,
Которую в конце недели
Им предстояло штурмовать —
Действительно: «<*Ядрёна мать!..*>»

ХII

Вокруг дворца повсюду мины,
К нему — дорога-серпантин.
Она доходит до вершины,
Вползая будто бы в кувшин.
Громада замка нависает
Над местностью. — Кто знает,
Сколь нужно положить бойцов,
Чтоб взять его на «сто пудов»?
Внизу закопаны по башни
Два танка, чёрт бы их побрал!
И выбор мал: иль трибунал,
Иль тут веди со Смертью шашни.
Но, может статья — повезёт:
Не так-то быстро... всех в расход?

ХIII

Какая, к дьяволу, бравада? —
Тут не лишиться бы штанов:
Внизу афганская бригада —
Две с лишним тысячи штыков.
Зенитный полк ещё в добавку,
Он, если точную дать справку,
Двенадцать пушечек имел,
Шестнадцать ЗПУ в прицел
Взирали хищно за округой.
«Но вдруг — удача нам, братва,
Ведь русским всюду — трын-трава?..»
Что ставят нам порой заслугой
(Когда нас гонят на убой),
Хоть чаще всё-таки — виной.

XIV

А что ещё?.. Тут инженерный
Полчок по близости стоял
И хоть он был Амину верный,
Его Петрович в счёт не брал;
Ведь без того здесь войск, что грязи
(Не перечесть всего в рассказе),
И вряд ли их возьмёшь на страх.
Короче, дело — полный швах:
Повсюду точки огневые,
Посты гвардейцев, ДШК,
Что будут бить наверняка...
Так сколько вдов, сирот в России
У нас появится потом,
Когда возьмём тот хренов дом?

XV

Но тут уже стоял в... «охране»
И «мусульманский» батальон:
В нём были наши басурмане
В афганской форме до кальсон.
Все, в общем-то, свои ребята,
Петрович даже их комбата
В Союзе ранее встречал —
Тот стоил всяческих похвал.
...Но это был на самом деле
Отряд спецназа ГРУ,
Чтоб не дознались в ЦРУ,
Его бойцов так приодели.
С «мусбатом» был товарищ Швец —
В разведке очень крупный спец.

XVI

Тот батальон из азиатов
Был сформирован в Чирчике,
Держал в него всех кандидатов
Отдел *особый* на крючке.
Нашли туда и офицеров,
А после тех легионеров
Зачислили в разведки штат,
Вручили каждому мандат,
Арабской вязью испещрённый.
И начался бал-маскарад,
Точней сказать, учебный ад,
К чему-то «очень приближённый» —
Охват, обхват, налёт, захват...
То ли — «мусбат», то ли — штрафбат.

XVII

Петрович наш пошёл в посольство,
Явить начальству светлый лик.
Там проявили хлебосольство,
Хоть корку дали в тот же миг,
В стакане поднесли водицу,
Так он ещё успел напиться.
Потом позвали в кабинет,
Где перед штурмом шёл совет.
Здесь заправляли всем чекисты
(Имён не буду называть).
Присел Петрович на кровать.
Поодаль сели генштабисты,
Что тут не тратили слова,
Наверно, в силу меньшинства.

XVIII

Манером особливо тайным
Решался здесь вопрос о том,
Кого назначить самым... *крайним*.
Уже шушукались о нём:
«Кто нынче главный на банкете,
Тот завтра и за всё в ответе!»
Тут самый старший генерал
Его фамилию назвал —
Им стал полковник ГРУ Колесник.
Ему ля-ля про долг и честь,
А он ответит скромно: «Есть!»
Но коли сам-то — не кудесник
И даже не Наполеон,
Пошёл готовить батальон.

XIX

А, чтоб полковник топал прямо
(«Армеец... Что с него возьмёшь?!...»),
К нему приставлен был за... зама
Не то, чтоб в спину острый нож,
А цельный генерал с Лубянки,
Особой, так сказать, огранки,
Ведь это был универсал,
Разведки внешней — аксакал
(«Скворцов» — его тогда так звали).
Ещё добавили сюда,
Чтоб не случилось «как всегда»,
При полном личном арсенале
Полсотни храбрецов ГБ,
Что не пугались при стрельбе.

XX

Ребята те, что с комитета,
Гордились очень все собой:
У всех – чистейшая анкета,
Такой же список послужной.
Замечу вам вполне конкретно,
Хоть это ужас (!..) как секретно,
То были группы «Гром», «Зенит» –
Страны Советов меч и щит:
«Зенитовцы» из диверсантов,
А «громовцы» – орлы из... «А»
(Не звали «Альфой» их тогда).
Короче, все – не дилетанты,
Любой боец – крупнейший спец,
Врагам, коль сунутся, – <писец...>

XXI

Петрович понял все расклады
И за Колесником вперёд,
Чему иные были рады:
«Свернёт пусть шею идиот!»
В «мусбате» дел всем было много,
Не велика, но всё ж подмога:
Товарищ Першин – не шаман,
Но подсобил сварганить план.
Пошёл Колесник доложиться
Товарищам с ГБ, МО,
Что повели себя, как ЧМО,
Мол, план хорош, да не годится
Им ставить подписи на нём:
«Иди, полковник, всё путём!..»

XXII

Декабрь. «Расшедрилась» кукушка,
Хоть куковать не время ей...
СССР. Термез, мост. Кушка.
До года Нового семь дней.
И... перешли войска границу,
Спешат в афганскую столицу.
Летят десантники в Баграм,
Чтоб оказаться раньше там.
То... интернационалисты
Желают помощь оказать
Опять, опять, опять, опять...
Ведь их сердца и руки чисты
Иль, может, правильной – чисты?
(«Нельзя ль без всякой хреноты?!..»)

XXIII

Колесник думал в батальоне.
Теперь он знал, случится крах –
Погоны с плеч, пыхтеть на зоне:
«Нет! Лучше – голова в кустах:
Действительно, звучит «полковник»
Теперь как будто бы «п о к о й н и к...»
Но мы посмотрим, кто кого,
Ещё отпляшем здесь танго.
Что, Бледная, стоишь с косою?
Вот <хрен...> тебе, да вилы в бок:
Пока что не настал мой срок!»
И начал подготовку к бою,
Всех офицеров вокруг собрал:
«Прошу! Вам слово, генерал!»

XXIV

«Так что, ребята, здесь... за нами?
Приказ! – «Скворцов» им так сказал, –
У нас поэтому в программе
Назначен завтра карнавал.
Амин – подлец редчайшей марки,
Преподнесём ему подарки:
Сначала – громкий тарарам,
Потом – свинцовых девять грамм.
Но, если смоемся мерзавец,
Не посмотрю, что вы – спецназ,
Сдеру три шкуры, братцы, с вас:
Любым... нам нужен тот красавец.
И хоть за вами нет вины,
Готовьтесь, сукины сыны!»

XXV

Афганистан. Кабул-столица.
27 декабря...
Смеркается. Бледнеют лица.
Команда: «Шторм!» И всё – «Уря!..»
К дворцу пошли две мехколонны,
Расстрельные минуя зоны,
Но на войне, как на войне –
Бьют гулко пули по броне.
Огонь открыли наши «Шилки», –
Секут они со всех стволов
Узоры непечатных слов.
Трясутся у врага поджилки:
Не может он понять никак –
Тадж-Бек штурмуют, как рейхстаг!

XXVI

К дворцу пробились... Всё по плану,
Хоть и полно неразберих.
«Броском вперёд!» — и влёт... охрану,
И многих нет уже в живых.
Здесь третья рота из «мусбата»,
Взвод первой роты плюс ребята
Из «Грома» и «Зенита» здесь —
Сбивают у гвардейцев спесь.
«Стреляй! Руби! Мочи! Рви гадов!..» —
Спецназ идёт — неудержим,
Как Судный день неотвратим —
Краса войны, а не парадов.
Захвачен первый им этаж —
Вошли ребята в полный раж.

XXVII

На подступах к Тадж-Беку тоже
Идёт недетская игра:
Там взяты в блок уже, похоже,
Бойцы бригады ДРА.
А рядышком с десятком храбрых
Берёт зенитчиков за жабры
Милейший подполковник Швец:
«Усё! Урвался мий тэрпец...
А нукась, хлопцы, руки в гору!
Кинчайте швидче бунтовать!» —
По-русски далее про... мать
Он объясняет их майору,
Мол, будь любезен — помолчи
Иль будут лишними... врачи.

XXVIII

«Вперёд! Вперёд без перекуру!» —
Повёл на заданный объект
Старлей Востротин десантуру,
Бодря Дар-уль-Аман проспект.
Как на учебном полигоне,
Идёт в кабульском гарнизоне
Толь отработка марш-броска,
Толь съёмка жуть-боевика:
Подходят БМД к воротам,
Снимают здешние посты:
«Верь! Наши помыслы чисты...»
Не спится, впрочем, «гугенотам»:
Что эта ночь готовит им —
Пока живым, пока живым?..

XXIX

И вновь Тадж-Бек. Подняться надо
Всего-то на второй этаж.
Открыты настежь двери ада:
«Спецназ, вперёд на абордаж!»
А дальше... — звёздная дорога:
Господь по рангам очень строго
Отсортирует всех вояк;
Прикинет мудро так да сяк,
Учтёт заслуги, прегрешенья:
«Того — сюда, того — туда!»
...Но нынче горе — не беда,
В цене патроны и мгновенья,
Адреналин кипит — не хмель:
«В прицеле чётко вижу цель!»

XXX

Нет пауз тут, недоговорок,
И нет обратного пути:
Наверх всего ступеней сорок,
А ты попробуй их пройди!
Прошли Плюснин, Козлов, Карпухин...
«Гранатой бей!..» И вот сын сукин —
Амин испачкал весь ковёр,
Кровавый тянется узор
Куда-то дальше... в неизвестность.
Контрольный выстрел прям в упор,
И всё — окончен разговор!
Пускай ещё «штурмит» окрестность,
Идёт по радио доклад:
«Его... отправили мы в ад!»

XXXI

И выше, выше по команде
Спешит по ЗАС «благая» весть,
В Кремле старик при адъютанте:
«Ну что же, проявили честь.
Знать, не напрасно мы послали
Их так далёко. Пусть медали
Им вручат — были на войне —
И звёзд пяток, что дали мне...»
Потом велел позвать хозяйку:
«Сготовь, голубушка, поешь».
Прошамкал что-то там про месть
И в меховую влез фуфайку:
«Хоть натопили — да мороз,
Иль расшалился вновь склероз?..»

XXXII

Тадж-Бек... И часа не минуло,
Приказ исполнен основной.
Пускай ещё во тьме Кабула
Не утихает где-то бой,
Но всё для всех теперь понятно:
Уже покинул безвозвратно
Хафизулла Амин сей мир —
Пал новоявленный кумир.
Потом втихую президента
Зароют. Скажут: «Наш клиент —
Был цэрэушный спецагент!»
И быстро сменит конкурента
На всех постах Кармаль Бабрак,
Что бухануть был не дурак.

XXXIII

Всё это после. «Чистят» ныне
Этаж последний, крайний зал,
И... на аминовской малине
Окончен жуткий карнавал.
Несут убитых, тех, кто ранен
Был тяжело во время брани,
Заботы прежде о своих:
Там... позаботятся о них.
Внизу построили всех пленных
Гвардейцев свиты и вождей,
Ещё недавно страсть надменных:
Там... разберутся, кто — злодей.
Спецназ без дела: бой притих —
Там и не ждали их... живых.

XXXIV

Собрались. Осушили кружки,
Но водка что-то не берёт:
«Вот и не верь потом кукушке.
Такой вот, братцы, переплёт!..»
Головушки пусты... Нет мыслей,
И в подсознании зависли
Стоп-кадры яростной борьбы,
Гром взрывов, молнии стрельбы.
Стоят. Сидят. Не многословны.
А вон кого-то вдруг на грех
Пробил истошный дикий смех...
И каждый вновь в себе безмолвно
Прокручивает взад-вперёд
За эпизодом эпизод.

XXXV

Где наш Петрович?.. Вместе с теми,
Кто штурмовал в ночи Тадж-Бек:
Он тоже был в той жёсткой теме,
И в памяти его навек
Безумство этой передряги –
Ожесточение атаки
И Смерти злое торжество
(Войны изнанка, естество),
Тупая обречённость Жизни
И крик упавшего бойца:
«Идём, ребята, до конца:
Так *нашей*... надобно Отчизне!»
А после боевой экстаз:
«Спецназ! Спецназ! Спецназ! Спецназ...»

XXXVI

Но объявили утром рано
По радио не сгоряча:
«Уря! Народ Афганистана
Казнил Амина-палача!»
Мол, по решению трибунала
Того убийцу и шакала
За всё... поставили к стене.
Чтоб не явился враг извне,
Ввели в страну войска Советов:
«Поможет северный сосед
Нам избежать кровавых бед.
Остерегайтесь лишь наветов
И всякой прочей клеветы,
Ведь помыслы ОКСВА чисты...»

XXXVII

Что стало после? То известно:
Была война, и вывод был
Советских войск... Но, коли честно,
Так не нашлось ещё чернил,
Чтоб рассказать всё честь по чести
Без шелухи, соплей и лести
О пережитом, о былом:
Всё оставляем на потом
И говорим, мол, это больно
Для ныне здравствующих нас:
«Не троньте память: будет час...»
Чем вольно или же невольно,
Не проигравши ту войну,
Свою <проспали...> мы страну.

XXXVIII

«И всё же кем в краю далёком
Мы были? Слава иль позор?
Всё ль списано за давним сроком?..» —
Пустой как будто разговор:
Молчат пока об этом горы,
В людские не вступая споры.
Но я не позабыл о том —
Афганский, видимо, синдром...
Конечно, всех рассудит время,
Когда свой скоротаем век,
Но непричастный... имярек
Чужое не потянет бремя:
Себя он возомнит судьёй,
Не испытав кровавый бой.

XXXIX

«А может быть, не надо так-то
Рубить всю правду-матку в лоб?
У автора нет меры, такта...» —
Такой был на меня поклёп
От доброхота-гуманиста,
Недавнего соцреалиста:
«Солдат-с... Ну, что с него возьмёшь?
Но придержать-то надо всё ж:
К чему нам белая ворона,
Ведь наш писательский Союз —
Искусства храм, служитель муз.
А тут-с мутит от лексикона:
На катаклизме катаклизм —
Сплошной экзистенциализм!»

XL

Пускай — солдат: мой путь во мраке;
Расходный лишь материал,
Коль в откровениях атаки
Свою я правду постигал.
«Зачем, к чему в <былом...> копать?»
Позвольте всё же... сомневаться,
Ведь ставлю и для вас всерьёз
Один единственный вопрос;
И, не желая сострадания,
Не зарекаясь от тюрьмы,
Не отрекаясь от сумы,
Не сочиня оправдания,
Прошу у вас ума... взаймы —
Так всё же кем там были мы?

*

Так, братцы, кем же были мы?..

*Московия,
2006 год*

Библиография

1. Протоколы, переписка и другие официальные источники

Архив Президента РФ: Рабочая запись заседания Политбюро ЦК КПСС, 19.03.1979 г. Рабочая запись беседы А.Н. Косыгина с Н.М. Тараки 30.03.1979 г. – «Коммунист Вооружённых Сил», 1990. № 19. С. 72.

Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование (Под редакцией Г.Ф. Кривошеева). – М.: Воениздат, 1993.

Изложение беседы Л.Н. Горелова с Х. Амином. – «Коммунист Вооружённых Сил», 1991. №12. С. 72.

Изложение директивы Д.Ф. Устинова о вводе войск в Афганистан. – «Военно-исторический журнал», 1991. № 7. С. 43.

Послание госсекретарю США из американского посольства в Кабуле. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М.: Наука, 1986. № 5. С. 30-33.

Послание госсекретарю США из американского посольства в Кабуле от 16 июля 1979 года, № 5360. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М., 1986. № 5. С. 66-68.

Послание госсекретарю США из американской миссии в НАТО от 8 августа 1979 года, №5615. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М., 1986. № 5. С. 89-97.

Правда об Афганистане: Документы, факты, свидетельства. – М.: АПН, 1980.

2. Литература об Афганистане (история, география, экономика, политика, дипломатия, религиозная жизнь)

Андагский А. Военно-географическое исследование Афганистана, как региона наступательных операций русской армии. – М.: Вымпел, 1999. № 3. С. 306-361.

Апрельская революция 1978 г. в Афганистане. – М.: ДСП, 1982.

Арунова М.Р. Об афганской контрреволюции. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М., 1980. № 2. С. 89-114.

Арунова М.Р. Отношения Республики Афганистан с сопредельными странами. – «СБ» ИВ АН СССР, 1980. № 2. С. 143-152.

Арунова М., Конаровский М. Афганистан и КНР. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М., 1984. №4. С. 2-44.

Афганистан. Справочная карта. Указатель географических названий. – М.: ГУГК, 1982.

Булатов Ю.А. К вопросу о возникновении революционно-демократического движения в Афганистане (очерк из истории халькизма). – М., 1992;

Булатов Ю.А. Хальк и Парчам: основные этапы борьбы за завоевание политической власти в Афганистане. – М.: Научная книга, 1997;

Ганковский Ю.О. некоторых особенностях внутривнутриполитического положения в Афганистане накануне прихода к власти правительства Бабрака Кармаля. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М., 1980. № 2. С. 5-11.

Губар М.Г. Афганистан на пути истории. – М.: Наука, 1987.

История Афганистана. – М., 1982.

История вооружённых сил Афганистана. 1947-1977. – М., 1985.

Кирпенко П.Ф. Новые пути Афганистана. – Киев, 1983.

Конаровский М.А. Страна гор и легенд (Очерки об Афганистане). – М., 1979.

Коргун В.Г. Основные направления ультралевого движения в Афганистане. – Специальный бюллетень института востоковедения АН СССР (ДСП). – М., 1976. № 6. С. 8-27.

Къеза Дж. Бесконечная война. – М.: Детектив-Пресс, 2003.

Марбанов Б.В. ЦРУ, НТС и афганская контрреволюция. – М.: Воениздат, 1985.

Мурадов В. Демократическая Республика Афганистан. – М.: Знание, 1982.

Мурадов Гулям. Демократическая Республика Афганистан на новом этапе Апрельской революции. – В книге: «Афганистан: прошлое и настоящее». – М., 1982. С. 97-111.

О 20-летию Народно-демократической партии Афганистана. – «Партийная жизнь», 1984. № 23. С. 73-80.

Поляков Г.А. Афганистан революционный. – М.: Международные отношения, 1981.

Рашидов К.Ф. Афганистан: пора становления. – М.: Известия, 1983.

Слинкин М.Ф. Афганистан: страна, люди, общество. – Симферополь, 1995.

Слинкин М.Ф. Кто был и есть в Афганистане. – См.: «Востоковедческий сборник». Выпуск 1. – Симферополь, 1997.

Снесарев А.Е. Северо-Индийский театр. В двух томах. – Ташкент, 1903; Индия. – М., 1906 (переиздано в 1926 году).

Снесарев А.Е. Военная география России. – СПб., 1910.

Снесарев А.Е. Афганистан. – М., 1921 (переиздано в 2002 году).

- Снесарев А.Е. Афганистан. – М.: Русская панорама, 2002.
- Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. – М.: Наука, 1987.
- Спольников В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. – М.: Наука, 1990.
- Тихонов Ю.Н. Афганская война третьего рейха. НКВД против абвера. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003.
- Теплинский Л.В. СССР и Афганистан. 1919-1981. – М.: Наука, 1982.
- Теплинский Л.В. История советско-афганских отношений 1919-1987. – М.: Мысль, 1988.
- Шатров И. Социально-политические процессы в Афганистане в 1973-1978 гг. – См.: «Вестник МГУ». Серия 13. Востоковедение. – М., 1981. № 3. С. 3-23.
- Ульяновский Р.А. Афганская революция на современном этапе. – «Вопросы истории КПСС», 1982. № 4. С. 84-95.

3. Военно-историческая и публицистическая литература об афганской кампании советской армии

- Аблазов В.И. Между революцией и войной (Воспоминания советского военного советника об авиации Афганистана 1978-1979 гг.). – «Авиация и время». Киев, 1996. № 3. С. 25-30.
- Аблазов В.И. Афганистан. ВВС Советской Армии в первые годы войны. – «Авиация и время». Киев, 1997. № 5. С. 34-37.
- Аблазов В.И. Афганистан. Четвёртая война. – Киев: РИА «Марко Пак», 2002.
- Алексиевич С. Зачарованные смертью. – М.: «Слово/SLOVO», 1994.
- Антивоенный синдром или преданная армия (Составитель – А.И. Поздняков). – М.: Воениздат, 1990.
- Афганистан в нашей судьбе. – М.: АПН, 1989.
- «Афганистан болит в моей душе...» Воспоминания, дневники советских воинов, выполнявших интернациональный долг в Афганистане. – М.: Молодая гвардия, 1990.
- Афганистан: борьба и созидание. – М.: Воениздат, 1984.
- Афганская война: как это было. Фотоальбом. Изд. 2-е, доп. – М.: Ассоциация журналистов «Культура России», 1993.
- Афганистан: проблемы войны и мира. – М.: ИВ РАН, 1996.
- Бакин А. Источник сообщает. – «Командор», 2002. № 1. С. 28-30.
- Бакланов Н. Уходили в Афган «партизаны...» – «Боевое братство», 2001. № 12. С. 26-27.
- О павших в Афганистане. Книга памяти 6: Южно-казахстанская обл./ Под общ. ред. А.И. Барта. – М.: Раритет, 2000.
- Богданов В.А. Афганская война: Воспоминания. – М.: Советский писатель, 2005.

Броунер Г. Афганистанская война. – Париж, Изд-во «Посев» (Possev-Verlag, V. Gorachek), 1985.

Варенников В.И. Неповторимое. Афганистан. И доблесть и печаль. Чернобыль. Книга 5. – М.: Советский писатель, 2001. – 448 с.

Верстаков В.Г. Афганский дневник. – М.: Воениздат, 1991.

Выполняя интернациональный долг. – М.: Изд-во «ИПЛ», 1986.

Война в Афганистане. – М.: Воениздат, 1991.

Галиуллин Р.Х. ЦРУ в Азии. – М.: Воениздат, 1990.

Гареев М.А. Моя последняя война (Афганистан без советских войск). – М.: ИНСАН, 1996.

Гареев М.А. Афганская страда (с советскими войсками и без них). – М.: ИНСАН, «РФК», 1999.

Гриненко А. Двадцать лет спустя (Без грифа «секретно»). – «Боевое братство», 2001. № 8. С. 22-25.

Громов Б.В. Ограниченный контингент. – М.: АО «Издательская группа «Прогресс» – Культура, 1994.

Корж Г.П. Афганское досье: Война СССР в Афганистане. – Харьков: Фолио, 2002.

Звёзды подвига: На земле Афганистана. Книга 3. – М.: Воениздат, 1991.

Ляховский А.А., Забродин В. М. Тайны афганской войны, – М.: Планета, 1991.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: ГПИ «Искона», 1995.

Ляховский А.А. Пламя Афгана. – М.: Вагриус, 1999.

Ляховский А. А Трагедия и доблесть Афгана/2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004.

Майоров А.М. Правда об афганской войне. – М.: Права человека, 1996.

Марковский В.Ю., Мильяченко В.В. Афганистан: война разведчиков. – М.: Экспрент, 2001.

Нурмурадов А. Красная пелена. – Ташкент, 1993.

Огрызко В.В. Песни афганского похода: Историко-литературное исследование. – М.: Издательский концерн «Литературная Россия», 2000.

Ольшанский Д. «Афганский синдром». – «Литературное обозрение», 1990. № 3. С. 14-20.

Осипчук И. Наши офицеры гибли в Афганистане задолго до ввода советских войск. – «Факты». Харьков, 26 ноября 1999 года. С. 6.

Очилов В., Маков И. Долгожданное «свидание» в горах. – «Воин Содружества», 1999. № 2. С. 33.

Пасько В.В. Ночь забытых песен. – Киев-Тернополь: Збруч, 1999.

Пластун В., Андрианов В. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998.

Помяни нас, Россия... – Л.: Лениздат, 1991.

Селихов К.Н. Необъявленная война (Записки афганского разведчика). – М.: Известия, 1983.

Федин А. Вокруг Афганистана. – «Командор», 2002. № 1. С. 5-7.

Хинштейн А. Тайны афганской Лубянки. – «Московский комсомолец», 2002, 29 марта.

Червонопиский С.В., Костыря А.А. Историография войны в Афганистане (25 декабря 1979 – 15 февраля 1989 гг.) – К.: МИЦ «Мединформ», 2005. – 96 с.

Черемных В.П. Афганистан глазами мушавера (Из дневников бывшего советника начальника ГШ ВС Афганистана). – Л., 1990.

Черемных В.П. Не по сценарию Москвы. Афганистан. Первые годы трагедии. – СПб.: Клинт, 1995.

Швейцер П. Победа. – Минск, СП «Авест», 1995.

4. Художественная и художественно-публицистическая литература об афганской кампании советской армии

Абдуллаев Ч. Уйти и не вернуться. Моё прекрасное алиби. Романы. – Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 1996.

Алексиевич С.А. Цинковые мальчики: Документальная проза. – М.: Молодая гвардия, 1990.

Войны и вооружённые конфликты второй половины XX века/ Под общ. ред. Б.В. Громова. – М.: Святогор, 2003.

Время выбрало нас. Песни, рождённые в Афганистане (Составитель П.И. Ткаченко). – М.: Воениздат, 1988.

Дмитренко А.М. Аист: Художественно-документальная повесть. – К.: Дніпро, 1988.

Иванов Н.Ф. «Алькор» принимает вызов. – М.: Патриот, 1988.

Иванов Н.Ф. Операцию «Шторм» начать раньше. – М.: Воениздат, 1999.

Когда поют солдаты. Современное самодеятельное творчество воинов-интернационалистов (Составитель П.И. Ткаченко). – М.: Молодая гвардия, 1988.

Повесть о настоящем генерале (Генерал армии В.П. Дубынин в воспоминаниях друзей и сослуживцев). – М.: ГЖО «Воскресенье», 2003.

Проханов А.А. Дерево в центре Кабула. Роман – «Роман-газета», 1982. №15.

Проханов А.А. Рисунки баталиста: Роман. – Доп. переизд. – М.: Молодая гвардия, 1989.

Проханов А.А. Дворец: Роман. – СПб.: Амфора, 2002.

Ревский В.Е. Афганский синдром. Поэтический сборник. – М.: РИЦ Генштаба ВС РФ, 2001.

У этих песен есть душа. Стихи и песни, посвящённые событиям в Афганистане (Составитель С.Г. Климов). – Ворошиловград: Облполиграфиздат, 1990.

5. Справочная и другая военная литература

Военный энциклопедический словарь. – М.: Воениздат, 1984.

Вольф Маркус. Секреты русской кухни. – М., Вымпел, 1997.

Дроздов Ю.Ю. Наследие Генри Слимана. – М.: Вымпел, 1997.

Жаринов К.В. Терроризм и террористы: Исторический справочник. – Мн.: Харвест, 1999.

Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). – Мн.: Харвест, 1999.

Соколов А.А. «Суперкрот» ЦРУ в КГБ. 35 лет шпионажа генерала Олега Калугина (Версия разведчика). – М.: Вымпел, 1999.

Судоплатов П.А. Спецоперации. Разведка и Кремль. 1930-1950 годы. – М.: Гея, 1997.

Тухаринов И.Ю. Секретный командарм (историко-публицистическое исследование о российском военно-экономическом влиянии в Центральной Азии). – М., 2005.

Шебаршин Л.В. Рука Москвы. – М., Изд-во «Центр – 100», 1992.

Шебаршин Л.В. Из жизни начальника разведки. – М.: Терра, 1997.

Цыбульский И.И. Громов. – М.: Молодая гвардия, 2005. (ЖЗЛ: Биография продолжается: Сер. биогр.: Вып. 1).

6. Литература о спецназе

Абдулаев Эркебек. Позывной «Кобра». – М.: Вымпел, 1997.

Батя. Легенда спецназа ГРУ/ Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. – М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Болтунов М.Е. «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ. – М.: Кедр, 1992.

Болтунов М.Е. «Альфа» не хотела убивать. – СПб.: Шанс, 1995.

Болтунов М.Е. Диверсанты... Кто они? – Ростов-на-Дону: Проф-пресс, 1997.

Болтунов М.Е. Невидимое оружие ГРУ. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Болтунов М.Е. Генерал Герасимов. Судьба моя, спецназ. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.

Боярский В.И. Партизаны и армия: История утерянных возможностей. – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.

Бреславский В.Е. Силы специального назначения. – «Коммандос», 1995. № 11. С. 5.

Бреславский В.Е. Образ жизни – спецназ. – «Спецназ» (М.), 2000. № 4-6. С. 5-20.

Воронов В.В. ОСНАЗ – войска особого назначения. – М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР. Факты, воспоминания, свидетельства, судьбы. – М.: Изд. «AV-ПРЕСС», 1997.

Гриненко А. Двадцать лет спустя. – «Боевое братство», 2001. № 8. С. 22-25.

Дробов М.А. Малая война. Партизанство и диверсии. – М.: Вымпел, 1998.

Дроздов Ю.И. Группа специального назначения КГБ СССР «Вымпел». – Вымпел, 1999. № 1. С. 9-27.

Дроздов Ю. Спецназ России. – «Секретные версии», 2003. № 2. С. 2.

Ефимов М. Легенды и дела особой группы. – «Солдат удачи», 2001. № 1. С. 1.

Золотарёв Г.В. Спецназ – это сильные, красивые люди. – «Спецназ» (М.), 2000. № 4-6. С. 42-43.

Козлов С. и другие. СПЕЦНАЗ ГРУ. Пятьдесят лет истории, двадцать лет войны. 3-е изд. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2002.

Козлов С. и другие. СПЕЦНАЗ ГРУ – 2. Война не окончена, история продолжается. – М.: SPSL – «Русская панорама», 2002.

Кривопапов О. Непрístupных ущелий не бывает. – «Спецназ» (М.), 2002. № 1. С. 15-20.

Крофорд Стив. Спецназ в бою: Опыт спецназа разных стран. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.

Лобачёв Г.С. Команда «Карпаты-1» отряда спецназначения КГБ СССР «Каскад». – Одесса: Астропринт, 2006.

Солдаты невидимого фронта. – М., 1993.

Старинов И.Г. Записки диверсанта. Книга первая. – М.: Вымпел, 1997.

Старинов И.Г. Мины замедленного действия. Книга вторая. – М.: Вымпел, 1999.

Старов Ю.Т. Разведка – непростая работа. – «Пушкинский вестник», 2000. № 44 (4 ноября 2000 года). С. 7.

Степаков В. Спецназ России. – СПб.: Издательский дом «Нева», М.: ОЛМА-ПРЕСС «Образование», 2003.

Тарасов С.М. На смену ротам приходили батальоны. – «Спецназ» (М.), 2000. № 4-6. С. 21-23.

Ткаченко П.И. Особая рота. Подвиг в Мармольском ущелье. – М.: Яуза, Эксмо, 2005.

Миллер Дон (А.Е. Тарас). Коммандос: История и операции спецподразделений. – Мн.: Харвест, 1997.

Миллер Дон (А.Е. Тарас). Коммандос: Формирование, подготовка, выдающиеся операции спецподразделений. – Мн.: Харвест, М.: ООО «Издательство АСТ», 2001.

Щёлоков И.Н. И в разведке – бригадный «подряд». – «Спецназ» (М.), 2000. № 4-6. С. 24-27.

Чижишев А.В. Спецназ в Афганистане. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004.

7. Публикации о событиях государственного переворота в Кабуле 27 декабря 1979 года

Аблазов В.И. Последний день жизни лидеров Республиканского Афганистана. – «Российский ветеран», 2001. № 4-5. С. 41.

Береговой А. Наваждение Тадж-Бека. – «Спецназ» (М.), 2000, №1. С. 12-13.

Гай Д., Снегирёв В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. – М.: ИКПА, 1991.

Гриневский О. Как мы «брали» Афганистан. – «Литературная газета», 2 августа 1995 года.

Десятникова И. Виктор Карпунин: «За трое суток штурма дворца Амина мы уничтожили всю его охрану – 200 человек...». – «Факты», Харьков. 25 декабря 1998 г. С. 23.

Десятникова И. Осада дворца. – Курьер («Courier». Los Angeles). 11-17 февраля 1999 г.

Дроздов А. За это погибли наши ребята. – «Профи». 1999, № 12. С. 3-6.

Зайцев Г.Н. «Альфа» – моя судьба». – СПб.: АО «Славия», 2005. С. 84-157.

Зеленина Е. Суперсолдаты, или 40 минут, способные изменить судьбу государства. – «Время», Харьков, 31 июля 2001 г.

Зеленина Е. Последний аргумент или тайны «Вымпела». – «Время», Харьков, 11 сентября 2001 г.

Иванов Н. Ваша политика – высочайший профессионализм. – «Спутник» (Со ссылкой на газету «Московская правда»), 1991. № 6. С. 60-63.

Колесова Ю. «Мусульманский» батальон особого назначения. – «Время», Харьков, 28 декабря 2000 г.

Малышев В. Как мы брали дворец Амина. – «Спутник» (Со ссылкой на журнал «Столица»), 1991. № 6. С. 58-60.

8. Воспоминания участников государственного переворота 27 декабря 1979 года в Кабуле

А.) спецназ КГБ и другие офицеры госбезопасности:

Дроздов Ю.И. Штурм-333. – В альманахе «Вымпел», № 3 (11). 1999. С. 5-75.

Дроздов Ю.И. Как штурмовали дворец Амина. – В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/ Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 94-146;

Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. Изд-е 2-е, испр. и доп. – М.: Вымпел, 1996.

Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. – М.: Издание «Русского биографического института», 1999.

Курилов В.Н. Мы были первыми. – В альманахе «Вымпел», № 3 (11). 1999. С. 76-361.

Нищев П. Спецотряд КГБ СССР «Зенит» (К 20-летию участия во втором этапе Апрельской [Саурской] революции в Демократической Республике Афганистан). – «Профи», 1999. №12. С. 7-10.

Кроме этого были опубликованы следующие воспоминания офицеров госбезопасности из спецподразделений «Гром» и «Зенит», а также ПГУ КГБ СССР:

– Бориса Плескунова, Евгения Чудесного, Анатолия Савельева, Павла Климова, Михаила Романова, Якова Семёнова, Сергея Кувылина, Валерия Емышева, Николая Берлёва, Глеба Толстикова, Виктора Карпущина, Эвальда Козлова, Валерия Шергина, Юрия Изотова в книге М.Е. Болтунова «Альфа» – сверхсекретный отряд КГБ» (М.: Кедр, 1992. С. 65-80, 91-93);

– Ю.И. Дроздова, В. Федоренко, А. Мазурца, Я. Семёнова, Б. Плещкунова, Э. Козлова в книге «Вымпел. Группа специального назначения КГБ СССР. Факты, воспоминания, свидетельства, судьбы». – М.: Изд-во «AV – ПРЕСС», 1997. С. 8-15, 38-45;

– Ю.И. Дроздова, В.И. Ютова, И. Васильева, В. Федоренко, Я. Семёнова, Б. Плещкунова, Э. Козлова, И. Васильева, а также интервью с Яковом Семёновым и Саидом Гулябзоем в альманахе «Русские коммандос» (М., 1999. № 1 С. 31-60);

– офицера отряда «Зенит» Сергея Климова в книге В.В. Огрызко «Песни афганского похода: Историко-литературное исследование». – М.: Концерн «Литературная Россия», 2000. С.11;

– офицера отряда «Зенит» Владимира Поддубного в статье Елены Зелениной «Суперсолдаты, или 40 минут, способные изменить судьбу государства» (Харьков, «Время». – 2001, 31 июля);

– командира отряда «Зенит» Алексея П. (С. 14-18, 25-29, 42-44), офицера ПГУ КГБ СССР Валентина Братерского (С. 48-49), командира подгруппы «Грома» В.Ф. Карпухина (С. 50), полковника В.Е. Ревского» (С. 53), командира разведывательно-диверсионной группы Валерия Р. (С. 54-55, 56-57) опубликованы в мемуарах Ю.И. Дроздова «Шторм-333», в альманахе «Вымпел». – М., 1999, № 3);

– сотрудника Управления внешней разведки КГБ СССР Валентина Братерского в книге А.А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана» (М.: ГПИ «Искона», 1995.С. 149-150);

– руководителя представительства КГБ СССР в ДРА генерала Л. Богданова в статье Хинштейна А. «Тайны афганской лубянки». – «Московский комсомолец», 2002, 29 марта;

– командира спецгруппы отряда «Зенит» А.Т. Рябилина «Осенью 79-го» в книге В.В. Воронова «ОСНАЗ – войска особого назначения». – М.: Язуз, Эксмо, 2004. С. 114-123;

– командира спецгруппы отряда «Гром» М.М. Романова «Я – из группы антитеррора» в газете «Спецназ России». – № 11 (98) ноябрь 2004 г. С. 2-3;

– Ю.И. Изотова, М.В. Головатова, Ю.И. Дроздова, В. Цветкова, М.М. Романова, С. Голова, В. Емышева, А.К. Полякова, В. Федосеева, П. Климова, В. Карпухина, Э. Козлова, Л. Гуменного, С. Коломийца, В. Гришина, В. Курилова, Я. Семёнова, Н. Берлёва в книге А.А Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана»/2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. С. 235, 244-249, 254, 265-266, 269, 270, 273, 274, 275-277, 278-279, 280-281, 282-284, 285-286, 287, 289-290, 291-292, 292-293, 294, 295, 296, 313, 314

– офицеров Н.В. Берлёва, А.М. Лопанова, П.Ю Климова, В.М. Панкина, Леонида Богданова, Ю.И Изотова, С.Г. Коломийца, М.М. Романова, В.П. Емышева, В.Ф. Карпухина, В.М. Федосеева, С.А. Голова, Д.А. Леденёва, Э.Г. Козлова, В.А. Крючкова, Л.В. Гуменного, С.В. Кувылина, В.П. Гришина в книге Г.Н. Зайцева «"Альфа" – моя судьба». – СПб.: АО «Славия», 2005. С. 87, 93, 105, 113-114, 116-118, 121-123, 125-136, 138-139.

Б) спецназ ГРУ:

– Колесник В.В. «Шторм» в Кабуле. – «Братишка». – 2000, № 5-6. Эта статья с частичными изменениями и дополнениями была продублирована в альбоме «Спецназ» и книге «Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ...». С. 100-115;

– Колесник В.В. «Операция по захвату дворца казалась невысказанной». – В книге: Воронов В.В. ОСНАЗ – войска особого назначения. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 124-130;

– Швеиц О.У. Друг не умирает. – В книге: Батя. Легенда спецназа ГРУ/ Составители: С.В. Баленко, Е.М. Колесник, А.А. Устинов. – М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 188-195;

– Лебедев А. «Мусульманин» с орденом Ленина». – «Братишка». – 1999, № 9. С. 26-29. Эта статья, являющаяся записью воспоминаний Р. Турсункулова, перепечатана в книге «Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ – 2...». С. 107-111;

– Шарипов В.С., Лёгкий П. «Операция «Шторм». – «Армия». – 1999, № 6. С. 48-53. Она же в книге «Козлов С. и др. СПЕЦНАЗ ГРУ – 2...». С. 112-131;

– Р.Т. Турсункулов и В.В. Колесник в книге А.А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана»/2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: ООО ТФ «НОРД», 2004. С. 281, 285, 310, 312, 316.

9. Материалы на правах рукописи

Альбом «Спецназ» (50-летию российских соединений и частей специального назначения Вооружённых Сил Российской Федерации) /Составители С.В. Баленко, А.И. Барт, А.А. Устинов. – М., 2000. – 170 с.

Котенёв А.А. Неоконченная война. – М., 1994.

Отряд специального назначения КГБ СССР «Каскад» («Каскад» – 20 лет) /Под общей редакцией В. Волосука. – Одесса, 2000.

Военно-политические итоги и уроки ведения боевых действий в Афганистане в 1979-1989 годы (Материалы научно-практической конференции, посвящённой 10-летию вывода войск бывшего СССР из Афганистана. 23 декабря 1998 года)/Редактор-составитель И.Д. Медведев. – Полтава, 1999.

Уважаемые читатели!

Ваши прочитана книга ветерана спецназа военной разведки и афганского похода советской армии, члена Союза писателей России Владимира Кошелева «Штурм дворца Х. Амина: версия военного разведчика», выпущенная в свет общими усилиями благотворительного фонда поддержки ветеранов «Офицерское собрание», региональной общественной организации «Союз писателей Подмосковья», Московского объединения организаций ветеранов локальных войн и военных конфликтов, а также Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО». Данное издание, посвящённое первым дням пребывания контингента советских войск в Афганистане, вовсе не является единичным — его выход открывает новую книжную серию, которая будет носить имя «ОФИЦЕРСКОГО СОБРАНИЯ».

И это не случайно, ведь даже краткий исторический экскурс наталкивает на мысль, что русская литература в значительной мере творилась людьми именно военного сословия. В этой связи уместно вспомнить имена генерал-лейтенанта и партизана Дениса Давыдова, поручика кавалерии Михаила Лермонтова, артиллерийского поручика Льва Толстого, штабс-ротмистра Афанасия Фета, штабс-капитана Михаила Зошенко, Героя Советского Союза полковника и войскового разведчика Владимира Карпова, многих других известных поэтов и прозаиков.

У нашего фонда давно установились тёплые отношения с ветеранами спецназа военной разведки. В декабре 2005 года мы совместно провели презентацию книги стихов и музыкального альбома Владимира Кошелева «Мы — военной разведки спецназ», отметили 20-летие со времени создания 411-го отдельного отряда специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР. Кстати сказать, двое командиров этой воинской части (генерал-майор А.Г. Фомин и полковник В.В. Недобежкин), формировавшейся

ещё в Афганистане, со временем были отмечены высшими наградами Родины – Золотыми звёздами Героев России.

На той памятной встрече в культурно-деловом центре «Офицерское собрание» присутствовали руководящие работники администрации президента России, правительства Московской области, Генерального штаба ВС РФ, ветераны 411-го ооСпН военной разведки, приехавшие из разных уголков России, Украины и Белоруссии. Среди них были ранее командовавшие этой частью Иван Крот, Александр Худяков, Виталий Мертвищев, Владимир Недобежкин, заместители командиров Владимир Кошелев, Сергей Князь, Владимир Рыжов, офицеры, прапорщики, сержанты и солдаты данного отряда Владислав Велиев, Вячеслав Дмитриченков, Георгий Иванов, Бахрам Исмаилов, Сергей Кравец, Михаил Красильников, Ясиф Кулиев, Виктор Лавриненко, Иван Стариков, Александр Степаненко, Алексей Щигалев, а также другие товарищи.

Собравшихся тогда ветеранов горячо и сердечно приветствовали главный федеральный инспектор в Московской области Николай Шуба, руководитель спецназа военной разведки генерал-майор Сергей Руссков, Герои России лётчики Николай Гаврилов и Сергей Соколов, депутат Государственной Думы РФ Александр Коржаков, благочинный монастырей Ярославской области отец Сильвестр, заместитель лидера Российского союза ветеранов Афганистана Владимир Костюченко, вице-президент Ассоциации ветеранов спецподразделения «Альфа» Сергей Поляков, секретарь исполкома Международного сообщества писательских союзов Юрий Конопляников, другие государственные и общественные деятели.

В июле 2006 года «Офицерское собрание» приняло активное и деятельное участие в праздновании 30-летия 22-й гвардейской отдельной бригады СпН Северо-Кавказского военного округа, а в октябре – очередной годовщины спецназа военной разведки. В том же году состоялся I-й Международный фестиваль искусств и делового партнёрства «Мы – военной разведки спецназ», широко освещавшийся в печатных и электронных средствах массовой информации. На нём были представлены не только россияне, но и наши гости из Украины, Белоруссии, Казахстана и Молдовы.

В городе Люберцы участники фестиваля возложили цветы к памятнику погибшим в локальных войнах и военных конфликтах. Они выступили на митинге и итоговом концерте,

где прозвучали песни в исполнении народных артистов РФ Валерия Азова и Эдуарда Лабковского, заслуженных артистов России Зинаиды Сазоновой, Светланы Бочковой и Александра Кузнецова, заслуженного деятеля искусств Таджикистана Анвара Халитова, вокально-инструментальных коллективов «ГРУппа СпН», «Славяне», «Альфа», вокалистов Павла Болоянгова, Владимира Бочкарёва, Виктора Верхотурцева, Марины Гуменюк, Василия Денисова, Валерия Ковалёва, Сергея Кузнецова, Вячеслава Куприенко, Владимира Мая, Леонида Мыцака, Александра Мордовина, Александра Соколова и Станислава Юрко.

Интересно отметить, что во время фестиваля состоялось много памятных встреч. Так через тридцать шесть лет в культурно-деловом центре «Офицерское собрание» вновь увиделись сослуживцы по 3-й гвардейской бригаде спецназа военной разведки (ГСВГ) полковник Юрий Старов и старший сержант в отставке Михаил Исаев. На долю первого из них выпало командовать 15-й отдельной бригадой спецназа в Афганистане и быть старшим офицером направления специальной разведки ГРУ Генштаба ВС СССР и РФ. А второго – служить в рядах первого состава отряда спецназа КГБ СССР «Каскад» (ДРА), а в последующем стать заместителем генерального директора танкостроительного завода в Харькове и заслуженным работником промышленности Украины. И это только один пример, а их можно привести множество.

Завершая это небольшое послесловие, хочу пожелать всем ветеранам военной службы и правоохранительных органов, а также членам их семей крепкого здоровья, благополучия, мирного неба над головой, дальнейших успехов во всех начинаниях на благо нашей великой Родины. Вы всегда были и будете самыми дорогими и самыми желанными гостями нашего «Офицерского собрания».

С уважением и до новых встреч,
Председатель правления
Благотворительного фонда
поддержки ветеранов
«Офицерское собрание»

С.Н. Долгов

Контактный телефон КДЦ «Офицерское собрание» – 501-63-66.

Содержание

Слово к читателям	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ:	
Подготовка и проведение операции «Шторм-333» в Кабуле 27 декабря 1979 года: военно-историческое исследование.....	7
«Кем были мы в стране далёкой?..» (Вместо пролога)	9
Раздел I: Основные источники информации	17
1. Несколько слов о том, как начиналась эта книга	19
2. Об этом писали в «художественно-документальной» прозе ...	25
3. Некоторые другие версии штурма дворца Х. Амина	34
4. «Неофициальные» лица из КГБ и ГРУ	43
5. Что пишут о «Шторме» в ближнем зарубежье	52
6. Несколько слов о западных публикациях	62
7. Некоторые другие источники информации	73
Раздел II: Из истории спецназа ГРУ и КГБ	77
1. Что такое диверсионно-разведывательный спецназ?	80
2. Несколько слов из предыстории спецназа ГРУ	89
3. Отдельные роты, отряды, бригады спецназа ГРУ	97
4. Органы управления, подготовка кадров спецназа ГРУ	102
5. Диверсионный спецназ Комитета госбезопасности	113
6. Группа специального назначения «А» КГБ СССР	126
Раздел III: Афганистан не задолго до... ..	133
1. В начале советско-афганских отношений	135
2. Первый советский «спецназ» в Афганистане	140
3. Последующее развитие советско-афганских отношений	146
4. НДПА: внутрипартийные склоки, контакты с КПСС	151
5. Афганистан после свержения монархии	162
6. Саурская революция или военный переворот?	172
7. «Революция пожирает своих детей...»	184
8. Демократическая Республика Афганистан накануне.....	187
9. Хафизулла Амин приходит к единоличной власти	194
Раздел IV: Советский спецназ не задолго до... ..	199
1. «По просьбе афганского правительства...»	201
2. «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ ГШ	207
3. Спецформирование КГБ СССР «Зенит»	224
4. Спецформирование КГБ СССР «Гром»	230
5. Сверим время прибытия	235
6. Первоначальные планы. Прибытие в Кабул. Немного о терминах	247

Раздел V: Ввод ОКСВА и подготовка «Штурма-333»	261
1. Партийные протоколы и записки.	263
2. Ввод советских войск в ДРА.	267
3. Объект «Дуб» общим планом	278
4. Состав сил и средств обороны Тадж-Бека.	284
5. Кто руководил «Штурмом»?	294
6. Приданные и поддерживающие	298
7. Планирование операции «Штурм-333»	306
8. В чём состояла главная цель штурма?	315
9. Во время подготовки к «Штурму»	328
Раздел VI: Начало «Штурма» и объекты второго плана	339
1. Несколько слов об объектах «второго плана»	341
2. Перечень объектов второго плана	350
3. Объект диверсии – «Линии связи»	356
4. Генеральный штаб вооружённых сил ДРА	364
5. Кабульский радио и телевизионный центр	377
6. Министерство внутренних дел ДРА (царандой)	385
Раздел VII: Дворец Тадж-Бек после сигнала «Штурм-333»	393
1. Во дворце Тадж-Бек накануне...	395
2. День «Д», время «Ч». Группа капитана М. Сахатова	400
3. Бой на подступах к Тадж-Беку	409
4. Штурмовые группы спецназа КГБ и «мусбата»	420
5. Бой в здании дворца Тадж-Бек	429
6. Как погиб Хафизулла Амин?	435
7. Сколько длился штурм Тадж-Бека?	443
8. Потери афганской и советской сторон.	449
Раздел VIII: Не спешите ставить точки над «i»	457
1. Боевое столкновение после штурма	459
2. Некоторые персоналии из «Грома» и «Зенита»	467
3. Некоторые персоналии из «мусульманского» батальона	477
4. Награждение и шельмование	483
5. Продолжение следует...	488
Вместо эпилога	493
ЧАСТЬ ВТОРАЯ:	
Быль про то, как Петрович дворец Амина брал (поэма, отрывок из романа в стихах)	499
Библиография.	520
Послесловие С.Н. Долгова.	531

Историко-публицистическое издание

КОШЕЛЕВ
Владимир Михайлович

Штурм дворца Амина:
версия военного разведчика.

Корректурa: Юлия Воробьева
Оформление и верстка: Вячеслав Кулик

Во время визита короля Афганистана Захир Шаха в СССР.
Москва, август 1959 года

Во время визита в Афганистан председателя Верховного
Совета СССР Л.И. Брежнева. Кабул, март 1964 года

Рота почётного караула приветствует президента
Республики Афганистан Мохаммада Дауда

Во время подписания советско-афганского договора
о дружбе и сотрудничестве. Москва, 5 декабря 1978 года

Министр иностранных дел ДРА Х. Амин (справа) и его «друг и учитель» президент Н.М. Тараки (в центре)

Главный военный советник в
ДРА генерал-полковник
С.К. Магометов

Спецпредставитель
КГБ СССР генерал-лейтенант
Б.И. Иванов

Руководитель опергруппы
ВДВ генерал-лейтенант
Н.Н. Гуськов

Командующий 40-й армией
генерал-лейтенант
Ю.В. Тухаринов

На рекогносцировке в Кабуле офицеры 15-й обрСпН
В.А. Турбуланов, Х.Т. Холбаев и С.И. Груздев, август 1979 года

Руководитель операции «Шторм-333», начальник направления спецназа ГРУ ГШ Герой Советского Союза генерал-майор Василий Васильевич Колесник, 1980-е годы

Во время строевого смотра 15-обрСпН (на переднем командир – полковник В.В. Колесник), 1970-е годы

Заместитель руководителя
«Шторма» генерал-майор
Ю.И. Дроздов

Заместитель руководителя
«Шторма» полковник
О.У. Швец

Дворец-крепость Тадж-Бек в Кабуле

Руководитель штурмовых групп КГБ Герой Советского Союза полковник Г.И. Бояринов

Командир «мусульманского» батальона майор Х.Т. Холбаев, 1980-е годы

Командир третьей роты 154-го ооСпН старший лейтенант В.С. Шарипов (справа)

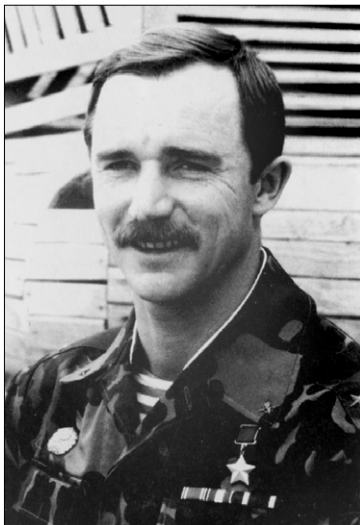

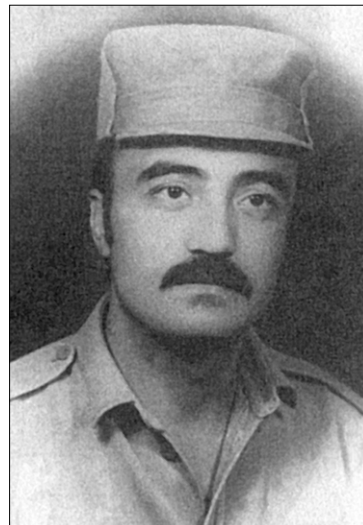
Командир штурмовой группы
«Грома» майор М.М. Романов

Командир штурмовой группы
«Зенита» майор Я.Ф. Семёнов

Герой Советского Союза
В.А. Востротин

Командир группы «мусбата»
лейтенант Р.Т. Турсункулов

Фото солдат и сержантов «мусбата» на память незадолго до отправки в ДРА

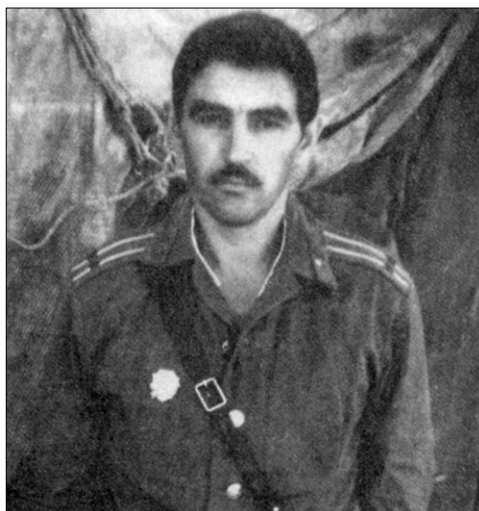
Командир группы 154-го оОспН лейтенант Р.Т. Турсункулов с личным составом, декабрь 1979 года

Бойцы 154-го ооспН спецназа ГРУ Генштаба ВС СССР в Кабуле
за несколько дней до команды «Шторм-333»

Бойцы группы ЗСУ «Шилка» 154-го ооспН в ДРА,
декабрь 1979 года

Командир 350-го гв. пдп гвардии подполковник
Г.И. Шпак в Кабуле

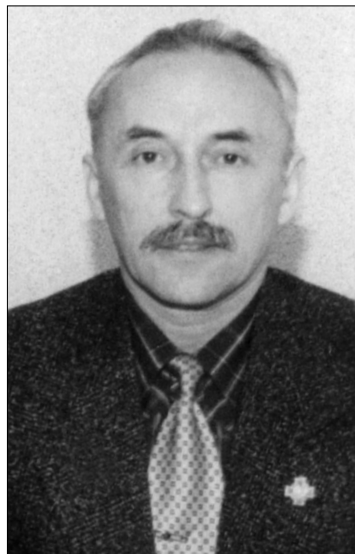
Герой Советского Союза
Э.Г. Козлов

Герой Советского Союза
В.Ф. Карлухин

Полковник медслужбы
В.П. Кузнеценков

Зампотех «мусбата»
Э.Н. Ибрагимов

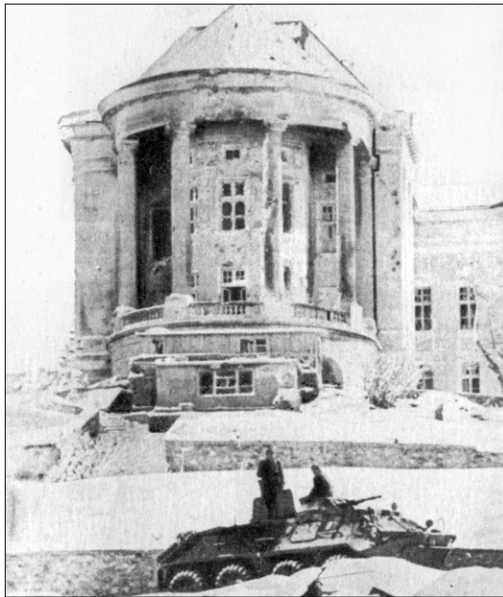
«Шилка» 154-го ооспН и офицеры «Зенита» на фоне дворца
Тадж-Бек, 26 декабря 1979 года

Офицеры «Грома» накануне штурма дворца Х. Амина,
декабрь 1979 года

В апартаментах дворца Х. Амина после проведения операции «Шторм-333»

БТР-60ПБ «мусульманского» батальона на фоне поверженного Тадж-Бека

В общевоинской академии ВС РФ ветераны спецназа ГРУ
О.У. Швец и В.М. Кошелев. Москва, 2000 год

Ветеран «Зенита» В.А. Поддубный выступает на презентации книги
«Мусульманский» батальон спецназа ГРУ». Харьков, 2003 год

М.В. Исаев вручает книгу «Мусульманский» батальон спецназа ГРУ» председателю УСВА С.В. Червонопискому. Киев, 2003 год

В музее войск ОдВО с генерал-лейтенантом Л.Н. Гореловым.
Одесса, 2004 год